

Ц. 2 р. 50 к.

AG 1925
PROLETARIAT ALLER LÄNDER, VEREINIGEN SICH!
Kommunistische Akad.

Subs. Kaira
24/3/25

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

10

1925

ИЗДАВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

* QCB

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА

X

1925

I.—СТАТЬИ.

Преодоление капиталистического овеществления или диалектическая диалектика тов. Лукача ¹⁾.

После двух предыдущих статей остается в сущности сказать немного. Цель всей моей полемики против философского направления тов. Лукача заключалась единственно в том, чтобы вскрыть подлинное ядро этого мнимого усовершенствования марксизма. Мы видели, что точка зрения Лукача, будучи менее всего ортодоксально-марксистской, оказывается непоследовательным идеализмом—неизбежное философское следствие как всех прежних попыток, так и попытки Лукача, исправить марксизм. Это следствие неизбежно, потому что марксизм—материалистическое учение, и всякое отклонение от него должно быть вместе с тем отклонением от материализма, как и отклонение от материализма должно быть отклонением от марксизма. Но так как вне материализма имеется только идеализм, то тот, кто покидает материалистическую точку зрения, неминуемо должен притти—прямо или окольными путями—к идеализму. Что этот рок постиг и нашего тов. Лукача, вопреки его уверениям в противоположном,—это не нуждается в дальнейших доказательствах, а больше, собственно говоря, нечего и доказывать.

Тем не менее, чтобы моя задача могла считаться выполненной до конца, я вынужден все-таки подвергнуть обсуждению еще и «теорию овеществления» нашего автора. Не только потому и даже не главным образом потому, что как раз эта глава его книги появилась в №№ 4, 5 и 6 «Вестника Социалистической Академии» под заглавием «Материализация и пролетарское сознание»,—но в первую голову потому, что эта статья тов. Лукача является средоточием, чтобы не сказать фокусом, его философской теории. Было бы неправильно оставлять без внимания как раз ту часть теории, которую сам автор считает важнейшим, центральным пунктом. Это могло бы создать впечатление, что критика коснулась только второ-

¹⁾ См. „Вестник Комм. Академии“, кн. VIII и IX.

степенных моментов, что Лукач хоть и идеалист в своей критике Энгельса, в своей теории классового сознания и т. д., но что этот его идеализм находит свое «оправдание» в его «теории овеществления».

В самом деле, в названной статье тов. Лукач выступает с притязанием, которое не только заслуживает критической оценки, но и создает то самое впечатление, о котором только что говорилось. Он хочет совершить дело, на котором целые столетия тщетно обламывали себе зубы, он хочет раз навсегда положить конец старому спору между идеализмом и материализмом. Он ставит себе высокую цель: устранить как идеализм, так и материализм, или, вернее, диалектически разрешить тот и другой во что-то третье, высшее.

Если ему это удалось, тогда упрек в эклектицизме отпадает. Тогда мы несправедливы к нему и к его теории. То, что представляется эклектицизмом нашему взору, замутненному старым спором между материализмом и идеализмом—собственно, следовало бы сказать: нашему «овеществленному» взору,—оказывается тогда, наоборот, преодоление этой противоположности и связанных с нею предрассудков, оказывается объединением двух существовавших доселе философских направлений в высшем, диалектическом единстве. Ибо отныне не существует ни идеализма, ни материализма, старый спор окончен, и мы можем поднять новое знамя, знамя...

Правда, нового названия для этой новой точки зрения пока еще не существует. Лукач называет ее старым, всем нам хорошо известным именем «диалектика» и утверждает, что это — «точка зрения пролетариата». Может ли пролетариат с этим согласиться или нет, к этому вопросу я еще вернусь в конце настоящей статьи. Во избежание же недоразумений, я предложил бы там, где в этой статье будет идти речь о диалектике Лукача в ее отличии от диалектики Маркса-Энгельса (а различать эти две диалектики мы имеем очень веские основания), называть диалектику Лукача диалектической диалектикой. Мы увидим, что это название выражает самую суть дела, ибо основным признаком диалектики Лукача является не что иное как—противоречие.

I. Как тов. Лукач „опровергает“ Энгельса и материализм, и как тов. Лукач опровергает тов. Лукача.

Прежде всего, я утверждаю, не подкрепляя пока это утверждение никакими ссылками на книгу Лукача, что его высокий замысел не удался и не мог удался. Более того: я утверждаю, что преодоление материализма могло только снова привести к идеализму. В сущности, мне вовсе нечего и доказывать это мое утверждение: оно слишком явственно доказывается исто-

рией философии, еще более—новейшей марксистской литературой, и разительнее всего—результатами моей критики Лукача. Марксисту нет надобности доказывать, что в философии и поэзии возможны только два лагеря: либо идеализм, либо материализм.

Всякий знает, в чем заключаются эти два направления. Вопрос идет об «отношении между мышлением и бытием», или, выражаясь иначе, об отношении между природой и духом, между объектом и субъектом, и т. д. Всякий знает также, что при решении этого вопроса можно встать либо на точку зрения бытия, природы, объекта—и тогда мы имеем материализм,—либо за первоначальное принять мышление, дух, субъект,—и тогда мы имеем идеализм. Но к одной из этих двух точек зрения необходимо должно свестись всякое решение, ибо ничего третьего нет.

Правда, мы уже были свидетелями того, как искали и даже мнили, что нашли нечто третье. Таким «третьим» были, напр., в последнее время «элементы мира» Авенариуса-Маха. Но всем известно также, чем оказалась эта попытка: реакционно-идеалистической метафизикой. «Третье», «элемент мира» оказался субъектом. в его противоположности объекту.

Общеизвестно также, что к этой махистской «попытке решения» присоединился ряд русских «марксистов» (Богданов и т. д.) и что эти «марксисты» также были увлечены на идеалистическую точку зрения субъекта. Они думали, что обрели единство различных доселе направлений тем, что встали на точку зрения «общества», «общественного опыта», «общественно-организованного, коллективного опыта» и т. д.; и при этом они воображали, что остаются верны духу марксизма. Более того, они требовали даже признания, что они-то и суть «истинные», «подлинные» марксисты, чтобы не сказать: «ортодоксальные марксисты». При ближайшем рассмотрении, однако, их «общество» и т. д. оказалось старым субъектом.

Так вот, наш тов. Лукач есть не что иное, как интернационализированный Богданов. «Интернационализированный» потому, что он не одинок, а тащит за собой целую «школу» из представителей различных стран; пока что она состоит из т. т. Корша, Фогараша, Ревали и т. д. Сколько у него еще неизвестных сторонников, нельзя знать. Задача моей статьи в том собственно и состоит, чтобы вскрыть связь между Лукачем и «богдановщиной».

Читатели не потребуют, чтобы я повторил в плохом воспроизведении то, что уже было сказано Лениным и Плехановым, Аксельрод, Дебориным и т. д., против «эмпирио-критицистов» и «богостроителей». Если мне удастся показать, что Лукач, хотя и в другой философской обстановке, а потому и с другой философской окраской и с другим обоснованием (вместо Авенариуса-Маха—Гегель-Риккерт-Вебер), в сущности, представляет собой разновидность Богданова,—то я буду считать свою задачу выполненной.

Прежде всего мы должны, конечно, удостовериться, что дело действительно обстоит так, как я указал выше. В самом ли деле ставит себе Лукач охарактеризованную мною цель, в самом ли деле хочет он упразднить противоположность материализма и идеализма, мышления и бытия, субъекта и объекта и т. д.?

Да, он этого хочет. Он говорит:

«Лишь в этом последнем случае, когда истина берется «не только как субстанция, но и как субъект»; когда субъект (сознание, мышление) есть одновременно и прародитель и произведение диалектического процесса; когда он, следовательно, движется в им же самим созданным мире, сознательным образом которого он является, и этот мир в то же время противостоит ему в полной объективности, — только тогда может считаться разрешенной проблема диалектики и вместе с тем достигнутым снятие противоположности между субъектом и объектом, мышлением и бытием, свободой и необходимостью, и т. д.» (Стр. 157. В. С. А. № 5, стр. 113. Разрядка в цитатах из книги тов. Лукача всегда моя. Л. Р.).

Значит, это так: Лукач хочет снять противоположность между субъектом и объектом, мышлением и бытием, даже между свободой и необходимостью, и т. д. Его задача «может считаться разрешенной» тогда, когда

1) «истина берется не только как субстанция, но и как субъект». Его субъект-объект есть, следовательно, старый гегельянский субъект. По этому поводу Маркс замечает («Святое семейство», Nachlass, II. 159):

«Обыкновенный смертный не думает, что им сказано нечто необычайное, когда он говорит, что существуют яблоки и груши. Но когда философ выражает эти существования спекулятивным способом, он сказал что-то необычайное. Он совершил чудо, он из недействительной мысленной сущности—из плода вообще—породил действительные вещи: яблоко, грушу и т. д. То-есть, из своего абстрактного рассудка, который он представляет себе вне себя, как какой-то абсолютный субъект,—в данном случае, как плод вообще—он создал вот эти плоды, и всякий раз, когда он высказывает существование, он совершает акт творения.»

«Понятно, что спекулятивный философ осуществляет это постоянное творчество только так, что общезвестные свойства яблока, груши и т. д., наличные в действительном созерцании, он выдает за изобретенные им определения; что тому, что только и может быть создано абстрактным рассудком, т.-е. абстрактным мысленным формулам, он дает названия действительных вещей; что, наконец, свою деятельность, при помощи которой он переходит от представления яблока к представлению груши, он объявляет самодеятельностью абсолютного субъекта, плода вообще.»

«Эта операция на спекулятивном языке называется: понятие субстанции, как субъект... и это понимание составляет подлинный характер гегелевского метода.»

Таким образом, с первого же шага, еще прежде, чем мы узнали, о чем идет речь, мы уже знаем одно: Лукач хочет «взять истину не только как субстанцию, но и как субъект»—и при этом он тут же оказывается пойманным—не мною, а Марксом—«на употреблении спекулятивного языка», на том, что он спекулятивный философ», который думает, что им сказано нечто необычайное, когда вместо того, чтобы сказать просто «яблоко» и т. д., он говорит—«плод вообще!» Который абстрактным мысленным формулам дает названия действительных вещей! Который деятельность своего собственного мышления объявляет самодеятельностью абсолютного субъекта!

Но приведенная фраза Лукача доказывает еще и то, что при выполнении поставленной им себе задачи—снятия противоположности между бытием и мышлением, субъектом и объектом—он дает лишь то, что, согласно сказанному выше, следовало заранее ожидать: не нечто третье, высшее, диалектически объединяет у него эти противоположности, а один из старых, хорошо известных членов антитезы поглощает в себя другой член. И притом не к бытию, не к объекту сводится мышление, субъект, как у материалистов, а как все идеалисты до него, так и тов. Лукач поступает как раз наоборот: мышлению, субъекту он жертвует бытием, объектом.

Ибо поставленная себе Лукачем задача может «считаться разрешенной» тогда, когда

2) «этот субъект (сознание, мышление), есть одновременно и прародитель и произведение диалектического процесса». Итак, субъект приравнивается здесь к сознанию, к мышлению. И это сознание, это мышление—одновременно и прародитель и произведение диалектического процесса. Что же иное утверждал старик Гегель?

Значит, не успели мы сделать и одного единственного шага, как тов. Лукач снова разоблачается перед нами старо-гегельянцем, который ни на минуту не отрекается от «подлинного характера гегелевского метода». И с первого же шага совершенно ясно, как намерен тов. Лукач «снять» противоположность мышления и бытия и т. д.: принесением бытия в жертву мышлению, сознанию, упразднением объекта посредством субъекта (мышления, сознания)!

Марксизм тов. Лукача выражается в дальнейшем в том, что этот субъект (сознание, мышление) в то же время приравнивается к пролетариату.

«Диалектический метод, как метод истории, достался на долю того класса, который в силу условий своей жизни мог в самом

себе открыть тождественный субъект-объект действия. коллективное «я» генезиса: он достался на долю пролетариата». (Стр. 164). В. С. А. № 5, стр. 120).

Итак: «Тождественный субъект-объект действия пролетариат открыт в самом себе». Это значит, другими словами: пролетариат сам есть этот «тождественный субъект-объект действия». Мы получаем, таким образом, следующее уравнение:

Субъект-объект = субъект = сознание, мышление = пролетариат.
То есть: пролетариат = сознание, мышление!

Это в самом деле оригинальное «марксистское» решение проблемы!

При таких условиях возникает вопрос, стоит ли нам вообще сопровождать нашего тов. Лукача на его трудном пути, на котором он приходит к этому разрешению антитезы «материализм—идеализм»? Ведь мы уже знаем, что в конце пути снова встретимся с добрыми, старыми, давно известными идеалистическими «вывертами». Не даром же с самого начала пролетариат,—этот «тождественный субъект-объект действия», это «коллективное я»—приравнивается к мышлению, к сознанию! Но еще более укрепляет нас в наших сомнениях тот способ, каким—столь же оригинально и ново—Лукач убирает с пути материализм, чтобы освободить место для своей (как мы ее назвали) «диалектической диалектики». Ясно, в самом деле, что нужно убрать старый хлам, чтобы получить место для «свободного деяния пролетариата», для «тождественного субъекта действия».

Критика материализма начинается опять-таки с полемики против Энгельса. Это естественно. Почему это так должно быть, я уже показал в моей первой статье, и здесь не буду повторяться. Но теперь эта полемика обнаруживает особые черты. До сих пор Энгельс хоть и подвергался порицанию как диалектик и поверхностный военный теоретик, но все же признавалось, что он со своей точки зрения—правда, ложной и противоречащей марксизму—последовательный мыслитель. По крайней мере, не утверждалось обратное. Теперь же ему предъявляется упрек не только в метафизичности и поверхностности, но и—в непоследовательности. А непоследователен Энгельс потому, что он принял теорию отображения.

На стр. 218 книги Лукача. (В. С. А. № 6, стр. 175), Энгельс критикуется следующим образом:

«Говоря о разногласии, которое отделило Маркса и его от школы Гегеля, он (Энгельс) замечает (Feuerbach, 38—39): «Мы снова стали материалистически рассматривать понятия нашего ума, как отображения действительных вещей, вместо того, чтобы рассматривать действительные вещи, как отображения той или другой ступени абсолютного понятия». Но тут возникает вопрос, и Энгельс не только ставит его, но и сам дает на следующей странице ответ совершенно в нашем смысле: «мир должен быть понят не как комплекс готовых

вещей, а как комплекс процессов». Но раз нет вещей, то что же в мышлении «отображается?».

Итак: на стр. 38 своего «Людвиг Фейербах», Энгельс утверждает: существуют вещи, которые отображаются в нашей голове. А на стр. 39 той же книги он утверждает как раз обратное: вещей не существует, но каждая вещь есть только «комплекс процессов». «Но раз нет вещей,—спрашивает т. Лукач триумфирующим тоном,—то что же в мышлении «отображается?».

Уже Фихте сказал: каков человек, такова его философия. Философия Лукача прямо кишит противоречиями. Некоторые из наиболее вопиющих я уже вскрыл в своих двух предыдущих статьях: с кое-какими другими мы еще встретимся. Даже истории противоречит тов. Лукач, когда этого требует его теория. «Из того, что история на каждом шагу противоречит фикции (т. Лукача), он заключает о существовании противоречия. Но если противоречие и существует, то лишь между его излюбленной идеей и действительным историческим движением». (Маркс: Ниц. Фил., стр. 115). Как философ, который на каждом шагу противоречит себе самым бесцеремонным образом, т. Лукач и у Энгельса чует повсюду противоречия. Во-первых, противоречия с марксизмом вообще, и, во-вторых, противоречия с самим собой.

Однако, при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что не Маркс или Энгельс противоречат себе, а что тов. Лукач—не умеет читать. Вспомним о бесчисленных цитатах из Маркса, которых тов. Лукач не сумел прочесть и поэтому вычитал из них прямо обратное тому, что в них заключалось. То же самое и здесь.

О чем говорит Энгельс на стр. 38 своей книги? Не столько о вещах, сколько о понятиях «нашего ума»: на понятиях, а не на вещах ставится ударение. Он ведь говорит о разногласии, которое отделило его и Маркса от школы Гегеля, и в разногласии с этой школой тут нужно было прежде всего правильно установить происхождение понятий «нашего ума». Энгельс говорит: «наш ум» обладает понятиями, напр., понятиями «яблоко», «груша». Как приходит «наш ум» к этим понятиям? Следующим образом: наши чувства проводят в наш мозг впечатления от внешнего мира, и эти чувственные впечатления перерабатываются умом в понятия. Но наши чувства таковы, что они не в состоянии воспринять процессы, как процессы. Поэтому они воспринимают внешний мир таким, каким он им является. А он является им как внешний мир законченных вещей. С дерева мы, собственно говоря, срываем не яблоко, а «процесс», и когда мы это яблоко кусаем, мы, собственно говоря, кусаем «процесс». Но яблоны не древо познания ветхого завета, и поэтому наша рука, которая срывает, и наши зубы, которые кусают, все же уверены, что имеют дело с яблоком, с вещью, которая является им вещью, и не только является, а—с этой точки зрения—и есть таковая. И вот материалист Энгельс, в про-

себе открыть тождественный субъект-объект действия, коллективное «я» генезиса: он достался на долю пролетариата». (Стр. 164). В. С. А. № 5, стр. 120).

Итак: «Тождественный субъект-объект действия пролетариат открыл в самом себе». Это значит, другими словами: пролетариат сам есть этот «тождественный субъект-объект действия». Мы получаем, таким образом, следующее уравнение:

Субъект-объект = субъект = сознание, мышление = пролетариат.
То-есть: пролетариат = сознание, мышление!

Это в самом деле оригинальное «марксистское» решение проблемы!

При таких условиях возникает вопрос, стоит ли нам вообще сопровождать нашего тов. Лукача на его трудном пути, на котором он приходит к этому разрешению антитезы «материализм—идеализм»? Ведь мы уже знаем, что в конце пути снова встретимся с добрыми, старыми, давно известными идеалистическими «вывертами». Не даром же с самого начала пролетариат,—этот «тождественный субъект-объект действия», это «коллективное я»—приравнивается к мышлению, к сознанию! Но еще более укрепляет нас в наших сомнениях тот способ, каким—столь же оригинально и ново—Лукач убирает с пути материализм, чтобы освободить место для своей (как мы ее назвали) «диалектической диалектики». Ясно, в самом деле, что нужно убрать старый хлам, чтобы получить место для «свободного деяния пролетариата», для «тождественного субъект-объекта действия».

Критика материализма начинается опять-таки с полемики против Энгельса. Это естественно: Почему это так должно быть, я уже показал в моей первой статье, и здесь не буду повторяться. Но теперь эта полемика обнаруживает особые черты. До сих пор Энгельс хоть и подвергался порицанию как диалектик и поверхностный военный теоретик, но все же признавалось, что он со своей точки зрения—правда, ложной и противоречащей марксизму—последовательный мыслитель. По крайней мере, не утверждалось обратное. Теперь же ему пред'является упрек не только в метафизичности и поверхностности, но и—в непоследовательности. А непоследователен Энгельс потому, что он принял теорию отображения.

На стр. 218 книги Лукача, (В. С. А. № 6, стр. 175), Энгельс критикуется следующим образом:

«Говоря о разногласии, которое отделило Маркса и его от школы Гегеля, он (Энгельс) замечает (Feuerbach, 38—39): «Мы снова стали материалистически рассматривать понятия нашего ума, как отображения действительных вещей, вместо того, чтобы рассматривать действительные вещи, как отображения той или другой ступени абсолютного понятия». Но тут возникает вопрос, и Энгельс не только ставит его, но и сам дает на следующей странице ответ совершенно в нашем смысле: «мир должен быть понят не как комплекс готовых

вещей, а как комплекс процессов». Но раз нет вещей, то что же в мышлении «отображается?»».

Итак: на стр. 38 своего «Людвиг Фейербах», Энгельс утверждает: существуют вещи, которые отображаются в нашей голове. А на стр. 39 той же книги он утверждает как раз обратное: вещей не существует, но каждая вещь есть только «комплекс процессов». «Но раз нет вещей,—спрашивает т. Лукач триумфирующим тоном,—то что же в мышлении «отображается?»».

Уже Фихте сказал: каков человек, такова его философия. Философия Лукача прямо кипит противоречиями. Некоторые из наиболее вопиющих я уже вскрыл в своих двух предыдущих статьях: с кое-какими другими мы еще встретимся. Даже истории противоречит тов. Лукач, когда этого требует его теория. «Из того, что история на каждом шагу противоречит фикции (т. Лукача), он заключает о существовании противоречия. Но если противоречие и существует, то лишь между его излюбленной идеей и действительным историческим движением». (Маркс: Ниц. Фил., стр. 115). Как философ, который на каждом шагу противоречит себе самым бесцеремонным образом, т. Лукач и у Энгельса чует повсюду противоречия. Во-первых, противоречия с марксизмом вообще, и, во-вторых, противоречия с самим собой.

Однако, при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что не Маркс или Энгельс противоречат себе, а что тов. Лукач—не умеет читать. Вспомним о бесчисленных цитатах из Маркса, которых тов. Лукач не сумел прочесть и поэтому вычитал из них прямо обратное тому, что в них заключалось. То же самое и здесь.

О чем говорит Энгельс на стр. 38 своей книги? Не столько о вещах, сколько о понятиях «нашего ума»: на понятиях, а не на вещах ставится ударение. Он ведь говорит о разногласии, которое отделило его и Маркса от школы Гегеля, и в разногласии с этой школой тут нужно было прежде всего правильно установить происхождение понятий «нашего ума». Энгельс говорит: «наш ум» обладает понятиями, напр., понятиями «яблоко», «груша». Как приходит «наш ум» к этим понятиям? Следующим образом: наши чувства проводят в наш мозг впечатления от внешнего мира, и эти чувственные впечатления перерабатываются умом в понятия. Но наши чувства таковы, что они не в состоянии воспринять процессы, как процессы. Поэтому они воспринимают внешний мир таким, каким он им является. А он является им как внешний мир законченных вещей. С дерева мы, собственно говоря, срываем не яблоко, а «процесс», и когда мы это яблоко кусаем, мы, собственно говоря, кусаем «процесс». Но яблоня не древо познания ветхого завета, и поэтому наша рука, которая срывает, и наши зубы, которые кусают, все же уверены, что имеют дело с яблоком, с вещью, которая является им вещью, и не только является, а—с этой точки зрения—и есть таковая. И вот материалист Энгельс, в про-

гиволожность Гегелю, принимает, что наши понятия суть отображения не процессов, а вещей. И он прав! Ибо наши понятия исправляются лишь позже, в результате научного познания. Но понятия, образовавшиеся первоначально на основе чувственных впечатлений, этим познанием отнюдь не вытесняются. В этом тов. Лукач сможет убедиться сам, когда пойдет на рынок за яблоками. Он потребует себе — не процессов, если не захочет остаться голодным. И когда он начнет есть купленные яблоки, он будет просто утолять свой голод, а не думать о том, что это в сущности один процесс (именно философ Лукач) вызывает в другом процессе (именно в яблоке) третий процесс (процесс поедания).

Позднее, «наша голова» производит не только эти «сырые» понятия, но и науку, напр., физику, химию, философию. И тогда та же самая голова узнает, что мир «в сущности должен быть понят не как комплекс готовых вещей, а как комплекс процессов, в котором мнимо устойчивые вещи, равно как и мысленные их отображения, в нашей голове, понятия, подвергаются непрерывному изменению: то возникают, то уничтожаются». Это утверждает Энгельсом на стр. 39, — только я не обрывал цитату там, где ее обрывает тов. Лукач¹⁾. А если ее не обрывать, если процитировать всю мысль Энгельса полностью, то тотчас же становится ясно, что Энгельс не противоречит себе. На стр. 38 Энгельс просто принимает видимые вещи, потому что наш ум их тоже принимает, потому что наш ум образует свои понятия не на основе позже приобретенного им научного понимания, а на основе сообщаемого чувствами видимого строения внешнего мира, потому, что он отображает внешний мир так, как он является²⁾.

На странице же 39 это мнимое обстояние вещей подвергается исправлению. Не только вещи, — говорится там, — но и самые наши понятия представляют собою «комплекс процессов». Однако, это исправление, которое тоже производится нашей головой, не устраняет ни той видимости, будто мир состоит из вещей, ни наших понятий о вещах (Dingbegriffe), ни того факта, что наши поня-

1) Тов. Лукач пишет (стр. 8): „Всякое цитирование есть вместе с тем интерпретация“. Он прав: уже не раз он обрывал цитаты из Маркса и Энгельса там, где они начинали приобретать неприятный для него характер. По его собственному замечанию, он этим интерпретирует самого себя!

2) Совершенно в том же смысле, как здесь Энгельс, „противоречит“ себе и Маркс. Он то и дело говорит о вещах, хотя он знал „совершенно в нашем смысле“, что вещи суть комплексы процессов. Приведем, напр., следующее место:

„Так, световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается ее как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаза. Но при зрительных восприятиях свет действительно отбрасывается одной вещью, внешним предметом, на другую вещь, глаз. Это — физическое отношение между физическими вещами“ (Кантат, I, стр. 33, Из-во „Продетарий“ перевод Базарова и Степанова).

И вдобавок Маркс был еще сторонником теории отображения.

тия являются отображениями этих видимых вещей. Где тут противоречие?

Если поэтому тов. Лукач спрашивает: «но раз нет вещей, то что же в мышлении «отображается»?» — то он мог бы, нет — он должен был бы также спросить: где эти «понятия», о которых говорит Энгельс и о которых он на следующей странице своей книги точно так же утверждает, что они представляют собою комплексы процессов?

Как идеалист, тов. Лукач об этом не спрашивает. Понятия — то он перенимает у Энгельса на веру, хотя — с точки зрения Лукача — Энгельс впадает здесь в такое же точно «противоречие». Но всякий человек с неповрежденными чувствами и со здравой головой, которая эти чувства приводит в связь, ответит на вопрос тов. Лукача без всякого труда: «эти вещи, которые не существуют, они — то и отображаются». И никто не найдет тут никакого противоречия, разве только спекулятивный философ.

Итак, ни наша голова, ни Энгельс не противоречат себе, принимая, что существуют вещи, которые отображаются, и принимая в то же время, что эти вещи суть процессы. На самом же деле противоречит себе опять-таки, конечно, сам тов. Лукач. Он говорит:

«Было бы, правда, недоразумением толковать теорию познания Канта, как скептицизм, или агностицизм». (Стр. 219. В. С. А. № 6, стр. 176).

Этот взгляд тов. Лукача нам уже известен из моей первой статьи, и там же я установил, что этот направленный против Энгельса взгляд ошибочен, и что Энгельс совершенно прав, когда «толкует» Канта как скептика, как агностика. В сущности я мог бы и не трудиться над установлением этого. Лукач сам опровергает себя в следующей же фразе, и говорит почти буквально то же, что говорил против Канта Энгельс и против чего Лукач приходил в такое негодование:

«Один из корней этого недоразумения лежит, однако, в самом учении — правда, не непосредственно в логике, но зато в отношении мышления к бытию... Он (Кант) оказывается в таком философском положении, что и его мыслимые предметы должны совпадать с какой-нибудь «действительностью». Но эта действительность — как вещь в себе — ставится за пределы «критически» познаваемого. По отношению к этой действительности (которая, как утверждает его этикой, есть подлинная метафизическая действительность), его позиция остается скептицизмом и агностицизмом, сколь бы далека от скептицизма ни была его теоретико-познавательная объективность, его учение об имманентной мышлению истине». (Там же).

Приходится вместе с Пилатом спросить: что есть истина? Или в нашем случае: что есть агностицизм и скептицизм? Лукач обеспечивает себе легкую победу, опровергая то, чего еще никто не

утверждал. Он ломится в открытую дверь. Он уверяет нас, что по отношению к неподлинной действительности, т.е. к миру явлений. Кант «непосредственно» не был скептиком и агностиком. Он был скептиком «только» «по отношению к действительности», эта «действительность» ставится им вне пределов познаваемого». И при этом еще признается, что для Канта эта познаваемая действительность была «подлинной, метафизической действительностью». Да, но что же иное утверждали Энгельс, Плеханов, Ленин и т. д.? Разве агностицизм и скептицизм существуют как-нибудь иначе, чем «по отношению к действительности»? Что иное может отрицать или в чем ином может сомневаться агностик или скептик, как не в «познаваемости действительности»? К чему еще может он скептически относиться, кроме как к действительности? Почему Вы, например, тов. Лукач,—скептик и агностик? Потому, что Вы, как мы сейчас увидим, сомневаетесь в независимом от всяких живых существ бытии внешнего мира. От Беркли до Маха еще никто из этих господ не сомневался в мышлении, в нем-то не сомневаетесь и Вы, тов. Лукач.

Но если, как это утверждали Энгельс и за ним все выдающиеся марксисты, «по отношению к этой действительности позиция Канта остается скептицизмом и агностицизмом», то почему же все-таки «недоразумение» — «толковать» Канта, как скептика, как агностика? Это не «толкование», он действительно таков. Утверждение Лукача, что Кант в своей теории познания не был «непосредственно» агностиком,—пустая увертка, которая ничего бы не доказывала и была бы скучным педантизмом даже в том случае, если бы самое утверждение было правильно. (Ибо никто еще не утверждал, что Кант сомневается в познаваемости мира явлений). Но это утверждение даже и неправильно. Ибо теория познания Канта опирается на его метафизику, без этой последней она просто непонятна.

В самом деле, Кант принимал, что мир не таков, каким он нам «является». «В себе» он совсем другой. Но какой именно, неизвестно, ибо мы познаем мир не «в себе», а только таким, каким он нам «является». Лишь обосновав эту «метафизику», Кант переходит к анализу мира «явлений», и тут он утверждает, что этот мир, мир явлений, познаваем. Но эта вторая часть его учения неотделима от первой, от его «метафизики», — как это сразу же выясняется из того обстоятельства, что было бы просто бессмысленно утверждать, что познаваем только мир явлений, если бы одновременно с этим не утверждалось существование чего-то другого, непознаваемого, — именно мира «в себе».

Теория познания Канта, имеет, таким образом, своей предпосылкой метафизику Канта. Вообще: что такое теория познания? Что она такое, как не обсуждение отношения мышления к бытию? Как не учение о происхождении и значимости наших понятий, нашего познания? Послушаем самого Канта: «Такая

наука, которая определяла бы происхождение, объем и значимость таких (т.е. априорных) познаний, должна была бы называться трансцендентальной логикой». (Критика чистого разума, стр. 81, изд. «Реклама»). Тов. Лукач, повидимому, не знает историю философии, ибо он не знает, что называется агностицизмом и скептицизмом, и, повидимому, он не знает также, что такое теория познания. Это печально для человека, который философствует и критикует Энгельса и материализм, но, к сожалению, это — правда.

Тов. Лукач поступает, как некоторые «остроумные» социал-демократы, которые принимают диктатуру пролетариата «только» тогда, когда она вводит буржуазную демократию, хотя понятие диктатуры пролетариата как раз буржуазную-то демократию и исключает. В понятии агностицизма заключается как раз отрицание возможности познать действительность «в себе». Но тов. Лукач не признает Канта агностиком, именно потому, что тот отрицает «только» познаваемость «подлинной» действительности.

«Не случайно поэтому, — продолжает тов. Лукач, — что к Канту примкнули самые различные агностические направления». (Там же).

Разумеется это не случайно, тов. Лукач. Но не случайно и то, что Вы то и дело открываете противоречия у Маркса и Энгельса, хотя только Вы сами и противоречите себе все время. Этими противоречиями кишит Ваша книга. Ваша книга включает в себе 341 страницу, значит в ней содержится, по меньшей мере, 341 противоречие, ибо на каждой странице имеется по крайней мере одно. Но так как заниматься раскрытием всех 341 не стоит труда, то мне придется просто попросить читателя не слишком обращать на них внимание, когда они будут нам встречаться.

В дальнейшем «теория отображения» критикуется тов. Лукачем уже не только в полемике против Энгельса, но и «принципиально». Как известно, теория отображения является не личным взглядом Энгельса, а составляет существенный пункт всякого материалистического учения. Эта теория утверждает лишь, что действительность, бытие, вещи являются причиной наших понятий. Эти последние только образы, отображения вне нас находящегося мира. Как происходит это «отображение» — которое само есть процесс, — это не философский, а естественно-научный вопрос, ибо процесс отображения сам является естественным процессом. Эта сторона вопроса относится, следовательно, к области физиологии и психологии¹⁾. Она решается — а, может быть, пока еще и не решается — там, а не в философии. В пределах самой философии принимается только по философским основаниям, что наши понятия воз-

1) См. об этом у Фрейда, „Totem und Tabu“, стр. 87, где вскрывается часть механизма отображения, хотя и лишь в предварительной формулировке и не строго материалистически. Для нас тут важно то, что современная психология признает теорию отображения, и не будучи сама строго выдержанным материалистическим учением.

никают в нашем мозгу путем отображения внешнего мира. Вот этот именно факт и опаривает тов. Лукач. Он хочет его опровергнуть. Посмотрим, что нового прибавляет он к возражениям, выставленным до сих пор идеалистами против этой теории.

Первое возражение: внешнего мира, собственно говоря, не существует. «Что же в таком случае отображается?».

«Для индивидуума неустранимой остается вещьность и вместе с ней детерминизм (детерминизм есть логически необходимая связь вещей)... Вопрос о внешнем мире и тем самым структура внешнего мира (вещей) опирается *wird getragen* на категорию эмпирического «я», для которого (психологически, физиологически и т. д.) законы вещного детерминизма имеют такую же силу (*gelten*), как и для внешнего мира в более узком смысле» (стр. 211. В. С. А. № 6, стр. 167).

Мы оставим пока в стороне отношение тов. Лукача к естественным наукам (его «вещным детерминизмом» мы еще займемся ниже). Здесь мы ограничимся установлением следующего факта: первое возражение тов. Лукача против материализма вовсе не ново. Что внешний мир не существует, вернее, что вопрос о внешнем мире есть иллюзия эмпирического «я» (т. е. живых людей), это и прежде утверждали идеалисты и скептики. В наши дни, после бесчисленного ряда материалистических и марксистских писателей, которые писали об этом предмете в течение веков и которым приведенное возражение преподносилось всякий раз сызнова, опровергать теперь это возражение было бы просто смешно. Тов. Лукач, повидимому, не знает философскую литературу материализма, в которой это возражение опровергалось тысячу раз. Пусть он прочтет ее наконец. Тогда можно будет потолковать еще раз на эту тему.

Но что я во всяком случае хотел бы подчеркнуть в этой связи, так это два следующих пункта:

1. Перед нами агностицизм и скептицизм. Более осознательным он уже не может быть.

2. Перед нами вполне определенный вид агностицизма и скептицизма. Очень хорошо известный вид. Он называется берклянством. Что же иное утверждал епископ Беркли, уже двести с лишком лет тому назад, как не то, что внешний мир (и вместе с ним структура внешнего мира, вещей) «опирается (*wird getragen*) на категорию эмпирического «я»? Эмпирический субъект, индивидуум, только допускает, что существует внешний мир. Это только его допущение, будто структура внешнего мира, вещей, соответствует «законам вещного детерминизма». Вишу за эту иллюзию несут органы чувств человека. Так говорит Беркли. Та же самая мысль содержится в словах Лукача: «Вопрос о внешнем мире и т. д., опирается на категорию эмпирического я, для которого (психологически, физиологически и т. д.) имеют силу законы вещного детерминизма».

Если бы, стало быть, не существовало психологических, физиологических и т. д. свойств человека (т. е., по Беркли, у которого не было причин не выражаться с грубоватой откровенностью, — чувств), то не существовал бы и «вопрос о внешнем мире и его структуре». Это грубо-субъективистическое учение было, однако, опровергнуто уже стариком Кантом (не Марксом!), и сомнения Беркли в существовании внешнего мира были им названы «скандалом философии».

Читатель наверно заметил, что я называл тов. Лукача то старо-гегельянцем, то неокантианцем, то идеалистом и в то же время агностиком, то мистиком. А теперь вот я его называю даже берклянцем. Но ведь эти характеристики противоречат друг другу, скажет всякий. Старо-гегельянец обычно не бывает агностиком, еще реже бывает он в то же время и неокантианцем; скептик не мистик и т. д. Мне очень жаль, но все мои утверждения я доказал ссылками на собственные слова Лукача. Не я приписываю тов. Лукачу противоречивые, взаимно-исключающие определения: он сам исполнен противоречий, он сам опирается вперемешку на все самые противоположные буржуазные философские направления, не примиряя их между собой. Этим он только осуществляет свое право, которое по Ленину заключается в следующем: «Итти за каким угодно идейным реакционером — святое право всякого гражданина и в особенности всякого интеллигента». (Материализм и эмпириокритицизм. Собр. сочинений, X, стр. 169).

Теперь я открою, как тов. Лукач думает преодолеть эту иллюзию «эмпирического я», — вернее сказать, с чьей помощью он думает выполнить это мудреное дело: с помощью пролетариата, посредством «свободного деяния пролетариата». Тут он не берклянец и не ортодоксальный гегельянец, а... «ортодоксальный марксист». Если это — ортодоксальный марксизм, если субъективный идеализм, солипсизм и марксизм равнозначны, тогда, конечно, так. Но тогда мы должны воскликнуть, парافразируя Канта: это уже не скандал философии, а скандал марксизма!

Второе возражение: теория отображения и вместе с нею весь материализм есть метафизика, мифология.

«Ибо как раз убеждение в принципиальной невозможности совпадения, отношения «отображенности» между двумя принципиально разнородными предметными формами и составляет движущий мотив всякого воззрения, аналогичного теории идей... Тут-то и появляется на сцену метафизика, чтобы явными или скрытыми мифологическими средствами кое-как связать мышление и бытие, раздельность которых не только составляет исходный пункт «чистого» мышления, но и все время удерживается им, хочет ли оно того или нет. И положение дела не меняется несколько, когда вместо одной мифоло-

гии берут другую, противоположную и пытаются объяснить мышление из эмпирически-материального бытия (!). Риккерт назвал однажды материализм платонизмом с обратным знаком. И он прав. Ибо пока мышление и бытие продолжают оставаться в своем старом неразрешенном противостоянии, пока они сохраняют неизменно свою собственную структуру и структуру своих взаимных отношений, до тех пор учение о том, что мышление есть продукт мозга и поэтому совпадает с эмпирическими предметами, несколько не менее мифологично, чем учение об анамнезисе (припоминании) и мире идей. (Стр. 220—221. В. С. А. № 6, стр. 177).

И это возражение тоже не ново. Что материализм есть метафизика, мифология, опять-таки, утверждали все идеалисты. Лукач сам заимствует свой аргумент у... Риккерта. Впрочем, во всей его аргументации нет вообще ни одного слова, который не был бы просто перенят из идейного арсенала идеализма. Материя и мышление—«принципиально разнородные предметные формы», т. е. на простом человеческом языке, они коренным образом отличаются друг от друга и поэтому не могут быть сведены друг к другу; следовательно, мышление не «может быть объяснено из эмпирически-материального бытия»; называть мышление продуктом мозга и на этом основании допускать «совпадение мышления с предметами опыта», это—мифология;—все эти, и тому подобные возражения давно нам известны из идеалистического лагеря, они тысячу раз опровергались материалистами, в последний раз Лениным и Плехановым. Я отнюдь не собираюсь повторять аргументы этих тысячи материалистов, слишком хорошо известные всякому учащемуся любой партшколы. Тем удивительнее, однако, что тов. Лукач вообще не считается с этими аргументами. Он их игнорирует. И этот прием известен нам из идеалистического лагеря. Там материалистические аргументы замалчиваются,—потому что идеализм уже при своем зарождении был реакционным учением (см. Ланге, История материализма, стр. 69, изд. Реклама) и остается таковым до сих пор, т. е. в течение двух с половиной тысячелетий с лишним.¹⁾ Интересы реакционных классов каждой данной эпохи заставляют идеалистов вести борьбу против материализма нечистыми, нечестными средствами. Но что сказать, если и тов. Лукач тоже совершенно игнорирует всю материалистическую литературу и при этом еще называет себя

¹⁾ Один из учеников тов. Лукача, А. Фогараш, написал когда-то статью под заглавием: „Реакционное ли учение идеализма?“ В этой статье он хотел доказать, что идеализм, бывший тогда его открытой точкой зрения, не реакционное учение. С тех пор он, быть может, научился лучше понимать сущность идеализма. Но в таком случае... пусть он и пусть все они сделают надлежащие выводы.

«ортодоксальным марксистом»? Судить об этом представляю читателю.

Сам же я поставлю по этому поводу только один вопрос:

Предположим, что все возражения тов. Лукача, не только вполне новы и оригинальны, представляют собою нечто небывалое, еще никем не сказанное; предположим, что они кроме того и состоятельны, что они окончательно, навсегда, сокрушают несчастный материализм,—все же остается один маленький факт, которого никак не уничтожишь. А именно тот, что Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин—словом, все истинные марксисты—были как раз сторонниками философского материализма. Все они утверждали: существует внешний мир, независимый от «физиологических и психологических свойств эмпирического я», вообще независимый от всего человечества, состоит ли оно из эмпирических индивидов, или из ангелов, или же из классов. Все они утверждали, что материя и мышление не различаются друг от друга принципиально, но что существует только материя, и что мышление есть свойство, функция, продукт материи,—или еще определеннее—мозга (и не одного только человеческого мозга, потому что животное тоже мыслит). Дело не в формуле (тут вульгарный материализм может сильно заблуждаться и действительно заблуждался), а в утверждении, что материя и мышление не суть нечто принципиально непримиримое, несводимое друг к другу. Все названные материалисты утверждали, что мышление должно быть объяснено «из эмпирически-материального бытия». Все они, следовательно, утверждали прямо обратное тому, что утверждает тов. Лукач; все эти марксисты были приверженцами материалистической мифологии и метафизики.

Но если это так—а никому, кто хотя бы поверхностно знаком с сочинениями Маркса и названных марксистов, нет нужды доказывать это особыми цитатами,—то как же может тов. Лукач называть себя, в таком случае, марксистом? Не говорю уже о том, что он называет себя «ортодоксальным марксистом». Он может называть себя, как хочет: он может быть неогегельянцем, неокантианцем, необеркляйцем, риккертанцем, макс-веберянцем, макс-адлерянцем, или кем ему угодно, но марксистом он не может быть. Ибо, как сказал уже Плеханов: «Кто не материалист, тот и не марксист»¹⁾.

Тов. Лукач скажет, что его возражения направлены только против «буржуазного», «вульгарного» материализма. Но я спрошу любого читателя, проследившего вместе со мной критику материализма тов. Лукачем: состоит ли этот ответ? Был ли Энгельс тоже «буржуазным» или «вульгарным» материалистом? Входит ли теория отображения составной частью только в буржуазный, вульгарный материализм? Допущение внешнего мира.

¹⁾ Об этом я говорю подробнее в третьей главе настоящей статьи.

независимого по своему бытию и свойствам от физиологических и психологических свойств индивидуума, есть ли только допущение «буржуазного», «вульгарного» материализма, или оно входит также существенной составной частью и в марксистский, диалектический материализм? Что мышление и материя не отличны друг от друга принципиально.—не утверждается ли это в такой же мере и марксистским материализмом, как материализмом «буржуазным», «вульгарным»? Что мышление есть продукт материи, мозга,—говорит ли об этом диалектический материализм что-нибудь принципиально иное, чем буржуазный, не согласны ли в этом принципиальном пункте, Энгельс и Маркс, Ленин и Плеханов-не только друг с другом, но и с Гельвцием, Гольбахом, Дидро и т. д.? Нет, тов. Лукач. Ваша полемика направлена против буржуазного столько же, сколько и против современного, марксистского, против Гольбаха и т. д. столько же, сколько против Маркса, Энгельса, Ленина и Плеханова.

Не в этих вопросах лежит различие между старым и новым материализмом, и это знает всякий младенец (философский). Старый материализм был метафизичен; но не потому, что он принимал теорию отображения, а потому, что он останавливается на ней и брал вещи так, как они первоначально являются нашему уму: некритично, неподвижно, метафизично, недialectично. При этом он опирался на механику своего времени. Новый материализм берет вещи в их текучести, диалектично,—как процессы. И опять-таки в согласии с современным естествознанием. Да и хотел бы я видеть материализм (пусть даже сто раз диалектический), который посмел бы встать в оппозицию к естественным наукам. Но таков именно, как мы уже видели и еще увидим. Ваш материализм, тов. Лукач, Вы говорите о «детерминизме», как об иллюзии индивидуума. Вы ясно высказываете, что Ваша полемика направляется против естественно-научного материализма. Но другого философского материализма, кроме естественно-научного, не существует. (Об историческом материализме, о котором разумеется, здесь не идет речь, я потолкую ниже). Маркс, Энгельс, Ленин, Плеханов и т. д., мы все, марксисты,—сторонники естественно-научного материализма.

Это не нуждается в доказательствах. Тем более, что Вы сами это знаете, тов. Лукач, и даже прямо доказываете, что Вам это отлично известно. Вы сами цитируете слова Энгельса, в которых утверждается это самое, и Вы полемизируете именно против него. А затем Вы прибавляете к Вашей полемике против материализма следующее примечание:

«Если здесь отвергается метафизическое значение буржуазного материализма, то этим, отнюдь, не умалена его историческая ценность: он был идеологической формой буржуазной револю-

ции, и, как таковая, остается практически актуальным до тех пор, пока остается актуальной буржуазная революция (хотя бы как момент пролетарской). См. об этом... главным образом исчерпывающую статью Ленина: «Под знаменем марксизма», Коммунистический Интернационал, 1922, № 21».

Итак: материализм, правда, неистинная, ложная метафизика, но эта метафизика есть «идеологическая форма» буржуазной революции. Это утверждал уже Богданов и получил за это заслуженную отповедь от Плеханова, который показал, что именно материализм приводит к социализму, а его отрицание уводит прочь от социализма. (См. также Маркс «Heftige Familie», Nachlass, II, 238—9). Но Вы идете дальше, чем Богданов; Вы говорите, что материализм остается практически актуальным и теперь, в эпоху пролетарской революции, хотя он и был только идеологической формой буржуазной революции. Стало быть, пролетариат, от сознания которого Вы ждете спасения человечества, борется (хотя бы лишь до поры до времени) под флагом буржуазного материализма, буржуазной идеологии, т. е. под фальшивым флагом. Его идеологией является ложная теория. И такова идеология именно революционного авангарда пролетариата. Этого, однако, Ленин в цитируемой Вами статье не пишет. Он пишет как раз обратное. Он пишет, что старый французский материализм есть наилучшее оружие в руках пролетариата, несмотря на то, что при современном состоянии философии и естествознания многие из его аргументов потеряли свою силу. Но таким оружием он является, по Ленину, не вопреки своей ложности, а потому, что несмотря на некоторые устаревшие аргументы, он в принципе правилен¹⁾. В этой статье (как и во всех своих трудах) Ленин признает себя без оговорок приверженцем естественно-научного материализма, который Вы, тов. Лукач, «отвергаете», как метафизику. Этим Вы отвергаете, называете метафизикой и мифологией: как раз идеологию революционного авангарда пролетариата. Но почему Вы в таком случае ссылаетесь на Ленина?

1) Так, тов. Зиновьев пишет в своей «Истории Российской Коммунистической партии» (стр. 22): «Мы изучаем историю Великой Французской революции, мы побуждаем нашу молодежь учиться на примерах материалистов того времени. И к слову сказать, каждый интересующийся философией, может научиться у любого крупного материалиста эпохи Великой Французской революции гораздо большему, чем у некоторых новоизобретенных «марксистов»-ревизионистов. Но этой именно причине наша партия считает безусловно необходимым переиздание, прежде всего, классиков материализма, потому что каждый из нас извлечет из них больше пользы, чем из преподносимых нам скороспелых «теорий», иногда внешне благодетельных, но вичего общего с марксизмом не имеющих. (Подчеркнуто мной. Я. Р.)»

Из этой ссылки видно, однако, что все это Вам хорошо известно. Вам известно, что Ленин был приверженцем «отвергаемого» Вами, «метафизического» материализма. Вам известно также, что его приверженцами были Маркс, Энгельс, Плеханов и все марксисты, ибо Ленин не является, конечно, исключением среди марксистов. Как раз наоборот, те, кто не признают материализма, те — не марксисты.

2. Тов. Лукач и Богданов.

Да и как может наш автор относиться отрицательно к естественно-научному материализму, когда он к точному естественно-научному вообще тоже относится совершенно отрицательно. Слово «точный», в применении к естественным наукам, он всегда без исключения берет в кавычки. Этим тов. Лукач не то хочет отметить, что эта точность лишь приблизительная, что это — процесс, который, несмотря на все большее приближение к цели, все же всегда несколько отстает от нее. Нет, кавычки означают у него, что эта «точность» — заблуждение, иллюзия, и тем более обманчивая, чем полнее достигается точность. Точность возможна лишь тогда, когда мы признаем закономерный мир, причинный детерминизм, которому подчинены все без исключения явления мира, — признаем вечное сцепление причин и следствий, которое мы познаем и, познав, можем использовать для себя, поставить на службу нашим целям (тоже причинно возникшим), но которого мы ни в коем случае не можем устранить. В этом состоит учение о причинном детерминизме, — и этот причинный детерминизм, вместе с математикой и естествознанием, тов. Лукач отрицает самым решительным образом. Все это иллюзия, продукт овеществления капиталистического общества — и ничего более. Мы уже слышали (стр. 14), что «для индивидуума вещь и с нею детерминизм остаются неустраиваемыми», ибо «детерминизм есть логически необходимая связь вещей»¹⁾. Мы слышали также (и это есть лишь логический вывод из такого взгляда), что «законы вещного детерминизма» имеют силу только для «эмпирического я».

Отсюда следует, во-первых, что помимо «эмпирического я», должно существовать еще нечто другое, что этой иллюзии неподвластно, для чего вещный детерминизм не имеет силы, не является «логически необходимой связью вещей». Во-вторых, для этого «нечто» вещи и их связь по законам «вещного детерминизма», т. е., по закону причинности, не являются «логической необходимостью», это «нечто» познает вещи (или, вернее, не вещи, а то, что принимается за таковые эмпирическим я, что является ему в образе

¹⁾ Этим Лукач хочет сказать: если бы у нас не было «иллюзий», что существуют вещи, то у нас не было бы также и «иллюзий», что эти вещи причинно связаны между собой.

вещей, в силу свойств его «эмпирического сознания»), это «нечто» познает «вещи» так, как они существуют, в себе. И в-третьих, отсюда следует, что «вещи в себе» и вещи, как они нам являются, суть два различных мира.

Вот это нечто, которое, сменив собою эмпирическое я, будет познавать мир без остатка, и есть пролетариат. Для него «вещный детерминизм с его законами» должен потерять силу. Для него не существует «логически необходимой связи вещей». Пролетариат познает вещи, как они существуют, а не так, как они являются. Мир, в котором существуют «вещи», заставляющие его «казаться» подчиненным законам «вещного детерминизма», этот мир есть овеществленный капитализм, капиталистическое овеществление. — а иной мир, в котором эти вещи и с ними «вещный детерминизм» будут упразднены, есть грядущее коммунистическое общество, в которое нас приведет «свободное деяние пролетариата».

По середине же между обоими мирами стоит философ, в нашем случае — тов. Лукач. Он прозревает, вопреки капиталистическому овеществлению, «вещность» мира. Как некогда барон Мюнхгаузен, он вытаскивает себя за собственную косу из этого мира «овеществления». Жаль только, что при этой операции страдает не его голова, а голова — пролетариата! В самом деле, в одной только последней цитате заключено, как видит читатель, настоящее осиное гнездо «философских вывертов». Кантовское учение о вещи в себе воскресает здесь перед нами в новой формулировке. Различие только в том, что, как это и полагается «марксисту», в этот агностицизм за волосы втаскивается пролетариат. Причину того, почему мир распадается на явления и вещи в себе, Кант усматривал в свойствах нашей познавательной способности. Почему она такова, что не может познать мир без остатка, этого он не умел объяснить. Вероятно, так уж «бог» устроил. Но он утверждал, что эта двойственность мира неустраиваема.

Тов. Лукач объясняет, в чем «причина»: в капиталистическом овеществлении. И поэтому она лишь временна, она исчезнет вместе с последним. Тов. Лукач амальгамирует кантовский агностицизм с марксовым учением об овеществлении, учение Канта о непознаваемости «вещей в себе» он «оригинально» исправляет при помощи марксизма. По праву называет он себя «ортодоксальным марксистом»!

Но если «вещный детерминизм» и его законы только иллюзия, только продукт овеществления, тогда и «точные» науки, которые исследуют и познают эти «законы вещного детерминизма», тоже иллюзия, тоже продукт капиталистического овеществления. Да и может ли быть иначе, когда тов. Лукач вне научно-познания природы (Naturerkenntnis), по видимому, не знает и не признает никакой природы? Допущение «природы», как вместилища «вещей» и их законов, тоже иллюзия. Длительность мира в его

«сырой фактичности», с его «вечно действующими законами» только видимость. Слушайте:

«Проработанное до конца понятие формы предмета познания, математическая связь, природно-закономерная необходимость, как познавательный идеал, все более превращают сознание в методически осознанное созерцание тех чистых связей форм, тех «законов», которые выявляются в объективной действительности без участия субъектов» (стр. 141. В. С. А. № 5, стр. 94).

Но природно-закономерная необходимость, как познавательный идеал, есть не что иное, как «логически-методологическая формулировка современного состояния общества, — состояния, при котором люди, с одной стороны, все более разрывают и оставляют позади себя всё только «естественные» (naturwüchsige), иррационально-фактические связи, но вместе с тем, в лице этой, ими самими созданной, «самопорожденной» действительности создают вокруг себя как бы вторую природу, противостоящую им с такой же неумолимой закономерностью, с какой прежде (?) противостояли иррациональные силы природы (точнее, те общественные отношения, которые являлись в этой форме)» (стр. 142. В. С. А. № 5, стр. 95).

Итак: природно-закономерная необходимость, как идеал, есть не что иное, как логически-методологическая формулировка современного состояния общества, как и вообще иррациональные силы природы суть только являющиеся в этой форме общественные отношения.

Мы не можем, разумеется, ожидать, чтобы какое-нибудь утверждение тов. Лукача было свободно от противоречий: на то ведь его диалектика и—диалектична. Тут их даже не одно, а сразу несколько. Иррациональные связи природы действовали прежде с «неумолимой закономерностью». Но эта «неумолимая закономерность» была «не чем иным», как являющимся в этой форме общественными отношениями. Отсюда должно бы следовать, что, значит, эти общественные отношения причина того, что явления природы обнаруживают «неумолимую закономерность». Ведь природа только отражение общественных отношений, и отражать «неумолимую закономерность» она может только тогда, когда эта последняя где-нибудь существует. Чего нет ни в природе, ни в обществе. — то не может нигде и отражаться. Ничуть не бывало! Оказывается, что само общество только потому «неумолимо закономерно», что оно «естественно» (naturwüchsige) т.е. само есть образ природы (я говорю «образ», а не «следствие», потому что тов. Лукач очень неприяно относится к причинности), само выросло из природы. Да, но что же тогда отражается: общество в природе или природа в обществе? Было ли общество «естественным», т.е. следствием природы, или природа была «только являющимся в этой форме общественными отноше-

ниями? Если же ни то, ни другое, то откуда заблуждение, откуда иллюзия «неумолимой закономерности»?

Но пойдём дальше. «Естественные, иррационально-фактические» связи разрываются. Тогда люди создают вторую природу, которая противостоит им с такой же неумолимой закономерностью, как прежде иррациональные силы природы, которых, однако, не существовало, потому что они уже и прежде были только отражением общественных отношений между людьми. Так вырастает очаровательный «ортодоксально-марксистский» цветок: люди отражают в своих общественных отношениях — свои же общественные отношения. Они прямо сумасшедшие. Сначала они вкладывают свои общественные отношения в природу, они воспринимают ее по образцу своего общества, как «неумолимую закономерную», а потом, они, наоборот, вкладывают эту вложенную в природу «неумолимую закономерность» обратно в общество и создают себе вторую природу. Бедная «неумолимая закономерность» — при этой игре в мяч, в которой мячом служит она, у нее и впрямь может голова закружиться. У нас тоже кружится голова от этой... диалектики.

Маркс, конечно, говорит о «естественных» (естественно-выросших (naturwüchsige) обществах, но он-то имеет на это право, потому что он принимает существование природы с неумолимой закономерностью, которая не есть отражение общественных отношений (как раз наоборот!). Эта закономерность природы частично познается и используется людьми. Мерилом этого познания служат производительные силы, которыми люди научаются пользоваться, согласно законам природы. «Веществу природы человек сам противостоит, как сила природы». «Руки и ноги, голова и пальцы», это «естественные силы, принадлежащие к его телесности». «Сам человек, рассматриваемый просто как бытие рабочей силы, есть предмет природы, вещь (слышите, тов. Лукач? Л. Р.), хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть вещественное обнаружение его силы» (Маркс, Капитал, I. Стр. 139)¹⁾. Труд, эта «сила природы», руки и ноги, голова и пальцы, орудия труда — все эти «естественные силы» действуют по способу естественных сил, в согласии с законами природы. Уровень же производительных сил отмечает, насколько человек овладевает природой, т.е. насколько он может использовать для себя ее «неумолимые законы». Ни один закон природы не был до сих пор упразднен трудовой деятельностью человека, но зато многие были познаны.

«Естественным» Маркс называет всякий такой общественный порядок, при котором естественный момент играет преобладающую роль:

¹⁾ „Капитал“ Маркса везде цитируется по переводу Базарова и Степанова.

«В пределах семьи, а с дальнейшим развитием в пределах рода—естественное распределение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т.е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свой материал с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другим... Различные общины находят различные средства производства и различные средства существования среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производительным продуктам. Это те естественно-выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а, следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары... Здесь общественное разделение труда возникает путем обмена между первоначально различными, но независимыми друг от друга сферами производства. Там, где исходный пункт образует физиологическое разделение труда, особые органы непосредственно связанного целого раздвигаются, разлагаются» (Маркс, Капитал, I. Стр. 203).

Отсюда видно, что называл Маркс «естественным» обществом. И даже современное общество он иногда называет так (напр., Немцкая Идеология, Архив Маркса и Энгельса. Стр. 222. Энгельс, Анти-Дюринг), потому что при недостаточном развитии производительных сил—несмотря на гигантский прогресс—общество все еще мало владеет природой и поэтому естественный момент играет в ней большую роль. Ныне мы, правда, достигли того пункта, когда общество начинает обращать природу из своего господина в своего слугу, но это, разумеется, вовсе не означает, что законы природы перестают быть «неумолимыми»—в смысле Лукача. «Освобождение» это только «существование в гармонии с законами природы», она заключается только «в основанной на познании естественных потребностей власти над нами самими и внешней природой» (Энгельс, Анти-Дюринг).

Да, Маркс и Энгельс имели право говорить о «естественном» обществе и утверждать, что человеческое общество есть особый вид природы, что законы человеческого общества представляют собой особый вид естественной закономерности, — потому что Маркс и Энгельс признавали неумолимую закономерность природы и не считали ее отражением человеческого общества. Для них законы природы не были продуктом овещствления. Но Вы, тов. Лукач, не имете на это права—в виду логических предпосылок Вашей теории—и, говоря так, Вы, как я показал, вытворяете в самые несуразные, в «ортодоксально-марксистские» противоречия.

Но если даже оставить в стороне отмеченное противоречие, ясно, что здесь отрицается объективная значи-

мость законов природы, естественно-научное познание. Более того: отрицается даже—сама природа!

Мы уже видели, что внешний мир толкуется, как «категория, опирающаяся на эмпирическое я». Но вот, далее, сама природа определено толкуется, как—идеология.

«На этих страницах,—говорит тов. Лукач на стр. 144 своей книги,—ни раз выдвигался взгляд, что природа есть общественная категория».

А на следующей странице он прямо объявляет закономерность природы продуктом капиталистического общества. Он говорит:

«Мы не можем здесь исследовать ни вопрос о логическом первенстве, ни вопрос об исторически-причинной последовательности естественной закономерности и капитализма. Впрочем, автор этих строк не намерен скрывать, что на его взгляд первенство принадлежит развитию капиталистического хозяйства» (В. С. А. № 5, стр. 11).

Хорошо, что тов. Лукач «не намерен скрывать свой взгляд»: так, мы знаем, по крайней мере, что это не описка, а его серьезно продуманное мнение! Дело, однако, в том, что он и не мог бы этого скрыть, ибо свой взгляд он формулирует и в других местах. Так, на странице 240 мы читаем следующее:

«Природа есть общественная категория. Это означает следующее: что считается на известной ступени общественного развития природой, каково отношение этой природы к человеку и в какой форме он рассматривается с ней, т.е. каково значение природы по форме и содержанию, по объему и предметности,— это всегда зависит от общественных условий».

Что этим хочет сказать тов. Лукач, мы уже видели. Природа, это только—«являющиеся в этой форме общественные отношения», это — общество, процированное наружу в качестве природы.

Но это утверждение — я еще раз повторяю — означает отрицание всякой объективной истины, это—субъективизм самого северного сорта. На протяжении всего нашего исследования мы постоянно наталкивались на субъективистические элементы в теории Лукача, теперь же перед нами те элементы, а субъективистическая теория опыта.

Ибо здесь утверждается, не больше и не меньше, что природа сама не обладает закономерностью, она может быть вообще не существует, может быть имеет совсем другую структуру, чем та, которую мы познавали до сих пор и познаем сейчас; возможно, что она хаос, в который вносят «порядок» только наши понятия о природе: понятие причинности, законы «вещного детерминизма». Мы познаем, следовательно, природу не так, как она существует: есте-

«ствившая закономерность это не объективная, независимая от наших «физиологических и психологических свойств» реальная связь явлений, а «идеология нашего овеществленного сознания».

Или, как это формулировал—правда, в других словах, но по существу так же—Богданов:

«Законы отнюдь не принадлежат к сфере опыта... они не даны в нем, а создаются мышлением, как средство организовать опыт, гармонически согласовать его в стройное единство».

Или: «Истина есть идеологическая форма—организующая форма человеческого опыта».

Так, мы пришли к Богданову,—и не только в одном этом пункте.

Уже прежде тов. Лукач едва мог избежать солипсизма. Освещение этой стороны его теории мы отложили до настоящего места, ибо именно здесь она получает решающее значение для характеристики «марксизма» тов. Лукача.

Уже в утверждении, что внешний мир есть только категория эмпирического-я, солипсизм заключался полностью. Ибо во внешний мир включены и другие люди (вместе с остальными живыми существами),—и раз внешний мир только категория эмпирического я, то и заключающиеся в нем остальные люди только явления, и тогда во всем мире и от всего мира остается один единственный тов. Лукач. К чему же он философствует? Кого желает он обратить в «ортодоксальный марксизм»?

От этого логического следствия из своей концепции тов. Лукач хочет уклониться тем, что на место индивидуума, субъекта, он ставит класс, пролетариат,—или, точнее, сознание пролетариата (ибо, как мы уже видели и еще увидим, у него все разрешается в мышление, в сознание). Но ведь это то же самое, что сделал Богданов. Богдановский «коллективный опыт» тоже ведь заменял старый субъект обществом, что, разумеется, ни в малейшей мере не изменяло субъективистский характер богдановского учения. Поэтому здесь будет уместно установить связь Лукача с Богдановым.

Обращаясь к сопоставлению богдановских взглядов со взглядами Лукача, я должен предупредить, что одинаковы у них, конечно, только результаты (но они-то, действительно, одинаковы), исходные же пункты и все аксессуары различны. Итак, возьмем утверждения Богданова и поставим рядом с ними утверждения нашего тов. Лукача. Всякий будет поражен, как мало они различаются между собой.

Лукач.

«Все равно, принимаются ли вещи за отображения понятий или понятия за отображения вещей, ибо как в том, так и в другом случае эта двойственность навсегда логически закрепляется» (стр. 219). Должна быть найдена третья точка

Богданов.

«Эмпириокритицизму нет дела ни до материализма, ни до спиритуализма, ни до какой метафизики вообще, и истина... вне обоих».

зрения — «снятие противоположности между мышлением и бытием, объектом и субъектом, необходимостью и свободой и т. д.».

Идеализм и материализм в одинаковой мере метафизика, мифология.

Естественно-научный материализм — буржуазная идеология.

«Исторический материализм—идеология борющегося пролетариата. Он должен быть применен к самому себе» (стр. 234).

«Вопрос о внешнем мире и поэтому структура внешнего мира (вещей) опирается на категорию эмпирического я, для которого (психологически, физиологически и т. д.) имеют силы законы вещного детерминизма».

«Детерминизм есть логически-необходимая связь вещей».

«Взгляд, что мышление есть продукт мозга и поэтому согласуется с эмпирическими предметами, есть мифология».

Закономерность природы, естественное (т. е. эмпирическое) и т. д., наконец, сама природа, все это — некая «идеология», «общественная категория».

«(Истинны исторического материализма) имеют силу внутри определенного социального и производственного порядка. Как таковые, но только как таковые, они обладают безусловным значением» (стр. 235).

«Иррациональные силы природы суть являющиеся в этой форме общественные отношения». «Природа—продукт овеществления».

Итак:

- Скептицизм
- Агностицизм
- Солипсизм
- Идеализм и
- Антиматериализм.
- «Ортодоксальный марксизм».

Материализм и спиритуализм равно метафизичны.

Материализм — буржуазная идеология.

«Оно (мировоззрение старого материализма) желает быть безусловно объективным познанием сущности вещей и несовместимо с исторической условностью всякой идеологии».

«Позитивизм считает законы причинности только способом познавательного связывания явления в непрерывный ряд, только формой координации опыта».

«Область подстановки совпадает с областью физических явлений; под явления психические ничего подставлять не требуется, ибо это — непосредственные комплексы». «Интроекция (Авенариса) выступает, как объяснение дуализма духа и тела». Но об этой интроекции Ленин говорит: «интроекция отрицает, что мысль есть функция мозга». (Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. сочинений, т. X, стр. 68).

«Законы природы не даны, а создаются мышлением». «Истина есть идеологическая форма».

«Объективная истина в абсолютном значении слова существует только в пределах известной эпохи».

«Физический мир это — социально-согласованный, социально-гармонизированный, словом — социально-организованный опыт».

Итак:

- Скептицизм
- Агностицизм
- Солипсизм
- Идеализм и
- Антиматериализм.
- «Ортодоксальный марксизм».

Что и требовалось доказать.

Одно из многочисленных недоразумений тов. Лукача, заключается в том, что он не замечает своего собственного места в истории марксистского ревизионизма. Он полемизирует против «вульгарных марксистов», против «исправителей» марксизма, и не замечает, что он и его «школа» принадлежат к ним же, он полемизирует даже против «эмпириокритицистов» — и не замечает, что его собственная теория лишь другая форма, интернационализация богдановщины.

3. Марксистская теория познания.

Мы видели, что для тов. Лукача остается неясным, что такое теория познания. Может быть, именно поэтому он не сознает и того, что его теория овеществления сама представляет собою своеобразную теорию познания, тесно связанную с теорией познания Богданова.

В чем заключается сущность этой теории познания, мы могли уже видеть и не прибегая к характеристике феномена овеществления и его истолкования у Лукача. Она заключается в том же, что уже до Лукача на разные лады утверждали Богданов и до него все идеалисты: мир действителен лишь постольку, поскольку он понимается, т.е. в формулировке Маркса: «так определяется философское сознание, для которого понимающее мышление есть действительный человек, и понятый мир, как таковой, впервые лишь действительный мир» (Маркс «К критике политической экономии», Введение). Но если только «понятый мир, как таковой» впервые есть действительный мир, то, значит, мир зависит от свойств нашей познавательной способности. Мы видели, что по Лукачу это действительно так и есть: «вопрос о внешнем мире и тем самым структура внешнего мира (вещей) опирается на категорию эмпирического я, для которого (психологически, физиологически и т. д.) законы вещного детерминизма имеют такую же силу, как и для внешнего мира в более узком смысле» (стр. 211).

Этот доподлинный идеализм, эта точка зрения субъекта или, еще лучше, субъективного сознания, получает лишь «марксистское» обрамление путем замены индивидуального субъектом «обществом», «классом» (пролетариатом). Что это ни в малейшей мере не изменяет идеалистический, субъективистический характер учения, обнаруживается при простейшем размышлении. Ибо на вопрос: что такое мир и каковы его свойства, — следует все тот же ответ: что такое мир в себе и каковы его свойства в себе — мы не знаем. А чего мы не знаем, то и не действительно. Действителен только понятый мир. «Марксисты» лишь добавляют: понятый «обществом» или «классом». Но существу это ничего не меняет.

Различие между Лукачем и Богдановым тоже не имеет принципиального характера.

Что утверждает Богданов о физическом мире?

- 1) Он зависит от психического.
- 2) «Взятый „an sich“ неорганический мир есть хаос элементов».
- 3) «Общественное бытие и общественное сознание в точном смысле этих слов тождественны».
- 4) «Физический мир, это социально-согласованный, социально-гармонизированный, словом — социально-организованный опыт».

5) Материализм, т.е. допущение мира, независимого от всякого субъекта и, следовательно, от общества, мира со своей реальной закономерностью, есть идеология. «Ибо в хаосе мира вносят порядок только наши законы, и они в самом физическом мире не заключаются, но создаются нашим сознанием».

А что утверждает о физическом мире Лукач? Почти буквально то же самое (как это ясно и без вторичного сопоставления), с тем единственным различием, что социально-организованный опыт, коллективный опыт и т. д. заменен у него теорией овеществления. Если Богданов приписывает, по крайней мере, характер объективной истины общепризнанному и общеобязательному, то тов. Лукач и тут идет дальше: даже общепризнанное и общеобязательное является у него только продуктом овеществления, продуктом определенной общественной формации, определенного «общественного бытия», и когда меняется это общественное бытие, тогда все, что до того было объективно истинным и признавалось таковым, уступает место другим истинам.

На первый взгляд не может быть ничего более марксистского, чем эта теория. В самом деле, чем же и определяется все наше сознание, как не «общественным бытием»? «Не сознание людей определяет их бытие, а их общественное бытие определяет их сознание». Стало быть, раз все содержание сознания сводится к общественному бытию данной эпохи, то что-нибудь более марксистское едва ли можно себе и представить. Но тогда уже само собой следует, что при изменении общественного бытия все наличное содержание сознания должно смениться совершенно новым; и, значит, ни одно наше познание не обладает объективной истинностью, все есть только идеология. Даже исторический материализм только — идеология, «самопознание капитализма» (стр. 237), «теория буржуазного общества и его экономической структуры» (стр. 235).

Лучше всего эта «теория» формулирована в следующем месте:

«Исторический материализм является, следовательно, в такой же мере функцией развития и разложения капиталистического общества, как и все прочие идеологии. Это часто и выдвигалось против исторического материализма с буржуазной стороны. Общеизвестный и в глазах буржуазной науки решающий аргумент против истинности исторического материализма заключается в том, что он должен быть применен к са-

тому себе. Если допустить правильность его учения, что все так называемые идеологические образования являются функциями хозяйственных отношений, — то и сам он (как идеология борющегося пролетариата) тоже представляет собою такую идеологию, такую функцию капиталистического общества. Я думаю, что это возражение можно признать в некоторой его части состоятельным, не причиняя этой уступкой никакого ущерба научному значению исторического материализма» (стр. 234).

Итак, мы видим, что исторический материализм сам есть «только идеология», «функция капиталистического общества». — а не истина, которая имеет бы силу до и после этого общества. Он — продукт овеществления. На языке тов. Лукача это называется — «смена функций исторического материализма».

Кто не знает старую песню скептиков? Истины нет. Но тогда не истинно и то, что нет истины. Стало быть, истина есть: именно та, что нет истины. Но тогда и т. д.

То же самое у тов. Лукача. Все идеологические образования суть «функции» хозяйственных отношений. Это утверждение тоже идеологическое образование. Стало быть, и оно тоже есть функция хозяйственных отношений. Но это утверждение тоже идеологическое образование. Стало быть и т. д.

Лукач уверяет нас, что это «не приводит к полному релятивизму» (стр. 234). Он прав: это не приводит к нему, это вытекает из полного релятивизма, вернее из скептицизма тов. Лукача, с которым мы уже достаточно знакомы, и логическим выводом из которого является эта «смена функций» исторического материализма.

В действительности утверждается не больше и не меньше, как то, что весь марксизм покоится на порочном круге, представляет собою порочный круг. В самом деле. Общественное бытие определяет сознание. Но теория, которая это утверждает, сама есть только функция общественного бытия, она сама только идеология. Нет никакого ручательства, что это общественное бытие, которое я могу познать только при помощи какой-нибудь идеологии, таково, каким я его познаю при помощи этой идеологии. Стало быть, общественное бытие само есть идеология. Или, как это выражает Богданов:

«Общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны».

Таким образом, «ортодоксально-марксистская» теория познания Лукача представляет собою не что иное, как полный релятивизм, порочный круг, который заключается, конечно, только в излагаемой Лукачем, но не в марксистской теории исторического материализма.

Откуда происходит вся эта мистификация, ясно на первый же взгляд: из отрицания философского материализма и его растворения в плохо понятом,

вульгаризованном историческом материализме. Происходит обмен ролями: не философский материализм служит для построения картины мира, а делается попытка построить такую картину при помощи исторического материализма.

Как все идеалисты, так и наши новаторы не желают признавать независимое от всякого субъекта, а значит и от общества, бытие природы. Общество есть более позднее образование, чем природа, и если это более позднее образование и вступает в известное (диалектическое) взаимодействие с более ранним, с природой, то в философском отношении это не имеет никакого значения. — Но вопрос всякой философии (будь то идеализм, или материализм, или диалектический материализм) касается отношения между бытием (природой) и мышлением.

Что чему предшествует, что является продуктом другого, — вот в чем вопрос. Эта философская постановка вопроса несколько не изменяется от того социологического постижения, что мышление человека есть продукт не только природы, но и общества. Появление общества, общественного бытия людей, между бытием и душевной жизнью животного, таким был человек до своего обобществления, ничего не меняет в том факте, что мышление (как и общество вообще) изначально есть продукт природы. Разве только и впрямь принять, что это отношение с возникновением общества внезапно изменилось в противоположное.

Но тогда пришлось бы утверждать, что хотя до возникновения общества первичнее была природа, но после возникновения общества уже общество первичнее. Всякий видит с первого же взгляда, что это глупое противоречие. Наши исправители Маркса хотят избежать этого противоречия тем, что делают его «диалектическим». Их диалектика заключается, в сущности, в ряде эквивокаций, т. е. они употребляют одно и то же слово в различных значениях. Прежде всего они затуманивают значение слова «зависимый» (и «независимый»). Они говорят: вы утверждаете, что природа была раньше общества и что возникновение общества в этом факте ничего не меняет. Но мы-то этого вопроса вовсе не ставим, ибо он не имеет смысла. Ведь он мог быть поставлен только после возникновения общества самим же обществом, на почве общественно-организованного, «коллективного» опыта над природой. Наше естествознание есть общественный продукт и не могло существовать раньше нас, раньше общества. Между тем это естествознание, «несомненно» представляющее собой «общественный опыт», есть единственное, что мы знаем о природе: это естествознание составляет нашу природу, оно и есть «природа». Вывод: «природа зависит» от «общественного опыта», от общества.

Философский вопрос: что было прежде, природа или дух, что тут является причиной и что продуктом, что от чего «зависит» — этот вопрос получает «диалектическое» разрешение, состоящее в

том, что друг к другу приравниваются природа, которая не есть общественный продукт, и познание природы, и всякий раз, когда говорится о природе, имеется в виду познание природы.

То же самое проделывают они, далее с понятием «бытия». И это слово они также берут в двух значениях. Понятие «бытия» они подменяют другим понятием: «общественного бытия». Понятие природы, говорят они, есть общественный продукт. Следовательно, оно зависит от общественного бытия. Следовательно, оно — идеология. Так оказывается, что существует, собственно говоря, только «общественное бытие», а «бытие» (природа) зависит от общества (от общественного бытия).

При помощи таких-то эквиваленций и подмен, они «диалектически» освобождаются от упомянутого выше противоречия. В конечном счете это, как сказано, означает перенесение вопроса из философии в социологию. Философский материализм разрешается в исторический, а последний служит для опровержения первого. И при этом еще получается видимость, что они остаются строгими, «ортодоксальными» марксистами: ведь они только и говорят, что об обществе, о «коллективном», об «общественном бытии», об «овеществлении». Может ли быть больший «марксизм», чем повсюду ставить во главу угла общества, все объяснить, как продукт общественного развития?

Дело, однако, в том, что предпосылкой исторического материализма является материализм философский. «Общественное бытие» зависит от «бытия». Без допущения независимой от человека объективно-реальной закономерной природы понятие «общественного бытия» и вместе с ним весь исторический материализм повисает в воздухе, становится в самом деле полнейшим релятивизмом, порочным кругом.

Шаг вперед марксистского материализма по сравнению с предшествовавшим материализмом в том именно и заключается, что Маркс и Энгельс, «углубляя и развивая философский материализм, довели его до конца, распространили его познание природы на познание общества» (Ленин, Три источника и т. д. марксизма. Л. Собр. сочинений. XII т. 2 ч., стр. 56).

Именно поэтому марксизм и есть первое материалистическое учение, которое не имеет уязвимых пунктов, которое целостно, замкнуто в себе и, как бы вылитое из одного куска, ни в одном месте не допускает идеалистического «исправления». Единство и законченность марксизма в том как раз и состоит, что он избежал раскола, который характеризовал все материалистические системы до него: раскола между воззрением на природу и воззрением на общество. Почти все материалистические системы до диалектического материализма были материалистичны только по отношению к природе, по отношению же к обществу

(к истории) они были идеалистичны. Это относится, как известно, в одинаковой мере как к французскому материализму, так и к Фейербаху.

Не напрасно исторический материализм называется историческим материализмом. Он называется так не потому, что — как говорит уже цитированный мною М. Адлер (и того же взгляда держатся Богданов, Лукач и т. д., словом все «марксисты») — не потому, что материализм Маркса и Энгельса был только «материализмом», при чем, «постоянно забывается, что Маркс и Энгельс строжайшим образом отличали свой материализм от естественно-научного (нам кажется, что мы слышим Лукача, а не Адлера! Л. Р.), свою «природу» от лишенной сознания и жизни природы физико-химических процессов» (М. Адлер. Die Staatsauffassung des Marxismus стр. 19). Наоборот: марксо-энгельсовский материализм не знает этого различия между «природой» и природой, он настолько же не «материализм», а естественно-научный материализм, насколько его природа не есть «природа».

Ибо повторяю: философский материализм, и именно естественно-научный (хотя и диалектический), т. е. признание природы и природной закономерности является предпосылкой и основой исторического материализма. Предпосылка не только исторического материализма, но точно, так же и политической экономии Маркса (ведь «Капитал» есть не что иное, как приложенье исторического материализма к буржуазному обществу, — чего, между прочим, совершенно не видит тов. Лукач, полагающий, что теория капитализма дана не в политической экономии Маркса, а в историческом материализме), — эта предпосылка гласит: философский материализм, т. е. признание природы и ее структуры, не может быть идеологией или мифологией, не может зависеть от общественного бытия. От общественного бытия данной эпохи зависит только форма этого учения, его особое для каждой эпохи выражение.

Да и может ли быть иначе?

Основным понятием исторического материализма является «общественное бытие» людей. Что же такое это «общественное бытие»? Оно есть «способ производства их материальной жизни». «В общественном производстве своей жизни люди вступают в известные отношения, в производственные отношения, соответствующие определенной ступени развития их материальных производительных сил».

«Общественное бытие» людей состоит, таким образом, из двух различных частей: из материальных производительных сил и из производственных отношений, соответствующих уровню развития этих сил.

Отсюда ясно, что «производительные силы» людей имеют двойную функцию.

Во-первых, они служат посредниками при обмене веществ между человеком и природой. Мы уже слышали от Маркса, что «веществу природы человек сам противостоит, как сила природы», что «голова и пальцы», «руки и ноги», это — «естественные силы, принадлежащие к его телесности». Сам человек есть «предмет природы, вещь... а самый труд есть вещественное обнаружение его силы».

Итак, труд и сам человек это, прежде всего, явления природы и, рассматриваемые с этой стороны, они остаются таковыми в течение всего общественного развития. Точно так же объект человеческого труда и орудия труда суть естественные предметы и тоже остаются таковыми в течение всего общественного развития. «До сих пор не изобретено еще искусство ловить рыбу в водах, в которых ее нет» (Маркс, Капитал, I, стр. 122), но не изобретено также искусство работать над такой природой, которая не только сама по себе не имеет закономерности, представляет собою «хаос», но даже и не существует вовсе.

Поэтому-то Маркс и не устает повторять, что не человек один со своим трудом, но что он и природа вместе являю~~тся~~ «источниками всякого богатства» (Капитал, I, стр. 387).

Или вот, напр., как он выражается в «Критике Готской программы»:

«Труд не есть источник всего богатства. Природа в такой же мере является источником потребительных ценностей, (а из них ведь и состоит фактическое богатство), как и труд, который есть сам лишь обнаружение некоторой естественной силы, человеческой рабочей силы... И поскольку человек с самого начала относится к природе, этому первоисточнику всех объектов и орудий труда, как собственник, поскольку он смотрит на нее, как на свое достояние, постольку его труд становится источником потребительных ценностей, а, стало быть, и богатства».

Трудовой процесс «есть целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей, присвоение данной природой для человеческих потребностей, общее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» (Маркс, Капитал, I, стр. 124).

Этот «вечный обмен веществ» обуславливается и измеряется производительными силами людей: власть над этим процессом, его охват и высота зависят от развития производительных сил, среди которых сам человек со своим трудом представляет собою, правда, наиболее важную, но все же только одну из производительных сил на ряду с другими. Хотя рабочий и «развивает дремлющие в его природе потенции путем воздействия на природу и игру сил своей

природы подчиняет своей собственной власти», все же человек, как производительная сила и его труд первоначально суть не что иное, как чисто природная сила, и в течение всего периода его обобществления эта сторона его природы остается основой, предпосылкой его обобщественной стороны.

Но, во-вторых, развитию производительных сил соответствуют известные отношения, производственные отношения, в которые люди вступают уже не с природой, а друг с другом. Эти отношения меняются, и их изменение, их смена, зависит от развития производительных сил. Но ясно, что эта функция производительных сил, благодаря которой они определяют смену форм производственных отношений, т.е. отношений общественных (ибо по Марксу — как мы еще увидим и о чем забывают все идеалисты — производственные отношения равнозначны с общественными), — ясно, говорю я, что эта функция производительных сил не совпадает с их функцией, как посредников между человеком и природой, хотя обе эти функции и связаны с одними и теми же производительными силами. Наоборот, не различие этих двух функций преграждает доступ к проникновению в сущность марксистской социологии.

Напомню здесь мимоходом о первой полемике тов. Лукача против Энгельса (см. В. К. А., № 8, стр. 303), в связи с которой выяснилось, что он смешал как раз эти две различные функции трудового процесса, производительных сил. Ниже мы увидим, что его неправильное понимание марксизма, — а все его «попытки исправления» оказываются именно результатом неправильного понимания, — целиком коренится здесь, хотя Маркс и Энгельс не только придавали важнейшее значение этому различию между трудом, как естественным процессом и формами, в которых этот процесс протекает, но и обосновали на этом различии марксистскую критику познания.

Итак, мы можем установить, в качестве нашего первого вывода, следующее: в совокупности общественных отношений, даже в самом «общественном бытии» содержатся два различных элемента — отношение людей к природе и их отношение друг к другу. В самом деле, вот как определяет общество Маркс:

«Всякая исторически определенная форма общественного процесса производства есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства, а, следовательно, и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, т.е. определенной общественно-экономической формы последних. Потому что совокуп-

ность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, при которых они производят, эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» (Капитал, III, 2, стр. 356).

Важнейшим понятием тов. Лукача является «целостность» (Totalität). Своей наибольшей заслугой он считает то, что им снова было вскрыто методическое значение этого понятия. Так пусть хоть во имя этой целостности он научится у Маркса, что значит «целостность»: «Целое этих отношений, в которых люди производят», — отношения, «в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу... это целое и есть общество». Итак: целостность это — природа и общество.

Эта основная предпосылка всякого общества находит затем свое выражение в каждой отдельной экономической и общественной категории. Каждая отдельная экономическая категория имеет свою «естественную» и свою «общественную» сторону — «материальное вещественное содержание» и «идеальное бытие, определенность формы или социальную функцию». Кто не различает этих двух сторон, кто естественный момент либо оставляет в тени, либо совсем не принимает во внимание, тот не понимает простейших основных понятий марксизма.

Возьмем, напр., продукты трудового процесса, продукты труда. Это — ценности потребительные и меновые в одно и то же время.

«Потребительная ценность выражает естественное отношение между вещами и людьми (т.е. между природой и человеком. Л. Р.), бытие вещей для людей (т.е. их естественное бытие. Л. Р.). Меновая ценность... это — общественное бытие вещи» (Маркс, Теория прибавочной ценности, т. III, стр. 246, примечание).

Или возьмем прибавочную ценность:

«В вышеуказанном смысле можно сказать, что прибавочная ценность и т. д. основана на законе природы, на производительности человеческого труда в его обмене с природой». (Там же, стр. 267, примечание).

Но что же отличает экономически-социальные эпохи друг от друга: форма отношений людей к природе или форма их отношений между собой? Ясно без лишних слов, что только последняя. И если Маркс протестует против того (в критике политической экономии, Введение, стр. 12), что «производство, в отличие от распределения» изображается, как «заключенное в рамки независимых от истории, вечных законов природы», то он тут протестует как раз против того, что производственные отношения (как-то рабство, крепостничество, наемный труд), т.е. некоторые исторические образования, разрешаются в «общечеловеческие» определения и тем самым лишаются своих особенностей.

Разумеется, производительные силы тоже развиваются внутри общества, и то, что «одной эпохе представлялось естественной

предпосылкой производства, оказывалось для другой его историческим результатом». (Там же). Но от этого естественные предпосылки производства не перестают быть таковыми и не становятся чисто историческими образованиями, как в том хочет нас уверить тов. Лукач, для которого природа это только отражающийся известным способом общественные отношения, — нет, это значит лишь, что «исторические отношения вторгаются в материальное производство, и материальное производство находится в определенном отношении к историческому движению». (Там же).

Как бы, однако, ни складывалось это отношение между производством и историческим движением, материальное содержание производства всегда остается одним и тем же.

«Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются, но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения». (Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 357).

Что меняется, так это социальные формы, социальная функция этих производительных сил, «материального содержания» труда. Но предпосылка этих изменений есть и остается материальное содержание, труд, как вечный естественный процесс, — природа с ее законами, среди которых имеется и такой, что «человеческий труд в его обмене с природой» оказывается производительным.

Итак, «бытие», это — производительные силы человека (а с этой точки зрения вся природа, включая в нее и человека, как производительную силу, есть не что иное, как совокупность производительных сил для человека — великий резервуар, из которого он черпает), и это бытие есть неустраиваемая предпосылка общества и, следовательно, само не зависит от последнего. А это значит, что эта природа, это «бытие», хотя и составляет предпосылку социологии, но не является ее подлинным объектом. Поэтому Маркс говорит при описании трудового процесса:

«Поэтому у нас не было необходимости в том, чтобы рассматривать рабочего в его отношении к другим рабочим. Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы — на другой, — этого было достаточно. Как по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли плетью надсмотрщика за

рабами или под заботливым глазом капиталиста, совершает ли его Цинциннат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя». (Капитал, т. I, стр. 160—161).

Дело социологии впервые начинается с производственных отношений. И поэтому в этом смысле, т. е. с чисто исторической стороны, Маркс определяет общество следующим образом:

«Производственные отношения в их совокупности образуют то, что называется общественными отношениями, обществом, и именно обществом на определенной ступени исторического развития, обществом со своеобразным отличительным характером». (Маркс. Наемный труд и капитал).

Ибо только «отношение рабочих к другим рабочим» (или, позднее, к тем, кто не работает) составляет подлинный объект социологии—только производственные отношения, потому что только они и меняются. Отсюда уже прямо вытекает логический вывод, что потребительная ценность лежит вне ее области. Эта ценность является постоянной предпосылкой, когда ее упускают из виду, она заявляет о себе насильно (кризисы и т. д.), но изучение ее судьбы, способа ее созидания и т. д., словом, материально-техническая сторона трудового процесса затрагивается в политической экономии, и вообще в науках об обществе лишь постольку, поскольку понимание развития этой материально-технической стороны является предпосылкой для понимания обусловленных ею социальных форм.

Но в таком случае изображение этого материального процесса отличается принципиально от изображения исторических форм, которые над ней надстраиваются. Когда читаешь соответствующие места «Капитала» (напр., характеристику трудового процесса, или различных видов кооперации, поскольку она берется не внутри какой-либо определенной общественной формации, а описывается независимо от всяких таких формаций, и т. д.), то приходишь к заключению, что тут применяется естественнонаучный метод, а не социологический.

Этот факт Маркс подчеркивает самым решительным образом: «Раз признана необходимость в специальном средстве обмена, т. е. необходимость денег, остается лишь выяснить, почему эта особая функция досталась золоту и серебру, а не какому-нибудь иному товару. Это вопрос второстепенный, и это объяснение следует искать не в общей связи отношения производства, а в специальных материальных свойствах золота и серебра. Отсюда ясно, что если экономисты «вышли» в этом случае «из пределов своей науки, и заговорили о физике, технике, истории и проч.», в чем упрекает их г. Прудон, то они сделали именно то, что должны были сделать. Вопрос лежит вне области политической экономии». (Ницш. Фил., стр. 84).

И ясно, почему. В самом деле, ведь эта сторона трудового процесса, технически-материальная сторона, есть чисто природный процесс. Способ созидания продукта труда (потребительной ценности) интересует естествознание (химию, физику, инженеров и т. д.), а не социолога. Последнего же—лишь постольку, поскольку эта сторона дела является предпосылкой общества. С этой точки зрения и социологу приходится описывать в естественно-научных терминах характер трудового процесса, перевороты, которые в нем происходят, а также возможные обратные воздействия на него (задержки или ускорения) со стороны общества,—по своему материальному содержанию процесс остается для него природным процессом.

Этот чисто природный процесс вторгается, конечно, в общественный процесс, он не только связан с этим последним, не только является его предпосылкой, но — как сказано — находится и во взаимодействии с ним. Все же собственную задачу социологии составляет не «бытие» людей, не их отношения к природе, не материально-вещественная сторона их жизненного процесса, а, собственно говоря, только производственные отношения. Разумеется, тут перед нами диалектическое явление: чисто естественные предпосылки подвергаются влиянию со стороны общественных форм, и наоборот. Это не должно, однако, мешать нам строго различать (как это всегда и делали Маркс и Энгельс) обе стороны, обе функции одного и того же естественного процесса. Ибо это самое главное не только для уразумения исторического материализма, но и для понимания всего марксизма вообще. В истинности этого последнего утверждения мы будем иметь случай убедиться при ближайшем рассмотрении «теории» исторического материализма, излагаемой нашим тов. Лукачем.

Из всего сказанного я сделаю теперь два вывода, имеющих большое значение при критике Лукача и вообще «марксистов»:

1) Основной предпосылкой общественного бытия людей, т. е. общества, является природа, с одним вполне определенным ее законом: производительностью труда. Я, разумеется, не претендую на новизну этого вывода. Для марксистов это очевидно само собой. Но когда имеешь дело с «марксистами», бывает—как мы видели—полезно настаивать и на этом. «Общественное бытие», которым занимается исторический материализм, и «бытие», которым занимается диалектический, философский материализм,—не одно и то же. Более того: «бытие» есть предпосылка «общественного бытия». Поэтому тот, кто (как тов. Лукач) считает природу отражением общественных отношений, более того, самую закономерность природы—следствием капитализма, тот не имеет права принимать основные понятия марксизма, потому что — как только что было показано—в них во всех содержится естественный момент, как предпосылка их общественной функции. Либо ты материалист, и тогда ты принимаешь независимость, обектив-

рабами или под заботливым глазом капиталиста, совершает ли его Цинциннат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя». (Капитал, т. I, стр. 160—161).

Дело социологии впервые начинается с производственных отношений. И поэтому в этом смысле, т.е. с чисто исторической стороны, Маркс определяет общество следующим образом:

«Производственные отношения в их совокупности образуют то, что называется общественными отношениями, обществом, и именно обществом на определенной ступени исторического развития, обществом со своеобразным отличительным характером». (Маркс. Наемный труд и капитал).

Ибо только «отношение рабочих к другим рабочим» (или, позднее, к тем, кто не работает) составляет подлинный объект социологии—только производственные отношения, потому что только они и меняются. Отсюда уже прямо вытекает логический вывод, что потребительная ценность лежит вне ее области. Эта ценность является постоянной предпосылкой, когда ее упускают из виду, она заявляет о себе насильно (кризисы и т. д.), но изучение ее судьбы, способа ее созидания и т. д., словом, материально-техническая сторона трудового процесса затрагивается в политической экономии, и вообще в науках об обществе лишь постольку, поскольку понимание развития этой материально-технической стороны является предпосылкой для понимания обусловленных ею социальных форм.

Но в таком случае изображение этого материального процесса отличается принципиально от изображения исторических форм, которые над ней надстраиваются. Когда читаешь соответствующие места «Капитала» (напр., характеристику трудового процесса, или различных видов кооперации, постольку она берется не внутри какой-либо определенной общественной формации, а описывается независимо от всяких таких формаций, и т. д.), то приходишь к заключению, что тут применяется естественно-научный метод, а не социологический.

Этот факт Маркс подчеркивает самым решительным образом:

«Раз признана необходимость в специальном средстве обмена, т.е. необходимость денег, остается лишь выяснить, почему эта особая функция досталась золоту и серебру, а не какому-нибудь иному товару. Это вопрос второстепенный, и это объяснение следует искать не в общей связи отношения производства, а в специальных материальных свойствах золота и серебра. Отсюда ясно, что если экономисты «вышли» в этом случае «из пределов своей науки, и заговорили о физике, технике, истории и проч.», в чем упрекает их г. Прудон, то они сделали именно то, что должны были сделать. Вопрос лежит вне области политической экономии». (Ниц. Фил., стр. 84).

И ясно, почему. В самом деле, ведь эта сторона трудового процесса, технически-материальная сторона, есть чисто природный процесс. Способ созидания продукта труда (потребительной ценности) интересуется естествознание (химия, физика, инженеры и т. д.), а не социолога. Последнего же—лишь постольку, постольку эта сторона дела является предпосылкой общества. С этой точки зрения и социологу приходится описывать в естественно-научных терминах характер трудового процесса, перевороты, которые в нем происходят, а также возможные обратные воздействия на него (задержки или ускорения) со стороны общества,—по своему материальному содержанию процесс остается для него природным процессом.

Этот чисто природный процесс вторгается, конечно, в общественный процесс, он не только связан с этим последним, не только является его предпосылкой, но — как сказано — находится и во взаимодействии с ним. Все же собственную задачу социологии составляет не «бытие» людей, не их отношения к природе, не материально-вещественная сторона их жизненного процесса, а, собственно говоря, только производственные отношения. Разумеется, тут перед нами диалектическое явление: чисто естественные предпосылки подвергаются влиянию со стороны общественных форм, и наоборот. Это не должно, однако, мешать нам строго различать (как это всегда и делали Маркс и Энгельс) обе стороны, обе функции одного и того же естественного процесса. Ибо это самое главное не только для уразумения исторического материализма, но и для понимания всего марксизма вообще. В истинности этого последнего утверждения мы будем иметь случай убедиться при ближайшем рассмотрении «теории» исторического материализма, излагаемой нашим тов. Лукачем.

Из всего сказанного я сделаю теперь два вывода, имеющих большое значение при критике Лукача и вообще «марксистов»:

1) Основной предпосылкой общественного бытия людей, т.е. общества, является природа, с одним вполне определенным ее законом: производительностью труда. Я, разумеется, не претендую на новизну этого вывода. Для марксистов это очевидно само собой. Но когда имеешь дело с «марксистами», бывает—как мы видели—полезно настаивать и на этом. «Общественное бытие», которым занимается исторический материализм, и «бытие», которым занимается диалектический, философский материализм,—не одно и то же. Более того: «бытие» есть предпосылка «общественного бытия». Поэтому тот, кто (как тов. Лукач) считает природу отражением общественных отношений, более того, самую закономерность природы—следствием капитализма, тот не имеет права принимать основные понятия марксизма, потому что — как только что было показано—в них во всех содержится естественный момент, как предпосылка их общественной функции. Либо ты материалист, и тогда ты принимаешь независимость, объектив-

ную закономерность природы, либо ты перестаешь быть марксистом.

2) «Сознание» и «общественное сознание» точно так же не совпадают. Сознание относится к дальнейшим вопросам философского материализма, и лишь «общественное сознание» относится в область марксистской социологии. Ибо «общественное сознание» связано с «общественным бытием», но «сознание» опять-таки связано с «бытием». И на этом-то и обоснована объективность одной части наших знаний, эта часть именно потому и не состоит из идеологий, что она обоснована не на исторически меняющихся формах труда, а на материальном процессе жизни вообще, на «материальном содержании» этого вечного процесса. Идеологией же¹⁾ является всякое такое содержание нашего сознания, которое покоится не только на упомянутых, вечно сменяющихся формах. Эта марксистская теория познания — и только она одна — уничтожает возможность всякого полного релятивизма, всякого порочного круга.

4. „Сознание“ и общественное сознание.

Теперь я должен доказать два пункта: во-первых, что так оно действительно есть, и, во-вторых, что таково было мнение всех марксистов.

Начну со второго пункта. Возьмем, например, Ленина. Он говорит:

«Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т.е. развивающуюся материю, так общественное познание человека (т.е. различные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т.п.) отражает экономический строй общества» (Ленин. Три источника и т.д. марксизма. Собрание сочинений, т. XII, ч. 2, стр. 56).

Таким образом Ленин очень резко различает сознание человека и его общественное сознание. Первое он ставит в связь и в зависимость от природы, т.е. от «бытия», второе — от экономической структуры, т.е. от «общественного бытия». Как «бытие» не совпадает с «общественным бытием», так и «сознание» не совпадает с «общественным сознанием». Это следует, конечно, понимать не так, будто существуют два сознания: одно обобще-

¹⁾ Я употребляю здесь слово „идеология“ в смысле Лукача, т.е. понимаю под ней такое „мысленное образование“, которое выражает какое-либо явление природы или общества не объективно, не так, как оно есть. Когда я говорю: государство есть организация принуждения, созданная господствующими классами, то это не идеология; когда же я говорю: государство есть воплощение „правственности“, — то это идеология.

ственное, другое — нет (в спорах с идеалистами приходится быть весьма осторожным), — а так, что сознание людей заключает в себе содержания двойного происхождения. Одна часть наших понятий, знаний и т.д., хотя и возникла в обществе, находилась под его влиянием и т.п., но связана с нашим отношением не к обществу, а к природе. Другая часть относится к обществу в более узком смысле, т.е. к общественным отношениям людей между собой. Эта разнородная отнесенность означает вместе с тем и разнородную зависимость. Обе части находятся в определенном отношении друг к другу, они до известной степени могут влиять друг на друга, но они все-таки различны по существу.

Чтобы пояснить сказанное на примере, я возьму одно из важнейших естественных отношений, служащее в обществе основой для одного важного учреждения: я говорю о половых отношениях, как о предпосылке семьи.

Энгельс называл половое отношение («Происхождение семьи» и т.д. Предисловие) производством и воспроизводством людей. В отличие от производства и воспроизводства благ. Некоторым было угодно поставить ему это в упрёк (см. Г. Кунов, Die Marxsche Geschichtstheorie u. s. w., 2 Band. 140). Напрасно. Ибо он хотел только сказать: половые отношения людей — естественные отношения, так же как и производство было первоначально естественным отношением. Обоиими этими производствами социология интересуется не как естественным отношением, а только как предпосылкой для социологических форм (семья, с одной стороны, производственные отношения — с другой).

Семья во всех общественных организациях есть, прежде всего, трудовое товарищество. Не только люди, но и блага производятся в рамках семьи. Так с семейной жизнью связываются содержания сознания двойного рода: половые переживания (естественные) и переживания, вырастающие из характера семьи как трудового товарищества (общественные переживания). Часто случается, напр., что половые отношения внутри семьи прекращаются и завязываются новые на стороне. Но семья, как трудовое товарищество, сохраняется. Те же самые содержания сознания, которые в этом случае переживаются раздельно и в пространственном смысле, будут различными и (что для нас здесь важно) разнородными и содержаниями также тогда, когда семья представляет собою единство половых и трудовых переживаний.

Хотя эти разнородные содержания суть содержания одного и того же сознания, хотя они переплетаются и влияют друг на друга, все же их следует изучать отдельно, потому что они протекают различно, обнаруживая различные связи и закономерности. Именно, половые переживания, как таковые, относятся к сфере «сознания», семейные же переживания в более широком смысле — к сфере «общественного сознания». Это доказывается хотя бы уже тем, что половые

переживания не обнаруживают каких-либо существенных перемен в разные эпохи, тогда как «семейные переживания» постоянно изменяются.

Это различие двух составных элементов человеческого сознания вполне в духе Маркса, как он, например, сформулировал свою теорию исторического материализма в предисловии к «К критике политической экономии». Там Маркс говорит об «общественном сознании» людей и называет его содержание «идеологическими формами» (=идеологическими образованиями тов. Лукача).

Каковы же, по Марксу, эти «идеологические формы»? Он говорит:

«При рассмотрении таких переходов нужно всегда различать между материальным переходом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, словом—идеологическими формами, в которых люди осознают этот конфликт и изживают его».

Итак, «идеологическими формами» являются здесь те содержания сознания, в которых люди осознают конфликт между переходом в условиях экономического производства и теми производственными отношениями, в которых они жили до сих пор; и поэтому только «юридические, политические, религиозные, художественные или философские» содержания сознания причисляются к «идеологическим формам», но не естественные, например.

И вполне справедливо, ибо это последнее направлено не на производственные отношения, а на материальный процесс самой жизни, не на формы труда, а на трудовой процесс, как на процесс между человеком и природой, т.-е. (употребляя простое экономическое выражение) на продукт труда, поскольку он представляет собою потребительную, а не меновую ценность.

Эта часть сознания связана с природой (хотя в обществе и через общество), и лишь другая его часть, «общественное сознание» в более узком смысле, связана с изменчивыми формами трудового процесса, с его формальной определенностью. Это последнее содержание и есть то что называется идеологией.

В полном согласии с Марксом определяет идеологии и Энгельс:

«Экономическое положение есть базис, но различные моменты надстройки... правовые формы, а тем более рефлексы всей этой действительной борьбы в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и вырастающие из них догматические системы, тоже оказывают свое действие на ход исторической борьбы и во многих случаях определяют в первую голову ее форму» (Энгельс. *Der sozialistische Akademiker*, 1895).

Какова была по Энгельсу первая идеологическая сила, созданная людьми? Ею было государство (см. Z. Feherbach, 5). Идеология возникает, следовательно, вместе с классовым обществом, после распада общества на классы. Только после того, как на почве стихийно выросшего разделения труда возникло разделение на классы, могли и должны были возникнуть эти идеологии. Ибо классы суть не что иное, как соответствующие определенному уровню производительных сил производственные отношения; и только потому, что эти производственные отношения сами принимают, благодаря разделению на классы, идеологическую форму (форму отношений собственности, правовых отношений, о которых Маркс говорит, что они лишь «юридическое выражение» производственных отношений),— только поэтому может и должно возникнуть идеологическое образование «государство».

Итак, «идеологическими образованиями» Маркс и Энгельс, равно как в согласии с ними и Ленин, называют только такие мысленные образования, которые возникают из социальной формы, но никак не из материального содержания трудового процесса.

Этому на первый взгляд противоречит факт существования естественных религий у первобытных народов. «Религия возникла в самые первобытные времена из самых темных первобытных представлений людей о своей собственной и о внешней природе» (Л. Фейербах, перевод Плеханова, стр. 74).

Недостаток развития производительных сил и в связи с этим недостаточность развития этих «очень первобытных» людей создавали в них, разумеется, неправильные представления о самих себе и о природе. Но уже и на этой ступени «религии» (если вообще можно применять это название к явлениям той эпохи) отражают в большей степени отношения зависимости людей между собою, т.-е. производственные отношения, которые, конечно, завязываются между ними уже и до возникновения классового общества, чем их отношения к природе. Так, напр., Г. Кунов говорит:

«Конечно, так как всякий образ, существующий в представлении, обуславливается лежащим в его основе восприятием (субстратом), то в известном смысле можно сказать, что как окружающий мир природы (естественная обстановка), так и социальная среда (общественная жизнь) оказывают определяющее воздействие на религиозную идеологию; но, не говоря уже о том, что воззрения на природу в большей степени зависят от того, насколько успел человек технически использовать силы природы в производстве своей материальной жизни,—образы, получаемые в результате созерцания природы, дают только материал для внешних украшений,—хотелось бы сказать: почти только придают местный колорит для религиозного мысленного построения» (Происхождение религии и т. д., стр. 29 русского издания. Цитируется у Бухарина в «Теории исторического материализма»).

Подлинная религия начинается только в эпоху патриархата, т.е. в такой общественной формации, в которой берет свое начало разделение классов. (Подробнее об этом см. у Бухарина, Теория исторического материализма, стр. 192 сл.). Хозяйственная, «политическая» и духовная власть патриарха является, впрочем, предшественницей и государства. Что эта религия, которую одну только и следует называть религией в собственном смысле, примыкает к уже наличному идейному материалу и переплетается с ним, это понятно само собою. Но идеологическим образованием она является только потому, что опирается не на материальное отношение людей к природе, не на материальный трудовой процесс, как таковой, а на отношения людей друг к другу.

Как бы то ни было, ясно, что ни Маркс, ни Энгельс, а также ни один выдающийся марксист, не причисляли естественные науки, не говорю уже об историческом материализме, к идеологиям. Это и в самом деле не идеологии. Не идеологии потому, что мы имеем в них объективные (хотя частью и относительные) истины, и эта их объективная истинность коренится в материальном процессе жизни человечества, в обмене веществ между ним и природой.

Тов. Лукач не станет оспаривать, что все развитие, напр., современного естествознания, шло рука об руку с развитием производственного процесса и от него зависело. Его ошибка только в том, что он думает, что это развитие естественных наук зависело от капитализма, как определенной исторической формы трудового процесса. Это вовсе не так. Капитализм, как историческая форма материального процесса жизни, и капитализм, как целое технически-материального процесса жизни (уровень развития производительных сил), это две совсем разные вещи. Поэтому Маркс говорит:

«Он (т.е. капиталистический способ производства), не только производит материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит и те производственные отношения, в которых эти продукты производятся, воспроизводит, следовательно, и соответственные распределительные отношения». («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 417).

Развитие естественных наук коренилось в гигантском развитии производительных сил нового времени. Капитализм, как форма производства, разумеется, ускорял это развитие: он ведь и был не чем иным, как именно той формой, которую развивавшиеся производственные силы создали себе в недрах феодального общества. И рука об руку с развитием этой формы развивались и естественные науки. Так возникает видимость, будто развитие естественных наук зависит от данной определенной формы, а не от материального содержания этой формы, и будто в естественных науках мы имеем выражение этой определенной формы, а не материального содержания трудового процесса.

Поэтому тов. Лукач и полагает, что «закономерность природы», что «математический», «точно-научный рационализм» есть продукт овеществления, как «рационализм», «требование имманентной причинной связности» вообще (стр. 125). Уже в своей полемике против Энгельса, тов. Лукач не понял различие между «капиталистической промышленностью» в технически-материальном смысле, смешав то и другое. Здесь (и повсюду) он повторяет ту же ошибку: ибо ясно, что развитие естествознания коренится в капитализме, как в технически-материальном целом материального процесса жизни, а не в капитализме, как в экономически-социальной форме. Эта последняя, напротив, очень часто задерживает развитие.

«Рациональность», «точность», трезвая калькуляция—тоже имеет две стороны; это не сплошь «продукт овеществления», как слишком просто изображает дело тов. Лукач. Здесь он был введен в заблуждение Максом Вебером, а может быть, он и его неправильно понял. Рационализм и т. д. естественных наук выражает рост овладения природой: это овладение происходит практически через трудовой процесс. Эта рациональность и т. д. не исчезнет и с капитализмом. Но «дух» капитализма, та рациональность, которая истекает из погони за барышами, она-то, разумеется, исчезнет вместе с капитализмом, но она и не имеет ничего общего, кроме названия, с рациональностью естественных наук.

Все наши познания рациональны потому, что сам трудовой процесс сделался рациональным. Нынешняя ступень производительных сил давным давно переросла «первые живоотнообразные инстинктивные формы труда». О нынешнем способе труда Маркс говорит:

«Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т.е. в представлении работника». (Капитал, т. I, стр. 154).

Эта рациональность, все больше и больше приобретающаяся трудовым процессом—после исчезновения его инстинктивных форм—на протяжении всей истории, не только не исчезнет и в коммунистическом обществе, не только не уступит в нем место какой-то интуиции, в мистическом смысле тов. Лукача (стр. 156)¹⁾, но она еще возрастет в нем в тысячу раз. И рациональность, точность

¹⁾ Здесь тов. Лукач говорит: „В нем (диалектическом методе) требование интуитивного интеллекта (методического преодоления рационалистического принципа познания) получает ясную, объективную и научную форму“.

(не «точность»), закономерность естественных наук, будучи только следствием рациональности и т. д. трудового процесса, возрастут вместе с ней. Естественные науки стали ведь в наше время планом, который находится в голове строителя.

Итак, наши познания рациональны, потому что рационален трудовой процесс. И наши познания объективны, потому что объективен сам трудовой процесс, и они лишь постольку объективны, поскольку укоренены в этом объективно-материальном трудовом процессе.

В этом и весь смысл как марксовых тезисов о Фейербахе, так и рассуждений Энгельса против агностиков, — рассуждений, столь основательно не понятых тов. Лукачем. «Преобразующая» практика, о которой все время говорит Маркс, это и есть реальный материальный трудовой процесс. Слова Энгельса „The proof of the pudding is in the eating of it“¹⁾ и означают этот единый трудовой процесс, а вовсе не — как фантастически-метафизически изображает Лукач — «практическое осуществление классового сознания пролетариата», не «ту точку зрения, что пролетариат есть тождественный субъект-объект исторического процесса» (стр. 217). Тов. Лукач соединяет здесь, как и всюду, «блестящую фразу с пустотой содержания» (Ленин, Что такое друзья народа и т. д. Собр. сочинений т. I, стр. 67). Если все эти «философские выверты» освободить от их историко-философских облачений, то в них найдется крупица истины. Но только крупица — то, что в них останется за вычетом идеализма тов. Лукача. Маркс и Энгельс всегда отстаивали единство теории и практики, мышления и бытия, — но этим единством является у них трудовой процесс. В чем упрекал Маркс Прудона?

«Когда дело идет о том, чтобы отдать себе точный отчет о стачках, коалициях и других формах, в которых пролетариат осуществляет на наших глазах свою организацию, как класса, то одних охватывает настоящий страх, тогда как другие высказывают трансцендентальное презрение». (Маркс, Das Elend der Philosophie, стр. 162).

Трансцендентальное презрение уступило место столь же трансцендентальному непониманию. Непонимание заключается в том, что не видят, что единство мышления и бытия, субъекта и объекта, осуществляется через трудовой процесс и в нем: через производящего рабочего, который своим живым трудом все время растворяет застывшие данности в процессы. Все попытки Лукача, преодолеть вещную структуру внешнего мира, объясняемую им капиталистическим овеществлением, неизменно упираются в мистику. Вместо нашего овеществленного рассудка он требует «интуитивного» взгляда на вещи, он хочет, чтобы «вещи», которые в сущности суть про-

¹⁾ „Пуддинг доказывают тем, что с'едают его“ — известное изречение Энгельса против агностиков.

цессы, и «созерцались» нами, как процессы. Он считает, что это заблуждение овеществленного рассудка — «видеть в вещах вещи». Он не замечает, что его требование, поскольку оно не просто нелепость, уже выполнено в реальном трудовом процессе. Производство есть та почва, на которой субъект и объект объединяются в процессе труда, когда труд живого индивидуума объективируется в продукте, когда его трудовое усилие целесообразно видоизменяет данное в природе.

Поэтому презрение выражается не только в непонимании стачек и т. д., но и в том выражается трансцендентальное презрение, что именно процессу труда не отводится подобающее место в историческом процессе. Думают, что оказывают пролетариату честь, когда в его сознании усматривают средство для преодоления противоположности мышления и бытия. Но нет, с точки зрения сознания пролетариат к этому точно так же неспособен, как и всякий идеализм до него. «Пролетарский» идеализм в этом отношении ничем не отличается от прежнего. Но пролетариат первый революционный класс в мировой истории, являющийся действительно производящим классом и, как таковой, целиком укорененный в производстве. «Практическое осуществление классового сознания пролетариата» Маркс описал следующим образом:

«Для того, чтобы угнетенный класс мог освободиться, должна быть достигнута ступень, на которой уже приобретенные производительные силы и действующие общественные учреждения не могут даже существовать рядом друг с другом. Из всех орудий производства наибольшей производительной силой является сам революционный класс». (Там же).

Потому, что пролетариат «из всех орудий производства является наибольшей производительной силой», его бытие и мышление коренятся в трудовом процессе. «Практическое», действительность — это и есть трудовой процесс. И в этом трудовом процессе коренится, следовательно, и единство теории и практики. «Изменение мира» совершается изо дня в день в производстве. Между материальным содержанием труда и его историческими формами до сих пор всегда существовала та непримиренная противоположность, что одни трудились, а другие пользовались плодами их трудов. По этому поводу создавались различные теории, отчасти, чтобы оправдать этот факт, отчасти, чтобы утешиться в виду его «несправедливости». В этом заключалась задача религии и философии. Философы объясняли мир тем, что преобразовали его, прославляли его, как место, где некогда воцарятся свобода и бог. О действительной несвободе и аде, царящих на земле, они заботились крайне мало и даже освящали их. Единство теории и практики в марксизме заключается в том, что он — первая теория, которая становится на точку зрения, практики, которая признает практику, не преобразует, а объясняет ее. Такая теория стала возможной потому, что сам трудовой процесс готов совлечь с себя свои разнообразные оболочки.

свои исторические формы. Он выступает в обнаженном, голом виде, и этим своим обнаженным выявлением полагает конец всякому расколу между теорией и практикой. Но что это означает, как не то, что отныне должны исчезнуть все идеалистические предрассудки? Не есть ли диалектический материализм и исторический материализм только теория, соответствующая конкретному трудовому процессу, освобожденному от всех исторических облачений? Не проникаю ли я в суть капиталистического овеществления единственно только благодаря тому, что за формами труда постигаю сам конкретный процесс труда? Лукач видит в философском и историческом материализме только идеологии. Но это не так, наоборот! Тот и другой материализм соответствуют точке зрения пролетариата, и только они одни и могут ему соответствовать, потому что они, теоретически, так же укоренены в действительном, обнаженном, реальном трудовом процессе, как пролетариат укоренен в нем своим бытием. В этом единство теории и практики: пролетариат и материализм, оба укорененные в реальном процессе труда, представляют собой единство теории и практики. Пролетариат творит, производит практику, а теория пролетариата понимает то, что он творит.

На ряду с материализмом, и естественные науки точно так же коренятся в трудовом процессе, находятся в неразрывном единстве с практикой, т. е. с процессом труда и именно поэтому не являются идеологиями.

Маркс и Энгельс были слишком хорошими марксистами, чтобы не указать совершенно ясно на трезвый трудовой процесс, как на ту «практику», которую они имели в виду. Производство ализарина, промышленность, осуществляющая наши цели, делающая из «вещей в себе» вещи для нас—эта промышленность и есть та практика, в которой лежит корень всех наших объективных, неовеществленных, неидеологических знаний.

Простой пример хорошо разъяснит, каким образом наши объективные знания коренятся в трудовом процессе, как таковом, а все идеологии—в исторических формах этого процесса.

Представим себе, что какой-нибудь архитектор, христианский социалист по образу мыслей, строит церковь. Он может сколько угодно раз перекреститься во время стройки, но он все-таки будет строить церковь так, чтобы она не рухнула. При этом он не будет полагаться на волю божию, а будет соблюдать законы силы тяжести. Что выстроенное таким образом здание есть церковь, что оно служит религии, строится для прославления бога, что архитектор при этом крестится и т. д.,—все это идеология, но что оно строится и как оно строится (именно, с соблюдением законов природы)—это уже не идеология.

Правда, в естественных науках могут присутствовать и идеологические элементы. Что, напр., ньютоновская картина мира, допущение твердого атома и т. д. обусловлены структурой капиталисти-

ческого (вернее, товарного) общества—это так. Рассматривал же Ньютон вселенную, как «сцену бога». Что дифференциальное исчисление возникло вместе с мирозерцанием капиталистического общества, совершенно бесспорно. Более того, все развитие естественных наук, как уже отмечено, связано с капиталистическим обществом. Но, как мы видели, в конечном счете это означает только, что оно связано с трудовым процессом. Если, по тов. Лукачу, классическая немецкая философия достигла своей вершины в постулате, что мышление может познать только то, что оно само же «породило» (тов. Лукач называет это проблемой «генезиса»), то и здесь Маркс оказывается наследником этого «высшего»: человек понимает только то, что он сам породил, но не в своем мышлении, а в своем производстве. Труд, практика есть «дело-действие» (Tathandlung) человека, а не то мистическое, непостижимое нечто, во что оно превращается у тов. Лукача.

Если же тов. Лукач полемизирует (как мы видели) против взгляда Энгельса, что труд, промышленность, есть корень всякого объективного познания человека (как то установил и Маркс во 2. тезисе о Фейербахе в качестве оселка всякой философии), и если в этой полемике он забывает о различии между трудом, производством, как вечным обменом веществ между человеком и природой с одной стороны, и капиталистическим производством, капиталистической формой этого обмена веществ, с другой,—то он поступает совершенно так же, как буржуазная политическая экономия.

«Определенные свойства, принадлежащие орудиям труда, превращают в непосредственные свойства... капитала, или экономическую определенность формы смешивают... с вещественным свойством» (Маркс, Капитал, т. II, стр. 137).

Но если наше объективное познание и, в особенности, наше познание природы, связано с трудовым процессом, то отсюда само собой вытекает, что это познание природы не может быть идеологией. Ибо как труд есть вечное явление природы, передающее свои результаты от поколения к поколению, все более совершенствуясь при этом; как однажды приобретенные производительные способности и достижения служат осязательными основами для дальнейшего развития; как однажды достигнутая высота производительных сил, т. е. наша техника, не есть идеология и не отбрасывается просто в сторону, а путем непрерывного процесса ведет от раз достигнутой ступени к следующей,—точно так же в этих постоянных, объективно-материальных, осязательных трудовых процессах и приемах, машинах и орудиях и т. д. объективно рождено некоторое количество познания, и именно познания природы, которое — рука об руку с трудовым процессом — тоже непрерывно ведет ко все более высоким познаниям.

Изречение Маркса и Энгельса: наше познание простирается так далеко, как наша практика, наша промышленность, — имеет

стало-быть, и следующее значение: наши познания объективируются в нашей промышленности. И так как промышленность есть вечный процесс природы, который, как таковой, не следует смешивать с его капиталистической и т. д. оболочкой, то этот вечный объективный процесс обуславливает и запас объективных истин, которые опять-таки не следует смешивать с идеологическими элементами, приводящими к этим объективным истинам и перелетающими с ними.

Всякое орудие есть не что иное, как практическое приложение некоторого количества познания природы; всякая машина есть объективированное естествознание. И в естественных науках объективно истинно как раз то, что возникает рука об руку с трудовым процессом в результате эксперимента, — и тем доказывает свою «неидеологичность». Промышленность, как вечный, естественный процесс, как обмен веществ между человеком и природой, имеет свои законы; и промышленность, как особая историческая форма этого процесса обмена, имеет тоже свои законы. Легко видеть, что социология занимается только последними; они представляют собою переходящие исторические образования (как-то: товар, ценность, деньги, государство и т. д.), законы же промышленности (а не ее формы) суть законы природы и, следовательно, представляют собой не идеологию, а суть в такой же мере познание реальных связей природы, ее «неумолимых закономерностей», в какой промышленность, как вечный естественный процесс, есть «неумолимая закономерность» природы (а не общества). В обществе часто бывает так, что этот неумолимый закон не соблюдается: рабочему не дают возможности осуществить нужный обмен веществ с природой и он умирает с голоду. Это — область идеологии (права, тоже «неумолимой»); т. е. объяснение этого факта есть задача социологии. Но сам обмен веществ остается все-таки естественным процессом, и тут решительно ничего не может изменить никакая идеалистическая философия.

Объективность, истинность, не-овеществленный характер марксизма и точки зрения пролетариата коренятся опять-таки в том, что это — точка зрения того класса, который сам производительно принимает участие в материальном процессе жизни и не только не заинтересован в его исторической форме, в капитализме, но даже наоборот — заинтересован в исчезновении этой формы. Как бы ни овладевало общество даже головами пролетариев, — пролетарии все же никогда не теряют связи с материальным производством и поэтому никогда не теряют вполне способности прозревать сущность идеологических форм. Теория же пролетариата есть просто естествознание нынешнего общества, — подобно естествознанию она коренится в материальном процессе жизни и отсюда прозревает все иррациональности строящихся на нем форм. Подобно естествознанию, пролетарская теория не есть идеология потому, что хотя она и занимается формами обще-

ственной жизни, но не с точки зрения этих форм, а так, что с точки зрения материального процесса жизни она судит об этих формах; она — не идеология, потому что она объективно укоренена в объективном материальном процессе жизни, потому что она сама объективна.

Впрочем, об историческом материализме мы поговорим после. Теперь мы можем вернуться к нашему исходному пункту. Порочный круг, полнейший релятивизм тов. Лукача есть целиком его собственное достояние, марксизм с благодарностью отказывается от него, в марксизме он не существует. Для идеалиста этот порочный круг неизбежен, даже когда он «марксист». Ибо когда исходным пунктом для объяснения всей действительности, т. е., как общества, так и природы, берется «общественное бытие», тогда, разумеется, исходный пункт повисает в воздухе, и именно объективность всего нашего мирозерцания пропадает безвозвратно.

Тов. Лукач, конечно, прав, усматривая высшее достижение классической немецкой философии в том, что она обрела историю («деятельность», «действие» людей), как область единства субъекта и объекта (стр. 136).

«Фактическое», «иррациональное», «данное», «сырую фактичность» природы классическая немецкая философия хотела «рационализировать», разрешая природу в мысли, — так, чтобы не оставалось ничего иррационального, — провозглашая, как постулат, что мышление может понять только то, что оно само же породило. Так как людской логический путь ведет к разрешению всего мира в мир мысли, или, по крайней мере, в мир человека, то история становится только человеческой историей, точнее: историей духа, историей философии (у Гегеля). Но это неслыханное заблуждение — не видеть, что хотя Маркс и Энгельс и переняли у классической философии понятие «истории», как объединяющей связи между природой и обществом но что они отбросили при этом как раз то ограничение, в силу которого история об'является только человеческой историей. Как раз об этот последний постулат разбилась классическая немецкая философия, а между тем именно эту точку зрения, на которой однажды уже потерпела крушение вся философия, тов. Лукач и занимался без всякой критики из арсенала идеализма. Он говорит, например:

«Если мы в состоянии понять всю действительность, как историю (т. е. как нашу историю, потому что другой не существует), то тем самым мы фактически поднялись на такую точку зрения, с которой действительность может быть понята, как наше «действие» (стр. 160).

Но неверно, что другой истории, кроме «нашей», не существует. Маркс и Энгельс говорят, наоборот:

«Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон и делить ее на историю природы и историю людей».

«Но первенство внешней природы должно быть сохранено» (Маркс—Энгельс. Немецкая идеология, стр. 218).

Человеческая история есть история только потому, что природа сама есть история, равно как и протекает человеческая история диалектично только потому, что так протекает история самой природы. Но первенство внешней природы должно быть сохранено. Итак: овладение миром, как единым процессом, происходит, правда, на почве истории, но не как человеческой только истории, а как истории природы и человечества. Верховным понятием является история. Весь мир—история, но не «наша» история: она «распадается на историю природы и историю человечества». Но «история природы—это естественные науки». (Там же). И она не зависит от человеческой истории.

Неизбежной предпосылкой исторического материализма является, таким образом, философский материализм, т.е. признание природы, существующей независимо от людей, и ее независимо действующей, реальной закономерности. При этой, и только при этой, предпосылке и «общественное бытие» оказывается прочно обоснованным в «бытии», и объективность нашего познания природы не исчезает, как идеология, вместе с меняющимися формами общества.

И не только объективность естествознания, но и объективность нашего общественного познания. Тот же самый трудовой процесс, который обеспечивает объективность нашего познания природы, обеспечивает и наше общественное познание от исчезновения в «полный релятивизм». Нет, исторический материализм не должен быть «применен к самому себе»: он не—«идеология».

Единственным доказательством правильности материалистической «мифологии» и «метафизики» остается раз навсегда—«преобразующая практика»: трудовой процесс, промышленность.

5. «Смена функций» исторического материализма.

Теперь уже нет надобности подробно говорить ни о самом явлении овеществления, ни о его изображении у тов. Лукача. Укажем вкратце только на то, что овеществление означает не что иное, как описанный Марксом в I томе «Капитала» «товарный фетишизм». Этот «фетишизм» состоит, как известно, в том, что общественные отношения, отношения между людьми, превращаются в отношении между вещами, за которыми скрываются и, таким образом, «овеществляются» отношения между людьми, истинными двигателями этих вещей. Этот «фетишизм» или это «овеществление» начинается уже с простейшего товара, даже самая форма ценности есть уже выражение этого «овеществления», ибо она

есть «общественное отношение одного товара к другому» («Капитал», том I, стр. 15), что в сущности невозможно, ибо товары, т.е. вещи, не могут вступать в общественные отношения друг с другом. Происходит «овеществление ценности» («Капитал», т. I, стр. 16), возникает особый товарный язык («Капитал», т. I, стр. 17), наряду с потребительной ценностью, этой естественной плотью продукта труда, возникает плоть ценности («Капитал», т. I, стр. 17). Естественная вещь превращается в «общественную вещь» («Капитал», т. I, стр. 33), которая, наряду со своими натуральными свойствами, обладает еще «общественными натуральными свойствами» (там же). Так возникают «вещественные отношения лиц и общественные отношения вещей» («Капитал», т. I, стр. 34). И, в результате этого овеществления, для живущих в товарном обществе людей «их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того, чтобы его контролировать» («Капитал», т. I, стр. 35).

Ясно, что такой основополагающий факт, как овеществление или товарный фетишизм не может ограничиваться одним миром товаров, одной экономикой. В большей или меньшей степени он должен оказать свое действие на всю область общественной жизни, и что нас здесь—в связи с тов. Лукачем—больше всего интересует, он должен обнаружить свое действие и в сознании людей, живущих в капиталистическом обществе.

В головах этих людей возникает «транспонированное», «ложное», «мистифицированное» сознание (все — выражения Маркса), представляющее собою, конечно, общественное явление первостепенной важности, ибо оно служит сознательным мотивом человеческих поступков. Тов. Лукач действительно и ставит себе целью «указать на те основные проблемы, которые вытекают из фетишистского характера товара, как предметной формы, с одной стороны, и из отнесенного (zugerechnet) к ней субъективного поведения,—с другой (стр. 95).

Эту «отнесенность» мы уже знаем. Она относится к тем поступкам, которые люди совершали бы, если бы овеществленные завладело всем их сознанием. По тов. Лукачу, это так и есть. Все сознание современных людей целиком заполнено идеологиями, даже исторический материализм—идеология.

Я старался показать—и, думаю, это удалось мне,—что содержание сознания состоит не из одних только идеологий. Математика и естествознание не идеологии, хотя, возможно, в них и заключаются идеологические элементы. Не идеология и философский материализм, так как его объективная, ни от каких общественных формаций не зависящая истинность доказывается материальным процессом труда. И только такие мысленные образования суть идеологии (в смысле Лукача), которые коренятся не в материальном содержании, а в определенной исторической форме производства.

Ясно, что тут опять смешивает тов. Лукач. Овеществление — специфическое явление товарного общества, и только в капиталистическом обществе получает оно серьезное распространение. Так, Маркс говорит:

«В прежних общественных формах эта экономическая мистификация выступает преимущественно по отношению к деньгам и приносящему проценты капиталу. По самой природе дела она исключена, во-первых, там, где преобладает производство ради потребительной стоимости, для непосредственного, собственного потребления; во-вторых, там, где, как в античную эпоху и в средние века, рабство или крепостничество образует широкую основу общественного производства: господство условий производства над производителями замаскировывается здесь отношениями господства и подчинения, которые являются и выступают как непосредственные движущие «пружины производственного процесса» (Капитал, т. III, ч. 2, стр. 369).

По теории Лукача, все содержания нашего сознания идеологичны потому, что являются «продуктом овеществления». Но и вне капиталистического общества тоже существовали идеологии. Тов. Лукач знает это не хуже меня. Стало быть, овеществление обуславливает не существование идеологии вообще, а существование идеологии определенного типа. Овеществление обуславливает особый тип идеологии современного общества и способ их связи — то, что Маркс называет «Vorstellungswiese», а Бухарин «стилем» данной эпохи, т.е. «основные принципы координации» (Бухарин, «Атака» стр. 124). Овеществление есть не что иное, как определенный тип производственных и общественных отношений между людьми, и область его распространения может, правда, быть шире, чем то имело место при других общественных порядках, где личные отношения людей гораздо меньше скрывались за вещной оболочкой и отношения вещей не превращались или гораздо меньше превращались в личные отношения, — но все же этому распространению поставлен предел самими производственными отношениями. Ибо в предприятии, в материальном процессе жизни отдельные элементы производства должны сами вступить в действительные, производственные отношения друг к другу; рабочий и орудия, сырье и т. д., должны быть реально связаны друг с другом, и эти связи не могут быть заменены никакими «идеологиями» и «овеществлениями». Тем самым поставлена граница всякой идеологии. Ибо все те содержания сознания, которые приобретаются деятелями производства (настоящими, а не, например, капиталистом) на фабрике, во время и вследствие реального процесса труда, т.е. материальная сторона этого процесса; те следы, которые она оставляет в их сознании, — все они не овеществлены, не идеологичны. И такие содержания весьма разнообразны.

И именно в сфере непосредственного производства даже капиталист вынужден мыслить неовещественно. Так, Маркс говорит:

«Когда мы говорили о простейших категориях капиталистического способа производства и даже товарного производства, мы уже указали на тот мистифицирующий характер, благодаря которому общественные отношения, для которых при производстве материальные элементы богатства служат носителями, превращаются в свойства самих этих вещей (товар) и, что еще ярче, само производственное отношение — в вещь (деньги). Все формы общества, поскольку они доходят до товарного производства и денежного обращения, в той или иной мере характеризуются таким искажением действительных отношений. Но при капиталистическом способе производства и при капитале, который является его господствующей категорией, его определяющим отношением производства, этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие. Если мы будем рассматривать капитал прежде всего в непосредственном процессе производства, — рассматривать, как силу, выкачивающую прибавочный труд, — то это отношение еще очень просто; и, действительная внутренняя связь еще прямо навязывается носителям этого процесса, капиталистам, и еще сознается ими. Это убедительно доказывается упорной борьбой из-за границ рабочего дня» (Капитал, т. III, ч. 2, стр. 364).

Таким образом, ясно, что именно смешивает тов. Лукач: он смешивает тот особенный характер идеологии капиталистического общества, в силу которого все они коренятся в явлении овеществления, с распространенностью, с границей этого явления. Он просто-напросто хватил через край.

Наиболее роковым образом это забвение границ всех идеологий дает себя чувствовать в той «теории», с помощью которой тов. Лукач исправляет «классическую форму» исторического материализма.

Кто не вспомнит тут Богданова? Богданов исправил «классическую» форму исторического материализма тем, что объявил тождественными общественное бытие и общественное сознание. Это была идеология, но ее нет в историческом материализме. Исправление, вносимое в исторический материализм тов. Лукачем, сводится к тому же, что утверждал Богданов, — это исправление есть также идеология, «продукт овеществления», но подлинная, классическая форма исторического материализма столь же мало идеологична, как не идеологично, например, утверждение, что то, что изображается тов. Лукачем, как исторический материализм Маркса, есть все, что угодно, только не исторический материализм Маркса.

Если я утверждаю, что исторический материализм есть «функция капиталистического общества», есть «идеология», то как мы видели — в результате является полнейший релятивизм. Но как обстоит дело о историческим материализмом в действительности?

Исторический материализм включает в себе две группы истин. Одна группа относится к трудовому процессу, как к вечному естественному условию человеческих обществ. Таковы следующие истины:

«При общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальный базис, на котором воздвигается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический, весь духовный процесс жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Это, как и сам трудовой процесс,—вечные истины.

При общественном производстве своей жизни люди всегда будут вступать в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения, в производственные отношения. Эти последние всегда будут соответствовать определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений всегда будет образовывать экономическую структуру общества, реальный базис..., которому будут соответствовать определенные формы общественного сознания. Всегда будет так, что способ производства материальной жизни будет обуславливать социальный и вообще духовный процесс жизни. Это вечная истина, что не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.

Только юридическая и политическая надстройка сойдет когда-нибудь на-нет, но это ее исчезновение—и исчезновение навеки—само будет обусловлено материальным производством человеческой жизни.

С историческими формами трудового процесса связана другая группа истин, о которой каждый может прочесть сам в предисловии к «Критике политической экономии», вслед за только что полностью приведенным местом. Как сами эти формы, так и эта группа истин имеет лишь условное значение; все эти истины имеют силу только в пределах классового общества. Я думаю, это ясно и без доказательств.

К этой второй группе истин относится то, что тов. Лукач ошибочно распространяет на всю теорию исторического материализма:

«Эти истины имеют силу внутри определенного социального и производственного порядка (т.е., с моей точки зрения, в течение всего периода классового общества. Л. Р.). Как таковые, но только, как таковые, они обладают безусловным значением» (стр. 235).

Он думает, конечно, что, внося эту поправку, он поступает как раз в духе исторического материализма. Ведь исторический материализм «должен быть применен к самому себе». Он, стало быть, только делает выводы из самой теории. Выводы, которых сам Маркс не сумел сделать. Он не виноват, что «исторический материализм вошел в общее сознание, к сожалению, только в вульгаризованной форме» (стр. 235). Тут тов. Лукач не пойдет ни на какие компромиссы.

«Тут противоположность возвышается над спорами, ведущимися между подлинным и вульгаризованным марксизмом в плоскости критики капиталистического общества. Тут задача уже в том, чтобы в духе диалектического метода возвыситься над достигнутыми доселе результатами исторического материализма; в том, чтобы применить его к такой области, к которой он еще не мог быть применен в согласии с его сущностью, как исторического метода; и это — со всеми теми изменениями, которые новый, принципиально и качественно, материал делает обязательными для всякого несхематизирующего метода и, следовательно, для диалектики прежде всего» (стр. 254).

«Новая область», это—будущее общество. Последнее я оставляю в стороне, потому что не осведомлен о нем так хорошо, как тов. Лукач, хотя и думаю, что применению исторического материализма к этой интересной области мешают не какие-нибудь «принципиальные и качественные» основания, а просто то обстоятельство, что этого общества еще нет, а никакая теория не может быть применяема к области, которая даже еще и не существует. Отмечу, однако, что если классическая форма исторического материализма имеет силу только в капиталистическом обществе, то внесенное в него теперь исправление означает, что в будущем он уже не будет иметь силы в этой «классической форме», как он еще не имел ее в этой форме в докапиталистических обществах.

«Отсюда следует, что к докапиталистическим социальным образованиям исторический материализм может быть применен не совсем так же, как к капиталистическому развитию. Тут требуются гораздо более сложные и тонкие анализы, чтобы, с одной стороны, вскрыть, какую роль среди движущих общественных сил играли чисто хозяйственные силы.

несколько тогда вообще существовали такие в строгом смысле слова, — и чтобы, с другой стороны, показать, как эти хозяйственные силы действовали здесь на остальные общественные образования» (стр. 245).

И это все? — спросил удивленный читатель. — Весь глубокий спор сводится к более тонким анализам? В этом состоит столь громко и возмущенно «смена функций» исторического материализма? — О, это только «осторожная» формулировка, несколько, однако, не скрывающая, что по существу исторический материализм превращен здесь из строгой теории, имеющей силу для всех прошлых общественных формаций (и в ее основоположной части также и для всех будущих) в — вульгарно-марксистское *qui pro quo*.

Тов. Лукач просто не имеет никакого понятия о том, что значит по Марксу общество, хотя он и употребляет неумеренно часто слово «целостность» (Totalität). По Марксу, как мы видели, общество (прошу заметить: всякое общество, в том числе и прошлое, и будущее) есть просто совокупность отношений, в которые люди вступают друг с другом в целях производства своей материальной жизни. Общественная жизнь означает, по Марксу, «производство общественной жизни».

Отсюда тотчас же вытекает первое замечание против Лукача. До какой бы «тонкости» мы ни довели наш анализ, мы никогда не найдем «чисто хозяйственных» «сил», которые «действуют»: в такой вульгарной форме Маркс никогда не выражал свою теорию исторического материализма. Но мы найдем зато, что основу общества составляют производительные силы, которые, однако, согласно сказанному выше, являются в равной мере основой всякого общества, ибо общество есть не что иное, как «производство материальной жизни». В свою очередь, общественные элементы богатства служат носителями» (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 364), суть не что иное, как сами производственные отношения. «Производственные отношения в своей совокупности и образуют то, что называется общественными отношениями, обществом» (Маркс, «Наемный труд и капитал»).

Если бы одной этой фразы Маркса было мало, то из следующей за ней выясняется уже с полной очевидностью, каково — как бы это выразиться? — каково «философское глубокомыслие» сделанного Лукачем «исправления». Ибо в этой фразе Маркс говорит, что все общества без исключения отличаются друг от друга только производственными отношениями.

В самом деле, вслед за приведенным только что местом, Маркс продолжает: «И именно обществом на определенной исторической

ступени развития, обществом со своеобразным, отличительным характером».

Иначе и не может быть, если общество = производственные отношения; тогда ведь все общества, без исключения и в одинаковой мере, должны сообразоваться с производительными силами. И кто хотя бы только один раз как следует вдумался в исторический материализм «в его классической форме», для того это ясно раз навсегда, и ясно, что тут невозможно никакое... углубление. Ибо так как общество есть не что иное, как производственные отношения, но не только всякое общество изменяется вместе с изменением производственных отношений, но и просто бессмысленно говорить, что одно общество зависит больше, а другое меньше от «чисто» хозяйственных сил. От «хозяйственных сил» (на языке Маркса: от условий производства) зависят непосредственно единственно только производственные отношения; и притом не в большей или меньшей мере, а безусловно. Это, вероятно, понимает и тов. Лукач. Что же касается общества, то оно не «зависит» от производственных отношений, а «тождественно» с ними.

Второе замечание: производственные отношения суть в то же время и отношения распределения (отношения собственности). Способ распределения означает классы. Классы означают классовую борьбу.

Если «классическая форма» исторического материализма прежде не имела силы, если в докапиталистических обществах не «существовало» «чисто» хозяйственных «сил», то, стало быть, производственные отношения не обуславливали тогда отношений распределения, и эти последние не были основой классов. А, стало быть, не было и классов (или, если они были, то были не в результате действия «хозяйственных сил», а, вероятно, сваливались с неба¹⁾, и не было также классовой борьбы. Во всяком случае не было в ее «классической форме».

Третье замечание: классы и классовая борьба вызвали к жизни государство. Если при «докапиталистических общественных формах» не было «чисто» хозяйственных «сил», и если поэтому классовая борьба вращалась тогда не вокруг «чисто» хозяйственных интересов (ибо именно это логически вытекает из утверждения, что тогда не существовало «чисто» хозяйственных сил), — то на чем основывалось тогда государство и в чем состояла его функция? Может быть, и классовая борьба не вращалась тогда «на чисто» вокруг государства? Может быть, «при докапиталистических общественных формах» даже и государство не существовало в своей «классической форме»?

¹⁾ Я это говорю не в шутку. По теории Макса Вебера, в докапиталистических обществах решающую роль играли не хозяйственные, а религиозные «мотивы» (табуэтические), — он называет их «харизматическими». И здесь, как в других случаях, тов. Лукач прикинул к взгляду Вебера против марксизма и в угоду своему учителю пожертвовал историческим материализмом.

К таким, между прочим, мелочам приводит пересмотр «классической формы» исторического материализма. О выводах, относящихся к современности, я уже не говорю: если тов. Лукач вдумается в три приведенные замечания, то он сам, быть может, сообразит, к каким выводам отрицание значимости «классической формы» исторического материализма приводит, например, в вопросе о диктатуре пролетариата.

Чтобы избежать этих выводов, тов. Лукач признает значимость классической формы как раз для капитализма. Но что сказать о «глубине» исправления, согласно которому капитализм единственный общественный строй, где полностью выявляют свое действие «чисто» хозяйственные «силы»,—тогда как общеизвестен факт, что именно в докапиталистических обществах материальное производство отнимало почти все время, которым общество располагало, так что некоторые слои могли обеспечить себе досуг для занятия политикой, искусством, философией и т. д. лишь удерживая в рабстве большинство человечества. «Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и римской империи. А на основах греческого и римского мира развилась современная Европа... Без античного рабства не было бы и современного социализма» (Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 98).

Выходит, как будто, что рабство до известной степени все-таки было «чисто» хозяйственной «силой»? И именно к античному миру, к обществу, построенному на рабском труде, неприменим исторический материализм в его «классической форме»?!

На подобные «ученые» возражения дал достойный ответ уже сам Маркс:

«Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы «Zur Kritik der politischen Oekonomie», 1859. По мнению газеты, мой взгляд (именно истор. мат. Л. Р.)... справедлив по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но неприменим ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика. (Мы как будто слышим нашего тов. Лукача. Л. Р.). Прежде всего изумительно, как кто-либо мог бы предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестным. (Вы слышите, тов. Лукач? Л. Р.). Ясно во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир—политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм. Кроме того, не требуется обладать особенно глубокими познаниями, например, по истории римской республики, чтобы знать, что скрывает ее пружину составляет история земельной собственности.

С другой стороны, еще Дон-Кихот должен был жестоко полатиться за свою ошибку, когда вообразил, что странствующее рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами жизни» (Капитал, т. I, стр. 41.—42., прим.).

Выходит, стало быть, что Маркс, в противоположность нашему Лукачу, все-таки думал, что исторический материализм может быть применен в своей «классической форме» и к докапиталистическим обществам. Но, как мы видим, тов. Лукач не первый делает «ученые» возражения против «классической формы» исторического материализма. Уже Маркс заметил о его предшественниках: «Выдумка была старая, но слово («смена функций». Л. Р.) было новое» (Капитал, т. I, стр. 160, прим.). Но его предшественники не называли себя «ортодоксальными марксистами».

На основании сказанного можно судить, какая—выражаясь мягко—наивность думать, что в «докапиталистических обществах» не существовало «чисто» хозяйственных сил. Или что исторический материализм нельзя применять «одним и тем же способом». «в его классической форме», одинаково и к прошлому, и к будущему. Всякое общество есть совокупность явлений, которые все без исключения покоятся на материальном процессе жизни. «Покоятся»—в сущности, плохое выражение. Материальный процесс жизни это и есть общество. Всякое общество без исключения. «Хозяйство» и остальные, не «хозяйственные» явления ведь не «факторы» (как это показал уже Плеханов), а члены некоторого целого, заранее predeterminedенные характером материального процесса жизни. Как мы видели, производственные отношения суть в то же время отношения распределения. Эти последние суть в то же время отношения собственности и на известной ступени развития производительных сил они приводят к образованию классов. Из этих отношений собственности возникают—на известной ступени развития производительных сил—правовые отношения. Эти последние приводят, опять-таки на известной ступени развития, к государству. Тем самым даны, как его функция, политические учреждения и правовые системы и т. д. Итак: перед нами целое, увязанное в производстве. Всякое изменение производительных сил влечет за собой, во всех обществах одинаково, изменение целого, увязанного в самих производительных силах. И что, в сущности, значит утверждение, что исторический материализм имеет в одних случаях большую, в других—меньшую силу? Он может либо повсюду иметь одинаковую силу, либо вовсе не иметь ее: раз общества (все прошлые, равно как и будущие) суть объединения в целях производства материальной жизни, и все остальное есть лишь следствие из этого, то определяющий фактор должен навсегда остаться одним и тем же,—именно этим производством материальной жизни. Покуда люди должны будут производить и воспроизводить свою жизнь, они будут жить в обществе, т. е. будут вступать в производствен-

ные отношения, и до тех пор (т.е. всегда) их жизнь будет зависеть от характера этого производства и воспроизводства. Такова классическая форма исторического материализма, и в этой своей классической форме он останется истинным навеки. Разве только люди начнут питаться воздухом или собственными мыслями... Но мечтать об этом «царстве свободы» мы представляем другим.

Ясно и тут, что именно смешивает тов. Лукач: характер зависимости со строгой закономерностью зависимости, как таковой.

Во всех шрежных обществах, например, в феодальном, отношении господства и подчинения замаскировывали производственные отношения. Именно на это обстоятельство и ссылается тов. Лукач в оправдание своей «теории». Но Маркс говорит:

«Та специфическая, экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основании вся структура экономического общества, вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая, экономическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям, — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства» («Капитал», т. III, стр. 327).

И тут мы подошли еще к одной мелочи, которую забыл учесть тов. Лукач: к прибавочному труду, к прибавочной стоимости. Если тов. Лукач этого еще не знает, то может узнать из приведенной только что цитаты, что вся история долгое время вращалась вокруг выжимания прибавочного труда из трудящихся¹⁾. Не вводил ли его опять в заблуждение его любимый Макс Вебер, замечатель-

¹⁾ См. также «Капитал», т. I, стр. 150, где Маркс говорит: «Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, напр., общество рабства от общества наемного труда». А не то, чтобы в одном обществе «чисто» хозяйственные «силы» действовали «больше», а в другом «меньше»!

ный как раз тем, что во всех своих частных исследованиях он доказывает то, что «официально» сам отрицает, — именно, что материальное производство жизни равно определяет все общества, и что они отличаются друг от друга только способом выжимания прибавочной стоимости? Но одно дело, как выжимается прибавочная стоимость, и другое дело, что она вообще выжимается. И, стало быть, одно дело, как формирует материальный процесс жизни отдельные общества, и другое дело, что он их вообще формирует.

А что он и формирует — останется навеки истинным, как всегда было истинным; навеки останется истинным слово Маркса:

«Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой. ставят его под своей общей контроль, вместо того, чтобы, напротив он, как слепая сила, господствовал над ними; в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных их человеческой природе. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие» (Капитал, т. III, ч. 2, стр. 357).

Но кто не понимает таких элементарных истин марксизма, как понятие «общества»; кто не знает что из одного этого понятия раз навсегда вытекает классическая форма исторического материализма, равно обязательная для всех общественных формаций; кто не знает, что общество потому есть целое, что оно увязано в производстве — какова бы ни была форма этого общества, классовое ли оно или коммунистическое; кто не знает, что выжимание прибавочной стоимости было «чисто» хозяйственной «силой», игравшей довольно значительную роль в «докапиталистических обществах», и что способ выжимания этой прибавочной стоимости определял весь характер всех этих обществ, — кто не знает всех этих вещей, тот может написать много прекрасного о «диалектике», «сознании», «субъект-объект» и т. д., но едва ли он имеет право называть себя — не то что «ортодоксальным», а просто — марксистом.

В чье сознание «классическая форма» исторического материализма вошла только в таком грубо вульгаризованном виде, как мы это нашли выше, тот не имеет права оповещать мир, что «исторический материализм вошел в общее сознание, к сожалению, только в вульгаризованной форме!» Тов. Лукач сме-

шивает здесь—как и повсюду—свое сознание с общим сознанием.¹⁾

Мы с самого начала признали в тов. Лукаче скептика. Он отверг диалектику в природе. Затем он удивил нас тем, что упразднил реальное сознание людей и на его место поставил какую-то «отнесенную» фантазмагорию. Затем он потверг самое природу и ее законы. Материализм для него—«метафизика», «мифология». Так он все время являлся перед нами подлинным и неподдельным скептиком. И таким он остался до конца. Исторический материализм — теорию, которая одна только внесла строгую закономерность в путаницу истории,—он хочет устранить и на место достигнутой, наконец, ясности снова поставить хаос и путаницу. Он не открывает нам, какую закономерность он хочет поставить в до- и послекапиталистических обществах на место той, что установлена историческим материализмом; он не открывает, какие же здесь действовали или будут действовать «силы», раз не «чисто» хозяйственные «силы» определяют форму обществ, — но мы сами можем это отгадать: сознание — вот чем определялось бытие в этих прошлых обществах и будет определяться в будущих²⁾. Быть может, даже,—следуя по стопам М. Вебера,—религиозное сознание! Или нет? Но тогда что же? Может быть, вообще не будет никакой «точной» закономерности? В таком случае тов. Лукач опять-таки до конца остается верен своему скептицизму: долуй теорию, да здравствует отсутствие всяких теорий!

И это тов. Лукач называет «точкой зрения пролетариата». Нет, я знаю наверно, что это не есть точка зрения пролетариата. Насколько она далека от этого, я покажу еще на некоторых перлах

1) В доказательство того, что исторический материализм подвергся вульгаризации не в «общем сознании», а в сознании тов. Лукача, приведем еще следующее место:

«Социально-экономическое превосходство какой-либо системы вовсе не должно непременно совпадать с ее производственно-техническим превосходством» (стр. 249).

Здесь утверждается, что система, стоящая в производственно-техническом отношении выше другой, может быть все-таки ниже ее в социально-экономическом отношении, и наоборот. Это значит: основное положение исторического материализма, что производительные силы (= производственная техника) являются, в конечном счете, определяющим моментом в истории,—просто выбрасывается вон! Если в этом должна состоять девульгаризация исторического материализма, то все-таки будет, пожалуй, лучше, если мы останемся при его «вульгарной» форме, в какой он вошел в общее сознание!

2) До какой степени это так, достаточно ясно из всего предыдущего. Но окончательно убеждают в этом места в роде следующего:

«Сущность классовой борьбы пролетариата можно охарактеризовать тем, что для нее теория и практика совпадают, что тут познание ведет к действию без перехода (!)» (стр. 231).

К чему нужна тогда строгая зависимость, устанавливаемая историческим материализмом? Познание — вот от чего все зависит, вот что решает «в конечном счете» в мировой истории, а не «вульгарные» «производственно-технические силы»!

из предполагаемого Лукачем «решения» проблемы овеществления, не прибавляя к ним никакого комментария. Пусть мои пролетарские читатели сами судят о том, их ли это точка зрения.

«Действительность отнюдь не тождественна с эмпирически-фактическим бытием. Эта действительность не есть, а становится».

«Пока человек направляет свой интерес—интуитивно-созерцательно—на прошлое и ли будущее, то и другое застывает в чуждое бытие, и между субъектом и объектом пролагается непереступаемое «вредное пространство» настоящего» (стр. 223).

Или:

«Если овеществление есть таким образом необходимая, непосредственная действительность для всякого живущего при капитализме человека, то его преодоление не может принять иных форм, кроме непрерывной, все время возобновляющейся тенденции практически прорвать овеществленную структуру бытия посредством конкретного отношения к конкретно обнаруживающимся противоречиям в развитии целого, посредством осознания имманентного смысла этих противоречий для развития целого. При этом нужно помнить, ...что этот прорыв возможен только как осознание имманентных противоречий самого процесса. Только тогда, когда сознание пролетариата в состоянии указать тот шаг, к которому объективно толкает диалектика развития, но которого она не может сделать силами собственной динамики,—только тогда сознание пролетариата дорастает до сознания самого процесса, только тогда пролетариат оказывается тождественным субъект-объектом истории, а его практика становится изменением действительности. Если пролетариат не способен сделать этот шаг, то противоречие остается неразрешенным и, в измененном и потенцированном виде, с увеличенной интенсивностью, воспроизводится снова диалектической механикой развития. В этом заключается объективная необходимость процесса развития» (стр. 216).

Наконец:

«Объективное развитие хозяйства могло только создать положение пролетариата в процессе производства, которое определило его точку зрения; она может поставить пролетариат перед возможностью и необходимостью преобразовать общество. Но само это преобразование может быть только свободным—деянием самого пролетариата» (стр. 228).

Сколько противоречий—не диалектических—должны мы были вскрыть, прежде чем дошли до этой метафизики—чистой воды и самого скверного сорта! Право, нам кажется, что мы трудились зря!

По поводу всех этих «вывертов» пролетариат должен будет сказать (если он вообще обратит на них внимание): «Благодарим покорно. Фантастическими измышлениями мы не станем забивать себе голову. Тожественный субъект-объект превосходная вещь, «свободное деяние» — также, но с нас довольно и той необходимости, которая вынуждает нас совершить наше дело, низвергнуть капитализм. В рамках этой необходимости мы сделаем все возможное. Но для этого наша голова должна быть ясна. Поэтому благодарим покорно. Оставьте при себе ваши «выверты», которые только путают нас и поэтому могут повредить нам».

Нет, тов. Лукач. Ваша точка зрения, это — точка зрения не пролетариата, а интеллигента, который очень мало соприкасается с действительной жизнью, как она коренится в производственном процессе пролетариата, который не осведомляется о точке зрения пролетариата у самого пролетариата, а сочиняет ее из книг, и притом из книг самых различных буржуазных философов. Что он при этом опирается на наиболее реакционных (Риккерта и т. д.), я показал выше, и это, к сожалению, не только верно, но и весьма далеко от точки зрения пролетариата.

Буржуазный мир находится при смерти. Он распадается. Как всегда в такие времена, на сцену появляются самые фантастические системы. Агностицизм, скептицизм, мистика снова процветают ныне в буржуазном мире. Ново-гегельянство стало модой. Гегель — уже не «мертвый пес», он начинает овладевать головами и еще более сердцами буржуазных идеологов. Ясно, что он привлекает их не своей революционной, а своей реакционной стороной.

То обстоятельство, что тов. Лукач хочет воскресить Гегеля как раз в его наиболее несуразных учениях, ясно доказывает, что он принадлежит к слою интеллигентов, которые имеют очень благие намерения, но совершают очень плохие дела. Они приходят от буржуазии, как ее лучшие элементы, они проникаются отвращением к буржуазному обществу и примыкают к пролетариату, — но в то же время они приносят с собой все свое прошлое, всю духовную смуту буржуазии. От этого двусмысленного положения того социального слоя, к которому принадлежит тов. Лукач, происходит вся его непоследовательность, его мистицизм, несуразная метафизика и т. д., столь же далекие от последовательного, решительного материализма пролетариата, как и от марксизма. Его «ортодоксальный марксизм», в котором нет ни трупщины подлинного марксизма, может только сбить пролетариат с толку!

Противоречие очень полезно, когда оно диалектично. Голое же противоречие, которое не разрешает проблемы, а только залутывает их и головы читателей, — такое противоречие пролетариату не нужно.

Ladislav Rudas.

Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления¹⁾.

Человек в своем мышлении — совершенно так же, как и в своей практике — существо социальное. Мышление есть социально-развивающееся приспособление людей к условиям и задачам их социальной практики, т. е. процесса технического и процесса экономического. Этим намечается путь к научно-объективному исследованию мышления, к раскрытию его законов, к решению его загадок. Маркс не только указал метод, он на ярком и жизненно-важном примере показал, как его применять на деле. Теория менового фетишизма — первый шаг новой науки о принципах мышления.

С этой, историко-материалистической точки зрения мне не раз случалось подходить к загадкам и первобытного и не-первобытного мышления, предлагать определенные их разгадки. Теперь же дело идет о том, чтобы к одной, значительной и наименее исследованной их группе приложить методы и данные учения о рефлексах. Не есть ли это двойственность метода, переход на точку зрения иную, чуждую первой? Насколько та и другая различны, и совместимы ли они? Вообще, каково их взаимоотношение?

Точка зрения исторического материализма есть, в основе своей, производственная, или, что то же, социально-трудовая. Труд же есть система действий определенного типа, т. е. двигательных реакций, или рефлексов по нынешней терминологии, придающей этому термину самое широкое и общее значение. Производство представляет не что иное, как социально-организованную систему рефлексов; и, следовательно, исторический материализм сводится, по существу своему, к «социальной рефлексологии» в настоящем, точном смысле этого слова. Противоречия между двумя точками зрения, таким образом, нет: они относятся одна к другой, как более общая и более специальная.

Что же именно может дать для нашей задачи приложение теории рефлексов?

¹⁾ От редакции: Редакция помещает настоящую статью в качестве материала для теоретической дискуссии.

Историко-материалистический анализ необходимо оставляет в стороне самый механизм тех рефлексов, которые координируются в системе производства и в производной от нее системе мышления. Этот механизм принимается историческим материализмом, как нечто данное, само собою разумеющееся, и лежащее вне его компетенции. Между тем, понимание этого механизма дает ключ к решению многих вопросов относительно мышления.

В частности, оно позволяет легко разъяснить и преодолеть кажущуюся загадочность, парадоксальность некоторых основных черт первобытного, и даже вообще отсталого мышления. Это я и постараюсь теперь показать.

I.

Прежде всего приходится выделить те стороны учения о рефлексах, которые особенно важны для нашей задачи.

Сложная двигательная реакция того типа, какой характеризует производственные акты, всегда заключает в своей цепи момент «сознания». Это ее центральное звено—процесс, протекающий в высших нервных центрах. Здесь происходит самое формирование реакций—их комбинирование и подбор.

Дело в том, что всякая двигательная реакция может протекать в полном и в неполном виде. Ее полная форма заключается три части: центростремительную—возбуждение периферических органов нервной системы («органов чувств») и передача его до центров; центральную—возбуждение этих центров; и центробежную—иннервация, передача нервной энергии собственно двигательному механизму (мышечным волокнам, иногда железистым клеткам). В своем целом это представляет значительную затрату сил организма, особенно третья часть, воплощающая биологический смысл реакции—действие, которое преодолевает внешние сопротивления.

Но реакция воспроизводится полностью только тогда, когда первоначальные условия, при которых она возникла, повторяются. Если не в полной мере, то в существенной своей части. Пусть, напр., вид грозного хищника на близком расстоянии вызывает определенную сумму рефлексов—реакцию бегства. В другой раз человек, положим, замечает того же зверя, но на дальнем расстоянии. Центростремительная часть реакции—зрительное возбуждение—выступает в уменьшенной и ослабленной степени; меньше, естественно, и центральное возбуждение. Иннервация, которая из него возникает, может тогда оказаться недостаточно сильной, чтобы привести в движение все подлежащие мускулы: некоторые их волокна сожмутся, но недостаточно; до других ослабленный нервный ток даже не дойдет. Посторонний наблюдатель в этот момент либо отметит «поползновение» данного лица к бегству, т. е. частичное выполнение начальных стадий этой реакции, либо даже и того не увидит;

последнее означает, что она не вышла в ощутительной мере за пределы центрального нервного аппарата, задержалась в рамках «стремления», а то даже только «двигательного представления», так сказать, «образа» этой реакции. Все это—разные степени неполного ее воспроизведения. Они, конечно, протекают с гораздо меньшими затратами энергии. На этой именно их особенности основана их организационная роль в борьбе за жизнь.

Обстоятельства, требующие от организма ответной реакции, почти никогда в точности не повторяются; но очень часто новые условия момента представляют приблизительно комбинацию условий, встречавшихся раньше, но по отдельности. Чтобы взять простейшую иллюстрацию: вид врага сильного влечет за собой реакцию бегства, слабого—реакцию нападения на него. Но реальное сочетание условий может охватывать то и другое; напр., враг сам по себе более слабый, но лучше вооруженный, или напротив, более сильный, но стесненный в действиях, толкнем, охромевший от ранения. Тогда выгодная для организма, «приспосабливающая» его реакция может получиться, соответственно двойному характеру условий, путем комбинирования обоих прежних: нападение, соединенное с быстрым отступлением перед опасными ударами. Такое комбинирование на деле и происходит; но если бы оно совершалось над полными реакциями, то не только было бы связано с очень большой лишней растратой энергии, но и вообще, вероятно, ни к чему хорошему не привело бы. Все противоречащие друг другу элементы обеих реакций, смешавшись сразу, привели бы к спутанному, противоречивому целому,—как это и бывает, когда человек пытается делать «два дела зараз». Целесообразное комбинирование происходит над неполными реакциями, в сфере «сознания», в центральном нервном аппарате.

Там, не выходя за пределы «двигательных образов» и «стремлений», самые различные реакции могут без больших растрат энергии подвергаться формирующей обработке. Там их элементы, друг другу несоответствующие, заранее взаимно парализуются и тем самым устраняются; путем отбора быстро и легко складывается сложная реакция—достаточно стройная и связанная; пока этого не получилось, пока в сознании налицо их две, не согласованные между собою, они своей конкуренцией взаимно ослабляются и не могут перейти в полную реакцию, в действие; как только из них создалась одна, противоречия и конкуренция отпали—двигательный образ и стремление усиливаются, их энергия в форме иннервации достигает мускулов, действие осуществляется. Новая сложная реакция входит в запас двигательного опыта, упрочивается в дальнейших повторениях, и становится также материалом для новых комбинаций и отбора.

Так центральный механизм «сознания» вырабатывает из неполных реакций сложные «комбинированные», «условные» реф-

лексы — моторные функции, приспособляющие организм к переменным соотношениям со средою. К таким рефлексам относятся и все трудовые акты¹⁾.

Вот к чему, следовательно, сводятся существенные для нас черты двигательных или «психических» реакций организма: будучи раз выработаны, они, вообще, воспроизводятся с каждым повторением все легче; но при частичном повторении условий, их первоначально вызвавших, они могут повторяться и в неполном виде, при чем неполнота в первую очередь относится к последней их трети, к иннервации, влекущей мускульные сокращения; иногда происходит на деле только часть этих мускульных сокращений, иногда они вовсе не наблюдаются, и вся реакция идет не дальше «стремлений» и «двигательных образов», протекающих в поле сознания, с различной, опять-таки, степенью их полноты и интенсивности.

Я не останавливался на первой, центростремительной части реакции, начинающейся с внешнего воздействия (раздражения): здесь имеется полная аналогия с намеченными соотношениями. В своем полном виде эта первая часть завершается в поле сознания, как «чувственное восприятие»; в неполном от него остаются возникающие там же «образы представления», протекающие в различном масштабе и с неодинаковой энергией в разных случаях.

После сознания есть не что иное, как общее комбинационное поле двигательных реакций. Связь же комплексов сознания, так называемая «ассоциативная», определяется тем, что сложные, комбинируемые реакции повторяются с самыми различными степенями неполноты, так что каждая их часть имеет тенденцию вызывать другие части, но на деле не постоянно влечет их за собою. Всякая психическая «ассоциация» — не что иное, как сложный комбинированный рефлекс, точнее, центральная часть такого рефлекса.

¹⁾ В своей книге «Познание с исторической точки зрения» (Пгг. 1901), я подробно излагал эту точку зрения — на психику вообще, как систему двигательных реакций организма, на «сознание», как на область комбинирования и отбора неполных реакций (исходя из представления Сеченова — «мысль есть рефлекс, прерванный на двух третях»), на трудовой процесс, как цель сознательно-целесообразных реакций (согласно с определением Маркса в том месте «Капитала», где проводится различие между трудом человека и работой пчелы). Изложение теории исторического материализма в написанных около того же времени статьях («Из психологии общества»; собрание их в одной книжке вышло в 1904 г.), я, естественно, связал с этим психо-рефлексологическим пониманием производства. Тогда Плеханов и плехановцы, а теперь Бухарин (ст. в «Вестнике Соц. Академии», 1923, № 3) находят, что такая «психологизация» исторического материализма есть отклонение к идеализму. Это было бы верно только при условии не-материалистического, т.е. именно идеалистического понимания самой психики. Если таково ее понимание у Бухарина, то, как видит читатель, оно вовсе не таково у меня; он полемизирует с «преобразованным» противником.

II.

Трудовые рефлексы различных людей координируются первично их общим полем зрения. Стадная группа может сообща бороться с большим зверем, и каждый из нее сообразовать свои действия с действиями других, просто потому, что все они видят этого зверя и каждый видит других; таков же способ координации тогда, когда они вместе переносят большую тяжесть, напр., длинное бревно и т. п. Это — основной способ координации, он остается основным по всей линии развития производства, — но способ низший, стихийный, сам по себе вполне достаточный только для простейших случаев. Для более сложных вырабатывались приспособления высшего порядка — сначала речь, затем происшедшее из нее мышление (в специально человеческом смысле этого слова — обдумывание, размышление и т. п.).

Здесь нет надобности подробно излагать теорию Нуаре о происхождении речи, не раз мною популяризованную¹⁾. Важно то, что наибольшую ясность и убедительность она получает только тогда, когда мы истолковываем ее с точки зрения теории рефлексов (чего не сделал сам Нуаре, повидимому, недостаточно знакомый с психофизиологией). Тогда дело представляется в следующем виде.

Трудовые рефлексы, как и все вообще сложные двигательные реакции организма, в силу величайшей связности нервного аппарата, никогда не ограничиваются всецело сокращением тех специальных мускулов, которые выполняют необходимую в каждом данном случае для организма работу. Путем иррадиации и нервного возбуждения с одних центров на другие, в реакцию постоянно вовлекаются, в разной мере, и другие мышцы; получаются «сопутствующие» движения, непосредственно излишние, в роде судорожных подергиваний всех конечностей и гримасы лица при больших напряжениях, высовывания языка при писании у обучающихся детей и т. п. Развитие путем упражнения ослабляет такие лишние движения, никогда, однако, не устраняя их вполне, — часть их даже утилизируется для подсобных физиологических целей²⁾. Так или иначе, эти «сопутствующие» сокращения представляют во всякой трудовой реакции некоторую неизбежную часть ее. Специальное для занимающей нас задачи значение получили те из них, которые связаны со звуком — совместные сокращения мышц дыхательных, гортанных, глоточных, ротовых. Эта часть реакции, благодаря свойствам звука, доступна членам коллектива и тогда, когда трудовой акт выполняется вне поля их зрения; она, следовательно, может играть роль «сообщения» об этом акте, и вообще его «обозначения». Именно такова и оказалась, в результате исторического

¹⁾ Напр., в «Науке об общественном сознании» изд. 3-е, 1923 г. (стр. 54—59).

²⁾ Сокращения дыхательных мышц, приспособляющие процесс дыхания к условиям работы; также движения, поддерживающие равновесия тела и т. п.

приспособления, роль этих «трудо-вых криков» или «трудо-вых междометий»: они стали первичными корнями и речи, из них развилось, в ряду тысячелетий, все ее богатство¹⁾.

Согласно общему закону, трудовой рефлекс при наличии не всех, а некоторой доли его условий воспроизводится в неполном виде. Если при этом реально выполняется часть входящих в его состав мускульных сокращений, то скорее всего это будут те, которые требуют наименьшей затраты иннервации. Как раз таковы «сопутствующие движения» мелких и близко к мозгу расположенных мышц, образующих голосовой аппарат. Значит, реально доступным для восприятия других людей, заместителем полного трудового рефлекса чаще всего должен являться звуковой рефлекс — «трудо-вое междометие», при чем главная часть реакции, самое трудовое действие, останется в аппарате сознания, на уровне «стремления» и «двигательного образа». Это и будет «содержанием» трудового междометия, как первичного речевого элемента — символа.

Так произошло реальное разделение трудового акта и его символа, с сохранением неразрывной ассоциативной связи между ними в сознании. Разумеется, когда трудовая реакция выступает в еще более неполном виде, то и речевой ее элемент не обнаружится внешним образом, не выйдет из пределов центрального аппарата, т. е. сведется к двигательному образу в сознании. Тогда перед нами первичное слово минус звук, или слово, которое только «мыслится», первичное по н я т и е.

Мы видели, что для комбинирования и отбора полные реакции вообще с огромной экономией энергии замещаются неполными в индивидуальной психике. Соответственно этому, и в процессе социальной выработки коллективно-трудо-вых актов они с такой же экономией замещаются их неполной формой — речевыми символами. Всякое совместное практическое обсуждение и решение есть не что иное, как предварительное социальное координирование действий, представленных словами-понятиями. Этот основной смысл явлений не изменился от эпохи первичных корней до нашего времени; он теперь только затемнен гигантским усложнением как действий, так и их символов.

Изобразим для иллюстрации схематически-простой случай из жизни первобытной группы — «орды», как ее предпочитают неточно

¹⁾ И несмотря на огромный путь развития, на колоссальное усложнение, бесчисленные вариации, встречаются еще случаи, когда в корнях слов можно уловить первичные трудовые междометия. «Так, немецкий глагол «hauen» рубить — прямо напоминает о грудном звуке «ha», вырывающемся при ударе у дровосека; русское «ухнуть» (в песне «Дубинушка») от аналогичного «ухх» бурлаков. Французское «feu», немецкое «Feuer», как и латинское «flamma», эти слова, обозначающие огонь, напоминают о том придыхательно-губном звуке, вроде «ффы», которым сопровождается раздувание огня...» («Наука об общественном сознании», изд. 3-ье, 1923 г., стр. 59). Можно было бы привести еще примеры: один из них встретится нам дальше.

называть социологи. Группе угрожает нападение со стороны соседей; неприятели приближаются, но еще находятся довольно далеко; налицо, следовательно, имеются условия для неполных реакций борьбы. Эти неполные реакции выступают в столпившемся коллективе, главным образом, как звуковые рефлексы, как первичные слова — междометия. Но они оказываются двух типов, соответствующих реакциям нападения и бегства. Первые выражаются, например, тем рычанием, которое вырывается у людей при нанесении ударов, и которое определенно слышится в индо-европейском корне «rhağ», источнике массы «боевых» слов (лат. frango, греч. ρήγνυμι — ломаю, русск. «разить», «враг», нем. ragen — свирепствовать, Rache — мечь, и проч.). Выражением реакции бегства служили, вероятно все, звуки, связанные с дыханием быстро бегущего человека; их следы, может быть, сохранились еще в преко-латинских глаголах, означающих «бежать» — fugio, φεύγω. Так или иначе, но две группы восклицаний, противоположных по смыслу, сталкиваются и конкурируют среди возбужденного коллектива; к этому, собственно, и сводится внешний механизм «обсуждения» на таком первобытном вече.

Благодаря рефлексорному подражанию, механизму, характеризующему все социальные существа¹⁾, каждое восклицание порождает во всех, кто его слышит, своеобразный отзвук: тенденцию воспроизвести это междометие, а за ним, конечно, и самое действие, им выраженное. Таким образом, две реакции вступают в борьбу и внутри каждой отдельной психики, стремясь вытеснить друг друга. Та из них, которая сильнее в настроении коллектива, выражается энергичнее и настойчивее, порождает более значительный отзвук во всех «согласных» с нею и «несогласных», так что понемногу вытесняет другую: одна группа восклицаний затихает, настроение коллектива «определяется для него в этом длительном своеобразном «голосовании», становится дружным, и затем переходит в столь же дружное соответственное действие.

Сложнее в проявлениях, но по тому же типу протекает обсуждение и решение во всякой случайной и стадной толпе, возбужденной сильно затрагивающим ее членом событием. В роде этого были собрания древне-русского веча, да большей частью, пожалуй, и современного крестьянского «мира», что резюмируется в словах: «погалдели и решили»...

Легко понять, насколько уже такая примитивная «голосовая» координация действий коллектива сберегает его силы по сравнению с тем, как если бы вместо символов — криков сразу координировались разнородные действия, — в нашем примере одни реально начали бы нападать, другие — бежать от врага и т. п.

¹⁾ Рефлексорный механизм подражания также не представляет ничего принципиально загадочного. Я его подробно анализировал в той же работе «Познание с историч. точки зр.», стр. 109—113. Но здесь нет места на нем специально останавливаться.

III.

Реализм нарисованной нами картины подтверждается и тем, что ее полную аналогию можно наблюдать в стадной жизни других животных. С этим согласится всякий, кто когда-либо внимательно наблюдал хотя бы «галочий парламент», когда у этих птиц обсуждается вопрос о местных перелетах. Легко различить во множестве упорных повторений две-три различных по тону и тембру модуляции, которые явно борются между собою в малю гармоничном хоре. Соотношение сил постепенно меняется, и дело заканчивается дружным, однородным криком, за которым обычно следует и столь же дружное действие¹⁾.

Языка животных люди до сих пор не знают потому, что не умеют их наблюдать целесообразно, т.-е. с выдержанной организационно-биологической точки зрения. Ее первые опорные пункты—принцип голосовой координации действий и принцип «самообозначения» рефлексов действительными междометиями (принцип Нуарэ)—тут должны дать надежный метод и твердое руководство. За это ручается и огромная широта той области, в которой применимы оба принципа,—они сохраняют силу далеко за пределами зачатков человеческой речи.

Так, совершенно несомненно, что они применимы и к эмоциональным междометиям у человека и у животных. Эмоции боли, гнева, радости, полового влечения, и т. п. есть, в своей основе, непосредственно-стихийная, «судорожная», нервно-мышечная реакция организма на глубоко его захватывающее возбуждение; у реакции этой имеется своя «звуковая» часть, которая и называется междометием. Она, в то же время, естественное обозначение самой эмоции, понятное для всех особей данной стаи, стада, или коллектива. У людей такие междометия присоединяются к чисту первичных корней речи, становясь, подобно корням трудовым, началом некоторых слов (напр., «охать», «ахать», «выть»); только развитие подобных эмоциональных корней чрезвычайно слабо и ограничено по сравнению с корнями трудовыми,—вещь также вполне понятная.—И реальная жизненная функция подобных междометий, равным образом, координационная, не прямо по отношению к действиям стадного коллектива, но по отношению к его «настроениям», являющимся подготовительной фазой для последующих действий. Напр., междометия гнева, раздаваясь среди стаи или группы, создают в ней единство наступательно-боевого настроения, крики боли вырабатывают настроение для бегства; звуки, связанные с половым влечением, координируют настроение самцов и самок для спаривания, и т. п.

¹⁾ Не случайно гений русского языка обозначил старые обычные у нас формы парламентского обсуждения словом «галдеть» — одного корня с названием галля.

Те же два принципа вполне применимы в анализе специального «детского» языка у людей. «Детские» слова, разумеется, координируют действия матери и других окружающих с потребностями ребенка; а вырабатываются на основе «самообозначения» рефлексов. Если между детским языком и языком взрослых нет полной непрерывности состава, то закономерность их происхождения и функции одна и та же¹⁾.

Оба принципа сохраняют значение и для форм выражения не-звуковых, т.-е. мимики. На том, что жизненная сущность мимики, ее реальное значение и назначение, те же, что и речи, т.-е. координация действий, я думаю, даже нет надобности останавливаться. Но исследование легко обнаруживает и другое,—что мимический знак есть первично именно некоторая часть того действия, которое им символизируется. В массе случаев, это просто схематизированное, т.-е. сокращенное и упрощенное в оспроизведении и самого действия: мимика «описательная», напр., у дикарей в танцах военных, брачных, и т. п. В других случаях это какой-нибудь характерный и наиболее легко воспроизводимый момент действия; напр., когда враждебное отношение угрозы выражается потрясанием кулака, или только его сжатием, или всего лишь нахмуриванием бровей и сверканием глаз, которое тоже входит в комплекс боевого акта.

Наиболее широко распространенные у людей, а частью и среди обезьян утвердительный и отрицательный знаки — наклонение головы вперед и трясение из стороны в сторону — объясняются так же: первый есть привычное движение головы детеныша, чтобы схватить губами молоч матери или предлагаемую пищу, второй — отворачивание головы для уклонения от неприятного воздействия или неаппетитного предмета, хотя бы той же материнской груди, когда она предлагается уже насытившемуся детенышу²⁾.

На мимике особенно легко видеть, что принцип «самообозначения» сохраняет силу не только для действий, но и для предметов—благодаря той же символике действий. Мимический знак предмета образуется именно из рефлексов, соотносительных этому предмету. Таковы, прежде всего, «описательные» знаки, когда вопро-

¹⁾ Приведу иллюстративные пояснения из моей работы «Наука об общественном сознании» (3-е изд., 1923 г., стр. 35—36).

«Первые детские слова означают ближайшим образом именно действия, но, разумеется, не коллективно-трудовые, а индивидуальные, связанные с удовлетворением потребностей ребенка. Таковы: «ам» или «ням», обозначающие поедание пищи и вполне соответствующие звукам, связанным с этим актом (у некоторых племен Южной Африки «ням» означает мясо), «бя» — звук при выплевывании чего-нибудь невкусного, затем выражение для всего неаппетитного, неприятного, некрасивого; так же общеизвестное «а-а», и пр. Не представляет исключения и слово «мама», общее для самых различных рас: оно, повидимому, произошло просто из сосательных движений ребенка, берущего или ищущего губами грудь матери».

²⁾ Объяснение дано Р. Гарнером (не знаю, им ли первым) в книге «Язык обезьян», русск. пер., изд. «Научн. Обзор», стр. 27—29.

изводят движением руки в воздухе его контур, т. е. сокращенную реакцию ощупывания, или когда, напр., для обозначения роста человека, о котором хотят сообщить, поднимают руку на соответствующую высоту. Таковы, затем, и «подражательные» знаки, которые название животного (или мнимо-живого объекта) заменяют подражанием его действиям. Дело в том, что подражательные рефлексы представляют одну из основных черт обезьян и человека, да и всех стадных, социальных животных; механизм их коренится глубоко в центральном нервном аппарате. По отношению к человеку можно определенно утверждать, что всякий движущийся предмет, поскольку он не вызывает в данной обстановке реакции борьбы или бегства, неизбежно порождает подражательные реакции¹⁾, в той или иной степени полноты и интенсивности (т. е. в форме либо действий, либо стремлений и двигательных представлений). Предмет сам «обозначает» себя тем, что вызывает подражательную реакцию, которая становится его символом, понятным для всех, знакомых с движениями этого предмета. Характерный пример — обозначение змеи извивающимся движением руки или всего тела.

Сюда же, в сущности, относятся звукоподражательные междометия — они ближе к подражательной мимике, чем к собственно «речи». Нередко они переходят в область речи, становясь корнями глаголов и имен, — напр., «кукушка», или французское соэ — петух, и т. п. Такими переходами лишней раз подчеркивается основное организационное единство всех форм символически.

Развитие речи, которое шло следом за прогрессом и усложнением производства, принесло громадные количественные изменения вместе с преобразованием и внешней ее структуры. На месте нескольких десятков грубых, неизменяемых первичных корней оказались сотни тысяч новейших слов-понятий с их тонкими, тонкими вариациями, с их разнообразно-сложными комбинациями. Но изменились ли основные принципы происхождения и функции элементов речи?

Относительно функций — вряд ли здесь надо еще доказывать, что она осталась координационной: нужна исключительная слепота, чтобы не видеть этой роли языка во всей практике жизни²⁾. Но как обстоит дело с принципом Нуарэ?

В его буквальной, первой формулировке он к современному языку, разумеется, почти неприменим. Но у нас сама собою получила его новая формулировка, расширенная и обобщенная. Она

¹⁾ Более того. Повидимому, начало подражательного рефлекса имеется во всех случаях, — оно только может подавляться при опасности более сильными реакциями. А нередко этот рефлекс и используется в самой борьбе. Так, при фехтовании важную роль играют подражательно-рефлекторные движения глаз бойца, следящих за глазами противника.

²⁾ Думаю, что я достаточно выяснил это и в учебниках экономической науки, и в «Науке об общественном сознании». Возражений по существу мне в литературе не встречалось.

такова: обозначением психо-моторной реакции служит специализированная часть этой реакции. Применима или не применима такая точка зрения к нынешней символической речи?

Берем для иллюстрации название предмета, положим, — «человек». Что представляет психическое содержание понятия, «выражаемого» этим словом, и что — самое слово? Первое может быть только психо-моторным комплексом, более или менее сложной, в данном случае очень сложной, комбинированной двигательной реакцией, — ничем иным, потому что иных «содержаний», кроме рефлексов разных степеней сложности, психика вообще не заключает. Здесь это связано воедино вся сумма реакций восприятия и воздействия, соотносительных предмету «человек»: реакции зрительного и тактильного ощупывания, резюмируемые в понятии «формы» предмета с ее цветовым моментом, его «твердости» и пр.; реакции измерения — «величина» предмета в разных смыслах, — и другие реакции исследования — «строение», «состав», физический и химический, разные жизненные «свойства»; и всякие реакции практического отношения к этому предмету — сотрудничества и борьбы в разных видах. Вся эта рефлексная система неразрывно соединена со словом «человек»; а оно само есть тоже двигательная реакция, специальная и довольно сложная, проявляющаяся в полном виде, когда слово произносится, в неполном, когда оно «мыслится». Все вместе образует одно целое — слово-понятие¹⁾.

Теперь если мы берем это целое, как одну сложную реакцию, как разветвленный условный рефлекс, то оказывается, что одна специальная часть его служит для него знаком, символом. А это и есть наша расширенная и обобщенная схема «самообозначения». Слово «человек» выступает, как своего рода социально-действенное междометие данной комплексной реакции; в этом смысле оно параллельно первичным социально-трудовым междометиям, из которых, в конечном счете, произошло.

Изменилось одно: способ формирования слов-понятий. Оно уже идет не первоначальным стихийно-непосредственным, физиологическим путем, не путем простого отрыва «звуковой» части действенного психического комплекса, — а сложным социальным путем: через комбинирование, варьирование и подбор комбинаций и вариаций старых, стихийно-создавшихся первичных корней.

¹⁾ Для точности характеристики надо добавить, что реакции восприятия и воздействия входят в содержание понятия не в их индивидуальных формах, а в социально-сложившихся, исторически выработанных коллективных (не как «субъективные», а как «объективные» реакции). Напр., у мизантропа или параноика реакции практического отношения к людям «извращены»; у дальтониста и слепого реакции «внешней формы» неполны; содержание понятия объективное (социально-значимое) от этого не меняется.

изводят движением руки в воздухе его контур, т. е. сокращенную реакцию ощупывания, или когда, напр., для обозначения роста человека, о котором хотят сообщить, поднимают руку на соответствующую высоту. Таковы, затем, и «подражательные» знаки, которые название животного (или мнимо-живого объекта) заменяют подражанием его действиям. Дело в том, что подражательные рефлексы представляют одну из основных черт обезьян и человека, да и всех стадных, социальных животных; механизм их коренится глубоко в центральном нервном аппарате. По отношению к человеку можно определенно утверждать, что всякий движущийся предмет, поскольку он не вызывает в данной обстановке реакции борьбы или бегства, неизбежно порождает подражательные реакции¹⁾, в той или иной степени полноты и интенсивности (т. е. в форме либо действий, либо стремлений и двигательных представлений). Предмет сам «обозначает» себя тем, что вызывает подражательную реакцию, которая становится его символом, понятным для всех, знакомых с движениями этого предмета. Характерный пример — обозначение змеи извивающимся движением руки или всего тела.

Сюда же, в сущности, относятся звукоподражательные междометия — они ближе к подражательной мимике, чем к собственно «речи». Нередко они переходят в область речи, становясь корнями глаголов и имен, — напр., «кукушка», или французское соэ — петух, и т. п. Такими переходами лишней раз подчеркивается основное организационное единство всех форм символически.

Развитие речи, которое шло следом за прогрессом и усложнением производства, принесло громадные количественные изменения вместе с преобразованием и внешней ее структуры. На месте нескольких десятков грубых, неизменяемых первичных корней оказались сотни тысяч новейших слов-понятий с их тонкими, тонкими вариациями, с их разнообразно-сложными комбинациями. Но изменились ли основные принципы происхождения и функции элементов речи?

Относительно функций — вряд ли здесь надо еще доказывать, что она осталась координационной: нужна исключительная слепота, чтобы не видеть этой роли языка во всей практике жизни²⁾. Но как обстоит дело с принципом Нуарэ?

В его буквальной, первой формулировке он к современному языку, разумеется, почти неприменим. Но у нас сама собою получила его новая формулировка, расширенная и обобщенная. Она

¹⁾ Более того. Повидимому, начало подражательного рефлекса имеется во всех случаях, — оно только может подавляться при опасности более сильными реакциями. А нередко этот рефлекс и используется в самой борьбе. Так, при фехтовании важную роль играют подражательно-рефлекторные движения глаз бойца, следящих за глазами противника.

²⁾ Думаю, что я достаточно выяснил это и в учебниках экономической науки, и в «Науке об общественном сознании». Возражений по существу мне в литературе не встречалось.

такова: обозначением психо-моторной реакции служит специализированная часть этой реакции. Применима или не применима такая точка зрения к нынешней символической речи?

Берем для иллюстрации название предмета, положим, — «человек». Что представляет психическое содержание понятия, «выражаемого» этим словом, и что — самое слово? Первое может быть только психо-моторным комплексом, более или менее сложной, в данном случае очень сложной, комбинированной двигательной реакцией, — ничем иным, потому что иных «содержаний», кроме рефлексов разных степеней сложности, психика вообще не заключает. Здесь это связано воедино вся сумма реакций восприятия и воздействия, соотносительных предмету «человек»: реакции зрительного и тактильного ощупывания, резюмируемые в понятии «формы» предмета с ее цветовым моментом, его «твердости» и пр.; реакции измерения — «величина» предмета в разных смыслах, — и другие реакции исследования — «строение», «состав», физический и химический, разные жизненные «свойства»; и всякие реакции практического отношения к этому предмету — сотрудничества и борьбы в разных видах. Вся эта рефлексная система неразрывно соединена со словом «человек»; а оно само есть тоже двигательная реакция, специальная и довольно сложная, проявляющаяся в полном виде, когда слово произносится, в неполном, когда оно «мыслится». Все вместе образует одно целое — слово-понятие¹⁾.

Теперь если мы берем это целое, как одну сложную реакцию, как разветвленный условный рефлекс, то оказывается, что одна специальная часть его служит для него знаком, символом. А это и есть наша расширенная и обобщенная схема «самообозначения». Слово «человек» выступает, как своего рода социально-действенное междометие данной комплексной реакции; в этом смысле оно параллельно первичным социально-трудовым междометиям, из которых, в конечном счете, произошло.

Изменилось одно: способ формирования слов-понятий. Оно уже идет не первоначальным стихийно-непосредственным, физиологическим путем, не путем простого отрыва «звуковой» части действенного психического комплекса, — а сложным социальным путем: через комбинирование, варьирование и подбор комбинаций и вариаций старых, стихийно-создавшихся первичных корней.

¹⁾ Для точности характеристики надо добавить, что реакции восприятия и воздействия входят в содержание понятия не в их индивидуальных формах, а в социально-сложившихся, исторически выработанных коллективных (не как «субъективные», а как «объективные» реакции). Напр., у мизантропа или параноика реакции практического отношения к людям «извращены»; у дальтониста и слепого реакции «внешней формы» неполны; содержание понятия объективное (социально-значимое) от этого не меняется.

IV.

Мы видели, что в процессах обсуждения и решения слова, а также другие знаки, замещают трудовые реакции, практические действия, что для коллектива представляет огромный выигрыш со стороны экономии сил, как целесообразности их затрат. Это замена полных реакций неполными для их комбинирования и подбора, по тому же, в сущности, принципу, какой учение о рефлекссах устанавливает для индивидуальной психики, выясняя реальный смысл работы «сознания» вообще.

Но когда человек живет в коллективе, и символы упрочились в его психике, стали постоянными и в то же время специальными заместительными частями действительных комплексов, тогда они, естественным образом, выполняют эту функцию и внутри его психики, там, где ему приходится комбинировать и выбирать реакции в одиночку, не в обсуждении с другими. Человек с самим собой «обсуждает», как ему действовать, и приходит к решению таким же способом, как при обсуждении с другими людьми в коллективе. Напр., колебания, при виде врага, между «нападать» и «бежать» выступают как разногласия с самим собой. Тот из этих двух символов, который найдет наибольший отзвук в его психике, вытеснит из «сознания» другой, а затем, оставшись без конкуренции, развернется в действенный комплекс, обозначающей частью которого является.

Кроме замены действия его символом, здесь получается, обычно, еще другая экономия в затрате энергии: «слова» могут не выкрикиваться, как на изображенном нами примитивном вече людей или галок, и вообще не произноситься вслух, как при культурном, менее импульсивном обсуждении, — а опять-таки «мыслиться», т. е. замещаться их двигательными образами. Благодаря этому они могут сразу по несколько совмещаться в сознании, т. е. большее их количество принимает участие во внутреннем обсуждении — мышлении¹⁾.

¹⁾ Упрощенность выбранного мной примера в анализе столь «глубокого» и столь «философского» вопроса: «что есть мышление?» — заставляет меня вспомнить о неоднократных обвинениях в грубой схематизации, вульгарности поясняющих иллюстраций, сводящей их к незаконным аналогиям, и проч. Мне не случалось отвечать на это — выскажусь мимоходом здесь. Почтенные критики, в мышлении которых преобладает материал схоластических тонкостей, а не конкретного социального развития практики и науки, плохо понимают силу метода упрощения, иначе называемого абстрактно-аналитическим. Общие закономерности господствуют на деле над означенными выше тонкостями, а не наоборот. Как ни длинен культурно-исторический путь от первобытного «нападать — бежать» до гамлетовского «быть или не быть», основное тождество обоих «обсуждений» несомненно, — способ выработки и выбора целесообразной реакции один здесь и там.

Если мышление представляет коллективное обсуждение, перенесенное внутрь отдельной особи, то понятным становится и то, что оно при известных условиях может заменять это обсуждение. Тогда обсуждающее и решающее лицо выступает в *организаторской* социальной роли, которая может развиваться только благодаря символической речи¹⁾. Он, при посредстве слов, которые им мыслятся, комбинирует, в пределах своей психики, в виде неполных реакций — «образов» — действия свои и других членов коллектива, а при посредстве слов, которые затем уже и произносятся, реально вызывает выработанную комбинацию действий. Так труд социально организуется через индивидуум, который представляет специализированное для этого орудие коллектива (лицо «авторитетное» или «компетентное»).

Механизм, лежащий здесь в основе, все тот же самый: понимание — подражание. Он неразрывен со всей символикой: всякое, напр., словесное внушение от одного из членов коллектива порождает в другом или других тенденцию выполнить его; различна только сила этой тенденции, благодаря чему выполнение либо реализуется, либо не идет дальше стадии двигательного образа. Это типически определяется социальными условиями, выделяющими «организаторов». Раб может обратиться в повелительном наклонении к своему господину, и внушаемая реакция у того возникает, но будет подавлена и окажется, обычно, весьма неполной, только внутренней; когда, напротив, те же слова окажет господин рабу, реакция у раба быстро и беспрепятственно разовьется в полную. — Но и во всех высших формах сотрудничества между людьми действуют те же основные механизмы, лишь в иных социальных регулировках, как бы иначе «настроенные» условиями общественного процесса.

Задача и смысл социальной психологии в ее объективно-научной постановке — по всей линии провести исследование того, как изменяются функции координационных механизмов социальной практики в зависимости от ее исторического развития.

Один из моментов этой задачи — момент начальный, и потому особенно важный — имеет в виду моя работа. Изложенные, весьма, в сущности, элементарные данные представляют достаточную опору, чтобы приступить к выяснению вопроса.

¹⁾ Стихийные зародыши организаторской функции могли предшествовать развитию речи: их возможность дается более древним и глубоким рефлекторным механизмом подражания: единица иногда определяла поведение группы прямым действием, вызывающим подражание остальных. Но тот же механизм подражания лежит, ведь, и в основе самой символической речи, и всякий иной. Поднимание слова идет через его подражательное воспроизведение, хотя бы только мысленное: воспроизводится неполная реакция (символ, как часть действительного комплекса), но она затем развертывается в более полную, влечет другие ее части.

V.

Первобытное мышление, как и вся первобытная жизнь, лежит за пределами исторической для нас досягаемости. Очень часто— в большинстве случаев—социологи и этнологи подразумевают под этим выражением примитивное мышление дикарей, современных и известных в прошлом, хотя почти столь же часто делают оговорки о неточности такого понимания. Для нас дело идет об упрощающей абстрактно-аналитической конструкции, выведенной из наблюдений над примитивным мышлением с одной стороны, над тенденциями развития мышления—с другой. Это, в сущности, гипотеза, но научно-законная и научно-необходимая для объяснения всего данного нам материала.

Главная, наиболее поражающая черта примитивного мышления—в первобытном она должна была выступать еще резче—это алогизм. Его этнология и социология до сих пор, собственно, только описывали, а не объясняли. Такова и наиболее удачная его формулировка, «loi de la participation» Леви-Брюля. По этому «закону сопричастия», в мышлении дикаря существует постоянная возможность взаимного замещения части с целым и подобного с подобным.

Основы этого алогизма сразу становятся ясны, если применить то, что нам известно об условиях рефлексов полных и неполных, трудовых и символических.

Как мы знаем, для повторения реакции не требуется полного повторения первоначальных ее объективных условий,—достаточно частичного; нередко даже она возникает в отсутствии почти всей прежней ее внешней обстановки, благодаря только воспроизведению некоторых внутренних условий организма, с которыми она была связана; так это бывает, напр., с «воспоминаниями по ассоциации», в сновидениях, и проч. Неполноте условий соответствует обычно неполное или ослабленное повторение,—вместо трудового акта часть его, стремление, двигательный образ, вместо действительного комплекса его «символ», звуковой или мимический,—притом реально выступающий, или только «мыслимый».

Отсюда прямо вытекает основа первобытного алогизма—первичная неопределенность значений звуковых и мимических символов.

Поясняю это на примере, заимствованном из прежних моих работ¹⁾. Индо-европейский корень «ku» (в усиленной форме sku) соответствует понятию «рыть», «копать»; возможно, что его нача-

¹⁾ «Наука об обществ. сознании» (стр. 63 по 3-му изд. 1923 г.); «Падение велик. фетишизма» (стр. 24—25, изд. 1910 г.), где критически приводится цитата на ту же тему из «Ursprung der Sprache» Нуара.

лом явился звук, вырывающийся при акте копания от надавливания грудью на рукоятку примитивного орудия, подобного заступу; тогда это—первичный корень. Часть трудовой реакции. Так как физиологически эта звуковая часть реально воспроизводится всего легче, то она выступает и тогда, когда налицо имеются лишь неполные, даже весьма неполные, условия реакции, как целого, и когда наибольшая часть этого целого остается на уровне стремления или двигательного образа. Та сумма условий, при которой данная реакция возникла впервые в организме работника-дикаря,—когда он ее научался,—была вся обстановка коллективно-трудового акта копания: другие работники, занятые этим делом, надлежащие орудия в их руках, углубления в почве, груды вырытой земли, и проч. Но когда весь сложный рефлекс упрочился в организме, то достаточно уже некоторой доли этих условий, иногда очень малой, чтобы он вновь выступил на сцену, в форме неполной реакции: главные составляющее движение, сокращения массивных и удаленных от мозга мускулов—не практически-реально, а ослабленными до степени двигательных образов; некоторые легко воспроизводимые части, особенно звуковой рефлекс, в действительном внешнем проявлении, хотя бы и ослабленном, но уже доступном слуховому восприятию. Это бывало и тогда, когда человек видел орудие копания, или труд вырытой земли, или просто яму, даже не занятую людьми, или животное, роющее землю и проч. Все это тоже «обозначалось» звуком «ku», т. е. вызывало его, как отзвук в человеке естественный и «попятный» для других членов коллектива, совпадающий с таким же отзвуком в их психо-физиологических системах. Так на деле получалось неопределенное множество значений, разными соотношениями связанных с основной действительной реакцией—трудовым актом копания. Все то, что в новейших языках выражается опромным потомством слоев, происходящих от корня «ku», выражалось тогда самим этим корнем¹⁾.

Первичная неопределенность включает, между прочим, во многих случаях одинаковое обозначение противоположностей. Это вполне естественно потому, что противоположность всегда предполагает ряд условий общих для той и другой ее стороны,—без чего не может и возникнуть противопоставлений; а эта общая часть условий может вызывать и общую реакцию; вообще, противоположные понятия относятся к одним и тем же активностям. В новейших языках имеется немало следов такой первоначальной связи в значениях слов одного корня, как, напр., в русском «полный» и «полный», «сок» и «сухой» (в латинском тоже *succus* и *siccus*), «конец» и «начало» (корень—звук *k*, с последующим носовым), «врать» и «верить», и проч. Есть даже случаи, где такую роль играет одно слово. Напр., в латинск. *altus* — высокий и глубокий;

¹⁾ Напр., русское «копать», латинское *cavus* — пустой, *sculpo* — долбить французское *cave* — погреб и т. д.

то и другое связано с одним рефлексом—поднятия; также sacer—священный и проклятый; к тому и другому запрещалось прикасаться, следовательно, общий рефлекс—избегать, удаляться. Указывают, что в древне-египетском «кеп» означало и «сильный» и «слабый», и лишь впоследствии второе значение обособилось в форме «кап»: то и другое связано с образом большого мускульного напряжения, которое слабому требуется для всякой работы, и на которое сильный наиболее способен, и т. п.

Все это вполне объясняет первичный алогизм и делает понятной его жизненную необходимость. Замещение целого и части определяется тем, что целое и часть, будучи типически нераздельны, входят в состав условий одной и той же двигательной реакции. Стоит только подумать о том, что охотнику в большинстве случаев удастся видеть сначала не «целое» животное, а только какую-нибудь, часто очень малую, «часть», которая потом реально замещается для него целым: было бы плохо для него, если бы, увидев между деревьями часть головы медведя, он не реагировал на нее достаточно полной анти-медвежьей реакцией, включающей и слово «медведь», хотя бы только мыслимое, а не произносимое вслух. «Алогизм» тут налицо, как совершенно необходимое приспособление.

Замещение подобного подобным—частный случай того же соотношения. Подобие, сходство есть не что иное, как частичное тождество, совпадение некоторых частей двух комплексов, при чем естественно, что эти совпадающие части вызывают одинаковую реакцию на то и на другое целое. Видевший тигра, но лишь в первый раз встречающий льва, вполне естественно реагирует прежней системой рефлексов: «подобие» в основе не просто индуктивное отвлечение сходных черт разных комплексов, а весьма реальная биологическая вынужденность повторения раньше выработанных рефлексов в условиях, повторяющихся не вполне, а только частично. И мышление—речь, природа которого та же рефлекторно-практическая, не может идти иными путями.

Замещаться может не только подобное подобным, но также любой предмет или явление другим, ему типически сопоставляемым, напр., животное—его следом, пещера—ее постоянным обитателем, и обратно. Это, опять-таки, связь части с частью—двух частей одного комплекса, вызывающего в своем целом определенную реакцию полностью, а свшими раз'единившимися частями—ее же, но в разных степенях неполноты.

VI.

Вместе с загадкой первобытного «алогизма» здесь решается и вопрос ей противоположный—вопрос о культурном «логизме», как жизненном (социально-биологическом) приспособлении,—об его генезисе, значении, пределах.

В чем он заключается? Да именно в том, что мышление—речь не замещает целого частью и обратно, подобного подобным, сопут-

ствующего сопутствующим, что часть мыслится, как нечто иное, чем ее целое, вещь В, как нечто иное, чем похожая на нее или сопутствующая, но не тождественная вещь А. Это значит, что для каждого из перечисленных случаев имеется особая мыслительная реакция—особый речевой рефлекс, за которым, конечно, скрывается, как его основа, особый комплекс действенно-практический. Другими словами, весь генезис «логизма» сводится к дифференцированию рефлексов, как собственно-практических, так и символизированных.

Нет надобности пояснять и доказывать, что для борьбы человечества за существование такой аналитический «логизм» выгоден и часто необходим. Весьма бесполезно реагировать одинаково на живого медведя и на снятую медвежью шкуру или покинутую медвежью берлогу, на тигра и на подобную ему цветом и полосами зебру, даже на тигра и льва, и т. п.¹⁾ Но здесь следует и вполне возможно, принципиально решить вопрос о жизненном соотношении алогизма и логизма, об их взаимных границах.

Мы видели: сущность алогизма—это обобщающая природа рефлексов. Рефлекс алогичен по самой сущности своего механизма, которая одна и та же для рефлексов практических и для мыслительных—речевых.

«Грудной младенец... еще не есть существо мыслящее. Но он уже существо действующее, он так или иначе реагирует на события. Прикоснитесь к его ручке чем-нибудь очень холодным,—он отдернет ее. Если холодный предмет заменить горячим, он также отдернет ручку. Острие иглы вызовет то же движение... Оно является одинаковым ответом на различные раздражения...

«...Человек идет по тропинке, ее прерывает яма, большой камень, ствол упавшего дерева, лужа; все эти различные вещи он лишь несколько тысяч лет тому назад сумел обобщить познавательно, в понятии «препятствия», но, конечно, задолго до того, наглядно для всякого наблюдателя обобщал практически, в акте перепрыгивания, в одинаковом движении, относящемся к общему для человека свойству всех этих, столь различных предметов.

«Такова жизненная необходимость. Воздействия и сопротивление среды... никогда не повторяются. Если бы организму надо было так же разнообразно реагировать на них, то он никогда не мог бы ничему «научиться», не имел бы возможности выработать никаких действительных приспособлений; когда и каким путем выработаются целесообразные реакции, если каждая годится только

¹⁾ Славянская народная мудрость в сказке о «набитом дураке» поучает относительно невыгодности недостаточной дифференцированных реакций: герой сказки одинаково приветствует носильщиков хлеба и носильщиков трупа, одинаково ведет себя на свадебном и на похоронном собрании; в результате его везде бьют.

на один раз? Именно в обобщающем их характере заключается основная экономия сил активного существа¹⁾.

Но если так, если отношение алогизма и логизма сводится вообще к отношению обобщающей и дифференцирующей тенденции в мышлении на основе тех же тенденций в практике, то ясно, что алогизм не мог и не должен был исчезнуть в «культурном», более развитом мышлении. Оно, действительно, алогично,—логизм в нем только «островки среди океана», только частичные коррекции царящего алогизма.

Аналогичны и самые высшие, творческие проявления механизма мысли, и самые низшие, стадио-консервативные.

Ни один шаг познавательного синтеза не был — и не может быть сделан без нарушения законов логики. Когда было сказано: «Земля вращается», — то люди строгой логики имели все основания объявить это нелепостью. «Вы явно называете черное белым, принимаете *A* равным *не-A*», могли бы они сказать. «Мы выдали вращающиеся предметы и знаем, какой вид это имеет; вы сами можете сесть на вращающееся тело, напр., на колесо, и убедиться, какие ощущения это вызывает. Земля такого вида не имеет и ощущений таких не вызывает; если всякое известное нам вращение есть *A*, то ваше «вращение» земли есть *не-A*; обозначая их одним и тем же словом, вы грубо нарушаете закон тождества». И, конечно, не менее резко противоречила логике идея, что земля непрерывно падает на солнце, луна на землю: «падать» во всей практике людей означает в первую очередь п р и б л и ж а т ь с я, затем именно — приближаться по вертикали вниз; а луна, напр., половину своего периода удаляется от земли, при чем на вертикаль ее траектория вообще несколько не похожа.

На замещении подобного подобным основан целиком метод аналогий, которым оперирует всякое техническое, научное и художественное творчество, — при чем, как видим, степень «подобия» может быть как угодно мала. Да, в сущности, и всякое обозначение нового предмета или факта прежним словом — без чего речь и мышление невозможны — уже заключает в себе элемент алогизма. Ребенку показали кошку и сказали: «это киска». Когда он после того, встречая другую кошку, не тождественную с первой, сколько-нибудь иную по цвету, росту и проч., называет ее «киска», то логика его принципиально та же, как и в тех случаях, когда он затем «киской» называет рысь, тигра, тюленя, сову, меховое боа, чью-нибудь мягкую шевелюру. Где предел объективной, правильности этого алогизма, решает только живая социально-биологическая практика.

Здесь мы видим, что алогизм замещения полон и положительных, творческих возможностей, и отрицательных, как источник

¹⁾ «Социализм науки», Москва, 1918, стр. 37—39; перепечатано в сборнике «О пролетарской культуре (1904—1924)», изд. 1925 г., стр. 271—272.

ошибок. Последнее особенно характерно для алогизма консервативных, стихийно сложившихся понятий, который является могущественным идеологическим орудием в социальных столкновениях, расовых, национальных, даже классовых. Это «логика», напр., всевозможных погромов. Когда немцы бьют русских на полях сражений, московский троглодит вполне алогично громит единственную в России фабрику медикаментов, отождествляя прозного немца на фронте с немцем, мирно производящим лекарства для русской армии. «Немец равен немцу», *A* равно *A*: это первичное тождество алогизма и логики прекрасно умеют использовать все устроители погромов, все демагоги. На фронте я был свидетелем того, как солдатики, при сочувствии большинства офицеров, с огромной затратой сил громили и с диким наслаждением всячески оскверняли все помещичьи и крестьянские дома, магазины, госпитали, все полезные и удобные помещения, в результате чего сами должны были квартирно довольствоваться всецело сараями и хлевами: логика отождествления медведя с его покинутой берлогой. Те же формы алогизма можно у нас наблюдать в виде самых распространенных приемов полемики, всегда, соответственно общему уровню культуры, отражающих методологию реальной борьбы в данном обществе¹⁾.

В культурном развитии человечества алогизм динамический есть необходимый путь всего творчества, хотя, конечно, и неизбежный источник его ошибок, селективно, т. е., через отбрасывание неудачного, устраняемых практикой. Результаты творчества, прошедшие через контроль этого подбора, закрепляясь в систематизированных логических формах: логика есть основное статическое приспособление культуры. Напротив, статический алогизм есть выражение культурной инертности, мера исторической отсталости и застойности коллективов, классовых, национальных и всяких истин.

VII.

Одно из проявлений первичного алогизма, важное по своему широкому развитию и всеобщему распространению, представляет магизм замещения в разных его формах: магизм частей — целого, изображений, сопутствующих комплексов, магизм имен и других символов. Его можно, без сомнения, в исторически уже усложненном виде, наблюдать у современных дикарей и у отсталых

¹⁾ Я имею в виду широко распространенный прием отождествления опровергаемых идей с другими, заведомо ненавистными публике, путем энергичного подчеркивания каких-нибудь частичных совпадений или даже чисто внешнего сходства, — напр., когда большевиков 1905—1906 г.г. обвиняли в анархизме за бойкот Вулыгинской и I-й Гос. Думы, за убийство шпионов и некоторые партизанские выступления, или когда по сходству нескольких терминов отождествляют философские, научные доктрины и т. п. Этот прием, представляющий эксплуатацию массового алогизма, практически тем безошибочнее, чем более темна и невежественна публика, к которой обращаются.

элементов «культурных» или полу-культурных народов. Сюда относятся целый ряд типичных форм колдовства: с помощью изображений тех существ, на которых хотят повлиять в смысле их привлечения к себе или нанесения им вреда, уничтожения, либо с помощью их частей (волос, ногтей, выделений), либо с помощью сопутствующих комплексов (принадлежностей костюма, следов и проч.). Например, наносил раны булавкой фигуре, изображающей врага, рассаживают его след и бросают в огонь; чтобы возбудить любовь к себе в желанной особе, проделывают разные манипуляции с ее волосами, кусками одежды; чтобы привлечь к охотникам известного рода дичь, аналогично колдуют над ее шкурой, когтями, и т. д.

Здесь, в общем, дело идет о реакциях захвата, обладания, разрушения. Они представляют громадную биологическую важность, как средство удовлетворения основных потребностей человека. Поэтому их настоящее, реальное выполнение связано с определенным эмоциональным удовлетворением, они интенсивно приятны. Когда же они воспроизводятся при неполной сумме условий, как в данном случае—частично или символически, они, по общему закону, соединяются с теми же эмоциями: захват, обладание, разрушение частей субъекта, или его подобий доставляют удовольствие, хотя, конечно, ослабленное и менее длительное. Таким образом, самое происхождение данного типа магизма с нашей точки зрения никакой загадки не представляет, оно вполне ясно; и вопрос приходится поставить иначе, а именно: почему эти магические действия связаны с оживлением реализации того, к чему относятся? Почему здесь так долго не развивалась логически-познавательная коррекция на основе практики? Ведь, казалось бы, как раз в силу практической важности *реального* захвата, обладания, разрушения должна бы особенно быстро обнаружиться неудовлетворительность «иллюзорного» осуществления всего этого.

К вопросу всего лучше подойти конкретно. По отношению к рисункам первобытных художников, например, знаменитым изображениям животных в Альгамбрской пещере, можно считать общепринятым, и на самом деле вполне вероятным, мнение Соломона Рейнака, по которому роль их была «магической». Значит ли это, что они были всецело и исключительно источником иллюзорного самоудовлетворения для пещерных жителей, веры в то, что животные, которыми они владеют *in effigie*¹⁾, попадут в их власть и реально? Легко убедиться, что нет, что тут имелось нечто иное, гораздо более существенное: могучее орудие в действительной борьбе за существование.

Перед нами, во-первых, самое насущное воспитательное средство для коллектива охотников. Каким способом, при элемен-

¹⁾ В Средние Века преступников, скрывшихся или слишком высокопоставленных, казнили иногда «в изображении».

тарных формах речи, дать понятие детям, живущим в пещере, об охоте на большого зверя, ее методах и опасностях? Сделать это без помощи изображений прямо невозможно; а водить детей для обучения на настоящую охоту такого рода, где шансы гибели и для взрослых очень велики, было практически весьма невыгодно, вообще говоря,—просто недопустимо.

Во-вторых, быть может, еще важнее,—это было орудие так называемой «Vorbereitung» коллектива, психической подготовки «настроения» и действительной памяти охотников перед выступлением на охоту, т. е. оживления в их мозговых центрах соответственных групп рефлексов. Их неполное, но живое воспроизведение перед рисунками—нечто в роде охотничьего танца у нынешних дикарей—обуславливает затем наибольшую энергию, наилучшую точность и координацию реального выполнения этих же рефлексов на самой охоте. Группы, имевшие «магов» художников, должны были лучше выживать в жизненной борьбе, не имевшие—скорее и чаще погибать. Сила «магии» рисунков и скульптур была вполне реальною технической силой.

Другие приемы первичного магизма имеют не менее серьезную базу в практике. Обладание частью или сопутствующим объектом является в массе случаев действительным шагом к захвату целого и главного. Поймали детеныша,—мать должна быть недалеко, она даже очень часто сама выбежит тогда на охотников, имеющихся наибольшие шансы овладеть всей семьей животного. След животного или врага-человека дает верный путь к нему; капли крови, если оно или он легко ранены, приведут преследующих к цели, даже если твердая почва не сохраняет обычных следов; шерстинка, выделения животного, клочок одежды человека могут сыграть такую же роль. И здесь магизм фиксирует первоначально связь реально-практическую, от которой он и получает свою культурно-историческую прочность.

Поэтому нет ничего непонятного в том, что элементы заместительного магизма сохраняются и у культурных народов отнюдь не только в виде суеверий наиболее отсталых или вырождающихся социальных групп. Здесь особенно характерны эмоциональные реакции—любви, злобы, похоти и проч. Влюбленному доставляют действительное удовольствие ласки, расточаемые им портрету дамы его сердца, а в случае ссоры с нею действительное, хотя и неполное облегчение горечи обиды дает разрывание на куски того же портрета; уничтожение Керзона *in effigie* давало истинное удовлетворение многим юным патриотам; порнографическими изображениями реально наслаждались многие незрелые отроки и перзрелые мужи; и т. д.

Все это, конечно, не проявления первобытного магизма; но такие реакции генетически ближе к нему, в большей мере сохраняют его зерно и помогают пониманию настоящей его природы, чем идеологически осложненные суеверия современных племен и народов как просто диких, так и прикрытых оболочкою цивилизации.

VIII.

От первичного магизма, оперирующего с реальными комплексами—частями предметов, их подобиями и пр., следует отличать высшую, более сложную форму—магизм символов, прежде всего—слов, выражающийся в разного рода заклинаниях, заговорах и т. п.

Его простейший случай—магизм имен, названий, вера в то, что обладание ими дает власть над существами, к которым они относятся. Отсюда у многих дикарей стремление скрывать свои имена от врагов, действительных или даже только возможных, смена имен при известных условиях, тайные имена рядом с явными и т. п. Объяснение здесь не представляет трудностей и вытекает из самой сущности именных реакций.

Именная реакция—обозначение лица, вообще индивидуального существа или индивидуального объекта словом, первоначально и типически имеющим другой смысл.—основана, очевидно, на той же самой первичной неопределенности значений, на заместительстве части и целого, подобного подобным. Достаточно, чтобы человек хромал, и это весьма частичное проявление становится постоянным символом всей его личности, имеем «Хромающий» или «Хромой»: достаточно, чтобы он сложением или походкой был похож на медведя, и он—«Медведь», и т. п. Понятно, что имена берутся из слов, выражающих действия, из названий внешних объектов, особенно животных, потому, что они обладают наибольшим сходством с людьми,—частей тела, орудий и проч.

Можно думать, что индивидуальные имена развились позже, чем названия вещей,—орудий, объектов труда, его продуктов. Но, вообще, между именами и названиями сколько-нибудь резкой границы провести нельзя, особенно в примитивном мышлении. Имя—часть существа, которому оно принадлежит, название—часть предмета, к которому относится. И вполне естественно, что тут применима «парциальная» магия. Обладание именем имеет такое же значение, как обладание иной немаловажной частью лица или предмета: может давать власть над ним, служить средством его захвата или воздействия на него.

Реально-техническая, отнюдь не иллюзорная основа этого магизма раскрывается легко; иллюстрируем на простейшем примере из области охоты или войны. Дикарь рассматривает неясные следы, его действия неуверенны, нерешительны. Но вод он наложил на эти следы «имя» зверя или врага,—и колебания уже нет больше, он знает, что делать, какие приемы применить: жертва «обречена»¹⁾. И далее, простое сообщение «пойманного» имени компаньонам

¹⁾ «Обречена»—это, собственно, и значит—«охвачена речью», т. е. — названа. Латинское *voco*—«обрекаю»—имеет такое же значение (родственно *voco*—называю, зову). Гений языка здесь формулирует сущность именного магизма.

следопыта, может быть, не столь опытным, неспособным самостоятельно ориентироваться в следах и в их соотношениях с обстановкой. сразу делает их гораздо более умелыми сотрудниками для него, организует «магизм» планомерного коллективного действия со всей его вполне объективной, прибавочной силой.

Вполне понятно, что и этот тип реально-магического эффекта отнюдь не исчезает в дальнейшем развитии человечества. Разве знание имен подчиненных не нужно руководителю для управления ими, разве оно не повышает практическую эффективность его власти? Разве Наполеон известной долей своей магической власти над армией не был обязан тому, что знал по имени чуть ли не всех своих солдат? А знание имени преступника, списка заговорщиков не дают ли преследователям реальную власть над их судьбой? Напротив, перемена имени, чужой паспорт не являются ли одним из лучших орудий самозащиты для преследуемых обществом? Не случайно в языке и в логике даже не дикарей, а такого народа, как древние вавилоняне, понятие «существовать» передавалось выражением «иметь имя» или «иметь название».

За магизмом имен следует магизм заклинаний: вера в силу специальных словесных формул (еще раньше—песен) над людьми и над вещами. Его исходный пункт лежит, несомненно, в примитивных технических правилах и в организации сотрудничества посредством слов (а также трудовых песен). Техническое правило—первоначально просто цепь слов, выражающая цепь действий в их планомерной последовательности; его знание дает людям реальную силу в борьбе с природою—силу кристаллизованного трудового опыта прошлого. Трудовая песня, а еще больше, в дальнейшем, словесные распоряжения руководителей, координируя действия людей, формируют также огромную дополнительную силу сотрудничества. Стоило дикарям констатировать эти объективные факты на своем поэтически-образном языке,—и перед нами готовая формулировка веры в действительное могущество слов, в словесную причинность, т. е. магизм заклинаний.

В детски-импульсивной натуре древнего дикаря действия и выражающие их слова (полу-междометия) были неразрывны. Выполняя какую-нибудь относительно сложную цепь трудовых операций, он должен был непрерывно повторять (бормотать, как это и теперь часто наблюдается) техническое правило их последовательности, применявая сюда пожелания, выражающие то, к чему он стремится в своей работе. Первое мнемонически поддерживает уверенность его движений, второе укрепляет их энергию и настойчивость. Оба элемента легко найти, большей частью, конечно, осложненно-запутанными и спутанными, при анализе новейших заклинаний; например, лечебные постоянно соответствуют схеме: «Делаю над больным то-то и то-то, уйдет болезнь туда-то и туда-то».... плюс еще, обычно, мифологическое описание самой болезни. Осложненность же и запутанность—неизбежный результат консерватизма

форму: в их передаче от поколения к поколению: они сохраняют первоначальную форму и всю неточность языка эпохи мифологического мышления, между тем как изменяется и самая техника действий, и значения слов в их логическом и алогическом дифференцировании¹⁾.

Почти нет надобности пояснять, что реальные моменты магизма слов сохраняются в культурном развитии. Комбинации слов и других символов в технических и научных формулах еще больше, чем прежде, служат мощными орудиями власти над природою, словесные комплексы приказаний и норм по-прежнему приводят в движение человеческие силы, индивидуальные и массовые, или определяют, ограничивают это движение. «Слова» убивают и спасают людей на каждом шагу. Отпала наивно-алогическая оболочка, да и то не настолько, как это обыкновенно думают.

Есть даже одна обширная область, которая до сих пор почти всецело пропитана верою в самостоятельную силу символов, это область искусства. Там дух магизма царит и теперь, там заклинание если не стихий, то человеческих душ, выступает как истинная задача «творчества», в основе которого принимается таинственно-магическая способность. Только организационный анализ социальных функций искусства освободит его от власти пережитков магизма.

IX.

Тотем — одна из загадок примитивного мышления, вызвавших наибольшее число наиболее противоречивых гипотез. Между тем, по своей жизненной функции это вещь очень простая: коллектив и имя, родовое, фратриальное или племенное.

Зная, что развитие функции практически определяется потребностью, здесь легко уже сделать вывод об условиях генезиса тотемизма: он мог возникнуть лишь тогда, когда налицо была потребность в именах для коллективов. В эпоху полной разрозненности первобытных «орд» и их стихийной враждебности такие имена реально не нужны; надобность в них является при мирных сношениях между родовыми группами, сношениях родственно-союзных или меновых.

В этих сношениях, как нам известно, коллектив не прямо вступает в общение с другим коллективом, а через своего руководителя, патриарха или вождя. Поэтому с полным основанием можно принять

¹⁾ Любопытно, что одно из гениальнейших произведений мировой литературы — «Песнь о колоколе» Шиллера — в своем структурном плане воспроизводит эту первичную двойственную схему технического указания-пожелания, что делается и что должно получиться из работы. В эту «заклинательную» схему уложена целая картина жизни городского мелко-буржуазного мира.

Заклинание-песня, часто фигурирующая в мифах, напр., финских, очевидно, имеет основу в практическом «магизме» песни трудовой.

что первоначальное различие — обозначение сторон тут должно было сводиться к именам этих организаторов: фиксированных коллективных имен еще не было. Но с развитием культуры предков происходила и фиксация, на основе имени определенного «родоначальника»: по мере того, как его фигура возвышалась в сознании потомков через «накопление авторитета»¹⁾, имя это приобретало характер «тотема», с возрастающей затем религиозной окраской, осложнением «табу» и проч.

Но если так, то почему тотемическое имя в большинстве случаев представляется не случайным? Почему у кланов охотничьих это чаще всего имя животного, притом играющего важную роль в охоте данного клана, у рыболовов очень часто название рыбы, и т. п.? Ответ негруден, если принять в расчет направление подбора в социальной среде, подбора, который отбрасывает одни имена предков-организаторов, как менее подходящие, фиксирует другие, в зависимости от всей суммы условий групповой психики.

Пусть имеется ряд авторитетных предков, из которых одни носили имена «парциальные» (замещение целого частью), например, «Острое Ухо», «Короткая Нога» и т. п., другие — имена «симбилярные» (по сходству), например, «Волк», «Бизон», «Астрель», «Большой Дуб» и пр. Легко видеть, что имена первого типа гораздо менее приспособлены к роли тотема, слишком индивидуальны для коллектива: «Короткая Нога», «Острое Ухо», исчезают со смертью их носителей, и для запоминания этих имен нет никакой объективной опоры; напротив, «Волк», «Бизон», сохраняют множество отзвуч в окружающей группу обстановке, находят массу повторных отзвучков и потому гораздо более способны удержать именную функцию. Но и эти далеко не все одинаково жизненны; здесь может решать вопрос практическая важность тотемного существа или вещи для данного коллектива: у охотников скорее удержится «Бизон» или «Волк», у рыболовов «Форель», и т. п.

Обычная бесплодность рассуждений о тотемизме определяется тем, что в них идут ошибочным путем, начинают не с того конца: в первую очередь цепляются за формальное значение коллективного имени, а не исходят из его реально-организационной функции,

¹⁾ Это — «механизм обожествления, очень простой: умершие авторитеты остаются таковыми для авторитетов живых, и тем самым возвышаются над ними; поэтому каждое новое поколение, выдвигая своих авторитарных руководителей, прибавляет нечто к авторитарной высоте наиболее отдаленных предков, и они вырастают в гигантские фигуры богов. Это процесс длительный, и потому на первых стадиях тотем — имя, положим, означающее название животного, еще не имеет настолько священного характера, чтобы ограждать это животное от охоты и употребления в пищу членами группы данного тотема: а на стадиях более поздних развивается такое тотемическое табу. Кунов, не понявший этого, сделал вывод, что первоначально «тотем» просто условное название, принятое для отличия данной родовой группы от других. Но «дикарь, прибегающий к таким условным символам, есть, конечно, переодетый европеец» (цитаты из ст. «На пол-пути», рецензии на Кунова в «Научн. Извест.», сб. I, стр. 189—190).

в которой суть дела. Первый и основной вопрос вовсе не в том, почему «Волк», «Хлебное Дерево», «Дождь», — а в том, какие объективные связи и разграничения групп выражаются этими символами, — при чем без особо-важных изменений хода жизни могли бы выражаться и другими.

С этой точки зрения легко видеть, что сущность «тотемизма» вовсе не связана с дикостью и варварством, что она в новых формах вполне сохраняется среди современной цивилизации. Коллективные имена самых различных степеней широты существуют; только исчезла их конкретная образность и алогизм именных отождествлений — свойства примитивной речи и примитивного мышления. Есть родовое имя — «фамилия»; если у туземцев Австралии мужчина и женщина одного тотема совсем не могут вступать в брак, то у европейцев, когда жених и невеста носят одну фамилию, венчающий их жрец или мэр ставит вопрос о степени их родства. В гербах старой аристократии сохранились следы «зоологического» тотемизма; на почве феодального объединения он даже в свое время вырос до национального масштаба: «тотем» англичан — леопард, французов — петух, русских — медведь, и т. д. Конечно, большая часть верований, связанных с ним, отпала; но вряд ли все: кое-что на эмоциональной основе осталось. А если говорить о коллективных именах вообще, то роль их с ростом и расчленением коллективов, конечно, возросла.

X.

К области магизма символов относится также вопрос об австралийских «чурингах», каменных или деревянных «душах» тамошних дикарей. Это одна из наиболее страшных загадок зародышевой культуры; с точки зрения чисто методологической я позволю себе высказать несколько соображений о путях подхода к ее разрешению.

Принципиально ошибочными следует считать те попытки, которые берут за основу всецело современные верования-суеврия дикарей. Идеология в своем консерватизме нагромождает одни наложения на другие, все их более или менее сохраняя в причудливом ослеплении: анализ чисто идеологический не имеет никаких способов и шансов выделить из этого первичное зерно. Такой значительный по сумме проявлений и широко распространенный на целом материке обычай должен иметь своей базой реальное приспособление, практическую функцию, чего и следовало искать. Этнологи преобладающего современного типа не склонны к таким поискам по самой своей природе; и не удивительно, что они ничего такого не находят.

Возможно, разумеется, и то, что эта практическая функция уже вся в прошлом, а нынешние «чуринги» только ее пережиток, — подобно тому, как в сфере культа сохраняются материальные следы исчезнувшей техники в религиозно-идеологическом применении.

Но и тогда какие-нибудь указания в практике самого обычая могут привести на линию разгадки.

То, что сообщают о чурингах, всякого экономически-мыслящего человека неизбежно должно наводить на мысль о «регистрационных карточках», о «душах» в нашем крестьянском смысле — «души» едоков или рабочих или надельных. Собственно «регистрационная» функция, повидимому, и теперь отчасти сохранилась — только ее экономический смысл неясен. Заведуют ими «старички» — многоопытные руководители жизни хозяйственной и семейной; они хранят чуринги в одном месте, для чего-то их время от времени пересматривают, вносят каждую родившуюся душу, отмечают, надо полагать, каждую умершую. Иная форма регистрации у дикарей, не имеющих письменности и имеющих только зачатки счета, очевидно, и невозможна. Даже на гораздо более высоких ступенях развития метод замещения людей в расчетах материальными символами в этом роде, несомненно, встречается¹⁾.

Какие реальные потребности могут требовать такой регистрации, для какого учета — у теперешних австралийцев, этого этнологи не выяснили, может быть, потому только, что не выяснили, а может быть, как мы сказали, и потому, что этих потребностей уже нет. Австралийские системы родства, вообще сложные, иногда до крайности запутанные, сами по себе как будто уже нуждаются в подобной регистрации, которая могла бы фиксировать данные о родственных отношениях с помощью специального расположения чуринг, знаков на них и т. п. Но могут быть и более глубокие экономические корни, если не в настоящем, то в прошедшем. Несответствие между сложностью верований, а также систем родства, и крайней примитивностью хозяйственной жизни австралийцев заставляет думать, что они стояли когда-то на более высоких ступенях развития. Быть может, существовало общинное хозяйство такого типа и с такой степенью централизации руководства, что «карточки» для распределения рабочей силы, запасов на неблагоприятное время года и т. п. были очень нужны: только имея перед глазами легко обозримый «душевой» состав общины, могли «старички» — организаторы успешно выполнять свои, тяжелые для неразвитого, консервативного мозга, «плановые» задачи. Если нынешние «чуринги» — остаток древнего хозяйственно-статистического метода, то не было бы удивительным сходство с ними некоторых находок в европейских раскопках магдаленского и азильского периода.

Не мне решать эти вопросы, но думаю, что вполне законно, с точки зрения метода, их поставить.

¹⁾ Я вспоминаю из одного путешествия по Северной Африке рассказ о «марабутах», т. е. святых или мудрецах, к которым окрестные жители обращаются во всех своих конфликтах. Выслушавая их жалобы и показания, марабут раскладывает перед собою камешки разного цвета и формы, обозначая, таким образом, действующих лиц задачи; обдумывая дело, он передвигает камешки, пока не находит таким способом решения.

в которой суть дела. Первый и основной вопрос вовсе не в том, почему «Волк», «Хлебное Дерево», «Дождь», — а в том, какие объективные связи и разграничения групп выражаются этими символами, — при чем без особо-важных изменений хода жизни могли бы выражаться и другими.

С этой точки зрения легко видеть, что сущность «тотемизма» вовсе не связана с дикостью и варварством, что она в новых формах вполне сохраняется среди современной цивилизации. Коллективные имена самых различных степеней широты существуют; только исчезла их конкретная образность и алогизм именных отождествлений — свойства примитивной речи и примитивного мышления. Есть родовое имя — «фамилия»; если у туземцев Австралии мужчина и женщина одного тотема совсем не могут вступать в брак, то у европейцев, когда жених и невеста носят одну фамилию, венчающий их жрец или мэр ставит вопрос о степени их родства. В гербах старой аристократии сохранились следы «зоологического» тотемизма; на почве феодального объединения он даже в свое время вырос до национального масштаба: «тотем» англичан — леопард, французов — петух, русских — медведь и т. д. Конечно, большая часть верований, связанных с ним, отпала; но вряд ли все: кое-что на эмоциональной основе осталось. А если говорить о коллективных именах вообще, то роль их с ростом и расчленением коллективов, конечно, возросла.

X.

К области магизма символов относится также вопрос об австралийских «чурингах», каменных или деревянных «душах» тамошних дикарей. Это одна из наиболее странных загадок зародышевой культуры: и с точки зрения чисто методологической я позволяю себе высказать несколько соображений о путях подхода к ее разрешению.

Принципиально ошибочными следует считать те попытки, которые берут за основу всецело современные верования-суеверия дикарей. Идеология в своем консерватизме нагромождает одни настояния на другие, все их более или менее сохраняя в причудливом сплетении: анализ чисто идеологический не имеет никаких способов и шансов выделить из этого первичное зерно. Такой значительный по сумме проявлений и широко распространенный на целом материке обычай должен иметь своей базой реальное приспособление, практическую функцию, чего и следовало искать. Этнологи преобладающего современного типа не склонны к таким поискам по самой своей природе; и не удивительно, что они ничего такого не находят.

Возможно, разумеется, и то, что эта практическая функция уже вся в прошлом, а нынешние «чуринги» только ее пережиток, — подобно тому, как в сфере культа сохраняются материальные следы исчезнувшей техники в религиозно-идеологическом применении.

Но и тогда какие-нибудь указания в практике самого обычая могут навести на лишнюю разгадку.

То, что сообщают о чурингах, всякого экономически-мыслящего человека неизбежно должно наводить на мысль о «регистрационных карточках», о «душах» в нашем крестьянском смысле — «душ» едоков или рабочих или надельных. Собственно «регистрационная» функция, повидимому, и теперь отчасти сохранилась. — только ее экономический смысл неясен. Заведуют ими «старички» — многоопытные руководители жизни хозяйственной и семейной; они хранят чуринги в одном месте, для чего-то их время от времени пересматривают, вносят каждую рожившуюся душу, отмечают, надо полагать, каждую умершую. Иная форма регистрации у дикарей, не имеющих письменности и имеющих только зачатки счета, очевидно, и невозможна. Даже на гораздо более высоких ступенях развития метод замещения людей в расчетах материальными символами в этом роде, несомненно, встречается ¹⁾.

Какие реальные потребности могут требовать такой регистрации, для какого учета — у теперешних австралийцев, этого этнологи не выяснили, может быть, потому только, что не выясняли, а может быть, как мы сказали, и потому, что этих потребностей уже нет. Австралийские системы родства, вообще сложные, иногда до крайности запутанные, сами по себе как будто уже нуждаются в подобной регистрации, которая могла бы фиксировать данные о родственных отношениях с помощью специального расположения чуринг, знаков на них и т. п. Но могут быть и более глубокие экономические корни, если не в настоящем, то в прошедшем. Несответствие между сложностью верований, а также систем родства и крайней примитивностью хозяйственной жизни австралийцев заставляет думать, что они стояли когда-то на более высоких ступенях развития. Быть может, существовало общинное хозяйство такого типа и с такой степенью централизации руководства, что «карточки» для распределения рабочей силы, запасов на неблагоприятное время года и т. п. были очень нужны: только имея перед глазами легко обозримый «душевой» состав общины, могли «старички» — организаторы успешно выполнять свои, тяжелые для неразвитого, консервативного мозга, «плановые» задачи. Если нынешние «чуринги» — остаток древнего хозяйственно-статистического метода, то не было бы удивительным сходство с ними некоторых находок в европейских раскопках магдаленского и азийского периода.

Не мне решать эти вопросы, но думаю, что вполне законно с точки зрения метода, их поставить.

¹⁾ Я вспоминаю из одного путешествия по Северной Африке рассказ о «марабутах», т. е. святых или мудрецах, к которым окрестные жители обращаются во всех своих конфликтах. Выслушавшая их жалобы и показания, марабут раскладывает перед собою камешки разного цвета и формы, обозначая, таким образом, действующих лиц задачи; обдумывая дело, он передвигает камешки, пока не находит таким способом решения.

К решению загадок первобытного и примитивного мышления мы прилагали основные принципы учения о рефлексах, а где этого было недостаточно — принципы исторического материализма, что существовало тоже рефлексологии, но социальной. И оказывалось, что наибольшие из этих загадок не только легко разрешимы, но, пожалуй, даже «загадками» являлись лишь по недоразумению; для других же, более частных, намечается сам собою путь вполне надежного подхода к их решению. Вместе с тем обнаруживается отрицательная сторона новейшего развития специализации. До сих пор этнологи и генетические социологи обыкновенно в недостаточной мере знакомы с методами психофизиологии, чтобы приложить их к изучению своего материала, — только психоанализ последнее время завоевывает их внимание; но он сам еще требует освещения теорией рефлексов; а к историческому материализму большая часть означенных специалистов, как известно, относится отрицательно.

Есть еще одна определенная отрасль науки, столь же малочисленна или еще меньше применяемая в этих вопросах — социальная зоология. По своей сущности это тоже «социальная рефлексология», но не специализированная на человеческих коллективах, следовательно, более общая и более элементарная. Так как мне не пришлось в предыдущем конкретно иллюстрировать ее значение, то приведу сейчас один пример.

Проф. В. К. Никольский в своей очень хорошей и ценной, вообще, книге «Очерки первобытной культуры» пропагандирует, между прочим, гипотезу, по которой скотоводство и земледелие произошли из тотемизма, путем попыток приручения «тотемов» животных и разведения «тотемов» растений¹⁾. Идеологичность гипотезы бросается в глаза; однако, это не решает дела, потому что она имеет за собою некоторые частные факты, допускающие, повидимому, такое истолкование. Но посмотрите, как оно сразу обесценивается, лишь только мы вспомним, что у муравьев тоже существует, у многих видов, скотоводство, у некоторых американских — зародышевое земледелие, у других — даже парниковое огородничество. Разведение тлей, как «молочного» скота, вещь широко популяризированная; менее общеизвестно разведение скота «алкогольного»: уход за некоторыми живущими в муравейниках жучками, выделяющими какие-то эфирные вещества специального для муравьев назначения. Техасские муравьи вплотную подошли к примитивному земледелию, выпалывая вокруг своих муравейников все травы, кроме определенного злака, «муравьиной травы». Южноамериканские листогрызы культивируют особые грибки, свои «шампиньоны», внутри муравейников на почве, которую удобряют жеванными кусочками листьев и своей мочой. Вот в таких фактах следовало бы искать указаний на возможные пути генезиса двух главных форм производства. Даже сейчас можно найти следы тех

¹⁾ «Оч. первобытн. культуры», стр. 158—9 (перв. изд.).

стихийно-симбиотических отношений, которые первоначально связали человеческие группы со стадами постепенно одомашненных затем животных: кочеванье арктических племен вслед за стадами диких, а затем полу-диких северных оленей, республиканские общины собак в городах Востока, и т. п. Идя по таким линиям, не потребуется, для логической выдержанности, искать тотемов у муравьев.

Мне скажут — в виде возражения, — что всё это есть «биологизация общественных наук». Я отвечу: конечно, да. Внесение методов и точек зрения биологических наук в науки социальные необходимо и полезно; так же необходимо и полезно, как в свое время внесение физико-химических методов и точек зрения в науки биологические, как применение математического анализа в физико-химии. Жизнь социальная подчинена всем законам жизни вообще, как жизнь вообще — всем законам движения и энергии. Кто думает иначе в биологии, — виталист; кто думает иначе в социальных науках, тот есть точный гомолог виталиста в этой области, скажем — социал-виталист.

Для биологизации общественных наук время пришло. Через нее в эту область проникнут также методы более точных наук. Но совершенно иное приходится сказать о попытках внести в социологию, прямо и непосредственно, механическую точку зрения в ее абстрактной форме. Я имею в виду ближайшим образом одну, к сожалению, пока еще только «философскую», без конкретного развития и приложения, формулировку Н. Бухарина, данную сначала в его книге «Исторический материализм», а затем подчеркнутую в статье по поводу этой же книги в «Вестнике Соц. Академии». Вот как она там выражена: «... мною предлагается новое материалистическое решение задачи, идущее по линиям марксовым решений. Оно таково. — Под производственными отношениями я разумею трудовую координацию людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени. Система этих отношений настолько же «психична», как система планет вместе со своим солнцем. Определенность места в каждую хронологическую точку — вот что делает систему системой. С этой точки зрения всякая психичность базиса исчезает». Далее идет оговорка об «опосредствующей» роли психических элементов, что, по мнению автора, не нарушает «стройности аргументации»¹⁾.

Так это или не так, но, к сожалению, «стройность аргументации» нарушена уже в основной формулировке — словами «трудовая координация людей». Кто употребляет слово «трудовой», тот говорит о «психичности»: понятие труда уже включает ее. Маркс труд людей прямо характеризует сознанием цели; но и «труд» пчелы, который он противопоставляет человеческому, как низшую форму, во всяком случае включает в себе и момент оц у щ е н и я

¹⁾ № 3, 1923. «К постановке проблем истор. материализма», стр. 9.

выполняемого усилия, и момент восприятия достигаемых результатов. без чего расстроилась бы последовательность трудовых актов.

Но, может быть, это просто неудачное выражение? Сравнение с планетами говорит о том, что «координацию» автор хочет представить, как чисто пространственную и временную связь движений, как векториальное их соответствие, — соответствие по направлению и величине¹⁾, плюс, сверх того, может быть, соотношение близости. Автор, очевидно, и не пробовал применить свою точку зрения на деле, иначе он сам увидел бы, что из нее получается.

Представим себе, напр., систему сотрудничества германского флота во время войны: один крейсер в Балтийском море, другой — у берегов Новой Зеландии. Так как это почти антиподы, то с векториальной точки зрения, если сопоставлять гомологичные движения матросов здесь и там, получается прямая противоположность. Напротив, соответствие движений матросов на английском и немецком крейсере, следящих друг за другом, с той же точки зрения весьма велико. Таких примеров можно дать сколько угодно. Возьмем из биологии. Клетка — водоросль *Zoochlorella* живет в клетке инфузории — сувойке; клетка — возбудитель сифилиса бледная спирохета живет в клетке человека. Пространственно-временное соотношение тождественно; а между тем в первом случае постель для хозяина драгоценный сотрудник, во втором страшный враг.

А если взять социально самый близкий и простой пример, — какую пространственно-временную, планетного типа, координацию сумел бы Н. И. Бухарин найти между движениями рабочего на фабрике и крестьянина на падеде?²⁾

Дело, конечно, не в пространственно-временной координации, которая есть лишь частный и не частый случай, — в простейших, главным образом, формах сотрудничества: даже в организме координация рефлексов в общем не векториальная. Дело в координации жизненной, биологической, т.е. организационной. И органы сознания в человеке и формы идеологии в обществе — это именно средства, орудия такой координации рефлексов, в самом широком смысле слова.

Эта точка зрения научно необходима, без нее нельзя исследовать, от нее не уйти.

А. Богданов.

¹⁾ Между прочим, даже у солнца и планет «координация» не только пространственно-временная, но и энергетическая, не только векториальная, но и тензорная.

²⁾ Источник ошибки Н. И. Бухарина в стремлении во что бы то ни стало покончить с «психичностью», относительно которой у него концепция не конкретно-научная, не биологическая (сознание — неразрывное с другими, звено живой цепи рефлекса), — а абстрактно-философская, в духе старой идеалистической психологии (психическое, как противоположность материальному). Роль «философских» традиций и навыков становится в наше время все более анти-научной.

Социализм в древней Греции.

Очерк первый.

Элементы коммунистической мысли в древних обществах Востока и Дальнего Востока, как бы ни были они любопытны сами по себе, не представляют большого интереса для истории социалистических учений. Мы знаем слишком мало об их социально-экономической основе, еще меньше о сфере их распространения и влияния, чтобы воспользоваться ими, как материалом для тех или иных социологических обобщений. С другой стороны, они совершенно не связаны с дальнейшим развитием социализма, они умерли, не оставив после себя следа. Иное дело — древняя Греция. Здесь мы стоим на гораздо более твердой социологической почве. Здесь мы имеем гораздо более определенные данные о характере общественных движений и о содержании интересующих нас систем. Здесь мы имеем, наконец, на ряду с зачатками социалистической мысли, в настоящем смысле этого слова, ряд учений несоциалистических, но оказавших отдельными своими положениями громадное влияние на эволюцию социалистической мысли в новой Европе. Обзор общественных движений и идей в древней Греции, поскольку они имеют значение для истории социализма, составляет задачу настоящих очерков.

1.

Уже в гомеровскую эпоху греческое общество — общество, основанное на частной земельной собственности, общество с достаточно ясно проступающим классовым расчленением. На одном полюсе стоят многонадельные, сильные, богатые, знатные люди, с большой сферой влияния, с подвластной им мелкотой, с зависящими от них вассалами. На другом полюсе — безнадельные, наемные рабочие, наконец, подневольные люди — рабы. Преобладающую массу населения составляет промежуточная группа. Это — крестьяне, сидящие на собственных участках земли более или менее значительного размера, в той или иной форме подчиненные знати. При слабом, относительно, развитии обмена, при преобладании производства для собственного потребления отношения между знатью и крестьянами носят еще патриархальный характер, общественный антагонизм,

несомненно имеющийся налицо, очень слабо сознается, особенно стороной подвластной, видящей в знатных своих естественных защитников и покровителей. Однако, здесь же мы наблюдаем первые моменты той эволюции, которая должна была с неизбежностью привести в дальнейшем к обострению классовых противоречий и к пробуждению общественного самосознания масс. Гомеровская эпоха, несмотря на господство натурально-хозяйственных отношений, все же знает и зачатки общественного разделения труда, и зачатки торговых сношений. В гомеровской Греции есть уже и ремесленники и кушцы, выделившиеся из общей массы землевладельческого и земледельческого населения. Сфера их деятельности очень ограничена, они работают почти исключительно на узкий круг потребителей — на крупных землевладельцев, нет еще городов, как центров промышленного населения, ремесленник изготавливает продукты на заказ из материала заказчика, нет монеты, торговец обменивает непосредственно произведения иностранного труда на произведения местного труда. Но близится уже время возникновения денежного хозяйства в поры общественного организма, близится время разрыва той пуговины, которая связывает промышленность и торговлю со старым господствующим классом¹⁾.

Начиная с VIII в., в греческих общинах идет — в VII веке особенно быстрый — рост денежного хозяйства. На место прежних случайных торговых сношений становятся сношения регулярные, опорными пунктами для которых служат многочисленные греческие колонии. Этапы греческой колонизации — это этапы торгового развития Греции и, наоборот, торговое развитие — стимул колонизации. Из колоний, а через колонии из прилегающих к ним варварских областей, греческие торговцы начинают ввозить в метрополию уже не только предметы роскоши для знати. Они ввозят оттуда сырье и предметы питания: хлеб с черноморских берегов, скот, кожи, рыбу, лес, металлы и т. п. С другой стороны, колонии и варварские области начинают предъявлять спрос на продукты труда метрополии, главным образом, труда промышленного. Рынок сбыта для греческого ремесла быстро расширяется, вместе с тем преобразуется и самое строение ремесла. Место бродячего демиурга гомеровской эпохи, работающего на определенный заказ из сырья заказчика, занимает мастер, работающий на широкий рынок, в значительной мере на вывоз, в собственной мастерской из собственного сырья. В связи с местными условиями и со спросом расцветают определенные виды ремесла. В VII в. Греция уже вывозит металлические изделия, глиняную посуду, в VI в. — узорные ткани, сукна и т. д. Этот подъем промышленности и торговли выдвигает новые центры — приморские, удобные в торговом отношении города. Здесь

¹⁾ Об экономическом строе гомеровской эпохи см. Виппер. История Греции в классическую эпоху 39—61; Белох. История Греции. Русск. пер., изд. Соловьева, I. 67—70.

скопляется новое торгово-промышленное население, создается новый уклад жизни, зарождаются новые идеи, новые политические группировки.

С развитием торгово-промышленных центров и с ростом их значения рушатся старые патриархальные отношения и в тянущих к ним сельскохозяйственных округах. Для продуктов сельского хозяйства создается рынок, сначала более близкий и узкий — городской, а затем — более широкий — заморский. На местный городской рынок работает хлебопашество и скотоводство, расширение рынка создает спрос на более высокие культуры — виноградарство и садоводство (разведение оливы). Продукты сельского хозяйства продаются, и это резко меняет отношения между крупным землевладельцем и зависящим от него мелким людом. Интерес первого к материальной эксплуатации крестьянства с развитием денежного хозяйства значительно повышается. К его прежним ограниченным потребностям, в общем и целом легко удовлетворяющимся с избытком продуктами его собственного хозяйства и продуктами труда демиургов, присоединилась новая неутолимая потребность в универсальном продукте — в деньгах, без которых для него закрыты городские рынки со всеми их прелестями. Землевладелец начинает сознавать, что теперь деньги являются силой, что они «перемешивают» старые сословия, что его старый авторитет отступает перед властью денег. Получить же больше денег землевладелец может, либо расширив свои земельные владения за счет крестьянских, либо заставив платить себе под тем или иным предлогом оставшегося на земле крестьянина. Повидимому, и тот и другой путь был испробован греческим землевладельцем.

Те же условия, которые толкали землевладельца к наступлению против крестьянина, понижали оборонеспособность последнего. Проникновение денежных расчетов в крестьянское хозяйство на первых порах всегда подрывает его устойчивость. Приспособление к денежному хозяйству дается крестьянину не сразу. Учитывать меняющийся спрос рынка для него дело не легкое, особенно тогда, когда изменение спроса требует каких-либо изменений в самой сельскохозяйственной культуре. Так, напр., переход к культуре оливок, которая должна была служить в дальнейшем основой благосостояния аттического крестьянина, ощущалась сначала, как ломка старого хозяйственного уклада, притом ломка, требующая средств, которых у крестьянина не было. Крестьянин наталкивался на необходимость входить в долги даже в периоды относительного хозяйственного благополучия. Неудачи, заминки в хозяйстве легко делали из него безнадежно задолжавшего человека. Эта-то задолженность и облегчала помещику достижение его целей.

В одних случаях, как мы уже говорили, она приводила, в конце концов, к обезземелению крестьянина, в других — к его закреплению. Полного завершения этот процесс достигал там, где зависл

мость крестьянина от знати и раньше давала себя чувствовать особенно сильно, где, с другой стороны, крестьянин в своей борьбе с помещиком оставался один на один со своим противником, где он не имел поддержки в достаточно сильном городском населении (напр., в Фессалии). Иначе сложились отношения в Аттике с ранним развитием города, городской торговли и промышленности. Здесь, как и в ряде других торговых общин, перемещение экономического центра тяжести в сторону города привело к середине VII и к началу VI в.в. к политической революции, сломившей полновластие знати и остановившей процесс закабаления крестьян. Революции, аналогичные афинской, имели место также в Коринфе, Мегаре, Сикионе и т. д. Их основные социально-политические требования соответствовали интересам поднявшегося городского населения; их успех выдвинул в первые ряды городские группы. Но брожение, охватившее города, не могло не расшевелить, не могло не поднять против того же врага — знати — и полупролетаризованную, обремененную кабальными обязательствами деревню.

Мы мало знаем о требованиях этой малосознательной в политическом отношении, стихийно поднявшейся против своих угнетателей массы. Но мы знаем кое-что об ее действиях и о тех мероприятиях, которыми ее успокаивали. Особенно решительную и резкую форму приняло крестьянское движение в Мегаре, где крестьянские массы частью захватили, частью истребили имущество знати. В Афинах предупредить эту стихийно-разрушительную аграрную революцию удалось Солону при помощи освобождения крестьянства от тяготеющей на нем долговой кабалы. Основные стремления крестьянства, таким образом, ясны. Пропитанная ненавистью к классу, воспользовавшемуся условиями денежно-хозяйственного развития для того, чтобы ее закабалить, крестьянская масса восстает не против денежного хозяйства вообще, а лишь против тягостных для нее последствий его развития. Ее вдохновляет идеал некоторого поравнения, а отнюдь не идеал социализма. Эпоха революций VII — VI в.в. отмечает собою, несомненно, момент пробуждения сознания классовых противоречий в древней Греции. Но это первое на греческой почве крупное столкновение классовых интересов совершенно чуждо коммунистической идеи. Достигнув своего, освободив свою мелкую земельную собственность в эпоху революций, крестьянство затем надолго укрепляется в занятой им позиции. Тяжелый кризис приспособления к требованиям нового хозяйства у него позади; начинается пора относительного преуспевания мелко-крестьянского садоводства и виноделия — преуспевания, нашедшего свое отражение и в политической сфере в виде реформ Клисфена¹⁾.

¹⁾ Виппер, История Греции, 73—116 и 134—167; Белох, История Греции, 159—181; Пельман, История античного социализма и коммунизма, Русский пер. изд. Брокгауза, 341—365. Очень интересно и убедительно (за исключением глав о Солоне) изложение Виппера. У Пельмана много ценных замечаний, но много и фан-

Вообще, после-революционный век — век высокого подъема хозяйственной жизни Греции. Круг влияния греческой торговли расширяется как географически, так и экономически, в торговых центрах Греции скопляются значительные капиталы¹⁾. Само собою разумеется, что рост торгового капитала не может не отразиться и на промышленности. Ремесло, поскольку ему приходится работать на широкий рынок, недоступный ему без посредничества торговца, поскольку ему приходится зависеть от торговца и в приобретении сырого материала, неизбежно попадает в конце концов в полную зависимость от капитала. Ремесленник, по внешности сохраняющий хозяйственную самостоятельность (собственную мастерскую, собственное оборудование), по существу оказывается лишь одним из элементов производственной системы, приводимой в действие и направляемой торговым капиталом. Субъективно, эта подчиненность торговому капиталу ощущается ремесленником со стороны, наиболее доступной его сознанию — не как зависимость в сфере производства, но как зависимость чисто денежная, как задолженность.

Но этой задолженностью дело для ремесленника не ограничивается. Капитал в поисках источников прибыли не довольствуется тем, что подчинит себе ремесло. Достигнув известного предела накопления, он начинает вторгаться сам в сферу производственной деятельности, выступая в качестве конкурента ремеслу, организуя промышленные предприятия в тех отраслях производства, которые в силу условий рынка сулят хороший доход. В Греции возникает мануфактура, но мануфактура особого типа — мануфактура, основанная главным образом на рабском труде. Рабство знала и гомеровская эпоха, но рабов было тогда мало, и они были заняты преимущественно в домашнем хозяйстве знати, лишь отчасти в земледелии и скотоводстве. Теперь рабов начинают ввозить, как и прочие товары, из чужих стран и применяют их к промышленному труду в мануфактурах. Эта возможность применения дешевого рабского труда задерживает, конечно, дальнейший технический прогресс, мешает развитию в древней Греции подлинного промышленного капитализма²⁾. Но она во всяком случае является предпосылкой для новой формы производства, стоящей в экономическом отноше-

тастических аналогий с современным социализмом. Вообще, чрезмерно распухшая книга Пельмана недостаточно продумана и изобилует противоречиями между конкретным материалом и выводами.

¹⁾ Точных данных о размерах частного капитала в этот период, к сожалению, не имеется. Для более поздней поры мы имеем цифры от 30 талантов и выше. По вычислению Белоха 50 талантов того времени составляют при переводе на условия конца XIX века — полтора миллиона рублей. См. Белох, История Греции, II, 280.

²⁾ Попытка Эд. Мейера отождествить афинский «капитализм» V и IV веков с английским и германским капитализмом XVIII—XIX веков, конечно, совершенно несостоятельна, как несостоятельна и проводимая им аналогия между современной фабрикой и афинской мануфактурой. См. Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, III, 550 и Э. Мейер, Рабство в древнем мире. (Русск. пер.).

нии выше ремесла. Мануфактура с рабским трудом теснит ремесло, а в некоторых отраслях совсем его побивает, превращая ремесленника, обладавшего еще недавно собственной мастерской, в наемного рабочего, вынужденного, наравне с рабом, работать в чужом предприятии. На место индивидуального производителя становится некоторый производственный коллектив, правда — не очень крупного размера. Самая большая «фабрика», о которой дошли до нас сведения, давала занятие только 120 рабам. Большинство не достигало таких размеров¹⁾. Орудия труда, какими располагала эта «фабрика», были очень примитивны, не выше, чем в ремесле. И все же она составляла известный шаг вперед в развитии производительных сил.

Описанная эволюция создала в греческих общинах V—IV вв. значительные массы полупролетарского и пролетарского населения, а с другой стороны — влиятельный слой рабовладельцев, владельцев промышленных предприятий²⁾, крупных торговцев и банкиров, говоря коротко — капиталистов. Городское население дифференцировалось; и в дальнейшем разрыв между двумя его частями должен был все более расширяться. В то время как представители капитала приобретали все больший вес в государстве и в обществе (даже и в демократиях), представители труда опускались. Свободный рабочий вынужден работать рядом с рабом. Они подчиняются одинаковым условиям труда, получают одну и ту же заработную плату³⁾. Друг для друга они товарищи по работе⁴⁾. Но для представителей высших классов рабы — одушевленная машина (*δούλος ἔμψυχος*)⁵⁾. Вполне естественно, что и свободных рабочих начинают трактовать как служебные тела (*οἰκτιρῆτα*)⁶⁾. В демократических Афинах это смешение рабов со свободными улучшает положение рабов, что вызывает недовольство у врагов демократии⁷⁾. Но за то на свободный труд распространяется то презрительное отношение, которое обычно для труда рабского. Уважение к физическому труду и к его носителю у высших классов исчезает. Между ними и демосом вслед за имущественной образуется и моральная пропасть. Само собою разумеется, что демос в свою очередь проникается новыми чувствами по отношению к высшим, шпроникается ненавистью и озлоблением. В греческом городе не только растет классовый антагонизм, в нем растет и обостряется сознание общественных противно-

¹⁾ Белох, II, 227; Guiraud, La main d'oeuvre-industrielle dans l'ancienne Grèce, 86.

²⁾ Слово и рядом рабовладелец не был владельцем промышленного предприятия; он либо отдавал рабов внаймы последнему, либо отпускал их на оброк, и рабы сами искали себе работу. См. Guiraud, 130—132.

³⁾ Так, при постройке Эрехтейона 27 граждан, 40 метеков и 15 рабов работали над общей задачей и все получали по драхме в день. См. Francotte. L'industrie dans la Grèce ancienne, I, 316; II, 205; Guiraud, I, c. 197.

⁴⁾ Zimmern, The Greek Commonwealth, 258.

⁵⁾ Пельман. I, с., 367—368.

⁶⁾ См. так называемую Псевдоксенофонову Политию, I, 10—12.

речий, в нем развивается с неизбежностью ожесточенная классовая борьба.

Во многих общинах к городскому демосу в его борьбе с богатыми примыкает демос сельский: обезземеленное, пролетаризованное и полупролетаризованное крестьянство. Капитал, накопленный в торговых и ростовщических операциях, повсеместно стремится проникнуть и в область сельского хозяйства. Даже в Аттике, оставшейся страной крепкого среднего крестьянства, в IV веке идет усиленная мобилизация земельной собственности. Создается новый тип помещика: помещик — горожанин, помещик — богатый высочка. Разжившийся ростовщик или торговец скупает землю у обедневшего, не сумевшего приспособиться к условиям капиталистического развития, представителя знатной фамилии, то у крестьянина, хозяйство которого подорвано теми или иными неблагоприятными условиями. Там, где развито оливководство и виноделие, крестьянин прочнее сидит на земле и оказывает этому натиску большее сопротивление. Там, где все еще господствует хлебопашество, положение крестьянина менее устойчиво, и описываемый процесс приводит к крайней концентрации земельной собственности. Крестьянин превращается либо в половника, обрабатывающего чужое поле, либо в наемного рабочего в большом сельскохозяйственном предприятии, где ему, как и его городскому товарищу, приходится сталкиваться с конкуренцией рабского труда. В социальной борьбе V—IV веков голос сельского демоса слышится еще более явно, чем голос демоса городского.

Из греческих общин наибольшего торгово-промышленного преуспевания достигли к V веку Афины. Афинам удалось подчинить себе в силу этого как экономически, так и политически, целый ряд других общин, удалось создать своеобразную державу, которая в свою очередь послужила основой для дальнейшего капиталистического развития Афин. Эксплуатация державы подняла экономическое благосостояние Афин до невиданной в Греции высоты, притянула в Афины промадные средства. Распределение этих средств, конечно, было крайне неравномерно. В то время, как роскошь и богатство капиталистического и рабовладельческого класса достигали размеров, поражающих воображение современников и возмущающих их моральное чувство, низшие слои демоса жили на границе нищеты. Социальные контрасты бросались здесь в глаза весьма резко. И, тем не менее, Афины ни в период наибольшего расширения своей державы, ни в период ее относительного упадка (в IV веке) не знали социального движения, направленного против основ существующего порядка или хотя бы против существующего распределения собственности. Вожди процветающей торговли и промышленности, ростовщичества и откупа сумели предупредить такое движение искусной политикой, отводя возмущения масс в иное русло. Путем целого ряда выданных (за участие в суде, за участие в народном собрании, театральных), путем широкой организации общественных

работ — пролетарские и подпролетарские элементы Афин были как бы привлечены к участию в дележе добычи, получающейся с подвластных Афинам общин. Эта демагогическая политика в экономической области отнюдь не превращала афинского пролетария ни в райтэ, ни в бездельника, она лишь давала ему необходимый привесок к его недостаточной заработной плате¹⁾. Просуществовать только на выдачах он не мог. Но, несомненно, система выдач развращала его, приучала его искать выход из своего, зачастую бедственного положения, не в борьбе с классом эксплуататоров, а в расширении доли своего участия в империалистических доходах. Эти доходы давали, таким образом, возможность верхнему, капиталистическому слою гражданства подкупать низший, пролетарский и подпролетарский слои, откупаться от его социальных требований. Афинский demos был привязан к триумфальной колеснице своего торгово-промышленного класса, сумевшего подчинить себе другие общины Греции. Зная это и пользуясь этим, класс, действительно направлявший политику Афин, в нормальное время мог оставлять в руках демоса, фикцию политического господства. Те же условия, которые притупляли социальную требовательность афинского демоса, упрощали его кажущееся политическое полновластие.

В IV веке, в моменты кризисов, переживавшихся афинской державой, и социальное положение в Афинах обострилось. Но, во всяком случае, даже в эти моменты дело не доходило там до таких социальных катаклизмов, о каких мы имеем сведения из других, менее процветающих, греческих общин этой поры. Для значительной части греческих городов время, начиная с середины V века, — время глубокого социального брожения. Войны этого периода — не только войны между общинами, но и гражданские войны, направленные против богатых и против власти капитала. Социальный порядок теряет всякую устойчивость. Чрезвычайно характерно для эпохи, что каждая община, ведущая войну с другой, должна считаться не только с силами внешнего врага, но и с той поддержкой, какую он должен получить от врага внутреннего.

Можно указать не мало примеров подобного рода революционных вспышек в связи с внешней войною. В 427 г. произошла революция на острове Коркире. Восставший demos разгромил приморский торговый центр и в течение семи дней истребил находившихся там представителей высшего класса. В 412 г. то же самое имело место передел земли богатых. В 416 г. в самих Сиракузах земли богатых граждан было убито, 600 — изгнано. Имущество, оставшееся после них, было поделено народом. То же повторилось в 370 г. в Аргосе, где demos истребил свыше 1000 богатых. Ряд кровавых революций пережили в V и IV веках общины Сицилии, где было особенно

¹⁾ В течение V и IV веков номинальная заработная плата в Афинах непрерывно повышалась: но ее рост едва ли поспевал за ростом цен на предметы потребления.

развито крупное землевладение с применением рабского труда. В 422 г. была предупреждена богатыми при помощи Сиракуз попытка революции в Леонтинах, где demos стремился осуществить передел земли богатых. В 416 г. в самих Сиракузах земли богатых были разделены Дионисием на мелкие участки для его солдат. За последовавшие 100 лет Сиракузы подверглись серии непрерывных переворотов, и все они носили определенную социальную окраску. Так, переворот, произведенный Агафоклом в 317 году, имел своим лозунгом истинную свободу, кассацию долгов и наделение бедных землею¹⁾.

Своеобразный характер имело революционное движение в Спарте III века. И в то же время в нем сугубо подчеркнуты некоторые черты, общие всем социальным движениям этой эпохи. До V века отсталая в торгово-промышленном отношении Спарта сохраняла старинный строй аграрных отношений. В ней существовало крепкое привилегированное землевладение (земли спартиатов), пользующееся крепостным трудом илотов, и землевладение непривлеканное (земли периеков). В течение V—IV веков этот старинный спартанский строй с его приблизительным равенством дворянских земельных участков в полной мере испытал на себе разрушительное воздействие денежно-хозяйственного развития. Земельные богатства страны сосредоточились в руках небольшого числа семейств, образовавших правящую олигархию. На ряду с ней, в пределах того же дворянства, сформировалась группа обездоленных, обезземеленных, умаленных в правах. Повидимому, аналогичный процесс имел место и для землевладения недворянского. Но протест против создавшихся отношений возник в среде привилегированных, в среде обиженных денежно-хозяйственным развитием спартиатов. И не случайно во главе движения стали представители самой древней власти в республике — цари. Движение, почвой для которого было субъективное стремление низов дворянского сословия вернуть себе свое имущественное положение, являлось в то же время объективно борьбою за самосохранение всего сословия в целом. Ибо, несомненно, сословие, как таковое, со своей былой военной мощью исчезало, по мере того, как основа его хозяйственного благосостояния, земля, уходила из рук большинства, по мере того, как за счет этого большинства возвышалась ничтожная кучка олигархов.

Революционное настроение назревало в Спарте уже очень давно. Отдельные его признаки отмечаются еще в начале IV века. Но в определенные формы оно вылилось лишь в 40-х годах III века. К 243 году партии, требовавшая пересмотра земельных и, вообще, имущественных отношений, окрепла настолько, что привлекла на свою сторону одного из царей — Агида — и даже победила на выборах в эфорат, являвшийся обычно оплотом олигархии. Победители немедленно внесли законопроект, предусматривавший кассацию долгов

¹⁾ Thucyd. III, 70; id. VIII, 21; Diodor XIV, 7; XIX, 6—7.

и передел земли как принадлежавшей привилегированным, так и принадлежавшей периекам. Земля спартиатов должна была быть поделена на 4.500 равных участков, земля периеков—на 15.000. Так как сословие спартиатов было, повидимому, уже чересчур подорвано тем длительным кризисом, какой переживало привилегированное землевладение, то предполагалось влить в него свежие силы путем перечисления в спартиаты некоторого числа периеков. Но самое деление на привилегированных и непривилегированных, не говоря уже о крепостном труде, должно было остаться в полной неприкосновенности. Легальным порядком реформаторам не удалось преодолеть сопротивление партии олигархов, лишь государственный переворот, лишь насилие дали им победу. Но и эта победа была кратковременной. Не успела партия реформы провести в жизнь свои проекты, как консерваторы вновь восторжествовали, дело реформы было сведено на-нет, а ее вожди частью казнены, частью изгнаны¹⁾.

Движение, однако, не могло быть окончательно подавлено. Всего лишь через несколько лет в Спарте произошла новая революция, вождем которой был опять-таки царь Клеомен, приобретший себе за первые годы своего правления широкую популярность как в народе, так и в войске своими успехами в борьбе с ахейским союзом. В 227 г. Клеомен во главе отряда наемников явился в Спарту, перебил всех эфоров, изгнал из города около 80 граждан и фактически захватил в свои руки всю полноту власти. За этим политическим переворотом последовал переворот социальный, почти полностью осуществивший невыполненную программу Агида. В отличие от своего неудачливого предшественника, Клеомен довел дело до конца. Земля была поделена на 4.000 участков, которые и были розданы частью обезземеленным спартиатам, частью переведенным в сословие спартиатов периекам. Ни сословный строй, ни крепостное право реформой Клеомена, как и реформой Агида, затронуты не были. Продержавшись пять лет, порядок, введенный Клеоменом, пал под ударами не внутренней, но внешней реакции. Само собой разумеется, что аграрная реформа в Спарте не могла не всколыхнуть недовольных в других греческих общинах, главным образом в общинах Пелопонесса. И это внутреннее брожение, и некоторое укрепление в связи с реформой военной мощи Спарты дали спартанскому оружию целый ряд успехов в борьбе с внешними врагами. Но те же причины должны были объединить вокруг Спарты все силы, благосостоянию которых угрожали мечты о передаче земли. Опасность заставила их отдаться под власть македонской монархии, с помощью которой и был нанесен могуществу Клеомена смертельный удар. В 222 г. македонский царь Антигон разбил Клеомена в битве при Селласии и восстановил в Спарте старые земельные отношения. Однако, действительный порядок еще долго не мог там

¹⁾ Plutarch. Agides.

восстановиться. В 206 г. Спарта пережила новый переворот, на этот раз в гораздо более жестоких формах: с истреблением богатых, с захватами имущества, с массой разрушений. И вплоть до завоевания римлянами продолжалось в стране глубокое, не раз приводившее к бурным вспышкам социальное брожение¹⁾.

Несмотря на все различие во внешнем ходе попыток Агида и Клеомена, несмотря на преимущественно военный характер Клеоменовской революции, социальный смысл той и другой одинаков. Конечно, говорить о социализме по поводу них не приходится. Ничего социалистического в них нет: как мы видели, проекты Агида и Клеомена в одинаковой мере сохраняли эксплуатацию труда крепостных и деление граждан на привилегированных и непривилегированных, в одинаковой мере были чужды идее общественной организации производства. Условно эти проекты можно назвать уравнительными, эгалитарными. Но и их эгалитаризм—эгалитаризм особого свойства. Он уравнивает в первую очередь привилегированных, в этом его главная цель. Во вторую очередь, уравниваются непривилегированные, но отдельно от привилегированных и на иных основаниях. В чем же основной мотив этого спартанского дворянского эгалитаризма? Конечно, отнюдь не в стремлении к уничтожению классового строя. Эта идея совершенно чужда спартанским реформаторам. Их вдохновляет совершенно иная мечта: путем героических мероприятий спасти от разложения дворянство, погибающее в борьбе с силами денежно-хозяйственного развития, а вместе с дворянством спасти и весь старый гибнущий строй. По существу их задача реакционна, хотя она и разрешают ее революционными средствами. Она стоит в противоречии с тенденциями социально-экономического развития и поэтому заранее обречена на неудачу.

Ярко выраженные сословно-дворянские тенденции придадут спартанскому движению некоторое своеобразие. Но общие черты эгалитаризма привилегированных свойственны и всем прочим социальным движениям древней Греции. Ни одно из них не поднялось от идеи уравнивания имущества к идее обобществления, ни одно из них не вышло в своих стремлениях к уравниванию из круга граждан данной общины или участников данного переворота.—Круга, более или менее узкого, но всегда ограниченного. Ни одно из них не затронуло участи представителей несвободного труда—рабов. И это неудивительно. Широкие массы, принимавшие участие в этих движениях, состояли из обезземеленных или задолжавших крестьян, из попавших в кабалу торговому капиталу ремесленников, наконец, из наемных рабочих, работавших рядом с рабами в мануфактурах, на общественных постройках и т. п. Первые две категории, естественно, мечтали лишь о том, чтобы освободиться от долгов и вернуть себе участок земли. По самому своему положению они не

¹⁾ Plutarch. Cleomenes.

могли выйти за пределы кругозора мелкого собственника. Но не могла этого сделать, в своей массе, и третья группа. Концентрация труда в промышленности и в сельском хозяйстве далеко еще не дошла до такого уровня, далеко еще не достигла такого распространения, при котором перелом в психологии вчерашнего мелкого собственника, ставшего сегодня наемным рабочим, становится неизбежным. Общественная организация производства не мыслилась еще, как нечто необходимое. Возврат к самостоятельному ремеслу представлялся вполне возможным, ибо технически мануфактура не стояла выше ремесла. А с другой стороны, на свое положение человека, стоящего рядом с рабом, наемный рабочий смотрел, как на такое, от которого желательнее всего как можно скорее освободиться. Словом, греческий рабочий мечтал не о превращении той организации труда, в которой он участвовал, в товарищескую организацию, а об уходе из нее в индивидуальную мастерскую, он оставался в своей психологии мелким собственником, будучи пролетарием по своему положению. Отсюда его склонность к эгалитаризму, а не к социализму, отсюда же его равнодушие к положению раба. Для наемного труда, как такового, было невыгодно существование рядом с ним труда рабского, понижавшего заработок и принижавшего рабочего социально. Наемный рабочий, если бы он смотрел на свое положение пролетария, как на положение прочное, должен был бы стремиться к уничтожению рабского труда. Но наемный рабочий, мечтающий стать самостоятельным мастером, может опосылиться к рабству спокойно. Мало того: рисуя в своем воображении свою будущую мастерскую, он может позволить себе роскошь поместить туда двух-трех собственных или нанятых рабов.

II.

Таким образом, мы не нашли элементов социалистической мысли в антикапиталистических общественных движениях древней Греции V—III веков. Эти движения, сознательно или бессознательно, стремились к целям уравнилельным, притом всегда в определенном кругу, более или менее узком — будь то спартанское шорянство, или коринфское гражданство, или наемное войско Лионисия. Но если социализм не был в Греции практической программой ни для одной из общественных групп, выступавших на борьбу с последствиями торгово-промышленного развития, то социалистические идеи, зародившиеся под влиянием прогресса денежного хозяйства и обострения общественных противоречий, могли найти свое выражение в литературе, в теоретических или исторических построениях, в проектах реформ отдельных представителей древнегреческой социальной мысли. К этой области мы и должны теперь обратиться.

Уже на самой ранней заре греческой общности мы встречаем одно представление, которому суждено было играть впоследствии большую роль в истории общественной мысли. Это — представление о счастливом детстве человечества, о золотом веке, с которого начинается его история. Повидимому, идея некоего блаженного состояния в прошлом возникает в известный момент общественного развития у всех народов. Она явным образом связана с возникновением общественных классов, с первыми шагами общественной дифференциации. В ней следует видеть первую, еще весьма неопределенную, реакцию мысли эксплуатируемых низов на общественное неустройство, на общественное зло. Страдания, которые осознаются, как результат чего-то нового, вторгшегося в общественную жизнь и разрушающего исконный, старый порядок, в первую очередь вызывают идеализацию этого порядка. Так строится первая общественная легенда, естественно находящая себе известное место в ряду других легенд, естественно приобретающая на общем фоне религиозного мирозерцания определенную религиозную окраску.

Первоначальные черты легенды выступают перед нами с достаточной отчетливостью. Мы знаем ее из изложения поэта довольно ранней поры — из «Трудов и дней» Гесиода¹⁾. Развитие денежного хозяйства к эпохе Гесиода как будто не внесло никаких изменений в старые представления. Надо думать, что в основном Гесиод остался верен оригиналу, которому он следовал. Легенда создается путем отрицания настоящего. В настоящем царит нужда, страдание и непосильная работа. Люди трудятся свыше сил и не могут обеспечить себя самым необходимым. Из нужды рождается зависть, борьба за существование. В Золотой век, связываемый с правлением иного божества, Кроноса, все было иначе. Земля давала человеку плоды в изобилии без какого-либо труда с его стороны. Люди проводили свои дни без забот и без нужды. Так как всего было у них вдоволь, то не было и зависти, не было борьбы. Земля была для всех людей приятным, светлым раем.

Как видим, общественные характеристики легенды еще весьма слабы, весьма неопределенны. Тем не менее проникающее ее общественное настроение не оставляет сомнения в ее социальном происхождении. Вряд ли эти фантастические картины былого рая говорили что-либо представителям правящих классов гомеровской и гесиодовой эпох, блестящим и «тучным» вождям общества. И, наоборот, они должны были давать исход очень определенным потребностям угнетенной массы.

С ходом общественного развития, с ростом общественных противоречий, в легенду привходило все больше и больше черт чисто социального характера, она все более пропитывалась настроениями, враждебными капиталистическому развитию. Сохраняя старую

¹⁾ Гесиод. Труды, 109.

основу изобилия благ земных, легенда строит на этом фундаменте все более определенное общественное здание. Равенство, отсутствие эксплуатации естественно вытекает из того, что говорит о Золотом веке Гесиод. Но Гесиод прямо об этом не говорит. В передаче легенды у поэтов более поздних мы уже определенно слышим о том, что век Кронаса был веком всеобщего братства и равенства, веком, когда не было ни господ, ни слуг, ни богатых, ни бедных.

Такая трактовка легенды выводит уже нас за пределы того эгалитаризма привилегированных, наличие которого мы констатировали при рассмотрении социальных движений V—III веков. Она свидетельствует о том, что общественная мысль древней Греции, в противоположность общественной практике, дошла до представления о равенстве всех людей, независимо от их принадлежности к более или менее широкой группе привилегированных. Эгалитаризм легенды — это уже эгалитаризм в том смысле слова, в каком оно применяется по отношению к теориям XVIII века, а не в том условном, в каком мы употребляем его по отношению, напр., к реформе Клеомена. Но развитие легенды на этом не остановилось. В конце концов, в нее вошло не только эгалитаристское, но и коммунистическое содержание. В поздней греческой литературе мы не раз встречаем упоминания об «общности благ» из сказочной поры Кронаса. Такие упоминания свидетельствуют о том, что представления о коммунизме Золотого века были распространены достаточно широко. Эти коммунистические представления, относимые куда-то в отдаленное прошлое, не обладали действительной силой, не имели значения руководящего общественного идеала. Но их наличие во всяком случае показывает, что мысль определенных общественных групп сумела связать зло окружающего с институтом частной собственности, сумела сделать то заключение, что коммунизм, пусть практически неосуществимый, является необходимым условием общественного благосостояния.

Коммунистический вариант легенды о Золотом веке возник, вероятно, в пору напряженной классовой борьбы, когда события, так сказать, вынуждали мысль работать над вопросами о причинах бедности и разрухи, об условиях, при которых бедность и разруха были бы невозможны. Но возник он не в среде самой борющейся массы, вдохновлявшейся, как мы видели, иными, более близкими и грубыми идеалами. Помимо всего сказанного выше о настроенных демоса в эпоху социальных столкновений V—III веков, об этом говорит и откровенность легенды от жизненной практики. Легенда обязана своим происхождением бесспорно народному творчеству. Но дополнение легенды результатами теоретических построений должно было быть делом рук нового общественного строя, созданного тем же хозяйственным развитием, которое вызвало и обострение классовых противоречий. Оно было произведено теоретиками-интеллигентами, быть может, сочувствовавшими положению демоса, размышлявшими над его положением, но наблюдавшими его борьбу со

стороны. Насколько глубоко проникли эти интеллигентские домыслы в толщу народных масс, мы не имеем возможности судить. Во всяком случае, это первое, известное нам проявление на греческой почве коммунистической мысли не имело никакого практического значения.

Легенда о Золотом веке была связана в своем возникновении с миром религиозных представлений. Рост денежного хозяйства, торговых сношений, развитие городской жизни — рационализировали мирозерцание высших слоев городского населения и городской интеллигенции. Рационализировалась и общественная философия. Но эта новая общественная философия, поскольку она отвечала настроениям социальных групп, враждебно относившихся к капиталистическому развитию, восприняла — по существу почти без изменений — наследие старой легенды. Из легенды о Золотом веке вырастает теория естественного состояния. Такое превращение мы наблюдаем прежде всего у кициков, — у той философской школы, которая отражала настроение наиболее близкой к общественным низам группы интеллигенции — интеллигентного пролетариата. Возможно, что кицикам же принадлежит и коммунистическая редакция легенды о Золотом веке, хотя их социальная философия и была ярко-индивидуалистической: подобного рода сочетание коммунистических представлений о прошлом с практическим индивидуализмом свойственно целому ряду мелкобуржуазных, уравнилельных учений, вплоть до XVIII в. Кициками была усвоена теория софистов, противопоставляющая закон природе, искусственное, положительное, изменчивое право — праву естественному, вытекающему из общих и устойчивых свойств человеческой природы. И осуждая самым резким образом положительное право и весь проникнутый капиталистическими тенденциями общественный порядок (в том числе и рабство) кицики идеализировали, как соответствующее естественному праву первоначальное природное состояние, свободное от условного закона. Вслед за кициками эту традицию природного состояния, как Золотого века, продолжил Платон. В диалоге «Политик» Платон прямо связывает свою теорию с легендой, говоря о «Золотом веке» под властью Кронаса. Естественное состояние представляется ему таким, каким мы его уже знаем из легенды. Изобилие благ при небольшой плотности населения дает возможность человечеству легко удовлетворять свои потребности. Нет оснований для соперничества между людьми, для борьбы за существование, поэтому между ними господствуют дружественные отношения. Нет ни богатства, ни бедности, а следовательно, нет места зависти и жадности. В обществе царит величайшая чистота нравов, для поддержания порядка нет нужды ни в законах, ни в правительстве¹⁾.

¹⁾ Законы, III, 677 и сл.

Платону первобытное состояние представлялось, таким образом, состоянием равенства и безвластия. И у него, следовательно, картина первобытного состояния получается путем отрицания основных моментов капиталистического развития. Еще более отчетливы эти антикапиталистические черты в теории более позднего мыслителя, ученика Аристотеля, Дикеарха из Мессаны. И для него первобытное состояние — состояние мира и спокойствия. — Золотой век. Люди этого века живут тем, что дает им сама природа. Их потребности ограничены, они не знают ничего, из-за чего стоило бы вступать в борьбу друг с другом. Но затем потребности развиваются, и их развитие ведет к новым способам добывания. Люди переходят к скотоводству и земледелию, между ними возникает соревнование из-за обладания теми или иными благами. Растет стремление к большему, жадность, среди людей начинается борьба и раздоры, разлагающие человеческое общество. Так хозяйственный прогресс ведет к социальному распаду¹⁾.

Эта теория, идеализирующая естественное состояние в противоположность социальному строю современности, была, очевидно, широко распространена в интеллигентных кругах греческого общества. Она легла в основу социальной философии стоической школы, унаследовавшей от кириков, хотя и в смягченном виде, их интеллигентский индивидуализм и их вражду к капиталистической культуре. И, повидимому, как мы это видели и в трактовке легенды о Золотом веке, некоторые из представителей рационалистической теории общества не останавливались на тех общих формулах, какие были даны Платоном и Дикеархом, но вливали в эти формулы определенно-коммунистическое содержание. Такие коммунистические варианты теории до нас не дошли. Однако, следы их мы находим в двух направлениях: в описаниях жизни первобытных народов и в фантастических романах путешествий.

Идеализация естественного состояния неизбежно должна была пробуждать интерес к жизни окружающего Грецию варварского мира. Если Золотой век — позади, на заре человеческого общества, то естественно было искать счастливое общественное устройство у народов, еще не вышедших из младенчества, у народов, еще не развращенных культурой. Уже у Геродота, при всем его националистическом настроении, мы находим идеализацию то отдаленных северных, то отдаленных южных народов. Но для нашего вопроса особый интерес представляет другой, более поздний историк — Эфор, от которого до нас дошли, к сожалению, только отрывки. Эфор идеализирует скифов, явным образом, разрисовывая скифский быт в духе какого-то теоретического построения, близкого уже изложенным выше, но более определенного в своем отношении к коммунизму. Скифы Эфора отличаются теми же достоинствами, что и первобытные люди Дикеарха. Они не знают жадности и борьбы за существо-

1) *Fragmenta historicorum graecorum*, II, 233.

ванье. Они не стремятся к богатству. И их моральные качества тесно связаны с их социальным строем. Они считают все имущество общим владением всех. Мало того: эта общность распространяется не только на имущество, но также на жен и на детей²⁾. Ясно, что этот скифский коммунизм, поводом для которого послужили, вероятно, некоторые конкретные сведения о действительном быте скифов, является результатом стилизации в духе греческой теории.

Если при разрисовке быта варварских народов автор, сознательно или бессознательно отражающий известные теоретические взгляды, все же связан в той или иной мере реальностью, то в фантастическом романе путешествий он совершенно свободен от этих уз. Фантастический роман сам возникает на той же почве недовольства, неудовлетворенности окружающим, которая питает и теорию Золотого века. Он является как бы естественной формой выражения общественного идеала, поскольку этот идеал ищут в прошлом. Попытка перевести теорию Золотого века на язык образов, превратить ее в роман, напрашивается сама собою: ведь в теории так много от легенды; само собою напрашивается и место действия романа: оно должно находиться, конечно, где-то вдалеке от культурного мира, где-то среди действительно первобытных народов. Расцветает фантастический роман тогда, когда к этим внутренним мотивам присоединяется мотив внешний, когда для Греции после завоеваний Александра раскрываются далекий Восток и Юг. Интерес к новым странам, как позднее в Европе после открытия Америки, дает фантастическому роману особую внешнюю привлекательность. Эпоха диадочов — пора наибольшего успеха этой литературной формы³⁾.

Среди тех фантастических романов путешествий, содержание которых до нас дошло, наибольшую близость к обрисованной выше теории первобытного состояния обнаруживает переданный нам Диодором в его «Исторической библиотеке» роман Ямбула⁴⁾. К сожалению, наш единственный источник для этого романа, Диодор, менее всего способен уловить, понять и ясно передать как раз социальную сторону излагаемого им произведения. Его больше интересует не социальное содержание романа, а его фантастика — рассказы Ямбула о чудесах природы того уголка земли, на котором он помещает свою утопию. Социальные черты утопии разбросаны и перемешаны с этими чудесами в самом причудливом беспорядке. Таков преобладающий интерес Диодора. Что касается уровня его разума, то достаточно сказать, что Диодор излагает рассказ Ямбула, как нечто вполне реальное, как повествование о действительных событиях, о жизни и обычаях действительно суще-

1) *Fragmenta historicorum graecorum*, I, 257.

2) Rohde, *Der griechische Roman*, 197; *ibidem*, 218.

3) *Diodori, Bibliotheca historica*, II, 55–60.

ствующего народа. И тем не менее, несмотря на все эти недостатки Диодоровской передачи, некоторое представление о Ямбуле, как социальном утописте, оно все-таки дает. Первый утопический роман, с которым мы встречаемся в истории социализма, заслуживает того, чтобы на нем остановиться.

Ямбул, рассказывает Диодор, с юных лет интересовался науками. Но после смерти отца, который был купцом, ему пришлось тоже зацануться торговыми делами. Однажды, во время своей торговой поездки через Аравию в страну приноситей (Сомаль на восточном берегу Африки), он вместе со своими спутниками был захвачен пиратами. Сначала ему пришлось с одним из товарищей по несчастью пасти стадо, а затем они были взяты в плен эфиопами. Набег эфиопов имел целью добыть иноземцев, нужных им для искупительной жертвы. В стране эфиопов был обычай через каждые 20 поколений, т. е. 600 лет, приносить в жертву за народ двух человек. В качестве такой жертвы и послужили им Ямбул и его товарищ. Обреченных посадили в лодку, снабдили их всем необходимым на шесть месяцев и отправили в море. Они должны были держать курс на юг; в этом направлении лежит, по верованиям эфиопов, счастливый остров, куда и должны были прибыть, в конце концов, небольшие мореплаватели. Придут они благополучно в эту счастливую страну, — жертва достигнет цели; испугаются и вернуться, — они подвергнутся жесточайшей каре, как величайшие преступники перед народом.

После четырех месяцев бурного плаванья Ямбул действительно прибыл к острову, который был целью его путешествия. Как только туземцы заметили суденышко Ямбула, они выехали ему навстречу, провели его к острову и тотчас же снабдили своих гостей всем необходимым, что только у них было. И сами гостеприимные обитатели острова, и его природа носят на себе в изображении Ямбула яркую печать сказочного мира, мира свободной фантастики. Остров совершенства имеет совершенную форму — он круглый. Он обладает исключительно приятным климатом, воды моря, его омывающего, сладки. На острове имеются горячие и холодные источники приятного вкуса и чудесных свойств. Так, вода горячих источников никогда не остывает и обладает способностью восстанавливать силы человека, в нее погружающегося. Остров изобилует сказочными животными и растениями. Особенно поразительно круглое животное в роде черепахи с четырьмя глазами и четырьмя ртами, с ногами по всей окружности, способное двигаться в любом направлении; кровь этого животного спаивает разрезанные члены тела, если только рана еще свежа.

Оставляя в стороне эту фантастику, имеющую целью придать роману внешнюю занимательность, обратимся к его социальному существу. Одно только нам важно еще отметить в ямбуловском описании природы счастливой страны. Как в старинной легенде, как в теоретических конструкциях первобытного состояния, в романе

Ямбула предпосылкой социального благополучия является изобилие даров природы. Все необходимое для питания человека, произрастает на острове само по себе в количестве, достаточном даже для неумеренного потребления. Великолепный ровный климат позволяет созревать плодам круглый год. С другой стороны, и природа самих людей, обитающих на острове, более совершенна и в физическом и в моральном отношении, чем средняя нормальная человеческая природа. Жители острова обладают исключительной силой и выносливостью, они совсем не знают болезней и живут до 150 лет. Изобилие даров природы отнюдь не побуждает их к излишествам. Наоборот, среди всего этого богатства они ведут самый умеренный и воздержанный образ жизни.

Таковы естественные условия, в которых вырастают формы общественной жизни островитян. Эти формы носят на себе двойной отпечаток: первобытности, примитивности и идеального совершенства. Изложение Ямбула не оставляет сомнения в том, что примитивизм изображаемого им общественного строя он расценивает, как нечто положительное, нечто более близкое к совершенству, чем общественный строй современной ему Греции. Ямбулу и его товарищу приходится, в конце концов, после семилетнего пребывания на острове, покинуть его поневоле. Они, воспитанные с молодых лет «в злых нравах», не смогли приспособиться к идеальной «естественной» простоте нравов страны Золотого века¹⁾.

Островитяне живут небольшими группами — не более четырехсот человек в каждой, — связанными узами родства. Такая родовая община совершенно самостоятельна. Никакой центральной власти над общинами нет. В самой общине верховная власть принадлежит старейшему; все члены общества ему повинуются. Добывание пищи и производство всего необходимого для общины носит не индивидуальный, но коммунистический характер. Все поочередно несет в пользу общины ту или иную обязанность. Одни ловят рыбу, другие занимаются какими-либо ремеслами, или иным полезным делом: в круговом порядке все сменяются на службе общине. Только старики от нее освобождены²⁾. Повидимому, на ряду с этой общественной организацией производства, Ямбул пытается изобразить и некоторую общественную организацию потребления; он указывает на определенный порядок в потреблении, согласно которому все должны были в известные дни получать известную пищу: в одни дни — рыбу, в другие — птицу, в третьи — мясо зверей и т. д.³⁾.

Индивидуальной семьи островитяне не знают⁴⁾. Жены у них считаются общими и детей они воспитывают, как детей обществен-

1) Diodori, II, 60, 1.

2) Diodori, II, 59, 6.

3) Ibidem, 59, 5.

4) Ibidem, 58, 1.

ных; все их одинаково любят. Не только отцы, но обычно и матери не знают своих детей, так как кормилицы обменивают их в младенчестве.

Таковы дошедшие до нас через посредство Диодора черты изображенного Ямбулом первобытно-коммунистического строя. Надо думать, что в этом изображении есть кое-что реальное, что в него вошли некоторой составной частью те данные, какие имелись у древних греков относительно подлинного быта первобытных народов. Но, бесспорно, гораздо больше здесь от теории, идеализировавшей и коммунистически разрисовывавшей первобытное, естественное состояние. Путешествие Ямбула — первая дошедшая до нас попытка идеализации дикаря в форме рассказов. Его основной социальный мотив тот же, что в легенде о Золотом веке, тот же, что в теории естественного состояния, тот же, что в эфоровском изображении скифского коммунизма¹⁾.

В. Волгин.

¹⁾ В рассказе Ямбула, конечно, отражается теоретическое сочувствие коммунизму, но видеть в нем отзвук действительной коммунистической программы нет никаких оснований. Еще меньше оснований сближать, как это делает Пельман, примитивный коммунизм Ямбула с требованиями современного социализма. Такое сближение достигается путем самого произвольного, самого ненаучного истолкования отрывочных фраз Диодора, какое только можно себе представить. Вообще, глава о Ямбуле — самая слабая в слабой и сумбурной книге Пельмана. Нигде не сказывается с такой яркостью основная черта «метода» Пельмана — непрерывная подмена подлинных текстов собственными произвольными домыслами. Гораздо правильнее оценен Ямбул в весьма содержательной старой книге Rohde, *Der griechische Roman*, 231 и сл.

Графх Бабеф — провозвестник диктатуры трудящихся¹⁾.

Литература:

- 1) Ph. Buonaroti. La Conspiration pour 19 égalité dite de Babeuf 2) Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf. 3) Copie de pièces saisies dans le local, que Babeuf occupait lors de son arrestation. 4) Débats du procès, instruit par la Haute Cour de justice, séante à Vendome, contre Drouet, Babeuf et autres, récuellis par sténographes. 5) M. Espinas. La philosophie sociale du XIX siècle. 6) Lichtenberger. Le socialisme et la révolution française. 7) Gabriel Dewild. Thermidor et Directoire. 8) M. Aulard. Paris pendant la réaction thermidorienne.

В одном из своих писем секретарю Аррасской академии Дюбуа де Фоссе, Бабеф высказал мысль, что настанет время, когда «над развалинами царства предных предрассудков, жестокого фанатизма и опасных суеверий» воздвигнет на благо человечества «свое славное и вечное господство здравая философия»²⁾.

Появившись, как стихийная реакция против вопиющих социальных неравенств, неизбежно связанных с младенческими годами капитализма, «философия» Бабефа по существу была лишь одним из первых проявлений революционного инстинкта того класса, который тогда еще находился в эмбриональной фазе своего развития. В силу этого она еще долго блуждала в «царстве предрассудков» и «фанатизма». Но одновременно учение Бабефа отразило в себе все попытки длинного ряда предшествующих ему социальных учений в деле разрешения одного из основных вопросов человеческого будущего — коммунизма — на базе этого идеологического наследия и впервые пытались перенести проблему коммунистического общечеловеческого из сферы абстрактных построений в сферу практического ее осуществления. В этом смысле оно не только получило свое историческое оправдание, но и «воздвигало на благо человечества свое славное и вечное господство».

Мировоззрение Бабефа, сложившееся в огне Великой Французской Революции, выросло из гуманитарных тенденций социализма XVIII столетия на определенной базе экономических и социально-политических предпосылок.

¹⁾ Настоящая статья — переработка доклада в семинарии по истории социализма в Институте Красной Профессуры.

²⁾ Письмо Бабефа Дюбуа де Фоссе от 27 ноября 1786 г. (*Advielle «Histoire de Gracchus Babeuf», т. I, стр. 48).*

**

Экономическое положение Франции конца XVIII столетия определялось; с одной стороны, зачаточным состоянием промышленности, слабо развитой торговлей, начавшим слагаться парцеллярным земледелием и, с другой стороны, результатами тех преобразований и потрясений, которые явились в итоге революционных событий периода Великой Французской Революции.

В самом деле, господствующей формой французской промышленности была домашняя промышленность, с которой гармонировало почти полное отсутствие механических усовершенствований и общий низкий уровень техники. Если сравнить техническое оборудование двух главнейших отраслей французской промышленности—хлопчатобумажной и шерстяной—с этими же отраслями в Англии, то мы к 1790 году получаем следующую картину.

Согласно докладу главного интенданта торговли Толузана во Франции к этому времени в вышеуказанных отраслях была всего лишь одна единственная «мюль-дженни», в то время, как по ту сторону Канала их было 550; во Франции усовершенствованных 30-веретенных «дженни» не было вовсе, а в Англии их насчитывалось 20.970 и, наконец, машин Аркрайта—во Франции—8 и 143 у англичан. Согласно другим данным (чиновника, заведывавшего «кабинетом машин»), еще в 1792 году усовершенствованных «дженни» находилось в употреблении всего 5. Действительно, как при Конвенте, так и при Конституанте и Законодательном собрании официально констатируется полная отсталость французской промышленности во всех областях. Младенческое состояние промышленности, кроме того, неоднократно подчеркивается в речах ораторов различных партий, на столбцах газет и т. д.

Если теперь обратиться к положению индустрии во времени Директории—периоду наиболее здесь нас интересующему.—то мы увидим в результате всех «издержек революции» — военных потрясений 1793—1794 г.г., господства закона о «максимуме», реквизициях, хронического недостатка сырья и победоносной иностранной конкуренции, отнявшей единственно после войны с коалицией оставшийся внутренний рынок—картину катастрофического распада всей промышленной жизни страны.

К Директории, к Совету Пятисот и Совету старейшин, к министрам со всех стран несутся вопли о гибели промышленности. Правительственные заявления всецело подтверждают это положение. Ужасное состояние промышленности кажется испуганному воображению результатом какого-то «гнусного заговора», имеющего будто своей целью уничтожить все промышленные предприятия страны.

Особенно наглядно это проявилось в области шерстяной и шелковой промышленности. В области шерстяной промышленности

еще в 1795 году констатируется, что «ни одна отрасль промышленности не дошла до такого глубокого и трудно поправимого упадка, как выделка шерстяных материй». В области шелковой промышленности, а в особенности ее центра—Лиона, где ранее работало 18 тысяч станков, с занятыми на них 40 тысячами рабочих, после осады, усмирения, господства «максимума» и реквизиции, к 1795 году осталось едва две тысячи работающих станков; согласно докладу президента Директории Барра Совету Пятисот, «в Лионе полный упадок производства, где тысячи рабочих погибают от отсутствия занятий и голода».

Такие же тяжкие времена наступили и для бумаго-прядельной промышленности, так что постановлением 8 флореаля IV года (27 мая 1796 года) Совет Пятисот должен был ассигновать на «вспомоществование шелковым, шерстяным и бумаго-прядельным мануфактурам» 4 милл. ливров.

Таково было состояние обрабатывающей промышленности; в несколько лучшем состоянии оказалась добывающая промышленность.

Добыча угля, которая «по приблизительным подсчетам» в 1794 году определялась в 2,5 миллионов метрических квинталов, в 1795 году поднимается до 6 миллионов 440 тыс. квинталов, а в следующем году—до 11 миллионов 714 тыс. квинталов. По отчету Совета копией от 7 термидора IV года (25 июля 1796 года) министру внутренних дел к моменту отчета в стране насчитывалось 232 эксплуатируемых угольных копи, 1513 кузнечных горнов и доменных печей; их продукция равнялась 1 миллиону 324 тыс. квинталов литья, из которого более 889 тысяч квинталов приходится на железо и 95.500 квинталов—на сталь.

О величине горнозаводской промышленности говорит пример одной из крупнейших компаний того времени, принадлежащей акционерному обществу Анцина (на севере Франции); шахты, принадлежавшие этой компании, занимали пространство в 11 тыс. 851 гектар земли и принесли, по данным протоколов компании от 9 плювиоза III года (28 января 1795 года), 2 миллиона 418 тыс. ливров прибыли. Добыча угля этой компании, упавшая в 1794 году до 650 тысяч квинталов, поднялась в 1795 до 1 милл. 236 тыс., в 1796 году—до 1 милл. 386 тыс. квинталов.

Как видим, в области добывающей промышленности наблюдается, с одной стороны, сохранение промышленности (добыча 1789—1794 г.г. в среднем выражалась около 1 милл. квинталов угля в год), и, с другой стороны, благодаря ослаблению некоторых обстоятельств, мешавших ранее ее развитию—главным образом восполнению недостатка рабочих рук—известного рода повышение производительности.

Переходя теперь к характеристике французского земледелия, мы можем отметить, что отличительной ее особенностью в данную эпоху является начинающаяся парцелляр-

ность землевладения. Раздробленность земли, которая своими корнями уходит еще в дореволюционный период, под влиянием экспроприации землевладения первых двух сословий и преимущественно под влиянием распродажи национальных имуществ неизменно продолжает увеличиваться. Усиленные операции спекулянтов по части перепродажи мелких земельных участков крестьянам-собственникам и народившейся буржуазии окончательно изменяют аграрный облик страны.

После революции фермы в сто, полтора и двести гектаров, эксплуатируемых раньше одним собственником, дробятся теперь на двадцать, тридцать, сорок и шестьдесят частей. Наиболее крупные землевладения достигают теперь едва двадцати, двадцати пяти гектаров. Описывая состояние земледелия в V году (1797), Руяль Лабержер¹⁾ устанавливает, что «принцип мелкого раздробленного хозяйства получил настолько большое распространение в общественном мнении и законах, что становится положительно дурным». Кроме того, процессу раздробления в значительной степени способствовали мероприятия правительства, направленные к покровительству мелким собственникам: параграф 374 Конституции III года гарантировал всем собственникам неотъемлемость совершенных ими покупок национальных имуществ. Эта возможность сохранять свои имущества толкала крестьян расширять свою посевную площадь и увеличивать засев различных культур. Роберт Линде²⁾ в одном из своих докладов отмечает, что «никогда не пытались засеять и возделывать такого огромного пространства земли».

Но были и обстоятельства, которые препятствовали развитию сельского хозяйства. Это в первую очередь катастрофическое падение ассигновки, делавшее невыгодным сбыт продуктов сельского хозяйства, а затем недостаток рабочих рук и отсутствие необходимых инструментов и орудий. Дело доходило до того, что недостатком технического оборудования приходилось восполнять в 1794 году ввозом из Швейцарии машины и инструментов по неизмерно высоким ценам, а вследствие этого — в количестве, гораздо меньшем, чем было необходимо. Что касается недостатка рабочих рук, то его предполагали заполнять привлечением рабочих, занятых в городской промышленности. А чем хуже становился вопрос с орудиями производства, тем настоятельнее выдвигался вопрос о компенсации недостатка этих орудий мускульной энергией. Судьба промышленности, таким образом, попала в зависимость от того, какая часть рабочей силы останется на долю города. И когда перед правительством встал вопрос, чьи интересы принять в преимущественное изображение — сельского ли хозяйства или обрабатывающей промышленности, — то правительство Директории так же, как и Конвент, всецело стало на сторону сельского хозяйства.

¹⁾ Rougier Labergerie, «Annales d'agriculture».

²⁾ Aulard, «Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire», т. II, стр. 49-51.

Вышеуказанные препятствия и в результате их низкий уровень сельскохозяйственной техники, примитивное трехпольное хозяйство, а также несоответствие цен на продукты сельского хозяйства с заработной платой наемных рабочих, делали развитие сельскохозяйственной культуры невозможным. Основной же чертой сельскохозяйственного развития была тенденция к капиталистическому земледелию, в котором нуждалась как сама эта отрасль промышленности, так и почувствовавшие «прелести» собственнического бытия широкие крестьянские массы.

Недалеко от промышленности и сельского хозяйства ушло в рассматриваемую нами эпоху и развитие французской торговли. «Торговля Франции представляет из себя в настоящий момент развалины и обломки», сообщает Роберт Линде к концу III года (сент. 1795 г.) в своем донесении Конвенту¹⁾. Действительно, к этому периоду мы имеем по всей стране вместо торговли неистовствующую спекуляцию, особенно пышно расцветшую на базе недостатка продуктов и не переставшей падать валюты.

Характерны в этом отношении значительно возросшие с 1794 цифры импорта, при незначительно увеличивающемся экспорте, который по сравнению с дореволюционным периодом (напр., 1785 г.) упал в несколько раз. В 1796 году было ввезено на 194 милл. 125 тыс. франков, в 1797 году на 353 милл. 158 тыс. франков. В 1798 году — 398 милл. 248 тыс. франков; экспорт же за это время выразился: в 1796 году на 191 милл. 718 тыс. франков, в 1797 году на 211 милл. 124 тыс. франков и в 1798 году на 253 милл. 117 тыс. франков²⁾. Из предметов ввоза следует отметить в IV году импорт специально промышленного сырья на 38 милл. 864 тыс. франков, курительного табака 117.395 квинталов, нюхательного — немного менее 30 тыс. кв.; в VI году было вывезено 78 тыс. кв. кофе и на 96 милл. франков сырья: хлопка, льна, шерсти и т. д. В качестве экспорта фигурируют в IV году продукты мануфактурного производства на 96 милл. 993 тыс. франков, из которых на 22 милл.

¹⁾ Aulard, «Paris pendant la réaction thermidorienne».

²⁾ За три четверти столетия, истекшие с 1715 по 1792 год размеры внешней торговли возросли в четыре раза, а общая сумма французского ввоза и вывоза в 1787 году определяется весьма солидной цифрой 884 милл. ливров, из коих 310 милл. приходится на ввоз (не считая товаров, вывезенных из французских колоний) и 524 милл. на вывоз (на 311 милл. продуктов земледелия и на 213 милл. продуктов промышленности). По другим данным, относящимся к тому же самому периоду, французский вывоз с 1714 года по 1785 год возрос в следующих размерах: было вывезено: продуктов сельского хозяйства с 36 милл. в 1714 г. на 93 милл. в 1785 году; промышленность на 45 милл. в 1714 и на 123 милл. в 1785; продуктов американских колоний на 16 милл. в 1714 и на 165 милл. в 1785; иностранных товаров на 6 милл. в 1714 и на 40 милл. в 1785; в 1789 году сумма товарообмена с одними лишь американскими колониями Франции равнялась 296 милл. ливров, из коих 78 милл. приходится на вывоз и 218 милл. на ввоз, при чем из общей суммы вывезенных во Францию товаров в ней самой было потреблено лишь 71 милл., остальное же было вывезено в европейские государства.

шелковых, шерстяных и полотняных изделий, на 36 милл. вина и на 18 милл. водки.

Этот упадок торговли сказался также в незначительном, по сравнению с дореволюционным временем, развитии морской торговли: в IV году на долю французских судов приходится всего 94 тыс. тонн перевозок при 579 тысячах тонн на иностранных судах. Таким образом, развитие французской торговли за это время мало чем изменилось по сравнению с оценкой, данной состоянию торговли Робертом Линде в III году. В этом отношении оно не составляло исключения из общего состояния французского народного хозяйства.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что экономическое положение Франции характеризуется в рассматриваемую эпоху раздроблением и ослаблением производительных сил, развитие которых в условиях эпохи были мыслимы лишь в сторону организации капиталистического хозяйства. Ведь, это было время, когда, по словам Маркса, «под ударами молота революции стерлись, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции»¹⁾. Этой тенденции капиталистического развития вполне соответствовала и политическая надстройка так называемой «термидорнанской реакции».

После падения мелко-буржуазной диктатуры якобинцев, осуществившей и разрешившей все стоявшие перед ней объективно социально-политические задачи, — окончательного уничтожения феодализма, освобождения крестьянства и обеспечения свободы и независимости страны, — исторический смысл мелко-буржуазной диктатуры в условиях отмеченной выше тенденции экономического развития отпал. Уже был расчищен путь и созданы гарантии для буржуазного порядка на основе перераспределения собственности и на основе новых социальных и классовых взаимоотношений.

Падение Робеспьера привело не только к тому, что, как говорит Маркс, «Париж и вся Франция обросила с себя мантию добродетели, которую надели на нее Сен-Жюст и Робеспьер и которую она носила только из страха перед революционным трибуналом» не только к тому, что «республика добродетели превратилась в свою противоположность», но, главным образом, к тому, что на смену властвовавшей демократии пришла власть того класса и тех сил, для блага которых история заставила их самих, вернее их предшественников, не так давно задрапироваться в ненавистную им тогу спартакской строгости.

Да и сама демократия на основе перераспределенной собственности выглядела совсем иначе.

Французский крестьянин, скованный до революции тысячами оков, был настолько привязан бесчисленным количеством нитей к чужой земле, что даже и не помышлял о собственном владении ею

¹⁾ Литерат. наследие, т. II, стр. 512-513.

и лишь робко временами, когда уже становилось совсем немощно, подымал свой голос за освобождение от связывающих его пут. Этот самый «Жан-простака» стал теперь в ходе революции свободным собственником, и вследствие этого самым ревностным сторонником порядка, прозившим обрушиться всей своей массой на всех, кто справа или слева покусился бы на его мелко-собственническое бытие. Прежде революционный элемент — одна из активнейших сил, выступавших в защиту революционных завоеваний, — крестьянин — стал теперь не только пассивен, но и консервативен: он поднялся бы лишь при спасении возвращения помещиков, либо при попытках каких-либо мер, имевших в своем результате прямое или косвенное покушение на его клочок земли.

Соответственная «эволюция» классовых взаимоотношений произошла и в городах.

На улицах Парижа и других городов, перенесших так много бурь и впитавших в себя так много крови, на смену старой революционной буржуазии пришла новая, консервативная, ничего не давшая революции, почти ничего не потерявшая в ее издержках, а, наоборот, все приобретающая благодаря ей — в процессе ее разбогатевшая на спекуляциях и подрядах. Кроме того, после уничтожения цехов и монополий возникла многочисленная армия мелких городских собственников, державшихся за свои кубышки и не думающих уже «рисковать ими, участвуя в уличных мятежах». Эта крепкая мелкая буржуазия мечтает уже о сильной власти, о порядке и режиме, гарантирующем от революции как со стороны дворян, так и со стороны санкюлотов.

Надо ли говорить, что весной 1794 года Париж и Франция оказались совершенно во власти новой аристократии, отчасти из уцелевших от гильотины Робеспьера, отчасти из народившихся вновь. Эта новая аристократия, правда, оставила Франции внешние формы республики, но под эгидой республики совокупно с «муворишами» воскресила в ней власть, нравы роскоши, разврат и все замашки старой аристократии.

Создав себе в новой государственной власти опору против могущих возникнуть покушений на установившийся порядок, весь этот контр-революционный блок занялся вплотную упрочением «реальных завоеваний» революции. Но, в то время как под влиянием успехов на попрание ликвидации революции в состоятельных кварталах Парижа царил шумные удовольствия, в предместьях его нужда доходила до крайних пределов.

Рабочий класс и городская беднота при таких итогах революции не только не получили ничего, но даже подчас потеряли, что имели, и сейчас принуждены были влачить самое жалкое существование.

Главным бичом рабочих в период 1794—1799 г.г. была безработица, заставлявшая сколько-нибудь квалифицированных рабочих массами эмигрировать за границу, где в них могли ну-

идаться. Уходили судостроители, уходили кожевники и мануфактуристы. Но эмиграция могла спасти лишь немногочисленные кадры рабочих. Для подавляющего большинства этот исход не существовал. Надо было оставаться на родине и либо обрекать себя на голодную смерть, либо довольствоваться такой заработной платой, какую давали. А толпы голодающих, осаждавших земполице уцелевшие промышленные предприятия, все более понижали и без того низшую заработную плату.

Хозяева же на рост резервной армии отвечали систематическим удлинением рабочего дня при одновременных попытках снижения платы — явление наблюдавшееся почти во всех отраслях в течение всей эпохи термидорианской реакции. Рабочие должны были покоряться: при том положении промышленности, при той экономической конъюнктуре и при такой распыленности и неорганизованности рабочих масс, какая имела место, никакая стачка не могла быть успешной. В тех же случаях, когда рабочим удавалось добиться некоторого повышения заработной платы, как, напр., это было с рабочими газеты «Республиканский Курьер», это повышение, тем не менее не могло улучшить их положения: чудовищно поднявшиеся цены на предметы первой необходимости в результате беспрерывного падения ассигнатов и острого недостатка продуктов первой необходимости сводили на нет все попытки в этом направлении.

Положение рабочей массы, таким образом, становилось невыносимым, и борьба за реальное повышение заработной платы охватывает все большие и большие слои. Как сообщает донесение полиции от 4 фримера IV года «требование увеличения поденной платы было предъявлено в большинстве больших мастерских; рабочие доведены до шпидты». 23 фримера того же года полиция наблюдала рабочих-печатников, собравшихся в кабаке, «чтобы обсудить свои требования о повышении и об увеличении заработка». И т. д.

С января 1795 года, когда к безработице присоединилось массовое закрытие промышленных предприятий в Париже и провинции, рабочие на которых сымались все эти беды — как это видно из донесений полиции, — в полном смысле оказывались «на мостовой». Хозяева же, закрывая предприятия, уверяли рабочих, что они делают это потому, что правительство «наложило на них принудительный заем».

Бедствие в эту зиму дошло до крайней степени. Как описывают современники, «в рабочих предместьях раздавался плач женщин по поводу того, что их дети умирают с голоду; начиная с людочки жены рабочих должны были стоять в хвостах перед булочными и мясными лавками, чтобы в результате возвратиться домой ни с чем, так как на получаемое их мужьями жалование нельзя было приобрести даже куска скверного мяса и такого же хлеба, как это было в прошлые годы; безработные заполняли все улицы. Мысль рабочего растерянно и беспомощно металась от «богатых» хозяев

к правительству, от правительства — к богатым, ища виновников бедствий».

Характерны в этих условиях политические настроения рабочих.

В политическом отношении рабочие в эпоху непосредственно после термидора были апатичные и индифферентнее, чем другие слои населения. «В Париже царит спокойствие» — является характерным донесением полиции и отзывом прессы. «Добрые граждане, — доносит один из полицейских комиссаров, — замечают западни, представляемые перед ними злонамеренностью, и патриотизм этих граждан удерживает их от этой западни». Если перевести его донесение с языка полицейского на язык человеческий, то окажется, что рабочие оставались индифферентны ко всякой агитации, какую шпятились среди них вести. О степени царившей среди населения окраин депрессии можно судить хотя бы по их пассивному отношению к белогвардейской молодежи — мускаденам; последние заполняли теперь улицы Парижа и других городов и занимались совместно с полицией избиванием рабочих, пытающихся под влиянием своего тяжелого положения ругать правительство и вспоминать времена Робеспьера. Избиваемые же почти не оказывали никакого сопротивления.

Понятно, отчаянное положение рабочих и парижской бедноты все же толкало их к протесту против насилия, но эти протесты дальше угроз и пассивного сопротивления не шли.

С начала марта 1795 года полиция не перестает доносить об «иронических словах» по адресу правительства, раздающихся все чаще в толпе; угрозы рабочих против купцов, угрозы «будущим восстанием не прекращаются», но говорится об этом между собою в небольших отдельных группах. Возникает даже мысль идти всей массой к Конвенту и требовать хлеба и работы. Но на такой шаг все же не решаются, и, что характерно, вследствие того, что комиссар полиции, к которому обратиться за «помощью», «высказался против».

Не внесли политического оживления в среду рабочих и такие важные события, как замена Конвента Директорией, введение Конституции III года. Выборы в Совет Пятисот и Старейшин прошли при полном равнодушии со стороны рабочих. Об общем отношении рабочих к политическим вопросам лучше всего говорит следующее донесение полицейского агента, рисуя отношение рабочих к политике, указывает, что рабочим теперь «все равно, придет ли в Париж англичане или шуаны, так как они не сделают народ несчастнее». В другом рапорте доносится что «большинство народа требует режима, при котором едят»...

Известный поворот в настроении рабочих произошел к началу 1796 года. Под влиянием тяжелого материального положения, и с другой стороны, под влиянием агитации Бабефа, о которой речи будут дальше, раздражение против Директории и действующей

Конституции выражается подчас открытыми призывами к восстанию. Донесения тайной полиции отмечают все чаще начинающие раздаваться среди рабочих угрозы против «шайки, которая изводит голодом 18 месяцев». В марте 1796 года доносится, что в Сент-Антуанском предместьи рабочие начинают вспоминать «дни 14 июля 1789 и 10 августа 1792 г.».

Подводя итоги вышесказанному, мы можем констатировать, что положение рабочих и парижской бедноты ко времени Директории было, поистине, отчаянное. Оно усугублялось еще тем, что в политическом отношении масса оставалась абсолютно индифферентной: под влиянием безработицы и голода беднейшее население интересовалось исключительно вопросами шкурного существования, не видя перспектив его нигилиста.

Такова была объективная обстановка, когда Бабеф выступил со своей амплуацей, как уже вполне сложившийся идеолог парижской бедноты — санкюлотизма.

Прежде чем перейти к рассмотрению этой идеологии, необходимо отметить, что то мировоззрение, которое известно нам под именем бабувизма, сложилось не сразу, а в результате длительного процесса эволюции от мелко-буржуазного демократизма к коммунизму.

Миросозерцание Бабефа сложилось, как уже упоминалось выше, под влиянием учений старого французского рационалистического социализма: в первую очередь эгалитарного социализма Руссо и Мабли, а затем коммунизма Морелли. Кроме того, несомненна связь мировоззрения Бабефа с идеями Великой Революции.

Не останавливаясь подробно на концепциях вышеназванных мыслителей, необходимо здесь лишь отметить, что основные положения рационалистического социализма — учение об «естественном состоянии», «естественном праве» — и принципы обоснования будущего коммунистического общества были взяты Бабефом почти полностью у них. Но, как известно, учение об «естественном праве», в зависимости от положения, какое отводилось в нем частной собственности, служило исходной точкой для обоснования двух противоположных направлений — индивидуализма (так называемое «эпикуровское» направление, представителями которого были еще Гассенди, Гоббс, а затем Гельвеций, Гольбах и в особенности Руссо) и коммунизма (так называемое, «стоическое» направление — Гуго Гроций, Спиноза, Морелли и Мабли¹⁾). Бабеф прежде чем стать коммунистом, отдал дань первое направление.

¹⁾ Теоретики естественного права «эпикуровского» направления черпали в естественном праве аргументацию за частную собственность: она, мол, вытекает из общественного договора, заключенного добровольно людьми для защиты неотъемлемых «естественных» прав человека — собственности, личности и безопасности. Главным требованием сторонников этого направления — обеспечение за каждым индивидуумом минимума собственности — в области аграр-

Анализ процесса эволюции идей Бабефа обнаруживает, как мы увидим дальше, два основных этапа развития его мировоззрения — мелко-буржуазно-демократический и коммунистический, которые почти всецело совпадают с двумя эпохами исторического развития французской революции, отделяющимися друг от друга переворотом 9 термидора.

I. Период до термидора.

Из переписки, которую вел Бабеф с секретарем Аррасской академии Дюбуа де Фоссе, начиная с 1775 г. видно, что Бабеф еще в 1777 году интересовался вопросами социального преобразования, при чем неоднократно затрагивал вопросы, касающиеся радикального преобразования современного ему общества. В особенности на эту мысль натолкнул его Дюбуа де Фоссе, порекомендовав Бабефу утопию неизвестного автора под названием «Предвестник полного преобразования мира»¹⁾, в которой была написана картина будущей Республики, где нет частной собственности, где каждый благоденствует, имея все, в чем он нуждается, вплоть до элегантно одежды.

Это произведение содержало в себе «подробное изображение (Tableau detaille) страданий, злоупотреблений и несправедливости существующего общества, план создания нового общества и полемику против могущих возникнуть возражений противника»²⁾.

Будущее общественное состояние мыслилось неизвестным автором, как коммунистическое общество: общая работа всех людей, общее потребление, общее воспитание и т. д.³⁾. Существующие города и деревни должны быть сравнены с землей и в течение 50 лет во Франции и в других государствах должны быть созданы 1.000 городов в две мили окружности, сто художественных и промышленных мастерских и 1.500 деревень и 330 тыс. сельских имений⁴⁾.

Эти требования: возможно равный раздел земли, «аграрный закон» в тех или иных вариациях, «Стоики», напротив, толкуют общественный договор, как заключенный для обеспечения за каждым его доли в целом, так как в естественном состоянии не было вовсе частной собственности и существовало «все для всех». Отсюда их аргументация против частной собственности; частная собственность, по мнению стоиков, есть категория не вечная, а историческая; их учение — теоретическое обоснование домарковского коммунизма.

¹⁾ Полное название утопии гласило: «Предвестник полного преобразования мира для успеха всеобщего блага, воспитания и счастья всех людей или краткое изложение патристических записок о причинах существующей повсюду величайшей нищеты и средств к радикальному искоренению зла». (Письмо Бабефа Дюбуа де Фоссе от 9 июля 1787 г. *Advielle, Correspondence*, стр. 193—194.)

²⁾ Письмо от 19 марта 1787 г. (*Advielle*, т. II, стр. 120—121).

³⁾ Письма от 5 апреля. S. 12, 16 июня 1787, *ibid.*, т. II, стр. 129, 164, 166—174.

⁴⁾ Письмо от 18 июня 1787 г., т. II, стр. 175—176.

По поводу этой утопии Бабеф написал довольно характерное для его тогдашнего мировоззрения письмо, в котором он, между прочим, заметил следующее:

«Мне кажется, что наш Реформатор идет дальше, чем гражданин из Женевы, хотя я и слышал, что последнего толкуют, как мечтатели. Гражданин из Женевы мечтает хорошо об истине, но наш автор мечтает лучше. Подобно ему (гр. из Женевы—Руссо. А. П.), наш Реформатор требует, чтобы люди были абсолютно равны, чтобы они не владели ничем частным образом и пользовались всеми благами сообща так, чтобы каждый индивидуум, рождаясь, был не более и не менее богатым и почитаемым, чем те, которые его окружают¹⁾. Но наш Реформатор не отсылает нас так далеко, как это делает Ж.-Ж. Руссо — жить среди леса, насыщаться под дубом, утолять свою жажду в первом попавшемся ручье... Наш Реформатор старается нам четыре раза в день приготовить хороший стол, одеть нас в элегантное платье и дать каждому из отцов фамилии по красивому дому в 1.000 ливров. Очевидно, он предлагает все эти меры, чтобы согласовать прелести общественной жизни с жизнью примитивной, естественной²⁾».

Таким образом, Бабеф весьма увлечен идеей неизвестного Реформатора: он не только одобряет идею такой Республики, но и выражает свою готовность «быть одним из первых эмигрантов, которые направятся заселять эту новую Республику».

Но, сочувствуя этим новым коммунистическим преобразованиям, Бабеф все же далек от того, чтобы заняться осуществлением планов неизвестного автора, считая коммунизм несвоевременным и предлагая ограничиться весьма невинным по существу мероприятием — уничтожением наследства, — представляя себе, очевидно, преобразование общества, как более или менее медленную эволюцию. Тогда «каждый умирающий оставил бы все общество наследником всего того, что он имел, каждое дитя увидало бы себя положительно так же богатым, как и те из его братьев, соседей и всех подобных индивидуумов, которые должны были получить наследство³⁾. Этими практическими предложениями Бабеф показывает, что он, несмотря на то, что отдает большее предпочтение

¹⁾ На самом деле Руссо, как известно из его позднейших произведений, был далеко не коммунистом. Так, например, в статье «Economie politique», помещенной в «Энциклопедии», он говорит буквально следующее: «Несомненно, что право частной собственности является наиболее священным из всех прав гражданина и в некоторых отношениях даже более важным, чем свобода». Тем не менее, в некоторых своих произведениях, как, напр., в «Трактате о неравенстве», Руссо выступает, как сторонник общественной собственности. В качестве иллюстрации того, как сильно коммунистически мог чувствовать Руссо, показывает его теория частной собственности: частная собственность возникла, по его мнению, в результате насилия и захвата.

²⁾ *Advielle*, т. II, стр. 204.

³⁾ Письмо Бабефа Дюбуа де Фоссе от 21 марта 1787 г. (*Advielle*, т. II, стр. 117—118).

«автору Утопии, нежели гражданину из Женевы», становится всецело на точку зрения последнего¹⁾.

Тем не менее, мысль об организации коммунистического общества не оставляла Бабефа, и, под влиянием затронутых вопросов, он ставит на конкурс Аррасской Академии следующую проблему: «Каково должно быть состояние народа, установления которого были бы построены так, чтобы при современной высоте достигнутых человеческих знаний между всеми отдельными членами его царил полнейшее равенство, чтобы земля, которую они населяют, принадлежала не отдельным лицам, а всем сообща; наконец, чтобы общая собственность распространялась на все предметы, вплоть до продуктов различных отраслей промышленности» («jusqu'au produit de tous les genres d'industrie»).

Допускаются ли подобные учреждения естественными законами? Может ли такое общество просуществовать, и осуществимы ли на практике способы абсолютного равного распределения?²⁾

Мы видим, что Бабеф ставит здесь на разрешение ряд коммунистических проблем, что эти проблемы ставятся в духе тех построений, какие делались идеологами XVIII столетия с точки зрения учений об «естественном праве». Но ни интерес к практике абсолютно равного распределения, ни распространение коммунистических принципов на «предметы промышленности» не могут затухать практики, которой Бабеф считает необходимым в настоящее время заниматься. Он все еще держится в рамках буржуазного демократизма, разве только занимая его крайний левый фланг. Особенно ярко это выступает на основной вопрос французской революции, на аграрный вопрос, и в его общеполитических симпатиях.

В опубликованной в 1789 году, «в первый год французской свободы», брошюре «Постоянный Кадастр»³⁾, предназначенной для Национального Собрания, Бабеф, занимаясь «регулированием производства по главному инвентарю поземельной собственности Франции» и вопросами «обеспечения при помощи Кадастра правильной раскладки налогов», раскрывает нам программу политических и экономических требований, какие он считает своевременными для осу-

¹⁾ В статье «Economie politique», помещенной в Энциклопедии, Руссо приводит эту же самую аргументацию в защиту уничтожения наследства (т. V, стр. 344. 1 столбец).

²⁾ *Advielle*, т. II, стр. 117—118. (Письмо Бабефа Дюбуа де Фоссе от 21 марта 1787 г.).

³⁾ Полное заглавие брошюры гласило «Постоянный Кадастр или Доказательство на опыте необходимых приемов к составлению такого значительного дела, как принцип раскладки, постоянного справедливого распределения податей и облегчения взимания сборов посредством персонального взыскания с земельной собственности, а также с личных доходов. С изложением метода межевания г. Одифре при помощи его нового инструмента, называемого тригонометрическим графометром, — метода более верного, чем все другие, существующие до настоящего времени, — позволяющего быть более уверенным в успехе операции по составлению Кадастра».

пествления. Этой программе предшествует предисловие (*Discours préliminaire*), где Бабеф дает философское обоснование своей программы «достижения всеобщего благосостояния»¹⁾.

Основным исходным пунктом его рассуждений являются аргументы, почерпнутые из «Трактата о неравенстве» Руссо: «Так как люди естественно равноправны, то общественный договор должен противодействовать возможному развитию фактического неравенства»²⁾. Далее Бабеф рассматривает современное положение неравенства и рисует картину будущего общества. «Если из 24 миллионов человек 15 не владеют ничем и страдают, должны ли они уважать собственность и умирать с голоду из уважения к остальным 9 миллионам в виде признательности за то, что их ограбили донага?».

«Общество есть не что иное, как семья, в которой различные члены, соперничая друг с другом, доставляют ему сообразно со своими физическими и интеллектуальными способностями общую пользу, а потому каждый из его членов должен иметь равные права»³⁾.

Какие же меры предлагает Бабеф для осуществления этого «всеобщего благосостояния»? «Первая неотложная реформа,—продолжает он,—должна заключаться в образовании и просвещении народа... для того, чтобы организованные были лишены возможности угнетать остальных»⁴⁾.

Мера, как мы видим, далеко не радикальная. Ее предлагали почти все представители третьего сословия. Недалеки от них меры, предлагаемые Бабефом для разрешения рабочего и земельного вопросов.

«Количество рабочих, — пишет он, — чрезмерно возросло, только в результате того, что их заработная плата уменьшилась. Огромное количество граждан не может найти себе работы не только в результате того, что их заработная плата уменьшилась, но, главным образом, потому, что промышленные рабочие принимают незначительное вознаграждение за труд, установленное безжалостным тираническим богатством»⁵⁾.

Рецептом против этого зла, по мнению Бабефа, может служить организация «национальной кассы для пропитания бедноты».

Необходимо отметить, что Девиль, склонный видеть там, где надо и где не надо, социализм Бабефа, ставит здесь ему в заслугу то, что «он занимается судьбой рабочих; а это было в то время редкостью»⁶⁾. На самом же деле это далеко не так. Под влиянием физиократических учений (Ретиф де ля Бретон)⁷⁾, а также в порыве

1) «Cadastre perpétuel», стр. XXIX—XXXII.

2) Ibid.

3) «Cadastre perpétuel», Disc. préliminaire, стр. XXXIV.

4) Ibid., стр. XLI—XLV.

5) Ibid., стр. XXVI и след.

6) G. Deville. «Thermidor et Directoire», стр. 11.

7) Ретиф де ля Бретон. «Андропограф или идеи честного человека». 1782. Стр. 29. (L'Andropographe ou idées d'un honnête homme).

своих сентиментальных настроений, тяжелым положением рабочих занимались многие из философов XVIII века¹⁾.

Взгляды Бабефа на разрешение аграрного вопроса сводятся к требованию черного передела или так называемого «аграрного закона».

«В виду того, что надо воспрепятствовать грабежу одного в пользу другого, необходимо обеспечить для всех минимума собственности (подчеркнуто мной. А. П.). Земля, наша общая мать, должна быть разделена на пожизненные участки, а каждый участок объявлен неотчуждаемым» (там же). Бабеф вычитал, что каждое из шести миллионов французских семейств, считая на семью по четыре члена, получит, при равномерном распределении 66 миллионов моргенов культурной земли, участок в 11 моргенов, который при хорошей обработке сможет обеспечить «счастливое и достойное существование» (*mediocrité*)²⁾.

Этот надел, согласно проектируемому гражданскому уложению, должен составить неделимое и неотчуждаемое пожизненное состояние отца семейства. Для того, чтобы неравенство не воцарилось вновь, как это было в Спарте, после смерти главы семьи не должно происходить раздела наследства. Участок отца получает младший из сыновей, что же касается до других сыновей, то их, начиная со старшего, должно обеспечить новыми наделами государства. Наследство бедетных получают ближайшие безземельные родственники.

Этот проект аграрного закона в общей схеме Бабефа не был случайным, обусловленным временной необходимостью: требуя черного передела, он не смотрел на него глазами тех, которые, подобно Гораццо, видели во всяком разделе земли «*summa materia mali*»³⁾. Аграрный закон занимал центральное место в политико-экономических построениях Бабефа. Об этом свидетельствует написанное

1) Дюфури де Виллер, говоря о положении рабочих, заявляет: «Я спрошу, наконец, депутатов торговых городов, не вынуждены ли промышленники получать свою прибыль из разницы, образуемой ценами сырья и ценами готовых товаров, продаваемых потребителю, не заняты ли они непрерывно тем, что стесняют рабочего, отнимая его силу, его пот, его радость, его жизнь» (*Du four au de Villiers, «Cahier du 4 ordre»*, стр. 14—15), или Лянге, который говорит следующее: «Чем больше рабочий нуждается, тем дешевле он продает свой труд... При установлении его заработной платы эти деспоты (собственники. А. П.) сообразуются со степенью его слабости. Чем яснее для них, что он погибает от истощения, тем больше они лишают его всего того, что могло бы поддержать его. То, что дают ему эти варвары, недостаточно для того, чтобы поддержать его жизнь, а в состоянии лишь отсрочить его смерть... (недостаточная заработная плата) во сто раз хуже, чем рабство». (*Linguet, «Theorie des lois civiles»*, 1767, т. II, стр. 481—483).

2) «Cadastre perpétuel». Disc. prélimin., стр. XXXI—XXXII.

3) Морелли, позднейший вдохновитель Бабефа, цитируя это определение Гораццо, объяснял стремление людей к разделу и переделу земли тем, что они не видели той пропасти, которую вырывали под собственными ногами посредством этого «алючастного закона о разделе земли». («Кодекс Природы», стр. 72). Об этом же говорил и Мабли в «О законодательстве», стр. 70—80, и отчасти Гельвеций.

спусти два года (в 1791 г.) письмо кандидату в Законодательное Собрание, впоследствии одному из 73 членов Конвента, аббату Кулэ; в этом письме Бабеф подводит итоги своим высказанным ранее принципам и окончательно формулирует свое credo.

«Первобытное равенство, общий интерес, общая воля, которая декретирована в законах и силой которых конституируется суверенитет... обеспечение для всех образования и пропитания, все это — часть одной коммунистической вершины (подчеркнуто мной. А. П.), которая начинает склоняться к одному центру... и который не может быть ничем иным, как аграрным законом». В нем «великая мистерия, секрет, который должен сокрушить человеческие цепи»¹⁾.

И Бабеф пытается доказать, что осуществление всех требований, имеющих целью построение коммунистического общества, выполнение всех пунктов его политической программы, сводятся к «аграрному закону». Предвидя против этого естественные возражения, он прибегает к следующей аргументации: «земля должна быть неотчуждаема: каждый, рождаясь, должен находить предназначенную для него часть земли, какую он имеет в воздухе и в воде»; «умирая, он должен оставить в наследство не своим ближним, а всему обществу в целом»²⁾; что «это невозможно, пока существует система отчуждения, которая передает все одним и не оставляет ничего другим»; новый же «раздел приведет только к тому, что возвратит всем их надлежащее место в обществе»... так как «при разделе все, что идет человеческая индустрия, восстановится в тех же размерах, в каких оно находится и по сей день»³⁾.

Если проект «аграрного закона», предложенный в «Кадастре» в 1789 году, к моменту созыва Генеральных Штатов, и мог считаться революционным, так как лозунг черного передела в начале борьбы с абсолютизмом звучал как требование сокрушения твердынь феодального землевладения⁴⁾, то в 1791 г., накануне низвержения аристократии он потерял свой революционный смысл. Более того, после постановления феодального Комитета Легислативы, когда путь

¹⁾ Письмо к Кулэ из департамента Уазы Бове от 10 сентября 1791 г.

²⁾ Там же.

³⁾ В этом положении, а также в его рассуждениях по поводу вышеупомянутой утопии, чувствуется несомненное влияние Руссо, который, основываясь на Пурфендорфе, доказывал, что право собственности по существу своему кончается смертью собственника; из этого вытекает, что не ему, а обществу в целом принадлежит право распоряжаться наследством в интересах всеобщего блага. Статья «Economie politique» в «Encyclopédie» (1755. Paris, IV, стр. 334, 1 столбец).

⁴⁾ Образцом того впечатления, какое производило на всех одно упоминание «аграрного закона», может послужить следующее место из речи епископа Беризи на заседании Национального Собрания от 23 октября 1789 г.: «Как только будет хоть раз нарушена священная ограда собственности, она вскоре подвергнется дальнейшим нарушениям, и вы скоро увидите, что будет произнесено слово, разрушившее все великое общество, но вместе с тем всегда льстившее толпе, слово «аграрный закон» (подчеркнуто в оригинале. А. П.). Archive parlement, т. IX, стр. 490.

экспроприации феодальной аристократии был уже расчищен, предложение Бабефа, базирующееся на принципе частной собственности, несмотря на свою радикальную внешность, являлось не столько «коммунистической вершиной», сколько требованием, проведение которого могло быть на руку лишь разоряющейся мелкой буржуазии; учитывая же объективные условия эпохи, «аграрный закон» является мероприятием реакционным, долженствовавшим не «сокрушить», а надеть на человечество «новые цепи».

И недаром впоследствии, когда идеология Бабефа сложилась в «бабувистическую», автор этого проекта открепивался от предлагаемых им теперь мер и в «Манифесте равных» заклеивал требование черного передела в виде «аграрного закона», как «мимолетное желание некоторых беспринципных солдат некоторых народностей, побуждаемых скорее инстинктом, чем разумом».

Полным pendant к этому проекту является наивное сочетание Бабефом неотчуждаемого права человека на первоначальное равенство с необходимостью обращения к богатому классу вернуть назад часть захваченного им. «Мы стремимся, — говорит он, — доказать, что все, кто впал в нищету, имеют право потребовать (подчеркнуто мной. А. П.) восстановления первоначального равенства, если бы богатство упорствовало в отказе от оказания им помощи, притягивающей равным, помощи, которая не позволила бы им снова впасть в возмутительную бедность, в состоянии, до которого довело их накопившееся в течение веков зло». И вместо обычного для революционера его времени вывода, который делался из учения о «естественном праве», — права вернуть себе с оружием в руках те преимущества, от которых человек мог отказаться лишь при условии получения больших выгод, — Бабеф предлагает обратиться с увещанием к «грабителям» вернуть народу часть награбленного. «Богатый класс, — говорит он, — сделал бы гораздо лучше, если бы уступил им (ограбленным. А. П.), не доводя их до отчаяния»¹⁾.

Далее Бабеф предлагает обратить внимание на прогрессивное обложение имуществ, считая необходимым преобразовать налоговую систему в «персональное взимание» (contribution personnelle), уплачиваемое каждым пропорционально своим возможностям и доходам. Это обложение только тогда будет иметь вид «реального взимания», так как только в этом случае каждый собственник будет уплачивать пропорционально своему имуществу»²⁾.

Как видим, и в этом финансовом плане, имеющем своей целью: по мысли автора, установление имущественного равенства, дело

¹⁾ «Cadastré perpétuel». Disc. préliminaire, XXXIV. Характерно, что Марат сделал из этого права как раз противоположный вывод — право на экспроприацию: «чтобы сохранить свою жизнь, человек в праве покуситься на собственность даже на жизнь ему подобных. «La Constitution 1789», стр. 5.

²⁾ Ср. Мабли, который считал, что путем прогрессивного налога «богатые государства должны стать менее необходимыми, а любовь к славе и свободе — более живой».

идет не о принципиальной борьбе с правом частной собственности. В нем, однако, содержатся и идеи будущего социалистического прогрессивного обложения. Вообще же частная собственность, при условии более равномерного распределения имущества между всеми гражданами, должна была остаться в силе в качестве основы будущего общества; на этом равенстве частной собственности Бабеф мечтал построить свое новое здание человеческого счастья.

Отсюда и требование следующих демократических реформ: «допущение всех граждан на все места», так как «недопустимо деление граждан на несколько классов»; всеобщее голосование — «выражение их мнений во всех законодательных собраниях, свободы собраний в публичных местах», уничтожение существующего принципа национальной гвардии, допуская в ней участие всех граждан без исключения лишь по признаку — «желание сражаться с внешними врагами в защиту отечества»¹⁾.

Таким образом, «коммунистическая вершина» Бабефа заключала в себе, если не считать аграрного закона даже с точки зрения его эпохи, ряд певниных требований, обычных для любого буржуазного демократа из Конституанты или Легислативы²⁾. Всеобщим образованием, кассами взаимопомощи для бедных, прогрессивным налогом и всеобщим воспитанием предполагал Бабеф достигнуть «неизменного счастливого состояния».

Довольно характерно для мировоззрения Бабефа в данную эпоху является его вступление в франк-масонскую ложку: В своем письме от 16 августа 1791 года Бабеф, ссылаясь на то, «что ему теперь обеспечены 800 франков», при занятии «лишь двух дней в неделю», сообщает, что он вступает в франк-масонскую ложку³⁾. Интересно отметить, что Бабеф прекрасно сознавал недопустимость для революционера контакта с этой организацией, ибо масоны в то время были, согласно собственной квалификации Бабефа, «партией мятежа» — контр-революционной организацией.

Если отбросить фразеологию о «всеобщем равенстве», «всеобщем счастье», «всеобщем благоденствии», обычную для стиля эпохи, которой пользовались все, начиная от типичного фельдана из Легислативы и кончая крайне левыми якобинцами из Конвента, мы видим, что в данную эпоху Бабеф был далек от коммунизма. И хотя в одном из своих писем (от 8-июля 1787 года), он и говорил о том, что «для того, чтобы совершить революцию, необходимо произвести великие перемены»⁴⁾, однако потребности в этих «больших переменах» в мировоззрении Бабефа пока еще не чувствуется. Это тем

¹⁾ Письмо к аббату Куиз от 10 сентября 1791 г., III пункт требований.

²⁾ Гольбах считал «coutumes barbares et injustes» институт первородства: Руссо, как указывалось выше, стоял на точке зрения равного раздела земли; Гельвеций и аббат Грасселен обстоятельнейшим образом формулировали план прогрессивного налога.

³⁾ M. Espinas, «La philosophie sociale du XIX siècle», стр. 271.

⁴⁾ Advielle, т. I, стр. 192—193.

более необходимо подчеркнуть, что в этот период он уже вступил в гущу революционной эпохи, когда теории превратились в острые мечи социальной борьбы классов, когда на исторической арене стал себя проявлять «l'ordre sacré des infortunés», «четвертое сословие», идеологии которого больше всего импонировали бы коммунистические учения.

Тем не менее, и здесь Бабеф отличается от всех его предшественников и современников одной чертой, выдвигающей его на первый план: он соединяет пламенную веру в истинность и осуществимость своей системы с сильнейшей волей провести ее практически в жизнь. В XVIII веке лишь Мелье, самый дальний из его предшественников, равен ему, если не по силе своего оптимизма, то по преданности делу отыскания средств к достижению «блага человечества». Но в то время, как Мелье в ненависти ко всему существующему покончил свою жизнь самоубийством, Бабеф готов «сильнейшим ударом своего собственного плеча подействовать перевороту, который опрокинет и его собственный кухонный горшок»¹⁾. Вспомним, что даже многие из тех, кто считал насильственную революцию необходимой, очень часто боялись ее прихода²⁾.

Бабеф не был еще коммунистом и в следующую эпоху от термидора до конца конвента, хотя и проделал значительную эволюцию по сравнению с высказанными выше взглядами.

II. От термидора до конца конвента.

Прежде всего, интересно отношение Бабефа к самому факту переворота 9 термидора и его оценка перспектив, связанных с ним. Об этом свидетельствует, с одной стороны, адрес, составленный Бабефом от секции Музея с требованием права выбора всех властей и, с другой стороны, его статьи в основанном к тому времени (3 сентября 1794 г.) органе—газете «Свобода Печати», а также некоторые выпущенные им печатные произведения.

Робеспьер пал, но остались еще террористы, «хвост» Робеспьера, как метко характеризовал Бабеф якобинский центр. Попытается ли оставшаяся партия снова захватить власть в свои руки? Падение ли это целой системы, или замена личности? Таковы были те вопросы, которые волновали тогда каждого француза (1794 г.).

Чтобы разрешить все эти большие вопросы, надо было в первую очередь осмыслить совершившееся, дать анализ прошлому, наме-

¹⁾ Из письма Бабефа к своей жене от 25 июля 1789 г. — Advielle, т. I, стр. 56—57.

²⁾ Морелли, считавший, что нет другого средства для исцеления, кроме разве великой революции, спешил тут же предостеречь, что «последняя может оказаться такой же страшной, как и то зло, которое она призвана исцелить». («Code de la Nature», стр. 35). В этом же духе не раз высказывался и Руссо. («Трактат о неравенстве», стр. 216, и «Общественный Договор», гл. VIII).

тить веки будущего. И Бабеф смело принимается за разрешение всех этих «проклятых» вопросов.

«Причина всех несчастий прошлого режима Робеспьера, — пишет он в № 18 «Газеты», — заключалось в пренебрежении правами народа... Революция, происшедшая с 9 на 10 термидора, заставляет постоянно трепетать тех, кто пренебрежением основных принципов народа осмелился бы предлагать противоморальные, кровавые законы; тех, кто осмелился бы узурпировать народное право выборов и, наконец, тех, которые осмелились бы захватить общественные функции, принадлежащие исключительно народу»¹⁾.

Здесь мы видим, с одной стороны, намек на действия настоящего правительства, продолжающего пользоваться теми же «противоморальными» методами, что и правительство диктатуры Робеспьера, с другой стороны, как подтвердит цитируемые ниже выдержки из статей его органа, личные термидорианские симпатии автора.

Газета «Journal de la liberté de la Presse», которую Бабеф, по собственному выражению, «предназначал для мыслящих», должна была служить «для испытания законов в их отношении к свободе и благоденствию народа»²⁾. Она стояла всецело на позиции Конституции 1793 г. и ставила своей основной целью пропаганду требований, содержащихся в этой конституции: свободы слова, печати, всеобщего избирательного права и т. д. Начиная с № 19, она начинает выходить с эпиграфом из первого пункта Декларации Прав Человека 1793 года: «Цель общества — общее благо»³⁾.

Для предыдущих номеров газеты Бабеф выбирал для эпиграфов самые резкие и решительные выражения. Так, эпиграфом № 1 газеты были взяты слова Феррона: «Тот, кто хочет противодействовать этой свободе (печати) какими-либо границами, способствует подавлению истины и процветанию лжи». Второй № начинается словами Демулена: «Одни мошенники боятся света!»⁴⁾. Вообще, тон всего органа резкий и решительный. Чувствуется сильный темперамент в отстаивании своих взглядов и требований. Главным же требованием, как мы видели, является демократия в стиле Конституции 1793 года.

«Я свожу все к Декларации Прав. — пишет он в № 7 своего органа от 28 фруктидора III года (14 сентября). — я содействую всему тому, что к ней приближает, и борюсь со всем тем, что ей противодействует». Но, признавая это детище Робеспьера, наш редактор далек от признания всей деятельности его творца. «Мы будем почитать и восхищаться этим произведением (Конституцией 1793 г. А. П.), но мы не забудем, кто был его творцом», — восклицает Бабеф.

1) G. Deville. «Termidor et Directoire», стр. 25.

2) «Journal de la liberté de la Presse», № 2.

3) «Journal de la liberté de la Presse», № 19 от 8 вандемьера III года (29 сент. 1794 г.).

4) «Le Journal» от 19 фруктидора III года (5 сент. 1794 г.).

характеризуя Робеспьера, как «истинного патриота и друга принципов (Конституция 1793 г. А. П.), до начала 1793 года и наиболее тяжкого злодея, начиная с этого периода» («Газета», № 1). Далее, в № 4 своего органа Бабеф называет Робеспьера «Императором», а контр-революционный переворот 9 термидора обозначает, по его мнению, «новую грань, с которой мы вступаем в новый период возрождения свободы».

Показателем его термидорианских настроений и его ненависти против «террористического периода конвента может служить вышедший после термидора (18 декабря 1794 года) из-под его пера памфлет против привлекаемого к суду комиссара конвента Карье.

К этому произведению мы еще вернемся, когда будем говорить об экономической программе, выставляемой Бабефом в этот период; здесь же заметим, что уже в полном названии брошюры и в той общей оценке, которая давалась делу Карье, чувствуется ярко выраженное термидорианство. Брошюра называлась: «О системе обезлюдения или о жизни и вине Карье; о его процессе и процессе революционного комитета Нанта, с политическими исследованиями и соображениями по поводу основных взглядов Децемвирата на изобретение этой системы; соображения о причинах войны с Вандеями; о проекте применения обезлюдения ко всем частям республики».

В этом памфлете Бабеф приписывает Комитету Общественного Спасения проект уничтожения такого количества людей, которое является необходимым для обеспечения остающихся в живых. Это и было, по мнению Бабефа, пресловутым «обезлюдением». «Я не думаю, — пишет он в своей брошюре, — подобно Робеспьеру и его последователям, что производительность французской земли была недостаточна по отношению к потребностям ее обитателей... Я думаю, что в этом случае средства существования нации являются достаточными для удовлетворения потребностей своих членов; основные законы природы — против «обезлюдения»¹⁾.

Таким образом, мы видим, что Бабеф начал свою публицистическую деятельность в данный период в качестве типичного термидорианца. Рассказывая «страсти» по поводу террора, называя Робеспьера «тяжким злодеем», клеймя наиболее революционный период всей французской революции, как «террористический», он, несомненно, во многом способствовал росту и укреплению тех настроений, с которыми ему самому впоследствии пришлось не раз бороться.

Тем не менее, под влиянием усиления контр-революции, Бабеф примыкает к левому крылу якобинцев. Он берет под свою защиту наиболее левую организацию, сохранившуюся в данную эпоху, — «Избирательный Клуб», стоявший в оппозиции слева к робеспье-

1) Advielle, т. I, стр. 393.

ристам-якобинцам¹⁾. В своей «Газете» он выступает против обвинений, брошенных Билло Варсом гебертистам против ареста Варле и Бодсона, одного из руководителей «Избирательного Клуба»; он протестует против ограничений прав секции собираться и берет под свою постоянную защиту заседающих в «Клубе избирателей», имея в виду, по его собственному выражению, анти-якобинских патриотов», в число которых входили многие из гебертистов и других «левых»²⁾.

Примкнув к левым якобинцам, Бабеф ничем не расширяет своей прежней политической программы и в своих политических требованиях не идет дальше требований Конституции 1793 года и всех вытекающих из нее реформ. Он занимается популяризацией принципов Декларации Прав и разъяснением всех преимуществ республиканского образа правления, полемизируя по этим вопросам со всеми имевшимися тогда многочисленными противниками. Любопытно в этом отношении его возражение тем, кто, не оспаривая преимуществ республики, предлагал осуществление ее в далеком будущем. Собираясь «показать народу, что он тотчас же может воплотить наиболее прекрасную идею, которая до сих пор была лишь иллюзией: цель общества—всеобщее благо», Бабеф в следующих выражениях доказывает несостоятельность выставленного взгляда:

«Республиканец не является человеком вечности,—он является человеком времени; его рай, это—наша земля; на ней он хочет пользоваться свободой и благополучием и пользоваться ими, пока она существует, не дожидаясь или, во всяком случае, не откладывая, пока они станут менее возможными».

Перейдя теперь к его экономической программе, мы видим, что она была также типично якобинской, по крайней мере, в своих конечных требованиях.

Вот, например, требования, какие Бабеф считал в данный момент наиболее насущными как в области политической, так и экономической. Перепечатав в № 22 своего органа адрес³⁾ «Избирательного Клуба» к конвенту по поводу ареста Варле и Бодсона, редактор «Газеты» всецело солидаризируется не только с политическими, но и экономическими требованиями его авторов. В этом адресе левые якобинцы затрагивают вопросы торговли и указывают, что единственным средством оживить торговлю является отмена всякой реквизиции, «не исключая и для армий». Далее авторы обращения требуют «возврата Парижу обычных в течение декады двух заседаний секций, которые одни в состоянии обеспечить наемных рабочих всем необходимым, возвратить ему (Парижу. А. П.) муниципалитет, его должностных лиц, избранных народом, единственно

¹⁾ «Le Journal de la liberté de la Presse», № 3 от 22 фруктидора (8 сентября 1794 г.).

²⁾ Ibidem, № 7 от 28 фруктидора III г. (14 сент. 1795 г.).

³⁾ Адрес был составлен 7 вандемьера III г. (28 сент. 1794 г.) и перепечатан Бабефом в № 22 от вандемьера III г. (1 октября 1794 г.).

имеющим право их назначать». Бабеф сопроводил этот помещенный им адрес следующими строками: «Мы высказываем свое полное одобрение партии, обратившейся с всеобщим протестом и с требованием возратить права народного суверенитета. Предмет торговли заслуживает углубленного рассмотрения: имеется много признаков спекулятивной скупки, и необходимы еще на долгое время законы против жадности».

Итак, «цель общества—общее благо», которое заключается в настоящий момент в «возращении прав народного суверенитета. т. е. Конституции 1793 года; разрешение же злободневного, наиболее остро для трудящихся масс вопроса—борьбы со спекуляцией и недостатком продуктов первой необходимости решается путем принятия «законов против жадности». Вот и все. Единственно, что здесь интересно, так это то обстоятельство, что Бабеф невольно обращается к тем же мерам, какие являлись неизменными атрибутами прежнего террористического правительства, ибо от «законов против жадности» до реквизиций—один шаг. Нет сомнения, что в приведенной программе нет и намека на коммунизм.

Характерно, что и Девиль, приведя все эти выдержки из «Газеты» Бабефа, констатирует, что они лишь «при наличии доброй воли могут быть рассматриваемы как содержащие в себе отдельные зародыши социализма»¹⁾. Как видим, в настоящей программе, как и во всей политической деятельности Бабефа, пока нет социализма и в зародыше. Но события подхлестывают и менее репительных.

После того, как контр-революция начинает с каждым днем подымать свою голову; после того, как на улицах появляются банды мускаденов (золотой молодежи), избивающих патриотов и рабочих, закрывается якобинский клуб, и правительство начинает производить массовые аресты, Бабеф, постепенно освобождается от термидорских иллюзий и понемногу начинает склоняться к оправданию всей деятельности Робеспьера. Он приступает к разоблачению наступившей под видом революции контр-революции.

Народ своей славной революцией завоевал себе свободу; эта свобода затем была узурпирована Робеспьером, а теперь вместо того, чтобы возратить эту свободу нации, правительство начинает заниматься «воскрешением всех видов разврата и раслуценности старого двора»,—говорит он в № 28 «Народного Трибуна». «Когда я один из первых с запальчивостью требовал разрушения ужасных эшафотов системы Робеспьера, я был далек от того, чтобы предвидеть, что я способствую созданию постройки, по своей конструкции весьма оппозиционной, но для народа не менее пагубной; я был далек от того, чтобы предвидеть, что, требуя снисхождения, уничтожения всякого угнетения, всякого деспотизма, всякой несправедливой суровости и наиболее полной свободы, высказывать устно и

¹⁾ G. Deville. «Termidor et Directoire», стр. 30.

письменно свои мнения, и подготовлял, в конце концов, подрыв республици во всех ее основаниях»¹⁾).

Более того, впоследствии, возвращаясь к той же теме, Бабеф призывает «друга человеческого рода» Робеспьера восстать для уничтожения тирании. «Урна Робеспьера—дорогой прах! Восстань и уничтожь низких развратников!—воскликает патетически Бабеф.—Презри их, весь французский народ, блага которого ты желал и для которого твой гений сделал больше, чем кто-либо,—весь французский народ поднимается, чтобы отомстить за тебя. А вы, памфлетисты, научитесь чтить память мудреца, друга человеческого рода (подчеркнуто мной. А. П.), великого законодателя, и воздержитесь от нанесения обиды тому, кого будет почитать потомство!».

Только после написания этих строк Бабеф проделал еще один шаг на своем пути к оценке диктатуры якобинцев. Он шел к ней постепенно,—сначала признавая деяния творца,—Конституцию 1793 г., сейчас уже—самого законодателя. Скоро ему пришлось принять и наиболее однозную из всех мер, применявшихся в период Робеспьера,—террор. Однако полное представление о роли якобинской диктатуры он получил лишь потом.

В настоящее время, несмотря на свои горячие раскаяния в своих прежних заблуждениях, Бабеф все еще не может понять контр-революционных последствий возвращения жирондистов. Он верит, несмотря на свою солидарность с левыми якобинцами, в возможность совместной работы с жирондистами и горячо приветствует их возвращение. «Я желал бы, если бы это было возможно, отречься от всякого злопачества, вновь вернуть их на прежнее место. Так как возвращение 71 депутата было бы не чем иным, как лишь дружеским содействием новому началу великой деятельности конвента». «И 71 депутат,—отмечает он с удовольствием,—вошли, как триумфаторы»²⁾.

Уясняет себе сейчас Бабеф и значение для рабочего класса «максимума». В том же номере газеты он останавливается на тяжелом положении рабочих, наступившем вследствие отмены закона о «максимуме». «Невероятная дороговизна,—пишет он,—заставляет горевать и умирать с голоду бедных рабочих, получающих по 4 ливра или по 100 су в день. Угроза прекращения работ в общественных мастерских на время тяжелого сезона заставляет спасаться более ужасного близкого будущего. Уничтожение «максимума», которое провозгласили контр-революционеры, и которое на самом деле было на-руку лишь жадному и ненасытному купечеству, начинает окончательно добивать класс санкюлотов» (подчеркнуто мной. А. П.)³⁾.

¹⁾ «Tribun du peuple», № 28, от 28 фримера (18 декабря 1794 г.).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Advielle, т. I, стр. 395 и след.

Делает он также значительный шаг вперед, отказываясь видеть в аграрном законе «коммунистическую вершину»,—панацею от всех зол. Наоборот, он снова возвращается к трактовке вопросов «общности благ» и гарантирования всем права на труд.

Уже в упомянутой выше брошюре Бабефа против Карье автор памфлета противопоставляет системе «обезлюдения» Робеспьера систему «частичного лишения каждого из членов общества для достижения всеобщего равенства». И, детализируя этот основной принцип своей новой экономической программы, он ни слова не говорит об аграрном законе.

«Почва государства,—говорится в этом памфлете,—должна обеспечить равное существование всем членам этого государства. Когда в государстве меньшинство социзтаров (! А. П.) возвышается тем, что оно захватило в свои руки богатства земли и промышленности и путем этих средств держит с помощью кнута власть, при посредстве которой оно приводит к застою все дела, большинство должно знать, что такое попранье народа может практиковаться только под защитой плохих правительственных учреждений. В то время, как старая администрация не в состоянии предупредить во-время эти злоупотребления, действительная администрация должна сделать все для достижения равновесия между ними (большинством и меньшинством. А. П.)... Авторитет закона должен оперировать с изменениями, которые совершаются согласно точному смыслу совершенного законодательства «Общественного Договора»¹⁾.

Пока приведенная цитата не прибавляет ничего нового к тем общим рассуждениям о «попрании прав народа», «совершенном правительстве и законодательстве», с которыми мы встречались раньше и которые могут быть всецело отнесены за счет влияния Руссо. Исключение составляет употребление термина «социзтаров» («sociétaires»), в котором Девиль справедливо усматривает будущую связь с Фурье.

Далее, интерпретируя и комментируя положение Руссо, Бабеф приходит к признанию довольно важного, с точки зрения объективных условий, принципа «предпочтения трудящихся, как одного из признаков «совершенного законодательства». «Совершенное правительстве должно стремиться,—продолжает Бабеф,—чтобы все имели достаточно и никто не имел слишком»²⁾). Истинные законодатели не придерживаются «учреждений, для которых не существует определенных границ корыстолюбия и честолюбия, и если

¹⁾ Advielle, т. I. Кроме того «Tribun du peuple» от 1—19 нивоза III г. (с 21 декабря 1794 г. по 8 января 1795 г.).

²⁾ См. Руссо, который в «Общественном Договоре» определяет, что «социальное состояние выгодно для людей лишь постольку, постольку у каждого есть что-нибудь и ни у кого нет лишнего» (гл. IX).

они не в состоянии оказывать предпочтение трудящимся¹⁾, то во всяком случае, они в состоянии гарантировать по своим средствам необходимую работу для всех, равное образование и независимость граждан друг от друга, гарантировать необходимые средства существования неработающим, детям, слабым и дряхлым старикам»²⁾.

Здесь уже среди общих рассуждений о равенстве мы встречаемся помимо требований права на труд, равного образования, независимости граждан и обеспечения нетрудоспособных—требований Конституции 1793 года—с определенным стремлением перенести центр тяжести на экономические требования как наиболее существенные для «совершенного законодательства».

Действительно, поставив на очередь в качестве основной задачи удовлетворение экономических потребностей граждан, Бабеф пришел к истинному пониманию роли экономических факторов в политике. Отмечая в № 29 «Народного Трибуна» важность экономических вопросов, он приходит к следующему заключению: «в сущности, вот где окрывается принцип всей политики (подчеркнуто мною. А. П.),—это в гарантировании всем управляемым удовлетворения их потребностей»³⁾.

Дальнейшее рассмотрение взглядов Бабефа приводит нас к периоду окончания деятельности конвента, когда реакционный его состав начинает уже бить в глаза. Анализ классового соотношения этого учреждения приводит Бабефа к мысли о ложности и обманчивости понятия республики, если в него не вложено определенное классовое содержание.

«Я различаю,—пишет он в своем органе,—в конвенте две партии, разделяющие диаметрально противоположные взгляды на систему и план государственного правления. Сила той и другой партии изменяется в зависимости от обстоятельств; и только этим колебанием объясняется чередование побед, одерживаемых каждой из них. Я охотно допускаю, что обе они хотят республики, но каждая хочет ее по-своему. Одна партия хочет республики буржуазной и аристократической (подчеркнуто мной. А. П.). Другая полагает, что она добилась ее установления и требует, чтобы она сохранила чисто народный и демократический характер. Одна хочет республики одного миллиона, который всегда играл роль врага, владыки, грабителя, угнетателя и кровопийцы для остальных 24 миллионов, того миллиона, который испокон веков наслаждается праздностью насчет нашего пота и труда; другая партия хочет республики в интересах последних 24 миллионов, которые положили ей начало, скрепили камни республиканского здания своєю

¹⁾ Ср. с Мирабо, который в «Amies des hommes» (1793 г.) заявлял: «Я могу без страха быть опровергнутым утверждать, что бедные работники... являются всюду самой полезной частью общества» — (т. I, стр. 216).

²⁾ Advielle, т. I, стр. 393 и след.

³⁾ «Tribun du peuple» № 29 от 19 нивоза III г.

кровью, кормят, поддерживают, удовлетворяют все нужды отечества. Первая партия хочет, чтобы в республике существовали знать и простонародье; она хочет, чтобы ничтожная кучка привилегированных и господ утопала в роскоши и наслаждениях, а подавляющее большинство было поставлено в положение илотов и рабов; вторая партия требует для всех не только юридического, бумажного равенства, но и умеренного довольства, обеспеченного законом. удовлетворения всех физических потребностей и пользования всеми преимуществами общежития—в виде справедливого и неотъемлемого вознаграждения за труд, затрачиваемый каждым человеком в общую пользу»¹⁾.

Таким образом, Бабеф, останавливаясь на анализе классового состава конвента, дает здесь яркую картину двух республик,—буржуазно-аристократической и демократической. при чем буржуазно-аристократическая республика, это—республика «знать», утопающей «в роскоши и наслаждениях», и «простонародья» в положении «илотов и рабов». Что касается истинно демократической республики, то она мыслится им, как демократия. разрешающая основную проблему существования и развития трудящихся масс: «справедливого, неотъемлемого вознаграждения за труд, затрачиваемый каждым человеком в общую пользу».

Но не только теоретические вопросы интересуют сейчас Бабефа. Со столбцов своего органа он клеймит и разоблачает предательскую деятельность контр-революции, которая находила свое выражение как в действиях аристократии, так и в поведении многих членов конвента.

«Подлые плебеи!—воскликает он на страницах того же № 29 «Народного Трибуна».—Разве вы не видите, что эти бесчестные патрицианки (Бабеф здесь имеет в виду аристократок—метресс, вроде Терезы Кабарю, в прошлом маркизы де-Фонтеню, ныне любовницы Тальена и многих других. А. П.), эти авантюристки знатной расы, которые сегодня оказывают вам честь, отдаваясь в ваши руки простолюдина, мещанина, завтра же вас задушат, лишь только сумеют восстановить порядок вещей на старую ногу?! Прислушиваясь к их голосу, вы копаете себе могилу. Вы противодействуете развитию всей революции!.. Французы, вы находитесь под владичеством протитутток!».

С этого же номера Бабеф начинает вести недвусмысленную кампанию против правительства, при чем не раз возвращается к той идее, что конвент «многоголовый деспот». К сожалению, он не удержался на этой революционной точке зрения подчеркивания негодности в с е й законодательной и административной машины страны—конвента и правительства—и спустя короткое время стал на почку парламентской и конституционной критики. Он отделяет «конвент»

¹⁾ «Tribun du peuple» от 19 нивоза III г.

от правительства и утверждает, что лишь правительство — олицетворение революции, а конвент даст Франции свободу.

Так, например, в № 32 «Народного Трибуна» (от 13 плювиоза III года) Бабеф выдвигает в качестве задачи момента изменение состава правительственных лиц, а не самого принципа власти. «Я начну с того, — заявляет он, — что отделию национальный конвент от той партии его, которая с самого начала появилась в конвенте, которая постоянно оставалась одной и той же, изменяла по мере надобности свои маневры, переменяла своих главных членов, но имела всегда одну цель — подольше властвовать и основывала свое могущество на угнетении большинства и на рабстве полезных и рабочих классов (подч. мной. А. П.). Эта партия и виновата во всем. Конвент же состоит из людей хороших, чуждых интригам, склонных к добру... Если только представить конвент самому себе, он всегда будет демократичен, верен интересам 24 миллионов патриотов, а не 1 миллиона «врагов народа и революции». Кончает эту статью Бабеф следующими словами: «Национальный конвент, сделайся снова самим собой, и ты еще принесешь добро народу, народ тебя благословит и всевозможные партии исчезнут».

Итак, Бабеф начал с того, что объявил негодным конвент и правительство, а кончает апологией конвента, полным прощением ему всех его проступков. Однако, радикальный тон «Народного Трибуна», несмотря на известную уступку, сделанную конвенту, не мог не задеть «палачей человечества», как Бабеф называл представителей преступной партии, и вслед за выходом этого номера в свет редактор «Трибуна» был арестован.

Нет сомнения, что эта радикальность Бабефа в значительной степени объяснялась теми настроениями, какие стали в данный момент господствовать в рабочей среде. Все более и все чаще в рабочих кварталах начинают вспоминать с сожалением прошлые времена Робеспьеровской диктатуры, при которой рабочим массам и городской бедноте жилось несравненно лучше. И Бабеф, принявший всю Робеспьеровскую политику, за исключением террора, отказывается сейчас и от последней оговорки, требуя введения в силу закона о «подозрительных» сентября 1793 года. Бабеф всецело солидаризируется с заявлением, сделанным на заседании конвента от 4 нивоза III г. рабочим оружейником из Сант-Этьена, Ноэлем Пуантом, одним из двух рабочих, избранных в конвент.

«Революция 9 термидора, — заявил Ноэль Пуант, — началась с знафота Робеспьера и его единомышленников. Она возвратила свободу патриотам, которые стонали от оков. Но что совершилось затем? Террор не прекратился и перешел только в другие руки. Богачи и купцы издеваются над несчастным народом и угрожают при помощи массы ассигнатов закупить все питания бедняков. Никогда они не находили так далеко в своих издевательствах... Литаргический союз умеренных партий не менее лагубен (подчеркнуто в оригинале. А. П.), чем неусыпная бдительность террора. Я смотрю со стра-

хом, как контр-революционеры отравляют своим дыханием пагубный для свободы политический горизонт. Нет другого выбора: либо спасти родину, либо погибнуть. Я предлагаю, чтобы закон о подозрительных 17 сентября 1793 года начал исполняться вновь точка в точку»¹⁾.

Поместив в своем органе эту горячую и решительную речь, Бабеф с нескрываемым удовольствием замечает: «Он (Ноэль Пуант А. П.) не был настолько прост, чтобы патриональская группа могла ставить себе удовольствие, какое он должен был бы получить от первого манифеста²⁾, направленного против недостойного угнетения, совершаемого над патриотами»³⁾; Бабеф всецело одобряет требования, выставленные рабочим членом конвента.

Решительно взятый Бабефом радикальный тон, подчеркивание угнетения и рабства беднейших классов, обязывал его уже к чему-то большему, чем к гуманным рассуждениям о «всеобщем благе». И, действительно, в последующих номерах «Народного Трибуна» он призывает народ, употребляя выражение самого автора, к «мирному восстанию». В «проекте адреса французского народа своим избирателям»⁴⁾, в котором он пытался «изложить в живой и действительной картине мучительное состояние нации, которая могла бы рассчитывать, что все будет ей доставлено и что все будет решено для ее удачи», в котором было рассказано обо всем, «что народ соглашался сделать, что он предпринял и что надо было бы сделать, чтобы достигнуть соответствующих законов для всех людей и общего блага, для достижения которых он совершил революцию». Бабеф призывает к восстанию против угнетателей, к гражданской войне, к необходимости уничтожения частной собственности.

«Мы показали, — пишет он в этом «Проекте адреса», — что с 1789 года и, главным образом, с 1794 года скопление бедствий и общественного угнетения были единственной оплатой за великие потрясения народа против угнетателей и грабителей...

Индивидуальная собственность является главным источником всех зол, сопутствующих обществу. Общество, это — пещера. Гармония, которая в нем царствует, есть преступление. (Подчеркнуто мной. А. П.). Что можно сказать о законах и о собственности? Собственность есть доля узурпаторов, и законы — сочинение еще более ужасное... Убивайте без пощады тиранов, патрициев, дозволоченных в миллионах, всех безразличных, которые противодействуют вашему общему благу. Вы являетесь народом, истинным народом, единственным народом, достойным пользоваться благами этого мира!.. Все, что народ делает, — законно, все, что он приказывает, — священо!».

1) «Histoire socialiste», Convention, т. III, стр. 113—115.

2) Отмена закона о «максимуме».

3) «Tribun du peuple» № 29.

4) № 31 от 9 плювиоза (28 января 1795 г.).

Предвидя боязнь, которой могут встретить гражданскую войну, он указывает, что настоящая действительность хуже всякого междоусобия, и при этом произносит следующие поистине исторические слова: «Разве существует какая-либо более возмутительная гражданская война, чем сейчас, когда видишь столько убийц, с одной стороны, и столько беззащитных жертв, с другой. Не лучше ли гражданская война, где эти обе стороны сумеют взаимно защищаться?»¹⁾

После выхода в свет «Проекта адреса» Бабеф за «призывы к возмущению, к убийствам и к роспуску национального представительства» был привлечен к ответственности; и, благодаря доносу Тальена об оскорблении конвента, арестован и заключен сначала в Арти, затем в Форс, после чего вместе с редактором «Газеты Равенства» («Journal de l'Égalité») Лебуа переведен в Аррасскую тюрьму. Здесь и зародились первые идеи бабувизма.

В это же время находился в тюрьме гусарский лейтенант Жермен Гуиард—рыцарь ордена «Равных», который сошедшись с Бабефом, вскоре образовал вокруг себя круг последователей. Из тюрьмы Бабеф вышел²⁾ уже коммунистом. Это сказалось, в первую очередь, в том глубоком понимании исторического процесса и в той оценке французской революции, какую он дает теперь в 34 номере «Народного Трибуна» (от 15 брюмера IV года).

Ставя себе вопросы: «что представляет собой политическая революция вообще и французская революция в частности», Бабеф дает на них глубокий ответ, указывая, что история есть постоянная борьба классов—богачей и бедняков.

«Эта открытая война между патрициями и плебеями, между богатыми и бедными... эта война между плебеями и патрициями, или между бедными и богатыми, начинается не только с того момента, когда она открыто объявлена. Она идет вечно; она начинается вместе с появлением института, стремящегося передать все богатства одним и отнять все у других»³⁾.

Обнаруживает он также прозорливость и в методологическом подходе к разрешению исторических проблем: «При рассмотрении вопроса,—объясняет он,—о том, что должно быть, люди приступают к рассмотрению того, что есть». Кроме того, Бабеф прямо указывает, что собственность есть категория историческая: «И когда обнаруживается, что подавляющее большинство членов общества лишено своих прав и испытывает недостаток в предметах первой необходимости, не приходится долго ломать себе голову, чтобы заметить, что недостаток в необходимом, на который обречена самая здоровая, самая трудолюбивая и самая многочисленная часть народа, обусловлен отнюдь не природой (подчеркнуто мной. А. П.). Ограбление массы явилось сложным резуль-

1) Там же «Очерки и характеристики», стр. 184.

2) По амнистии 4 брюмера IV года (26 окт. 1795) года.

3) «Tribun du peuple» № 34 от 15 брюмера IV г.

татом положенных в основу общества законов: именно они дали ничтожной кучке людей возможность наложить свою руку на все, составив просто ужасающий кодекс грабительства»¹⁾.

Однако Бабеф в своих построениях исходит пока еще из рационалистических моментов, и вследствие этого ему чуждо историческое понимание генезиса собственности: он готов обяснить, подобно всем философам своего века, происхождение собственности деятельностью «злых законодателей». Тем не менее, сопоставление «дурного законодательства» с недвусмысленным намеком на его источник—частную собственность, при подчеркивании недопустимости социальной гармонии, господствующей в обществе», несомненно, показывает его известного рода прозорливость в обяснении движущих пружин общественного развития.

Это же прозорливое понимание исторических процессов сказывается теперь и в той программе, какую теперь намечает Бабеф для достижения всеобщего блага, и в этой критике, какую он теперь дает сам своим прежним заблуждениям. Для него не вызывает никаких сомнений характер термидорианского переворота: он теперь прямо заявляет, что «революция, несмотря на все препятствия и противодействия, шла вперед вплоть до 9 термидора, а с этого момента она пошла назад». Эту мысль он иллюстрирует в следующем номере своего органа, возражая по поводу обвинений, что он «невольно» служитроялистским целям. Он указывает, что роялизм есть олицетворение «преднамеренного, ужасного голода», что он хочет «плебейских учреждений», которыми конституция 1793 года путем «голосования» обеспечивает «общее благо» и всеобщее довольство всем сочленам» («ociétaires»).

Далее, Бабеф указывает на ошибочность выставления на первый план аграрного закона, как средства к осуществлению «всеобщего блага». «Но это ведь аграрный закон, чего вы хотите?—замечают мне тысячи почтенных людей. Нет! Это больше, чем аграрный закон. Мы знаем, какие непоколебимые аргументы нам противопоставят на это. Нам могут сказать, и с полным основанием, что действие аграрного закона может продолжаться не более одного дня; что на завтра после его проведения неравенство восторжествует вновь»²⁾.

В противовес пресловутой «коммунистической вершине», которая базировалась на требовании черного передела, Бабеф выдвигает теперь принцип «равенства дел, которое заключается в том, что те, кто не имеет достаточно, должен взять (подчеркнуто мной. А. П.) у тех, кто имеет слишком много». «Все то,—объясняет Бабеф,—что члены общественного организма имеют сверх достатка для удовлетворения потребностей всякого рода, есть результат грабежа естественной (подчеркнуто мной. А. П.) индивидуальной

1) «Tribun du peuple» № 34 от 15 брюмера IV г.

2) «Tribun du peuple» № 36 от 20 брюмера (11 декабря).

«обственности». Необходимо «обеспечить каждому и его потомству такое количество благ, в каком он нуждается, но ничего больше достатка». Что касается «старых варварских учреждений», то их необходимо заменить такими, «которые соответствуют природе и вечной справедливости¹⁾».

Таков процесс идейной эволюции Бабефа за этот период. Начав с апологии термидора, он, под влиянием разворачивающихся событий в процессе, как он выразится, «завоевания палладиума против тирании» (*conquête du palladium anti tyrannique*)²⁾, примкнул к левым якобинцам, каковым и оставался до пребывания в тюрьме. И лишь в октябре 1795 года Бабеф, выйдя на волю, окончательно ставит перед собою проблему коммунистического переворота, проблему, которую он уже теоретически пытался разрешить, как мы видели, еще в конце настоящего периода, еще до последнего ареста. Якобинский период, несомненно, приблизил его к коммунизму. Однако, и в этот период Бабеф внес еще очень мало оригинального в этот вопрос.

Последовательное изложение мировоззрения Бабефа приводит нас, таким образом, к последнему периоду деятельности народного трибуна — бабувистическому, когда окончательно созрел его общественный идеал.

III. Бабувизм.

За начало этого периода можно принять деятельность Бабефа в обществе «Пантеон», куда, за исключением небольшой группы приверженцев Бабефа, входили вообще представители оппозиции, отчасти из вытолкнутых с арены активной политической жизни, как, например, уцелевших приверженцев якобинцев, отчасти из обывательских элементов, настроенных против директорального правительства. Большинство собравшихся в саду св. Женевьевы³⁾ строго выработанной программы не имело и довольствовались лишь туманными рассуждениями о благе народа. Напротив, Бабеф к этому времени разработал уже свои идеи в целую систему. Последняя нашла свое выражение в 35 номере его газеты от 30 ноября 1795 года, вошедшая в историю под именем «Манифеста плебеев».

Задачу этого манифеста Бабеф видел в том, что «настало время говорить о демократии» — выяснить, что необходимо «понимать под демократией», какие средства необходимо применить, чтобы «создать и укрепить ее».

1) «Tribun du peuple» № 36 от 20. февраля (11 декабря).

2) Подводя итоги своей деятельности в качестве редактора «Газеты свободы печати», Бабеф в № 1 «Народного Трибуна» этими словами охарактеризовал задачи и направление своего первого органа.

3) Так назывался сад аббатства св. Женевьевы, находившийся недалеко от Пантеона, по имени которого называлась и созданная Бабефом и его друзьями организация.

Прежде всего, Бабеф отмечает свою прежнюю конституционалистическую точку зрения и становится всецело на сторону революционную. Он указывает, что «в задачу демократии вовсе не входит замена одной конституции другой, ибо народ несравненно больше нуждается в институтах (подчеркнуто мной. А. П.), в учреждениях, чем конституциях». Что же касается Конституции 1793 года, то она лишь «потому заслуживает одобрения, что она открывает простор возникновению и развитию учреждений».

Таким образом, Конституция 1793 года перестает быть для Бабефа панацеей от всех зол, и ей отводится лишь подсобная роль в стремлениях к достижению основных целей. Каковы же эти цели, к которым должна стремиться вместе с Бабефом демократия? «Будем стремиться, — отвечает он на этот вопрос, — чтобы создать хорошие учреждения, и lehetőе йские учреждения..., которые обеспечивают всеобщее благо, равное наслаждение для всех членов общества... и мы можем быть уверены, что вслед за этим явится и хорошая конституция». «Хорошие» же политические учреждения могут явиться лишь в результате надстройки над хорошими экономическими институтами. Затем Бабеф предлагает нам целую программу экономических преобразований. Хотя вся эта программа исходит, как и раньше, из принципов «естественного права», «естественного равенства», «общественного договора» и проч. положений французских мыслителей XVIII столетия, однако, заключает в себе несомненные черты оригинальности. Этот манифест, вообще говоря, предтеча будущих манифестов бабувизма.

Исходя из положений, что «всеобщее благо — цель общества» и что «при переходе из естественного состояния к гражданскому бытию не должен ухудшаться жребий ни одного человека», Бабеф выдвигает в качестве первого требования национализацию земли. «Земля не должна принадлежать никому и есть собственность всех, ибо мнимое право отчужденной земли есть подлое убийственное для народа посягательство». Затем он предлагает уничтожить настоящий семейный уклад, так как «он разединяет членов общества и из каждого домашнего очага делает маленькую республику... увековечивающую неравенство». В-третьих, он требует уравнивания заработной платы всех профессий, в виду того, что «различия в зарплатке и ценности в продуктах труда покоятся... на сказке... о превосходстве таланта и профессий». При этом, в качестве примера, наиболее его возмущающего, приводит пример того, что «рабочий день часовщика оценивается в двадцать раз больше, чем рабочий день того, кто пашет землю». В аргументации защиты последнего требования несомненно чувствуется влияние физиократических идей, а также положения Руссо о равноценности интеллигентного и физического труда. Бабеф прямо следует принципам последнего и заявляет: «нелепо и несправедливо требовать большего вознаграждения для того, работа которого требует более высокой интеллигентности...».

ибо подобная работа никоим образом не повышает способности его желудка»¹⁾.

Это же положение Бабеф пытается мотивировать наивной субъективной теорией стоимости, которая, между прочим, показывает, что автор мало был знаком с экономическими теориями своего времени: уже тогда имелись стройные экономические концепции меркантилистов и физиократов, стоявших по вопросам теории стоимости на позиции, близкой, в условиях своего времени, к научному пониманию.

Причина, мол, почему труд интеллигента оценивается выше, заключается в том, что «интеллигенты так высоко оценили продукты своей мозговой деятельности; если бы люди физического труда со своей стороны (?) производили такую же оценку труда, то они, без всякого сомнения (?), приравнили бы свой заработок к заработку интеллигента».

Далее Бабеф требует равного образования и воспитания: «приобретенные знания должны распределяться между всеми. — говорит он, — так как неравенство и привилегированное воспитание дают в руки одной части общества арсенал всякого рода машин и оружия, с помощью которого она борется с остальными безоружными членами общества и таким путем обманывает и грабит их».

Следующим пунктом, содержащимся в «Манифесте плебеев», является требование общественного распределения продуктов и распределения всех членов общества по тем сферам деятельности, к такой каждой имеет склонность и призвание. «Чтобы обеспечить каждому человеку и его потомству достаточное удовлетворение его потребностей. — продолжает Бабеф, — надо ввести общественное управление, уничтожить индивидуальную собственность, приставить каждого человека к той профессии, в которой он вырос, обязать его доставлять продукты работы в общественный магазин; учредить ведомство распределения, продовольственный комитет, который вел бы списки всех членов и вещей, распределял бы эти последние с педагогическим равенством и доставлял бы каждому гражданину на дом... Что подобное управление осуществимо, доказано опытом, применявшимся в наших 12 армиях с одним миллионом двумястами тысяч солдат».

Такова экономическая и политическая программа, выставленная Бабефом в «Манифесте плебеев», которая, в конечном счете, формулирует основные воззрения Бабефа в настоящую эпоху. С тем, что автор этой программы придавал ей решающее значение, что только в ней он видел единственное решение поставленной им проблемы организации коммунистического общества, свидетельствует оценка тех результатов, какие должны были получиться после

¹⁾ См. «Эмиль», где говорится, что «человек-одинаково во всех сословиях: богатый и образованный не имеет большего желудка, чем бедный и невежественный».

проведения этой программы в жизнь. «Эта форма правления, — говорит Бабеф в заключительном абзаце «Манифеста», — заставит исчезнуть межи на полях, загородки, ограды, замки на дверях, раздоры, воровство, убийство, все преступления, суды, тюрьмы, штрафы, отчаяние, порождающее все эти бедствия, зависть, соревнование, жадность... все пороки. Более того (и этот пункт есть, без сомнения, самый важный), исчезнет пожирующий червь всеобщего, постоянно нас мучающего, беспокойства о нашей судьбе на следующий день, месяца, год, о нашей старости, о наших детях и внуках»¹⁾.

Раньше всего, что бросается в глаза в этом манифесте, так это совершенно новая постановка вопроса: помимо требований «всеобщего образования, пропитания и уничтожения наследства», с какими мы в общих чертах встречались еще значительно раньше и на которых только прежде и делалось ударение, как на основных мерах, способных привести к «всеобщему благоденствию», мы здесь видим перенесение центра тяжести на задачу организации коммунистического общества; при чем решающей мерой к достижению этой цели является ряд экономических преобразований путем обобществления земли, уничтожения индивидуальной собственности на все предметы и равного распределения национального дохода среди всех членов будущей коммуны.

Дальнейшим моментом, заслуживающим нашего внимания, является следующая особенность вышеприведенного манифеста: хотя основные положения «манифеста» взяты из принципов «Трактата о неравенстве» Руссо, а также из учений Морелли, Робеспьера и Сеп-Жюста, которых здесь Бабеф так часто цитирует для аргументации своих положений, тем не менее «мореллизм» Бабефа настоящей интерпретации носит не абстрактный философский, а чисто политический характер — идеологии, приспособленной, как он сам говорит, «к законам святой человечности — санкюлотизма». Все же это еще не бабувизм, и свою законченную формулировку идеи бабувизма нашли лишь впоследствии.

Клуб «Пантеона» не был пригоден для распространения, а тем более для проведения в жизнь этих идей как вследствие его состава, так и вследствие самой структуры организации. С целью получения возможности поставить более конкретно вопросы практического проведения в жизнь выше отмеченных тезисов, а, главным образом, для окончательной выработки как программы будущей деятельности, так и теоретического ее осознания, была создана организация, по выражению Буонаротти, нечто вроде «высшей политической школы». Для этого на улице Клеры у Омара сформировался тайный комитет, где все члены его были подобраны по принципу солидарности как в вопросах оценки настоящего момента, так и в вопросах о стоящих перед комитетом целях и средствах для их проведения. В этой орга-

¹⁾ Advielle, т. II, стр. 100—108.

низации, по словам Буонаротти, обсуждались «принципы общественного порядка, казавшиеся наиболее пригодными для освобождения страны от бедствий и для помехи их возврату»¹⁾.

В этот период существования тайного комитета у Омара Бабефа зашумела усиленной дискуссией по вопросам теоретического обоснования своих взглядов, и, хотя комитет должен был скоро распаться, вследствие возникших личных недоразумений, этот период, несмотря на свою краткость, был для Бабефа наиболее плодотворен: именно, в этот период были окончательно сформулированы принципы бабунизма, легшие потом в основу таких документов, как «Анализ доктрины Бабефа», «Акт о восстании», «Манифест равных» и так далее; как раз в этот период появились наиболее талантливые статьи и другого рода печатные произведения, которые только и могут считаться тем наследием, какое оставил нам Бабеф. И, наконец, в это же время вышли из-под его пера пророческие строки о коммунизме, как о единственно возможной форме человеческого существования, исходными пунктами которого является уже не апелляция к «естественному праву» и «естественному состоянию», а пророчливое предчувствие будущего развития исторического процесса!

В ответ на полемическую статью, напечатанную Антониелом в «Плебейском ораторе» («L'Orateur plébéien»), в которой критиковались основные положения Бабефа и, в частности, принцип отмены частной собственности (в качестве аргумента против отмены приводились соображения ее векового существования). Бабеф в № 37 «Народного Трибуна» выступил со следующими возражениями Антониелю: «Коммунизм — это единственная справедливая и единственно нормальная форма общежития; вне его немислимо существование мирного и действительно счастливого общества... В эпоху, когда пагубные последствия собственности достигли крайних пределов, нельзя говорить, что этот роковой институт пустил слишком большие корни; напротив, как мне кажется, корни его по большей части уже подгнили, и все дерево готово рухнуть от первого серьезного толчка; французская революция дала нам сколько угодно доказательств того, что древность учреждений ничуть не мешает их уничтожению»²⁾.

После такой четкой формулировки задач революции Бабеф переходит к теоретическому обоснованию всех выше поставленных пунктов своей новой программы. Эта новая программа и философское обоснование нашли свое выражение в пропагандистской брошюре, под названием «Ответ на письмо, подписанное М. В.», которая, по словам Буонаротти, раздавалась в Париже 29 жерминаля IV года (18 апреля 1796 года).

Брошюра начинается с установления признаков «действительного равенства». Таковым является, по мнению автора: «общий

¹⁾ Буонаротти. «Гракх Бабеф и разговор равных», стр. 49.

²⁾ Advielle, т. II, стр. 215—228.

труд и общее потребление»; во-первых, труд уже потому является основой равенства, что он «составляет необходимые условия, без которых общество погибло бы»; во-вторых, общий труд увеличивает богатства общества, в то время, как в настоящем обществе производительным трудом занимается лишь часть общества»; наконец, «равномерное распределение труда (подчеркнуто мною. А.И.) между всеми работоспособными членами общества освобождает от невыносимого бремени тех, кого мы обрекли исключительно на истощение своих сил, и возложит на остальных ничтожную долю этого бремени, в результате чего труд вскоре делается источником удовольствия и развлечения».

Итак, предпосылкой коммунизма должно явиться требование общественно необходимого для всех труда, который явится основой для организации будущего общества; но, прежде чем труд делается «источником удовольствия и развлечения», надо точно установить причины настоящего «невыносимого бремени» представителей труда в современном обществе. Это Бабеф и делает, указывая, что при современном состоянии общества, т.е. капиталистическом, капиталисты занимаются присвоением продуктов чужого труда; «наши наемные рабочие, — продолжает он, — не только не пользуются продуктами своего труда..., но даже принуждены уступать продукты своего труда алчным и праздным собственникам, при чем им самим буквально приходится страдать от голода, жажды и непогоды».

О том, что труд является основой всех богатств, говорили еще до Бабефа многие представители физиократической и меркантилистической школ, на присвоение труда рабочего, прямо или косвенно, намекали многие экономисты этих направлений, но никто из них не смотрел на раскрепощение труда, как на основную предпосылку организации будущего общества, не говоря уже о том, что никто из них до сих пор так не подчеркивал первенствующего положения, какое должно быть отведено труду в будущем обществе. Бабеф это делает впервые.

И, действительно, основную проблему коммунистического общества Бабеф формулирует как задачу такой организации общества, при которой «каждый человек при минимальной затрате труда мог бы пользоваться величайшими удобствами жизни».

«Нетрудно разъяснить всем, — продолжает он, — что при самом коротком рабочем дне можно обеспечить всем членам общества более приятную, чем в настоящее время, жизнь... при разумном распределении труда между всеми членами общества».

В зависимости от поставленной пред собой задачи, Бабефа интересуют теперь те переходные нормы, которые необходимы для проведения принципов нового общества, для перехода от настоящего «ненормального состояния» — к коммунистическому.

¹⁾ Ph. Buonarotti, т. I, стр. 120.

В первую очередь, он выдвигает необходимость передачи всех видов собственности в руки государства или, как он сам формулирует, предлагает «положить конец частной собственности... и сосредоточить все наличные богатства в руках республики (подчеркнуто мною. А. П.), — постоянно собирая в общественные склады все продукты земледелия и промышленности».

Далее, он настаивает на введении известной уже нам всеобщности и обязательности труда; «необходимо, — говорит он, — сделать труд обязательным для всех трудоспособных граждан, сообразно способностям и привычкам каждого... Тогда эгоизм перестанет быть основным двигателем деятельности труда и отдельных лиц, которые при всем разнообразии производимых ими продуктов будут получать одинаковое вознаграждение».

Затем в качестве третьей меры, которой Бабеф придает очень важное значение, должно быть «равномерное распределение продуктов и развлечений» (очевидно, и Бабефу было хорошо известно значение лозунга: «хлеба и зрелищ!» А. П.); для организации распределения на коммунистических началах он предлагает отказаться от частной торговли и заменить ее «государственной национальной системой распределения» и, наконец, в качестве последней меры — организацию кругового воспитания путем «основания общественных домов, где дети будут приучаться к труду, наиболее отвечающему их силе и наклонностям»¹⁾.

Останавливается Бабеф и на возражении, какое сейчас делается противниками социализма о невозможности «уравнения пропитания сапожника и художника», так как оно, мол, приведет к «гибели изящных искусств». «Думать, что восстановление равенства, — утверждает Бабеф, — равносильно возвращению состояния варварства и скотства, значит — не понимать ее устройства». «Мнимая гибель ремесел и изящных искусств» не основательна, так как «при нашем аналитарном устройстве искусство получит новые импульсы ввиду полезности для всего общества и примет возвышенный отпечаток великих чувств, естественно порождаемых широким содружеством счастливых людей... ибо из всех государств одна к о м-

¹⁾ Многие пункты настоящего коммунистического проекта подсказаны Морелли. Так, например, по поводу обобществления собственности Морелли говорит почти то же самое: «В обществе ничто не должно принадлежать кому-либо в отдельности — на правах собственности, помимо предметов, необходимых для удовлетворения его потребностей, удовольствий и повседневной работы, при чем эти предметы тут же потребляются». («Кодекс природы», «Основные и священные законы», стр. 91). В примечании к Базилиаде он, касаясь распределения благ, говорит: «Все община обрабатывают землю и собирают урожай и плоды в один и тот же магазин («Basiljade», т. I, стр. 107). Кроме того, из опасения, чтобы частная собственность не появилась снова каким-либо способом в коммунистическом государстве, Морелли предлагает «серьезно озаботиться о том, чтобы эта торговля не внесла в государство хотя бы малейшую частную собственность». «Согласно священным законам, — продолжает он, — в законах распределительных или же хозяйственных, — ничто не будет ни продаваться, ни обмениваться между гражданами» («Кодекс», стр. 94).

мунистическая республика будет богата, блестяща и всемогуща». (Там же).

Предвидит также Бабеф и расцвет науки, которая освободится благодаря служению интересам всего общества от стеснительных пут индивидуализма. В будущей коммуне «гений человека, быстро строящийся с себя иго эгоизма и лести меценатов, начнет служить интересам всего общества». (Там же). А в области искусства новое общество создаст новые образцы великих творений человеческого духа: «место привольных поэм, неказистой архитектуры и бесцветных картин займут цирки, храмы и прекрасные портки, и верховный народ, ныне живущий в худшей обстановке, чем домашние животные, начнет черпать в памятниках и философских творениях знания, пример и любовь к мудрости». (Там же).

Как видим, и современные социалистические системы в области наук и искусства мало что прибавляют к картине развития их в будущем обществе. Если сюда еще прибавить, что для Бабефа искусство не было самоцелью, а оно должно было служить для определенных практических целей, сближению с промышленностью, то можно отметить, что проблема искусства в коммунистическом обществе им была разрешена вполне: «ремесла, — пишет он, — и изящные искусства, благодаря мудрости учреждений, начнут перемещаться туда, где они смогут быть наиболее полезны, — к сближению с земледельцем...». (Там же).

Таким образом, основные принципы бабувизма и основные его проблемы являются уже сформулированными. Отдельные его пункты мы будем потом встречать как в «Манифесте Равных», «Акте о восстании» так и в проектах тех декретов, которые остались нам в наследие от законодательства будущей Коммуны. Если на первый взгляд может показаться странным, что мы называем здесь принципы политической программы бабувистическими, в то время как большинство из них были либо подсказаны предшествующими мыслителями, либо заимствованы полностью у них вплоть до формулировок, то это недоразумение моментально рассеется, как только вспомним отличительную особенность эпохи, в которой жил и действовал Бабеф, и весь характер писаний нашего революционера, который резко отделял его от предшествующих мыслителей-реформаторов.

В самом деле, Бабеф писал свои произведения, когда «оружие критики переходило в критику оружием», когда в пылу ожесточенной классовой борьбы выковывались средства и способы для практического существования намеченной им программы, долженствовавшей, по мысли его автора, немедленно привести угнетенное человечество к его раскрепощению. С другой стороны, бабувизм был движением во имя интересов пролетарской и полупролетарской массы, и в силу этого, как мы увидим дальше, Бабеф выдвинул и затронул целый ряд вопросов, которые для его предшественников вовсе не существовали.

Предшественники Бабефа, хотя писали свои произведения и не в «тихой заводи своих кабинетов», но тем не менее они подходили к своей проблеме большею частью исключительно теоретически; для них важна была мертвая схема, мертвая программа построения будущего общества, и поэтому часто они отмахивались от конкретной окружающей общественной обстановки. Нечего и говорить, что для предшествующих коммунистов проблема общественного преобразования решалась в высшей степени просто: за исключением Мелье, они считали достаточным для осуществления «всеобщего блага» раскрыть глаза на ту ложь, которая сознательно или бессознательно поддерживает настоящий существующий строй; кроме того, почти ни для одного из философов рационалистического социализма их учение ни на минуту не служило *vademecum*ом их политической деятельности¹⁾.

Возвращаясь к Бабефу, необходимо остановиться подробнее на философских предпосылках его программы, которые, хотя не были далеко оригинальными, тем не менее дают нам цельное и связанное представление о его концепции в целом.

Философское обоснование своей доктрины Бабеф, помимо выше отмеченных документов, впервые дал в «Анализе доктрины Бабефа».

Уже указывалось раньше, что воззрения Бабефа покоились на положениях рационалистической философии. Вся философская концепция Бабефа исходит, подобно всем мыслителям его времени, из положения о существовании дообщественного, так называемого естественного состояния, где все люди выступают как естественные существа, где все их действия, как соответствующие природе, были правоммерны. Но несмотря на то, что все люди от природы равны, не все они пользовались одинаковым равенством, так как природа не каждого человека наделила одинаковой степенью чувствительности, понимания, воображения, предприимчивости²⁾. С другой стороны, как заметил Бабеф в выше цитированном «Ответе господину М. В.», в этом состоянии «господствовали сила и хитрость», а равенство было лишь «произведением первых впечатлений и невежества». Этот же тезис Бабеф подчеркивает и во втором пункте «Анализа своего учения», отмечая, что целью общества является необходимость «защиты равенства, нарушаемого в естественном состоянии сильным и злым».

И вот, когда человечество увидело, что в этом состоянии, как говорил Гоббс, «воцарилась война всех против всех», оно «под влиянием опыта и размышления» пришло к необходимости заклю-

¹⁾ Кроме того, кто в то время не занимался коммунистическими проектами? Даже г-жа Роллан в 1790 г. помышляла со своими друзьями основать коммунистическую общину (см. A. Rey. *Le Naturaliste Bosc* [Notes sur mon village, Paris 1882, стр. 12]), а Бриссо, этот типичный представитель буржуазии, набросал даже план такой общины. (Un projet de Brissot pour une Association Agricole. *La Revolution Française* (1902). XIII, стр. 260 и след.

²⁾ *Advjelle*, т. II. Défense, стр. 24 и след.

чения «общественного договора». Таким образом, этот общественный договор есть, с одной стороны, продукт доброй воли каждого участника, и, с другой стороны, каждый входит в общество не иначе, как найдя в этом положительную выгоду¹⁾. Но если вошедший в Общество найдет этот договор для себя невыгодным, то он «может разрушить этот контракт». Целью же общественного договора — всеобщее счастье; отсюда «счастье—единственная цель общества». «Люди, которые соглашаются на это объединение, — говорит Бабеф в своей защитительной речи на процессе, — если они не предупреждены, что будут образованы учреждения, в результате которых огромное большинство людей тотчас же понесет на себе всю тяжесть работы, будет истекать потом и кровью, умирать с голоду, чтобы удовлетворить наслаждению привилегированных граждан, — меня поддержат»²⁾.

Таким образом, люди, перейдя из естественного состояния в общественное, не должны терять своих прирожденных прав равенства. Отсюда, в случае, если правительство, являющееся доверенным народом и хранителем общественного договора, нарушает естественные права граждан, то народ имеет право на восстание. «Права человека, — говорится в «Акте о восстаниях», — предоставляются целому народу или каждой его частице самое священное из прав и самую необходимую из обязанностей—право восстания против правления, попирающего его права». Еще более ярко эта мысль выражена в статье «Народного Трибуна» от 15 брюмера IV года. Революционные средства существуют «лишь для того, чтобы положить конец угрожающим миру бедствиям; чтобы доставить каждому человеку подобающее ему положение; чтобы прекратить всеобщую нужду, порожденную отвратительными учреждениями, противоречащими естественным правам человека; чтобы осуществить цель общегития, т. е. всеобщее счастье» (подчеркнуто всюду мной. *A. П.*).

Как же себе представляет Бабеф причину попрания прав народа? Кто является этим ужасным виновником?

Стуилось это потому, что одна часть общества, по мнению Бабефа, стала более воспитанной, чем другая, а также благодаря господствующим предрассудкам. «Если бы люди, — продолжает Бабеф в своей защите, — получали одинаковое воспитание (подчеркнуто мной. *A. П.*), если бы они не были рабами нелепых предрассудков, которые в течение столь продолжительного времени мешали им понять, что они такое и чего они стоят, никогда подавляющее большинство не допустило бы, чтобы меньшинство посмело сковать его унижительными цепями, которые с течением времени несколько уменьшились в весе, но следы которых все еще не совсем стерлись»³⁾.

¹⁾ *Advjelle*, т. II. Défense, стр. 24.

²⁾ *Ibidem*, стр. 34.

³⁾ „ „ стр. 34 и след.

Это преимущество в воспитании и было использовано для узурпации естественных прав людей путем «писанных законов», которые и создали «социальное различие». «Писанные законы, — замечает там же Бабеф, — не должны быть ничем иным, как лишь следствием вечного закона природы». Законы же природы или «социальное право может быть сформулировано в следующих немногих словах: люди рождаются и остаются равными в правах»¹⁾; ту же мысль проводит и «Манифест Равных»²⁾, «равенство—первое требование природы, первая потребность человека и основная связь всякого законного товарищества».

Эти же законы, «создавшие социальное различие», произвольно создали собственность, так как «первоначально почва не принадлежала никому, а плоды ее всем». Как указывает Бабеф в той же защитительной речи, «институт частной собственности явился полным с у р п р и з о м (Подчеркнуто мной. А. П.) для массы простых и лучших людей» и «законы этого института должны были создать счастливых и несчастных, господ и рабов».

Отсюда, из учения об естественном праве вытекает уже требование отмены частной собственности и, в первую очередь, исходя из экономики своей страны, отмены ее на землю. Действительно, мысль об обобществлении земли проходит красной нитью через все произведение Бабефа, относящиеся к данному периоду. Этот тезис сформулирован в «Манифесте Равных» следующим образом: «Мы стремимся... к коллективной собственности или к общности имуществ. Долей частную собственность на землю! Земля не принадлежит никому. Мы требуем и добиваемся общего пользования земельными плодами: эти плоды принадлежат всем»³⁾ (подчеркнуто мной. А. П.)

Следующим положением, вытекающим из учения о «естественном равенстве», является отмена права наследства, которое, как объясняет Бабеф на суде, «принесит несчастье со второго поколения, осуждая на нищету детей одного и того же отца, если семья более многочисленная»⁴⁾, а также и все рассуждения на этот счет, с которыми мы встречались раньше.

Естественными правами аргументировалась также и отмена, употребляя выражение Бабефа, «разнообразия цены по отношению к разнообразию работы», т. е. требование установления равной оплаты за всякого рода труд. Бабеф прямо указывает, что неодинаковая плата есть «пагубное следствие того, что и работа есть индивидуальная собственность»⁵⁾.

Таким же следствием из всех философских предпосылок мировоззрения Бабефа является рядом с требованием общности

1) «Tribun de peuple». № 38.

2) Буонаротти, стр. 70.

3) стр. 71.

4) Advielle, т. II, Défense, стр. 36—39.

5) Ibidem.

благ (communauté des biens) и требование общности труда (communauté des travaux).

«Надо достигнуть, — говорит Бабеф на суде, — согласования участи каждого члена общества, возвращая ему, независимо от счастливых и несчастных обстоятельств, такое количество каждого из продуктов благ и наделяя его полагающимися на его долю обязанностями труда, чтобы он не имел никогда возможности получать свыше доли каждого»¹⁾.

А из положений об общности благ и труда проистекали уже упомянутые выше требования всеобщности труда, равного всеобщего распределения благ, коммунальной администрации с общественными складами и магазинами.

Таковы основные философские положения, которые явились истоком всех политическо-экономических построений коммунизма Бабефа.

Известные нам уже документы: «Акт о восстании», «Манифест Равных», декреты и инструкции Инсurreкционнoгo Комитета и т. д. — все, что осталось нам в наследие о деятельности и законодательстве будущей «Республики Равных», — являются по существу переводом философских построений Бабефа на политический язык.

Не останавливаясь подробно на разборе каждого из этих документов, в виду того, что, рассматривая отдельные вопросы и проблемы бабунизма, нам придется иметь с ними дело постоянно, необходимо обратить внимание хотя бы на то, что все политические документы, исходявшие от Тайной Директории, даже с внешней стороны построены в порядке той последовательности, в какой изложены философские воззрения Бабефа: сначала идет теоретическая часть, где повторяются указанные выше исходные пункты, а затем только излагаются выводы из этих положений, которые облачаются уже в конкретную форму, в зависимости от тех задач, какие преследует документ.

В самом деле, «Анализ доктрины Бабефа» начинается с тезиса, определяющего приращенные права равенства. «Акт о восстании» начинается с указаний о нарушении правительством этих приращенных прав, при чем требование Конституции 1793 года и всех других мероприятий мотивируется тем, что они воплощают в себе как раз все эти «естественные» права. То же и с «Манифестом Равных» и с проектами декрета, к какой бы области они ни относились. Характерно, что и лозунги, о которых в «Акте о восстании» возвещается, что они будут фигурировать на знаменах восставших, являются, по существу, статьями 35-й и 27-й Декларации Прав Человека 1793 года, выражающими основные положения «естественных прав народа». Вторая половина всех этих документов уже

1) Advielle, т. II, Défense, стр. 41.

трактует практические вопросы экономических и политических мероприятий, конкретизирующие принципы, высказанные в первой.

В этом, как увидим, нет ничего странного, если ознакомимся с социальной природой бабуизма. Прежде чем решать вопрос о том, идеологией какого класса являлся бабуизм, необходимо рассмотреть те элементы, к которым непосредственно обращался Бабеф.

Следует отметить, что Бабеф искал себе сторонников в первую очередь среди рабочих и городской бедноты: с одной стороны, к этому обязывала вся его предыдущая политическая деятельность, а также выдвинутые в процессе этой деятельности лозунги, а с другой стороны, повидному, рабочим городов и городской бедноте больше всего должны были импонировать его лозунги и требования.

Ведь недаром Бабеф провозгласил лозунг «первенствующего положения трудящихся, ведь недаром будущее общество мыслилось ему как базирующееся на всеобщем труде, и, наконец, не напрасно же он ломал столько копий, чтобы раскрыть рабочим их тяжелое положение, призывая их на борьбу против собственников, указывая им, что в современном обществе их труд экспроприируется капиталистами! Угроза «провозгласить истинный и основной кодекс природы», «под прикрытием ста тысяч пик и пушек», могла звучать лишь с уст вождя ста тысяч санкюлотов.

Бабеф придавал большое значение привлечению в свои ряды рабочих.

В материалах, какие были найдены после ареста Бабефа, находится много инструкций, писем, записок, где этому вопросу придается очень важное значение. Так, например, в инструкции Инсurreкционного Комитета главным агентам имеется специальный пункт, посвященный вопросу завербования в свои ряды рабочих; в пункте втором этой инструкции говорится: «Вы будете доставлять сведения о мастерских, находящихся в вашем округе, числе занятых на них рабочих, о роде их работы, настроении»¹⁾.

О факте заинтересованности в симпатиях рабочих сообщает и Буонаротти, который рассказывает, что Тайная Директория особенно рассчитывала на рабочих, так как «приверженность пролетариата является единственной поддержкой равенства». В особенности обращали внимание на рабочее население Сент-Атуанского и Сен-Марсельского предместий. Так, например, агент 12-го округа Моруа сообщает 28 жерминаля IV года (13 апреля 1896 года) о двух красильнях. — одна «из более 80 рабочих», другая из 30 санкюлотов», о 20 кожевенных мастерских с «занятыми максимум 50 рабочими и минимум около 15, тех же взглядов, что и предыдущие, которых ни один предприниматель не желает иметь», и о «стольких же сыромютнях с такими же настроениями»²⁾.

1) Copie de pièces, т. II, стр. 173.

2) Ibidem, т. I, стр. 278 и 279.

И необходимо отметить, что эта пропаганда проходила не всегда безрезультатно. После своего ареста Бабеф в письме от 2 Прериналя сообщает, что «среди рабочих верфей Гренуиля имелось большое число прозелитов». О влиянии агитации Бабефа среди парижской бедноты свидетельствуют также донесения агентов округов; тот же самый агент 12-го округа так описывает впечатление, какое произвел на население Сен-Марсельского предместья плакат с «Анализом Доктрины Бабефа»: «11 апреля—«Анализ доктрины» был расклеен этой ночью, плакаты были встречены с интересом. 12 апреля — плакаты произвели самое хорошее содействие. 13 апреля — вчера много групп; настроение у них отличное: громко требовали Конституции 1793 г. Слова «Конституция 1793 г.» начинают входить в моду и т. д.»

Встречающиеся в некоторых документах Инсurreкционного Комитета—«Акте о восстании» и «Манифесте Равных»—слишком недостаточное подчеркивание роли санкюлотов в перевороте и в будущем обществе нужно отнести всецело к тому, что эти документы писались в перспективе контакта с якобинцами, для которых слишком радикальная постановка вопроса могла отпугнуть от соглашения.

Так, например, в «Акте о восстании» перечисляются все преступления правительства, но нигде ни слова не говорится о положении рабочих; в «Манифесте Равных», написанном, как известно, не Бабефом, но с которым Бабеф вполне, за исключением весьма характерных поправок, солидаризировался, так определяется положение бедноты, а не рабочих: «Пришел момент основать «Республику Равных», это великое убежище, открытое для всех людей.. Вы, семьи, изнывающие в нужде, придите занять свое место за общим столом, который природа приготовила для всех своих детей»¹⁾. Исключение составляет «Анализ доктрины Бабефа», где в пункте втором буквально сказано следующее: «Революция еще не закончена, ибо богатые захватили все блага и пользуются исключительно властью, в то время как бедные (подчеркнуто мной. А. П.) трудятся, как настоящие рабы, погрязают в нищете и не пользуются никаким значением в государстве». В самом деле, выдвинутый еще раньше лозунг «предпочтение трудящимся» был не только прозорливым предчувствием будущей исторической роли пролетариата, не только одним из видов façon de parler, обычным для человека его времени, но и основным стержнем будущей «Республики Равных».

Действительно, идея предпочтения санкюлотам и подчеркивание их привилегированного положения в «Республике Равных».

1) См. Морелли, «Кодекс природы»: «Мир — это стол, достаточно снабженный для всех... Яства его частью принадлежат всем, потому что все испытывают голод, частью только некоторым, потому что другие насыщены. Но никто не является его собственным хозяином и не имеет права притязать на такое положение». Стр. 23.

в особенности в переходный период, нашло свое отражение в проектах тех декретов, которые были приготовлены заговорщиками для опубликования после переворота. Среди постановлений, которые, по мнению Инсurreкционного Комитета должны были быть проведены безотлагательно, без утверждения их будущим Национальным Собранием, имеются проекты двух декретов — о жилище и об одежде бедных, которые определенно указывают на привилегированное положение, какое должны были занять санкюлоты в «Республике Равных».

Первый декрет о жилищах гласит:

«Принимая во внимание, что настоящее всеобщее восстание должно навсегда положить конец нужде, этому неиссякаемому источнику всякого угнетения, Инсurreкционный Комитет Общественного Спасения постановляет следующее:

«1. Как скоро кончится восстание, те из беднейших граждан, настоящие жилища которых неудовлетворительны, возвращаются не в свои старые квартиры, но немедленно же размещаются в дома заговорщиков (подчеркнуто мной. А. П.).

«2. Мебель богатых употребляется для того, чтобы, обеспечить санкюлотам достаточную мебелировку»¹⁾ (подчеркнуто мной. А. П.).

Декрет по поводу одежды содержит в себе следующие два пункта:

Пункт 1. Беднейшие граждане, лишённые тиранией одежды, на следующие и день одеваются на средства республики.

«Пункт 2. Для этой цели революционные комитеты Парижа немедленно печатают все магазины и склады материй, одежды, обуви и других принадлежностей одеяния».

Если сюда еще прибавить те пункты статьи 17 «Акта о восстании», которые касаются вопроса о «безвозмездном возвращении принадлежащих народу вещей, заложенных в ломбардах» (пункт 3)—требование, с которым мы встречаемся еще в Парижской Коммуне 1871 года, то мы увидим, что бабунизм и по своим экономическим требованиям являлся идеологией, если не чисто рабочего класса, которого, повторяем, тогда еще не было, то, во всяком случае, его ближайшего предшественника — французской бедноты—санкюлотов.

В этом смысле и нужно понимать следующее указание Буонаротти, который, комментируя пункт 17 «Акта о восстании», говорит, что «обращениями раздачи имущества Тайная Директория привлекала внимание и поддерживала надежду в рабочем классе». Социальной же природой бабунизма объясняется указание того же самого автора на те слои, на которые Инсurreкционный Комитет считал необходимым, в первую очередь, опереться. «Соединимся,—добавляла Тайная Директория,—с мелкими собственниками, небо-

¹⁾ Buonarrotti, т. II, стр. 252. (?)

гатыми торговцами, поденщиками, работниками, ремесленниками, всеми несчастными, кого наши порочные учреждения обрекают на жизнь, преисполненную усталостью, лишениями и печалью: пусть они возродятся для человечества»¹⁾ (подчеркнуто всюду мной. А. П.).

Вот каким слоям, по мнению руководителей заговора, должна была более всего импонировать программа будущей «Республики Равных».

Этот мелкобуржуазный характер коммунизма Бабефа казался не столько в том, что он собирался опереться на мелких лавочников и торговцев — задача научного коммунизма и по сей время заключается в том, чтобы привлечь на свою сторону мелкую буржуазию—сколько, главным образом, в том, что он объективно был чисто аграрным коммунизмом, как это и должно было случиться с теоретиком его эпохи. В стране, где земледелие играло такую преобладающую роль в производстве, где на основе сельского хозяйства шествующий капитализм должен был строить свое будущее, где рабочего класса еще не было и промышленность едва освободилась от своего домашнего положения, какой иной характер могли носить коммунистические проекты, не выражающие собой тенденции экономического развития и принужденные вследствие этого базироваться на слабом развитии производительных сил — на узкой, ограниченной базе жизненных условий?

В самом деле, все произведения Бабефа, выставлявшие требования «всеобщности благ», уничтожение всякой частной собственности, хотя они и говорят о распространении этого принципа и на индустрию, однако имеют в виду почти исключительно собственность земледельца, не говоря ни слова о промышленных предприятиях, отмечая лишь продукты промышленности.

Так, например, в проекте самого важного и основного, с точки зрения организации будущей «Республики Равных», декрета—экономического, нет ни слова об обобществлении промышленной собственности и в нем фигурирует такого рода собственность, под которой можно только подразумевать либо землю, либо постройки. Проект декрета гласит:

«Ст. 1. В республике учреждается великая национальная общность благ.

«Ст. 2. Национальная общность благ касается следующих предметов:

«Имуществ, объявленных национальным имуществом и не проданных к 9 Термидору II года.

«Тех имуществ врагов революции, которые декретами 8 и 13 Вантоза II года назначались бедным.

¹⁾ Буонаротти. Графк Бабеф и заговор равных, стр. 102.

«Имущество, конфискованных и имеющих быть конфискованными на основании судебных приговоров республики.

«Зданий, служащих в настоящее время общественным нуждам.

«Земель, отданных законом 10 июня 1793 г. в собственность общинам.

«Земель, отданных под госпитали и общественные учебные заведения.

«Имущество, уступленных добровольно собственниками республики.

«Имущество тех лиц, которые обогатились при исполнении общественных должностей.

«Земель, оставленных собственниками (не обработанными) ¹⁾.

Мы видим, что среди «предметов» «великой национальной общности благ» нет ни слова о «предметах» индустрии; что касается обрабатывающей промышленности, то ее не имело смысла и упоминать, так как машинное производство, как это мы могли видеть вначале, еще только начинало возникать, и при перечислении «предметов» индустрии, т. е. промышленных предприятий, могли лишь ограничиться перечислением инструментов: рубанка, ножниц, иглы и т. п., отнять которые у отдельных лиц и объявить их национальным достоянием могло притти в голову лишь сумасшедшему; с другой стороны, уже существовала крупная обрабатывающая промышленность, с которой, — например, горнозаводской Компанией Анцина, — мы встречались вначале и которую при перечислении национализируемых отраслей следовало упомянуть.

Однако Бабефа, заинтересованного лишь в аграрном коммунизме, национализация копей не интересовала.

Эта же тенденция игнорирования вопроса об обобществлении промышленных предприятий, а также ударение на потребительский характер национализации промышленности сказывается и в таком важном декрете, каковым должен был быть декрет «О распределении и пользовании благами общины».

В декрете говорится, что «национальная община обеспечивает каждому из своих членов: здоровье, удобное и хорошо меблированное жилище; платье для работы и для отдыха... освещение, отопление и поддержание чистоты; достаточное количество пищевых (подчеркнуто мной. А. П.) продуктов (идет перечисление. А. П.), медицинскую помощь... общественные обеды для ее членов... одинаковое содержание», и лишь в пункте 8 говорится, что «в каждой общине существуют чиновники, распределяющие продукты сельского хозяйства и промышленности», не упоминая ни слова о предприятиях промышленности.

¹⁾ Buonarrotti, т. II, стр. 306—310.

То же самое и с декретом «Об общественных работах»; в то время как в статье 1-й этого декрета говорится, что «каждый член общества обязывается принимать участие во всех работах (подчеркнуто мной. А. П.) в сельском хозяйстве и в промышленности, к которым он способен», а в статье 12-й указывается, что «представители каждого класса доставляют годные для сохранения продукты сельского хозяйства и промышленности в магазины общины», в статье 14-й есть прямое указание на общественное управление сельским хозяйством и нет никаких намеков на такое же управление промышленностью; 14-я статья декрета, которая является и последней в нем, гласит: «чиновники, принадлежащие сельскохозяйственному классу, наблюдают за разведением и улучшением породы животных, употребляемых для питания, одевания, перевозки и различных работ».

Эта же особенность сказывается и в проекте приводимой Буонаротти прокламации, в которой должны были быть изложены «принципы» будущей деятельности победивших заговорщиков; эту прокламацию они собирались выпустить к народу за день до восстания ¹⁾.

Прокламация, носящая в себе все признаки декларации будущего правительства «Республики Равных», содержит в себе 24 пункта: она касается всех отраслей государственной жизни, но совершенно не затрагивает судеб промышленности; в ней имеется пункт 12, где говорится об «устройстве общественных магазинов в каждой коммуне... и больших военных магазинов», имеется пункт 15, где говорится об «отнятии у помещиков в пользу народа тех земель, которые они пренебрегли обработать», содержатся в ней пункты о прогрессивном налоге, о запрещении продажи национальных имуществ и т. д. и т. д., — но ни звука не только о судьбе промышленности, но и о распределении промышленных изделий.

Чтобы закончить с вопросом о социальной природе бабуизма, можно еще указать на следующее замечание Бабефа, касающееся программы будущей деятельности, где прямо подчеркивается мелкобуржуазный характер коммунизма будущей республики: в № 43 «Народного Трибуна» от 5 Флореля IV года (24 апр. 1796 г.) Бабеф, отвечая на брошенные ему Директорией обвинения в желании ограбить мелкие лавочки и разрушить мелкие домашние хозяйства, отвечал следующее: «Мы всегда только и заявляли, что мы хотим снова поднять и усилить мелкие лавочки и маленькие домашние хозяйства, сделав их приносящими доход».

Не задерживаясь теперь долго на том, что коммунизм Бабефа был вполне утопическим, проведение которого мыслилось его автору посредством «убеждения народа» ²⁾, посредством «предложения богачам добровольно уступить властному требованию справедливости... великодушно отдать народу свои излишки» (§ 20 выше-

¹⁾ Buonarrotti, стр. 130—132.

²⁾ Buonarrotti, Ibid., 136.

цитированного проекта прокламаций) и, наконец, посредством рассеяний «заблуждений»¹⁾, перейдем к последнему вопросу, которому суждено было сыграть огромную роль в истории социализма и революционной тактики,—к вопросу о структуре будущего общества.

Бабеф мыслил себе начало коммунистической организации общества как диктатуру трудящихся.

Как известно, одним из центральных пунктов программы Бабефа являлось требование Конституции 1793 года, полной, развернутой демократии, вытекавшей согласно «Анализу доктрины» (пункт 13) «счастье народа». Тем не менее, Бабеф еще в ранний период возмущался тем, что «всюду все помешаны на мании и подчеркнуто мною. А. П.) большинства голосов»²⁾ (*on a partout la manie de la pluralité des voix*) («Защита», 134).

Действительно, лозунги Конституции 1793 года были для него лишь средством привлечения на свою сторону большинства—патриотов. Кроме того, требование демократии в значительной степени объяснялось его взглядом на развитие революции. Бабеф исходил из убеждения, что революция развивалась правильно лишь до 9 Термидора, а затем она пошла вспять и поэтому для того, чтобы революция достигла, как он сам называл, «естественного конца», надо вернуть ее к тому пункту, которого она достигла к этому дню. Отсюда его требование Конституции 1793 года, как начала «естественного конца».

В письме к своему другу, ювелиру Бодсону, бывшему члену Парижской Коммуны от 28 февраля 1796 года Бабеф как раз останавливается на этой мысли и продолжает: «Разве нам не выгодно показать, что мы не создаем ничего нового, что мы идем только по следам (подчеркнуто мною. А. П.) тех великих защитников народа, которые до нас поставили своей целью справедливость и счастье, должствующее сделаться уделом народа».

Как видим, вот где кроется причина того, что коммунист Бабеф требует конституции, базирующейся на основе частной собственности. Кроме того, можно без всякого преувеличения предполагать, что Бабеф в последний период своей деятельности мыслил себе переходный период к будущему обществу не иначе, как через диктатуру, однако твердо уверен в возможности ее проведения он не был, а потому, во избежание неудачи, решился заменить малоизвестный лозунг диктатуры более популярным требованием Конституции 1793 года: еще жив был в памяти пример Комитета Общественного Спасения, избранного на основе всеобщего избирательного права и превратившегося затем в орган диктатуры!

Посмотрим теперь, как практически мыслил себе Бабеф проведение в жизнь идеи диктатуры трудящихся.

¹⁾ Buonarotti, стр. 136.

²⁾ Advielle, т. I, стр. 35.

Параграф 19 «Акта о восстании»¹⁾ дает нам по этому поводу точные указания. «В виду того опустошения,—говорится в нем,—которое произведено в рядах народного представительства узурпаторами народной власти, и в виду временной невозможности осуществить выборы, достойные доверия народа, путем созыва избирательных собраний, немедленно будет составлен Конвент из наиболее выдающихся демократов, особенно из тех, которые наиболее энергично содействовали падению тирании,—по одному человеку от департамента. Список их будет предложен делегатами от той части народа, которая взяла на себя инициативу восстания» (подчеркнуто всюду мной. А. П.).

Практика в проведении новой формы власти, как мы видим, типичная для диктатуры трудящихся масс: в декрете говорится о составлении, а не о выборе Конвента; норма представительства определена не на основе демократической четыреххвостки—посылают по одному депутату от департамента, вне зависимости от его величины, и персональный состав кандидатов не намечается на месте выборов,—а определяется указанием самого тайного комитета. Необходимо отметить, что такая формулировка явилась уже в результате смягчения первоначально предполагавшегося принципа—передачи всей власти непосредственно Инсуррекссионному Комитету.

Идея диктатуры трудящихся сказалась и в открытом, лицемерно незадрапированном, классовом характере будущей «Республики Равных»—в первую очередь в неравном распределении политических прав гражданства после переворота. Явное преимущество для лиц физического труда проходит красной нитью через все законодательство бабувистов. Согласно проекту цитированного выше декрета «об общественных работах», все граждане будущей общины равно должны были «быть разделены на классы..., соответственно числу полезных профессий; каждый класс должен был заключать в себе лиц, занятых в одной и той же профессии»²⁾. Из проекта же другого декрета—«о полиции» видно, что не все граждане входили в общину, то-есть не все граждане были равноправны: в статье первой этого декрета говорится, что «лица, ничего не делающие для отечества, не могут осуществлять никаких политических прав» и являются «лишь иностранцами, которым республика оказывает гостеприимство»³⁾, а в статье пятой «Экономического декрета» говорится, что лишь «отдающий отечеству все свое имущество и посвящающий ему самого себя, свой труд, к которому он способен, становится участником великой национальной общины»⁴⁾.

¹⁾ Buonarotti, т. I, стр. 172.

²⁾ Ibid, т. II, стр. 302.

³⁾ Ibid, т. II, стр. 306.

В число иностранцев, как это видно из п.п. 2, 3, 4 того же декрета, входили не служащие для отечества полезным трудом, а в число общины входили лишь все категории трудящихся за исключением интеллигентов, для которых требовалось предъявление удостоверения о «цивилизме»¹⁾.

Иностранцы не имели почти никаких прав: им запрещалось посещение общественных собраний; согласно пункту 2 «Экономического декрета», никто из них не мог нести военной и гражданской службы; кроме того, иностранцы должны были находиться под специальным надзором каждой общинной организации, которая могла их выслать вовсе за пределы общины и, в случае надобности, посадить в тюрьму. Статья 17 и 18 одной из бабувистических прокламаций, останавливаясь подробно на мерах, которые будут предприняты «Республикой Равных» по отношению к иностранцам, дает нам прототип современных концентрационных лагерей для буржуазии: «острова Маргариты и Оноре, Пера, Олерон и Ре будут превращены в места исправления преступников, туда будут отсылаемы на работы подозрительные иностранцы (подчеркнуто мной. А. П.) и арестованные личности. Эти острова будут сделаны недоступными; администрация их будет прямо подчинена правительству»²⁾.

В виду того, что согласно принципам будущей «Республики Равных» в категорию иностранцев попадали элементы, по своему социальному положению враждебные коммунизму, как дворянство, духовенство, большая часть буржуазии и часть интеллигенции, то Бабеф, введя этот институт, имел в виду, без сомнения, непосредственно меры террора против враждебных новому строю элементов. С другой же стороны, предлагая эти меры, он не мыслил себе будущей республики иначе, как республики трудящихся. Так или иначе, своим проектом преобразования современного общества в коммунистическое Бабеф оставил человечеству прообраз современной нам диктатуры пролетариата. И в этом его бессмертная заслуга перед человечеством, тем более, что в разработке политической проблемы социального преобразования—проблемы диктатуры трудящихся—бабувисты не имели учителей.

Не останавливаясь на плане построения Бабефом коммунистического общества, всецело взятом им почти целиком у Морелли и у других эгалитарных социалистов XVIII века, а также на довольно интересном моменте переходного периода от общества настоящего к обществу идеальному—вопросу, уже разработанному исчерпывающе тов. В. П. Волгиным³⁾, перейдем непосредственно к итогам всего вышесказанного.

¹⁾ Buenaretti. т. II, стр. 302.

²⁾ «Fragement d'un decret de police», Art. 17 et 18.

³⁾ В. Волгин. «Очерки по истории социализма», гл. IV—«Идейное наследие бабувизма».

Коммунистические взгляды Бабефа сложились, как мы видим, в процессе длинной эволюции на протяжении двух таких эпох, как начало Великой Революции XVIII ст. и ее закат, и поэтому нет ничего странного, что учению бабувистов были свойственны все достоинства и недостатки своей эпохи.

Нет надобности подчеркивать теоретические погрешности коммунистических построений Бабефа. Все они могут быть сведены к одной ошибке: Бабеф исходил из абсолютных понятий о человеке и вещах и верил поэтому в возможность создать на них целый общественный организм. Кроме того, поставив основной целью своих преобразований достижение всеобщего равенства, он сделал идею всеобщего равенства исходной точкой своих рассуждений. Таким образом, он не избег ошибки, свойственной метафизическому мышлению рационалистического социализма XVIII ст.—для которого цель одновременно являлась и основной предпосылкой.

Идеология Бабефа, в наиболее совершенной ее стадии, как мы уже много раз упоминали, не была идеологией рабочего класса: бабувизм есть идеология городской и деревенской бедноты, есть мореллизм, переведенный мелкобуржуазными слоями на политический язык. Тем не менее значение учения Бабефа для рабочего класса огромно.

После тех представлений, какие были у дореволюционных социалистов об общественном развитии и об историческом процессе, анализ, данный Бабефом историческому процессу, во многом повлиял развитие коммунистической мысли, а те проблемы, с которыми пришлось нам в процессе рассмотрения его идеологии столкнуться, еще и до сих пор во многом являются актуальными.

Кроме того, как правильно указывает тов. Волгин, «игнорировать ту роль, которую сыграл Бабеф в развитии социалистической мысли, отнюдь не приходится. Вопреки мнению некоторых исследователей следует признать, что без внимательного и пристального изучения Бабефа и бабувизма... невозможно правильно понять эволюцию коммунистической идеологии от коммунистов XVIII в. к Марксу... Основные заветы бабувизма, этого первого коммунистического учения практического характера, первого революционно-коммунистического учения нового времени,—основные его приобретения целиком перешли по наследству к современному коммунизму. Отказаться от установления идейного родства с Бабефом и бабувистами у последнего нет никакого основания»¹⁾ (подчеркнуто всюду мной. А. П.).

А. Пригожин.

¹⁾ В. Волгин. «Идейное наследие бабувизма», стр. 122.

Перспективы денежного обращения в ближайший период.

1. Факторы равновесия в денежной системе в современных условиях.

Денежная реформа, как процесс смены старой валюты, закончилась: она началась в первые месяцы 1923 г., когда появился в обороте червонец, она закончилась в феврале—мае 1924 г., когда старая падающая валюта была стабилизирована и образовавшаяся при этой стабилизации пустота в области мелко-купюрного обращения («разменный кризис») была постепенно заполнена казначейскими билетами. Червонец и казначейский билет, вытеснив породивший их совзнак, в силу беспрепятственного взаимного обмена срослись в двуединую валюту.

В конечном счете после десятилетнего периода падающей валюты мы имеем, наконец, хотя и бумажную, неразменную на золото валюту, но валюту относительно устойчивую; эта валюта теоретически не менее устойчива, чем прежний кредитный рубль (до 1898 года), с которым наше народное хозяйство жило целую половину XIX столетия. Эта новая валюта, поскольку она является неразменной бумажной валютой, конструктивно почти ничем не отличается, как мы видели, от старого кредитного бумажного рубля (до 1898 г.); отличительным признаком ее является лишь то, что в своей крупно-купюрной части (червонец) она эмитируется Госбанком; а в части мелко-купюрной—казначейством.

Такое раздвоение эмитирующего органа имеет свои неудобства и свои тактические преимущества, но до тех пор, пока взаимный обмен червонцев и билетов производится беспрепятственно, пока между ними имеется полная смычка, — если не юридическая, то фактическая¹⁾, — это раздвоение ни в чем не меняет сущность новой валюты, которая остается обычной бумажной валютой.

Насколько может быть устойчива эта обычная бумажная валюта в условиях настоящего периода?

Каждая денежная система находится под влиянием, с одной стороны, факторов отрицательного характера, нарушающих ее равновесие, а с другой стороны—факторов положительных, вос-

стаивающих и нарушаемых равновесие системы. Мы попытаемся здесь установить эти противоположно-действующие силы, определить по возможности их величину и установить ту равнодействующую этих сил, которой и определяется в конечном счете равновесие денежной системы.

Какие факторы могут нарушить это равновесие?

Общий уровень цен при бумажном обращении определяется тремя основными моментами, которые были четко обрисованы К. Марксом в его изложении теории денег.

При неизменном количестве бумажных денег, находящихся в обращении, и при данной скорости их обращения уровень цен зависит от изменений в количестве товаров, подлежащих реализации при посредстве денег. Изменение в количестве товаров, проходящих через рынок, может быть временным (промышленный кризис, осенняя реализация урожая) или постоянным (под влиянием повышения производительности труда, увеличивающего количество товаров на рынке); если такие изменения в объеме товарного обращения не компенсируются расширением или сокращением количества средств обращения или изменениями в скорости обращения бумажных денег, неизбежно нарушение установившегося равновесия и изменение общего уровня цен.

Далее, при одних и тех же размерах товарного оборота и при данной скорости обращения денег уровень цен зависит от изменения количества бумажных денег, противостоящих товарам в процессе их реализации: «цены товаров,—пишет Маркс,—возрастают и падают вместе с изменением количества бумажных знаков, находящихся в обращении». И, наконец, при одном и том же количестве товаров, подлежащих реализации, и при прежних размерах бумажно-денежной массы уровень цен определяется изменениями в скорости обращения денег¹⁾.

Эти—и только эти—три объективных момента в конечном счете определяют уровень цен при бумажно-денежной системе. Ни о каких-либо психологических моментах, как, например, доверие к бумажным деньгам и т. п., К. Маркс ничего не говорит; они для него не существуют.

Отсюда, всякое нарушение равновесия денежной системы может происходить лишь под влиянием факторов, влияющих на общие размеры товарного обращения, на количество находящихся в обороте бумажных денег и на скорость их обращения.

¹⁾ «Если один совершитель в продолжение одного дня совершает 10 актов покупки, каждый раз при цене товара в 1 совер, таким образом, через 10 рук, он выполняет ту же самую задачу, что и 10 совершителей, из которых каждый в продолжение дня обращается только 1 раз. Следовательно, быстрота золота может заменить его количество» (к критике политич. экономии). Разумеется, это положение Маркса должно быть полностью применено и к бумажным деньгам.

¹⁾ Как известно, Госбанк не обязан производить обмен казначейских билетов на свои червонцы, но фактически он такой обмен производит; юридически он имеет право прекратить его в любой момент.

Мы попытаемся здесь проследить те факторы, которые в современных условиях могут оказать пертурбационное влияние на каждый из этих трех элементов равновесия, — тем самым мы выясним общие перспективы нашей валюты.

Что касается товарных факторов, то наибольшее значение имеют ежегодные сезонные колебания в размерах товарного обращения, которые вызываются резким расширением рынка в осенние месяцы реализации урожая и постепенным сжатием его в последующие месяцы. Кроме того, сюда же надо отнести колебания в размерах товарного обращения, связанные с такими кризисами народного хозяйства, как неурожай или кризисы в промышленности.

Что же касается факторов нарушения равновесия, находящихся на стороне денег, то они почти все без исключения так или иначе связаны с неустойчивостью государственного бюджета, которая ведет к увеличению средств обращения сверх количества, необходимого для народного хозяйства.

Наконец, изменения в скорости обращения денег, как показал опыт, есть явление производное и определяется в первую голову темпом обесценения денег, вызванным действием двух первичных факторов.

Как будет складываться действие этих пертурбационных факторов в ближайший период и какими средствами восстановления равновесия будут располагать народное хозяйство и государство. — попытаемся наметить объективный ответ на эти вопросы.

1. Осеннее расширение рынка, как фактор нарушения равновесия.

Как мы уже видели в первой части работы, в нашем народном хозяйстве при преобладании в нем аграрных элементов ежегодно происходит резкое расширение всего товарного обращения, сменяющееся затем постепенным сжатием его в течение последующих месяцев, вплоть до июня и июля.

При таких сезонных колебаниях товарного оборота денежная масса требовала всегда расширения осенью и сжатия зимой, весной и летом, и если бы денежная система прежде была недостаточно для этого эластична, мы имели бы нарушение равновесия два раза в течение одного года: сначала в сторону резкого снижения общего уровня цен и повышения покупательной силы денег (сентябрь—октябрь), а затем — в сторону постепенного, но значительного повышения цен и снижения покупательной силы.

Как изменилось действие этого пертурбационного фактора в современных условиях в сравнении с прежним? Мы видели в первой части работы, что указанные сезонные колебания в настоящее время не только не сгладились, но, наоборот, в связи с повышением удельного веса сельского хозяйства в нашей экономике еще более усилились, а вместе с тем возросло пертурбационное влияние этого фактора на денежную систему.

В прежних условиях равновесие денежной системы, нарушаемое действием осеннего расширения рынка, восстанавливалось наличием денежных резервов (накопления у крестьян и мелкой буржуазии), а также действием разветвленной кредитной системы и эмиссионной политики банков, которые, выбрасывая осенью дополнительные 200—250 миллионов и снимая в последующие месяцы часть оказавшейся излишней денежной массы, «подгоняли» таким образом размеры денежной массы к размерам товарного оборота¹⁾.

Этот процесс сезонных расширений и сжатий товарного оборота, а вместе с ним и денежной массы был отмечен у нас рядом наблюдателей уже очень давно. Николай — он, проследив колебание денежного обращения за период 1869—1876 г.г., в своих «Очерках нашего пореформенного хозяйства» (1893 г.) писал:

«Мы видим, что летом (июль) деньги начинают переводиться из Петербурга в провинцию. Государственный банк отвечает на этот акт выпусками кредитных билетов «для подкрепления касс, контор и отделений». Август — это канун медового месяца. В сентябре потребность в них достигает максимума. Государственный банк опять-таки отвечает на требование новым выпуском кредитных билетов. В октябре деньги начинают возвращаться в банк: поэтому представляется возможным изъять их из обращения. (Стр. 21—22).

В сентябре только и нужны что деньги. Кассы банков пустеют. Государственный банк выпускает их больше, чем во все остальные месяцы. Словом, нужны деньги и деньги. Они идут в народ. Это единственный месяц в целом году, когда он более или менее близко видит их.

Пусть их туда идут, их не жаль, они знают своего хозяина и не залежатся за мушкетерским голенищем, а возвратятся в тот карман, откуда вышли, но возвратятся не одни, а принесут с собой то, за чем ходили, принесут земледельческие продукты».

В настоящее время действие указанных положительных факторов равновесия почти или совсем не существует. Сейчас кредитная система находится еще в зачаточном состоянии, а резервные части в виде накопленных почти отсутствуют. Что же касается эмиссионной политики Госбанка, то она по ряду объективных причин не обладает пока еще способностью вполне свободно маневрировать своими эмиссиями. Госбанк, вынужденный в широких размерах кредитовать промышленность и торговлю, не располагает еще возможностью производить в нужный момент изъятие из оборота, выпущенных им денежных масс, как это делалось прежде. Как показывал опыт предшествующего года, Госбанк при величайшем напряжении может зимой, весной и летом лишь замедлить темп эмиссии или — в лучшем слу-

¹⁾ См. первую часть, раздел о «действительных факторах повышения цен».

чае — лишь приостановить их, но он еще не располагал и не располагает возможностью снимать с рынка хотя бы незначительную часть прежних эмиссий. Поэтому, доводя осенью червонную массу до тех размеров, которые соответствуют максимальному объему товарного оборота, Госбанк не имеет возможности в последующие месяцы снижать червонную массу до необходимого уровня.

Но чего не может сделать Госбанк, то за него делает оборот. До сих пор никто не отменил и не изменил закон ценности бумажных денег, сформулированный Марксом — «закон, гласящий, что количество средств обращения определяется суммой цен обращающихся товаров и средней скоростью обращающихся денег»¹⁾, и поскольку масса обращающихся товаров, а значит и сумма их цен падает, постольку должно сократиться и количество необходимых для оборота денег, — будут ли это золотые или бумажные деньги. Если же банк не может произвести такого сокращения и восстановить тем самым равновесие между массой денег и массой товаров, то его производит сам оборот путем выталкивания из обращения части золотых денег (при золотом обращении) или путем частичного обесценения бумажной денежной массы (при бумажном обращении); если осенью народному хозяйству необходимо количество средств обращения в 700 миллионов рублей на золото, а весной — только 500, и если банк не снимает лишних 200 миллионов, то сам оборот позаботится о превращении 700 милл. в 500.

Такое превращение производится, как известно, путем повышения уровня товарных цен, вследствие которого «сумма цен обращающихся товаров», сократившаяся было под влиянием сокращения товарной массы, опять достигает своей прежней величины; это повышение товарных цен поглощает излишнюю денежную массу и восстанавливает нарушенное равновесие. Здесь получается типичное колебание ценности денег, которое неизбежно при бумажной денежной системе, если она не обладает предохранительным клапаном в виде возможности снятия с рынка излишней денежной массы: «Если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обращения, достигнем их полного пресыщения деньгами, то завтра вследствие каких-либо колебаний в товарном обращении они могут оказаться переполненными»²⁾. В этом случае, пишет Маркс в другом месте, «возрастание цен было бы только реакцией процесса обращения, насильственно приравнивающего знаки ценности тому количеству золота, вместо которого они обращаются»³⁾.

При отсутствии у Госбанка возможности вполне свободно маневрировать в деле расширения и сокращения червонной массы

¹⁾ «Капитал», I, подраздел: Обращение денег.

²⁾ К. Маркс. «Капитал», I, раздел: Монета — знак стоимости.

³⁾ К. Маркс. «К критике полит. экон.», раздел: Монета — знак стоимости.

возможно не только нарушение равновесия денежной системы и колебание покупательной силы денег в течение зимних и весенних месяцев, но также и постепенное, хотя, быть может, и медленное обесценение червонца из года в год.

При отсутствии указанной свободы маневрирования червонная масса будет из года в год только притекать в оборот (особенно в осенние месяцы), но не вытекать из него; уровень червонных цен будет только повышаться (зимой и весной), но никогда не будет снижаться, что уже подтвердилось опытом 1923 года.

В наших условиях, впрочем, имеется фактор, которого не было раньше и который до известной степени компенсирует действие сезонных нарастаний денежной массы, смягчая их пертурбационный характер, — мы говорим здесь об общем расширении сферы денежного обращения, которое происходит сейчас в связи с переходом от падающей валюты к валюте устойчивой (денатурализация хозяйства, рост накопления и т. д.).

Однако, как мы увидим дальше (стр. 186), действие этого фактора не следует переоценивать, ибо внимательный анализ эволюции червонной массы за период с ноября 1923 г. по июль 1924 г. показывает, что процесс расширения денежного обращения, несмотря на эффективное расширение массы казначейских билетов, имеет медленный темп и что этот темп не повышается, а замедляется.

Этот факт получил уже официальное признание и по возможности учитывается при составлении планов червонной эмиссии. Так, например, в статье, посвященной кредитному плану на июль — декабрь 1924 г., председатель Эмиссионного отдела Госбанка тов. Н. Туманов предлагает считаться с тем, что «переход экстенсивного поглощения оборотом платежных средств уже позади и темп роста денежной массы благодаря этому естественно должен понизиться». При понижении же этого темпа прирост денежной массы, который даже до этого при благоприятных условиях едва компенсировал ее, сезонное сокращение в дальнейшем все в меньшей степени может служить фактором восстановления равновесия, нарушаемого этим сокращением.

Необходимо отметить также, что в противоположность процессу сезонного сжатия денежного обращения процесс его нарастания отличается плавностью и что колебания кривой этого процесса также и во времени не соответствуют сезонным снижениям денежной массы. Поэтому, если даже на протяжении послеосенних месяцев, от ноября до июня, общее расширение денежного обращения и может компенсировать в целом действие послеосеннего ее снижения, то все же это еще не устраняет пертурбационного влияния этого снижения.

Итак, сделанный анализ показывает, что в современных условиях пертурбационное действие сезонных колебаний на денежную систему по сравнению с прежним усилилось, а в то же время прежние факторы, восстанавливающие нарушаемое равновесие, опали.

Для того, чтобы нейтрализовать действие этого обстоятельства на равновесие денежной системы, имеется один и только один путь: наряду с отказом от бюджетной эмиссии необходимо обеспечить Госбанку полную свободу маневрирования в деле червонных эмиссий, которой он пока не обладает.

Денежная реформа, в широком смысле слова, прошла две стадии и теперь вступает в третью; ее первой стадией было восстановление налоговой системы, давшее возможность отказаться от эмиссий для содержания государственного аппарата; ее второй стадией была замена старой валюты новой, ставшая возможной на основе этого достижения; на ее третьей стадии эмиссия должна перестать быть источником не только для финансирования госаппарата, но и для долгосрочного кредитования госхозяйства¹⁾; только тогда денежная система может получить необходимую эластичность.

Практически это может быть достигнуто или достижением полной самокупаемости госпромышленности, или дальнейшим увеличением налоговых доходов, или же одновременными достижениями и в той и другой области, и лишь постольку, поскольку будет закончена эта третья стадия денежной реформы, поскольку госбюджет получит еще большую устойчивость и банковский кредит и банковская эмиссия будут освобождены от давления извне, — лишь постольку можно будет изжить отрицательное действие на денежную систему со стороны сезонных колебаний народного хозяйства.

2. Влияние хозяйственных кризисов.

Неурожай и промышленные кризисы, как и сезонные колебания, всегда оказывали могущественное влияние на объем товарного обращения.

Каждый неурожай, сокращая валовую продукцию сельского хозяйства, в еще большей степени сокращает ту часть этой продукции, которая превращается в товары, ибо по общему правилу на рынок поступает лишь тот небольшой излишек валовой продукции, который остается за покрытием необходимых расходов по собственному потреблению многомиллионного населения деревни и по обсеменению; недобор хлебов в 500 миллионов пудов составляет небольшой сравнительно процент по отношению к валовой продукции в 3 миллиарда, но он может резко сократить товарный фонд деревни.

Непосредственным последствием такого сокращения является сжатие всего внутреннего товарного обращения и резкое падение экспорта сельскохозяйственных продуктов, а поскольку этот экспорт должен приводить к обратному приливу в народное хозяйство импортируемых товарных эквивалентов, постольку сокращение экспорта косвенно еще более понижает размеры внутреннего рынка.

¹⁾ Разумеется, постольку эмиссия поглощается ростом народного хозяйства, она может быть источником для долгосрочного кредита без нарушения равновесия денежной системы.

В настоящее время пертурбационное значение неурожаев несомненно увеличилось. При истощении почвы, при ухудшении обработки их, при понижении качества семенных материалов влияние на урожай стихийных условий (засуха или излишек влаги) отражается сильнее, чем прежде, и поэтому неурожай в настоящих условиях должны быть чаще и самые размеры неурожаев больше.

С другой стороны, при сокращении площади посева сейчас сократились общие размеры валовой продукции и еще больше упала товарная доля этой продукции; поэтому неурожай с большей силой, чем прежде, отражаются на размерах товарной доли крестьянского хозяйства, и через нее и на размерах всего товарного обращения.

3. Влияние факторов, воздействующих на равновесие бюджета.

Во все времена неустойчивость государственного бюджета была основным источником дезорганизации денежной системы. Если фунт серебра, который первоначально был денежной единицей многих европейских стран (английский фунт, французский ливр и т. п.), постепенно превратился в небольшую серебряную монету, величиной с французский франк, если бумажные франки, рейсы, рубли, марки и т. д. обесценивались в тысячи, миллионы и триллионы раз, то источником всех этих грандиозных пертурбаций были не ценностные сдвиги внутри товарного мира, а изменения в размерах денежных масс, происходившие под влиянием бюджетных дефицитов и проводившиеся в форме государственной фальсификации металлических денег или массовых бумажных эмиссий. Можно с уверенностью сказать, что если бы не была открыта тайна фальсификации металлических и печатания бумажных денег и государство не могло бы превратить порчу денег в источник доходов, фунт серебра или близкая к нему по ценности золотая единица и сейчас, как и во времена Карла Великого, был бы основной единицей европейских денежных систем.

Однако, раз грехопадение произошло, государственный бюджет уже не может удержаться от соблазна использовать в затруднительные минуты печатный станок. Поэтому степень устойчивости государственного бюджета сейчас, как и прежде, предопределяет по существу устойчивость денежной системы.

Какова степень устойчивости государственного бюджета Советского Союза? Устойчивость бюджета, как и равновесие каждой другой системы, определяется, с одной стороны, числом и силой пертурбационных элементов, а с другой — эластичностью системы, ее способностью компенсировать влияние пертурбационных факторов. Посмотрим, как складывается в наших условиях отношение между этими двумя противоположно действующими началами, каково направление их равнодействующей.

Остановимся сначала на факторах нарушения равновесия. Здесь в первую голову приходится отметить влияние на бюджет таких хозяйственных кризисов, как неурожай; это влияние обычно проявляется в падении налоговоспособности и понижении поступлений как от прямого, так и от косвенного обложения; сокращение экспорта, ведущее за собой снижение импорта, снижает также поступления от таможенных пошлин; сокращение грузооборота уменьшает нагрузку железных дорог и снижает их доходность и т. д.

Далее огромное значение для равновесия госбюджета имеет степень напряжения налоговой системы; чем ниже производительность труда, чем ниже народный доход на единицу населения, тем меньше абсолютно и относительно может взять налоговая система. Как обстоит сейчас дело в этом отношении?

До войны население России имело общий годовой доход в 15 миллиардов и отдавало государству (включим земства и города) около 2½ миллиардов в виде налогов, т. е. около 16% своего дохода. Сейчас население Советского Союза имеет годичный доход от 7 до 8 миллиардов на довоенные деньги и отдает государству ничтожную абсолютную сумму налогов менее 1.200 миллионов в червонных рублях или около 600 мил.— в довоенных; эти 600 мил. составляют менее 10 процентов народного дохода, так что даже в процентном отношении население отдает сейчас меньшую долю своего дохода, чем оно отдавало до войны,—и тем не менее никто не может сомневаться, что население Советского Союза труднее выносить это менее значительное бремя налогов, чем населению довоенной России.

Если считать народный доход до войны за 100 единиц, то при 16 процентах, которые брало государство у населения, оставалось еще 84 единицы дохода; сейчас ничтожный сам по себе довоенный национальный доход резко снизился, и вместо прежних 100 население имеет не более 65 единиц, т. е. даже не уплачивая ни копейки налогов, оно имеет значительно меньше, чем прежде по уплате 16% налогов; когда же налоговая система из оставшихся 65 единиц берет еще 10 единиц и оставляет только 55, то у населения получается приблизительно такое же ощущение, как если бы до войны налоговая система отнимала у него вместе 16 целых 45 процентов, и притом от дохода, абсолютные размеры которого и без того ничтожны.

Вполне понятно, что при таких условиях напряженность налоговой системы достигла сейчас значительных размеров, а вместе с тем и всякие неблагоприятные колебания конъюнктуры должны влиять на продуктивность налоговой системы с большей силой, чем прежде.

Если хозяйственный кризис снижает общий народный доход, например, на 10 единиц, то его действие на налоговую систему сейчас в сравнении с прежним будет совсем иным, ибо прежде вычитание этих 10 единиц происходило из 100, а теперь из 65; прежде сов-

местное действие такого хозяйственного кризиса и налоговой системы снижало 100 единиц до 74, а теперь — до 45.

При таком положении напряженность налоговой системы и ее уязвимость со стороны хозяйственных кризисов в сравнении с прежним прогрессивно возрастает,—количество «податных осечек» прогрессивно увеличивается. В области прямого обложения миллионы крестьянских хозяйств, которые при прежних условиях справлялись с положением и, несмотря на кризис, платили налоги, теперь, при возросшей напряженности крестьянских бюджетов, превращаются в недоимщиков; в ряде же случаев государство вынуждено даже совершенно отказаться от налогов (неурожайные районы).

Падение поступлений от косвенных налогов, которое всегда наблюдалось при хозяйственных кризисах, теперь становится более резким. Если прежде неурожай лишь снижал экспорт сельскохозяйственных продуктов, то теперь он его почти аннулирует, вызывая этим резкое снижение таможенных доходов.

Впрочем, как мы увидим дальше, вопрос о том, как далеко может пойти государство в повышении налогов, решается в зависимости не только от чисто-экономических условий, но и от ряда моментов социально-психологического характера. Мы увидим, что в этом отношении дело значительно изменилось в лучшую сторону.

Наличие национализированной промышленности.

В условиях советского государства к тем факторам, которые в капиталистических странах влияют на равновесие денежной системы, присоединяется еще одно чрезвычайно важное обстоятельство.— наличие в составе государственного хозяйства национализированной промышленности. Хотя это влияние передается через бюджет и его следовало бы рассматривать на ряду с другими уже рассмотренными нами факторами бюджетного равновесия, тем не менее, в виду его особого значения, мы рассмотрим его отдельно.

При нормальном течении производственных процессов промышленная продукция дает возможность не только оплачивать труд рабочего (фонд заработной платы) и фонд личного потребления класса капиталистов и лиц, живущих за счет прибавочной стоимости, не только регулярно компенсировать снашивание машин и оборудования (фонд восстановления в узком смысле слова) и периодически сменять заново всю материальную часть предприятия (амортизационный фонд), но и расширять производственную базу (фонд накопления или расширения производства). Эти фонды восстановления, амортизации и накопления в капиталистических странах являются тем резервом, из которого государство может заполучить средства для погашения бюджетных дефицитов; такое использование фондов происходит или в форме безвозмездного их присвоения государством (повышение ставок подоходного подошественного и наслед-

ственного налога для высших категорий плательщиков, как это частично практикуется в Англии) или же в форме государственного займа, при котором в обмен за свои векселя государство получает в свое распоряжение часть этих фондов.

При национализации промышленности, указанные фонды находятся в непосредственном распоряжении государства, которое имеет возможность обратить их на покрытие бюджетных дефицитов. Нет никакого сомнения, что отклонение производственных фондов на содержание государственного аппарата естественно ведет к замедлению процесса расширения производства и даже к сокращению производственного базиса (при использовании фонда амортизации, а тем более — фонда восстановления). Однако, поскольку дезорганизация денежной системы представляет еще большее зло, постольку указанное отклонение, как временное явление, представляется вполне целесообразным даже с точки зрения самой промышленности. Таким образом, при нормальном состоянии промышленности наличие национализации ее есть положительный фактор равновесия денежной системы.

Положение значительно меняется, если производительность труда в промышленности понижена, и промышленность в целом не только не выделяет сама фонда, необходимого для расширения производства, но и с большим трудом поддерживает свои фонды восстановления и амортизации, т. е. находится на границе самокупаемости.

В 1922, 1923 году, следовавшем за голодными годами, государство не только не получило никакой прибыли на те капиталы, которые вложены в национализированную промышленность и транспорт, но должно было в крупном масштабе само субсидировать промышленность. В этом году промышленность получала на покрытие своих дефицитов 125 миллионов в бюджетном порядке и 175 млн. — в виде банковского кредита; субсидии же транспорту достигали 120 миллионов.

В 1923—1924 году дефициты промышленности и транспорта резко сократились, но все же и промышленность и транспорт не достигли еще границы самокупаемости.

В брошюре, выпускаемой тов. Рейнгольдом, мы имеем следующие замечания, относительно транспорта:

«Если взять довоенную работу транспорта (1913 г.), то валовой доход всей сети составит 1,175 млн. руб., расход — 695 и чистый доход — 480 млн.; таким образом, коэффициент эксплуатации, т. е. процентное отношение расхода к валовому доходу составляет почти 60%. Расходы на текущий бюджетный год выразятся в цифре около 700 млн. червонных рублей, равно номинально довоенным, между тем как доходы весьма далеки от довоенных (даже номинально». *Л. К.*)

Если принять во внимание, что теперешние доходы транспорта выражены в червонных рублях, то станет ясным, как далеко еще

находится транспорт от границы самокупаемости, несмотря на то, что сейчас он почти бездефицитен; по существу эта бездефицитность покупается лишь огромным понижением заработной платы против довоенного времени и сокращением капитальных затрат: тот же Рейнгольд замечает:

«Заработная плата была очень низка и составляла в среднем 17 червонных рублей на транспорт и 16 — 60 к. по связи. Низкий уровень заработной платы и является одной из причин, почему наш государственный аппарат стоит нам гораздо дешевле, чем дореволюционный аппарат».

Таким образом, повышение валовой выручки долго будет погашаться ростом заработной платы, и транспорт как и промышленность долго еще будут оставаться у границ самокупаемости, а вместе с тем останется необходимость в субсидиях со стороны государства, если не на покрытие дефицитов, то на восстановление и расширение их.

В предстоящем 1924—1925 г. промышленность в целом, как и транспорт, быть может, и не будет иметь дефицита в тесном смысле слова, однако, их доходность останется все же так низка, что она не только ничего не может дать государству, но и не в состоянии своими силами осуществить тот необходимый минимум расширения, который повелительно диктуется социально-политическими условиями; поэтому и в будущем году государство должно будет субсидировать промышленность. По бюджету субсидии намечены в 40 млн. для промышленности и 10 млн. для транспорта, что же касается кредитных дотаций, то их размеры установить трудно, но судя по кредитному плану Госбанка на 1924—1925 г., промышленность должна будет в этом году получить дополнительно к предыдущим кредитам не меньше, чем в предшествующие годы.

И тем не менее промышленность, с величайшим напряжением осуществляет ту минимальную программу расширения, которая диктуется социально-политическими моментами.

Нет никакого сомнения, что при огромных успехах, достигнутых за последние три года национализированной промышленностью и транспортом, государственный бюджет освободился от того нажима с их стороны, который приводил в прошлом к дезорганизации денежной системы. Однако эти успехи далеко еще недостаточны для того, чтобы сколько-нибудь гарантировать бюджет от всяких неожиданностей, и при крупных колебаниях конъюнктуры несколько не исключены дефициты промышленности, которые государство должно будет покрывать за свой счет.

«Оглядываясь теперь назад, — пишет Н. Рейнгольд, — и подводя бюджетные итоги 1922/23 года, можно высказать положение, что мы жертвовали нашей совзначной валютой (и не одной совзначной! *Л. К.*) в интересах хозяйства и в частности промышленности».

Наученные опытом, мы, конечно, будем теперь бережливее относиться к денежной системе: однако финансовое положение промышленности и транспорта все еще не достигло полной устойчивости; поэтому не приходится отрицать, что наличие в государственном хозяйстве национализированной промышленности и транспорта сейчас остается еще одним из самых крупных факторов нарушения бюджетного равновесия, а вместе с тем и равновесия денежной системы. И только с восстановлением промышленности государство может получить в ее резервных фондах резерв для своих экстраординарных доходов, который частью заменит прежний государственный кредит.

Внешние конфликты.

Из всех факторов, способных нарушить равновесие государственного бюджета и денежной системы, первое место, конечно, принадлежит войнам; конкурировать в этом отношении с войнами могут разве только глубокие внутренние потрясения, как великая французская или русская революции.

Насколько способно выдерживать разрушительное действие войны хозяйство и денежная система Советского Союза? Этому вопроса мы коснемся дальше. Здесь же отметим, что при известных условиях война может быть неизбежной и для советского государства.

Государственный кредит и эластичность налоговой системы.

Предшествующее изложение показало, что среди отрицательных факторов равновесия превалирующее значение имеют те, которые влияют на устойчивость государственного бюджета (напряженность налоговой системы, дефицитность государственной промышленности и транспорта, внешние конфликты и т. д.); при этом даже и те отрицательные факторы, которые воздействуют непосредственно на объем товарного обращения (сезонные колебания и хозяйственные кризисы), могут быть достаточно компенсированы при устойчивом положении госбюджета, обеспечивающем свободное маневрирование эмиссионной политики. Таким образом, в конечном счете, все сводится к тому, насколько устойчив и эластичен государственный бюджет. С другой стороны, устойчивость бюджетной системы зависит прежде всего от того, располагает ли она резервными источниками дохода, необходимыми при крупных колебаниях в размерах государственных расходов.

Классическим резервом для госбюджетов обычно являлся или государственный кредит или подоходный налог с подвижными ставками.

Страной государственного кредита является, как известно, Франция, классической же страной подоходного налога всегда была Англия. В то время как Франция покрывала займами даже мирные расходы, Англия все войны XIX столетия (кроме наполеоновской),

вела, главным образом, за счет временного повышения ставок подоходного налога; в то время как Франция вступила в XIX столетии с государственным долгом, равным нулю, а кончила его, имея грандиозную задолженность, Англия, выйдя из периода наполеоновских войн в невиданном по тому времени государственном долгом в 500 миллионов фунтов, в течение всего XIX века не увеличила его ни на одну копейку и даже частью сократила его.

И если Франция всегда придерживалась теории переложения бремени расходов на «будущие поколения» (эта теория нередко фигурирует и на страницах советских газет и журналов), то Англия держалась принципа, который в наиболее удачной формулировке Эдгера гласит:

«Жатва следующего года не может прокормить ни одного солдата, а из всей будущей добычи железа нельзя изготовить ни одного штука».

Мы не имеем возможности останавливаться здесь на социально-экономических причинах этого интересного феномена; мы должны только отметить, что кредит и эластичный подоходный налог были основными методами «восстановления бюджетного равновесия, ибо в тех случаях, когда государство по тем или иным причинам не хотело или не имело возможности использовать тот или другой из этих методов, бюджетная система при первом серьезном толчке теряла свое равновесие, а вместе с тем теряла равновесие и денежная система.

Общезвестным примером этого рода являлась Австрия, а вместе с ней и Россия XVIII и XIX веков.

Что касается Советского Союза, то в настоящих условиях он лишь в очень минимальной степени может использовать эти резервные источники доходов. Наш внутренний кредит по целому ряду трудно-устраняемых причин находится сейчас в зачаточном состоянии. К числу таких причин относятся: национализация крупной промышленности, являвшейся прежде источником крупных накоплений, обнищание страны и отсутствие сбережений у населения; непривычка помещать свои сбережения в займы, которую не удавалось преодолеть ни до войны, ни сейчас и, наконец, отсутствие необходимого доверия к государственному кредиту как раз у тех слоев населения, которые обладают наибольшими сбережениями (закяточные слои деревенской и городской мелкой буржуазии и интеллигенция). При наличии этих условий наш внутренний государственный кредит носит характер или краткосрочного учета предстоящих налоговых доходов (хлебные займы), или же характер принудительных займов, которые очень недалеки от обыкновенных налогов, что, между прочим, само по себе показывает зачаточное состояние кредита.

В статье, посвященной «Нашей государственной кредитной системе», Д. Лоевский совершенно правильно замечает¹⁾.

¹⁾ См. сборник «Финансы и денежное обращение в современной России».

Наверно ни кто-нибудь станет серьезно утверждать, что принудительный заем может быть предпочтен добровольному займу. Но в том-то и дело, что вопрос о принудительном займе возникает лишь тогда, когда размещение займа в добровольном порядке представляется совершенно невозможным. Приходит ли таким образом «выбирать» не между добровольным и принудительным займом, а между последним и налогом.¹

Что касается методов размещения принудительных займов, то они, по существу, ничем не отличаются от методов сбора налогов».

Если даже советскому государству и удастся через известный период времени привлечь в широком масштабе мелкие сбережения, если когда-нибудь «советская рента» и будет играть такую же роль, какую в буржуазной Франции играет знаменитая французская рента, то это будет во всяком случае не скоро, так как для этого потребуется много усилий и времени и предварительное радикальное изменение психологии мелкобуржуазных масс; таким образом, на ближайший период, когда потребность в кредите особенно велика, об его использовании в сколько-нибудь значительных размерах не приходится думать.

Что касается иностранных займов, то при современном состоянии международного кредита (недостаток капиталов в Европе, нежелание «рисковать» ими — в Америке, высота среднего процента и т. д.) и при отношении капиталистических стран к Советской Республике размеры его едва ли могут быть значительны; кроме того — что чрезвычайно существенно — этот резервный источник полностью отпадает в моменты международных конфликтов, т. е. как раз тогда, когда он будет наиболее необходим для равновесия бюджета.

Переходя к другому важнейшему резерву государственного бюджета — подоходному налогу, приходится констатировать, что при данном положении дела и этот резерв у нас отсутствует. В Англии подоходный налог играет в этом отношении выдающуюся роль только потому, что он падает только на состоятельные группы капиталистического общества. Здесь плательщики подоходного налога в нормальное время облагаются сравнительно невысокими ставками, и это дает возможность в критический момент повысить ставки в 2—3 раза и получить сразу огромные дополнительные ресурсы.

В условиях Советского Союза, где крупная промышленность национализирована и частные доходы расплывлены в руках десятков миллионов мелких собственников, где обложение частных доходов и в нормальное время достигает почти максимального напряжения, — в этих условиях налоговую систему можно характеризовать как крайне не эластичную: здесь повышение налоговых ставок к моменту кризиса наталкивается на огромные препятствия и может дать относительно небольшие результаты.

Поступательное движение народного хозяйства.

С подъемом народного хозяйства и повышением общей суммы народного дохода податное бремя автоматически делается более легким, и государству дается возможность безболезненно повысить налоговые доходы: одновременно с этим уменьшается дефицитность промышленности и транспорта; поэтому поступательное движение народного хозяйства имеет решающее значение для равновесия государственного бюджета.

Поскольку хозяйству Советского Союза после периода тяжелой деградации сейчас вступило в период своего восстановления, наш государственный бюджет получает возможность полностью использовать все выгодное действие этого фактора. Резко сократившаяся посевная площадь непрерывно растет, разрушенная промышленность начинает быстро восстанавливаться, денежная система перестала быть дезорганизуемой силой; и если не брать отдельные моменты и смотреть на процесс хозяйственного развития в его целом, то все народное хозяйство в целом похоже на выздоравливающего больного, чувствующего приток сил.

Колоссальное значение для быстрого восстановления народного хозяйства также имеет аннумирование огромной задолженности иностранному капиталу, что приведет к относительному ускорению процессов внутреннего накопления.

Таким образом, если на Советский Союз не обрушатся тяжелые испытания в виде ряда голодных годов или войны, бюджет, а тем самым и денежная система получат в росте народного хозяйства mogućую опору.

Денатурализация народного хозяйства.

После продолжительного распада денежной системы и глубокой натурализации хозяйственных отношений Советский Союз вступил сейчас в период денатурализации хозяйства и роста денежного обращения; тем самым сейчас имеется налицо положительный фактор, которого не было раньше. Рост денежного обращения в известной мере компенсирует отрицательное действие сезонных колебаний, о которых говорилось выше, и становится источником для безболезненного получения дополнительных доходов. Однако опыт целого года показал, что действие этого положительного фактора не следует переоценивать. В первой части работы мы уже видели, что даже зимой 1923/1924 г., когда твердая червонная валюта, появившись впервые, жадно всасывалась оборотом, когда имелся значительный экономический подъем (рост промышленности, приличный урожай и т. д.), — даже и тогда процесс внедрения червонцев в оборот отличался крайней медленностью. Этот медленный темп расширения сферы денежного обращения характеризуется следующей таблицей¹⁾:

¹⁾ См. «Экономический Вестник», Кооперативный Институт, 1924 г., № 1, Стр. 15, № 2, Стр. 19.

М Е С Я Ц.	Количество черв. руб. в обороте (миллионы).	Ценность червон. массы по индексу Конъюнктурного Института.
Ноябрь.....	224,7	139,6
Декабрь.....	226,0	139,9
Январь 24 г.....	237,1	143,0
Февраль 1-го.....	259,6	139,9
" 21-го.....	267,2	138,1

Таким образом, начиная с ноября, реальная ценность червонной массы перестает расти, поскольку же дальнейшие эмиссии не прекращаются, наступает пресыщение оборота и обесценение червонной массы.

В дальнейшем, с началом денежной реформы, характер нарастания денежной массы затемняется бурным расширением мелкокупюрного обращения, которое получилось в результате замены стихорядочно обращававшегося совзнака устойчивым казначейским билетом. Однако, если оставить в стороне это явление и судить о расширении денежного обращения по эволюции крупно-купюрной червонной валюты, то мы увидим здесь прежнюю стационарность.

За период с 1-го марта по 1-е июня, в течение которого мелкокупюрная казначейская валюта только заполняла образовавшуюся после совзнака пустоту («разменный кризис») и не проникала еще в сферу крупно-купюрного обращения, размеры крупно-купюрной валюты (червонцев и платежных обязательств центрокассы), определялись следующими цифрами:

С Р О К И.	Червонцы.		Плат. обязательства.		ИТОГО.
	Колич. в милл. ч. руб.	Ценность по индексу К. И.	Колич. в милл. ч. руб.	Ценность по индексу К. И.	
1-го марта.....	287	141,5	81,6	40,2	181,7
1-го апреля.....	294,5	142,2	50,6	24,4	166,6
1-го мая.....	301,4	141,4	49,0	22,9	164,3
1-го июня.....	286,6	143,9	44,6	22,4	166,3

Сравнение этой таблицы с предшествующей показывает, что за 7 месяцев с ноября по июнь ценность червонной массы почти не изменилась; что же касается периода с 1-го марта по 1-е июня, то общая ценность обоих видов в крупно-купюрной валюте даже определенно снизилась.

Эти цифры показывают, что процесс внедрения крупно-купюрной червонной валюты в оборот мог только с трудом компенсировать обычное после осеннее сокращение необходимой денежной массы, но не дал никакого абсолютного увеличения ее размеров. Кроме того, из этих же цифр можно сделать заключение, что темп этого процесса на протяжении периода ноябрь—июль не повышался, а понижался, ибо весенние месяцы были первыми месяцами денежной реформы, а также периодом решительной товарной интервенции и других решительных мероприятий, направленных на снижение цен и повышение ценности червонца.

Итак, опыт 8-месячного периода, с ноября 1923 г. по июль 1924 г., когда обстоятельства крайне благоприятствовали общему расширению объема червонного обращения, показывает, что это расширение идет крайне медленно и—что, быть может, еще существенней—идет замедляющимся темпом.

Нет никакого сомнения, что за последующий период август—октябрь 1924 г. мы будем иметь новое бурное расширение денежной массы; тем не менее это предстоящее расширение не находится ни в каком противоречии с только что сказанным, ибо действительный объем денежного обращения будет характеризоваться цифрами не сентября—октября, а декабря—февраля.

Однако, если даже перспективы дальнейшего расширения денежной массы и не так уж радужны, как их принято считать, все же это расширение будет источником дополнительных доходов и сыграет известную роль в деле поддержания бюджетного равновесия.

Социально-политические условия.

В борьбе за устойчивость бюджета играют роль не только одни экономические условия. Вопрос о том, как далеко может пойти государство в повышении налогов, решается—в особенности, по отношению к деревне—также и рядом моментов социально-политического характера; в зависимости от этих моментов пределы налогового обложения могут быть весьма различны даже и при совершенно одинаковых экономических условиях.

Что касается Советского Союза, то здесь политическая обстановка сложилась в высшей степени благоприятно. Государственная власть, опирающаяся на пролетариат и крестьянство и давшая крестьянам землю, оказалась, как подтверждено опытом, настолько авторитетна, ее социально-политические задачи настолько близки и понятны широким массам, что пределы возможного в области

налогов оказались широко раздвинуты в сравнении с прошлым; для нас оказалось возможным то, что было не по плечу ни одному прежнему государству—замена косвенного обложения деревни прямым, сначала в виде универсальной продразверстки, а затем в виде единого сельскохозяйственного налога, хотя для этого необходимо было преодолеть вековые предрассудки плательщиков, привыкших платить в замаскированной форме.

С проведением денежной реформы психологическая обстановка еще более улучшается, ибо, как показал опыт всех стран, переживших катастрофу денежной системы (Германия и др.), население, избавившись от падающей валюты, готово идти на большие жертвы для того, чтобы удержать твердую валюту. При таких условиях открывается полная возможность дальнейшего повышения обложения: несмотря на то, что привычные измерители показывают как будто, что все пределы обложения давно переилены.

Нельзя при этом не отметить того фактора, что абсолютные размеры налогового бремени у нас, как мы видели выше, крайне ничтожны, не достигая 10% национального дохода.

Нет необходимости пояснять, что относительная тяжесть налогов не только не понижалась, но даже повысилась, и что население, потерявшему 40% своего дохода, трудней сейчас платить 500—600 млн., чем раньше—2 миллиарда. Но тем не менее, если учесть, что государственная власть опирается на иные социальные группы, что народное благосостояние повышается и мы переняли от мороженого картофеля к настоящему черному—и даже белому—хлебу и от падающего совпака к серебряному, гривенику и червонцу,—если учесть все это, то нельзя будет не признать, что социально-психологические предпосылки для повышения налогов в сравнении с прежним значительно улучшились.

В настоящее время государственная власть не хочет повышать налогового бремени, стремясь свести концы с концами при тех 1.150 миллионах червонных рублей, которые она получает в виде налогов, но если ход вещей докажет, что для сохранения устойчивости денежной системы необходимо некоторое повышение налогов, она имеет возможность сделать это, опираясь на указанные предпосылки.

4. Факторы, влияющие на скорость обращения денег.

Опыт последних 10 лет, начиная с 1914 года, и особенно явления последних месяцев перед денежной реформой и первых месяцев после нее достаточно показали, какое решающее влияние на состояние денежной системы могут оказывать изменения в скорости обращения денег. На первый взгляд кажется, что мы совершенно не можем учесть влияния этого момента; изменения в скорости обращения денег происходят в известной связи с изменениями в психологии населения, а так как психология—вещь очень зыбкая, то мы как бы

оказываемся перед лицом таких факторов, которые не поддаются никакому учету.

Обыватель, от умонастроения которого зависит, как некоторые думают, скорость обращения, а вместе с тем и ценность бумажных денег, очень расположен к испугу; поэтому миллионы обывателей, шаркнувшись, как стадо баранов, по какому-нибудь пустяку, могут вызвать настоящее потрясение денежной системы и переиграть все расчеты...

На такой приблизительно точке зрения стоят очень многие весьма почтенные экономисты, исповедующие психологическую теорию ценности. Один из них, А. А. Соколов, на страницах советского журнала «Социалистическое Хозяйство» (№ 1), пропагандирует психологическую теорию:

«Психологический фактор незримо присутствует в формуле количественной теории денег, проникая в нее, во-первых, через понятие скорости обращения, которое может то усиливаться, то ослабевать под влиянием психологических моментов, во-вторых, через понятие размера товарного оборота, который может то сжиматься (?), то расширяться (?) под влиянием причин психологического характера.

Однако внесение психологического момента в уравнение обмена, несомненно, извращает идею количественной теории, так как лишает ее объективно-механического (?) характера и придает ей мало согласующийся с точностью математических формул субъективно-психологический характер».

...Если допустить, что при неизменности объективных факторов обмена (количества денег и размеров товарного оборота) цены могут вдруг (?) измениться под влиянием чисто психологических причин, она (количественная теория) уже перестает быть такой опорой для предвидения изменений в уровне цен» (курсив всюду мой. Д. К.).

Если бы все это не было одной «субъективно-психологической» метафизикой, ценность бумажных денег находилась бы в состоянии перманентной лихорадки, отражающей состояние зыбкой психологии мешанских масс.

Однако, на наше счастье, непосредственный опыт установил, что вечные страхи мешанина не находят никакого отражения—ни прямо, ни через увеличение скорости обращения—на ценности денег, и мы совершенно спокойно можем смотреть на то, как «вдруг» меняется настроение обывателя, зная отлично, что от этого «вдруг» с денежной системой решительно ничего не может приключиться. На наше счастье, теория и практика денежного обращения знают один—и только один—случай, когда психология приобретает как будто известное значение: это случается тогда, когда под влия-

и нем изменения в объективных факторах (количестве денег и размера товарного оборота) происходит длительное и в то же время резкое обесценение бумажных денег. Только в этих случаях, несущих уже катастрофический характер, миллионы населения, постепенно осознав факт давно происходящего обесценения денег, начинают избегать иметь дело с деньгами. Догадавшись, наконец, что рубль, который он держит в руках, непрерывно теряет свою покупательную силу, обыватель начинает спешить с превращением своих денег в товары.

Однако «психология» имеет здесь по существу совершенно подчиненное, служебное значение. Вместе с последователями австрийской и американской школы мы, конечно, знаем, что в человеческом обществе, которое состоит не из автоматов, все делается через сознание «хозяйствующих субъектов». «Психологический факт незримо присутствует» и тогда, когда обыватель покупает себе штаны или папиросы, выбирая при этом себе сорт по своему карману, и тогда, когда он помещает свои сбережения в «твердые» доллары и фунты, а не падающие франки, марки, совзнаки и т. д.; точно так же, порядочно поразмыслив и обладая здоровой сметкой, обыватель может предпочесть держать у себя на руках не быстро падающие деньги, а более твердые, хотя и очень неудобные товары, вызывая этим «бегство от денег», натурализацию обмена и ускорение процесса обесценения бумажных денег. Однако, как ценность различных сортов папирос (или штанов), так и степень устойчивости доллара, марки и совзнака, равно и быстрый темп падения бумажных денег являются для хозяйствующего субъекта объективным фактом, созданным вне его стоящими силами.—Фактом, из которого он только исходит в своем ежедневном поведении. Эти объективно данные условия и определяют во всех случаях поведение хозяйствующего субъекта—как тогда, когда он покупает себе штаны, так и тогда, когда он намечает линию своей «финансовой политики».

Как известно, при незначительном темпе обесценения бумажных денег население продолжает даже копить их, при более значительном темпе оно прекращает накопление, но не спешит еще превратить свою месячную получку в товары, ибо такое превращение связано с целым рядом потерь и неудобств; при дальнейшем повышении темпа население игнорирует эти неудобства и потери и держит в кармане лишь ничтожный запас денег, и, наконец, при бурном темпе обесценения хозяйствующий субъект каждый раз бежит на рынок, чтобы в тот же день или даже час превратить полученные им деньги в реальные ценности.

Таким образом, даже и в этом единственном случае «субъективно-психологические» моменты по существу не имеют никакого самостоятельного значения и играют здесь, как и во всех рыночных процессах, обычную роль передаточного колеса; все дело сводится к чисто объективному факту—данному темпу обесценения

денег, а тем самым мы получаем возможность установить определенную закономерность явления и предусмотреть его размеры.

Посмотрим, что говорит по этому поводу почти 10-летний опыт с августа 1914 г. по февраль 1924 года. В 1914—1916 г.г., когда темп обесценения денег и рост цен не превышал в первой половине этого периода 40% за год, а во второй половине—100 процентов, в это время не прекращался даже процесс накопления бумажных денег; это объясняется, с одной стороны, тем, что в таких условиях не только миллионы крестьян, но и ученые экономисты рассматривают рост цен, как проходящее явление, вызванное тем или иным случаем по подвернувшимся обстоятельствам; достаточно известен факт, что, несмотря на непрерывное обесценение денег и рост цен, население в течение целых двух лет (1914—1916 г.г.) как бы не замечало происходящего процесса; в течение двух лет ученые экономисты «изучают» и не могут изучить «причины современной дороговизны», а многомиллионное население деревни продолжает спокойно накапливать бумажки, потерявшие постепенно более половины своей ценности.

Отмеченное явление характерно для первого периода обесценения не только старых валют, как прежний кредитный рубль, но и для таких новых валют, как червонец. Как мы видели из предыдущей статьи, в течение летних месяцев с мая по август 1923 года имело место резкое обесценение червонца. По индексу Конъюнктурного Института покупательная сила червонца за указанный промежуток времени изменялась следующим образом:

	Покупат. сила червонца.	Снижение за м-ц в %/о.
1-го мая	8,72	—18
1-го июня	7,13	—11
1-го августа	5,42	—14

А за три месяца снижение ценности составило целых 39%. Таким образом, темп обесценения червонца в несколько раз превысил темп обесценения кредитного рубля в первый год войны, и значительно превосходил темп этого обесценения даже на втором году войны. (См. таблицу на стр. 193).

Однако, несмотря на высоту темпа обесценения, несмотря на то, что червонец был совсем новой валютой и население, наученное прежним горьким опытом, подозрительно относилось ко всяким колебаниям его ценности,—несмотря на все это, население

в общем и целом не воспринимало указанное снижение ценности, как что-либо катастрофическое: наоборот, как показывает длительная дискуссия между экономистами, имевшая место осенью 1923 г. (см. первую статью в № 7 «Вестника»), даже вооруженные наблюдатели долго спорили о сущности происходящего процесса: совершенно так же, как они спорили в 1914—1916 г.г.

Еще менее заметно прошло зимнее снижение покупательной силы червонца в зимние месяцы 1923/1924 г.: покупательная сила червонца зимой 1923/1924 г. изменялась следующим темпом по таблице Конъюнктурного Института:

	Покупат. сила червонца.	Снижение за м-ц в %/о.
На 1-е декабря	6,19	—8
„ 1-е января	5,71	—6
„ 1-е февраля	5,39	
„ 21-е февраля	5,15	—4

А всего за неполных три месяца червонец снизился на 17%. Сравнение этой таблицы с последней таблицей показывает, что темп снижения червонца в среднем был близок к темпу снижения кредитного рубля в 1916 г. и тем не менее это не только не вызвало никакого «бегства от червонца», но, наоборот, он в этот период становится все более средством накопления: что же касается экономистов, то они и здесь по обыкновению занимались «изучением причин современной дороговизны» (см. первую статью в № 7).

Необходимо, однако, заметить, что причиной непонятного катастрофизма, которое население проявило как в 1914—1916 г.г., так и в 1923 г., было не одно только непонимание происходящего: поскольку у населения оставалась потребность в накоплении, накопление же в форме товарных запасов сопряжено с целым рядом невыгод (порча при хранении товаров, расходы по перевозке с рынка на рынок, потери на ценах и т. д.), население легко мирилось с некоторыми потерями на курсе бумажных денег: это тем более понятно, что в подавляющем большинстве случаев и в городе и в деревне деньги откладываются не на годы, а на месяцы, чаще всего на немногие месяцы, так что при медленном темпе обесценения денег потеря на их курсе часто значительно ниже потерь от натурального накопления. Поэтому медленный темп обесценения денег, влияя на размер длительного накопления,

может остаться без всякого влияния на те виды накопления, которые имеют преобладающее значение как в городе, так и в деревне.

Возвращаясь к последующей истории кредитного рубля, мы можем констатировать, что еще в первые 4 месяца 1917 г., когда общий уровень цен повысился уже в 3 раза, бумажный рубль продолжал еще попрежнему служить средством накопления.

Только во второй половине 1917 г., когда кредитный рубль обесценился в 4—6 и более раз, когда обесценение получило катастрофический характер, достигая 38—50 процентов в месяц, когда началось катастрофическое свертывание промышленности—только тогда прекращается накопление бумажных денег, но и то с большой постепенностью. Следующая таблица¹⁾ показывает с какой медленностью сокращалась ценность общей денежной массы, несмотря на развал народного хозяйства и глубочайшие социально-политические потрясения, от которых у всей многомиллионной мелочной массы, что называется, душа в пятки ушла.

СРОКИ.	1916 год.			1917 год.			1918 год.		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Январь . . .	1,43	+9,1	3,930	2,94	+5,4	3,129	20,8	+29,8	1,344
Февраль . . .	1,55	+0,6	3,684	3,10	+1,6	3,654	27,0	+22,4	1,083
Март	1,57	+3,8	3,758	3,15	+6,4	3,746	33,0	+30,9	927
Апрель . . .	1,63	+4,9	3,730	3,35	+13,4	3,731	43,2	+33,0	781
Май	1,71	+4,7	3,632	3,80	+18,4	3,447	57,5	+22,9	658
Июнь	1,79	+8,9	3,564	4,50	+28,0	3,067	70,6	+25,4	571
Июль	1,95	+8,2	3,400	5,76	+13,7	2,569	88,6	+14,2	486
Август	2,11	+2,8	3,261	6,55	+3,8	2,412	101,0	—7,4	454
Сентябрь . .	2,17	+8,3	3,281	6,80	+8,8	2,573	93,5	0,0	515
Октябрь . . .	2,35	+9,4	3,230	7,40	+37,8	2,622	93,5	+15,0	543
Ноябрь	2,57	+7,0	3,144	10,20	+51,4	2,196	107,5	+25,6	500
Декабрь . . .	2,75	+6,9	3,156	15,45	+34,4	1,618	135,0	—21,5	420

¹⁾ См. „Народное и гос. хозяйство“, изд. Наркомфина, стр. 562—567.

Цифры рубрики I обозначают здесь всероссийский индекс статистики труда в начале месяца, принимая уровень цен 1913 г. за единицу; рубрика II показывает месячный прирост или снижение индекса цен; рубрика III—реальную ценность денежной массы, нечисленно по всероссийскому индексу.

Таблица показывает, что реальная ценность денежной массы в марте—апреле 1917 г. стоит на максимальном уровне, превышающем в полтора раза ценность денежной массы перед войной (2,4 миллиарда), т. е. несмотря на обесценение рубля в 3,3 раза и на темп роста цен в 92% за год (темп 1916 года), сумма накопленных не снижается, скорость обращения остальной массы не повышается. Начиная с мая—июня, в связи с резким сокращением производства (период революционного митингования) начинается сжатие товарного оборота, к которому присоединяется невиданное напряжение эмиссии¹⁾, заменившей кредит и налоги; эти чисто объективные условия создают повышение темпа обесценения денег, который достигает в июне 28%, в октябре 38%, а в ноябре—51%. И однако, несмотря на катастрофу цен, начинающуюся уже в июне 1917 года, реальная ценность денежной массы снижается лишь с большой постепенностью: даже в ноябре 1917 года она равна приблизительно ценности нормального довоенного времени (2,4 миллиарда на всю территорию, включая и Польшу); при чем в этом снижении преобладающую роль, несомненно, играл резко прогрессирующий распад хозяйства, с одной стороны, и прекращение дальнейшего накопления в деревне—с другой: деревня, зажав в кубышки старые деньги, не расширяет своих накоплений в соответствии с их обесценением; поэтому старые ее накопления, обесцененные за 1917 г. в 3 раза, постепенно перестают играть значение в общей денежной массе.

Что же касается скорости обращения денег в тесном смысле слова, о котором мы говорили сейчас, то о нем в 1917 г. нет еще и речи,—об этом говорят самая постепенность и относительная медленность процесса снижения ценности денежной массы, параллельная и гармонирующая с падением производства и прекращением накопления.

Приведенная таблица с полной очевидностью говорит, что мы в данном случае имеем дело с действием чисто объективных факторов, действующих «с точностью математических формул», а не с действием субъективно-психологических моментов, которые могут «вдруг измениться под влиянием чисто психологических причин».

Трудно представить себе более благоприятную обстановку для проявления мещанской трусости, для всякого рода субъективно-психологических «вдруг», чем обстановка 1917 года, с его хозяйственным развалом и невиданными социальными потрясениями, в

¹⁾ См. таблицы того же сборника. Стр. 564.

тем не менее вся история денежного обращения ни в чем не отражает влияния моментов этого рода.

Нелишне будет напомнить здесь, что в течение 1917 г. силы современного классового общества по очереди работали над тем, чтобы подорвать «доверие» к бумажным деньгам и использовать для этого «психологию» мещански настроенных масс.

С мая до октября над этим систематически работают партии, идущие к захвату власти и стремящиеся всеми средствами подорвать материальную опору прежней власти; с октября же над этим начинают работать те, кто только что потерял власть.

В своем сборнике «Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства» С. А. Фалькнер отмечает эту перемену фронта классов, потерявшими власть:

«В течение долгого времени после начала войны влияние эмиссии на народное хозяйство вообще отрицалось. Позже официальные финансисты стали горячо поддерживать кредитную природу наших бумажек и преходящий характер обесценения.

Начавшаяся революция скоро вызвала решительный переворот в умонастроении буржуазных финансистов. Место защитной схемы—кредитной теории—заняла обвинительная схема—теория краха. Предсказания неизбежности крушения нашей бумажно-денежной системы сделались массовыми и были признаны представителями буржуазной экономии едва ли не единогласно.

Теперь дискутируются программы нуллификации денег. Больше того, выдвигается ряд проектов, вдохновляемых желанием ускорить самопроизвольный процесс разрушения бумажной валюты и приблизить предсказываемый крах» (стр. 42).

При таких условиях приходится удивляться не тому, что во вторую половину 1917 г. крестьяне перестали пополнять свои кубышки, не тому, что за 8 месяцев реальная ценность денежной массы снизилась вдвое, а тому, что эта масса по своим размерам близка к довоенным нормам и что скорость обращения в настоящем смысле этого слова не претерпела сколько-нибудь заметного изменения.

В конце 1917 г. и в первой половине 1918 г., когда установился средний «нормальный» темп обесценения в 25—30% за месяц, деревня переходит к натуральному обмену, что объясняется не какими-либо непонятными зигзагами субъективной психологии, а тем чисто объективным фактом, что при медленном темпе обращения денег в деревне потери держателей денег были настолько велики, что уже превышали невыгоды натурального товарообмена.

Одновременно с этим происходит ускорение обращения денег в городах,—то, что потом получило название «бегства от денег». Однако это ускорение развивается лишь постепенно и получает

катастрофический характер лишь в 1919—1921 годах под влиянием ордерной системы распределения и невиданного голода и особенно в 1923 году в связи с вытеснением совзнака червонцем. В основе этого ускорения точно так же, как и в основе перехода деревни к натуральным формам обмена, лежал опять-таки чисто объективный факт—дальнейшее повышение темпа обесценения денег: городской обыватель стремится сбыть деньги с рук тогда и постольку, когда и поскольку простой подсчет показывает ему, что потери от держания денег начинают превышать невыгоды немедленного превращения их в товары.

Эта поучительная страница из истории бумажных денег дает основание сделать следующие выводы:

1. Ускорение обращения бумажных денег есть явление производное и находится в прямой зависимости и от темпа роста цен и обесценения денег.

2. Это ускорение может иметь место и оказывать влияние на объем денежной массы,—а тем самым и влиять на темп их обесценения,—лишь в том случае, когда исходный темп роста и обесценения достигает значительной высоты; как показывает опыт 1917—1918 гг. эта высота определяется примерно в 20—25 процентов за один месяц; такой темп обесценения вызывает также переход деревни к натуральному обмену.

Что касается абсолютных размеров обесценения бумажных денег, то эти размеры сами по себе, вне зависимости от темпа обесценения, не оказывают заметного влияния на поведение держателей денег¹⁾.

При медленном темпе обесценения в 7—8 процентов за месяц никакого повышения в скорости обращения бумажных денег не происходит, и деньги продолжают даже служить орудием накопления,—это накопление происходит, несмотря на то, что абсолютно цены повышаются и деньги обесцениваются в 2—3 и более раз.

Эти выводы в свою очередь дают возможность с уверенностью сказать, что изменение в скорости обращения бумажных денег в наших условиях не может превратиться в фактор колебания их ценности.

Если исключить пока возможность войны, то, как увидим дальше, самое худшее, что может угрожать нашей валюте,—это очень медленное падение, не превышающее 20—25 процентов в течение года; это такой темп, который в два раза ниже темпа обесценения кредитного рубля в 1915 году и который дает право говорить не о падении, а о сползании ценности денег. Такой темп не только не может превратить деньги в горячие угли

1) За 1922 год «лимона», как ходовая единица, быстро выродилась в «лимонарды», но это само по себе несколько не беспокоило население; прирост лишних нулей гораздо больше приводил в трепет экономистов от психологии, чем простых обывателей.

и вызвать «бегство от денег», но даже может легко уживаться с процессом дальнейшего накопления их как в городе, так и в деревне. Бегство от денег, являющееся принадлежностью эпохи таких катастроф, как разрушительная война или революция, при настоящих условиях останется далеко позади, и если не считаться с возможностью крупной войны, оно может быть исключено из числа факторов нарушения равновесия денежной системы.

5. Пределы возможных колебаний ценности денег.

Сделанный анализ показывает, что ближайшие годы будут периодом борьбы за удержание результатов, достигнутых денежной реформой. В этой борьбе отрицательными факторами будут, как мы видели: во-первых, сезонные колебания и хозяйственные кризисы, вызывающие изменения в самом объеме товарного оборота; далее,—дефицитность промышленности и транспорта, отсутствие государственного кредита и эластичной налоговой системы, которые могут способствовать росту денежной массы. Не исключена также и возможность военных конфликтов. Что же касается возможных колебаний в скорости обращения денег, то при сколько-нибудь нормальных условиях опасаться влияния этого фактора нет никаких оснований.

Среди факторов, благоприятствующих удержанию равновесия денежной системы, выделяются, в первую очередь, прогрессирующий подъем народного хозяйства, пережившего тяжелые годы развала, дальнейшее расширение сферы денежного обращения, связанное с денатурализацией хозяйства, и особые социально-политические условия, благоприятствующие возможности повышения, в случае необходимости налоговых источников дохода.

Кроме того, как методы поддержания бюджетного равновесия возможно применение системы принудительных займов и временное использование производственных фондов национализированной промышленности¹⁾.

Взвесить заранее соотношение этих противоположно действующих факторов и установить направление их равнодействующей, разумеется, не представляется возможным. Опираясь на опыт прошлого, можно только сказать, что народное хозяйство, регулируемое советским государством, и в будущем проявит, несомненно, ту жизнеспособность, которой оно отличалось в предыдущем; несмотря на всю трудность положения, оно в будущем не один раз удивит пессимистов своей жизнеспособностью.

1) Как известно, в период 1919—1921 гг. государство не только не субсидировало национализированную промышленность, но, наоборот, в значительной степени даже жило за ее счет, несмотря на то, что это вело к разбазариванию производственных фондов; такое разбазаривание в будущем, конечно, не должно иметь место, однако же временное позаймствование из промышленных фондов вполне возможно; такое позаймствование сделается даже неизбежным, если республике будет навязана война.

Что в худшем случае может угрожать денежной системе? Многим по аналогии с недавним прошлым кажется, что, если при неблагоприятном стечении обстоятельств произойдет сколько-нибудь значительное падение курса (внешнего) и обесценение червонца (внутреннее), то новая валюта повторит историю старого советского рубля. Эти пессимистические прогнозы широко распространены, главным образом, потому, что до сих пор не изжиты предрассудки наивной психологической теории ценности денег.

Те, кто основной ценности червонца считают золотое обеспечение Госбанка и «доверие» к нему со стороны миллионов обывателей, иностранных биржевиков и собственной черной биржи, те, естественно, уверены, что первое же снижение курса червонца, подорвав это «доверие», поведет автоматически к новому крушению валюты.

В действительности же устойчивость червонной валюты, как и пределы возможных ее колебаний, определяется, как мы видели, вполне объективными факторами, которые поддаются достаточно точному учету: колебаниями в размерах товарного оборота, изменениями в размерах бумажно-денежной массы, а также изменениями в скорости обращения бумажных денег. Эти—и только эти—три фактора могут иметь значение для денежной системы. Объективный же анализ этих трех факторов, сделанный нами в предыдущем, показывает, что пределы возможных колебаний нашей валюты очень ограничены.

Изменения в размерах товарной массы, происходящие под влиянием послевоенного сжатия оборота и хозяйственных кризисов, несомненно, могут приводить к снижению ценности червонца, но пределы этого снижения так же ограничены, как и эти колебания товарного оборота. Изменения в размерах денежной массы, которые могут произойти под влиянием бюджетных дефицитов, точно так же не могут быть сколько-нибудь значительны. Государство, пережившее катастрофу денежной системы и на опыте познавшее ее влияние на народное и государственное хозяйство, уже не допустит без самой крайней необходимости (война) крупных дефицитов. Тем более, что оно для этого имеет возможность использовать те благоприятные социально-политические условия, о которых говорилось выше.

Даже наличие дефицитной государственной промышленности при таких условиях не может толкнуть государство на путь эмиссий, ибо метод финансирования промышленности за счет явного и сознательного обесценения денег, несомненно, изжил себя: теперь уже никому не придет в голову, что восстановление промышленности можно форсировать через разрушение денежной системы.

Поэтому использование эмиссий в большом масштабе для покрытия дефицитов и для финансирования промышленности надо считать исключенным. Такие эмиссии возможны лишь постольку, поскольку органы финансовой политики ошибочно переоценивают

возможности здоровой эмиссии, поглощаемой ростом народного хозяйства, но такие ошибки могут иметь очень ограниченное значение.

Если исключить пока из поля зрения возможность войны и повторные неурожаи, то в худшем случае дело может идти о дефицитах в 100—200 миллионов в год. Такая эмиссия представляла огромную опасность 2—3 года назад, когда все денежное обращение было сведено к 100 миллионам, а временами снижалось до 30—40 миллионов. В настоящее время, когда размеры обращения выражаются цифрой почти в 700 милл. червонных рублей, положение радикально изменилось: при такой широкой базе эмиссия (сверх минимума обращения) в 100—200 миллионов в год, в худшем случае, если процесс денатурализации не поглотит ни одного миллиона,—что совершенно неубойно,—поведет к повышению общего уровня цен, максимум, на 20 процентов в год. Если же учесть, что денатурализация хозяйства при всей ее медленности всегда сможет безболезненно переварить часть добавочной денежной массы, то возможные пределы колебаний в ценности денег окажутся еще более скромными.

Расширение объема денежной массы подвело под денежную систему прочный фундамент и во много раз увеличило ее устойчивость; эмиссия в 200 миллионов, приводившая прежде в сотрясение все здание системы, теперь будет вызывать незначительные колебания, заметные лишь для вооруженного глаза.

Однако, если объективный анализ дает возможность отбросить всякий излишний пессимизм по отношению к будущему денежной системы, то этот же анализ показывает, что известные колебания в области денежного обращения несколько не исключены. Если ни о каких потрясениях, сколько-нибудь напоминающих явления 1923 и даже предшествующих ему лет, теперь не может быть речи, то все же необходимо считаться с возможностью медленного время от времени «сползания» бумажной валюты.

Особенно большое влияние в этом направлении могут оказать повторные неурожаи. При том значении, которое имеет для нашей экономики состояние сельского хозяйства, повторение неурожайных лет может нанести серьезные удары даже самому устойчивому бюджету и самой устойчивой денежной системе; еще большими затруднениями они угрожают нашему неокрепшему еще народному и государственному хозяйству.

Положение бюджета и денежной системы особенно будет затруднительно в случае международных осложнений в виду отсутствия сейчас таких классических резервных источников, как развитый государственный кредит или эластичная налоговая система.

От этих возможных затруднений не приходится отмахиваться ненужными успокоительными рассуждениями. В официальных докладах нарочный комиссар финансов не один раз подчеркивал, что Советской Республике предстоит не безмятежное житие и что она

остается и будет оставаться похожей на военный лагерь, готовый ко всяким случайностям:

«Мы должны сохранить походный порядок для нашей жизни. Мы не знаем, перед какими задачами мы можем быть поставлены в любой момент международной обстановкой. Это значит, что мы должны сохранить полностью свою маневренную способность и если бы потребовалось построиться в боевой порядок, то наша организация должна быть настолько гибкой, чтобы это могло быть сделано»¹⁾.

При таком положении дел в области как экономики, так и внешних политических отношений денежная система, несомненно, не может быть вполне гарантирована от тех или иных колебаний.

Какое влияние такие колебания могут оказывать на государственный бюджет и народное хозяйство в условиях Советской Республики? Такой вопрос является далеко не праздным, если иметь в виду, что по сравнению с довоенным временем наша страна испытала глубочайшие экономические и социальные изменения, — в особенности же то, что от стихийных рыночных отношений она перешла к государственному регулированию народного хозяйства.

Не может быть сомнения, что колебания в ценности денег, произошедшие в прежних условиях к одним результатам, могут дать значительно иные результаты в новых условиях. В каком направлении и в каких формах может проявиться это влияние новой социально-экономической среды? В дальнейшем мы попытаемся дать ответ на этот вопрос. Учитывая основные изменения, происшедшие в области экономики и социальных отношений, мы попробуем выяснить, к чему при наличии таких изменений должны привести случаи невольного использования денежной системы со стороны государства и те колебания в ценности денег, которые могут быть вызваны таким использованием.

В своем анализе мы будем вначале исходить из наличия единой бумажной валюты.

II. Колебания единой бумажно-денежной валюты в новых условиях.

В прежних условиях бумажное обращение могло дать государству в нужный момент колоссальные добавочные ресурсы. Среди экономистов сложилось даже всеобщее убеждение, что ни налоговая, ни кредитная система не могут дать столько, сколько использование бумажных денег. Так, например, С. А. Фалькнер категорически заявляет, что «метод эмиссии является самым мощным и эффективным среди всех финансовых методов капитализма»²⁾.

¹⁾ Из речи т. Сокольников на сессии ВЦИК осенью 1923 г.

²⁾ «Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства», стр. 15.

В действительности это, конечно, далеко не так. Эмиссионный налог не настаивает, как известно, доходы капиталистических классов, идущие в фонд воспроизводства и накопления; тем самым он не дает возможности использовать те крупнейшие части национального дохода, которые играют огромную роль в капиталистических странах и которые с успехом могут быть использованы прямым налогом и кредитной системой. И если для классового государства эмиссия является обычно наиболее эффективным методом, то только потому, что такое государство по причинам социально-политического характера не хочет и даже не может использовать прямое обложение как по отношению к господствующему классу, так и по отношению к классам подчиненным.

Однако, хотя указанное абсолютное утверждение ни в коем случае не может быть принято, все же нельзя отрицать, что в обычных условиях использование бумажного обращения может дать крупные добавочные ресурсы.

Положение радикально меняется в периоды, следующие за крупными социально-экономическими потрясениями, когда происходит резкое сужение всей сферы денежного обращения. Если до войны денежное обращение на территории Советского Союза измерялось цифрой в 2 миллиарда довоенных золотых рублей, то в настоящее время оно составляет, примерно, 700 миллионов (сентябрь 1924 г.) червонных рублей, или около 350 миллионов довоенных.

Одновременно с количественными происходят также и качественные изменения денежной массы, ибо в прежнее время крупную часть ее составляли накопления, теперь же все или почти все 350 мил. представляют средства обращения в узком смысле слова, что значительно повышает чувствительность денежной системы к новым эмиссиям.

Сужение базиса эмиссии в количественном и качественном отношениях имеет решающее значение, ибо в связи с этим продуктивность эмиссии резко падает, отрицательные же последствия их для народного хозяйства и в первую голову для государственного бюджета (обесценение налогов) проявляются гораздо скорей и с большей силой.

В условиях Советского Союза есть еще один момент, имеющий не меньшее значение, чем сужение базиса эмиссии: таким моментом является невиданное расширение государственного хозяйства за счет национализации крупной промышленности транспорта, а частью и торговли. К налоговому бюджету, исчисляемому в 1.150 мил.¹⁾, и к бюджету жел. дор. (раньше только частично национализированных) и коммунальных предприятий, определяемому цифрой более 1.000 миллионов, здесь присоединяется бюджет промышленности общесоюзного и местного зна-

¹⁾ Включая налоги, центральные и местные.

чения, достигающий более 2 миллиардов¹⁾. Иначе сказать, мы имеем относительное расширение государственного хозяйства более чем в 2 раза—мы говорим относительное, потому что по абсолютным размерам этот общий бюджет государственного хозяйства более 4 миллиардов червонных рублей оставался все же меньше довоенного, который равнялся 4 миллиардам с лишним довоенных рублей. Поскольку обесценение денег в результате эмиссии снижает реально цены и тарифы государственного хозяйства, отрицательное действие эмиссий на госбюджет прямо пропорционально указанному расширению государственного хозяйства.

До войны вся денежная масса в обращении, представлявшая эмиссионный базис, составляла 2.400 миллионов, в то время как размеры госуд. хозяйства определялись суммой в 4.000 мил. рублей (считая и местное хозяйство), иными словами мы имели отношение между ними как 3 к 5; теперь же при эмиссионной базе в 700 милл. размеры госуд. хозяйства измеряются 4.300 милл., прежнее отношение превратилось уже в отношение как 1 к 6. Нет необходимости специально пояснять, какое влияние это должно оказать на баланс эмиссионного хозяйства, если бы таковое пришлось вести.

Наконец, необходимо отметить третий момент, имеющий огромное влияние на баланс эмиссионного хозяйства. В капиталистических странах высокая эффективность эмиссий объясняется прежде всего тем, что государство обычно отказывается повышать заработную плату рабочих и служащих пропорционально обесценению денег; точно так же оно отказывается повышать проценты по огромному государственному долгу, снижая тем самым реально расходы по этой важной статье бюджета; таким образом, получая все выгоды эмиссионного налога, оно отделяется от невыгодных последствий его; благоприятное сальдо эмиссионной политики получается за счет снижения реального уровня заработной платы государственных предприятий и учреждений. В настоящее время заработная плата в силу объективных условий стоит на уровне физиологического минимума; с другой же стороны, после того как государственная власть перешла к пролетариату, она стала более чем когда-либо прежде ответственной за состояние заработной платы. При таких условиях государство должно

¹⁾ С точки зрения эмиссионного хозяйства решающее значение имеет не величина чистого дохода промышленности, а размер ее валовой продукции, реализуемой на рынке; этот размер равен всей ее валовой продукции за вычетом той ее части, которая в виде элементов производства перемещается и потребляется в рамках национализированной промышленности и государственного хозяйства вообще.

По обзору госпромышленности, данному проф. Л. Б. Кафенгаузом («Торг.-Пром. Газета», 1/х), валовая продукция крупной промышленности за 1923/24 г. составила 3.690 милл. червонных рублей. Если даже считать, что на рынке реализуется только $\frac{3}{4}$ этой продукции, то и тогда под обратное действие эмиссии может попасть доход промышленности в 2.2 миллиарда рублей.

будет нести полностью все невыгодные последствия эмиссии.

При наличии этих трех моментов пользование денежной системой как источником для получения дополнительных доходов в значительной степени теряет свой смысл и даже может дать прямо отрицательную величину. Рассмотрим конкретное цифровое отношение выгод и потерь, получившихся в результате эмиссии в настоящих условиях.

При эмиссионной базе в 700 миллионов червонных рублей добавочная эмиссия в 200 миллионов, не поглощаемая ростом товарного обращения, очень быстро даст рост цен, который—при прочих равных условиях—превысит 25 процентов; соответственно с этим должны подняться также государственные расходы на заработную плату и закупку сырых материалов. При расходном бюджете в 5 миллиардов, или 400 миллионов в месяц, это должно дать в конечном счете повышение расходов примерно на 100 миллионов в месяц. Что же касается повышения государственных доходов, то оно будет происходить с большим запазданием.

Вся история обесценения денег показывает, что руководящие органы финансовой политики очень поздно осознают происходящее обесценение денег и очень медленно делают вытекающие отсюда выводы; достаточно вспомнить не раз отмеченную нами историю обесценения кредитного рубля в 1914—1916 г.г., а затем историю понижения ценности червонца летом 1923 г. и зимой 1923—1924 г. Кроме того, поскольку государство стремится всеми доступными ему средствами поддерживать покупательную силу бумажных денег, оно, даже и осознав факт начинающегося их обесценения, не может стать инициатором всеобщего повышения цен и тарифов; наоборот, путем твердых цен, товарных интервенций и рядом других мер оно обычно пытается долгое время задержать общий рост цен. Наконец, когда обесценение превращается в неустранимый факт и государство, наконец, решается поднять свои цены и тарифы в соответствии с общим повышением цен оно, при громоздкости податной системы и системы цен не может сделать это сразу.

В конечном счете, при медленном обесценении валюты повышение государственных доходов обычно отстает от повышения государственных расходов, по меньшей мере, на несколько месяцев, в течение которых первоначальный выигрыш от эмиссии в 200 миллионов может свестись к нулю.

Следует заметить, что чем медленнее темп обесценения денег, чем труднее его учесть и осознать,—тем упорней будет борьба с ростом цен, тем выше потери бюджета; при медленном сползании валюты потери гос. бюджета и промышленности могут быть значительно выше, чем при быстром падении денег.

В ближайшие годы, с ростом объема денежного обращения, эмиссионный базис, несомненно, будет расширяться; однако одновременно с этим будут также расти абсолютные и относительные размеры государственного хозяйства, что будет усиливать обратное действие эмиссий на государственный бюджет. Таким образом, сложившееся в настоящее время соотношение выгод и потерь от эмиссионного хозяйства в общем и целом сохранится и в дальнейшем.

Итак, при незначительных размерах эмиссионного базиса, с одной стороны, и при расширении государственного хозяйства — с другой, единая бумажно-денежная система теряет свою способность быть резервом для государственного бюджета; во всяком случае, ее финансовая эффективность снижается до ничтожного уровня.

Перейдем к вопросу о влиянии неустойчивости единой бумажной валюты на народное хозяйство. В современных условиях изменение в ценности денег, несомненно, будет вести к тем же разрушительным последствиям, которые типичны в таких случаях и для всякого товарно-денежного хозяйства. Сюда в первую голову относятся потери народным хозяйством твердого измерителя ценности, дезорганизация цен и рынка и связанные с этим уродливые явления как в области распределения производительных сил, так и в деле распределения общего народного дохода (обесценение заработной платы, повышение капиталистической прибыли, обесценение банковских капиталов и вообще долговых обязательств и т. д.).

Эти обычные явления, связанные с обесценением бумажной валюты, осложняются в условиях Советской Республики рядом новых чрезвычайно важных моментов, связанных с переходом к плановому регулированию хозяйства.

Там, где господствуют стихийные рыночные отношения, переход на новый уровень товарных цен, вызываемый колебанием ценности денег, происходит всегда в порядке спекулятивной деятельности рынка. Если каналы обращения переполнены деньгами, то «возрастание цен является только реакцией процесса обращения, насильственно приравнивающего знаки ценности тому количеству золота, вместо которого они обращаются» (Маркс).

Спекуляция превращается в объективно-необходимый фактор такого «насильственного приравнивания», при чем роль первого нарушителя установленного соотношения цен выпадает обычно на долю торговца-посредника, который первый «заламывает» невиданные и, казалось бы, ничем не оправдываемые цены. И чем энергичней проявляется спекулятивное повышение цен, чем скорей спекуляции удастся сломать прежние цены и перевести их на новый уровень, — тем лучше для народного хозяйства: организм народного хозяйства как бы переваривает порцию яда, попавшего в его каналы; и чем выше температура и пульс больного, тем, зна-

чит, здоровее реакция организма, и тем скорее он справится с болезнью.

В условиях планового регулирования этот процесс чрезвычайно осложняется. По своему принципу плановое регулирование ставит своей задачей не столько бороться с законами, управляющими рынками, подавлять их, сколько использовать их в необходимом для государства направлении. Однако на практике чрезвычайно трудно разграничить нормальные рыночные процессы от тех или иных нездоровых явлений рынка, — особенно в годы, следующие за развалом народного хозяйства, как сейчас; к этому присоединяется также общее бессилие и неподготовленность экономической науки к новым задачам; поэтому на практике плановое регулирование весьма часто превращается в борьбу с вполне закономерными явлениями рынка. Такая борьба неизбежно должна разгораться также во время роста цен связанного с обесценением денег.

Торговый посредник, олицетворяющий в себе и здоровые и нездоровые моменты рыночных отношений, фактически является постоянным антагонистом планового регулирования, он всегда есть объект ненависти массового потребителя и той фигурой, в которую метят твердые цены, лимиты, интервенции и другие мероприятия регулирующих органов.

Поэтому, когда эта одиозная фигура выступает в качестве застрельщика в деле «срыва» установленного уровня цен, охраняемого регулируемыми органами, последние неизбежно вступают в борьбу с ним. Все силы регулирующих органов государства, весь арсенал средств, которыми они располагают в таких случаях, неизбежно должен оказаться на стороне прежнего уровня цен, который в силу чисто объективных условий должен быть сломан. Поэтому процесс перехода к новому уровню цен будет в таких случаях сильно тормозиться.

Регулирующие органы государства будут играть роль врача, который борется не с самой болезнью, а с ее внешними проявлениями и путем жаропонижающих средств снижает температуру и пульс больного и «загоняет» болезнь внутрь, задерживая здоровую реакцию организма. При этом, чем медленней темп обесценения денег, тем трудней определить сразу истинную причину болезни, тем продолжительней и упорней будет борьба не с самой болезнью, а с ее внешними проявлениями.

Таким образом, в условиях государственного регулирования процесс перестройки цен, диктуемый при обесценении денег непреложными законами товарно-денежного хозяйства должен затягиваться на более продолжительное время и приобретать более болезненный характер, при чем степень этой болезненности может быть прямо пропорциональна упорству и силе сопротивления регулирующих органов; кроме того,

медленное «сползание» валюты опять-таки здесь может быть опаснее, чем ясно ощущаемое и легко осознаваемое падение ее.

Таким образом, всякое колебание ценности денег в условиях планового регулирования заставляет регулирующие органы вступить в конфликт с законами рынка; поскольку же в этом конфликте органы государства объективно осуждены на поражение, постольку колебания в ценности денег оказывают дезорганизующее влияние на государственное регулирование хозяйства.

Итак, как это ни парадоксально кажется, плановое хозяйство—пока оно пользуется механизмом рынка, деньгами и ценами—нуждается в устойчивой валюте гораздо больше, чем хозяйство, стихийно регулируемое рынком.

В соответствии с этим отрицательные последствия колебаний единой бумажной валюты в настоящих условиях значительно сильнее, чем в прежних условиях.

В дополнение к предыдущему необходимо также отметить различие в последствиях указанных колебаний для перераспределения доходов народного хозяйства. При буржуазно-капиталистическом режиме обесценение бумажных денег, как общее правило, ведет к снижению реальной заработной платы, к обесценению банковских и ссудных капиталов и общему снижению всех долговых обязательств, в результате чего получается обогащение производительного капитала в промышленности, торговле и сельском хозяйстве за счет представителей наемного труда (рабочие и служащие промышленности) и свободных профессий, с одной стороны, и за счет получателей капиталистической ренты—с другой.

При новом положении вещей обесценение денег должно приводить к значительно иным последствиям. В этих новых условиях заработная плата, охраняемая государством, не может, как мы видели, претерпеть сколько-нибудь значительное снижение; с другой стороны, государство, которое теперь стало обладателем промышленного, банковского и торгового капиталов, является в процессе повышения цен уже не застрельщиком этого повышения, а решительным противником его. При калькуляции цен и тарифов господство в таких случаях исходит из данных условий производства, а не будущих условий воспроизводства,—иными словами, промышленность, банковский и торговый капитал, который прежде сбрасывал с себя эмиссионный налог в условиях государственного регулирования, в полной мере полагается под удары этого налога.

В новых условиях эмиссия искажает больше всего производительные капиталы государственного хозяйства, которое теряет и от снижения цен и тарифов и как держатель падающей валюты.

Однако, если госхозяйство в таких случаях упорно придерживается политики «справедливых» цен, то частный капитал попрежнему будет полностью использовать повышательные тенденции рынка и уклоняться от эмиссионного налога.

В конечном счете обеспечение единой бумажной валюты в условиях государственного регулирования будет превращаться в частную конфискацию хозяйства, несколько не затрагивая в то же время частного капитала; в новых условиях колебания единой бумажной валюты будут приводить к относительному сокращению темпа государственного накопления и к расширению накопления частнокапиталистического.

Приведенный анализ показывает, что при сужении базиса эмиссии, при расширении рамок государственного хозяйства и при системе государственного регулирования единая бумажно-денежная система в критические минуты может дать государственному бюджету минимальные выгоды, в то же время эта система приводит к целому ряду тяжелых последствий для государственного и народного хозяйства, более тяжелых, чем прежде.

Бумажные деньги, которые в их обычной форме были прежде классической валютой критических периодов, в новых условиях потеряли свою прежнюю функцию.

Для того, чтобы эта функция была восстановлена, система бумажных денег должна изменить свой прежний вид, должна быть приспособлена к изменившимся условиям.

Как бы отвечая этой потребности, опыт денежного обращения последнего времени выдвинул ту новую форму бумажных денег, которая обладает большой приспособленностью к новой социально-экономической среде—мы имеем в виду двучленную систему бумажных денег.

III. Колебания ценности денег при двучленной системе.

Двучленная система денег, как и бумажные деньги, была «открыта» непосредственным опытом денежного обращения; как и бумажные деньги, эта система до своего первого появления не была предусмотрена ни одним кодексом экономической теории, и поэтому была признана незаконнорожденной или, точнее,—уродом («патологической формой»), как, впрочем, и бумажные деньги.

Первый раз этот незаконнорожденный ребенок прожил более 30 лет, от 1810 до 1843 г.; один из лучших исследователей истории денежного обращения в России, И. И. Кауфман, писал по поводу этого первого прецедента двучленной системы:

«Теория и практика Запада Европы до сих пор не знают, что (обычное) перечисление видов денежного обращения неполно; что в России в течение продолжитель-

ного, почти 30-летнего, периода просуществовал еще четвертый вид денежного обращения, какого нигде никогда не было. Коренные отличительные признаки этого своеобразного четвертого вида заключаются в том, что он, во-первых, образуется совместным обращением звонкой монеты и бумаги и, следовательно, принадлежит к типу смешанного денежного обращения, и, во-вторых, что обращающаяся при нем бумага сильно обесценена, а звонкая монета обращается с высоким лажом, выражающимся в сотнях процентов!»¹⁾

Второй раз двучленная система имела место в той же стране в 1923 г. Ее заслуга заключалась в том, что с момента своего появления, она дала народному хозяйству устойчивый измеритель (червянец), и в то же время оставила государству орудие эмиссионного налога в виде совзнака: благодаря этой системе, народное хозяйство получило устойчивые деньги за год до того, как государство привело в порядок свой бюджет и могло приостановить работу печатного станка. Однако рожденный в условиях, благоприятствующих повышенной смертности денежных систем, даже признанных законными (вспомним, что в это же время умерли австрийская крона, германская и польская марка), не пользуясь ничьим попечением и даже добываемый своими опекунами, этот незаконный ребенок на этот раз прожил только около года.

Несмотря на двукратный прецедент, подавляющее большинство теоретиков не успело даже заметить этот феномен, а те, кто обратил на него внимание, — отнесли, по обычаю, к числу «патологических» явлений.

Повторилась та же история, что и в вопросе о бумажных деньгах: несмотря на то, что бумажные деньги существуют полтора столетия и целый ряд крупнейших стран прожили с ними почти всю эпоху своего капиталистического развития (Австрия, Россия, Италия и др.), несмотря на то, что для XIX столетия бумажные деньги были более распространены и «нормальны», чем металлические, — тем не менее подавляющее большинство теоретиков до самого последнего времени рассматривало бумажные деньги, как некоторое уродливое искажение законов денежного обращения.

То же самое повторилось и с двучленной валютой: медленно переживая являчку опыта, проникнутая метафизическим отношением к окружающим явлениям, экономическая наука жила и продолжает жить идеей о «нормальной» денежной системе, имеющей абсолютную ценность во все времена и при всех условиях, поэтому она, не задумываясь, объявила двучленную систему, «патологическим» явлением и не признала ее, как особую форму денежного обращения наравне с падающей металлической и бумажной валю-

¹⁾ Кауфман. «Из истории бумажных денег в России», курсив всюду принадлежит Н. Н. Кауфману.

той и с более редкой и менее «нормальной» формой обращения, каковой являются устойчивые металлические деньги¹⁾.

Для нас, с точки зрения диалектического метода, не существует нормальных и ненормальных денежных систем, ибо при известных условиях самая ненормальная денежная система может стать наиболее нормальной, т. е. наиболее соответствующей данной социально-экономической среде, что и было с падающей металлической и бумажной валютой.

Мы поэтому считаем необходимым со всей внимательностью отнестись к феномену двучленной системы. Отметая то болезненное и случайное, что сопутствовало появлению этой системы в данной конкретной обстановке (нездоровые явления 1923 г., порожденные внешними для данной системы факторами), мы попытаемся охарактеризовать сущность самой системы и выделить те ее особенности, которые делают ее более приспособленной к данной исторической обстановке, чем другие формы денежного обращения.

Оставляя до другого времени более подробную характеристику первого прецедента двучленной валюты (1810—1843 г.г.), мы в настоящем будем рассматривать тот конкретный ее вариант, который дала практика денежного обращения в 1923 году.

Под двучленной бумажно-денежной системой мы будем здесь понимать такое состояние денежного обращения, при котором область крупнокупюрного и мелкокупюрного обращения обслуживается двумя самостоятельными валютами.

Как мы видели из предыдущей статьи (№ 8 «Вестника»), каждая из двух этих валют имеет самостоятельный базис в сфере товарного обращения. Базисом крупнокупюрной валюты, — обозначим ее через К, — является вся та часть товарного обращения, которая может обслуживаться крупными купюрами без участия мелких. Эту область обращения валюта К может заполнять без всякого остатка, — ибо поскольку она более устойчива²⁾, чем мелкая валюта М, она беспрепятственно может вытеснить отсюда своего кон-

¹⁾ Падающая металлическая валюта, замененная в XIX веке более совершенствованной падающей бумажной валютой и потому сошедшая со сцены, была во все предшествующие столетия господствующей формой денежного обращения. Памятником этой распространенной формы являются, например, французский франк, германская марка и русский рубль, которые получились посредством многократного обесценения первоначальной денежной единицы — фунта серебра; за период 1258 по 1793 г., т. е. за 535 лет, французский ливр (фунт) 319 раз изменял свою ценность, т. е. в среднем около 60 раз за каждое столетие.

Если падающая бумажная валюта имела широкое распространение в течение XIX века, то это было потому, что она была исторически простым заместителем типичной формы обращения — падающей металлической валюты. В совокупности же эти два вида падающих денег заполняют собой всю историю товарно-денежного хозяйства, для которой устойчивая металлическая валюта была сравнительно редким исключением.

²⁾ Мы берем здесь тот вариант, когда устойчивым элементом денежной системы является крупнокупюрная валюта, в то время как валюта М принимает на себя все удары неблагоприятной конъюнктуры.

курента М; но она может быть выпущена в таком количестве, что при данном уровне цен она не сможет заполнить всю отведенную ей сферу обращения, и тогда рядом с ней в этой сфере будет обращаться также и валюта К; в таком положении была, например, червонная валюта в первые месяцы 1923 г., пока в июне—июле этого года она не достигла границ, отведенных ей величиной ее низшей кунюры и общим объемом денежного хозяйства того времени.

Наконец, с другой стороны, валюта К может переполнить отведенную ей сферу обращения, если при данном уровне цен масса валюты К не может быть поглощена оборотом. В таком положении оказалась червонная валюта в июне—июле 1923 г., а затем зимой 1923/1924 г. В тех случаях, когда К не заполняет целиком отведенной ей области оборота, она, как показано в предыдущей статье, может сохранять полную устойчивость, ибо здесь над ней не висит опасность переполнения каналов обращения, которая угрожает обычным бумажным деньгам при колебаниях конъюнктуры. Если же К переполняет сферу своего обращения, ценность отдельной денежной единицы, как и уровень цен товаров, выраженных в этой валюте, определяется общими законами бумажно-денежного обращения: ценность валюты К падает, а уровень цен растет тем больше, чем больше увеличивается масса этой валюты. Такое положение, как мы знаем, создалось в области червонного обращения летом и зимой 1923 г., когда произошли частичное обесценение червонца и повышение червонных цен (см. статью в № 7 «Вестника Коммунистической Академии»).

Что же касается мелкокушюрной валюты М, то она имеет свой самостоятельный базис в той части товарного обращения, которая обслуживается валютой К; размеры этой части могут быть шире или уже в зависимости от того, заполняет ли валюта К сферу своего обращения полностью или только частично; однако, несмотря на колебания в своих размерах, базис валюты М не может быть сужен дальше известных границ, ибо валюта К не может перешагнуть за грань поставленную ей величиной ее кунюры.

Хотя валюта К, как более устойчивая, легко может вытеснить валюту М, как менее устойчивую, и хотя К может быть выпущена в любых количествах, тем не менее, как показал опыт, она не может перешагнуть указанной грани; как показала обесценение червонца в зимние месяцы 1923/1924 г., валюта К, втиснутая в отведенные ей границы, может обесцениваться в этих границах, но не может овладеть территорией ее конкурента; на территории М может быть острая тоска по твердой валюте К, эта К может иметься в огромном изобилии и тем не менее К не может перелиться в сферу, обслуживаемую М¹⁾.

¹⁾ Расширение территории валюты К за счет М может произойти только в том единственном случае, если, в связи с обесценением К, реальная величина ее самой мелкой кунюры снижается таким образом, только уподобляясь своему конкуренту, она может завоевать часть его владений.

Таким образом, у валюты М, как и валюты К, имеется совершенно самостоятельный базис в той сфере товарного обращения, который не может обслуживаться крупными купюрами.

В этих пределах ценность мелкокушюрных денег, как и уровень цен, подчинены всецело обычным законам бумажно-денежного обращения: ценность денег может падать, а уровень цен повышаться в зависимости от трех факторов: от роста массы валюты М, от сужения общих размеров товарного обращения и от вытеснения валюты М валютой К, — в том случае, если последняя еще не достигла своей предельной границы и ее масса продолжает расти; кроме того, при одних и тех же размерах массы М и при тех же размерах сферы ее обращения, уровень цен, выраженных в этой валюте, может зависеть от скорости ее обращения; однако, как показано было выше (стр. 191), скорость обращения может измениться и превратиться в самостоятельный фактор ценности бумажных денег только в том случае, если темп их обесценения переходит известные пределы. Наоборот, если установившийся уже темп обесценения падает, — что было при замене совзнака казначейским билетом, — то в этом случае скорость обращения М резко уменьшается и наступает голод на валюту М («разменный голод» весны 1924 г.); при этом, если «разменный голод» не будет удовлетворен и количество М останется прежним, то в сфере М неизбежно установление нового уровня цен, согласно законам бумажно-денежного обращения¹⁾.

Поскольку каждая из двух валют, составляющих денежную систему, имеет самостоятельный базис в товарном обращении и поскольку они разграничены непреодолимой гранью, постольку каждая из них может жить почти самостоятельной жизнью. Валюта М, эмитируемая в огромных количествах, может непрерывно обесцениваться, и в то же время валюта К будет оставаться устойчивой, понижаться или даже повышаться в своей ценности вне всякой зависимости от того, что происходит с М.

Иллюстрацией такой самостоятельной эволюции может служить история червонца, с одной стороны, и совзнака, казначейского билета — с другой. Как видно из таблиц, приведенных в № 7

¹⁾ Стабилизированные совзнаки, казначейские билеты и транспортные 5-рублевые сертификаты к началу марта составляли около 70 мил. в червонных рублях, имея не прежнюю скорость обращения совзнака, а скорость устойчивого червонца; нет никакого сомнения, что если бы эта масса валюты М не была скоро удвоена и утроена, так что возросшее количество денег стало компенсировать замедление их скорости, то, несомненно, уровень цен в казначейских билетах оказался бы значительно ниже уровня червонных цен, и казначейский рубль стал бы значительно дороже червонного, — ибо, как писал Маркс, ценность бумажек, находящихся в обороте, зависит исключительно от их собственного количества и от того количества золота, которое они заменяют. («К критике полит. экономии»). Этот процесс создания нового уровня цен, более низкого, чем червонные цены, уже проявился во многих местах, особенно, на Украине, где за казначейский билет давали товаров на 20 процентов больше, чем за червонец.

«Вестника К. Академии» ценность крупнокупюрного червонца до мая 1923 г. остается устойчивой и даже растет, в то время как ценность совзнака непрерывно падает; от мая до августа ценность червонца падает сползая, а затем при обесценении совзнака повышается с 42% до 76% за один месяц; от августа до ноября червонец остается стабильным, в то время как совзнак обесценивается все более бешеным темпом; затем в зимние месяцы повторяется с небольшими изменениями картина летних месяцев.

Наконец, с переходом от совзнака к казначейскому билету в сфере мелкокупюрной валюты наступает стабилизация денег; при этом, в связи с тем, что наличное количество устойчивой валюты М оказалось не в состоянии обслужить оборот, ценность мелкокупюрных денег повышается и превышает ценность крупнокупюрных червонцев; одновременно оборот проявляет тенденцию к созданию нового уровня цен в мелкокупюрной валюте — более низкого, чем уровень червонных цен (см. последнее примечание).

Как показано было в статье, помещенной в № 2 «Вестника Ак.», двучленная система, состоящая из двух самостоятельных валют, предполагает наличие курса, выражающего ценностное отношение между ними. Так как цены товаров, выраженные в валюте К, остаются устойчивыми, а цены в валюте М непрерывно меняются, то движение курса К по отношению к М есть простое повторение движений общего уровня цен в валюте М (см. предыдущую статью).

Охарактеризованная здесь двучленная бумажно-денежная система представляет сочетание устойчивой постоянной величины в виде валюты К и изменяющейся переменной величины — в виде валюты М. Если К не заполняет без остатка отведенную ей сферу обращения и здесь рядом с ней циркулирует также валюта М, последняя превращается в эластичную оболочку для твердого ядра, состоящего из валюты К.

Основная опасность, угрожающая всякой бумажной валюте в виде возможного переполнения каналов обращения, здесь полностью исключается.

«Закон обращения бумажных денег, — пишет К. Маркс, — сводится просто к тому, что выпуск их должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро). Правда, количество золота, которое может быть поглощено сферой обращения, постепенно колеблется, то поднимаясь, то опускаясь ниже известного уровня. Однако масса средств обращения никогда не падает ниже определенного минимума, который может быть установлен опытом для каждой данной страны.

Следовательно, она легко может быть замещена бумажными символами, но, если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обра-

ния до степени, в которой валюты М и валюта К не будут деньгами, то залив каналов вследствие эмиссии бумажных денег в результате обращения валюты М могут оказать весьма вредное влияние. Всякая мера утрачивается» («Капитал», т. I, Закон обращения бумажных денег).

Эта непригодность единой бумажно-денежной системы к колебаниям конъюнктуры устраняется при двучленной системе, где валюта К, не заполняющая сферы своего обращения, может никогда не переполнять каналов этого обращения.

В этом смысле двучленная бумажная система обладает тем же предохранительным клапаном, который, по мнению Маркса, золотая система имеет в виде сокровищ; об этом предохранительном клапане Маркс пишет:

«Создание сокровищ выполняет различные функции в экономии металлического обращения. Мы уже видели, что постепенные колебания размеров товарного обращения, колебания цен и быстроты обращения связаны с непрерывными отливами и приливами находящегося в обращении массы золота. Следовательно, последняя должна обладать способностью к расширению и сокращению.

...Резервуары, в которых деньги накаплиются, как сокровище, служат в то же время отводными и приводными каналами для находящегося в обращении денег; благодаря этому последние никогда не переполняют каналов обращения.

Ту роль, которую при золотой системе играет накопление сокровищ, при двучленной бумажной системе играет наличие в сфере крупнокупюрной валюты свободной части, не заполненной этой валютой; наличие этой части создает для устойчивого ядра двучленной системы такую же эластичную оболочку, каковы наличие сокровищ — для золотой валюты.

Таким образом, если исходить из законов денежного обращения, сформулированных К. Марксом, при двучленной бумажной системе один из ее элементов валюты М обладает такой же устойчивостью, как и золото в золотом обращении.

Мало того, при двучленной системе один из ее элементов защищен не только от колебаний чисто-экономической конъюнктуры, но и от более опасных влияний, которые может оказывать на денежную систему неустойчивость государственного бюджета, могущая повести к бумажно-денежным эмиссиям. Поскольку, несмотря на все усилия, государство не может избежать таких эмиссий, оно имеет возможность эмитировать мелкокупюрную валюту М, не затрагивая совершенно К; превращая в случае необходимости в орудие эмиссионного налога один элемент системы, государство может сохранить полную устойчивость другого элемента ее. Наличие переменной величи-

ны в виде валюты М снабжает денежную систему предохранительной оболочкой также и против колебаний бюджетной конъюнктуры. Тем самым двучленная бумажно-денежная система приобретает крупные преимущества как перед золотой и как перед единой бумажной валютой, так и перед золотым обращением, ибо бюджетные колебания при двучленной системе могут влиять лишь на устойчивость одного из ее элементов и не могут поколебать устойчивость другого.

Это преимущество двучленной системы приобретает особое значение в условиях критического периода, когда при отсутствии у государства резервных источников дохода и при общей неустойчивости народного и государственного хозяйства колебания денежной системы становятся не только возможными, но и неизбежными.

Обладая постоянными и переменными элементами, двучленная система и в новых условиях может выполнять ту функцию резерва, которая утрачена единой бумажной валютой.

Поскольку цены и тарифы государственного хозяйства выражены в валюте К, сохраняющей при всех условиях свою устойчивость, снижение ценности валюты М, происходящее в результате эмиссий, не ведет к снижению реальной величины цен и тарифов¹⁾; несмотря на расширение государственного хозяйства, обратное действие на него эмиссии не только не увеличивается, но даже ослабевает по сравнению с довоенным периодом.

С другой стороны, хотя базис эмиссий здесь сужен, однако он достаточен, чтобы дать крупные добавочные доходы государству. С проведением денежной реформы скорость обращения валюты М (казначейский билет) резко снизилась, и общая ее масса увеличилась до невиданных размеров, достигая к концу сентября 1924 г. суммы в 270 миллионов вместо прежних 40—50 мл., — тем самым условия для функционирования двучленной системы радикально изменились. Прежде, при эмиссионном базисе в 50 и даже 100 миллионов, эмиссия в размере 200 миллионов вызывала катастрофическое обесценение переменной валюты М, теперь же при эмиссионном базисе в 270 мл. эмиссия в 200—250 мл. в течение года — если бы она оказалась неизбежна — вызывает сравнительно небольшой рост цен в этой валюте, не достигающий 100 процентов за год или 8 процентов за каждый месяц; насколько скромнен этот темп, видно из того, что в 1916 г., когда кредитный рубль обесценивался таким же темпом, он не переставал даже служить орудием накопления (см. выше, стр. 193).

¹⁾ При двучленной системе государство получает плату за товары и налоговые платежи в крупнокупюрном исчислении, но в мелкокупюрных деньгах; поскольку государственные кассы являются держателями этой валюты, они несут потери на эмиссионном налоге, пропорционально своей наличности; однако эти потери имеют второстепенное значение в сравнении с потерями от обесценения самих тарифов и ставок, которые имеют место при единой валюте.

К этому необходимо добавить, что при рациональном использовании двучленной системы не представляет никакого затруднения расширить еще более сферу обращения валюты М; такое расширение может быть произведено, с одной стороны, путем изъятия из обращения части валюты К, через обмен ее на валюту М, что, кроме того, создает условия для полной устойчивости К; с другой стороны, может быть повышен низший размер купюры К, путем изъятия из обращения банкнот в 1 червонец, что, между прочим, повысило бы реальную ценность самой мелкой банкноты только до той величины, которую она имела до мая 1923 года и которую она утратила впоследствии в связи с обесценением червонца в 2 раза. Наконец, эти два метода могут быть применены параллельно, доведя эмиссионную базу до 400—500 мл.

При такой расширенной базе эмиссия билетов в 500 мл. в год — если бы чрезвычайные обстоятельства сделали ее неизбежной — дала бы темп обесценения более медленный, чем в 1916 г., когда обесценение кредитного рубля оставалось незаметным даже для многих экономистов; ни о каком «бегстве от денег» и других явлениях, сопутствующих высокому темпу их обесценения, при таких условиях не может быть и речи. Таким образом, двучленная система может быть резервом крупного масштаба, достаточным даже для нужд военного времени, что имеет решающее значение при слабости государственного кредита и при отсутствии эластичности податной системы.

Что касается отрицательных последствий эмиссии для народного хозяйства, то при двучленной системе они сводятся до минимума. Решающим моментом здесь является то, что, несмотря на использование денежной системы, как орудия эмиссионного налога, народное хозяйство не лишается устойчивой ценности, ибо крупнокупюрная валюта может сохранить свою устойчивость даже в условиях военного времени. Хотя сфера обращения этой валюты значительно сужена, тем не менее, как показал опыт с червонцем в первый год его существования, она остается и для госхозяйства и миллионов населения живым и вполне осязаемым измерителем ценности. Тем самым устраняются разрушительные последствия эмиссий для народного хозяйства в виде дезорганизации рынка, искажения процесса распределения производственных сил, снижения тарифов заработной платы, а также снижения цен, тарифов и ставок государственного хозяйства; точно так же кредитная система, которой обесценение единой бумажной валюты наносит сокрушительный удар, может без затруднений функционировать в условиях двучленной системы.

Весьма существенным является также то, что при двучленной системе отпадают те болезненные явления, которые в начале эмиссионной политики обычно сопутствуют переходу оборота к новому уровню цен. Мы видели, что при обесценении одной бумажной ва-

люты государство неизбежно вступает в конфликт с законами товарно-денежного обращения, несет крупные потери и всей силой своей экономической и политической мощи тормозит неизбежный переход к новому уровню цен; мы видели, что опасность таких конфликтов тем больше, чем медленнее темп обесценения денег.

При двухленной системе, где колебания мелкокупюрной валюты не влияют на устойчивость крупнокупюрной, создается два уровня цен, из которых один остается всегда устойчивым, другой же подвержен колебаниям, при чем эти колебания отчетливо сознаются как населением, так и, в особенности, органами государственного регулирования. В таких условиях создается ясность положения, при которой совершенно исключаются всякие тенденции государства бороться с ростом цен, вызванным его же собственной эмиссионной политикой.

Заключение.

Двучленную валюту не следует сравнивать ни с золотой валютой, ни с относительно-устойчивой бумажной валютой; ее надо сравнивать с единой падающей бумажной валютой.

Двучленная валюта имеет бездну недостатков в сравнении с устойчивыми валютами, и поэтому никому не может придти в голову говорить о ней там, где имеется возможность иметь устойчивую денежную систему; но о ней вполне уместно поставить вопрос постольку, поскольку может оказаться неизбежным переход к эмиссионному хозяйству и предстоит выбор той или иной разновидности падающей валюты, — поскольку из двух зол пришлось бы выбирать наименьшее.

К счастью для нас, хозяйственные и политические успехи Советского Союза настолько велики, что в данный момент нам скорее приходится думать о выборе между двумя видами устойчивой валюты — бумажной и металлической, — а не между двумя разновидностями падающей валюты.

Однако все мы ходим... под опасностями новых империалистических войн или новых атак на Советский Союз; точно так же ни один Солтомои не научился еще предвидеть за годы вперед то «соотношение сил» в атмосферных течениях, которое дает восточной Европе урожайные или голодные годы. Мало того, никто больше чем коммунистическая партия, не уверен не только в возможности, но и в неизбежности мировых потрясений, обусловленных безвыходными противоречиями капиталистического строя. А поскольку мы живем в эпоху потрясений и кризисов, мы, несмотря на все благополучие настоящего времени, несколько не застрахованы от того, что в тот или иной момент не придется делать выбора между разновидностями падающих валют.

Автору настоящей статьи кажется, что если бы объективные условия поставили такую дилемму, то следует с величайшим вниманием отнестись к вопросу о том, какая из двух падающих валют имеет преимущество при данном строении государственного хозяйства, при данных размерах эмиссионной базы, при данном отношении между государством и наемным трудом. Стоя на почве диалектического метода, нельзя отрицать, что те приемы эмиссионной политики, которые являлись, быть может, наиболее рациональными в прежних условиях, могут оказаться никуда негодным орудием в условиях, при расширении государственного хозяйства, сужении эмиссионного базиса и возросшей ответственности государства за состояние заработной платы; нельзя отрицать, что эмиссионная политика, если бы к такой пришлось прибегнуть, должна учесть изменившуюся социально-экономическую обстановку и найти методы, наиболее соответствующие этой новой обстановке.

Исходя из этого основного положения, автор и попытался остановить внимание читателей на той интересной разновидности падающих денег, которая носит название двучленной валюты, и которая, по его мнению, является наиболее приспособленной к условиям критической эпохи и структуре советского государства.

Д. Кузовков.

К вопросу о методике исследования динамики ценностного состава капитала¹⁾.

I.

Проблема исследования динамики ценностного состава капитала имеет существенное значение не только как показатель производительности данного района, данной страны,—в частности в нашей, где народным хозяйством руководит государство,—но сугубо важное значение она приобретает для изучения развития капиталистической системы в целом, для исследования кривых противоречий ее.

«Установить кривую капиталистического развития в ее непериодических (основных) изгибах и переломах в отношении к отдельным странам и ко всему мировому рынку»²⁾—такова ближайшая задача научной экономики, требующая своего разрешения.

Мы имеем блестящую алгебру развития капиталистической системы хозяйства, изложенную в трехтомном труде Маркса, мы имеем исчерпывающие алгебраические формулы, в которые укладываются все основные моменты эволюции и революции нынешнего и предшествующих этапов социально-экономической жизни, на базе которых построен целый ряд исследований, их дополняющих и корректирующих. Но этого еще не достаточно: необходимо иметь для каждого данного момента арифметические значения корней этих алгебраических уравнений, для каждого периода нужно иметь арифметику социально-экономической жизни.

Нужно влить «живую жизнь» в марксовы формулы и схемы, нужно одухотворить их.

В этой области у нас, к сожалению, пока очень мало сделано.

¹⁾ Основные моменты этой статьи служат содержанием соответствующей главы предстоящей работы по «Теории и практике воспроизводства капиталистического хозяйства». Она выполнена по заданиям секции «Научной методологии» Коммунистической Академии.

Основные контуры работы и ее методологические орудия тесно связаны с научными беседами, в свое время проведенными в семинарии экономической статистики, на ФОН'е, в 1-м МГУ.

²⁾ Вестник Социалистической Академии. Книга IV. 1923 г. Л. Троцкий—«К кривой капиталистического развития», стр. 9.

«Недело в самом деле, без конца точить и оттачивать инструмент, стирая марксову сталь, когда задача состоит в том, чтобы применить этот инструмент для обработки сырого материала»¹⁾.

Основные задачи, изложенные в третьем томе «Капитала», в частности, в III и IV отделах его, по вопросам динамики ценностного состава капитала и изменения его под влиянием разных факторов, всеобъемлюще охваченных в данных Марксом формулах²⁾, поныне не ороговели и не оживлены на конкретной действительности.

Последующие проблемы, выдвинутые учениками Маркса, в частности проблема, выдвинутая Р. Люксембург в своем труде «Накопление капитала» и вызвавшая интересную дискуссию на столбах нашей прессы, могла быть разрешена, при условии разработки не только теории, но и практики воспроизводства капиталистического хозяйства в целом и «та теория или та схема, которая окажется наиболее пригодной, чтобы сделать понятным все соотношения разрозненных элементов эмпирической действительности»³⁾, была бы признана наиболее верной.

Маркс, исследуя в общем виде динамику воспроизводства капиталистического хозяйства, пришел к знаменитому закону тенденции нормы прибыли к понижению и развил те противодействующие факторы, задерживающие прогрессивное развитие означенного закона, который дает ключ к разработке основной кривой противоречий капиталистического хозяйства. Вот эту «тенденцию» для каждой данной эпохи нужно заменить реальным коэффициентом, учитывая все противодействующие факторы, и «если бы, например, с течением времени оказалось, что одна из противотенденций стала преобладающей или, еще лучше, выступила бы в качестве направляющей, осмысливающей нашу картину развития хозяйственных достижений... пришлось бы установить новую теорию, новую схему на основании логической разработки противодействующих тенденций»⁴⁾.

Естественны те объективные трудности, которые стоят по пути изучения практики воспроизводства: алгебраические формулы Маркса приняли бы трансцендентальный характер, потому что статистика не только не дала бы нам исчерпывающих данных, но затемняла бы истинный смысл, руководствуясь требованиями, предъявляемыми ей ее официальными шефами.

«Определенное отношение этого избытка (прибавочной стоимости «m») к особым составным частям капитала и его внутренняя связь с этими частями не только не интересуют капиталиста, но его

¹⁾ Там же, страница 12.

²⁾ Значительная часть вычислений Маркса по взаимоотношению между нормой прибыли и нормой прибавочного продукта осталась в его рукописи не воспроизведенными Энгельсом. (См. прим. Энгельса, стр. 44. III том).

³⁾ Рудольф Мерварт. «Введение в хозяйственную статистику», стр. 9.

⁴⁾ Там же.

интерес заключается в том, чтобы окутать туманом это определенное отношение и эту внутреннюю связь»¹⁾ (в скобках наше).

Выловить из этих данных истинный смысл явлений, на поверхности нарочито искажаемых, «найти и описать те конкретные формы, которые возникают из рассматриваемого, как целое, процесса движения капитала», отдельные части которого «противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым форма капитала в непосредственном процессе производства, а также его форма в процессе обращения, являются лишь особыми моментами»²⁾, является наиболее трудной, но вместе с тем насущно потребной задачей, требующей нашего разрешения.

В этом отношении классическим методологическим примером может нам служить работа Ленина по «Развитию капитализма в России», который из тогдашней фабрично-заводской промышленной статистики, давшей обильный материал для наших народников, для их неверных народнических воззрений, поставленной ими «на голову», мог марксистским зондом прощупать и выловить истинные незатемненные факты динамики нашего хозяйства и поставить ее «на ноги». Этим придя к правильному диагнозу и жизнью оправданным выводам.

Создание такой мирохозяйственной обсерватории настойчиво выдвигается и практикой повседневной борьбы за социализм, ибо в конечном счете решающее слово за экономикой. «Само собою понятно, каким источником ошибок является неизбежное игнорирование одновременно происходящих изменений экономического положения, этого истинного базиса всех исследуемых событий»³⁾.

И первым этапом по этому пути является проблема динамики ценностного состава капитала, его расчленение, ибо только тогда мы в состоянии будем проследить изменения по времени и пространству различных марксовых категорий: « $\frac{m}{v}$ », « $(c+v)+m$ », « $c+(v+m)$ », « $\frac{m}{c+v}$ », и в частности динамику производительных сил общества, являющуюся основной предпосылкой закона тенденции нормы прибыли к понижению, которую можно было бы выразить формулой: « $\frac{v+m}{c}$ », т. е. «определенное число рабочих приходится на определенное количество средств производства, определенное количество живого труда приходится на определенное количество труда, уже овеществленного в средствах производства»⁴⁾. т. е.

¹⁾ «Капитал». Том III. Стр. 17. (Изд. Госиздата II). Оно же и всюду, где иное не оговорено.

²⁾ Там же: Стр. 2. (Подчеркнуто нами).

³⁾ К. Маркс: «Классовая борьба во Франции». Введение Энгельса.

⁴⁾ «Капитал». Т. III, стр. 122.

определенное количество труда, которое может всосать в себе постоянный капитал данного общества.

В этой статье мы намечаем веки марксистской методологии и исчисления ценностного состава капитала, подвергая критике методы, применяемые заграничной и русской официальной статистикой, т. е. только на правильном методологическом базисе возможны правильные выводы, ибо, если метод служит материалом, цементирующим отдельные элементы в стройное сооружение, является, как Плеханов говорит, «душою всякой системы» (II. — «Kante wieder Kante») то, естественно, при недоброкачественности этого материала, сооружение, хотя на внешний вид и вызывающее эстетические рефлекссы, распадается по всем швам, при первой серьезной научной критике его, даже не вдаваясь в сущность диагноза и выводов данного исследования. Тем более это справедливо для исследования ценностного состава капитала, ибо здесь метод является не только цементирующим, но и самим веществом, из которого возводятся сооружения, так как оно является методологическим базисом для ряда дальнейших исследований в области народного хозяйства и служит методологической проверкой теоретических исследований.

Недочеты в этой области вдвойне и втройне грешат, ибо «ошибка в результатах непременно будет замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода, между тем как ошибочный метод, наоборот, лишь в редких частных случаях может дать результаты, не противоречащие той или другой частной истине»¹⁾.

II.

Две операции, очевидно, необходимы для того, чтобы мы могли, расчленив состав капитала, проследить динамику вышеозначенных марксовых категорий: это — исчисление валовой и чистой продукции как отдельных государств, так и всего общества за данный период времени.

Но здесь-то начинаются принципиальные и технические трудности, ибо «чего стоит товар капиталисту и чего стоит самое производство товара, это во всяком случае — две совершенно различные величины. Та часть товарной стоимости, которая состоит из прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталисту именно потому, что рабочему она стоит неоплаченного труда. Однако, так как на основе капиталистического производства рабочий, вступив в процесс про-

¹⁾ Плеханов. Т. I. Ч. II, стр. 210. Госиздат, 1920 г.

Весьма характерно замечание Маркса на стр. 220 III т.: «Только уразумев отношения, действующие при образовании нормы прибыли, статистика приобретает способность предпринять действительно анализ нормы заработной платы в различные эпохи в разных странах».

В равной мере это относится и к другим категориям, регистрацию факторов которых предпринимает статистика.

изводства, сам представляет составную часть функционирующего и принадлежащего капиталисту производительного капитала и, следовательно, действительным производителем товара является капиталист, те издержки производства для него представляются действительной стоимостью самого товара»¹⁾.

Вот эту-то внутреннюю, затемненную связь и нужно раскрыть, путем марковского анализа бухгалтерии капиталистического хозяйства.

В первую очередь, мы установим сущность означенных двух категорий, преломляя их сквозь маркову призму.

Под «валовой продукцией» мы разумеем стоимость произведенных, за данный период, данным районом, продукции, за вычетом стоимости того сырья, вошедшего в данную продукцию, которая единожды в процессе производства была уж учтена.

«Стоимость всякого капиталистически произведенного товара T , изображается в формуле: $T = c + v + m$ »²⁾, где « c » — это основной и оборотный капитал, потребленный данным продуктом, а « $v + m$ », это оплаченная и неоплаченная часть труда, потраченная на производство означенной продукции.

«...Стоимость вновь произведенного продукта в 600 ф. складывается из: 1) опять появляющейся стоимости постоянного капитала в 400 ф., израсходованного на средства производства, и 2) из вновь произведенной стоимости в 200 ф.»³⁾.

«Чистая продукция» равна валовой за вычетом той части продукции, в которой уже овеществлен был труд как в других отраслях производства, так и в предшествующих данному периоду циклах. т.е. $t = T - c = (v + m)$, т.е. чистая продукция равна овеществленному, за данный период, труду: v — оплаченной части его и m — неоплаченной.

1) «Капитал». Том III. Стр. 2.

2) Там же. Стр. 3.

3) Там же.

Примечание. В этом вопросе неправ Рудольф Меерварт, который говорит, что «совокупная стоимость продукта, прошедшего этот путь, выражается в цене одежды, проданной последнему потребителю. Эта совокупная сумма (цена одежды) равна сумме отдельных разностей, получающихся при сопоставлении каждым из названных производителей цены проданного им сырья, полуфабриката или фабриката с покупной ценой, уплаченной им за сырье или полуфабрикат для своего производства. Каждая из разностей показывает ту долю приращения стоимости, которую каждая из пройденных ступеней производства сообщает производительному продукту». (Р¹⁾ Меерварт. «Введение в хозяйственную статистику», стр. 112. Перевод с немецкого, под редакцией М. Смит). Т.е. стоимость этого готового продукта может быть выражена формулой: $T = (a_2 - a_1) + (a_3 - a_2) + \dots + (a_n - a_{n-1})$, где a_n — цена продукта, вошедшего из последней ступени производства, а a_{n-1} — его цена, по выходе из предпоследней ступени производства.

Если это верно для частного случая, где первичное сырье равно нулю, то в общем случае и в частности в основных отраслях хозяйства, как металлургическая и др., где оно играет весьма существенную роль, это будет неверно.

Таков принципиальный подход к этим основным понятиям. (Мы полагаем излишним привести еще цитаты, избыточные в I ч. III т. Маркса, в подтверждение изложенному).

Неправильность этой субстанции, как выясним это ниже, при критике заграничной и русской статистики, естественно, привела к неверным результатам.

Методология технического подхода к этим вопросам неизмеримо сложнее, ибо в значительной доле приходится приспособляться к уже добытым статистическим материалам и вообще к существующим ограничениям получения оных, виной чему объективное затемнение внутренних связей капиталистического хозяйства, как рефлекс имманентно заложенных в нем противоречий.

Какие статьи бухгалтерии капиталистического хозяйства возможны и должны быть нами использованы и в какой классификации?

Ответом на этот вопрос может служить следующая схема:

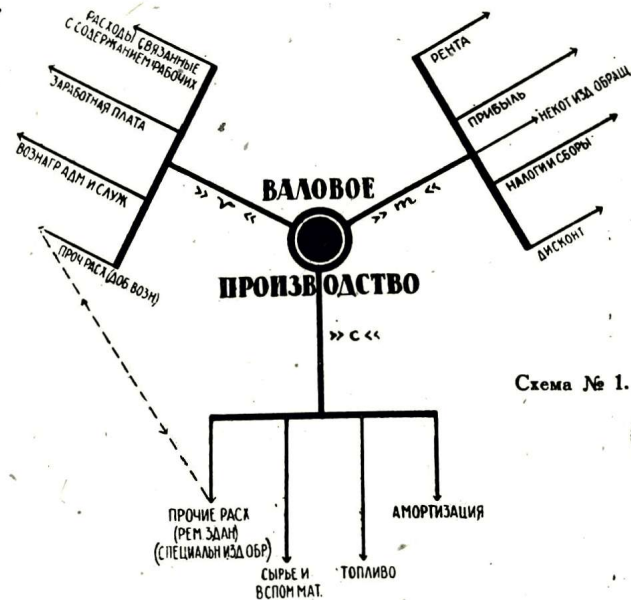

Схема № 1.

Эти статьи с известной точностью приближения мы можем извлечь из разных добытых статистических материалов, как у нас, так и заграничной статистике.

Теперь — несколько в оправдание принципиальной стороны нашей схемы, а затем методы технической разработки ее.

Как явствует из предыдущего, в группу «с» входят те материальные элементы основного и оборотного капитала, которые непо-

оредственно были израсходованы на данную продукцию в данном производственном цикле, и которые тем самым перенесли свою стоимость овеществленного в них труда на нее, перетерпев известной физической и химической метаморфоз, при чем расчет первой части, т. е. амортизацию «получают, как известно, посредством списывания, принимая во внимание определенный период снашивания»¹⁾).

Следует отметить, что в группу «с» входят и издержки основного и оборотного капитала, находящегося в сфере обращения, какковая служит необходимым звеном производственного цикла, как напр., издержки, связанные с образованием запаса товара (хранение), транспорт и пр.

Во 2-м томе «Капитала» Маркс пишет:

«Другими свойствами обладают те издержки обращения, которые мы сейчас рассмотрим. Они могут обуславливаться процессами производства, которые только продолжают в обращении и производительный характер которых, следовательно, лишь затушевывается формой обращения»²⁾.

«Эти издержки обращения отличаются тем... что в известной степени входят в стоимость товаров и, следовательно, удорожают товары»³⁾.

Все эти элементы содержатся в приведенных четырех статьях. Естественно, что все остальные статьи черпают свою ценность непосредственно овеществленного производственного труда, затраченного на производство данного продукта, состоящей из оплаченной и неоплаченной части его « $v + m$ ».

Но перераспределение статей между означенными категориями требует некоторой осторожности.

К ветви «V» мы отнесли заработную плату рабочим и расходы, связанные с ними; затем вознаграждение администрации и служащим и пр. расходы, связанные с ними. Таким образом, мы естественно проводим резкую грань между производительно затра-

¹⁾ Р. Мерварт. «Введение в хозяйственную статистику». (Стр. 113). См. также более подробно «Капитал». Т. II, глава 8 и том I, гл. 13.

²⁾ «Капитал». Том II, стр. 109. Цитировано по изд. 1923 г.

³⁾ Ibid. Стр. 111.

Речь идет об издержках хранения и подобных им связанных с образованием нормального товарного запаса, т. е. такого, который является условием обращения товаров и даже необходимо возникает в товарном обращении, следовательно, поскольку кажущийся застой является формой самого движения, совершенно так же, как образование денежного резерва является условием денежного обращения» (стр. 120), в противовес аномальному товарному запасу, являющемуся результатом того, что «товары, замешкавшиеся в резервуарах обращения, не освобождают места для следующей волны производства и, таким образом, резервуары переполняются, товарный запас увеличивается исключительно вследствие заминки обращения, вследствие того обстоятельства, что товары не удается продать». Эти издержки уже не относятся к «с», а к «ш».

ченным трудом рабочих, занятых непосредственно в производстве и непроизводительным трудом, «заключающемся только в посреднических операциях, — которые связаны отчасти с вычислением стоимостей, отчасти с их реализацией, отчасти с обратным превращением реализованных денег в средства производства, и размер которых зависит, следовательно, от величины произведенных и подлежащих реализации стоимостей, — что такой труд проявляется не как причина, подобно непосредственно производительному труду, а как следствие соответствующей величины»¹⁾ и тут естественно возникает вопрос: правильно ли мы отнесли эту статью к ветви «V» так как неоспоримо, что значительная часть оных получает известную долю от прибыли капиталиста.

«В первом случае купец получает торговую прибыль как самостоятельный капиталист; во втором случае приказчику, наемному рабочему промышленного капиталиста, выплачивается часть прибыли в форме ли заработной платы или в форме соответствующего участия в прибыли того промышленного капиталиста, непосредственным агентом которого он является, и в этом случае его принципал кладет к себе в карман как промышленную, так и торговую прибыль. Но хотя самому агенту обращения его доход может представляться просгой заработной платой, платой за выполненный им труд, и хотя там, где он не представляется в таком виде, величина его прибыли может равняться лишь заработной плате лучше оплачиваемого рабочего, однако во всех этих случаях, источником его дохода служит лишь торговая прибыль. Это происходит оттого, что его труд не есть труд, создающий стоимость»²⁾. «Все это несколько не изменится, если на место промышленного капиталиста становится купец»³⁾. С этой точки зрения мы должны рассматривать эту категорию как часть «ш».

Но с другой стороны, следует признать, что значительная часть этой категории, если не прямым, то косвенным путем «облагораживает» продукт, увеличивает его стоимость. Возьмем, например, бетонные, цементные и др. работы (подобные), даже после того, как продукт по внешнему виду уже готов, необходим известный промежуток времени, известная затрата энергии, чтобы химические свойства были зафиксированы в нем, чтобы не происходили внутренние процессы разложения его. Труд, потраченный на это, несомненно облагораживает продукт, увеличивает его стоимость, является производительным трудом, затем известная часть «V», которая занята в сфере обращения (по транспорту, хранению и т. п.), по тем же мотивам, которые мы выше привели по вопросу об издержках основного

¹⁾ Маркс. «Капитал». Т. III, стр. 284.

²⁾ Выяснению сущности этих расходов посвящена глава XVII, III тома «Капитала», стр. 264—286. Но, вероятно, вследствие приступов своей болезни, Маркс не успел исчерпывающе развить ряд выдвинутых им вопросов в этой области. См. примечание Энгельса в конце главы «Торговая прибыль».

³⁾ Там же. Стр. 274.

и оборотного капитала, находящегося в этой сфере и являющегося *conditio sine qua non* производственного процесса, входит в стоимость продукции, хотя часть из них с точки зрения общественного капитала является *faux frais*. Эти статьи, несомненно, относятся к «V». Это такая же категория, как издержки на перемещение предметов труда внутри производственного процесса, когда материал передается из одной мастерской в другую. «Продукт, только тогда готов к потреблению,—пишет Маркс,—когда он закончит это передвижение».

Отрого разграничить эти статьи в подавляющих случаях технически не представляется возможности, хотя бы например, нормальные и аномальные формы запаса по виду не отличающиеся одна от другой. Но для затронутых нами вопросов: исчисления валовой и чистой продукции, это непосредственного значения не имеет, так как в этом случае нас интересует совокупная сумма « $v+m$ » (равное чистой продукции), но для других категорий, как « $\frac{m}{v}$ » — нормы прибавочной стоимости и пр.—это необходимо будет с известным приближением учесть.

Дальше к ветви « m » мы отнесли статьи: прибыль, рента, %, разные налоги и сборы и специальные издержки обращения.

В оправдание последней статьи этой категории, могущей вызывать некоторые возражения, нам достаточно привести жестко сформулированное Марксом во 2-м томе положение, не нуждающееся в комментариях.

«Общий закон заключается в том, что все издержки обращения вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости... Израсходованный на это капитал (включая и находящийся под управлением последнего и труд) принадлежит *faux frais* капиталистического производства. Возмещение этих издержек должно последовать из прибавочного продукта и представляет, с точки зрения всего класса капиталистов, вычет из прибавочной стоимости или прибавочного продукта» (стр. 122).

Естественно, что все вышеозначенное будет справедливо при условии, что мы будем рассматривать «все отрасли производства как одно целое», только тогда «сумма цен произведенных товаров будет равна сумме их стоимостей»¹⁾. Иначе—мы будем иметь цену производства, которая равна «издержкам его производства, плюс присоединенная к ним прибыль, исчисленная в процентах соответственно общей норме прибыли, другими словами, цена производства товара равна его издержкам плюс средняя прибыль»²⁾. а

1) Маркс. «Капитал». Т. III, стр. 137.

2) Там же. Стр. 135. Здесь, как и всюду, где иное не оговорено, подчеркнутое и а ш е.

эта средняя прибыль совсем не равна действительной реализованной прибавочной стоимости, «хотя капиталисты различных отраслей производства при продаже своих товаров получают назад капитальные стоимости, затраченные на производство этих товаров, однако, они реализуют не ту прибавочную стоимость, а следовательно, и не ту прибыль, которые произведены в их собственной отрасли при производстве этих товаров; они получают лишь столько прибавочной стоимости, а следовательно, и прибыли, сколько на каждую соответствующую часть всего капитала общества приходится из всей прибавочной стоимости или всей прибыли, произведенной в течение данного промежутка времени всем этим общественным капиталом во всех сферах производства, вместе взятых»¹⁾ и «только случайно прибавочная стоимость,— а следовательно и прибыль. — действительно произведенная в какой-либо особой отрасли производства, может совпасть с прибылью, заключающейся в продажной цене товара. Как общее правило, прибыль и прибавочная стоимость, а не только их нормы, являются действительно различными величинами»²⁾.

Таковы принципиальные аргументы в пользу вышеприведенной схемы, дающей картину совокупного производства страны, но этим еще не разрешены препятствия технического порядка разработки ее, так как «совершенно очевидно, что стоимость совокупного производства страны не есть сумма стоимостей производств отдельных промышленных отраслей»³⁾, так как она была бы составлена путем «неоднократно-двойного счета одних и тех же количеств», ибо зачастую один и тот же продукт проходит целый ряд ступеней производства. Чтобы избежать этого, как мы уже выше выяснили, необходимо будет при исчислении валовой продукции лишь единожды во всем цикле производства учитывать этот полуфабрикат, т. е. если, например, чугун уходит в дальнейшую переработку в сталь и железо, а оттуда в прокатные заводы, то из цены стали и железа нужно вычесть цену чугуна, израсходованного на них, а из цены продуктов прокатных заводов — стоимость железа и стали и т. д.

Вообще же мы считаем более рациональным передать динамику воспроизводства капитала с марксистским разрезом ценностного состава его, в виде картограммы, т. к. неоспоримо, что график более интенсивно возбуждает «мейнертовские ассоциативные волокна мозга» и дает возможность во время исправлять ошибки в исчислениях.

1) Маркс. «Капитал». Т. III. Стр. 136. (Здесь как и в других цитатах под прибылью разумеется все виды его—как рента, %, торговая прибыль и т. д.).

2) Там же. Стр. 146.

3) Меерварт. «Введение А с...» стр. 110.

Мы предлагаем следующую графическую систему динамики ценностного состава капитала с марксистскими резервами:

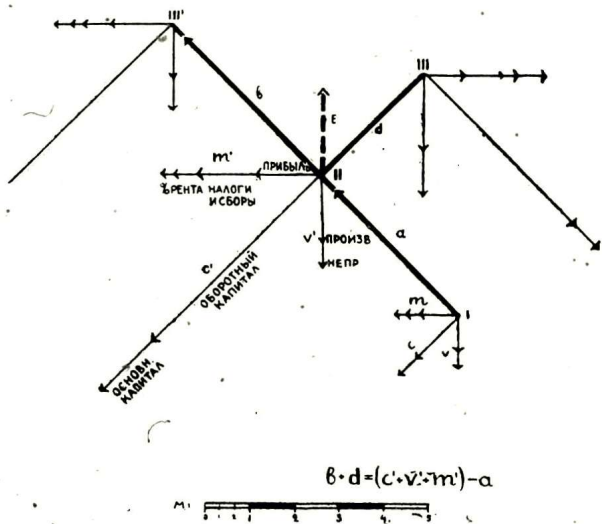

Схема № 2.

Вначале мы строим графики отдельных производств за определенный промежуток времени, руководствуясь схемой № 1. Для примера возьмем металлургическую отрасль хозяйства.

1-ая ступень производства — выплавка чугуна.

Распределив соответствующие статьи по категориям «v» и «m», мы в соответствующих масштабах, pro rata их стоимостям, откладываем в виде отрезков (под прямым углом). «с» мы тоже, рассчитав на постоянный и оборотный капитал, ушедший на данную продукцию, откладываем в виде отрезка (под углом в 45 гр.). Отрезок «а», равный «с+v+m», будет представлять собою валовое производство чугуна (в наших примерах фактически цену производства чугуна). Для простоты изложения предположим, что весь чугун ушел в дальнейшую переработку в сталь. «с' + v' + m'» будут элементы цены производства стали, часть которой ушло на машиностроительные заводы, а часть на прокатные. Отрезки «b+d» будут представлять собою валовую продукцию стали, равную стоимости стали минус стоимости чугуна, т.е. «с' + v' + m'» минус «а». Если бы часть стали в дальнейшую работу не пошла бы, т.е. осталась бы в виде конечного продукта, то мы изобразили его отрезком «Е» (у нас он показан пунктиром) и тогда «b+d+E» = «с' + v' + m'» — «а» равняется валовому производству стали и т. д.

Валовое производство всей металлургической промышленности $a + b + d + e + \dots$, и никакого повторного счета мы бы не имели.

Чистая же продукция = $(v + m) + (v' + m') + (v'' + m'') \dots$, т.е. равняется овеществленному труду всей рабочей армии металлургической промышленности.

К сожалению, непосредственно исчислить действительную стоимость каждой отрасли производства представляет значительные технические затруднения, ибо установление нормы эксплуатации для каждой в отдельности отрасли производства, для каждого данного момента (а здесь отрезок времени должен быть возможно короче, так как $\frac{m}{v}$ есть функция стоимости денег, оборота, производительности труда, заработной платы и других факторов, которые чрезвычайно подвижны) практически не представляется возможным.

Мы бы не имели подавляющего фактического материала, потребного для этого. (В математическом виде это исчерпывающе исследовано Марксом в 3 гл. III тома).

Лабораторное исследование на некоторых заводах нашей легкой и тяжелой индустрии, находящихся в изложенной выше вертикальной цепной зависимости, было бы весьма ценно.

Имея подобные графики всех отраслей хозяйства, мы могли бы строить комбинированные диаграммы валовой и чистой продукции с марксистскими разрезами. Всякий повторный счет был бы нами замечен, так как мы бы имели ряд графических проверок. Имея подобные диаграммы за целый ряд лет, мы можем проследить динамику как отдельных элементов капитала, так и движения всего капитала. Естественно, что мы были бы тогда у подступов реальной кривой противоречий капиталистического хозяйства, которые в алгебраическом виде изложены Марксом и его учениками. Эти кривые, как уже выше было указано, будут с известным грубым приближением к действительности, так как статистика имеет ряд прорех, починить которых вряд ли удастся. Но в конечном итоге нас интересует не абсолютные значения, а относительный темп изменения.

Вопросов межгосударственного обмена мы здесь не касаемся: они требуют специального рассмотрения, хотя принципиальных трудностей это не представит.

Проиллюстрируем наши схемы валовой и чистой продукции данными статистики нашей промышленности.

Статистические материалы мы черпаем из трудов Центрального Статист. Управления, данные которых проанализируем, руководствуясь нашими схемами.

ЛИСТ 1-Н. (В милл. руб.)
Ценностный состав капитала фабрично-заводской продукции СССР за 1913 год.

Название отраслей хозяйства.	«С»			«В»			«Т»			«С»			«Т»			Ленарповая отрасль (1 по 12).
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
1. Добывание и обраб. камня, земли и гл. Горная и горнозав. промышленность.	27,68	1034,2	25,67	7,59	7,72	42,58	4,44	6,85	19,34	2,37	10,09	68,66	47,02	38,65	154,83	
2. Горная и горнозав. промышленность.	27,53	1034,2	206,51	113,87	50,20	268,03	15,86	66,30	41,57	14,93	199,05	1779,84	283,89	321,85	2666,11	
3. Металлообр. пр-ть и пр-во машин и инстр.	248,30	137,8	40,50	26,93	31,80	148,88	5,98	36,96	22,08	5,32	61,31	250,78	154,86	125,67	308,97	
4. Обработка дерева.	94,32	137,8	7,36	2,74	8,56	30,16	1,54	4,96	9,38	1,71	10,44	250,78	31,70	26,49	308,97	
5. Химическая пр-ть.	171,21	14,3	7,09	7,43	16,88	19,23	1,01	11,48	19,21	1,69	82,44	216,91	20,26	114,82	351,99	
6. Пищевая	892,58	160,6	58,02	33,01	74,29	58,85	13,90	26,79	105,82	11,59	229,96	1219,50	73,45	374,16	1666,41	
7. Обработка тв. мат. жва. промс. кож. инпр.	97,30	39,9	2,15	1,48	6,73	10,50	0,81	2,56	11,30	1,34	0,41	147,56	11,31	15,61	174,48	
8. Пронг. по обр. хлопка	714,12	38,16	32,71	84,51	101,26	13,08	21,80	11,57	10,90	92,14	114,34	147,56	114,34	136,41	174,48	
9. " " шерсти	109,43	5,85	5,65	9,75	17,49	2,14	5,26	8,21	2,53	28,72	19,63	1603,22	19,63	44,72	1994,57	
10. " " шелка	24,49	2,26	2,26	2,26	2,46	8,05	1,13	2,31	3,40	0,69	2,12	1603,22	9,18	8,52	1994,57	
11. " " льна	59,98	3,69	3,69	3,69	5,77	15,36	1,15	3,23	4,51	1,50	14,53	1603,22	16,51	23,77	1994,57	
12. " " бумаги и по-дграф. промс.	21,43	1,50	1,50	1,50	2,23	6,59	0,32	2,18	3,89	0,45	4,84	147,56	6,91	11,36	174,48	
13. дграф. промс.	62,26	9,8	8,09	6,61	7,98	27,13	1,85	8,33	10,72	1,80	17,72	94,64	28,48	38,63	161,75	
14. Передача физич. сил и водоснабжение.	0,97	5,58	5,58	3,52	1,94	3,41	0,11	4,26	13,01	1,39	4,53	94,64	3,52	23,19	161,75	
Итого . . .	2551,59	411,86	250,95	281,82	281,82	757,54	62,82	208,34	284,02	28,24	758,4	—	820,36	1304	—	

*) „Первичное“ мы ввели потому, что, сопоставляя итоги валовой продукции таблицы № 25 „Сборника“ ИСУ с соответственной графой табл. № 18 того же „Сборника“, мы получаем различные числовые значения, объясняющиеся тем, что в табл. № 25 в вал. продукции включена стоимость сырья произв. самой промышленности (тоуфобрикат и проч.), чего нет в табл. № 18. К рунтику означенных данных см. дальне стр. 241—242.

*) „Совокупная“ — это „Промышленность“, „Строительный труд“, „Валовая продукция (шт.), за вычетом стоимости сырья, в том числе: 1) „С“ (ромонт зданий), а остальные (С+Т) руководств. — „Совокупная“ и „Промышленность“.

*) „С“ — это „С“ (ромонт зданий), а остальные (С+Т) руководств. — „Совокупная“ и „Промышленность“.

Продолжение.

Название отраслей хозяйства.	18	19	20	21	22	23	24	25	26
	Валовая про-дукция (в всех граф. — пр. 3).	Чистая про-дукция (в + м). пр. (1+13).	Чистая про-дукция по данным Ц. С. У. (18 — (2+4)).	Норма прир. стоимости.	Действительная прир. сто-имость „м“ отл. пр. 159.	Стоимость про-дукции.	Умноженные цены от стоимости. (пр. 23—16).	Стоимость ва-лового про-дукта.	Стоимость чи-стой про-дукции.
1. Добыча и обраб. камня, земли и проч.	154,3	83,67	100,99	159%	74,76	190,44	— 36,11	190,44	121,78
2. Горная и горнозав. про-мышленность	1003,9	605,74	769,88	159%	451,39	2916,21	— 250,1	1135,62	735,28
3. Металлообр. пр. и пр-во машин и инстр.	628,1	280,53	339,27	159%	246,23	332,88	— 23,91	746,39	401,09
4. Обработка дерева	171,2	58,19	69,50	159%	50,40	269,38	— 82,61	195,08	82,10
5. Химическая промышлен-ность	337,7	135,08	159,39	159%	32,21	1407,92	— 237	255,08	52,47
6. Пищевая	1505,8	446,91	555,21	159%	115,67	176,85	— 237	1237,32	188,42
7. Обработка тв. мат. жив. промс. кож. и пр.	134,6	26,92	35,13	159%	17,98	—	—	136,95	29,29
8. Пр-во по обраб. хлопка	1090,3	250,75	337,98	159%	181,75	—	—	1135,59	296,09
9. " " шерсти	195,0	64,35	79,78	159%	31,16	—	—	181,47	50,79
10. " " шелка	49,2	17,70	22,42	159%	14,63	2084,53	— 39,96	55,29	23,71
11. " " льна	115,3	40,28	49,83	159%	26,23	—	—	117,72	42,74
12. " " бумаги и пол. пр.	44,6	18,27	21,99	159%	10,97	168,43	— 6,68	44,17	17,88
13. Передача физич. сил и водоснабжение	152,0	67,11	81,61	159%	45,31	—	—	159,63	73,79
Итого	5620,7	2124,36	2657,23	159%	1304,37	2135,72	2135,72	5620,84	2124,51

Отдельные элементы нашей таблицы мы взяли из итогов обработанных данных ЦСУ, помещенных в таблице № 18 и № 25 «Сборника статистических сведений по Союзу ССР» 1918—1923 года, не подвергая критике методов получения означенных числовых материалов, так как мы хотели лишь проиллюстрировать наше принципиальное обоснование. Как видно, хотя элементы одни и те же, результаты же получились существенно различные.

Схематизируя итоговые данные, мы получим следующую картину:

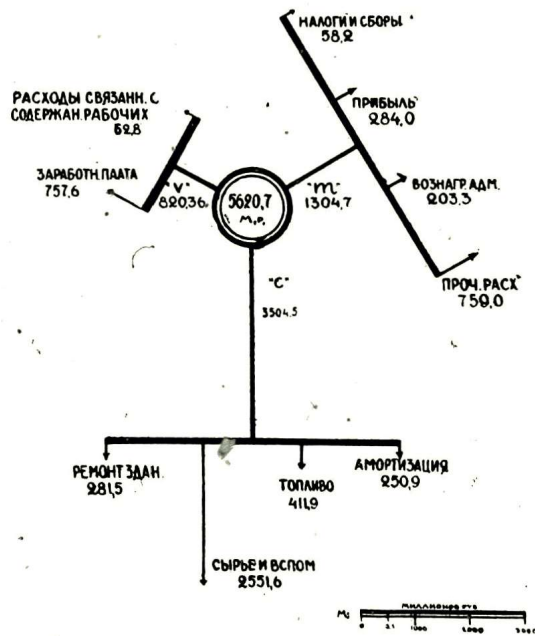

Схема № 3.

Если мы теперь из суммарного «v+m», равному 2124,35 м. р. вычтем производительную заработную плату, равную 820,6 м. р., то получим 1303,76 м. р.; это и будет та масса прибавочной стоимости, которую создали рабочие в 1913 г.

Норма прибавочной стоимости будет равна — 1303,76 : 820,6, т.е. 159% ¹⁾. Это значит что свыше половины рабочего времени

¹⁾ В действительности будут коррективы в означенных элементах, вносимые за счет издерж. обращения. Но в целях иллюстрации метода, за отсутствием фактических данных, мы отвлекаемся от них, тем более, что на относительные величины существенного влияния они не окажут.

2,59 милл. рабочих ¹⁾) оставалось неоплаченной, львиная доля которой уходила в карманы незначительного числа владельцев этих средств производства.

Если мы будем изучать динамику совокупного производства, беря за отрезок времени довольно продолжительный промежуток, так что преходящие факторы нивелируются, мы вправе тогда считать эту среднюю норму прибавочной стоимости действительной для всех сфер производства. «Что касается значительных различий в эксплуатации труда в разных сферах производства, то уже Адам Смит обстоятельно показал, что они уравниваются всякого рода действительными или основанными на предрассудке компенсирующими обстоятельствами, и, следовательно, различия эти, как только кажущиеся и мелкие не должны приниматься в расчет при исследовании общих соотношений. Другие различия, напр., в высоте заработной платы, покоятся главным образом на различии между простым и сложным трудом, при чем хотя они и делают жребий рабочих в различных сферах производства далеко не одинаковым, однако, далеко не затрагивают степени эксплуатации труда в этих различных сферах. Если, например, труд золотых дел мастера оплачивается дороже, чем труд поденщика, то прибавочный труд золотых дел мастера производит по сравнению с прибавочным трудом поденщика в том же самом отношении больше прибавочной стоимости» ²⁾.

В таком случае мы могли бы вычислить действительную стоимость отдельных отраслей производства, сопоставить ее с ценой производства (т.е. с продажной ценой), выяснить удельный вес тех отраслей производства, которые закладывают тон средней нормы прибыли и т. п.

На приведенной нами выше таблице мы и сделали подобную попытку для иллюстрации сказанного: среднюю норму прибавочной стоимости, равную 159%, мы приняли для всех отраслей производства (графа № 21). Затем вычислили прибавочную стоимость путем умножения соответствующего «v» на 1,59 (графа № 22) ³⁾ и полную стоимость продукции каждой отрасли производства (гр. № 23). И хотя в «с» и «v» у нас входят опять-таки цена производства, как необходимых средств производства, так и средств существования, которые уклоняются от их стоимостей ⁴⁾, но «благо-

¹⁾ «Сборник статистических сведений по Союзу СССР». 1918—1923 год. Издание ЦСУ.

²⁾ «Капитал», Т. III. Стр. 119.

³⁾ $\frac{m}{v} = 1,59$, откуда $m_1 = 1,59v_1$, $m_2 = 1,59v_2$ и т. д.

⁴⁾ На стр. 139 в III томе читаем: «Что касается постоянной части, то она сама равна издержкам производства, плюс прибавочная стоимость, т.е., в данном случае, равна издержкам производства, плюс прибыль, а эта прибыль в свою очередь может быть больше или меньше, чем та прибавочная стоимость, место которой она заступает. Что касается переменного капитала, то хотя ежедневная заработная плата в среднем всегда

даря тому, что в один товар прибавочной стоимости входит настолько больше, сколько ее недостает в другом, то следовательно отклонения от стоимости заключающегося в ценах производства товаров взаимно уничтожаются»¹⁾.

Графа № 25 показывает отклонения цены от стоимости. Здесь на конкретном примере, грубо исчисленном, мы можем наблюдать справедливость марксовых выводов: «в общей сумме товары продаются... так, что отклонения цен взаимно уничтожаются благодаря равномерному разделению прибавочной стоимости, т. е. благодаря присоединению средней прибыли на каждую сотню авансированного капитала к соответственным издержкам производства товара; в том же самом отношении, в каком одна часть товаров продается выше, другая часть продается ниже ее стоимости»²⁾.

В самом деле, превышение суммы цен производства над стоимостями равняется 358,72 м. р., а превышение стоимостей над ценами пр. равняется 359,13 м. р.

Дальше—это даст нам возможность судить об органическом составе капиталов, приложенных в различных сферах производства. «Для товаров, произведенных капиталом II (состава выше среднего—90с + 10v + 10m), стоимость меньше, чем цена производства, для капитала III (состава ниже среднего—70с + 30v + 30m) цена производства меньше, чем стоимость, только для капитала I (среднего состава), принадлежащего отрасли производства, в которой состав капитала случайно совпадает с средним общественным составом, стоимость и цена производства равны»³⁾.

В нашем случае, как видно из таблиц, капиталы с более высоким органическим составом приложены в сферы: химической, пищевой, водоснаб. В сферах производства по обработке камней и др. горных пород, в горной и горнозаводской, в металлургической и др. некоторых произв.—состав капитала ниже среднего и лишь в производстве по обработке мат. животного происхождения и еще в одной—двух сферах состав приложенного капитала случайно совпадает с средним составом⁴⁾.

равна новой стоимости, созданной в течение того количества часов, которое рабочий должен затратить для того, чтобы произвести необходимые средства существования, однако самое это количество фальсифицируется в свою очередь благодаря тому, что цены производства необходимых средств существования уклоняются от их стоимостей».

¹⁾ Там же.

²⁾ Там же, стр. 142.

³⁾ Там же, стр. 142. Взятое в скобках — наше.

⁴⁾ Действительно, таблица № 5 (об обеспечении фабрик и заводов дват. сил), опубликованная в «Предварительной сводке данных Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г.», стр. XXVI, показывает, что в то время как в горной и горнозаводской промышленности на рабочего приходится 1.16 Н. Р., в пищевой около 3,1 Н. Р., в химической около 1,4 Н. Р. Это

Далее, на основании графы 22, мы вычислили стоимость валовой и чистой продукции.

На ряду с исследованием ценностного состава капитала, заключающегося в изготовленном в данном периоде продукции, необходимо исследовать и весь авансированный капитал общества. «Машины всегда целиком принимают участие в процессе труда и только частью в процессе образования стоимости. Она никогда не присоединяет больше, чем утрачивает в среднем выводе вследствие своего изнашивания... таким образом, существует большая разница между машиной, как элементом образования стоимости, и машиной, как элементом образования продукта»¹⁾.

Это вместе с предыдущими данными даст нам возможность установить органический состав капитала, вложенного в различные сферы производства, норму прибыли, выражающуюся формулой

$$\frac{m}{C+v}, \text{ где в «С» входит весь авансированный капитал, и т. д.}$$

Эта проблема открывает новые горизонты для дальнейшей реализации марксовых схем, для конкретизации основного закона тенденции нормы прибыли к понижению, для измерения степени производительности каждой страны.

Мы прошли мимо «ряда второстепенных вопросов, которые неизбежно встанут при практическом столкновении с этими проблемами, мы указали лишь маячные вехи.

Коллективная мысль и труд смогут одухотворить марксовы общие формулы конкретной действительностью, смогут дать действительную картину динамики мирового производства и производства отдельных стран, при свете марксовой теории, для объективной оценки потенциала «капитализации» данной страны, для измерения силы притяжения ее к социализму.

Мы переходим к разбору тех материалов, которые главным образом послужат источником для реализации изложенных проблем.

III.

Источниками, откуда мы можем черпать материал для вышеизложенных схем, являются, главным образом, те периодические цензы, которые производятся как за границей, так и у нас. Поэтому бесполезно подвергнуть их общей критике.

На две основные операции мы можем разбить технику ценза: на соби́рание материалов по инструкциям соответствующих офици-

в грубой форме говорит нам, что на каждую сотню авансированного капитала в химич., пищевой промышленности приходится переменного капитала меньше чем в горной и др., т. е. что там органическое строение капитала выше, хотя и масса авансированного капитала безусловно значительнее в горной и металлургической отраслях промышленности.

¹⁾ «Капитал». Т. I. Стр. 379.

альных статистических органов и на обработку их. И если недочеты или ошибки во второй степени коллективными усилиями могут быть исправлены и в частности для наших марксовских схем выловлены в соответствующей классификации необходимые статьи, то, к сожалению, прорехи в первой стадии работы мы бессильны починить. И лишь, возможно, окольными путями мы сможем заполнить с соответствующим приближением необходимые данные для нашего анализа.

Одним из существенных препятствий, на которое мы в первую очередь наталкиваемся при исследовании ценностного состава капитала наиболее полнокровных и типичных капиталистических стран—Великобритании и Америки,—на первый взгляд трудно объяснимое препятствие.—это отсутствие учета в ценах статьи амортизации, как элемента, образующего стоимость продукции, т.е. в «с», у нас будет нехватать части основного капитала, перенесшего свою стоимость на изготовленный продукт.

«Против такого метода определения стоимости купленных материалов и инструментов, практикуемого английской и американской производственной статистикой, следует возразить, что с точки зрения конечной цели переписи... и здесь также сделано серьезное упущение: отсутствует всякая попытка уловить ту стоимость, которую переносят на продукт средства производства (в широком смысле слова), произведенные другими отраслями промышленности, или, иначе говоря, основной капитал. Стоимость обесценения последнего предлагалось вполне определенно не регистрировать»²⁾.

«Это игнорирование приращений ценностей, падающих на основной капитал, мешает нам использовать полученные данные для теоретических и политических построений»²⁾.

Это—действительно трудно объяснимый факт, установившийся, вероятно, в силу традиции со времени Адама Смита—Рикардо.

Небезинтересно примечание Маркса в главе «Машины и промышленность»³⁾, проливающие некоторый свет на теорию идеологов англ. пот. экон. по этому вопросу. «Рикардо обращает иногда до такой степени исключительное внимание на это действие машин,—впрочем, так же мало выясненное им, как и общее различие между процессом труда и процессом образования стоимости,—что он при случае забывает ту составную часть стоимости, которая переносится на продукт машинами, и совершенно отождествляет ее с силами природы. Так, например: «Адам Смит нигде не оценивает слиш-

²⁾ Р. Меервайт. «Введение в хозяйственную статистику». Стр. 137.

²⁾ Там же.

³⁾ Маркс. «Капитал». Том I. Стр. 390. Примечание 117. (Подчеркнутое в тексте).

ком низких уступ, оказываемых силами природы и машинами, но очень точно различает природу стоимости, присоединяемой ими к продукту... Так как они исполняют свою работу даром, то помощь, которую они нам оказывают, ничего не присоединяет к меновой стоимости» (Ricardo. „Principles of political economics“, p. 336, 337).

Стоимость продукта у них складывалась только из « $v + m$ », т.е. переменного капитала и сверхстоимости, так же постоянный капитал они в свою очередь разлагали на « $v + m$ » и т. д.

«На чем основано у него (у Смита) опущение третьей составной части стоимости—постоянного капитала? Адам Смит не мог не видеть этой части, но он полагал, что она сводится тоже на заработную плату и сверхстоимость»¹⁾. Что видно, например, из следующих его рассуждений: «В цене хлеба, например, одна часть оплачивает ренту земледельца, другая—заработную плату или содержание работника и рабочего скота, употребленного на производство этого хлеба, и третья часть—прибыль фермера. Эти три части непосредственно, или в последнем счете, составляют повидимому всю цену хлеба. Пожалуй, можно было бы думать, что необходима четвертая часть для возмещения капитала фермера или для возмещения изнашивания его рабочего скота и других орудий земледельческого хозяйства. Но следует принять во внимание, что цена всякого орудия в хозяйстве, например, рабочей лошади, сама состоит из тех же трех частей»²⁾.

Необходимо будет каким-нибудь окольным путем получить эти данные, так как без оных мы не в состоянии будем реализовать марксовы алгебраические формулы.

Один из таких путей, нам кажется, возможен следующий: согласно данным инструкциям американских производственных переписей, вычисляется прибавочная стоимость, переданная материалам в процессе их обработки. (Value added to materials by manufacture). Как разъясняет текстовой том (стр. 10), стоимость эта есть разность между стоимостью готовой продукции и издержками на материалы³⁾, где под последними разумеется, согласно пояснениям того же текстового тома (стр. 10), не только издержки на материалы, которые входят в продукт, но также и на те, которые необходимы для поддержания работы машин, как, например, горючий материал и смазочные средства, а также и упаковочный материал. Средства же производства, «работая даром», ничего не переносят на продукт.

Но если мы из продажной цены продукта вычтем издержки этих материалов, мы получим не только прибавленную

¹⁾ Ленин. «Развитие капитализма в России». Стр. 11. Изд. 1923 г.

²⁾ Смит, А. «О причинах увеличения производительной силы труда» et. c. Стр. 171.

³⁾ Fourteenth census of the United states, volume VIII.

стоимость, т.е. «заработную плату, жалование служащим и ряд других относящихся сюда расходов и, наконец, прибыль»¹⁾, но и стоимость амортизированных средств производства. Стало быть, если мы из этой кажущейся прибавленной стоимости вычтем истинную прибавленную стоимость, т.е. что мы подразумеваем под « $v + m$ », мы получим стоимость а м о р т и з а ц и и.

Естественно, что при таких манипуляциях приближение к действительности будет довольно грубое, но поскольку исчисление амортизации даже в наиболее развитых отраслях производства далеко не усовершенствовано, это грубое приближение возможно не будет столь чувствительно¹⁾.

(Покажем изложенное на примере: конечные итоги американской переписи 1909 года сводятся к следующему: продажная стоимость продукции равна 20.672 м. дол.; стоимость материалов—12.142 м. дол.; приращенная стоимость—8.529 м. д.). Если мы «исдержки производства» подвергнем нашей классификации, то получим следующее:

«с»	{	Материалы кроме топлива	}	12.142
		Топливо и энергия		
		Амортизация ?		

«v»	{	Производительная заработная плата	}	3.427 м. д.
		Непроизвод. заработная плата		938 м. д.

«m»	{	Налоги и сборы	}	1.945 м. д.
		Разные расходы		
		Прибыль ?		

Все перечисленные элементы, кроме амортизации и прибыли, составляют 18.454 м. д. Если мы из продажной цены продукции вычтем эту сумму, то получим означенные элементы (прибыль и амортизацию), т.е., 2.280 м. д. Суммируя прибыль отдельных отраслей производств и вычтя ее из 2,280, мы получим амортизацию. Возможны и другие пути, как использование данных учета всех имеющихся средств производства и т. д.).

При практическом столкновении с этой проблемой разрешение ее, вероятно, будет возможно окольным путем.

Существенно неверным в британской статистике является также то, что по инструкции «за ценность продукции следовало считать продажную стоимость (not selling value). Под тако-

¹⁾ См. приложение стр. 246—247.

вой подразумевалась продажная цена за вычетом дисконта, вознаграждения посредникам и фрахта, уплаченного за доставку транспортным учреждениям». Ясно, что данные дисконта, вознаграждения посредникам необходимо будет раздобыть и прибавить к полученным британской статистикой данным стоимости продукции, ибо все эти элементы входят в « m ».

К числу преимуществ означенных статистик можно отметить строгую последовательность и соизмеримость основных элементов стоимости продукции, отсутствие двойного счета (вследствие того, что сырье, полуфабрикат учитывался единожды во всем цикле производства) и наличие в инструкциях взаимно поверочных вопросов, дающее более или менее гарантию в верности числовых значений.

Особая ценность германской статистики заключается в том, что она разветвляется до максимального предела движение отдельных элементов продукции, дающее широкий простор для разных теоретических исследований. Но это достоинство обусловлено тем недостатком, что оно ставит лишь «задачу нарисовать картину производства отдельных больших отраслей промышленности», игнорируя задачу «охватить совокупное промышленное производство страны» и тем самым «определить даваемое всей промышленностью приращение ценности»¹⁾. Но для наших целей более важен исчерпывающий сырой материал, чем ошибочные результаты. Мы мимо проходим ряда других вопросов, возникающих при обозрении заграничной статистики, ибо это требует специального глубокого изучения материалов постановки ценз в каждой стране. А это выходит из круга настоящей работы.

Перейдем к более детальной критике методологии нашей промышленной статистики, приобретающей, как в начале этой работы было указано, сугубое значение, ибо народным хозяйством руководит государство.

Прежде всего в нашей промышленной статистике отсутствует вообще единое понятие «валовой» и «чистой продукции»: в одном случае под валовой продукцией разумеется «стоимость всех товаров-продуктов и полуфабрикатов, как выпущенных на рынок, так и ушедших в переработку в том же заведении», в другом же случае— «как стоимость выработки за вычетом полуфабрикатов, ушедших в переработку в том же заведении», и в третьих— «только окончательно пригодных для употребления (широкого потребления и промышленного потребления) изделий»²⁾.

¹⁾ Германская статистика востину могла бы повторить на этот упрек слова Фейербаха: «Ты осуждаешь мои недостатки, но знай, что ими обуславливаются мои достоинства».

²⁾ «Экономическая Жизнь» от 15/II 1924 г. № 112. Ст. Ф. Дубовикова.

«Entweder oder». Термин «валовая продукция» может выражать одно понятие, пусть условное, но не несколько разнородных и несоизмеримых. Ведь куда проще другие содержания обозначать другими названиями.

Далее при анализе самих понятий валовой и чистой продукции мы сталкиваемся с существенным дефектом: возьмем, например, «Сборник статистических сведений по Союзу ССР» 1918—23 г., в пояснениях к таблицам главы «Промышленность» читаем: «при пользовании таблицами нужно иметь в виду, что под валовой продукцией разумеется стоимость изделий, выработанных из своего и покупного сырья с добавкой выручки по заказам, при чем стоимость определяется «леко-фабрика». Стоимость полцеховых изделий, идущих в дальнейшую переработку в тех же заведениях, из стоимости общей выработки исключается¹⁾».

При подобном методе исчисления мы, естественно, имеем двойной счет, так как, согласно этим пояснениям, мы вычитываем из стоимости продукции только то сырье, которое идет в дальнейшую переработку в тех же заведениях. А сырье, идущее в дальнейшую переработку в другие заведения, не вычитывалось в заведении, изготовившем этот полцеховый продукт, переработавшие его в окончательный продукт, включают его стоимость в валовую продукцию?... Это ли не приводит к неоднократному двойному счету, а ведь на основании этих данных тот же оборник пытается исчислить продукцию совокупного производства страны (там же, стр. 214—215).

Дальше, согласно этим пояснениям, в валовую продукцию включается выручка по заказам. Но и это условие неверно, так как предприятия, работающие по договорам, для других заведений, доставляющих им материал, как немцы называют: «im Lohnarbeiten», как, например, мельницы, мастерские по заказу, с своей стороны указывают суммы, полученные за работы, в то время как другое предприятие, для которого производилась эта работа, указывает окончательную стоимость продукта, в которой опять-таки содержится стоимость этой работы. Этот повторный счет можно было бы избежать, если бы одно из этих предприятий, вернее второе, вычло бы эту сумму.

В издании ЦСУ 1924 г. «Народное хозяйство СССР в цифрах», таблица № 5²⁾ приводит валовую и чистую продукцию и отдельных элементов их, как отдельных отраслей производства, так и совокупного производства — фабрично-заводской промышленности СССР за 1913 г.

¹⁾ «Сборник...». Стр. 223.

²⁾ «Народное хозяйство СССР в цифрах». (К XII съезду РКП). Стр. 134—135.

ТАБЛИЦА № 5¹⁾.

Группы произв.-в.	Продукция:		Элементы валовой продукции:							
	валов.	чистая.	воз. адм. и служ.	зарплата.	раз. с вад. с сод. рабочих.	сырье и вешом. материал.	амортизация.	налог и сборы.	проч. расходы.	чистая прибыль.
1.	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Добыча и об. камня и пр. .	154,3	101,0	6,3	42,6	4,4	27,7	7,6	2,4	17,8	19,3
Горная и гор.-заводск. пром.	1003,9	769,9	66,3	268,2	15,9	27,5	113,9	14,9	249,2	41,8
Металло-об.-пром. и маш.	628,1	339,3	36,9	148,9	6,0	248,3	26,9	5,3	93,1	22,1
(Остальные пропускаются).										
Всего:	5620,7	2657,2	203,3	757,6	62,8	2551,6	250,9	58,2	1040,2	284,6

«Чистая продукция», как видно из этой таблицы, равна валовой продукции минус сырье, вспомогательные материалы и топливо (как, например, итоговое число чистой продукции 2657,2 равно 5620,7—валовая прод.—минус 2963—сырье и топливо и т. д.).

В этом исчислении «чистой продукции» мы имеем ту же ошибку, которую делают английская и американская статистика: т.-е. убеждение, что «средства производства работают даром—подобно силам природы». Но здесь это усугубляется тем, что данные амортизации отдельных отраслей производства не числены и тем не менее отнесены к «v+m», а не к «с»... (как, напр., 2657,2—чистая пр.—равна 5620,7—вал. пр.—минус 2963—сырье и топливо, след. амортизация включена в чистую продукцию).

Тем более странно то, что на следующей странице того же «справочника» помещена таблица, исчисляющая валовую и чистую продукцию и ремесленной промышленности, где амортизация исключена из «чистой продукции»²⁾.

¹⁾ Следует отметить существенную несогласованную опечатку в этой таблице официального справочника:

Складывая соответственные элементы валовой продукции, помещенные в этой таблице, мы не получаем соответственные данные графы 3 (валовой продукции), (напр. сумма итоговых элементов, из которых состоит валовая продукция, равна 5.209, а в графе № 3 значится 5620,7 и т. д.).

Это несоответствие объясняется пропуском целой графы «Топливо и смазочные материалы». (См. аналогичную табл. в «Сборнике» за 5 лет, № 18, в отделе «Промышленность»).

²⁾ Там же, стр. 136—137, таблица № 6 (см. на обороте).

Чем вызвано предпочтение к кустарно-ремеслен. промышленности,— затруднительно ответить. Но одно неоспоримо, что эти данные совсем несоизмеримы и поэтому теряют значительную долю своей ценности.

О заблуждениях, которые вводит отсутствие единого руководства понятием валовой и чистой продукции, говорят полученные числовые значения, помещенные в «Оборнике»: в таблице № 18, в итоговой графе валовой продукции фабрично-заводской промышленности за 1913 год, числится 5620 м. р.¹⁾, а в таблице № 25 того же «Оборника» значится под графой того же названия 6685 м. р.²⁾. т. е. разница на целый миллиард рублей.

Ясно, что одна из граф не соответствует своему названию ибо источники, на основании которых были исчислены эти данные в обеих таблицах, одни и те же, что видно из пояснений к ним. (Таблица № 18 составлена «согласно прямым данным переписи 1918 года»³⁾. К таблице же № 45 сказано: «Распределение сырья и топлива проведено на основании данных переписи 1918 года и данных акцизного надзора для подакцизной промышленности»⁴⁾).

При более близком изучении их мы видим, что данные графы «валовая продукция», помещенные в таблице № 18, равны данным той же графы № 25, минус промышленное сырье, изготовленное самой промышленностью, ушедшее в дальнейшую переработку, безразлично куда—в свои ли заведения или в другие, а не как оговорено было в пояснениях (стр. 225), которые мы выше приводили, как, например:

Элементы валовой продукции.

Сырье и вспомогател. материал.	Топливо.	Амортизация.	Чистая продукция.	
			Налоги и сборы.	Заработок.

¹⁾ «Оборник статист. сведений по СССР» 1918—1923 г. Стр. 198—199.

²⁾ Там же, стр. 214—215.

³⁾ Там же, стр. 225—224.

⁴⁾ Там же.

	Валовая продукция. Таблица № 25	В том числе пром. сырье, изгот. самой промышленностью.	Валовая продукция Таблица № 18 = граф. 1 — граф. 2.
	1	2	3
Добыча камня и проч.	154,3	0	154,3
Обработка кожи	174,4	39,9	134,5

и так далее¹⁾.

Эту графу в таблице № 25 правильнее было бы назвать «Ценой производства» (см. нашу таблицу, стр. 230—231), но ни в каком случае «валовой продукцией».

Нельзя не признать, что эти «мелочи» все же представляют существенные дефекты, напоминающие нам о необходимости о с о б о критически подходить к результатам данным.

На результативные данные неоспоримо подавляющее влияние оказывает сама постановка ценза, в первую очередь легитимация объекта ценза, до максимального предела разграничение между фабрично-заводской промышленностью и кустарной ремесленной и не менее ясное представление о единице счета.

«Весьма существенным является анализ двух основных понятий всякой переписи промышленных предприятий — понятие промышленного предприятия и производственной единицы»²⁾. Этой проблемой были заняты наиболее видные деятели заграничной науки экономики и статистики. Достаточно указать на приводимые Меервартом три основных критерия единиц промышленных цензов: один—автор коего Зомбарт³⁾, считающий, что основным критерием является единство плана, второй—(Шмоллер)⁴⁾, учитывающий главным образом пространственный фактор, и третий—Кальмес⁵⁾, выдвигающий в качестве решающего момента технический фактор.

Эти основные точки зрения и нашли отражение, в чистом или комбинированном виде, в практике заграничных производственных цензов.

Мы оставляем в настоящий момент в стороне разбор и установление приоритета одного из них, мы указываем лишь, что этот вопрос, являющийся квинт-эссенцией цензов, требует предвари-

¹⁾ На это было указано В. Г. Громаном в одной из своих статей. Для горной и металлургической пром., этот принцип не проведен, так как в табл. № 18 значится 1.632,0. Промышленное сырье, изготовленное самой промыш., равно 1034,2, тогда в таблице № 25 мы должны были иметь 2666,2, а не 1818,3.

²⁾ Меерварт. «Введение в хоз. статистику». Стр. 12.

³⁾ Зомбарт. «Современный капитализм». Стр. 9—18. (Изд. 1902 г.).

⁴⁾ Шмоллер, Grundriss der Algem. Volkswirtschaft Стр. 500. Изд. 1908 г.

⁵⁾ Кальмес. Der Fabrikbetrieb. Стр. 6. Изд. 1908 г.

тельно глубокого изучения статистики и динамики типичных отраслей народного хозяйства за довольно продолжительный промежуток времени, лишь на основании коего возможно будет установить как вообще единицу счета, так и ясное разграничение между означенными двумя категориями. Вероятнее всего понадобятся несколько критериев для разных сфер производства, находящихся на различных ступенях развития, при условии, конечно, их общей соизмеримости.

Стоит же валькен вопрос о практической легитимации границ промышленного ценза «снизу», т. е., как мы уже указывали, жесткое разграничение между фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленностью. В конечном счете это сводится к вопросу: «что такое капиталистическое предприятие, каков практический признак его?».

Заграничная статистика перед каждым цenzом дает длинный перечень под рубрикой: «что не подлежит регистрации».

Но ясно, что эта рубрика технически не сможет охватить даже большинство встречающихся на практике подобных случаев и кроме того невозможно все отрасли производства подвести под один шаблон. Необходим некоторый объективный признак, который регулировал бы этот вопрос.

«У нас,—писал Ленин в своем «Развитии капитализма в России»,—в официальной статистике и в литературе вообще под фабрикой разумеют всякое более или менее крупное промышленное заведение с более или менее значительным количеством наемных рабочих. Теория же Маркса называет крупной (машинной) индустрией лишь определенную именно высшую ступень капитализма промышленности»¹⁾.

Вот этот момент «скачка» из нижней ступени в высшую и нужно обнаружить на кривых развития разных отраслей хозяйства данной страны и зафиксировать то количество, когда оно переходит в качество. Только так мы сможем разрешить с наибольшей точностью приближения к действительности этот сложный вопрос.

Одно ясно, что один количественный фактор, общий для всех отраслей хозяйства, глубоко неверен и ошибочен.

Как подошла к этим вопросам наша статистика, мы можем заключить из нижеследующих отрывков:

В «полнениях» к переписи фабрично-заводской промышленности за 1918 год читаем: «Переписью охвачены наиболее крупные фабрично-заводские заведения добывающей и обрабатывающей промышленности, находящиеся на означенной территории и отвечающие условиям следующего ценза: заведения, имеющие механи-

¹⁾ В. И. Ленин. «Развитие капитализма в России». Изд. 1923 г. Глава VII. Стр. 318.

ческий двигатель и не менее 16 человек рабочих, и заведения без механического двигателя с числом рабочих не менее 30 человек»¹⁾.

И еще:

«Статистический Ежегодник». Пояснения к таблицам, гл. III «Промышленность».

«Переписью 1920 года регистрировались все промышленные заведения добывающей и обрабатывающей промышленности, включая промышленное рыболовство, охоту и ж. д. мастерские; заведения регистрировались как действовавшие, так и бездействовавшие и отвечающие одному из следующих условий: 1) наличие специального помещения, 2) механического двигателя, 3) применение наемного труда»²⁾.

Примитивность подхода нашей промышленной статистики к изложенным вопросам очевидна.

Как раз, чисто количественный фактор и послужил основой критерия единицы счета.

Мыслимо ли вообще объединить одним признаком объекта ценза фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленности?

К числу положительных моментов нашей статистики нужно отметить все же наличие значительного количества первичного черного материала, которое может нам дать возможность построить с известным приближением схемы динамики нашего хозяйства при свете марксова метода.

Таковы основы методологии исследования динамики ценностного состава капитала.

Необходимо «алгебру» Маркса перевести на язык арифметики, его «стальным инструментом» приступить к обработке «сырого материала», ибо только тогда мы будем иметь возможность объективно оценить различные сдвиги в капиталистическом хозяйстве»³⁾.

Необходимость такой мирохозяйственной обсерватории, которая, вооруженная марксовым ланцетом, обнажала бы от внешних видимых наростов костяк экономики отдельных стран и всего капиталистического хозяйства, которая «сейсмически» регистрировала бы невидимые простым «невооруженным» глазом сдвиги в динамике

¹⁾ «Статистический Ежегодник». 1918—1920 год. Вып. I. Стр. 115.

²⁾ «Статистический Ежегодник», 1921 г. Стр. 203.

³⁾ Игнорирование этого момента и привело великого мыслителя 60 гл. Н. Г. Чернышевского, не зная на диалектический метод мышления, к совершенно ложным выводам, что «русская крестьянская община», такова как она была, сразу перейдет в мир социализма. Ибо, если вообще,—писал он в своей «Критике философских предупреждений против общинного землевладения»,—должен быть некоторый промежуток времени «х» между феодализмом и капитализмом, то это не исключает, чтобы в частном случае этот «х» равнялся нулю, алгебраическая формула Маркса будет верна... («Но абстрактная возможность еще не конкретная вероятность. Тем менее можно считать ее окончательным доводом, там где речь идет об исторической необходимости» (Плеханов).

ценностного состава капитала и задолго сигнализировала бы момент, когда количественное накопление имманентных противоречий капиталистического хозяйства в каждой данной стране должно привести к «скачку в качество» — слишком очевидна, ибо «с высоты вершин науки можно увидеть зарю рассвета раньше, чем среди обыденной сумятицы» (Лассаль).

Приложение.

I.

Динамика ценностного состава и органического строения капитала обрабатывающей промышленности Америки (Соединенных Штатов).

Данные этих таблиц, проработанные на основании материалов американских цензов за период 1899—1919 г.г.¹⁾, касаются обрабатывающей промышленности в целом. Мы не имеем в виду использовать здесь полученные данные для анализа потенциала и динамики хозяйства Америки, мы укажем лишь на практическую методику преломления сквозь эту трехгранную марковскую призму статистический материал американской промышленности, на основании тех принципов, которые были освещены выше.

1) Статьи²⁾ «стоимость материалов» (графа 1), «зарботная плата» (гр. 3), «сдельщина» (гр. 4), «ценность продукции» (гр. 8) и «капитал» (гр. 11) были взяты из «General Report and Analytical tables» (volume VIII, 1919).

Графа 2 — «амортизация» — была нами исчислена по следующему: на основании технических данных, указывающих продолжительность жизни различных элементов оборудования и средств производства, был исчислен приблизительно средний процент амортизации предприятия, равный ~ 8%, и из шедулы «капитал», которая, согласно инструкциям к цензам, требовала указания о величине вложенного капитала в живое и мертвое оборудование предприятия³⁾, были для каждого цензового года исчислены эти 8%, составляющие амортизацию. Полученные значения мы подвергли грубой проверке другим путем: из валовой ценности продукции вычли все наличные статьи, входящие в нее, и полученный остаток, представляющий собою прибыль и аморти-

¹⁾ The Census of the United States taken in the year, (1899, 1904, 1909, 1914, 1919).

²⁾ См. таб., стр. 250.

³⁾ «Капитал». Инструкция для составления шедулы, трактующей о данных, относящихся к капиталу, были следующие: «Ответ должен показывать общее количество капитала как собственного, так и занятого, на последний день отчетного делового года. Все статьи мертвого и живого капитала могут быть взяты по количеству, введенным по книгам. Если земли или строения являются арендованными, факт этот должен быть отмечен и стоимость их не должна быть дана и т. д.». (VIII текстовой том «Fourteenth census of the U. S. Manufacture», p. 10).

зацию, мы сопоставили с данными одной амортизации и тем самым сузили пределы ошибок¹⁾.

Таким путем мы получим с и v (гр. 5 и 6) и издержки производства (с+v) (гр. 10); вычтя ее из валовой стоимости продукции (гр. 8), мы получим прибавочную стоимость (гр. 7). Поскольку в ценность продукции не входят транспорт, торговые и др. издержки обращения — «m» у нас будет неполное. Исчисление это «Δm» окольным путем, как-то исчислением разницы между ценой на рынке отдельных товаров и их ценой loco фабрика и т. п., мы здесь, естественно, опускаем.

2) Вопрос о получении соизмеримых валеристических данных цензового 19 года с довоенными мы разрешили по следующему:

Ценностное выражение отдельных элементов продукции 19 года [(с+v+m); (v+m); (с+v); (с) (m)] мы разделили на индекс вздорожания оптовых товарных цен (по сравнению с 13 годом), в котором удельными весами были бы массы товаров (удельный вес каждого из них во всем товарном обороте), и тем самым мы получили стоимость произведенной продукции в 19 году в обмене на довоенные цены (13 год), прибавив к ним средний процент вздорожания товаров за пятилетие, предшествовавшее войне, как результат естественных условий производства.

Из публикуемых американских индексов оптовых цен (Federal Receive Bulletin, «Bradsbreet, Dun's Rev. и Bureau of Labour») наиболее близко улавливает и отражает действительность — индекс Bureau of Labour²⁾, каковой и принят нами для 19 года —

¹⁾ К сожалению, нужно констатировать, что ни одна статистика не дает удовлетворительного ответа на этот вопрос. Попытки голландской статистики заполучить эти данные непосредственно введением этого вопроса в формуляр не увенчались успехом, т. к. ответы были столь противоречивы и несоизмеримы, что пришлось взять в среднем 40% от стоимости зданий и 10% от машин и таким образом самим исчислить амортизацию. Это возможным оказалось потому, что статья о вложенном капитале была дифференцирована на основные элементы. См. так же «Weltwirtschaft archiv» Band 20, Heft II, монография D-r Cohlм'a «Das Mehrwertverfahren in Produktion-Statistik».

²⁾ Bulletin of the United States of Labour Statistics № 335. Метод построения индекса ясен из следующей цитаты, приводимой in extenso: «The average price of each article in the year 1913 (selected as the base period in order to provide a convenient prewar standard for measuring price changes) has been multiplied by the estimated quantity of that article marketed in the census year 1919. The products thus obtained has then been added to give the approximate value in exchange in 1913 of all the articles in each group and of the total list of commodities... The index number for each group and for all commod. for each year and for each months has then been obtained by comparing the aggregate for such year or month with the corresponding aggregate for 1913, taken as 100». (Там же стр. 3—4, подч. наше). Математически можно выразить вышесказанное следующей формулой

$$a = \frac{\sum q^n p^n}{\sum q^{13} p^{13}}, \text{ где } q^n \text{ — количество обращающихся товаров в } n\text{-ом году, } p^n \text{ — цена единицы товара в } n\text{-ом году, а } p^{13} \text{ — цена их в 13 году. По раскрытии этой формулы имеем}$$

$$a = \frac{\sum q^n p^n}{\sum q^{13} p^{13}} = \frac{q_1^n p_1^n + q_2^n p_2^n + \dots}{q_1^{13} p_1^{13} + q_2^{13} p_2^{13} + \dots} = \frac{\frac{q_1^n}{q_1^{13}} p_1^n + \frac{q_2^n}{q_1^{13}} p_2^n + \dots}{\frac{q_1^n}{q_1^{13}} p_1^{13} + \frac{q_2^n}{q_1^{13}} p_2^{13} + \dots} = \frac{k_1 p_1^n + k_2 p_2^n + \dots}{k_1 p_1^{13} + k_2 p_2^{13} + \dots}$$

= 206% — 6% = 200% (6% — примерный % нормального вздорожания).

Прилагаемый график дает динамическую картину американской промышленности в марксовом разрезе.

Проработанные таким путем данные по отдельным отраслям промышленности и их комбинация отражают нам, на ряду с другими моментами, проблему воспроизводства и удельный вес отдельных отраслей промышленности в общем комплексе народного хозяйства Соед. Штатов.

Общую картину о динамике строения капитала обраб. промышл. Соед. Штатов дает нам табл. № 2 и график к ней.

Темп повышения среднего строения капитала показывают нам приводимые косвенные показатели $\frac{v+m}{Н.Р.}$, $\frac{c+v+m}{Н.Р.}$ и т. д.

Поскольку $(v+m)$ есть функция «v» (раб.), а как результат неуклонного повышения органического строения капитала «v» относительно уменьшается, то естественно, что углы наклона понижающейся кривой $\left(\frac{v+m}{Н.Р.}\right)$ дадут нам темп повышения

строения капитала. $\frac{c+v+m}{Н.Р.}$ будет значительно положе предыдущей кривой, ибо элемент «с», в который входит амортизация, будет увеличиваться с повышением строения капитала.

Исследование в подобных разрезах не только кинетического, но и потенциального состава капитала как промышленности отдельных стран в целом, так и отдельных типических видов ее открывает нам горизонты для изображения перспективного развития мирового и национального хозяйства и их динамического взаимодействия.

Ибо пути развития мирового хозяйства намечать только на основании процентной доли внешней торговли в национальном доходе и т. п. методами (которыми, кстати, частично грешат и некоторые экономисты-марксисты) — значит из плоскости развития кинетических и потенциальных производительных сил, как основного метода исследований социальных сдвигов, перейти на плоскость «кон'юктурных» признаков, которые, взятые самостоятельно (вне зависимости от основных факторов), в большинстве «к добру» не ведут.

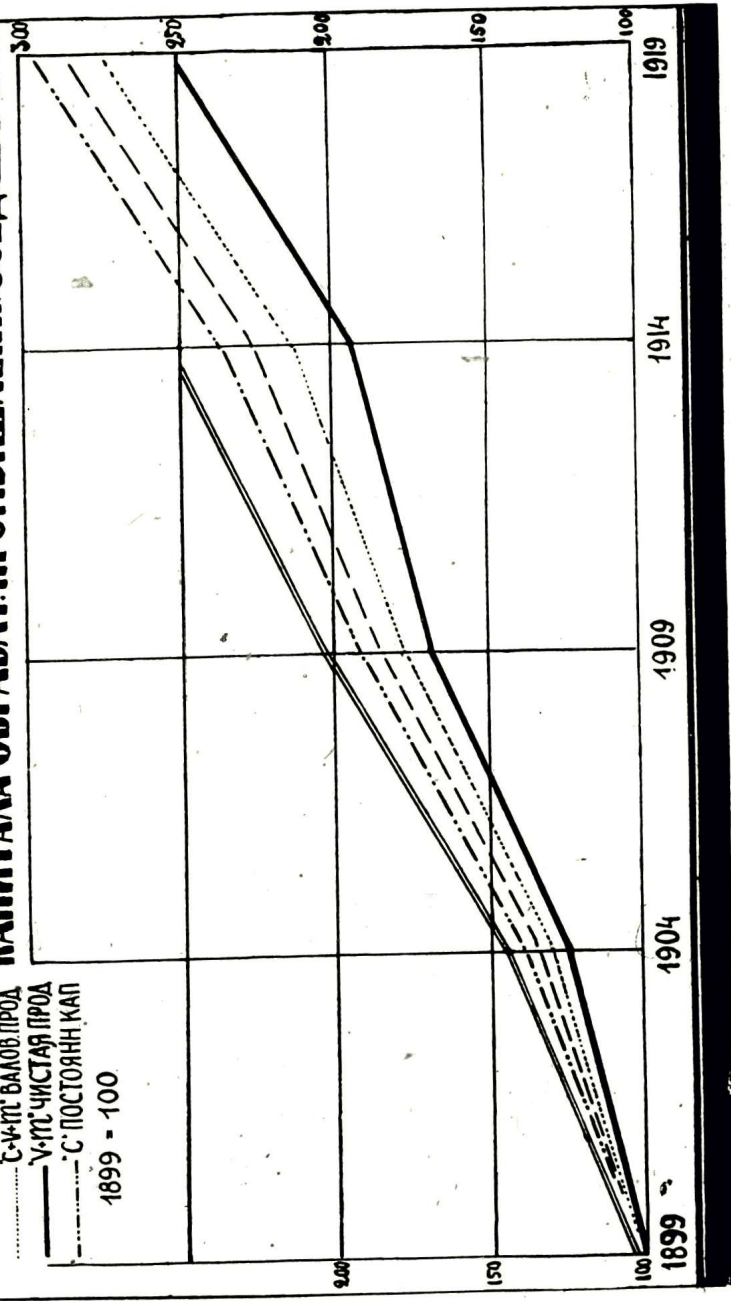
III таблица и диаграмма дают нам в общем виде движение концентрации капитала при помощи комбинации факторов ценностного состава капитала.

(Здесь приведены только самые общие показатели).

где $k_1 = \frac{q_1^n}{q_1^0}$; $k_2 = \frac{q_2^n}{q_1^0}$ и т. д. Эти веса (k_1, k_2, k_3, \dots) были взяты на основании цены за 19 года. Количество товаров включает свыше 320 названий, при чем при установлении цен каждого данного товара учитывались ряд рынков соответственно их удельному весу в обороте означенного товара. Подробно об этом — Appendix A и B в № 335 B. of L. S. См. также доклад А. Flux в королевском статист. о-ве от января 1921 года, напечатанный в «Journal of the Royal State Society».

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНОГО СОСТАВА КАПИТАЛА ОБРАБАТ. ПРОМЫШЛЕНН. СОЕД. ШТАТОВ

— К' ВЛОЖ. КАП
— C+V ИЗД. ПРОИЗВ.
— C+V+M БАЛАНС. ПРОД.
— V+M ЧИСТАЯ ПРОД.
— C ПОСТОЯНН. КАП
1899 = 100

ДИНАМИКА ОРГАНИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ КАПИТАЛА ОБРАБАТ. ПРОМЫШЛЕН. СОЕДИН. ШТАТОВ

1909-1919 РАВН. АМЕРИКАНСКИЕ ШТАТЫ

6161-6681

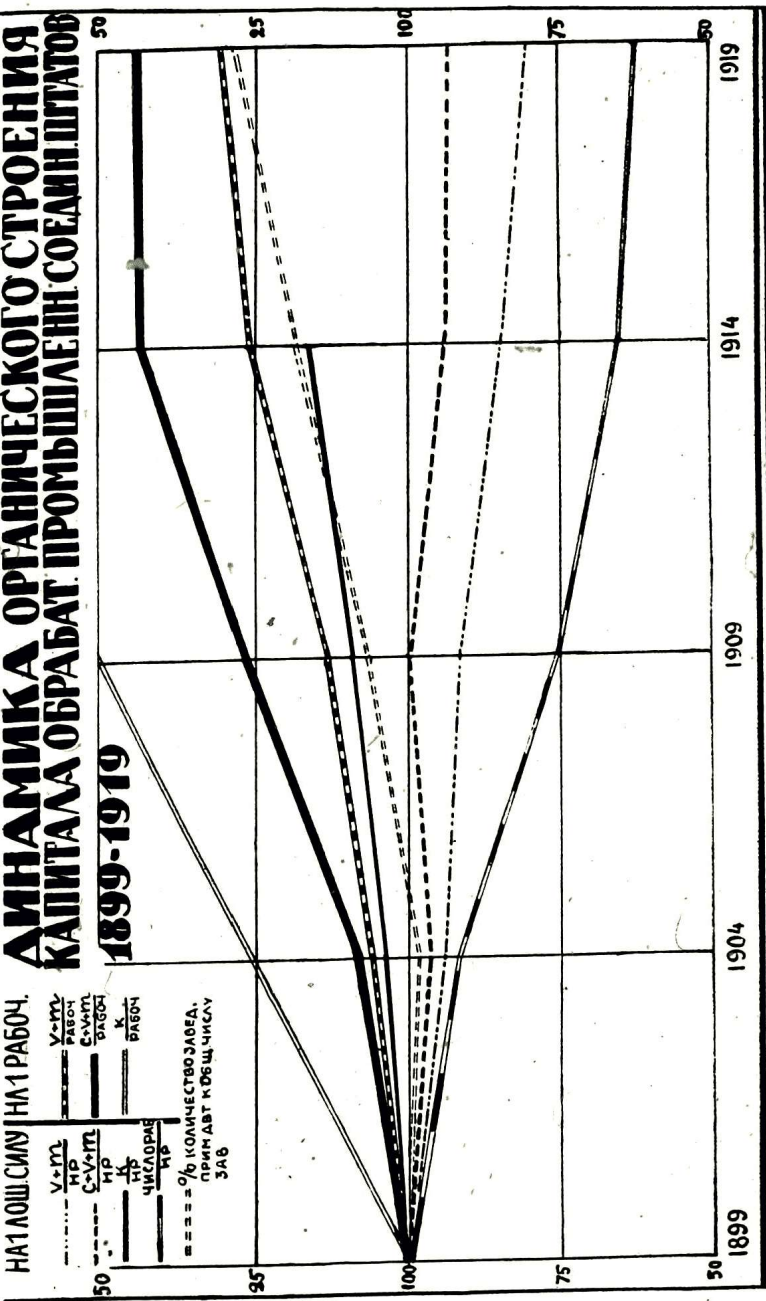

Таблица № 1.

Динамика ценностного состава обрабатывающей промышленности Соедин. Штатов 1899—1919 г.г.

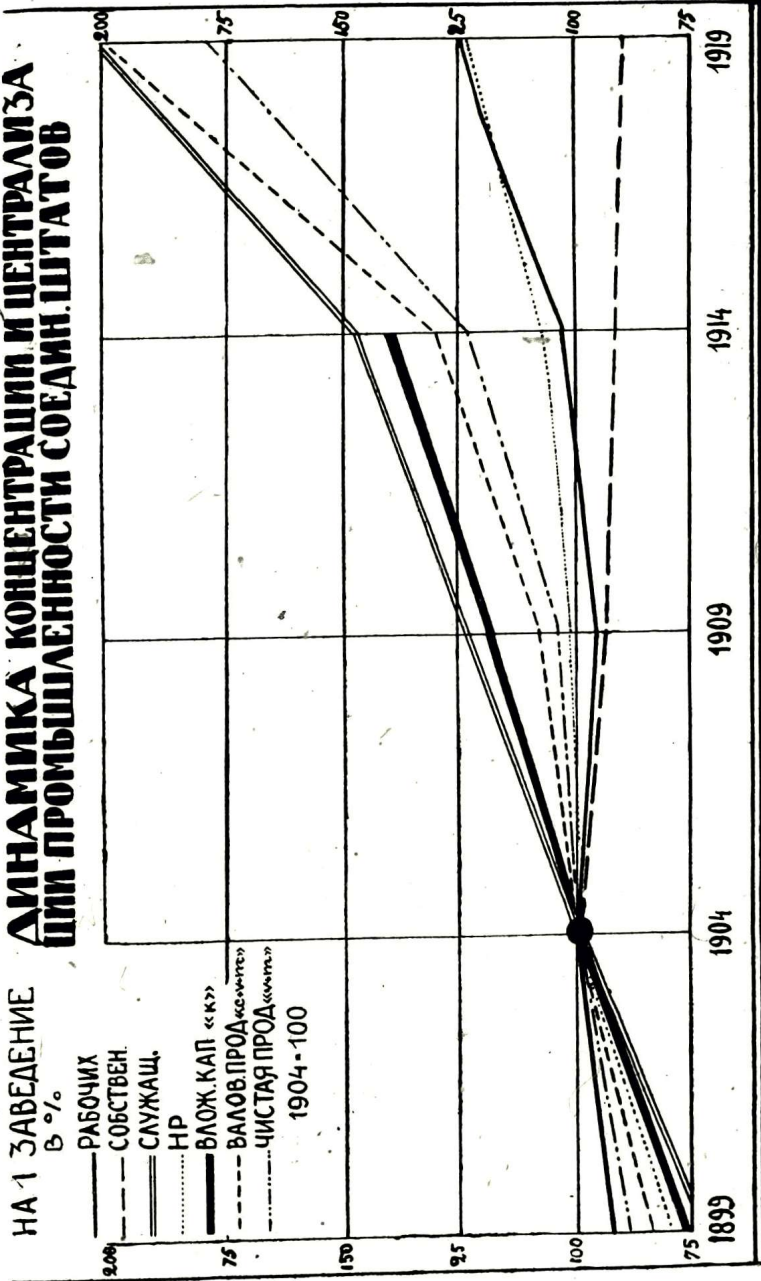
Год	«С»		«У»		Пост. кап.		Перем. кап.		Приб. ден.		Вал. прод.		Чистая прод.		Нед. произ.		Аван. кап.	
	Стоим. матер.	Амор-тизаци.	Зараб. плата	Служб. плата	«С»	%	«У»	%	«м»	%	«с+у+м»	%	«у+м»	%	«с+у»	%	«к»	%
1899	6575,8	540,0	2008,4	125,0	7115,8	100%	2133,3	100%	2157,8	100%	11406,9	100	4291,1	100	9249,1	100	8975,3	100
1904	8500,2	1014,0	2610,4	145,3	9514,2	133,5	2755,7	130	2524,0	118	14733,9	129	5273,7	123	12269,9	132,5	12675,6	141
1909	12142,8	1474,3	3427,0	178,6	13,617,1	192	3605,6	171	3443,3	160	20672,0	181	7054,9	163	17222,7	187	18428,3	206
1914	14368,1	1823,2	4078,3	198,9	16,191,3	239	4277,2	202	3777,9	175	24246,4	212	8055,1	180	20468,5	220	22790,9	252
1919	(37376,4)	(3557,3)	(10533,4)	(464,4)	(40933,7)	—	(10997,8)	—	(10486,5)	—	(62418,0)	—	(21484,3)	—	(51931,5)	—	(44466,6)	—
1919 ²⁾	18688,2	—	5266,7	232,2	20466,8	288	5498,9	260	5243,2	245	31209,0	272	10742,1	250	25965,7	280	—	—

1) Перевести «валов. капитал» 1919 г. на довоенный уровень во представляется возможным, ибо значительная часть его (в какой-либо мере) была взята на основании инвентарных записей довоенных.

2) В переводе на нормальные довоенные цены.

ДИНАМИКА КОНЦЕНТРАЦИИ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ Соединенных Штатов

ИНЖЕНЕР В. В. ЗИНСВЕДЕР

Динамика органического строения капитала обрабатывающей промышленности С. Ш. 1899—1919 г.г. Таблица № 2.

№№	Название показателя	1899		1904		1909		1914		1919 2)	
		колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
1	v + m = чистая продукция \$	426	100	391	91,78	378	88,74	360	84,5	360	84,5
2	И. Р. на одну лош. силу \$	1129	100	1097	97,17	1106	97,96	1080	95,6	1055	94,5
3	И. Р. вложенный капитал \$	889	100	940	105,7	978	111,0	1015	114,2	— 1)	—
4	И. Р. чистого рабочего \$	0,467	100	0,406	86,94	0,354	75,8	0,313	67,1	0,308	65,9
5	v + m на одну лош. силу \$	911	100	965	105,9	1066	117,0	1145	125,7	1180	130
6	И. Р. Чистая продукция рабочего \$	2420	100	2705	111,8	3130	129,3	3450	142,6	3430	143
7	v + m вложенный капитал \$	1900	100	2315	121,8	2790	146,8	3240	170,5	— 1)	—
8	v = перем. капитал %	—	—	0,217	—	0,195	—	0,187	—	— 1)	—
9	k к авансир. капиталу %	0,4	100	0,52	97	0,69,5	108,5	0,74,5	117	82	128

1) См. примеч. 1) к таблице № 1.
2) См. примеч. 2) к таблице № 1.

№№	Наименование предприятий	1899		1904		1909		1914		1919 ²⁾	
		колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
		Обрабатывающая промышленность		Обрабатывающая промышленность		Обрабатывающая промышленность		Обрабатывающая промышленность		Обрабатывающая промышленность	
1	У+Ш — чистая продукция заводов.	20,700	85	24,400	100	26,400	108	28,400	121	37,000	178
2	С+У+Ш — валовая продукция заводов.	54,950	80,5	68,450	100	77,000	113	88,000	128	107,500	197
3	К — вложенный капитал заведен. на одно заведение	43,400	74	58,500	100	68,500	117	82,500	141	— ²⁾	—
4	Н.Р. — число лошадей, сил заведен. на одно заведение	75,5	75	100,3	100	100,9	101	109,1	108,6	124	123,8
5	Число рабочих на одно завед.	22,7	89,5	25,3	100	24,6	98	25,5	101	31,4	120
6	Число служащих на одно завед.	1,76	73	2,4	100	2,94	122	3,5	145	5,0	208
7	Число собственников на одно завед.	—	—	1,04	100	1,02	98	0,95	93	0,98	91
	Всего.	1200	1000	1351	959	1100	951	1061	1011	1351	1200

Формы государственного баланса (составляемые при помощи данных из различных ведомств)

Таблица № 2.

Динамика 1) концентрации и централизации производительности Соед. Штатов 1899—1919 г.г.

№№	Наименование предприятий	1899		1904		1909		1914		1919 ²⁾	
		колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
1	У+Ш — чистая продукция заводов.	20,700	85	24,400	100	26,400	108	28,400	121	37,000	178
2	С+У+Ш — валовая продукция заводов.	54,950	80,5	68,450	100	77,000	113	88,000	128	107,500	197
3	К — вложенный капитал заведен. на одно заведение	43,400	74	58,500	100	68,500	117	82,500	141	— ²⁾	—
4	Н.Р. — число лошадей, сил заведен. на одно заведение	75,5	75	100,3	100	100,9	101	109,1	108,6	124	123,8
5	Число рабочих на одно завед.	22,7	89,5	25,3	100	24,6	98	25,5	101	31,4	120
6	Число служащих на одно завед.	1,76	73	2,4	100	2,94	122	3,5	145	5,0	208
7	Число собственников на одно завед.	—	—	1,04	100	1,02	98	0,95	93	0,98	91

1) Для иллюстрации взята комбинация лишь самых общих показателей.

2) См. примечание к таблице № 1.

2) — по числу занятых производящие, 1) — по числу занятых в торговле, 3) — по числу занятых в промышленности, 4) — по числу занятых в сельском хозяйстве, 5) — по числу занятых в строительстве, 6) — по числу занятых в транспорте, 7) — по числу занятых в других отраслях.

II.

Форма национального баланса.

Приводимая схема национального баланса целиком вытекает из тех принципиальных выкладок, которые были приведены в статье и требуют незначительных пояснений лишь для одного момента:

1) После «tableau économique» Франсуа Кенэ, Маркс впервые дал производственный баланс собирательного капиталистического хозяйства в его чистом виде.

Основной закон равновесия баланса как для простого, так и для расширенного процесса воспроизводства можно было бы выразить следующей алгебраической формулой (см. «Капитал», том II):

$$(\alpha v + \beta m) I = \gamma c II,$$

т.е. стоимость амортизированной и вновь накапливаемой части постоянного капитала у производителей средств потребления ($\gamma c II$) должно = переменному капиталу и доли реализованной на индивидуальное потребление прибавочной стоимости у производителей средств производства $(\alpha v + \beta m) I$.

Но отсюда вытекает, что та произведенная продукция, которая не идет на дальнейшее воспроизводство, не может войти в актив национального баланса.

Да это и логически понятно: ведь если бы, к примеру, капиталист уничтожил бы произведенные в его фабрике машины, то в национальный актив их стоимость безусловно не вошла бы, независимо от степени усовершенствования технических методов их производства. (А в балансе потенциального национального хозяйства они вошли бы со знаком минус в удвоенном масштабе, ибо кроме того, что эти рабочие потребляют непродуцируемо, уменьшается еще кривая потенциального производства как функция всего работоспособного населения).

На таком же положении находится и милитаризм и маринизм, поэтому все прямые и косвенные национальные издержки на них должны быть вычтены из национального дохода ¹⁾ $(v + m)$, что нами и показано в соотв. графе национального баланса.

2) В совокупном национальном производстве «валовая продукция» будет включать в себе на одном полюсе амортизацию, а на другом — $(v + m)$, чего не было в одной обрабатыва-

¹⁾ Более подробно развить этот пункт в этом приложении мы, к сожалению, лишены возможности, ибо это заставило бы нас выйти из рамок нашей работы. С этой точки зрения ошибочно заключение Р. Люксембург, что «милитаризм с чисто экономической точки зрения является для капитала средством первого разряда для реализации прибавочной стоимости, т.е. поприщем для накопления». «Накоплен. капитала», изд. 1923 года, стр. 474. (Подчеркнутое наше). Для собирательного капиталиста это будет в конечном счете — наоборот. См. «Капитал», т. IV, Бухарин. «Эк. пер. время». труды «соц. академии».

щей промышленности, валовая продукция которой слагалась из стоимости произведенной ею продукции, за вычетом стоимости сырья и полуфабрикатов, которые единожды в процессе производства в данной отрасли промышленности были уже учтены.

Подобный метаморфоз естественен, ибо иначе мы имели бы в первом случае многократный счет. «Валовая продукция» сама по себе как экономически значимая категория имеет безусловно ограниченное применение.

В. Вейц.

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии.

Математическая критика Теории Относительности ¹⁾.

(Доклад X. A. Харазова.)

Если дана система материальных точек, то с их скоростями изменяются расстояния между ними—это, конечно, всякому известно. Но только специалисты знакомы (еще и с обратным положением, и в нем то вся Механика: что с расстояниями между материальными точками само собою изменяются их скорости. Теперь-то у мира две ноги, и он танцует, переваливаясь с одной на другую: расстояния изменяются со скоростями, а скорости—с расстояниями.

Аналитически это должно найти свое выражение в некотором уравнении между скоростями точек и расстояниями; и, действительно, опыт приводит к такому уравнению, и притом, весьма наглядному по форме, а именно: слева в ур-ии стоит полусумма T произведений из масс на квадраты их скоростей, т.-е. стоит функция единственно от скоростей; а справа стоит некоторая функция U единственно от расстояний между материальными точками:

$$T = U.$$

Назвали T „энергиею движения“ системы, функцию U „силовою“, а ее же, взятую с обратным знаком и с некоторою аддитивною постоянною, назвали „энергиею положения“ V. Так и получился „закон сохранения энергии“:

$$T + V = \text{const.},$$

¹⁾ Настоящая статья тов. X. A. Харазова (научн. сотрудника Комм. Академии) представляет изложение двух докладов, прочтенных им на заседаниях секции научной методологии ИЛХ и 4/Х. Во время оживленных прений после докладов было выяснено, что предлагаемый тов. Харазовым новый вывод уравнений Гамильтона правилен. Относительно других частей доклада высказывались сомнения, в результате чего второе собрание секции 4/Х постановило отпечатать доклад и тем расширить дискуссию по поднятым автором вопросам.

A. Тимирязев.

по которому энергии положения и движения переходят друг в друга,— что только другими словами выражает взаимодействие между скоростями и расстояниями.

Когда привыкнешь к этому закону сохранения энергии, он уже кажется сам по себе понятным, а между тем,— это надо твердо помнить,— его происхождение безусловно опытное, а не априорное. Априори можно только утверждать, что раз действительные движения закономерны, то должна быть какая-то функциональная зависимость между скоростями и расстояниями; но никоим образом нельзя заранее настаивать на форме этой зависимости, а нужно обратиться к опыту. И так как на опыте мы, с одной стороны, имеем дело с конечными материальными скоростями, которые, будучи все измерены весьма большою единицею,—напр., скоростью света в пустоте, равную 300.000 kil./sec., оказываются все решительно весьма малыми; и так как, с другой стороны, всякий опыт наш несовершенен и только приближителен, то теории предоставлена в вопросе о форме закона сохранения энергии, до известной степени, свобода выбора: можно, напр., дать закону след. необычный вид:

$$(1 - T) (1 + U) = \text{const.},$$

или еще:

$$\frac{1 - T}{1 - U} = \text{const.},$$

что только для скоростей, приближающихся к единичной (световой), приведет к иным численным значениям, а во всех других случаях гарантирует результаты, так же хорошо мирящиеся, в пределах возможных ошибок, с опытными данными, как и вычисления на основе привычного выражения закона: $T = U + \text{const.}$

Так или иначе, но, во всяком случае, перед нами в законе сохранения энергии всего только одно ур-ие движения; а их нужно столько, сколько неизвестных, т.-е., сколько координат у движущихся точек. В таком случае приходится дифференцировать ур-ие энергии:

$$dT = dU \dots \dots \dots (1)$$

Так как T, во всякой системе координат, квадратичная форма в координатах x' скоростей²⁾, с коэффициентами, зависящими от самих координат x, то, с одной стороны, по Эйлеру:

$$2T = \frac{\partial T}{\partial x'} x', \text{ при } x' = \frac{dx}{dt}$$

откуда

$$2dT = \frac{d}{dt} \left(\frac{\partial T}{\partial x'} \right) dx + \frac{\partial T}{\partial x'} dx',$$

²⁾ Мы везде, где только можно, опускаем значки при буквах и знак суммирования.

а, с другой стороны, непосредственное дифференцирование по всем переменным x, x' , входящим в T , дает:

$$dT = \frac{\partial T}{\partial x} dx + \frac{\partial T}{\partial x'} dx'$$

Вычитая, получим:

$$dT = \left[\frac{d}{dt} \left(\frac{\partial T}{\partial x'} \right) - \frac{\partial T}{\partial x} \right] dx$$

В то же время,

$$dU = \frac{\partial U}{\partial x} dx$$

Приравнение коэффициентов при dx по обе стороны равенства (1) приводит к знаменитым ур-ям Лагранжа:

$$\frac{d}{dt} \left(\frac{\partial T}{\partial x'} \right) - \frac{\partial T}{\partial x} = \frac{\partial U}{\partial x}, \dots \dots \dots (2)$$

которых как раз столько, сколько нужно; так как притом еще основное ур-ие $T = U + \text{const.}$ остается в силе, то им можно заменить любое из ур-ий (2). Проблема решена, как видим, но ценою повышения порядка диф. ур-ий движения с первого до второго. Зато уж выше второго порядка подниматься, наверное не придется; вот почему в Механике мы никогда и не идем далее ускорений.

После Лагранжа удалось Гамильтону, пользуясь вариационным вычислением, свести проблему Механики к полному решению всего только одного частнодифференциального ур-ия второго порядка, обобщаемого и на тот случай, когда энергия системы непостоянна. В ур-ии Гамильтона обычный план изложения Теоретической Механики достигает своего апогея. Небезынтересным покажется, поэтому, если мы теперь обнаружим, что можно сразу, простым алгебраическим путем, минуя ученые бездны вариационного вычисления, получить вообще все диф. ур-ия Механики: и Гамильтона, и Лагранжа, и закон сохранения энергии, при чем еще вскроются само собою невидимые нити, связующие диф. ур-ие Гамильтона с новейшими теориями Эйнштейна, и мы получим возможность критически совсем по новому отнестись к этим новейшим теориям.

Станем исходить из представления пространства (x_1, x_2, \dots, x_n) , короче (x) , число n измерений которого равно числу координат всех движущихся точек, и в котором геометрическое произведение двух векторов $\underline{a} = (a)$ и $\underline{b} = (\beta)$ дано, в точке (x) , след. общему формулою:

$$ab \cos(a, b) = \underline{a} \cdot \underline{b} = \sum g_{ij} a_i b_j = g(a, \beta) = g(\beta, a),$$

где g_{ij} определенные функции от x_i . В частности, квадрат dp^2 длины dp вектора $d\bar{p} = (dx)$ равен

$$dp \cdot dp = dp^2 = \sum g_{ij} dx_i dx_j = g(dx, dx),$$

откуда

$$g \left(\frac{dx}{dp}, \frac{dx}{dp} \right) = 1,$$

т.е., $\frac{dx}{dp}$ — компоненты единичного вектора, или направления $\frac{d\bar{p}}{dp}$.

Рассмотрим в нашем пространстве семейство некоторых форм, данных ур-ием:

$$W(x_1, x_2, \dots, x_n) = \text{const.},$$

что даст, по дифференцировании:

$$dW = \frac{\partial W}{\partial x} dx \dots \dots \dots (3)$$

Составим n ур-ий в неизвестных x' :

$$\frac{\partial W}{\partial x_i} = g_{i1} x'_1 + g_{i2} x'_2 + \dots + g_{in} x'_n \dots \dots (i=1, 2, \dots, n),$$

что условимся писать, совсем коротко, так:

$$\frac{\partial W}{\partial x} = g(x') \dots \dots \dots (4)$$

Решая эти ур-ия, получим для x' , при матрице γ , обратной матрице g (т.е. матрице $[g_{ij}]$), след. значения:

$$x' = \gamma \left(\frac{\partial W}{\partial x} \right) \dots \dots \dots (5)$$

Подстановка значений (4) в (3) даст:

$$dW = g(x', dx), \dots \dots \dots (6)$$

т.е., dW — геометрическое произведение из соответствующего перемещения (dx) и некоторого в точке (x) постоянного вектора $(x') = \gamma \left(\frac{\partial W}{\partial x} \right)$,

который, значит, не что иное, как градиент, и, в качестве такового, нормален к форме семейства, проходящей через точку (x) . Для всякого перемещения (dx) по самой форме, $dW = 0$, т.е., $g(x', dx) = 0$. Но возьмем (dx) нормально к форме, т.е. параллельно градиенту, — в таком случае, величины dx и x' пропорциональны, и мы можем положить

$x' = \frac{dx}{dt}$, где dt инкремент некоторого параметра t . Теперь, для приращения dW в направлении, нормальном к форме, получим:

$$dW = g(x', dx) = g \left(\frac{dx}{dt}, dx \right)$$

и для длины N градиента:

$$N^2 = \frac{dW}{dt} = g(x', x') = g\left(\frac{dx}{dt}, \frac{dx}{dt}\right) = \left(\frac{dp}{dt}\right)^2$$

откуда еще

$$N \frac{dp}{dt} = \frac{dW}{dp}$$

и, след.,

$$dW = N dp; dt = \frac{dp}{N}$$

Второе из этих равенств определяет параметр t; первое — выражает известное свойство градиента: он, по величине, обратно пропорционален расстоянию dp по нормали между двумя соседними формами семейства.

Итак, x' — координаты градиента; в таком случае, g(x') — геометрическое произведение градиента с вектором, все координаты которого равны 0, кроме одной, равной 1, т.е. g_i(x) = N |g_{ii} cos \alpha_i, где \alpha_i угол, образуемый градиентом с осью X_i-ов; эти то величины N \sqrt{g_{ii} cos^2 \alpha_i} оказываются, по ур-ням (4), частными производными по x_i от одной функции W.

Переходя непрерывно от одного градиента к следующему, получим кривую, повсюду нормальную к формам нашего семейства. Найдем диф. ур-ия семейства всех таких кривых, нормальных ко всем формам нашего семейства, и покажем, что это-то и будут диф. ур-ия Механики.

Для того, чтобы отыскание заданных диф. ур-ий не наткнулось на чисто технические трудности, сошлемся заранее на известную теорему из теории кв. форм, а именно: если в кв. форму g(x', x') подставим x' = a(y), где a любая матрица, y — новые переменные, то матрица g кв. формы преобразуется в следующую:

$$\bar{a} g a = h,$$

где \bar{a} транспозиция матрицы a, равная самой матрице a, если она симметричная. Эту теорему прилагаем в след. двух случаях:

1) если a = \gamma, где \gamma симметричная матрица, обратная симметричной же матрице g, так что g\gamma = \gamma g = 1, то

$$\gamma g \gamma = \gamma,$$

и потому: через подстановку x' = \gamma \left(\frac{\partial W}{\partial x}\right) приходим к равенству:

$$g(x', x') = \gamma \left(\frac{\partial W}{\partial x}, \frac{\partial W}{\partial x}\right).$$

2) Пусть элементы матрицы g, а потому и матрицы \gamma — функции от любого параметра. Дифференцируя по этому параметру ур-ие g\gamma = 1, найдем:

$$g\dot{\gamma} + \dot{g}\gamma = 0, \text{ или } \dot{g}\gamma = -g\dot{\gamma}, \text{ или } \gamma\dot{g}\gamma = -\gamma\dot{\gamma}, \text{ так как } \gamma g = 1.$$

И потому: если в форму g(x', x') подставим x' = \gamma \left(\frac{\partial W}{\partial x}\right), то получим:

$$\dot{g}(x', x') = -\dot{\gamma} \left(\frac{\partial W}{\partial x}, \frac{\partial W}{\partial x}\right).$$

После этих предварительных замечаний, для отыскания диф. ур-ий кривых, повсюду нормальных к формам семейства, данного ур-ием:

$$W = \text{const.}, \text{ продифференцируем } \frac{\partial W}{\partial x_i} \text{ по } t. \text{ причем заранее, в целях}$$

дальнейших обобщений, допускаем, что W явно зависит не только от x_i, но и от t:

$$\frac{d}{dt} \left(\frac{\partial W}{\partial x_i}\right) = \sum_j \frac{\partial^2 W}{\partial x_i \partial x_j} \frac{dx_j}{dt} + \frac{\partial^2 W}{\partial x_i \partial t} = \sum_j \frac{\partial^2 W}{\partial x_i \partial x_j} \gamma_j \left(\frac{\partial W}{\partial x}\right) + \frac{\partial^2 W}{\partial x_i \partial t}$$

Все полученное справа можно написать короче, если положить (и это-то и есть частно-диф. ур-ие Гамильтона).

$$\frac{1}{2} \dot{\gamma} \left(\frac{\partial W}{\partial x}, \frac{\partial W}{\partial x}\right) + \frac{\partial W}{\partial x} = U \dots \dots \dots (1)$$

Тогда немедленно окажется:

$$\frac{d}{dt} \left(\frac{\partial W}{\partial x_i}\right) = \frac{\partial U}{\partial x_i} - \frac{1}{2} \dot{\gamma} \left(\frac{\partial W}{\partial x}, \frac{\partial W}{\partial x}\right) - \frac{\partial U}{\partial x_i} + \frac{1}{2} g(x', x'), =$$

а это — не что иное, как ур-ия Лагранжа, в чем легко убедиться, если положить

$$\frac{1}{2} g(x', x') = T,$$

и заметить, что

$$\frac{\partial W}{\partial x_i} = \frac{\partial T}{\partial x_i} = g_i(x') \dots \dots \dots (A)$$

Тогда получается:

$$\frac{d}{dt} \left(\frac{\partial T}{\partial x_i}\right) = \frac{\partial U}{\partial x_i} + \frac{\partial T}{\partial x_i}, \text{ или}$$

$$\frac{d}{dt} \left(\frac{\partial T}{\partial x}\right) - \frac{\partial T}{\partial x} = \frac{\partial U}{\partial x} \dots \dots \dots (II)$$

т.е., несомненно ур-ия Лагранжа. При этом, так как $\frac{1}{2}\gamma\left(\frac{\partial W}{\partial \dot{x}}, \frac{\partial W}{\partial \dot{x}}\right) = \frac{1}{2}g(\dot{x}, \dot{x}) = T$, то для функции U получается из (I):

$$U = \frac{1}{2}g(\dot{x}, \dot{x}) + \frac{\partial W}{\partial t}, \text{ или } T = U - \frac{\partial W}{\partial t} \dots (III), -$$

а это—не что иное, как ур-ие энергии, обобщенное на случай, когда силовая функция U явно зависит от времени.

Наконец, заметим, что из (3) получается, при посредстве (5):

$$\frac{dW}{dt} = \gamma\left(\frac{\partial W}{\partial \dot{x}}, \frac{\partial W}{\partial \dot{x}}\right) + \frac{\partial W}{\partial t},$$

и потому ур-ие Гамильтона дает еще:

$$U = \frac{1}{2}\left(\frac{dW}{dt} + \frac{\partial W}{\partial t}\right).$$

т.е. силовая функция U определяется через Гамильтонову функцию W . Если W содержит время в первой степени, то U от времени не зависит, и легко сообразить, что и обратно: раз силовая функция U не зависит от времени явно, то Гамильтонова функция W линейная в t , и притом, так,

что коэффициент $\frac{\partial W}{\partial t}$ при t в выражении функции W —вообще постоянная величина; эта-то постоянная величина (со знаком —) и фигурирует, в этом случае, в ур-ии (III), выражающем закон сохранения энергии.

Мы видим: решительно все ур-ия Механики получаются весьма просто из предположения, алгебраически выраженного ур-иями (A), которые геометрически значат, в случае, если W явно от времени не зависит, что траектория движения повсюду нормальна к формам одного семейства. Это предположение вполне заменяет, след., какое-либо иное обоснование Теоретической Механики, напр., закон сохранения энергии и Гамильтонов принцип наименьшего действия.

В случае функции U , явно от времени зависящей, геометрическое истолкование ур-ий движения затрудняется, и это может послужить некоторым намеком на то, что обобщения Лагранжа и Гамильтона на этот мало исследованный случай вообще-то, пожалуй, не совсем корректны, что мы и постараемся сделать в последующем еще более вероятным.

Если $-\frac{\partial W}{\partial t} = \text{const}$, т.е., если W линейная функция от t , то ур-ие энергии принимает простейший вид: $T = U + \text{const}$. Важен случай:

$$\frac{dW}{dt} = \left(\frac{dp}{dt}\right)^2 = 1,$$

т.е.

$$W = p = t.$$

Это значит: по нормали, две соседние формы повсюду равно отстоят друг от друга. Условимся говорить, что перед нами семейство „концентрических“ форм; движение происходит по одному из „радиусов“, длина которого и есть $t = p = W$. Это значит, что W , в рассматриваемом случае, функция расстояния, и она, оказывается, решение следующего ур-ия Гамильтона:

$$\gamma\left(\frac{\partial W}{\partial \dot{x}}, \frac{\partial W}{\partial \dot{x}}\right) = 1$$

Так как $U = 1, \frac{\partial U}{\partial \dot{x}} = 0$, то движение происходит по геодезической линии, или по прямой, с постоянной скоростью; итак, радиусы „концентрических“ форм—геод. линии, повсюду нормальные к формам.

Если (a) центр концентрических форм, то $\frac{\partial W}{\partial a_i} = 1 \cdot \sqrt{g_{ii}} \cos \alpha_i$,

где значения g_{ii} зависят только от координат центра, так же, как и величины $\cos \alpha_i$; след., величины $\frac{\partial W}{\partial a_i}$ только видимо зависят от x_i ; иными словами, ур-ия

$$\frac{\partial W}{\partial a_i} = b_i = \text{const.}$$

выражают, в текущих координатах x_i , геод. линию, или прямую;

из этих p ур-ий только $(p-1)$ независимые. т. к. $\gamma\left(\frac{\partial W}{\partial a}, \frac{\partial W}{\partial a}\right) = 1$.

Например, в декартовых координатах

$$p = t = W = \sqrt{(x_1 - a_1)^2 + (x_2 - a_2)^2 + (x_3 - a_3)^2},$$

и так как $g_{ii} = 1$, то

$$\frac{\partial W}{\partial a} = \cos \alpha = \frac{x - a}{t},$$

при чем

$$\cos^2 \alpha_1 + \cos^2 \alpha_2 + \cos^2 \alpha_3 = 1.$$

Ур-ия прямой, т.е., в данном случае, прямой, будут:

$$x - a = t \cos \alpha, \text{ или } x = a + t \cos \alpha.$$

Легко распространить эти положения и на случай любой силовой функции U , неравной 1, и дать, таким образом, короткое и геометриче-

ски в высшей степени наглядное и убедительное доказательство известной теореме Гамильтона о нахождении всех интегралов движения по одному полному решению W его частно-диф. ур-ия. Но мы здесь не распространяемся на эту важную тему, хотя нам и очень хотелось бы на таком фундаментальном примере обнаружить все преимущества излагаемой нами трактовки проблем Терретической Механики.

Если примем геодезическую линию, или прямейшую, за ось X_n -ов, а все остальные оси возьмем к ней нормально, то

$$dp^2 = dx_n^2 + \bar{g}(dx, dx),$$

где \bar{g} кв. форма уже всего только от $(n-1)$ -го инкремента $dx_1, dx_2, \dots, dx_{n-1}$. Аналогично, и ур-ие Гамильтона для прямейших станет:

$$\left(\frac{\partial W}{\partial x_n}\right)^2 + \gamma \left(\frac{\partial W}{\partial x}, \frac{\partial W}{\partial x}\right) = 1,$$

с частным решением: $W = x_n$.

Это обстоятельство дает неожиданный толчок к критическому взгляду на строение Гамильтонова ур-ия в самом общем случае: ур-ие,

квадратичное в $\frac{\partial W}{\partial x}$, почему-то первой степени в $\frac{\partial W}{\partial t}$, — что особенно уди-

вляет, если сравнить его хотя бы с ур-ием волнообразного движения. И, главное: такое нарушение симметрии безразлично в случае, когда U явно от времени не зависит, и когда W , как мы уже знаем, первой сте-

пени в t , а $\frac{\partial W}{\partial t}$ — постоянное количество: след., можно, вместо $\frac{\partial W}{\partial t}$, писать

$\pm \left(\frac{\partial W}{\partial t}\right)^2$, так как от этого зависит единственно только форма посто-

янной, являющейся коэффициентом при t в выражении для W . Положим же вообще

$$\pm \left(\frac{\partial W}{\partial t}\right)^2 + \gamma \left(\frac{\partial W}{\partial x}, \frac{\partial W}{\partial x}\right) = U,$$

а затем разделим все на U ; тогда справа получим 1, как в ур-ии для геод. линии. А слева стоит кв. форма в $(n+1)$ -ой частной производной:

$\frac{\partial W}{\partial x}$ и $\frac{\partial W}{\partial t}$. Обозначим ее Γ и перейдем от нее к ее обратной форме G .

Так как $\Gamma G = 1$, то делению коэффициентов γ на U соответствует помножение коэффициентов g на U , и потому получается.

$$G = U \{ \pm dt^2 + g(dx, dx) \} \dots (IV),$$

что можно истолковать, как квадрат dp^2 элементарной дуги dp в пространстве (x, t) $(n+1)$ -го измерения.

Итак: если поправить ур-ие Гамильтона, поставив $\pm \left(\frac{\partial W}{\partial t}\right)^2$, вместо

$\frac{\partial W}{\partial t}$, то, поскольку силовая функция U явно времени не содержит, вся

Механика остаётся прежнею, и, в то же время единственным принципом Механики становится следующее положение:

„Движение совершается по геодезической линии в расширенном пространстве (x, t) , с ур-ием $dp^2 = G$ (см. IV) для элементарной дуги dp “.

Проверим это, по ур-иям Лагранжа, в случае декартовых координат. Положим

$$U \left(\left[\frac{dt}{dp} \right]^2 + \frac{1}{2} \sum m \left[\frac{dx}{dp} \right]^2 \right) = 1.$$

Если U явно от t не зависит, то ур-ие Лагранжа, в применении к t , дает:

$$U \frac{dt}{dp} = \text{const.},$$

и всегда возможно, при соответствующем выборе единиц, положить постоянную справа равную 1. Тогда, помножив основное ур-ие на U ,

вынеся слева $\left(\frac{dt}{dp}\right)^2$ за скобку и вычеркнув множитель $U^2 \left(\frac{dt}{dp}\right)^2$, рав-

ный 1, получим прежде всего, ур-ие энергии при силовой функции U :

$$1 + \frac{1}{2} \sum m \left(\frac{dx}{dt} \right)^2 = U.$$

Далее, в применении к одному из x -ов, ур-ие Лагранжа дает:

$$\frac{d}{dp} \left(U m \frac{dx}{dp} \right) = \frac{\partial U}{\partial x} \left(\left[\frac{dt}{dp} \right]^2 + \frac{1}{2} \sum m \left[\frac{dx}{dp} \right]^2 \right) = \frac{\partial U}{\partial x} U, \text{ или}$$

$$U \frac{d}{dp} \left(U m \frac{dx}{dp} \right) = \frac{\partial U}{\partial x} U,$$

что можно написать еще и так:

$$U \frac{dt}{dp} \cdot \frac{d}{dt} \left(U \frac{dt}{dp} m \frac{dx}{dt} \right) = \frac{\partial U}{\partial x} U.$$

А так как $U \frac{dt}{dp} = 1$, то окончательно получается:

$$\frac{d}{dt} \left(\frac{mdx}{dt} \right) = \frac{\partial U}{\partial x} = \frac{md^2x}{dt^2},$$

в полном согласии с обычной теорией движения!

Все изложенное относится к „коллективной“ точке, за координаты которой приняты совокупно все координаты всех отдельно данных материальных точек. Но нетрудно применить добытые результаты и к проблеме движения так-называемого „пробного тела“, при любом законе его притяжения п данными массами.

Пусть $f(r)$ силовая функция; положим

$$U = 1 + m_1 f(r_1) + m_2 f(r_2) + \dots + m_n f(r_n),$$

где m_i данные п масс, r_i их расстояния от любой точки (x_1, x_2, x_3) реального трехмерного пространства; как видим, U — функция, во-первых, от координат (x_1, x_2, x_3) этой точки, а во-вторых, от координат данных п масс; и если последние движутся, то в конечном счете, U — функция от (x_1, x_2, x_3) и еще от t . Положим теперь

$$dp^2 = U(dt^2 + dx_1^2 + dx_2^2 + dx_3^2), \text{ или}$$

$$U \left(\left[\frac{dt}{dp} \right]^2 + \left[\frac{dx_1}{dp} \right]^2 + \left[\frac{dx_2}{dp} \right]^2 + \left[\frac{dx_3}{dp} \right]^2 \right) = 1.$$

Мы получим, как и выше, для любой координаты x :

$$2U \frac{dt}{dp} \cdot \frac{d}{dt} \left(U \frac{dt}{dp} \frac{dx}{dt} \right) = \frac{\partial U}{\partial x}$$

и еще, в применении к переменной t , явно входящей в U :

$$2U \frac{dt}{dp} \cdot \frac{d}{dt} \left(U \frac{dt}{dp} \right) = \frac{\partial U}{\partial t} = \frac{d}{dt} \left(U \frac{dt}{dp} \right)^2.$$

Теперь: если U явно от t не зависит,—что соответствует силовому полю при неподвижных массах m_i ,—то опять

$$U \frac{dt}{dp} = \text{const.}$$

Однако, тут уже нельзя, при раз сделанном выборе единиц, полагать постоянную справа равную 1, потому что тут рассуждение ведется не об одной единственной точке, но о пробном теле, которое может зани-

мать любое положение в пространстве и обладать любой начальной скоростью³⁾; приходится положить

$$U \frac{dt}{dp} = \mu,$$

где μ параметр, т.-е., величина, для данного-то пробного тела и для геод. линии, им описываемой, постоянная, но меняющаяся от одного пробного тела к другому; и теперь имеем:

$$\mu^2 (1 + v^2) = U \cdot \frac{U}{1 + v^2} = \mu^2; \mu = \sqrt{\frac{U}{1 + v^2}} \dots (7)$$

$$2\mu \frac{d}{dt} \left(\mu \frac{dx}{dt} \right) = \frac{\partial U}{\partial x},$$

или, в силу ур-ия (7):

$$\frac{2\sqrt{U}}{\sqrt{1+v^2}} \cdot \frac{d}{dt} \left(\frac{x\sqrt{U}}{\sqrt{1+v^2}} \right) = \frac{\partial U}{\partial x}, \text{ или еще:}$$

$$\frac{1}{\sqrt{1+v^2}} \frac{d}{dt} \left(\frac{x\sqrt{U}}{1+v^2} \right) = \frac{\partial \sqrt{U}}{\partial x} \dots (8)$$

(Эти ур-ия (8) отличаются от диф. ур-ий движения, по малому принципу относительности, кроме знака при v^2 , еще и множителем \sqrt{U} слева в скобках).

Про параметр μ^2 следует заметить, что он входит в ур-ие (7) энергии как множитель, а не как слагаемое (срв. стр. 2). Это показывает, что закон тяготения модифицируется несколько, хотя и очень незначительно, при применении тезиса о движении по геод. линии к трехмерному пространству.

Три ур-ия (8), в общем, соответствуют обычным ур-иям движения пробного тела, при чем, однако, если U явно зависит от времени t , параметр μ играет роль переменной массы,—что соответствует движению в сопротивляющейся среде; в самом деле так как

$$\frac{d}{dt} \left(\mu \frac{dx}{dt} \right) = \mu \frac{d^2x}{dt^2} + \mu' \frac{dx}{dt},$$

$$\text{то } \frac{d^2x}{dt^2} = \frac{d}{dt} \left(\mu \frac{dx}{dt} \right) : \mu - \frac{\mu' dx}{\mu dt},$$

т.-е., ускорение $\frac{d^2x}{dt^2}$ не просто равно „силе“ $\frac{d}{dt} \left(\mu \frac{dx}{dt} \right)$, деленной на

³⁾ Этого не принимает во внимание Фредерикс. во 2-м выпуске „Успехов Физических Наук“.

массу μ , но еще и плюс действие $-\frac{\mu' dx}{\mu dt}$ сопротивления в направлении, противоположном скорости $\frac{dx}{dt}$.

То, что наши формулы приспособлены к описанию движения в сопротивляющейся среде, т.е. важнейшего случая движения при явно зависящей от времени силовой функции U , служит оправданием поправки, введенной нами в диф. ур-не Гамильтона.

Теперь еще отметим следующее: пусть

$$f(r) = -\frac{\alpha}{r},$$

что соответствует притяжению по закону Ньютона; тогда U в бесконечности равно 1, но становится все больше, по мере приближения пробного тела к одной из движущихся масс m_i ; если бы мы захотели привести пробное тело в полное слияние с одной из этих масс, то получилось бы $U = \infty$, т.е. ничего реального не получилось бы. И потому: пробные-то тела вычерчивают геод. линии в пространстве (x_1, x_2, x_3, t) , или в мире, как такое расширение трехмерного реального пространства зовется, по Минковскому; и обратно; каждой геод. линии, как траектории, соответствует какое-либо пробное тело; но, ведь, все-таки, пробные тела — воображаемые, в действительности же нам дано n масс m_i , про движение которых мы таким путем еще решительно ничего непосредственно не узнаем! Для того, чтобы траекторию самой массы m_i понять, как геод. линию, нужно вычеркнуть в выражении для U член $m_i f(r_i)$, и таким образом обнаруживается, что каждая действительная масса вычерчивает геод. линию, но в своем особом пространстве; и опять не получается одного такого мира (x_1, x_2, x_3, t) , в котором бы все действительные массы были представлены геод. линиями.

(Это можно выразить особенно изящно, если выразить U не как сумму $1 + m_1 f(r_1) + \dots + m_n f(r_n)$, но предположить, что U — произведение множителей вида $1 + m_i f(r_i)$: тогда, в применении к каждой массе m_i , придется вычеркивать соответствующий множитель).

Вот еще что замечательно: если пробное тело достаточно близко к массе m_i , то ее воздействие на него в такой степени превосходит притяжение всех остальных масс, что о них можно забыть, и тогда перед нами одна масса m_i , притягивающая соседнее пробное тело. Если у последнего есть скорость, нормальная к рад. вектору, то оно в трехмерном пространстве (x) описывает эллипс вокруг массы m_i , что в мире (x, t) переходит в геод. линию, винтящуюся вокруг той кривой, которую масса m_i в этом мире вычерчивает, и которая сама уже — не геод. линия. Таким образом, приходим к следующей картине расположения геод. линий в мире (x, t) : чем от масс m_i дальше, тем геод. линии прямее, а чем ближе к одной из масс m_i , тем скрученнее. Картина во всем подобна расположению силовых линий в поле с вихрями, и потому позволим себе, назвать пути масс m_i в мире (x, t) „вихрями кривизны“ этого мира. Тогда окончательно придем к след. интересному заключению:

„Пробные тела даны в мире (x, t) геод. линиями, а самые массы m_i — вихрями кривизны“.

Следовательно, мир (x, t) искривлен, благодаря растяжению U в каждой точке, так, что данные массы m_i находятся в вихрях его кривизны.

Если бы, вместо знака $+$ при $\left(\frac{\partial W}{\partial t}\right)^2$ в исправленном ур-не Гамильтона

взяли знак $-$, то все, по существу, осталось бы попрежнему, с той только разницей, что функция U , в достаточной близости от массы m_i , приняла бы значение 0, а с дальнейшим приближением к массе m_i , стала бы отрицательной. Мы сначала получили бы $dr^2 = 0$, а затем и $dr^2 < 0$, след. мнимое значение для dr . Тут, след., вместо вихрей кривизны, целые трубнообразные ущербы мира, при чем $dr = 0$ на поверхности ущербов. Картина довольно запутанная. Тем не менее, именно

случай знака минус при $\left(\frac{\partial W}{\partial t}\right)^2$ или, обратно, при всех $\frac{\partial W}{\partial x}$, что суще-

ственной разницы не представляет, заслуживает особого внимания, так как именно в этом случае можно толковать ур-не $dr^2 = 0$, освобожденное от множителя U , как ур-не света, и привести, таким путем, наше исследование об ур-не Гамильтона в связь с теорией относительности, формулированную Эйнштейном.

Что до вихрей кривизны (или ущербов), то можно пытаться их ликвидировать, исходя из того предположения, что никогда масса не дается в мире одной математической точкой, но всегда шариком конечного диаметра и состоящим из однородных сферических оболочек раз-

личной плотности. Тогда вне шарика потенциал тяготения $-\frac{\alpha}{r}$ такой же,

как если бы вся масса была сосредоточена в центре шарика; а внутри самого шарика потенциал непрерывно изменяется по тому или другому закону, смотря по плотностям оболочек, и в центре шарика принимает значение 0, нигде не становясь бесконечно большим. Если

писать $1 - \frac{\alpha}{r}$, или $\frac{r - \alpha}{r}$, но понимать эту функцию, для достаточно

малых r , в только-что изложенном толковании, то неудобства, связанные с вихрями кривизны (или с ущербами), устраняются, и в то же время потенциальная функция сохраняет свое прежнее значение во всем пространстве, фактически незанятом массами. Тут возникают, правда, иные сомнения, но о них мы в пределах настоящей первой статьи распространяться еще не будем, а попробуем и помимо этих частных разоблачиться во всем до сих пор изложенном.

Выражаясь вульгарно, мы кое-что заплатили и за это кое-что приобрели. Подведем же итоги; что и сколько мы заплатили? что и сколько приобрели? Не в накладе ли мы, стоит ли игра свеч?

Мы приобрели единственно право, свести Механику к положению о движении масс по геодезическим линиям; а какою ценою?

Когда дело шло еще о коллективной точке и пока силовая функция не зависела от времени, все ограничивалось только иною формулировкой уже известных положений Механики; а с переходом к четырехмерному миру (x_1, x_2, x_3, t) дело стало несколько еще похуже, в том смысле, что о движении самих масс m , в определении которого вся-то проблема, мы, в конце концов, ничего-то и не узнали: ведь, координаты масс входят в функцию U , как неизвестные функции от времени, так что самая функция U неизвестна; и она-то выражает определенное свойство того мира, в котором массы вычерчивают геод. линии. Если действительные пути масс заранее известны, нет ничего легче, как построить тот мир, в котором массы вычерчивают геод. линии; и если бы самый этот мир был известен, то, обратно, нашли бы движения самих масс. Но у нас нет пока иного способа построить мир, как определив сначала действительные движения масс по действительным законам действительной Механики, т.-е. мы ничего на самом деле не выиграли, кроме словесного выражения.

А что мы за это заплатили, или чем за это пожертвовали? Не станем распространяться по поводу мелких поправок к общепринятому выражению закона сохранения энергии—может быть, они то и подтверждаются на опыте, при движениях со скоростями, достаточно близкими к единичной (световой), но эту часть наших изысканий можно формулировать, как раз, и не прибегая к идее четырехмерного мира, а просто настаивая на симметричном виде ур-ия Гамильтона, по аналогии хотя бы с ур-ием волнообразного движения. А самый то „мир“, как четырехмерная совокупность, для чего он нам понадобился?

Спора нет: все, что происходит, происходит в пространстве и во времени, так что у каждого „элементарного события“ четыре координаты (x, t) , и мир, как совокупность всех элементарных событий, действительно, четырехмерен. Тут еще ничего сомнительного нет. Но нам приходилось говорить о геод. линиях мира, т.-е. приписывать миру метрические свойства, что предполагает соизмеримость между временем и пространственными отрезками,—а это—нечто, как будто, совершенно недопустимое. Впрочем, и с этим возможно примириться, как с искусственным приемом, облегчающим вычисления или понимание сложных формул: даются же скорости, для начинающих, в виде абсцисс, а пройденный путь в виде площади—хотя на самом-то деле измерения пути и площади, наверно, разные.

Но тут философский вопрос: можно ли утверждать, что наш четырехмерный мир, составленный из комбинации времени с пространством, реален, единственно даже реален—только на том основании, что в нем законы движения упрощаются (в своей словесной передаче, допустим); а что данные нам в непосредственном созерцании время и пространство, обратно, нереальны, а только тени, частичные проекции полных мировых реальностей, как это читаешь у Минковского, Эйнштейна и у иных прочих? Наша откровенная мысль та, что все это просто способ выражения. При этом, с одной стороны ссылаются на то, что, ведь, вся наука согласна

в том, что, напр., свет реально—только волнообразное движение, с другой стороны, тут же заявляют, что для каждого реально то, что он видит, вернее даже, ощущает. Согласимся примирительно на том, что мир—это научная абстрактная схема, тогда как время и пространство—данности,—потому что, ведь, притворяться толком никто не умеет, и сам Эйнштейн, хотя бы, додумался, вот, до идеи сомкнутого пространства, при которой световой луч может, идя все прямо, вернуться в исходное место (и даже вычислил, за сколько именно лет), а до Гераклитовой повторности во времени всех событий еще не договорился. Значит, сам знает, что между временем и пространством есть реальная разница, что их измерения различны, что отношение между ними вовсе не число (и даже еще мнимое), а скорость. Да еще и у Минковского повсюду оговорки, указания на то, что „временный“ вектор ни в какой системе координат не может стать „пространственным“ и т. п.

Мы видим: то, что мы заплатили, сводится к опасной игре смешения понятий, но если быть достаточно осторожным и помнить, как следует, что все это не всурьез, а так, то можно научиться лавировать между рифов, и тогда представление „мира“ перестает уже быть роковым, даже иногда может оказаться полезным, как поучительная схема,—но вопрос все остается вопросом: что же Механика то, как таковая, от этого может выиграть?

Ответ может быть только один: Механика выиграла бы только, если бы из изучения самого мира, помимо всего остального, само собою как-то нашлись в нем пути реальных масс,—как вихри кривизны, что ли; если бы, изучив все возможные четырехмерные метрические миры, мы, по какому-либо особенному свойству выделили бы один, как единственно возможный, а с ним нашли бы, чисто умственным путем, единственно же возможный закон тяготения, и т. п. Все это—проблемы, действительно, намеченные в теории относительности—самые важные проблемы, как читатель видит, но мы их то как раз в настоящей статье коснемся мимоходом. Мы здесь только разберем вкратце проблему возможных миров и в связи с нею, несколько частных положений Эйнштейна, а самое решительное исследование о единственно возможном мире отложим до другого раза, так как нужно сначала расчистить, как следует, почву, чтобы стало мыслимо, построить на ней солидное здание.

Самый простой из всех мыслимых четырехмерных метрических миров был бы такой, в котором бы элементарная дуга dp давалась выражением:

$$dp^2 = dt^2 + dx_1^2 + dx_2^2 + dx_3^2; —$$

это—эвклидов мир, в декартовых координатах. Дело несущественно усложнится, если переменить знаки при dx_i^2 , и тогда условие $dp^2 = 0$ даст нам как раз ур-ие света в эвклидовом пространстве, с постоянною единичною скоростью по всем направлениям. Но никакой механики у такого выражения для dp^2 вывести нельзя, потому что нет еще силовой функции U . Прибавим же некоторый множитель U и напишем:

$$dp^2 = U(dt^2 - dx_1^2 - dx_2^2 - dx_3^2), —$$

тогда, и только тогда перед нами, с одной стороны, Механика, а с другой—если положим $dp^2 = 0$ —ур-ие света.

Обобщим эти соображения: пусть дана элементарная дуга мира квадратным ур-ием:

$$dp^2 = Ug(dx, dx), \dots \dots \dots (9)$$

тогда тем самым определен и закон распространения света, по ур-ию:

$$Ug(dx, dx) = 0,$$

т.е., — так как ур-ие света, как и всякое, можно делить и помножать на любое число. — по ур-ию:

$$g(dx, dx) = 0 \dots \dots \dots (10)$$

Но заметим, — не обратно: если дано ур-ие света (10), то для мировой дуги получится многозначное выражение (9), — многозначное потому, что $U = U(x, t)$ произвольная функция. С ее выбором, получится свой мир, со своими геодезическими линиями, со своими законами движения. Следовательно, мир, пожалуй, и определяет однозначное ур-ие света (если непременно так толковать условие $dp^2 = 0$); но ур-ие света определяет не мир, а миры, каждый из которых подобен другому только в бесконечно малом, — как подобны, напр., земной шар и плоская географическая карта.

В теории тяготения, множитель U , безразличный для характера распространения света, играет весьма важную роль, и он органически новсе и не связан с ур-ием света; можно, конечно, его к ур-ию света пристегнуть, с заранее обдуманном намерением — внешне объединить в одной формуле такие разнородные явления, как свет и тяготение. И тогда получится иллюзия, будто электромагнитное явление света как-то предопределяет закон тяготения, — след, будто тяготение — явление тоже электромагнитное. Но иллюзиям в науке нет места.

Здесь не то что ошибка, а, во всяком случае, недоговоренность в теориях Эйнштейна: нигде не обращается внимания на то, что ур-ие света, как и всякое вообще ур-ие, определено только до некоторого общего множителя. Это характерно, так как выдает страстное желание провозгласить явление света основным, свести механику тяжелых тел к электродинамике.

Между тем, теперь уже ясно, что по наблюдениям над светом, по ур-ию света мира не построишь, так как множитель при ур-ии света остается неопределенным, и нужно особое исследование для определения этого множителя. Если обратно, по соображениям, прямого отношения к свету не имеющим, построить выражение для dp^2 , то остается недоказанным, почему ур-ие $dp^2 = 0$ относится к свету. Это следовало бы доказать, обнаружив, что в теории тяготения, основанной на взятой для dp^2 формуле, условие $dp^2 = 0$ выражает волнообразное движение, распространяющее силовые воздействия от массы к массе.

Но отложим все это, а обратимся опять к намеченной нами проблеме о возможных мирах. Мы пока познакомились только с теми, которые получаются из эвклидова путем равномерного растяжения U в каждой точке, варьирующего по какому-либо закону от точки к точке. Вообще

же, мир дан с формулой для dp^2 , квадратичною в dx и в dt , или, если условимся писать dx_4 вместо dt , со следующей общею формулой для dp^2 :

$$dp^2 = g(dx_1, dx).$$

при чем число инкрементов dx равно 4-м.

Это — в какой угодно системе координат; у Эйнштейна мы не находим попыток упростить систему координат, нам кажется, вот почему:

орудуя с формою $g(dx, dx)$, а не с обратной ей формою $\gamma\left(\frac{\partial W}{\partial x}, \frac{\partial W}{\partial x}\right)$,

он и не умеет вообще упростить форму $g(dx, dx)$. Странно: говорят о мировых инвариантах, об элементарной дуге мира, о геод. линиях мира, как о линиях кратчайшего расстояния, но формулы для самого то конечного расстояния между двумя любыми мировыми точками вы нигде не найдете. Потому и вопрос о связи между теориею относительности и ур-ием Гамильтона остался необследованным.

Здесь мы должны несколько углубить теорию преобразования кв. формы, на которую мы только мельком в одном месте сослались (см. стр. 5). Если дано $g(x', x')$, и если $x' = a(y')$, то обозначим столбцы матрицы a символами 1, 2, ..., n, рассматривая элементы этих столбцов, как координаты p точек 1, 2, ..., n. Тогда, в результате преобразования получим форму $h(y', y')$, при чем элементы h_{ij} матрицы h будут:

$$h_{ij} = g(i, j)$$

Теперь: если заменим координаты x координатами y , то

$$x' = \frac{\partial x}{\partial y_1} y'_1 + \frac{\partial x}{\partial y_2} y'_2 + \dots + \frac{\partial x}{\partial y_n} y'_n,$$

и в i -том столбце матрицы преобразования стоят величины

$$\frac{\partial x_1}{\partial y_i}, \frac{\partial x_2}{\partial y_i}, \dots, \frac{\partial x_n}{\partial y_i},$$

т.е., производные по одной переменной y_i , от различных переменных x , что и затрудняет теорию преобразования формы $g(dx, dx)$.

Но возьмем, обратно, форму $\gamma\left(\frac{\partial W}{\partial x}, \frac{\partial W}{\partial x}\right)$.

Мы имеем:

$$\frac{\partial W}{\partial x} = \frac{\partial W}{\partial y_1} \frac{\partial y_1}{\partial x} + \frac{\partial W}{\partial y_2} \frac{\partial y_2}{\partial x} + \dots + \frac{\partial W}{\partial y_n} \frac{\partial y_n}{\partial x},$$

и тут обратно, в i -том столбце преобразования стоят производные от одной функции W по переменным x ; так что коэффициент γ_{ij} преобразованной формы равен

$$\gamma_{ij} = \gamma\left(\frac{\partial y_i}{\partial x}, \frac{\partial y_j}{\partial x}\right).$$

что делает теорию преобразования формы γ очень простою. Например, — чтобы коэффициент γ_{44} был равен 1, нужно:

$$\gamma \left(\frac{\partial y_4}{\partial x}, \frac{\partial y_4}{\partial x} \right) = 1,$$

т.-е., функция y_4 от x должна быть Гамильтоновою, или ур-ие $y_4 = \text{const.}$ должно выражать семейство „концентрических“ форм.

После этих общих соображений, перейдем к выбору простейшей в мире системы координат, при любой исходной системе (x). Представим себе наблюдателя, данного в мире определенной геод. линию, — какую системою координат он станет пользоваться, какой отсчет времени для него будет „собственным“, или „местным“?

Вопрос, который мы тут ставим, в высшей степени важен, так как удовлетворительный ответ на него оправдывает самое построение „мира“.

Вспомним учение Минковского, целиком перенятое Эйнштейном: „время и пространство — только проекции мировых реальностей“. Реален только мир, и в нем каждая масса дана, за всю бесконечность времени, одною мировою кривою — назовем ее нитью; по Эйнштейну, эта-то нить — геод. линия. Но нам никогда весь мир целиком не открывается, а через час по столовой ложке: в каждый момент времени нам дана из всего четырехмерного мира одна трехмерная форма, т.-е. пространство, со всеми относящимися к этому моменту времени событиями, — назовем это „мировою фильмою“. Если $T = \text{const.}$ — ур-ие семейства фильм, то переход от одного значения параметра T к другому и есть течение времени, и мыслимо то или другое разложение мира на фильмы, мыслим тот или иной отсчет времени. В этом учении о субъективности отсчета времени — корни всей теории относительности.

Мир — как бы газета, все события в ней упомянуты, но ее можно читать и с первой, и с последней страницы. Или, выражаясь уже совсем шуточно: это — арбуз, который можно съесть, разрезав на кружочки так или иначе. И, конечно, тут нет места произволу, но у каждого данного наблюдателя, в силу его особого положения в мире, должен быть свой вкус, свое понимание порядка, в котором арбуз должен быть съеден, т.-е. должно быть определено свое „местное“ время, должен быть определенно свой „собственный“ отсчет времени.

Так именно вопрос и ставился в Малой Теории Относительности, и вдруг в Большой нам заявили, что все это неважно, что законы природы справедливы при всякой системе координат; след., никакого местного-то времени нет, и можно вернуться к Ньютону „абсолютному“ времени? Мы здесь не являемся приверженцами того или иного взгляда на время, мы требуем только последовательности. Раз в Малом принципе относительности была поставлена и разрешена проблема местного времени, можно было бы того же ожидать и при переходе к Большому принципу: или, по крайней мере, хоть толкового разъяснения, почему это вдруг стало неинтересным; но, вместо всего этого, просто замалчивать вопрос — представляется, повторяем, непоследовательным.

Дана определенная мировая нить, соответствующая определенному наблюдателю; а где же соответствующие фильмы? — Ответ, собственно

говоря, до того прост, что удивительно, как это Эйнштейн его заранее не дал. Дело в том: так как не из чего другого данного исходить, кроме данной геод. линии, то и фильмы могут быть только концентрическими формами с центром на данной нити, а именно, в минус бесконечности, так как, в противном случае, в определенный конечный момент времени получилась бы бесконечно малая фильма.

И теперь еще ясно: все остальные радиусы концентрических форм, будучи тоже геод. линиями, представляют собою мировые нити, или пути — каких точек? — мы говорим, — ясно, что точек, представляющихся наблюдателю неподвижными! Итак: система всех точек, неподвижных друг относительно друга, дана в мире пучком геод. линий, с общою точкою в минус бесконечности; в эвклидовом мире, это был бы пучок параллельных прямых. А нормальные к пучку формы (в эвклидовом трехмерном мире это были бы плоскости) — играют роль форм одновременности, или фильм, и если $T = \text{const.}$ — ур-ие их семейства, то параметр T и есть искомое местное время, при чем, за время dT , все точки в мире совершают пробег dr , равный как раз dT , или истекшему времени.

Далее: если измерять расстояния между двумя точками величиною, пропорциональную углу, под которым они видны из центра в минус бесконечности, то расстояние, так определенное, неизменно со временем, и это, очевидно, и есть то расстояние, которое наблюдается в трехмерном пространстве, и которое здесь дано, скажем, эвклидовою формою: $dx_1^2 + dx_2^2 + dx_3^2$; но в мире то же самое расстояние дано некоторою формою $g(dx, dx)$, с тремя переменными dx , а полное расстояние dr между двумя мировыми точками, неодновременными для наблюдателя, т.-е., не лежащими в одной фильме, получается, согласно с теоремою Пифагора, по след. формуле:

$$dp^2 = dt^2 - g(dx, dx).$$

Так как отношение между формою $g(dx, dx)$ и эвклидовою сводится к отношению между эллипсом и сферою, то получается такая картина: каждая фильма возникает из видимого, представляющегося неподвижным, пространства, путем растяжения каждого бесконечно малого объема в трех взаимноперпендикулярных направлениях, переменного от точки к точке. Итак, пространство с каждым мгновением деформируется и в то же время как бы передвигается в направлении осей времени, т.-е. геод. линий, представляющих собою мировые пути неподвижных точек, и таким-то образом и возникает мир, как совокупность всех состояний пространства за все время.

Как видим, не только разрешена проблема местного времени, но еще и само собою получилось решение раньше поставленного нами вопроса — обо всех возможных мирах: все они получаются из четырехмерного эвклидова мира путем его деформации, т.-е. растяжения в любой его точке по четырем взаимноперпендикулярным направлениям, при чем еще, при выбранной выше системе координат, можно положить коэффициент растяжения в направлении осей времени, равным 1, т.-е., в этом направлении никакого растяжения нет. На все получились простые и ясные ответы, что свидетельствует, очевидно, о правильной постановке нами вопроса.

А мы на этом еще не намерены остановиться, но осветим проблему с новой точки зрения, показав конкретно, как наблюдатель, по всем вероятностям, строит мир по ур-ию света. У Эйнштейна об этом ни слова не говорится, он прямо из головы пишет ур-ие света, а мы его построим, исходя из того основного предположения, что свет; как это и в самом деле весьма вероятно, всегда распространяется вокруг любой точки А по эллипсоиду; т.е., что переменный вектор скорости света, отложенный от любой точки А, концом своим описывает поверхность эллипсоида, — которому и дадим название „светового“.

Допустим, что это так; обозначим буквою О центр эллипсоида и условимся понимать под $(-a_1, -a_2, -a_3)$ координаты вектора АО, т.е., поступательной скорости всего эллипсоида в целом; ее назовем „скоростью влечения в точке А“.

Получим ур-ие светового эллипсоида в главной форме:

$$\sum g_{ij} \left(\frac{dx_i}{dt} + a_i \right) \left(\frac{dx_j}{dt} + a_j \right) - 1 = 0, \quad (i, j = 1, 2, 3),$$

где $\frac{dx_i}{dt}$ координаты скорости света, g_{ij} некоторые функции от координат

(x, t) мировой точки А. Отсюда, помножая на $-dt^2$ и еще, быть может, на некоторый множитель U, и найдем:

$$dp^2 = U [dt^2 - \sum dy_i (dx_i + a_i dt) (dx_j + a_j dt)] \quad (11),$$

т.е. так то, вот, исходя из ур-ия света, наблюдатель придет к четырехмерному миру (x, t) с элементарною дугою dp . Из формулы для dp следует немедленно: если в мировой точке (x, t) даны два взаимноперпендикулярные вектора (dx, dt) и $(\delta x, \delta t)$, то

$$U [dt \delta t - \sum g_{ij} (dx_i + a_i dt) (\delta x_j + a_j \delta t)] = 0,$$

и если один из векторов — скажем (dx, dt) — пространственный, т.е., если $dt = 0$, то член $dt \delta t = 0$, и ур-ие, став однородным в $\delta x_j + a_j \delta t$, удовлетворяется при любых δx значениями $\delta x_j + a_j \delta t = 0$.

Это значит, что нормально решительно ко всем пространственным векторам, т.е. нормально ко всей фильме, перемещается именно такая материальная точка С, скорость которой, в глазах наблюдателя, равна именно скорости $(-a_1, -a_2, -a_3)$ влечения, — положение, справедливое в случае любого множителя U. Все точки C_1, C_2, \dots подобного рода движутся, следуя по нормальям, общим всему семейству фильм, при чем, по формуле (11), имеем для любой такой точки С:

$$dp^2 = U dt^2, \text{ или } dp = dt \sqrt{U},$$

где dp пробег CC' точки С между двумя соседними фильмами, отвечающими значениям t и $t + dt$ параметра t .

При $U = 1$, получится $dp = dt$, фильмы окажутся концентрическими формами (очевидно, с центром в минус бесконечности), пути точек С — их радиусами, т.е. геодезическими линиями. А если $U \neq 1$, то пробег dp между двумя соседними фильмами не один и тот же, и он даже равен 0 для особенных точек, в которых $U = 0$; это — неподвижные мировые точки, через которые все фильмы необходимо проходят, т.е. это элементарные события, длящиеся вечно, — что совершенно ни с чем не соотнобразно. Но об этом мы уже говорили на стр. 12-й и здесь больше распространяться не будем.

Обратим лучше внимание на несообразность иного порядка, для нас теперь гораздо более важную: пути точек С нормальны к фильмам, т.е. не дают никаких пространственных проекций, — а между тем, у точек С есть видимая скорость $(-a_1, -a_2, -a_3)$: обратно, мировые пути точек, видимо неподвижных, наклонны к фильмам и дают, как легко сообразить, в пространственной проекции, вектор (a_1, a_2, a_3) , который нельзя истолковать иначе, как „скорость“. Выходит, что есть скорости невидимые или „абсолютные“.

Несообразность исчезает только, если скорость влечения равна нулю, а центр светового эллипсоида совпадает со светящеюся точкою. В этом случае условимся говорить, что свет распространяется „при неподвижном эфире“, и наблюдателя такого распространения света называть „главным“. Главный наблюдатель законно в праве считать себя неподвижным и, вообще, приравнять видимые скорости действительным. Но если нет для него неподвижного эфира, а есть скорость влечения, т.е. если он — неглавный наблюдатель, то легко доказать ему, по ур-ию света, что он движется в эфире и отражение своей скорости (a_1, a_2, a_3) с обратным знаком принимает за внешнюю скорость влечения.

В чем же разница между главным и неглавным наблюдателем? — В том, что первый пользуется системою координат, в которой оси времени нормальны к фильмам, так что в ур-ие для dp^2 инкремент dt времени входит только во второй степени; а у неглавного наблюдателя оси времени наклонны к фильмам. Но если так, почему бы ему не переменить системы координат и не сделаться главным?

Нужно только уничтожить наклон между осями времени и фильмами. Если притом сохранить фильмы, т.е. прежний отсчет времени, а взять за оси времен пути точек С, нормальные к фильмам, то пути точек, видимо неподвижных, окажутся наклонными к фильмам, т.е. придется признать самые точки движущимися. А это значит — не самому стать главным наблюдателем, но мысленно перейти на точку зрения стороннего главного наблюдателя, как это, напр., делаем мы, когда говорим об эллипсе, описываемом землею вокруг солнца.

Остается, значит, обратно, перейти к новому, „собственному“ отсчету времени, выбрав новые фильмы, нормально к мировым путям точек, видимо неподвижных. А это возможно, только, если эти мировые пути не образуют вихрей, — в частности, если это — геод. линии, радиусы концентрических форм с центром в минус бесконечности. Если же мировые пути точек, видимо неподвижных, образуют вихри, то ничего не остается иного, как сдаться и признать себя неглавным наблюдателем.

Таким образом, мы видим, что в ур-ии света прекрасное безошибочное средство для разрешения вопроса о том, есть ли т. н. абсолютные движения. Да, есть: если хотя бы для одного реального наблюдателя мировые пути точек, видимо неподвижных, образуют вихри; и обратно, если таких вихрей нет ни для одного реального наблюдателя, то тогда и только тогда движение вполне относительно, решительно всякий наблюдатель—главный и в полном праве утверждать про себя, что он неподвижен в неподвижном эфире.

Покажем, что именно указанным путем и зародилась вся теория относительности. Сначала было ур-ие света в неподвижном эфире:

$$dt^2 - dx^2 - dy^2 - dz^2 = 0,$$

а затем, для наблюдателя, движущегося по оси X-ов со скоростью а, получили: $X = x - at$, след., $dx = dX + adt$; ур-ие света приняло несимметричный вид:

$$dt^2 - (dX + adt)^2 - dy^2 - dz^2 = 0,$$

и пока оно таким оставалось, для второго наблюдателя была скорость (—а, 0, 0) влечения, и не могло быть сомнения, что он таки двигался в неподвижном эфире. Но

$$\begin{aligned} dt^2 - (dX + adt)^2 - dy^2 - dz^2 &= dt^2(1 - a^2) - 2adXd t - dX^2 = \\ &= \left(dt \sqrt{1 - a^2} - \frac{adX}{\sqrt{1 - a^2}}\right)^2 - \left(\frac{dX}{\sqrt{1 - a^2}}\right)^2 \end{aligned}$$

а потому можно дать ур-ю света след. вид:

$$\left(dt \sqrt{1 - a^2} - \frac{adX}{\sqrt{1 - a^2}}\right)^2 - \left(\frac{dX}{\sqrt{1 - a^2}}\right)^2 - dy^2 - dz^2 = 0,$$

откуда немедленно и получаются знаменитые „преобразования Лоренца“, — напр.,

$$\begin{aligned} dT &= dt \sqrt{1 - a^2} - \frac{adX}{\sqrt{1 - a^2}} = dt \sqrt{1 - a^2} - \frac{a(dx - adt)}{\sqrt{1 - a^2}} = \\ &= \frac{dt - adx}{\sqrt{1 - a^2}} \dots \dots \dots (12). \end{aligned}$$

Таким образом, скорость влечения исчезла и для второго наблюдателя; эфир и для него оказался неподвижным. Именно так пришли, через преобразования Лоренца, к малому принципу относительности, и Минковский показал далее, на своей геометрической модели мира, что

фильмы второго наблюдателя нормальны к его оси времен, — совсем как у первого в его системе координат.

И, наконец, заметим: из (12) следует:

$$\frac{\partial T}{\partial t} = \sqrt{1 - a^2}, \quad \frac{\partial T}{\partial x} = -\frac{a}{\sqrt{1 - a^2}}, \quad \frac{\partial T}{\partial y} = 0, \quad \frac{\partial T}{\partial z} = 0, \text{ а потому}$$

$$\left(\frac{\partial T}{\partial t}\right)^2 - \left(\frac{\partial T}{\partial x}\right)^2 - \left(\frac{\partial T}{\partial y}\right)^2 - \left(\frac{\partial T}{\partial z}\right)^2 = 1.$$

Это ур-ие Гамильтона удовлетворяется в евклидовом пространстве только функциями Т, линейными в t, x, y, z, и потому только наблюдатели, движущиеся в эфире равномерно, главные. А так как реальные-то наблюдатели именно и движутся неравномерно в эфире, то весь малый принцип относительности, во-первых, несомненно не-реален; а, во-вторых, он, именно, всего только малый принцип, так как устанавливает относительность движения только для определенного класса наблюдателей.

Вот потому-то Эйнштейн и счел неизбежным, от малого перейти к большому принципу относительности, „искривив“ мир с тем расчетом, чтобы, вместо фантастических главных наблюдателей малого принципа, получились реальные, движущиеся в искривленном мире по геодезическим линиям, а, в проекции в трехмерное пространство, — по кривым, реально соответствующим реальному закону тяготения.

Но почему-то, вместо обобщения преобразований Лоренца, он вдруг провозгласил, что время может быть какое угодно, тогда как, при возникновении теории относительности, вся проблема была именно в том, чтобы определить для каждого его „собственное“, „местное“ время.

Попробуем мы обобщить ур-ия Лоренца.

Пусть ур-ие света при неподвижном эфире будет:

$$dt^2 - g(dx, dx) = 0, \dots \dots \dots (13)$$

и пусть дан второй наблюдатель, движущийся в эфире, для которого,

при том же отсчете времени, всякая скорость $\frac{dx}{dt}$, данная первому наблю-

дателю, переходит в скорость $\frac{dX}{dt} = \frac{dx}{dt} - a$, откуда, обратно:

$$dx = dX + adt,$$

и потому ур-ие света становится:

$$dt^2 - g(dX + adt, dX + adt) + 0, \text{ или}$$

$$dt^2 - g(a, a) dt^2 - 2g(a, dX) dt - g(dX, dX) = 0.$$

Проблема в том, чтобы преобразовать это ур-ие в подобное исходному, перейдя к такому времени T , инкремент dT которого входил бы в преобразованное ур-ие света только во второй степени. Для этого нужно пополнить первые члены, включающие dt^2 , dt , до полного квадрата, что даст:

$$\left(dt \sqrt{1-g(a,a)} - \frac{\sum g(a,dX)}{\sqrt{1-g(a,a)}} \right)^2 - G = 0 \quad dT^2 - G.$$

где G уже вовсе не содержит dt . Теперь в скобках подставим $dX = dx - adt$ и получим:

$$dT = dt \sqrt{1-g(a,a)} - \frac{\sum g(a,a)}{\sqrt{1-g(a,a)}} dt - \frac{\sum g(a) dx}{\sqrt{1-g(a,a)}}$$

Первые два члена соединяются в один, равный $\frac{dt}{\sqrt{1-g(a,a)}}$, а потому

$$dT = \frac{dt - \sum g(a) dx}{\sqrt{1-g(a,a)}}$$

Если это полный дифференциал, то должно быть

$$\frac{\partial T}{\partial t} = \frac{1}{\sqrt{1-g(a,a)}}, \quad \frac{\partial T}{\partial x} = \frac{g(a)}{\sqrt{1-g(a,a)}} \quad (14)$$

откуда, исключая a , и найдем для T ур-ие Гамильтона:

$$\left(\frac{\partial T}{\partial t} \right)^2 - \gamma \left(\frac{\partial T}{\partial x}, \frac{\partial T}{\partial x} \right) = 1.$$

Это и есть искомое обобщение преобразования времени по Лоренцу!

Оно удается только, если можно, по данным величинам a , подыскать функцию T , удовлетворяющую ур-иям (14).

Еще проще, конечно, проблема решена нами на стр. 17-й, где нужно только читать T вместо u_4 .

Наконец, чисто геометрически, помимо символов диф. вычисления, проблема была нами решена на стр. 18-й. Таким образом, математически мы ее осветили всесторонне. Но подойдем к ней еще с психологической точки зрения.

Допустим, что даны два наблюдателя, совершенно друг с другом не общающиеся—один на Земле, другой, скажем, на Марсе, и телефон испорчен; каждый, не спросив другого, построил, по ур-ию света, оди́н в своей системе координат (x) , другой в своей системе (y) , свой собственный мир.—где гарантия в том, что это мир общий тому и другому?

Предупреждаем читателя, чтобы он в этом вопросе не поддался некоторой иллюзии. Он может, пожалуй, рассуждать след. образом,—и это было бы весьма неправильно:

„Если в одной системе координат (x) ур-ие света дано в форме:

$$dp^2 = g(dx, dx) = 0,$$

и если есть еще другая система координат (y) , по ур-иям:

$$x_i = x_i(y_1, y_2, y_3, y_4),$$

то получим, дифференцируя, систему линейных замещений:

$$dx = \frac{\partial x}{\partial y} dy,$$

которая преобразует нашу кв. форму в следующую:

$$dp^2 = h(dy, dy) = 0,$$

где h_i функции от y_i , определенные всеми данными: значение же dp^2 очевидно, останется прежнее“.

Алгебраически, это все, нечего спорить, так; но что же это тогда выражает?—Просто, что дан всего один наблюдатель, пользовавшийся сначала системой (x) ; а потом, она ему надоела что ли,—он и перешел к системе (y) , не поддающейся, может быть, геометрически никакому даже ясному истолкованию; важно только, что удалось, при посредстве счетных параметров (y) , выразить прежние координаты (x) . Тогда еще бы тот мир, который наблюдатель выбрал себе изо всех возможных, при данном ур-ии света, и при произвольном множителе U , так и остался, и dp^2 тоже. Но тогда—и хлопотать не о чем: что это за мир, который один гражданин вселенной измыслил для своего карманного употребления, и о котором никто другой, может быть, и не догадывается?

Нет, даны два независимые, необщающиеся друг с другом наблюдателя; и при чем тут тогда линейные замещения?

Линейные-то замещения всегда найдутся; а только, применяя их, при переходе от системы (x) к системе (y) , мы что же узнаем-то?—Мы узнаем, как бы второй наблюдатель выразил, в своих координатах (y) , элемент дуги dp мира, построенного для себя первым наблюдателем, с которым второй-то, может быть, и разговаривать не хочет. А пользуясь обратными замещениями, мы, опять же, всего лишь узнаем, как выглядит в первой системе (x) выражение для элементарной дуги—назовем ее dq —в мире второго наблюдателя. Так, пожалуйста, если вам не лень, на здоровье, из пустого в порожнее,—вечно мимо того существенного вопроса, который один подлежит разрешению: „да тот же ли самый, чудом, мир у того и у другого—да есть ли равенство $dp = dq$ “

И так вот уж именно можно гонять ученую молодежь вечно на корде от Понтия к Пилату, если забыть, что ур-ие света одно еще никакого определенного мира не определяет. Значит, помимо общей фразы о линей-

ных замещениях, нужно еще что-то, и нетрудно понять, что именно нужно, если обратиться за справкою к истории вопроса, к модели Минковского, которую он геометрически оправдал малый принцип относительности.

Допустим, что исходный главный наблюдатель подставил в свое ур-ие света параметры X, Y, Z, T , — по ур-иям:

$$x = X + aT, t = T + aX; y = bY + cZ; z = cY - bZ,$$

при $a^2 + b^2 + c^2 = 1$, или $b^2 + c^2 = 1 - a^2$, и получил:

$$dp^2 = dt^2 - dx^2 - dy^2 - dz^2 = (1 - a^2)(dT^2 - dX^2 - dY^2 - dZ^2).$$

После этого, он спросил себя: „а мыслим ли другой наблюдатель, пользующийся такою системою координат?“ — И, справившись с литературой, ответил себе: „мыслим-то мыслим, — движется относительно меня со скоростью a по оси X -ов, другие две его оси так-то повернуты и т. д. Но реально-то он уж, наверное, не существует: потому что реален; потом реален построенный мною, по Минковскому и Эйнштейну, мир; наконец, реален и всякий другой наблюдатель, умпостигающий именно мой, единственный реальный мир. А у этого, мною надуманного наблюдателя — мир другой: не помножит же он, так просто мне в угоду, своего ур-ия света на $(1 - a^2)$: это значило бы, что он несамостоятелен; к тому же, так он разойдется, наверное, с каким-либо третьим, реально существующим наблюдателем, относительно которого он движется со скоростью $a' < a$.

„Иное дело, если я заранее разделю все свои преобразования на $\alpha = \sqrt{1 - a^2}$, — тогда и только тогда я приду к реальному наблюдателю, с тем же выражением для того же dp^2 , что и у меня. Итак, запомню: если только кто-нибудь реально движется относительно меня со скоростью a , то нельзя думать, будто время T для него определяется по ур-ию $dt = T + aX$, где $\alpha = 1$, а нужно непременно положить $\alpha = \sqrt{1 - a^2}$!

Теперь я понимаю, почему и Лоренц на этом настаивал, и Минковский так писал, и, сначала, и Эйнштейн так списывал: это закон такой психофизический должен быть, чтобы все, по невольному созерцанию, — так сказать, мускульно, — пришли к одному и тому же миру!

„Если же Эйнштейн теперь заявляет, что время может быть какое угодно, и что законы природы справедливы при всякой системе координат, то это, должно быть, нечто очень ученое, чего я понять не могу, но что никак не может противоречить тем элементарным познаниям, которые я у него, и у Минковского, и у Лоренца почерпнул“.

Теперь то, наконец, мы критически уловили всю суть теорий Эйнштейна и в состоянии выразить ее следующим недвусмысленным образом:

„Допускаются вполне определенные свойства материи, духовно неорганизованной и организованной,

в силу которых решительно всякий наблюдатель приходит к ур-ию света, распространяющегося без скоростей влечения, т.-е. при неподвижном эфире:

$$dt^2 - g(dx, dx) = 0$$

Мало того, мир, построенный на след. выражении для элементарной дуги dp :

$$dp^2 = dt^2 - g(dx, dx),$$

оказывается решительно для всех наблюдателей общим. Это предполагает невольность вполне определенного „местного“ отсчета времени, так как преобразования формулы для dp^2 от одного наблюдателя к другому приводят, для функции времени, к диф. ур-ию Гамильтона (см. стр. 21).

Если все вышензложенное фактически подтверждается, то само собою оказывается, что всякий решительно наблюдатель движется по геод. линии мира, и, след., в этом — вся Механика“.

Отсюда следует: теоретически, можно было бы опровергнуть всю теорию относительности, доказав, что предполагаемая ею форма ур-ия для dp^2 приводит к ур-иям движения, решительно расходящимся с опытом; но этого доказать нельзя, так как легко проверить что, напр., положив

$$dp^2 = dt^2 - U(dx^2 + dy^2 + dz^2),$$

мы придем к ур-иям движения, весьма мало отличающимся от ур-ий обыкновенной Механики, при потенциале U (способ вывода во всем подобен изложенному на стр. 16).

Практически же возможно опровержение большого принципа относительности и сведение его к малому (т.-е. частному), если обнаружить, что наверное есть в действительности те или другие наблюдатели, для которых свет распространяется, несомненно, со скоростью влечения.

Наконец, философски подлежат полному игнорированию или даже ожесточенному опровержению все попытки вывести из вышеприведенных предположений больше того, чем в них математически заключается, напр., заверения о какой то исключительной реальности мира, который, по существу, остается всего только схемой, помогающей при преобразованиях координат.

Таковы те результаты, которые мы можем формулировать предвзительно, не входя еще в разбор учений Эйнштейна о тензоре-энергии материи. И теперь, оставляя пока в стороне теоретическую проверку, мы обратим свое внимание на некоторые частности, — главным образом, на отношение Эйнштейна к проблеме видимого вращательного движения.

Нам кажется, уже разобранное нами до сих пор в достаточной степени способно убедить читателя, что изложение у Эйнштейна его теорий

довольно таки сбивчивое. Позволим себе, прежде чем перейти к основной теперь для нас проблеме вращения, еще больше подготовить читателя к независимому суждению об изысканиях Эйнштейна, заранее остановив его внимание на некоторых очевидных промахах и даже — „не подумайте худо“ — ошибках.

Например, разберем то выражение для мировой дуги, которое Эйнштейн дает в своей теории тяготения:

$$dp^2 = \frac{r-\alpha}{r} dt^2 - \frac{r}{r-\alpha} dr^2 - r^2 d\psi^2$$

Для простоты, приравняем множитель при dr^2 единице:

$$dp^2 = \frac{r-\alpha}{r} dt^2 - dr^2 - r^2 d\psi^2$$

теперь вся разница между малым принципом относительности в множителе $\frac{r-\alpha}{r}$ при dt^2 , неравном 1. (От третьего измерения пространства мы, как это принято, абстрагируем, так что filmy у нас плоские, или, вернее двух измерений).

Теперь вспомним, что, вообще, выражает ур-ие $t = \text{const}$: это всегда ур-ие filmy, т.е. всего того, что для наблюдателя одновременно. — А что значит dt ? — Ответ: это — приращение параметра в ур-ии семейства filmy, одно и то же между двумя соседними filmyми.

Помня это, положим $dr = 0$, $d\psi = 0$, т.е., возьмем точку, неподвижную в глазах наблюдателя; получим:

$$dp = dt \sqrt{\frac{r-\alpha}{r}},$$

что это значит? — Ответ: dp здесь — мировой пробег точки, в глазах наблюдателя неподвижной, за время dt . Пробег этот неодинаков для различных точек за одно и то же время dt : чем r больше, тем ближе dp к значению dt , и в бесконечности $dp = dt$; но, обратно, при $r = \alpha$, получается $dp = 0$, т.е. шарик радиуса α в начале координат, представляющий центральную массу, в мире неподвижен, хотя время t и течет. Мы уже знакомы с такими точками (см. стр. 12) и дальше об этом распространяться не будем. Главное, на что мы обращаем внимание читателя, это то, что, так как множитель при dt^2 неравен 1, то вообще ни одна из точек, в глазах наблюдателя неподвижных, не вычерчивает в мире геод. линии, и потому такие точки нельзя считать материальными, если оставаться при положении, что всякая материальная точка дана в мире геод. линией.

Не считаясь с этим, Эйнштейн берет любую такую точку на расстоянии r_0 от начала и вводит новое время t_0 по ур-ию:

$$t_0 = t \sqrt{\frac{r_0 - \alpha}{r_0}}$$

так что тогда для взятой точки оказывается как раз

$$dp^2 = dt_0^2 - dr_0^2 - r_0^2 d\psi^2,$$

т.е., в ее непосредственной близости, оправдывается, выходит, малый принцип относительности. Таким образом, Эйнштейн распространяет положение малого принципа на нематериальные точки пространства, и для таких точек решает проблему местного времени.

И на этой-то зыбкой почве Эйнштейн построил свой тезис о часах, движущихся тем медленнее, чем они ближе к центру тяготения, в частности, свою теорию отклонения красных лучей солнечного спектра. Известно, что немцы это немедленно подтвердили; американцы, у которых инструменты получше, ничего не нашли; а этим летом вдруг из Австралии пришла телеграмма, будто все в порядке, и, ссылаясь на это свежее заграничное известие, бакинская пресса отказалась даже поместить заметку о моем докладе в Бакинском Техническом Обществе, под председательством Ректора Аз. Полит. Института профессора Иос. Гавр. Есьмана.

Я спорить не берусь: может быть, Эйнштейн как-то и угадал: но теоретическое обоснование построено у него на самой очевидной фантастике. Если точка движется по геод. линии, то, действительно, ее местное время равно ее мировому пробегу. Но кто же сказал Эйнштейну, что соотношение $dp = dt_0$ (где t_0 местное время) применимо и к материальным точкам, мировые нити которых не геод. линии? Мы, по крайней мере, слышали от него, что в поле тяготения таких материальных точек вообще нет, что всякая материальная точка вычерчивает в мире геод. линию.

И это неправильное умозаключение Эйнштейна тут не единичная случайность, оно у него высказывается повсюду. Он даже именно так связывает большой принцип относительности с малым. Он довольно запутанно разъясняет, что кв. форма $g(dx, dx)$ вообще может быть представлена в виде алг. суммы четырех квадратов dX , которые, однако, неполные дифференциалы. И, вместо того, чтобы сделать отсюда единственно правильный вывод, — что всякий возможный четырехмерный метрический мир получается из эвклидова при посредстве четырех взаимноперпендикулярных растяжений, он заключает, что для достаточно малых областей все коэффициенты в выражениях dX могут быть рассматриваемы, как постоянные, и тогда dX полные дифференциалы, и, след., в малом, при соответствующих масштабах, всегда оправдывается малый принцип относительности.

Рассуждение это математически настолько путаное, что у нас нет здесь ни места, ни времени выявлять все его теневые стороны, а между тем, оно то, собственно, и лежит в основе всего учения Эйнштейна о законах природы, справедливых во всякой системе координат, о принципе эквивалентности, словом, об относительности времени, пространства, движения, — всего в мире, кроме самого мира.

Это, воистину, сердце всего учения, или, если хотите, это комплекс, истинное значение которого раскроется вполне, если понять, чего, в конце

концов, Эйнштейн добивается. Со стороны кажется удивительным: как это Эйнштейн, подойдя вплотную к выяснению связи между всяким возможным и евклидовым миром, сводящейся к четырем взаимно перпендикулярным растяжениям, не остановился и не спросил себя: „что же, в таком случае, я выигрываю с переходом от евклидова мира к неевклидову?“, а вместо этого, вдруг бросился куда-то в сторону.

И, действительно, между тем и другим миром, оказывается, просто проективная зависимость, и, значит, никакой существенной разницы между ними нет и быть не может.

Назовем ту кривую, в евклидовом мире, которая переходит в неевклидовом в геод. линию, псевдогеодезическую. Не проще ли, вместо учения о движении масс по геод. линиям неевклидова мира, остаться с самого начала при евклидовом мире и скромно заявить, что здесь реальные массы вычерчивают псевдогеод. линии? Зачем вообще потянуло Эйнштейна в неевклидов мир с его неладно кривизною? С самого начала можно, ведь, было понять, что так ничего иного, кроме нового словесного выражения законов природы получиться не может?

Сошлемся на Кеплера: чтобы решить проблему планетного движения, он рядом с планетой, движущуюся по эллипсу, вводит еще воображаемое тело, движущееся по окружности, построенной на большой оси эллипса, как на диаметре. Но он не говорит, что эта вспомогательная фикция—единственная реальность, а действительная планета—тень этой умопостигаемой реальности—на том только основании, что так легче решить поставленную задачу. Что бы и самому Эйнштейну, вместо растяжений, переводящих евклидов мир в неевклидов, остаться при евклидовом мире и говорить всего только о сопротивлениях среды, что ли, заставляющих свет распространяться не по сфере, а по эллипсоиду, а также изменяющих сопротивляемость силе со стороны массы, различно в различных направлениях, так что масса уже не постоянное число, а есть своеобразный „массовый эллипсоид“, вроде „эллипсоида инерции“?

Да, но, ведь, тогда все было бы слишком прозрачно и нельзя было бы совершить тот восхитительный вольт, ради которого только и придумана большая теория относительности, с ее искривлением мира. Дело в том, что замысел Эйнштейна с самого начала направлен на то, чтобы отделаться от весьма неприятной особенности евклидова мира, состоящей в том, что здесь вращение небесного свода несомненно кажущееся, а не действительное. К этому он, строго говоря, всегда все и вся вел, как сам повсюду откровенно и признается.

Он, видите ли, открыл скандальнейшую ошибку в Ньютоновой Механике: на вопрос, почему земля сплющена у полюсов, Ньютон отвечает, будто вследствие абсолютного вращения вокруг оси. т.е. Ньютон выдает нам за причину материального явления (сплюснутости) отношение земли к чему-то нематериальному—к „абсолютному“ пространству, в котором земля, будто бы, вертится вокруг оси.

Словом, Ньютон говорит вздор, и непременно надо поправить его и сказать: „Это не так, а вот как: или земля, действительно, вращается вокруг оси, а потому и сплюснулась, как неправильно и утверждает Ньютон; или же звезды вращаются вокруг неподвижной земли, отчего

в окружающем нематериальном пространстве образуется „поле“, сплюсывающее землю. И то, и другое одинаково правильно, и в этом то принцип относительности“.

Теперь, как видите, позорная ошибка, которую Ньютон запатентовал Механику, исправлена; но, чтобы это все было так на самом деле, нужно искривить пространство: потому что в евклидовом пространстве, которым орудует Ньютонова Механика, и даже в мире малого принципа относительности, не признающего скоростей, больших единичной, вращение небесного свода на верное только кажущееся.

Вот, значит, в чем вина Ньютона, по Эйнштейну: как это Ньютон, видя непригодность евклидова пространства, в целях принципа относительности, не догадался „искривить“ его. Описание мира должно одинаково удалиться, с какой бы массы его ни проводить. Если так выразить основную идею Эйнштейна, то она даже кажется насквозь материалистичною и способною захватить серьезного мыслителя⁴⁾.

Но, ведь, кроме масс, в пространстве есть еще и всевозможные соединительные прямые между ними, по которым, в каждый данный момент, происходят взаимодействия между массами. И раз уж Эйнштейн строит свою теорию мира на идее потока энергии, то не соблаговолит ли он признать, что нужен еще, для последовательного материализма, некий материальный посредник между массами, или эфир, т.е. среда, в которой бы распространялись световые волны от массы к массе: потому что нельзя же, на самом деле, воображать, будто между землею и, напр., луною в пустом пространстве посредничают бумажные диф. ур-ия⁵⁾. И если мы отчетливо представим себе все действительные соединения между массами, то и окажется, что видимый мир вовсе не агрегат разрозненных точек, а единое сплошное материальное тело в вечных электромагнитных судорогах от одной видимой массы к другой.

В таком случае, кроме отдельных видимых перемещений масс, мыслимо еще общее (среднее) поступательное, да и вращательное движение мира в пустом пространстве; и мыслим, необходимо мыслим такой главный пост, при наблюдении с которого всякое общее движение эфира исчезает, а все частичные движения происходят при неподвижном эфире. Скажут: малая теория относительности раскрыла, что возможно множество таких постов, равномерно движущихся один относительно другого? Но, прежде всего, самые опыты, это, подтверждающие, еще достаточно единичны и спорны. А затем—ясно всякому непредубежденному человеку, что невозможно, все-таки, расширить малый принцип относительности до большого.

Кто не умеет и, главное, не любит пофилософствовать? Но нелишнее, время от времени, считаться и с предлежащими фактическими данными,—между прочим, и со следующим элементарным опытом, который каждая вальсирующая девочка, не говоря уже и о самом Майкельсоне, может проделать в любое время дня и ночи; а именно: как только наблюдатель приведет себя в движение, так он и переносит мгновенно

⁴⁾ См. „Вестник Комм. Академии“, 7. стр. 367.

⁵⁾ Там же, стр. 378.

свою скорость (поступательную; а при вращении, угловую), с противоположным знаком, на внешний мир, каким он его видит, и каким он, следовательно, был раньше: потому что, вследствие конечности скорости света (принимаемой за единичную), то, что мы видим во время t на расстоянии g от нас, было раньше, во время $t-g$. И потому, пока закон причинности обратной силы не имеет, всегда ясно, когда это я на самом-то деле двинулся, а мне только кажется, будто все вокруг меня пошло в противоположную сторону.

Если вектор моей скорости в эфире во время t равен \bar{a}_t , а скорость некоторого тела на расстоянии g от меня была равна \bar{v}_{t-g} , то мне покажется, будто тело во время $t-g$ обладало скоростью

$$\bar{u}_{t-g} = \bar{v}_{t-g} - \bar{a}_t.$$

Эйнштейн добивается объяснить эту-то видимую скорость реальными силами; что же, реальные силы вызвали, значит, в теле в прежнее время добавочную скорость — \bar{a}_t , представляющую собою обратное отражение моей позднейшей скорости?

Неужели вероятно такое диковинное устройство мира, при котором бы, на основе формально все тех же законов природы, можно было рассчитывать на подобное действие обратно во времени? Стоит только поставить себе этот детский вопрос, чтобы сразу понять всю нелепость какого бы то ни было принципа эквивалентности, за исключением, разве, того случая, когда скорость \bar{a}_t постоянна, т.-е. от времени вовсе не зависит.

Но обратимся, напр., к видимому вращению небесного свода. У звезд, на самых различных расстояниях g от земной оси были, выходит, в самые различные времена $t-g$ свои самые всамделишные скорости, которые, по странной случайности, все складываются, во время t , в картину одного согласного вращения вокруг земной оси, какова она теперь, но какую она, если верить Лапласовой теории прецессии, раньше вовсе не была?

Звезды, видишь ли, заранее хитро рассчитали, как им двигаться, чтобы только Альфред Эйнштейн вышел прав со своими принципами, которым все равно, мы ли кружимся, звезды ли вращаются? Не проще ли, чем принижать мироздание до цирковой арены, открыто крикнуть, что король-то голый?

То же и с поступательным движением земли: и паралаксы звезд, и те добавочные эллипсы, которые они ежегодно видимо описывают, согласно Брэдлеевой аберрации,—все так поразительно точно согласуется с положением в пространстве земной орбиты именно в этом году, что я то никогда не поверю, будто это звезды сами нарочно стали раскачиваться—кто за 3 года, кто за тысячи лет тому назад, с тем дьявольским расчетом водить земного наблюдателя за нас, чтобы он сбился с толку и вообразил себе, будто это просто мгновенно перенесенное на видимое небо с обратным знаком собственное движение его земли. Как Декарт о боге, так и я думаю, «что звезды правду говорят». И еще думаю, что, если так младенчески честно поставить вопрос, то и никто другой, будь

он хоть семи Эйнштейнов во лбу, не верит, а только так прикидывается гениальным—пока позволяют.

Конечно, можно напустить на себя генеральскую глухоту и на все разумные доводы отвечать упрямо, что все это так в евклидовом пространстве; ну, а у Эйнштейна-то пространство кривое, так там все по иному. При этом не делается никакой даже видимости попытки с карандашом в руках рассчитать, составить смету и обнаружить, что, действительно, такая-то кривизна пространства устраняет все трудности. А просто запугивают магическим словом «кривизна». Ну, а мне, вот, и не страшно, потому что для меня математика не в повторении sacramentalных слов, а я начинаю подсчитывать, и если где просчитался, так и прошу прямо показать; и не только, что здесь, дескать, я написал a , и это неверно, а подробно: что, вместо a , нужно, мол, b , и почему нужно.

Я, прежде всего, вспоминаю, что у Эйнштейна кривизна мира предполагается весьма малой, да я не может быть иначе, потому что Эйнштейн задумал, не то что Лобачевский сказочный мир построить, а совершить переворот в практической физике: и он знает, что никакие астрономические наблюдения не обнаружили на опыте отступлений от евклидовой геометрии. У Эйнштейна Галилеевы области, в пределах которых евклидова геометрия правильна, распространяются на целые солнечные системы, и только от системы к системе звездный луч этак чуть чуть сворачивает с прямого пути. Вот и удивляешься: если кривизна не просто громкое слово, которое выкрикивают люди, свою образованность показывать хочущие; а если это величина, то, ведь, совсем махонькая, и не верится, чтобы из этакое горчичного зернышка действительно могло произрасти райское дерево Эйнштейновых трюков.

Напишите:

$$dp^2 = dt^2 - dr^2 - r^2 d\psi^2 > 0$$

и вращение звездного неба невозможно; но стоит положить

$$dp^2 = A dt^2 - B dr^2 - C r^2 d\psi^2 > 0,$$

где A, B, C едва отличны от 1, и все станет по иному? Не верю; но посмотрю. Полагаю $dr = 0$, и получаю

$$\frac{d\psi}{dt} < \frac{A}{C} \cdot \frac{1}{r}.$$

Теперь: от земли до солнца, круглым счетом, $g = 500$; и на расстоянии, в 30 раз большем, скорость суточного вращения в евклидовом пространстве была бы уже больше единичной световой, что, как показывает наше неравенство, недопустимо при $A/C = 1$. Как же значительно должно, по Эйнштейну, меняться, с расстоянием g отношение A/C , едва, по Эйнштейну же, отличное от единицы, чтобы стало возможным примирить суточное вращение неба с теориею?

Очевидно, противоречие так и осталось противоречием, а мы только всего стали богаче на одно пикантное слово: «кривизна мира».

Заметим: это слово придумано Эйнштейном специально ради факта вращательного движения: он в этом прямо признается, хотя бы в «Четырех Пренстонских Лекциях» (стр. 63 русского перевода). Там описан воображаемый опыт: окружность круга рассматривается, как составленная из множества прямых бесконечно коротких палочек. Если теперь все придет во вращение, то, по формулам Лоренца, палочки испытают сокращение, между тем как их расстояние от центра останется прежнее, т.-е. отношение окружности к радиусу окажется уже равным не 2π , но меньше.

«Строго говоря, эти рассуждения исходят из предположения, что... влияние ускорения не в точности противоположно влиянию скорости» — оговаривается Эйнштейн в примечании, — но в тексте то он говорит, несмотря на эту оговорку, о «недостаточности евклидовой геометрии».

Т.-е., иными словами, Эйнштейн и сам глухо чувствует, что аналогия с преобразованиями Лоренца не очень-то прочная: там движение предполагалось по прямой, без ускорения; здесь по кругу. Но, полагает он, должно быть, — ускорение не может же во все уничтожить укорочение, которое, по Эйнштейну, связано со скоростью.

Преобразования Лоренца относятся, как мы знаем, к форме

$$dt^2 - (dx + adt)^2 - dy^2;$$

а при вращении дело идет о форме

$$dt^2 - (rd\varphi + ardt)^2 - dr^2,$$

вместо dx , имеем $rd\varphi$; вместо adt , имеем $ardt$, т.-е. вместо двух полных дифференциалов, два неполных. Поэтому, в первом случае, нет вихря, и преобразование удастся; а во втором случае, вихрь есть, и ничего не выйдет, т.-е. проваливается принцип относительности. Но Эйнштейну и в мысли притти не может, чтобы хотя в каком бы то ни было случае нельзя было преобразованиями, подобными Лоренцовым, уничтожить скорость влечения в ур-ии света: ему грезится, будто это всегда можно, и всегда, будто, какое-либо укорочение получится, потому что, по существу, все это будут преобразования Лоренца, — хотя бы и с разницей, но очень маленькою.

Курьёз усугубляется тем обстоятельством, что преобразования Лоренца — это почти сам Эйнштейн; и выходит, что Эйнштейн сам не понимает основ своей же собственной теории.

У него какое-то чисто-бумажное отношение к формулам Лоренца, он очевидно не схватывает их физического смысла, который, помимо отставания часов, сводится просто к тому, что движущийся наблюдатель, во-первых, видит, вследствие абберации света, материальную точку не там, где ее видит неподвижный наблюдатель, а потому и не на том расстоянии от себя; а, во-вторых, когда он, чтобы вычислить время, когда блеснул дошедший до него свет, вводит в свои наблюдения поправку на скорость света, он, ошибшись выше (с точки зрения неподвижного наблюдателя) в расстоянии и заранее предполагая, при поправке на скорость света, скорость света равную единичной, ошибется и во времени. Обе ошибки

вместе, однако, не нарушают для него того закона распространения света с постоянной скоростью, на основании которого он и ошибся-то во времени. Вот физико-математическая суть преобразований Лоренца.

Мы видим: преобразования Лоренца относятся к отдельным мировым точкам, или «элементарным событиям». Элементарное событие получает координаты (X, T) , вместо (x, t) . Укорочение же отрезков — дальнейшее последствие из этого первоначального факта.

Пусть летит стрела по прямой. В каждой точке прямой, в свое время, было начало, был и конец стрелы. Какой же длины стрела? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно для себя определить, где было начало, а где был конец стрелы в одно и то же время? Так как то, что одновременно для одного наблюдателя, неодновременно для другого, то ясно, что второй из наших двух наблюдателей, сочтав не тот конец стрелы с ее началом, как их сочетает первый, получит в результате и не то численное выражение для длины стрелы. Если для первого наблюдателя стрела с каждым мгновением вся меняла свою окраску, то в глазах второго наблюдателя она окажется пестрою, как леопард, — все потому, что она у него скомбинирована из элементов, неодновременных для первого наблюдателя.

Полагаю, что после того, как я это так подробно для маленьких объяснил, сам Эйнштейн поймет и согласится. Но убежден, что до моих разъяснений он всего этого и не подозревал, потому что иначе не напутал бы так явно с окружностью.

Допустим, что, вместо стрелы, дана окружность, меняющая с каждым мгновением свою окраску, и что мы в ее центре закружились с постоянной угловой скоростью, — представится ли нам окружность пестрою?

Нет, конечно, потому что все точки ее равно отстоят от нас, свет от всех их сразу до нас доходит. Поправка на скорость света общая для всех точек окружности, абберация решительно одна и та же. Если окружность и покажется нам большею или меньшею, то нет решительно никаких оснований подозревать, что отношение всей ее длины к радиусу изменилось. Никакой неевклидовой геометрии не получится: не для чего.

Да и не в том вовсе дело: пусть и получилось бы; тогда, значит, есть разница между невращающимся и вращающимся наблюдателем: у первого пространство евклидово, у второго — неевклидово; а посему, вращение абсолютно, а не относительно. Так Эйнштейн, в конце концов, сам и кается.

„По принципу эквивалентности, — читаем у него все там же — систему P' (вращающуюся, $G. X.$) можно рассматривать, как покоящуюся; но в ней зато (курсив мой, $G. X.$) имеется поле тяготения (поле центростремительных сил, кориолисовых сил)“. — Замечу: кориолисовых сил, с обратным действием во времени!

Значит: абсолютное пространство есть — это такое, в котором наблюдатель обходится без кориолисовых сил? Но тогда это слово в слово из Ньютона! Тогда у Эйнштейна тоже вращение относительно определенного пространства является причиной возникновения поля!

Тут раскрывается вся призрачность пресловутого принципа эквивалентности, провозглашенного Эйнштейном. Это забавное недоразумение, которое Эйнштейн окрестил таким либеральным именем, все опять основано на том бумажном соображении, что, движется ли масса m или это мне только кажется,—все равно: назову $d(mv)/dt$ „движущую силою“, и у меня получится Механика!

Шалишь: получится Кинематика да не Динамика; потому что в Динамике не то важно, чтобы назвать произведение из массы на ускорение силою, а чтобы сила мирилась с теорией Ньютона потенциал и, след., была нулем в бесконечности. А при вращении действует сила, пропорциональная расстоянию, т.-е., в бесконечности, бесконечно большая.

Так что не то важно, для спасения принципа относительности, свести всякое видимое движение к слову: „сила“, и не в этом доказательство принципа эквивалентности. А чтобы все видимые движения объяснить силами, только количественно, а не качественно различными для того или другого наблюдателя, так что каждый мог бы, со своей точки зрения, прилагать к своему внешнему миру теорию того же самого потенциала,—вот где и когда была бы победа.

Известно, напр., что всякое вращение пространства, сохраняющее закон площади (след., неравномерное) сводится к добавочной центральной силе, обратно пропорциональной кубу расстояния. Для равномерно-вращательного движения, добавочная сила прямо пропорциональна расстоянию от оси вращения. Вот, если бы решительно всякий наблюдатель, при описании движений со своей точки зрения, был вынужден прибегать, наряду с ньютоновыми, еще и к таким силам, только количественно различающимся, то ни один из них не мог бы похвастать, что, с его точки зрения, мир построен проще всего,—и тогда-то, вот, был бы принцип эквивалентности, или относительности. А пока этого нет, и вряд ли это будет.

Пока, перед нами общие туманные фразы и совершенно некорректные, не выдерживающие никакой критики математические построения. Взять хотя бы укорочение окружности при вращении: если π —Лудольфово число, то периметр окружности сокращается при прежнем радиусе, и в этом, по Эйнштейну, „недостаточность евклидовой геометрии“. Позволю себе, эквивалентно, продемонстрировать ему слово в слово так же и „недостаточность неевклидовой геометрии“: нужно только под π понимать не Лудольфово, а какое угодно число или функцию.

Никакая геометрия не выдержит, чтобы окружность сохранялась при прежнем радиусе. И потому, одно из двух: или пространство, от наблюдателя к наблюдателю, меняет свою кривизну, и тогда, по этому признаку, можно наблюдателей классифицировать, что несомненно приведет таки к понятию главного наблюдателя, абсолютного движения, видимого вращения небесного свода,—словом, упразднит теорию относительности.

Или же—что всего вероятнее,—никакой перемены кривизны пространства при вращении наблюдателя не возникает; но тогда Эйнштейн,

очевидно, ошибся в своем доказательстве „недостаточности“ евклидовой геометрии, и она достаточна. А тогда опять, вращение звездного неба видимо, и принцип относительности недоказан.

Я знаю, что на все эти резоны я получу в ответ от подавляющего большинства только колкие замечания, вроде того, напр., что совсем невероятно, чтобы Эйнштейн, открывший ошибку у Ньютона, ошибался; что еще невероятнее, чтобы ученый мир, веками не замечавший ошибок Ньютона, замеченных Эйнштейном, до сих пор не заметил ошибок самого Эйнштейна, если бы тот, действительно, ошибся; но что все это еще, дожалуй, возможно. А что совсем уж невозможно, так это то, чтобы автор статьи в № 10 „Вестника Коммунистической Академии“ заметил ошибки Эйнштейна, которых никто другой не замечал.

Но вот, было же так, что король пошел голым под балдахином по улице, и ни сам король, ни вельможи не заметили, а ребенок не поверил и крикнул: „смотрите, он голый!“ И прошу вас, это не факт. а сказка, т.-е. то, что случается на каждом шагу.

И потому, очень возможно. Вообще, после гипноза мировой войны, которую мы пережили одновременно с откровениями Эйнштейна, пора понять, что нет этой непогрешимой науки, а что, как луну делают в Гамбурге, и прескверно делают, так и наука делается людьми, не только погрешимыми от самой природы, но еще и затемненными всевозможными страстями—честолюбием, маниею величия.

Так что Эйнштейн иногда наверное ошибается. Например, когда ему кажется, будто Риман, распространяя рассуждения Гауса на непрерывности любого числа измерений, „пророчески предвидел физическое значение этого обобщения евклидовой геометрии“. Со стороны ясно же, что не Риман предвидел, да еще пророчески, теорию относительности, изобретенную Эйнштейном, а проще: Эйнштейн, во всем, что касается учения о кривизне и многомерности пространства, прилежный ученик Гауса, Римана, Рикки и Леви-Чивита.

Еще вот где очевидно ошибается Эйнштейн: это когда он пишет, что вращение перигелия Меркурия известно „около ста лет (со времен Леверье)“. Леверье родился в 1811 г., и в 1859 г. опубликовал работу о вращении перигелия Меркурия. Так как лекции в Престоне читаны в 1921 г., то надо было сказать: „62 года тому назад“, а не „около ста лет“; около ста лет тому назад Леверье было около десяти лет.

Это очень крупная ошибка Эйнштейна: неудобно публиковать теоретическое подтверждение цифры в 42' за одно столетие, вычисленной Леверье (у которого она, кстати, равна не 42'', а 38'') и тут же между строк выдать себя, что знаешь о Леверье, след., и обо всей-то Астрономии, только по наслышке,

Об „эксцентриситете в сантиметрах“, о котором идет речь на той же 99-й стр., мы не распространяемся, так как подлинника перед нами нет, а за переводчика (или наборщика?) книгоиздательства „Сеятель“ в 1923 г. Эйнштейн, очевидно, не ответствен.

Так что не только можно доказывать, что Эйнштейн ошибается, но и успешно вскрывать причины, по которым он ошибается, и по которым его ошибки остаются незамеченными. Перефразируя известное изре-

чение о рабстве, мы можем сказать, что „реклама развращает и самих рекламирующих, и публику“.

В обществе, построенном на товарообмене; в обществе, в котором, по слову Толстого, все загипнотизированы, одурманены, больны: одни — сладострастием самовозвеличения, другие — сладострастием самоунижения; в таком обществе наука регулярно должна ошибаться. Не ошибаться нельзя — не приказано. Читаешь и недоумеваешь даже: наука ли это вообще или, может быть, спиритическая газета?

„Если свет для каждого распространяется в неподвижном эфире, то эфира нет, время и пространство только тени, четырехмерный мир искривлен, расхождение тензора энергии-материи равно нулю во всем пустом пространстве, в котором движется поток энергии-материи“...

Позвольте; вы сказали: „если“; да разве это наука? Где у вас фактические основания к искривлению тензорного потока слов? Не опыт ли Майкельсона? Но если Эйнштейн опроверг Ньютона, то может случиться что какой-нибудь Миллер опровергнет Майкельсона. И потом: Майкельсон, все-таки, один, а звезд сколько — и все самой различной величины, и все подтверждают и явление абберации, и явление паралакса. и вращение земли вокруг оси. Можно ли после этого сомневаться, что земной наблюдатель не видит распространения света в неподвижном эфире? Каких же еще наблюдателей, кроме земных, вы знаете, которые бы видели распространение света при неподвижном эфире? И раз не знаете, то как же строите научную теорию на предположении, что „всякий“ видит как раз противоположное тому, что видят „все“?

И на это опять ответят не по научному, а как буддисты какие-нибудь: „Эйнштейн доказал, что если все наблюдатели движутся по геодезическим линиям мира, то законы природы справедливы при всяких системах координат. След., кажущихся вращений нет. Потому что понятие геодезической линии координатноинвариантно, и след., инвариантно во всякой системе координат. Кроме того, вообще отсталость говорить о земных наблюдателях, после того, как Эйнштейн доказал, что скаляров нет, а есть только тензоры римановой кривизны“.

Все это превосходно; но поверьте, что и я читал Рабле, и след., в совершенстве знаю научную терминологию. Но вот вы сказали: „при всякой системе координат“. Какие системы вы при этом имели в виду: мировые или пространственные?

Если наблюдатель и вычерчивает геод. линию, то разумеется, в мире, а не в трехмерном пространстве. И если геод. линия контрагентурна, то опять-таки в мире, а не в пространстве. И потому, не стану спорить: геод. линия мира так и останется геод. линией мира, какую бы мировую систему координат мы ни выбрали. Но, заметьте, у каждой мировой системы координат одно неподвижное начало, а именно: элементарное событие, имевшее место в точке $x=0, y=0, z=0$, в момент времени $t=0$.

А кроме этой четырехмерной мировой системы координат, есть еще пространственная трехмерная, кажущаяся наблюдателю неподвижной; но, напр., ее начало $x=0, y=0, z=0$, имеет еще четвертую координату t , принимающую все значения от $-\infty$ до $+\infty$, а потому и представленную

в мире не одною только точкою, а целою нитью, — именно тою геод. линиею, по которой, говорите вы, „движется“ наблюдатель в мире. Точно так же обстоит дело и со всякою осью пространственной системы координат. Напр., ось $X=0$, ур-ия которой в пространственной системе будут: $y=0, z=0$, переходит в мире в целую поверхность, для всех точек которой $y=0, z=0$, а x и t произвольны. И потому: законы мирового движения, т.-е. ур-ия мировой геод. линии, не зависят от мировой системы координат — это одно; а то, что видимые движения одинаково действительны при неподвижной и вращающейся системе пространственных координат — это совсем другое.

Ведь, смотря по тому, неподвижна ли пространственная система координат или вращается, будут совсем другими те поверхности, которые опишут в мире ее оси. И потому вы очень ошибаетесь, если думаете, что устранили проблему видимого вращения звездного неба, воспарив от трехмерной пространственной к четырехмерной мировой системе координат: вы ее ничуть не устранили, а замаскировали, перенесли на менее видное место, или, выражаясь по простонародному, вы ее „загнали внутрь“. Я это вам сейчас продемонстрирую на модели Минковского, причем заранее предупреждаю: основная плоскость у меня так и будет плоскостью, потому что, хотя вы и говорите, что ее надо искривить, но нигде не указали, как именно. Если потом толком укажете, то я изменю свою демонстрацию; а пока, слушайте!

Полагаю:

$$dp^2 = dt^2 - dr^2 - r^2 d\psi^2,$$

это для невращающегося наблюдателя; а для вращающегося:

$$dp^2 = dt^2 - dr^2 - r^2 (d\psi + a dt)^2.$$

Прежде всего: нашим двум наблюдателям, движущимся по одной и той же геод. линии мира, как-то тесно вдвоем на ней, — одному, как будто, придется убираться. Эйнштейн нам до сих пор говорил, что каждому наблюдателю указана в мире своя геод. линия, а теперь он так их уплотнил, этих наблюдателей, что, обратно, на одной геод. линии мира их тьма тьмушая, вращающихся друг относительно друга. И все они, ссылаясь на его принцип эквивалентности, хором заверяют, каждый про себя, что это и вправду неподвижен, а другие вращаются; они все, поверив Эйнштейну на слово, всерьез вообразили, что не найдется на них ни управы, ни третейского судьи.

Ан, вот он, третейский-то судья — уравнение света: почему такое оно для одного из них не дает скорости влечения, а для всех других дает? А ну-ка, пусть они все построят мир по Минковскому-Эйнштейну!

Построили; и вышел мир один и тот же у всех; и в нем нормально к фильмам (т.-е. к плоскости XU , к формам одновременности) движутся точки, кажущиеся первому наблюдателю неподвижными, а второму — описывающими в плоскости круги. Казалось бы, такие точки должны были бы, в мире второго наблюдателя, описывать спирали, — да нет, они описывают прямые, параллельные оси времен. В чем же тут дело?

Чтобы понять это со всею наглядностью, рассмотрим системы координат, которыми наблюдатели пользуются. Окажется: у первого наблюдателя, в его плоскости, система координат полярная, с постоянной осью OX , которая в мире описывает плоскость TX ; и от этой-то плоскости он и отмеряет свои аргументы ψ .

У второго же наблюдателя, его ось OX вращается в мире с постоянною угловою скоростью a , вычерчивая в мире винтовую поверхность; отсчитывая от нее свои аргументы ψ , он и должен их пополнить слагаемым adt , чтобы дотянуться до аргумента ψ , каков он у первого наблюдателя. Вот, значит, что: мир то один, и геодезические у него линии для всех одни и те же; да наблюдатели пользуются в нем различными системами координат — оттого и ур-ие света у них различно выглядит.

Тут Эйнштейн очень обрадуется: мир один, а это главное; что же до систем координат, то это нечто приходящее; и законы природы те же, при мире данном, во всех системах координат. След., они те же и для так-называемого неподвижного, и для „вращающегося“ наблюдателя; след., вращение относительно, как и все в мире, кроме того мирового закона, что все в мире движется по геод. линиям.

Вы понимаете, на чем Эйнштейн нас всех рассчитывает поймать: мы все привыкли переходить в неподвижном пространстве от одной системы координат к любой другой, произвольно выбранной. Так и в неподвижном мире — хочет он нас уверить — переходя себе от одной системы координат к другой — законам мира или его геод. линиям от этого ни тепло, ни холодно.

И все это верно, за исключением одной маленькой подробности: тут систему координат не выбираешь произвольно, а приходишь к ней поневоле, исходя из данной в непосредственном созерцании пространственной, кажущейся неподвижной, системы координат. И потому, надлежит еще понять самое главное: почему системы координат у наших наблюдателей получились в мире именно такие, а не иные?

Дайте же, спросим второго наблюдателя, вольной волей или нехотя он отсчитывает углы не от мировой плоскости, как первый, а от винтовой поверхности? Знаете, что он вам ответит, если он честный человек?

Что он и сам этого не знал, пока, по ур-ию света не построил мира, как этому его самолично научил Эйнштейн: он отмерял углы ψ вовсе и не от винтовой поверхности, а от своей вытянутой правой руки, которая ему представлялась неподвижною в его пространстве; но, оказывается, в мире-то она вращалась, и она-то и описала винтовую поверхность! А каждая ее точка описала винтовую линию, а вовсе не геод. линию.

Из этого он с прискорбием заключает, что ведет себя не по законам природы, т.-е., пожалуй, вовсе даже и не существует: так как в поле тяготения, создаваемом кориолисовыми силами, как и во всяком поле тяготения, он, если бы подчинялся законам природы и существовал, описывал бы каждую фиброю своего существа не винтовую, а строго геодезическую линию.

В свое оправдание, он может привести только то, что Механики толком не проходил, читал только популярные книжки по теории относительности и вообще сам не знал, а слушался других. В чем теперь чистосердечно сознается и прощения просит, добровольно заранее подчиняясь всякому решению третейского судьи.

На этом мы его с миром и отпустим, потому что повинной головы не секут по загревку. Но кинем все-таки, в догонку, — для остратки:

„Не всякому слуху верь!“

Буржуазное государство и проблема суверенитета.

Исследования молодого английского государствоведа, Г. Ласки, посвященные проблеме суверенитета¹⁾, заслуживают внимания как попытка дать критику традиционной теории государства, исходя из политического опыта последних десятилетий. Автор убежден, что в настоящий момент задача науки о государстве является по преимуществу критической. „Мы стоим,—заявляет он,—на пороге той критической эры в истории человечества, когда самые основные понятия требуют анализа“ („Авторитет в современном государстве“, стр. 109). В другом месте Ласки несколько ближе определяет характер переживаемого кризиса: „общее ощущение в наше время таково, что результаты демократического развития неудовлетворительны“ (там же, стр. 52), и далее, „нельзя отрицать, что за последнюю четверть века парламентская жизнь демократий пришла в упадок“ (там же, стр. 184). Говоря специально об Англии Ласки подводит итоги эпохе „социализированного“ либерализма, которая открылась в 1906 г. „громкими обещаниями“ и закончилась вместе с мировой войной общим „моральным и экономическим разочарованием“ (там же, стр. 110). Тот же дух недовольства и такое же разочарование в политической демократии Ласки констатирует и во Франции и в Соединенных Штатах. „Ни одно единственное законодательное собрание в мире в течение 19-го века не дало оснований питать какие-либо надежды. Всюду все более и более развивается тенденция к невидимой бюрократии, так как само государство в последнем счете становится, употребляя французское выражение, синдикатом чиновников“ (там же, стр. 111). Автор не скрывает от себя причин этого кризиса. Политическая демократия является не более ни менее как фикцией до тех пор, пока экономическая власть безраздельно принадлежит капиталу. „Мы вынуждены констатировать,—пишет он,—что мажоритарный принцип не является последним словом в проблемах нашего времени. До тех пор, пока политическая власть отделена от экономической, решение, выносимое нацией, в действительности является подтасованным“ (там же, стр. 113). Автор неоднократно возвращается к этому основному противоречию между формальной демократией и всемогуществом капитала, которое он не совсем точно

определяет как „отделение политической власти от экономической“. Так, говоря о Соединенных Штатах, он констатирует, что там политическая демократия сталкивается с наиболее могущественной экономической автократией, какую когда-либо видел мир“ (там же, стр. 116). И автор вынужден прийти к выводу, что политический строй, именуемый демократией, нуждается в серьезных изменениях: „никакая политическая демократия,—заявляет он,—не может быть реальной, пока она не является отражением промышленной демократии“ (там же, стр. 38). Даже мы вернемся к тому, что понимает Ласки под режимом „промышленной демократии“, пока лишь отметим, что его симпатии не лежат на стороне „упрощенных формул прямолинейного коллективизма“, требующего „сосредоточения всей экономической активности в руках государства“ (там же, стр. 37). Здесь, как и во многих других вопросах, он предпочитает останавливаться на полдороге.

Не менее отчетливо представляет себе Ласки тот общественный класс, которому принадлежит наиболее активная роль в кризисе, переживаемом буржуазной демократией. Перечисляя политические затруднения, с которыми приходилось сталкиваться британскому правительству за последние десятилетия, как то: ирландский вопрос, женский вопрос, вопрос о второй палате и т. д., автор заканчивает: „но за всем этим и надо всем этим высится гигантская проблема рабочего класса с его растущим самосознанием и растущей решимостью взять свою судьбу в свои собственные руки. Рабочий класс отвергает решение социального вопроса путем таких мер, как закон о страховании. Его стачки обнаруживают более неустойчивую ненависть к силам капитала, чем та, которая была когда-либо проявлена, начиная с дней Священного Союза. В знаменитой дублинской забастовке транспортных рабочих он выказал солидарность, беспрецедентную в истории труда... Он требует полного пересмотра распределения богатств... От отвергает арбитраж государства в своих конфликтах с капиталом. Он смотрит с угрюмым недоверием на использование армии для поддержания общественного порядка“ (там же, стр. 111—112). Эта тирада интересна помимо всего прочего тем, что содержит в себе оценку современного английского рабочего движения, данную с точки зрения человека, весьма умеренно и по-обывательски настроенного. Конечно, и здесь вряд ли обошлось без преувеличений, но все же весьма характерно, что наш автор на всем протяжении XIX века,—значит, даже включая эпоху чартизма,—не нашел момента, когда бы настроение английских рабочих масс было более враждебно по отношению к капиталу.

Рабочее движение не только сотрясает основы капиталистического общества и государства; оно вынуждает пересматривать соответствующие теории. Классовая борьба пролетариата—вот тот реальный факт, который срывает с современного государства обманчивую маску всевозможных теорий „общего блага“, „народного суверенитета“ и т. д. и обнажает его сущность, как организованного господства одного класса над другим. Ласки вынужден признать, что „если три столетия тому назад Гаррингтон провозгласил закон, что власть совпадает с землевладением, то, учтя результаты промышленной революции, можно

¹⁾ H. Lasky—Studies in the Problem of Sovereignty. London, 1917.

H. Lasky—Authority in the modern State London, 1919.

H. Ласки—К проблеме суверенитета, 1917 г.

H. Ласки—Авторитет в современном государстве, 1919 г.

расширить его формулу, сказав, что власть совпадает с капиталом в широком смысле слова" (там же, стр. 38). По мнению Ласки, то положение „что политическая власть является служанкой экономической силы“, стало „общим местом“, хотя, признается он, „механизм демократической власти имеет тенденцию затушевывать эту истину“ (там же, стр. 39). Таким образом, если, с одной стороны, Ласки пытается исходить из понятия государства, как института, преследующего цели общего блага¹⁾, то, с другой, он признается, что „реализация этой цели настолько неадекватна, что возникает сомнение в ценности самой истины (там же, стр. 119)“. Оказывается, что „государство, каким мы его видели на деле, есть отражение того, что господствующая группа ли класс считают политическим благом“ (там же, стр. 81). Но так как „политическое благо в настоящее время по большей части определяется в экономических терминах“, то „государство отражает в самом себе экономическую структуру общества“. И Ласки добавляет почти по-марксистски: „безразлично каким образом мы организуем государственные учреждения, практически они будут отражать господствующую экономическую систему, т.-е. будут защищать ее. Мнение государства, в конечном счете, в его законодательном выражении, воспроизводит мнения тех, в чьих руках ключи экономической силы“ („Авторитет в современном государстве“, стр. 81). Ласки поясняет при этом, что буржуазные политики, защищая интересы класса капиталистов, могут вовсе не думать о своей личной выгоде, так что, напр., какой-нибудь Джон Брайт, возражая против фабричных законов, отнюдь не имел в виду интересов собственного кармана. Но существо дела не в этом, ибо, как замечает Ласки, „даже для гуманного предпринимателя естественно считать, что хорошее поведение состоит в том, чтобы поддерживать благосостояние класса предпринимателей“ (там же, стр. 38).

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что рабочий класс отказывается признавать безусловный авторитет современного демократического государства, являющегося государством капитала, ибо, поучает нас Ласки: „единственная вещь, которая является в данном случае совершенно несомненной, это — то, что государственная власть осуществляется преимущественно против его (рабочего класса. Е. П.) интересов“ („Авторитет в современном государстве“, стр. 87). Однако, г. Ласки не делает отсюда вывода, что рабочему классу надлежит завоевать государственную власть и использовать ее в своих классовых целях. Это впрочем понятно, ибо, если бы наш профессор сделал такой вывод, его книга вряд ли была бы издана Оксфордским университетом. Напротив, г. Ласки уверен в той „основной истине“, что „простое оружие политики бессильно произвести коренное перераспределение экономической силы“ („Авторитет в совр. госуд.“, стр. 82). Поэтому он предпочитает заигрывать с синдикализмом и проповедует „отделение

¹⁾ „Государство, как мы достаточно подробно выяснили, существует ради достижения благой жизни, хотя и различно понимаемой, — и мы вручаем правительству власть действовать для достижения такой благой жизни“. („Авторитет в современном государстве“, стр. 28).

промышленной власти от политического контроля“, полагая, что „этим будет устранено главнейшее препятствие для самоопределения рабочего класса“ (там же, стр. 91).

Здесь мы подходим к одному из самых интересных вопросов. Как представляет себе г. Ласки тот общественный строй, который должен сменить собой капитализм. В том? что существующий порядок вещей не вечен, г. Ласки не питает ни малейшего сомнения: „капитализм, с одной стороны, и современная форма парламентского правительства, с другой, суть не более как исторические категории, которые исчезнут, выполнив свое предназначение“ („Авторитет в современном государстве“, стр. 185). Точно так же г. Ласки убежден, что „весьма трудно найти базис, на котором могли бы быть длительно примирены интересы капитала и труда“. „Максимум того, что может уступить капитал, — поясняет наш профессор, — далеко отстоит от тех требований, которые предъявляются рабочими“ (там же, стр. 87). Рабочие, по мнению Ласки, добиваются в конечном счете контроля над производством через свои трэд-юнионы¹⁾, или „демократического самоуправления в индустрии“. Они стремятся к тому, чтобы трэд-юнионы стали той „единственной клеточкой, из которой должен развиться совершенно новый порядок промышленного труда“ (там же, стр. 87). Ласки убежден, что рабочий класс рано или поздно, но завоеует этот контроль и что, раз завоевав, он не выпустит его из своих рук. Каким образом капитал уступит свои привилегии, без борьбы, без революции и без завоевания рабочим классом государственной власти — это остается секретом г. Ласки. Нужно, впрочем, отметить, что г. Ласки, в соответствии с общей своей концепцией, не придает значения и мирному переходу государственной власти к рабочему классу путем завоевания большинства. Меньшинство, по его мнению, может не менее успешно добиваться своих целей, если только оно хорошо организовано и составляет важную по своему экономическому значению часть общества: „государство, — восклицает он, — которое не может обеспечить прав, признаваемых насущными таким значительным меньшинством, как, например, организованные рабочие, рано или поздно должны изменить свою форму и свое существо“ („Авторитет в совр. госуд.“, стр. 119).

Ласки приемлет, как мы видим, и синдикалистскую теорию „прямого действия“ и их учение о роли „активного меньшинства“. Это лишний раз показывает нам, что мнимо революционные принципы синдикализма великолепно могут быть используемы буржуазными профессорами для того, чтобы отрывать организованную часть рабочего класса от остальной массы, воспитывать в ней психологию привилегированного меньшинства и уводить ее подальше от путей действительно прямого, т.-е. политического, наступления на капитализм. Под промышленной демократией Ласки понимает такой строй, при котором порядок приема и увольнения рабочих, заработная плата, продолжительность рабочего дня, внутренний распорядок в предприятиях и т. д. определялись бы самими организованными рабочими. Ласки не объясняет нам, каким образом такая организация промышленности может быть осуще-

ствлена без решительного вторжения в право капиталистической собственности и каким образом современное государство, являющееся государством капиталистическим, допустит это вторжение. Вместо этого, он совершенно неожиданно открывает новую, уже абсолютно внеклассовую функцию государства, а именно, функцию быть представителем потребительских интересов. Оказывается, что государство „не заинтересовано в процессе производства как таковом; последний касается его лишь в той мере, в какой дело идет о надлежащем удовлетворении промышленности нужд общества. Оно (т.-е. государство. *Е. П.*) имеет дело с людьми в том их качестве, которое является общим для всех. Оно рассматривает их как потребителей определенных благ“ („Авторитет в совр. госуд.“, стр. 83). И г. Ласки делает отсюда вывод, что если интересы труда и капитала прямо противоположны и потому непримиримы, то между трудом и государством как организацией потребителей всегда возможно достичь того или иного соглашения. Г. Ласки поясняет это наглядно, примерно, таким образом. В случае забастовки на какой-нибудь железнодорожной линии соответствующий тред-юнион ставит своей целью произвести некоторое „перераспределение экономической силы“. Железнодорожная кампания этому сопротивляется. Что касается государства, то для него, думает г. Ласки, это перераспределение экономической силы само по себе безразлично. Государство заинтересовано только в том, чтобы движение было восстановлено. Поэтому, заключает г. Ласки: „между группами, представляющими интересы производителей, и государством во всех его составных частях, как представителем потребления, может быть постепенно достигнуто некоторое соглашение“ (там же, стр. 88). И г. Ласки рисует следующую картину: „Как бы ни был в будущем организован производственный процесс, внутри его должен быть создан авторитетный центр, представляющий производство в целом так же, как государство представляет собою потребление. Это предполагает два учреждения, сходные по своему характеру с национальными законодательными собраниями“ (там же, стр. 88). Ласки предлагает, чтобы законы, касающиеся производства, издавались верховным органом производителей, а вопросы снабжения ведались органами потребителей. Общие вопросы должны решаться сообща. Но при этом ни одному из центральных органов не должен принадлежать исключительный суверенитет. Организация производителей естественно разбивается по производствам: горная промышленность, текстильная промышленность, транспорт; организация потребителей распадается по территориальным подразделениям: общины, графства, области; соглашения между производителями и потребителями выдвигаются в форму разнообразных коллективных договоров. Особые трибуналы будут разбирать возникающие при этом споры. И г. Ласки с удовлетворением присоединяется к мысли Дюги, который, как известно, находил, что „юриспруденция займет весьма почетное место в том федералистическом обществе, по направлению к которому мы движемся“ (там же, стр. 89).

Критиковать по существу эту довольно-нелепую утопию почтенного профессора вряд ли имеет смысл. Чего стоит одно противопоста-

вление „производителей“ и „потребителей“ как двух самостоятельных коллективов! Как будто бы каждый рабочий не является в одно и то же время производителем и потребителем. Здесь достаточно отметить, что в изображении будущего общества г. Ласки не проявил особенно большой оригинальности; мы находим у него в пестром сочетании все-элементы мелкобуржуазного лже-социализма, духовным отцом которого можно считать еще Прудона. Что касается мысли сочетать классовое представительство рабочих с общенациональным представительством, то она очень смахивает на предложение, выдвинутое в свое время германскими независимцами: включить советы в одну систему с учредительным собранием. Из всего вышеизложенного напрашиваются следующие два вывода: первый—это тот, что поход, объявленный синдикализмом против государства перестает внушать страх тем наиболее дальновидным буржуазным политикам, которые не думают о подавлении рабочего движения силой, а стараются направить его в наименее опасное для капитализма русло. Симпатии г. Ласки к французскому синдикализму весьма и весьма характерны. Второй вывод—это тот, что более умные буржуазные политики, предоставляя героям II Интернационала воспевать священные начала чистой демократии, сами прекрасно понимают, насколько разоблачена, эта форма господства капитала, насколько упал и продолжает падать ее престиж в глазах масс и сколь необходимы новые, более тонкие средства удержания этих масс в повиновении. Понятия в роде „воля большинства“ „воля нации“ и т. д. перестают уже оказывать свое гипнотическое действие. Приходится отправляться на поиски таких межумочных форм, которые давали бы видимость признания классовых интересов пролетариата, на деле подчиняя их „общенациональным“, т.-е. буржуазным, интересам. Нам представляется, что г. Ласки взял на себя труд этих поисков.

* * *

И
Таковы рецепты, предлагаемые г. Ласки для решения социального вопроса. Обратимся же теперь к тем теоретическим выводам относительно природы государственного суверенитета, которые он делает на основе политического опыта последних десятилетий.

С внешней стороны эти выводы для буржуазного государствоведа представляются весьма смелыми. Ласки предлагает просто-напросто уразднить самое понятие суверенитета, как устарелое и практически бесполезное. В своей критике он следует прагматическому методу Джемса и рассуждает примерно таким образом: было время, когда идея абсолютного авторитета государственной власти или ее суверенности была полезна для общественного развития; тогда эта идея имела и теоретическую ценность. Но это время проходит, как прошло время „божественного права королей“ („К проблеме суверенитета“, стр. 208). Суверенитет государства—это орудие, которое в определенный момент служило определенной цели, это—„меч, выкованный в одном из самых мощных политических конфликтов и в свое время победоносный; но

теперь этот меч должен быть заменен более новым оружием“ (там же, стр. 209).

По мнению Ласки, не имеет никакого смысла настаивать на том, что государство „теоретически может обеспечить повиновение всем своим актам, раз мы знаем, что практически это абсурд“ (там же, стр. 270). Ведь государство, рассуждает Ласки, не является единственной организацией, и следовательно единственным авторитетом. Оно существует одновременно и рядом с другими организациями, которые также отдают приказания и также теми или иными способами добиваются повиновения. С точки зрения юридической теории, власть, осуществляемая государством, носит какой-то особенный характер, принципиально ее отличающий от власти, скажем, церковной организации или тред-юниона. Но ведь на практике и там и здесь дело сводится к тому, что одни люди отдают приказания, а другие им повинуются. Практическое значение имеет различие между приказами более успешно и менее успешно достигающими цели. Но это различие ничего принципиального в себе не заключает. И Ласки приходит к выводу, что „с этой точки зрения, когда Людовик XIV отменяет нантский эдикт, когда церковь вводит новый догмат или когда тред-юнион провозглашает стачку—все это проявления власти, отличающиеся только по степени, но не по роду от власти государства“ („К проблеме суверенитета“, стр. 270).

Далее мы можем себе легко представить такой случай, когда требования, предъявляемые к своим членам той или иной организацией, существующей в государстве, расходятся с тем, что требует государство от этих же членов, как от своих подданных. Доктрина в этом случае постулирует абсолютное верховенство велений государственной власти. Но Ласки не удовлетворяется этим постулатом. Для него вопрос решается практикой, а на практике государство часто оказывается бессильным и должно уступать.

„История общества, — утверждает Ласки, — фатальным образом противоречит тому взгляду, что в моменты кризиса только государство имеет власть принуждения“ („К проблеме суверенитета“, стр. 12). Так, например, в случае конфликта между государством и профессиональной организацией любой рабочей „может утверждать, что то новое равновесие, к установлению которого он стремится, представляет большую ценность для общества, чем выполнение того, что государство в настоящий момент считает его долгом“ („Авторитет в совр. госуд.“, стр. 85).

Для Ласки, разумеется, не составило большого труда привести целый ряд примеров, когда суверенная власть государства давала, так сказать, осечку, т. е. не была в состоянии обеспечить себе повиновение.

¹⁾ Ласки вообще считает, что принудительность государственных актов — вещь весьма условная. „Ни в одном государстве не может существовать а priori уверенность, что данный правительственный акт встретит повиновение. Возможность анархии теоретически налицо в каждый данный момент“ („Авторитет в современном государстве“, стр. 36). Отсюда Ласки делает вывод, что „адекватная теория государства должна рассматривать не столько притязания на авторитет, сколько актуальное и практическое его осуществление“ (там же, стр. 31).

Углекопы в Уэльсе во время войны бастовали, несмотря на то, что Munition's act запрещал им это. Великобританское правительство вопреки своему теоретическому суверенитету не могло помешать южно-африканскому парламенту запретить иммиграцию индусов в Трансвааль, точно также не могло в свое время принудить к повиновению суффражисток, систематически нарушавших законы государства. Ульстерцы перед войной подняли настоящий бунт против закона об ирландском самоуправлении, и, что в последнем случае всего интереснее, известный ученый юрист Дэйси, теоретик суверенной власти „короля в парламенте“, примкнул к ульстерцам в их протесте и, следовательно, изъявил готовность сопротивляться тому авторитету, который согласно его же учению является высшим и безусловным. „И он (т. е. Дэйси) наверное не стал бы сопротивляться, — добавляет не без ехидства Ласки, — если бы не имел никакой надежды на успех“ („К проблеме суверенитета“, стр. 274).

Таков реалистический и практический подход Ласки к проблеме суверенитета. Суверенность государства — иллюзия вне ее осуществления на практике; в каждый данный момент она существует и не существует; она относится к области возможного, но не абсолютно достоверного. Государство не обладает какой-то особой безграничной силой, отличающей его от всякой другой организации. „Суверенитет государства на самом деле не отличается от власти, осуществляемой церковью или тред-юнионом... сила приказания, исходящего от государства, вовсе не обязательно одерживает верх, и теория, которая утверждала бы это, лишена всякой ценности“ („К проблеме суверенитета“, стр. 270).

Предел могущества государства определяется возможностью сопротивления отдельных лиц и организаций. В последнем счете против государства всегда остается „резервная сила революции“ („Авторитет в совр. госуд.“, стр. 44). Ласки не просто констатирует этот „плюрализм“ социальной жизни, разбивающей монистические построения теоретиков суверенного государства, но убежден в его положительной ценности. Он приветствует борьбу сил внутри государства и против государства как единственную гарантию прогресса и свободы. „Временами воли отдельных индивидов или коллективов приходят в конфликт, и только подчинение или испытание сил в борьбе может решить, чья воля является высшей“ („К проблеме суверенитета“, стр. 270). „Расхождение мнений по основным вопросам — вот в точности цена свободы“ (там же, стр. 274).

В своем „свободоумии“ Ласки заходит так далеко, что готов признать даже право стачек для государственных служащих (истории этого вопроса во Франции он посвящает особую главу). Он рассуждает при этом весьма просто: если те злоупотребления, против которых борются союзы чиновников: неравенство в оплате, протекционизм, произвол, преследование за политические убеждения — прекратятся, то не будет и повода к стачкам. С другой стороны, если останутся эти поводы, то стачки все равно будут, хотя бы их запрещали. „История последних лет, — рассуждает он, — достаточно ясно показала бессилие закона пред лицом больших народных движений“ ¹⁾.

¹⁾ „Авторитет в современном государстве“, стр. 379.

Останавливаясь на случаях преследования во Франции учителей за пропаганду идей пацифизма, Ласки недоумевает, почему распространение пацифистских идей каким-либо учителем считается менее позволительным, чем в свое время выступление Биконсфильда с эпиграммами, направленными против Дарвина. Жаль только, что Ласки не высказывает своего мнения по вопросу о праве государственных чиновников заниматься пропагандой идеей коммунизма. Было бы весьма интересно знать, приравнял ли бы он эту деятельность к сочинению анти-дарвинистских эпиграмм или отнесся бы к ней более сурово.

Нужно вообще отметить, что хотя книги проф. Ласки вышли в 1917 г. и 1919 г. и хотя в них упоминается о Карле Либнехте и Розе Люксембург, но о коммунистическом движении, об Октябрьской революции, о советах мы не найдем у него ни пол-слова. Может быть, это объясняется тем, что наш профессор не располагал достаточным материалом по этим вопросам, хотя предисловие ко второй его книге помечено апрелем 1918 года и, значит, писалось уже после Октябрьского переворота,— может быть, и это гораздо более вероятно, игнорирование таких явлений, как большевизм, Октябрьская революция, коммунистическое движение, вытекает из общей политической концепции нашего автора. Ведь не даром г. Ласки при всем богатстве литературных ссылок ни разу в своих книгах не указывает ни одного марксистского сочинения. Самое имя Маркса он упоминает лишь один раз и то в связи с категорическим заявлением, что „место Маркса, как руководителя гения французского рабочего движения, вновь занял Прудон“ („Авторитет в совр. госуд.“, стр. 114).

При этом нельзя сказать, чтобы Ласки вообще скупился на литературные ссылки и не интересовался историей политических учений. Наоборот, существенную часть его книги составляют историко-критические очерки, посвященные различным политическим учениям и школам, начиная с теоретиков реставрации (Де-Местр, Бональд) и кончая реакционерами третьей республики (Бурже, Брюетьер). Но Маркс и революционный марксизм, очевидно, не существуют для почтенного профессора, как величины, заслуживающие внимания. Это обстоятельство заставляет несколько иначе оценить необыкновенное свободомыслие г. Ласки, проявляемое им по отношению к святыне государственного суверенитета. В самом деле, если игнорировать наиболее последовательную теорию пролетарской классовой борьбы и проходить мимо наиболее революционных проявлений этой борьбы, как делает г. Ласки, тогда можно с полным спокойствием духа выдавать буржуазное государство за голову всем его врагам, по той простой причине, что эти „враги“ ничего действительно страшного из себя не представляют. Если принять это во внимание, то смелые и почти революционные выводы лондонского профессора оказываются таковыми лишь по видимости, а его борьба против суверенного государства—тем, что немцы называют Scheingefecht—борьбой для отвода глаз. Факты многого бессилия буржуазного государства, которые он в изобилии приводит, доказывают только, что на деле этому государству ничто серьезно угрожать не может, кроме пролетарской коммунистической революции.

Так, например, Ласки прекрасно понимает, что фактическая мощь современного государства делает иллюзорными притязания его когда-то весьма серьезных конкурентов в роде церкви. И тем не менее для доказательства бессилия государства он берет факты и исторические примеры преимущественно из области конфликтов, возникших в XIX веке на почве взаимоотношений государства и церкви. Этим темам почти целиком посвящена вся первая его книга. Тут и раскол шотландских пресвитерианцев, и борьба английского правительства с католицизмом, и так называемое оксфордское движение в английской церкви и бисмарковский культур-кампф.

Такое изобилие религиозно-церковных проблем, может быть, делает книгу г. Ласки более приемлемой для набожной английской публики. Но зато лишает ее в значительной мере всякого общего интереса. Кому в самом деле нужно знать, что заявил в 1843 г. достопочтенный мистер Чальмерс по поводу вмешательства английского правительства в дела шотландской церкви, или какие мысли высказывали не менее почтенные „трактарианцы?“ и, самое главное, какое отношение могут иметь эти события к современному кризису буржуазной демократии? Погружаясь в мельчайшие детали этих церковно-государственных дряг, г. Ласки думает, или хочет заставить нас думать, что он доказал бессилие государства в его посягательствах на „внутреннюю жизнь церкви“. На деле он показал, как беспредельно выросла фактическая мощь современного капиталистического государства, по сравнению с той эпохой, когда светская власть боролась с духовной и когда, скажем, английский король мог серьезно опасаться, что его католические подданные поднимут против него восстание. В настоящий момент государство подчинило себе и поставило себе на службу своего бывшего конкурента, т.-е. церковь, какое бы наименование эта последняя не носила. Это прекрасно понимает сам Ласки. Говоря об опасениях, которые питал Гладстон по части анти-государственного влияния католицизма в эпоху провозглашения папской непогрешимости, Ласки замечает, что в 1916 г. он, вероятно, был бы иного мнения. В самом деле, оказывается, можно быть приверженцем догмата папской непогрешимости и покорно власть свою голову на полях сражений за интересы английского капитала. Два „верховных авторитета“ и две „обязанности повиновения“ великолепно уживаются друг с другом. Плюрализм оказывается совершенно безопасным принципом. И Ласки сочувственно цитирует Сиднея Смита, который еще в первой половине XIX века писал: „Предположим, что эти же самые католики достаточно безумны, чтобы руководиться в своей диете установлениями китайских моралистов. Это было бы верноподданство третьего порядка; и если бы они следовали предписаниям браминов относительно одежды, это было бы подданство четвертого порядка, а если бы они получали от греческого патриарха директивы относительно воспитания детей,— это было бы еще новое подданство. Но пока они сражаются, платят налоги и не совершают уголовных преступлений—не все ли равно, какие причудливые высшие авторитеты и какие странные обязанности повиновения они для себя избирают“. („К проблеме суверенитета“,

стр. 126). Исходя из таких же соображений, Ласки спокойно допускает обязанность повиновения даже по отношению к социалистическому интернационалу; ибо он убежден, что авторитет последнего окажется лишь добавочным средством внешней политики стран Антанты. Он готов поэтому даже пролить слезу по поводу печальной участи II интернационала: „Истинным затруднением, которое обусловило крах политики международного социализма в 1914 г., было то, что он не мог вооружить своих признанных представителей в всяких странах авторитетом, необходимым для того, чтобы удержать Германию от ее агрессивной политики“ („Авторитет в современном государстве“, стр. 93). Таким образом, Ласки твердо убежден, что авторитет социалистических брамингов II-го интернационала не только не может повредить политике победоносного антантовского империализма, но, наоборот, способен оказать ей весьма существенную услугу.

Это ясно говорит нам, что „разрушительные“ теории лондонского профессора на деле скрывают за собою непоколебимую уверенность в прочности основ современного государственного строя, уверенность в том, что враждебные ему силы будут во-время укрощены, задобрены и развращены компромиссом, уверенность в том, что умелая обработка общественного мнения даст всегда необходимые для буржуазии результаты и без помощи „гипноза суверенности“. Так, например, Ласки неоднократно возвращается к той мысли, что действия государства подлежат суду совести каждого отдельного человека с точки зрения „морали и права“. Вообще, как и подобает английскому профессору, он на каждом шагу сдобривает свой реализм и практицизм солидной дозой добродетельного ханжества. Он возмущается тем, что немцы во время войны жертвовали свободой своего морального суждения, ставясь неизменно на сторону своего правительства и одобряя его даже в таких случаях, как нарушение бельгийского нейтралитета и потопление „Лузитания“. (Ласки, конечно, при этом предпочитает вовсе забыть, что поговорка „right or wrong my country“ сложилась в Англии). Но смысл этого негодования раскрывается там, где Ласки, обращаясь опять-таки к примеру прошедшей войны, доказывает, что „механическое упорство“, с которым сражались солдаты „автократической“ Германии, не могло сравниться с „интенсивностью убеждения, проистекающего из процесса свободной мысли“, коим отличались солдаты демократической Англии („Авторитет в совр. госуд.“, стр. 93). Свобода морального суждения оказывается вещью не только безобидной, но даже полезной для того государства, которое достаточно умело прикрывает империалистические цели своей политики „возвышенными началами морали и права“. Зачем быть циничным и открыто провозглашать принципы Макиавелли, рискуя лишь разжечь сопротивление, когда можно добиться того же самого, да еще доказать свое „моральное превосходство“ над противником? Поэтому, надо полагать, сочинения Ласки, в которых он тщится нанести последний и смертельный удар макиавеллизму, найдут к себе весьма сочувственное отношение у всех поклонников Версальского договора. Вообще во многих отношениях г. Ласки можно признать одним из пророков новейшего после версаль-

ского „демократического пацифизма“, стоящего ныне под знаком „плана экспертов“.

Кongenialность Ласки именно этому историческому этапу проявляется уже хотя бы в том, как размещает он отдельные страны в общей картине. Первое место у него, как и следовало ожидать, занимают три чемпиона цивилизации и свободы: Англия, Франция и Соединенные Штаты. Этим государствам наш автор посвящает свое исключительное внимание; здесь он проследживает те процессы, дальнейшее развитие которых должно привести к „истинной свободе“; все прочие государства Ласки обходит полным молчанием. Для него не существует, как выше отмечено, ни советских республик, ни пробуждающихся стран Востока. В его представлении, очевидно, судьбы политического прогресса всего человечества решаются только современными Англией, Францией и Соединенными Штатами, прочие же государства обречены на ту роль, какая отводится им на послеверсальских конференциях, т.-е. роль пассивных зрителей или подсудимых. В последнем качестве у Ласки фигурирует, само собой понятно, Германия, как государство, „провозгласившее силу высшим законом“ и подчинившее „общие критерии морали и права началу государственной необходимости“.

Мировая война явилась, по мнению Ласки, заслуженной карой для Германии за этот смертный грех, корни которого наш профессор, разумеется, отыскивает еще в гегелевской философии. Это заодно дает ему возможность возвеличивать мировую войну, как „борьбу за свободу“, и в духе воскресной проповеди вспоминать о „призрачных легионах“ современников, павших на полях битвы, и об их завещании „распространить завоеванную свободу на все сферы социальной жизни“ („Авторитет в совр. госуд.“, стр. 122). Замечательнее всего, что эта внушающая отвращение фразеология находит себе место в той же самой книге, где читателю сообщается, что „связь больших финансовых концернов с внешней политикой представляет собой достаточно старую проблему для того, чтобы ее важность была признана всяким объективным наблюдателем“ („Авторитет в совр. госуд.“, стр. 48). В этой же связи Ласки упоминает о русско-японской войне, об авантюре Сесия Родса и о том, как некоторые германские фирмы пользовались поддержкой своего правительства для получения концессий. Но мы не найдем у г. Ласки более свежих исторических примеров для освещения вышеупомянутой „старой проблемы“... Наоборот, он совершенно неожиданно дарит нас открытием, что „во внешних сношениях государств макиавеллистская эпоха приходит к концу. Применение этического мерила к внешней политике наций—это требование, обеспечившее себе признание со стороны всех, кто заинтересован в будущем цивилизации“ („Авторитет в совр. госуд.“, стр. 122). После такого категорического заверения читателю остается, конечно, только успокоиться и заняться размышлениями на тему о том, каким неисповедимым образом современная демократия, страдающая, по признанию того же Ласки, бесчисленными внутренними пороками, нашла в себе волшебную силу для того, чтобы свою внешнюю политику превратить в торжество добродетели.

На этом мы заканчиваем наш разбор сочинений г. Ласки. Если про французских аристократов времен реставрации было сказано, что они „ничего не забыли и ничему не научились“, то про буржуазию передовых капиталистических стран этого сказать нельзя. Ее политики кое-чему научились и кое-что пытаются забыть. Если, например, традиционное парламентское устройство Англии, механизм которого основывался на чередовании у власти двух буржуазных партий, теперь функционирует не только при наличии третьей партии не буржуазной, но и при том условии, что именно эта третья партия образует правительство¹⁾—это доказывает известную степень гибкости и приспособляемости. Новым отношениям должны соответствовать и новые теории. Если суверенитет „короля в парламенте“ на деле осуществляется путем сложного передаточного механизма, в котором существенную роль играют прирученные вожди трэд-юнионов, то классическое учение Дэйси должно уступить место более гибкой доктрине Гаральда Ласки. Если господствующий класс Англии каких-нибудь полтора десятилетия тому назад решал в лице палаты лордов вопрос о том, имеют ли вообще трэд-юнионы право заниматься политической деятельностью (дело Осборна), а теперь политическая организация, созданная трэд-юнионами, т.-е. рабочая партия, некоторым образом держит в своих руках правительственную власть, то для осознания такой эволюции необходима соответственная идеологическая работа. Сочинения г. Ласки отразили эту новую потребность. Они характерны для нашей эпохи, нарушившей старое довоенное соотношение сил между пролетариатом и буржуазией. Они показывают нам, что капиталистическое государство не может более держаться на идеологических позициях недостижимого внеклассового суверенитета, что оно вынуждено искать новых путей для разращения и подкупа известных слоев пролетариата, подобно тому как римская империя времен упадка стремилась отсрочить свою неизбежную гибель, нанимая все новые и новые германские племена для охраны своих границ.

Е. Пашуанис.

¹⁾ Статья писалась до падения кабинета Макдональда. Е. П.

Аграрный вопрос—экономика сельского хозяйства¹⁾.

7.

Обычное частно-хозяйственное накопление в крестьянском хозяйстве, конечно, еще недостаточно для быстрого и значительного расширенного воспроизводства.

Условия накопления в сельском хозяйстве предполагают поэтому собиранье средств, их централизацию и концентрацию, подобно той, которая толкнула промышленность на образование торговых и производственных объединений (синдикатов и трестов). Этой формой централизации и концентрации в сельском хозяйстве служит кооперация.

Кооперация имеет в этом отношении при капитализме только ту особенность, что она объединяет главным образом мелких товаропроизводителей, а не капиталистов. Но кооперация имеет ту же цель—стягивания и притягивания средств, как и капиталистические объединения.

Ценностью указанной раньше работы П. Маслова о кооперации является сосредоточение вопроса именно на этой стороне кооперативного движения. Благодаря этому ему удается экономически объяснить известную последовательность кооперативного развития, в силу которого кооперация сперва организует торгово-посреднические и кредитные операции крестьянского хозяйства и уже затем влияет в производство. В этом же разрезе правильно поставлен вопрос в передовой статье сборника „Сел.-хоз. кооперация в системе государственного капитализма“, изд. весной 1924 г. Сельскосоюзом.

Осенью 1921 г., в связи с оживлением сельскохозяйственного кооперативного строительства, вопрос о значении кооперативной торговли всесторонне дебатировался в нашей печати. Наиболее удачная формулировка была дана в нескольких статьях в газете „Сельскохозяйственная жизнь“. Нам позднее также приходилось указывать, что и промышленное и сельскохозяйственное производственное развитие может быть только в результате торгового собиранья средств²⁾. „Преимущества“ торговли в этом отношении Маслов показывает очень убедительно, подчеркивая, что „так как в области обмена дополни-

¹⁾ См. Вестник Комм. Академии, кн. 7.

²⁾ Особо в ст. „Направления и формы развития сельского хозяйства“. „Сельское и лесное хозяйство“, 1923 г., кн. 8.

тельные затраты накопленного капитала идут непосредственно на расширение оборотов предприятия и относительно мало или совсем не затрачиваются на другие производства, то эта возможность расширения предприятия при меньшей степени накопления капитала и делает возможной в первую очередь организацию более крупного торгового, а не промышленного предприятия“ (стр. 38). Лишь затем, достаточно накопленные средства могут пойти на рациональное использование в производстве, на оборудование средств производства, соответствующих данному или повышенному уровню народного хозяйства. Только в таком случае может иметь место развитие производительных сил и расширенное воспроизводство в капиталистическом хозяйстве.

А что выгодно для частного капитала, то, очевидно, выгодно и для кооперации. „Поэтому и кооперативный капитал формируется и организуется в формах, соответствующих первоначальным ступеням развития капитализма, т. е. в форме торгового и в форме кредитного капитала“ (с. 43). „Переход потребительской (торговой. С. Б.) и кредитной кооперации к производству будет неизбежно происходить по мере накопления кооперативного капитала, и степень его успеха в этой области будет зависеть от степени накопления“ (стр. 45).

Возможно, что эти положения покажутся „азбучными истинами“, но в современной кооперативной литературе подобного анализа развития кооперативных форм найти нельзя. Его не касаются в своей книге А. Н. Лозовой¹⁾ и В. А. Понофидин в брошюре „Кооперация в деревне“²⁾. И вообще в кооперативном учении закономерность эволюции различных видов оставалась и большей частью остается необъяснимой, хотя этот вопрос имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение.

Более спорным может показаться (но оно подтверждается фактами) следующее замечание автора:

„По всем изложенным соображениям,—пишет он,—производительные кооперативы являются наименее жизнеспособными, несмотря на то, что они, повидимому, наиболее правильно решают социальную проблему, делая производителей коллективными владельцами средств производства“ (стр. 50). Автор мотивирует это тем соображением, что крупное предприятие будет действительно выгоднее (производительнее) мелкого только тогда, когда оно будет на самом деле крупным, т. е. будет обладать увеличенными средствами производства, а не просто сложными элементами объединенных мелких хозяйств.

Из необходимости располагать для организации рационального предприятия известным количеством средств производства вытекает и то положение, что „организация кооперативного предприятия с наемными рабочими для потребителей рабочих гораздо осуществимее, чем организация того же предприятия самими рабочими, занятыми в этом

¹⁾ См. „Сельскохозяйственная кооперация и ее значение в современных условиях“. „Красная Новь“, М. 1923 г., стр. 266.

²⁾ Изд. 2-е. „Новая Деревня“. М. 1924 г., стр. 39.

предприятия“ (стр. 51)¹⁾. Точно так же „организация мелкими крестьянскими хозяйствами кооперативного маслодельного или сыроваренного завода имеет больше шансов на развитие и укрепление, чем организация такого завода рабочими, работающими на нем“ (стр. 52).

Маслов далее анализирует условия образования прибыли и развития кооператива в сравнении с частно-капиталистическим предприятием. Опять-таки приходится отметить, что, несмотря на кажущуюся самоочевидность его выводов, в кооперативной литературе мы их обычно не находим. Маслов устанавливает, во-первых, что прибыльность кооперативного предприятия должна быть использована как для развития хозяйства его членов, так и для его собственного роста, иначе кооператив будет отставать от народно-хозяйственного развития и в дальнейшем будет приносить меньше выгоды. Во-вторых, автор указывает, что в мелком предприятии преимущества могут чаще быть за частно-хозяйственной его формой, чем за кооперативной (стр. 52—55); в крупном, наоборот—кооператив располагает большими преимуществами (большой район действия и постоянный рынок закупки или сбыта). Отсюда вытекают выводы и о норме эксплуатации рабочих в кооперативном хозяйстве.

Общее „различие кооперативного и капиталистического предприятий,—указывает Маслов,—заключается в различии субъектов, организующих предприятие“ (стр. 104). Если в тресте или синдикате есть соподчинение и подчинение отдельных объединившихся хозяйств одному или группе нескольких, то в кооперативе есть только объединение.

У Маслова мы не находим лишь изложения того обстоятельства, что при капитализме кооперация нередко подпадала под капиталистическое влияние—„обуржуазивалась“, и что только „теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать, есть строй кооперативный“²⁾.

Теория сельскохозяйственной кооперации показывает прямую зависимость между развитием производительных сил в крестьянском хозяйстве и его укрупнением. Не подлежит никакому сомнению, что увеличение производительности труда, введение улучшенных способов производства, машин и т. д. в сельском хозяйстве, так же как и в промышленности, сопряжено с централизацией и концентрацией производства. В последнее время, как известно, это показывают работы не только ортодоксальных защитников крупного хозяйства, но и сторонников семейно-трудового потребительского крестьянского производства.

Накопленные в концентрированной форме средства должны и могут с наибольшим успехом перелиться тоже в крупное производство, в сгущенном виде.

¹⁾ Кооперативу легче, к примеру, собрать для завода со 100 рабочими 10.000 рублей с 500 членов, чем рабочими с каждого по 100 рублей.

²⁾ Н. Ленин—„О кооперации“, изд. „Красная Новь“, М. 1923 г.

Теория оптимумов, выдвинутая проф. Чаиновым¹⁾, безоговорочно доказывает выгоды крупного предприятия в сельском хозяйстве. Но надо отметить, что сама по себе эта теория „порочна“ в двух отношениях.

Чаинов разрешает проблему количественно. Путем вычисления расходов и доходов в хозяйствах разных (предполагаемых) размеров и систем, он находит искомые оптимальные (наилучшие) размеры предприятий. Следовательно, он исходит из данных, обычных условий сельского хозяйства, — из данной техники (и ее стоимости), — и находит искомое, имеющее значение лишь при данных условиях, т.е. статическое, между тем вся проблема концентрации есть проблема динамики. Цифры Чаинова имеют поэтому лишь весьма ориентировочное значение и должны изменяться при изменении производственных условий.

Кроме того, если под оптимумом подразумевается не размер хозяйства, а величина его земельной территории, то оптимум не аналогичен, хотя часто и соответствует, размеру предприятия. Размер же предприятия целиком зависит от размера его средств производства. Чаинов не оговаривает этого.

Теоретически-экономическое понятие оптимума дано еще Каутским²⁾ и Кржевицким³⁾. Заслуга Чаинова и его сотрудников по сборнику в количественном его определении⁴⁾. Мы видели насколько оно относительно. Вычисления Чаинова доказывают (с поправкой Л. Н. Кричмана — „Вестн. К. А“, кн. 3) преимущества крупных форм хозяйства. Оптимальным хозяйством будет:

для залежной системы в хозяйстве в . . .	38.000 руб.
„ трехпольной „ „ „ . . .	42-43.000 „
„ плодоперемнной „ „ „ . . .	45.000 „

Итак, оптимальное сельскохозяйственное предприятие очень крупное хозяйство. И оно крупнее при интенсивных системах, чем при экстенсивных. Это не меняется тем, что земельная площадь, наоборот, в интенсивных хозяйствах меньше. Эта обратная зависимость доказывает, что происходит концентрация производства, и с увеличением накопления каждая единица площади делается производительнее.

Но тут необходимо сделать оговорку. Чаинов всюду имел в виду не производительность труда в хозяйстве, а издержки производства, и поэтому его исчисления не дают ответа на вопрос, о том, какое хозяйство из всех систем производительнее в тех условиях, которые принимались за данные. Но из сравнения стоимости издержек при высокой и низкой заработной плате при залежной и плодоперемнной

1) Оптимальные размеры с.-х. предприятий (Проблема землеустройства), сб. изд. „Новая деревня“. М. 1922 г., стр. 155. 2-е изд. М. 1924.

2) Аграрный вопрос, М. 1906 г., стр. 196-7.

3) Аграрный вопрос, Л. 1906, гл. VIII.

4) Сложные тригонометрические исчисления Чаинова и его сотрудников было предложено (агр. Р. Нольтейна в № 11—12 „Сельск. и Лесн. Хозяйство“) заменить геометрическими. Это предложение, к сожалению, никакого обсуждения не вызвало.

системах (с. 75) видно, что при больших колебаниях в размерах хозяйства при залежной системе колебания в издержках меньше, следовательно накопление там более производительнее¹⁾.

Иными словами, интенсивное хозяйство при прочих равных условиях менее производительнее и меньше размером, чем экстенсивное. Улучшение техники в интенсивном хозяйстве, конечно, изменяет это положение. Чаинов изолирует технический прогресс и поэтому концентрация сел. хоз. в ее динамике получает у него неправильное освещение. Он не видит, что оптимализация сел. хоз. адекватна его концентрации.

В этом отношении (как доказательство от обратного) очень показателен и интересен опыт приложения исчислений Чаинова к действительности нашего крестьянского хозяйства²⁾. За предпосылку при этом берется, так сказать, „вынужденная интенсификация“. Предполагается, что хозяйство, для которого требуется найти оптимум, „прежде всего заинтересовано в возможности приложения в хозяйстве всей наличной рабочей силы, которую оно в условиях неразвитого рынка не может приложить на стороне и равно не может ее сократить в виду семейного строя хозяйства“. Одновременно поэтому хозяйство и „предъявляет к земельному участку требование производства определенного количества хлеба для продовольствия семьи, а необходимость восстановления плодородия почвы, не прибегая к помощи дорого стоящих покупок удобрений, связано с содержанием определенного количества сбора на единицу пашни, т.е., другими словами, с определенным соотношением кормовой и пахотной площади“.

Выводы этой работы сводятся к следующему:

- 1) Рациональное построение указанного хозяйства невозможно.
- 2) Отбрасывая эту невозможность, исчисление „оптимума“ указывает, что и такое хозяйство будет крупнее существующего.

В общем эта работа заключается в своеобразном нахождении трудо-потребительной земельной нормы. Недостаток работы в отсутствии указания экономического итога анализа; именно — на то, что трудо-потребительское хозяйство не имеет оптимума и для оптимумализации крестьянского хозяйства необходимо коренное его изменение. Практическое значение при улучшении крестьянского хозяйства на пути к оптимальному укреплению, эта работа, разумеется, может иметь.

1) Ср. у Суханова (с. 59): „современное мелкое хозяйство более интенсивно (и мы знаем почему оно более интенсивно: потому что оно поневоде соглашается на меньшую производительность труда)“.

2) С. В. Обоженский — О размерах трудовых хозяйств при разных системах земледелия, журн. „Сель. и Лес. Хоз.“, кн. 13 за 1924.

Влияние социально-экономических условий, мы указали, изменяет общую схему оптимумов. Выяснению закономерности этого влияния посвящена главным образом книга Н. Н. Суханова¹⁾.

Автор имеет в виду доказать свое основное положение статистическими данными и анализирует эти данные как по аграрным (Россия, С. Штаты, Франция), так и по промышленным странам (Германия, Англия, Бельгия).

Важнейший тезис Суханова состоит в следующем: „Современное коллективно-крупное земледелие,—пишет он (стр. 109),—вытесняется семейно-мелким именно потому, что первое—капиталистическое, а последнее—трудовое: современное крупное земледелие падает в силу несостоятельности земледельческого капитализма,—падает, несмотря на свои огромные технико-экономические преимущества, которые должны обеспечить коллективно-крупным формам земледелия торжество в идеальном-хозяйственном строе“ (ср. стр. 72). Нам придется показать и теоретическую и фактическую несостоятельность этого положения. Статистическое исследование действительности, производимое Сухановым, поражает своей тенденциозностью, стремлением утвердить свою старую „теорию“ (ср. стр. 109)²⁾.

Нас удивляет в статистико-экономическом изложении Суханова такое обстоятельство. При анализе организации ферм в Соедин. Штат. (стр. 249, напр.) Суханов ссылается и как бы соглашается с Лениным, который в книге „Новые данные о законах развития капитализма в земледелии“. Вып. I. „Капитализм и земледелие в Соедин. Штатах Америки“³⁾ имел случай критиковать аналогичную с рассматриваемой работу Н. Н. Суханова (Гиммера). Н. Суханов основательно знаком с критикой Ленина. Он, например, указывает, что „пункт (о том, что размеры хозяйства нельзя смешивать с размерами земельной площади. С. Б.) был подробно разработан и обоснован В. И. Лениным“ (стр. 251); и вместе с тем он повторяет без всякой оговорки большинство ошибок, на которые своевременно Ленин указывал.

Статистические данные Суханов собственно совсем не анализирует; он не исследует их взаимозависимости, ограничиваясь построением суммарных и очень сложных таблиц, которые затемняют суть вопроса. Здесь мы не можем показать, что правильно проанализированные цифры, приводимые Сухановым, показывают совсем противоположные факты, чем те, которые он констатирует. Мы надеемся этот проделанный нами анализ опубликовать особо. Но и без того статистически очевидно, что Суханов не доделал работу: при-

1) Этой же проблемы касается в недавно вышедшей книге Е. Варга („Общие основы аграрного вопроса“. М. 1924). Положения тов. Варга совпадают в этом пункте с положениями наших ревизионистов. Критику положений тов. Варга см. в нашей статье (сданной 2 августа 1924 г. для № 1 журнала „На аграрном фронте“) и в статьях тов. В. П. Милотина („Правда“, № 244, 25 октября) и тов. И. Берзтыс („Большевик“, № 10, 5 сентября 1924 г.).

2) Эту теорию Суханов подробно развивает в своей книге „К вопросу об эволюции сельского хозяйства“ (2-е изд., М. 1924).

3) Собр. соч., том IX, Госиздат, М.—Л. 1923, стр. 195 и след.

видимые данные он не пересчитал в относительные числа и потому не уловил их функциональную зависимость и значимость.

Эта статистическая небрежность Суханова зависит от того, что он не знает или забывает социально-экономические условия, влияние которых на формы сельского хозяйства он пытается объяснить. Так, о Южных Штатах он пишет, что там наряду с развитием промышленного капитализма,—капитализм земледельческий разлагается. „Здесь мы видим,—говорит Суханов,—систематическое, а иногда и крайне резкое падение размеров земледельческого хозяйства. Здесь сельскохозяйственное производство раздробляется. Число ферм растет быстрее сельскохозяйственной площади“ (стр. 262—263). Ленин еще в 1913 г. указывал по этому поводу (стр. 203 и след.), что на юге происходит разложение не капитализма, а феодализма, что капитализм там, наоборот (судя по данным о применении наемного труда), укрепляется¹⁾.

И далее Суханов отмечает меньшую производительность труда в сельском хозяйстве Соед. Штатов, чем в промышленности (стр. 233), экстенсивность сельскохозяйственного производства (стр. 242), увеличение с.-х. капитала, происходящие главным образом „за счет роста земельной ренты, т.-е. такого вида капитала, который не может создавать рационального дохода“ (стр. 243), и приходит к выводу, что... крупно-капиталистическое земледелие разлагается.

Этот вывод получается у Суханова благодаря несогласованности, незаконченности его тезисов, оторванности их от статистических фактов.

Вывод этот формально логически, быть может, и правилен; но он не обоснован.

Суханов упустил из виду необходимые сопоставления регистрируемых им фактов, забывавая иной раз, что эти факты имеют только районное значение.

И вывод получился ложный.

Выше мы приводили его слова о согласии с Лениным по поводу того, что размеры хозяйства нельзя считать адекватным размерам земельной площади. Через 5 страниц он пишет уже совсем противоположное: „Американские статистики не допустили никакого абсурда, распределив все хозяйство Соед. Штатов по размерам хозяйственной площади: этот признак является достаточно достоверным для определения размеров хозяйств. Во всяком случае мы будем им пользоваться с полным правом и основанием“ (стр. 256—257, подчеркнута Сухановым).

Это очень ловкий, но совсем не убедительный маневр. Делается он для того, чтобы „доказать“, что на юге хозяйства мельчают. Действительно, там средняя площадь фермы меньше, чем на западе. Но там больше процент сельского населения (ср. стр. 249), следовательно, там

1) Ср. также К. Каутский.—Аграрный вопрос. М. 1906, стр. 121—122, Н. Ленин. Собр. соч., т. IX, стр. 490.

больше хозяйственные трудовые затраты, следовательно, измерять размер хозяйства по площади нельзя.

Суханов, однако, доказывает, что не только на юге, но вообще „на юго-западе, северо-востоке и в средне-атлантических штатах играет уже очень значительную роль мелкий трудовой или полутрудовой фермер“ (стр. 258) и далее: „Исторический ход вещей показывает, что в деревне в наиболее развитых экономических странах и районах растет и крепнет только один общественный класс: он, хотя и черепашьими шагами, но с достаточной последовательностью и огромным упорством стремится захватить в свои руки все сельскохозяйственное производство и представить собой все земледельческое население: это — класс самостоятельных трудовых и полутрудовых земледельцев“ (стр. 267; в первой цитате подчеркнуто нами, во второй Сухановым).

Предположим, что это так. В некоторых штатах, пожалуй, и можно заметить сокращение размера хозяйств. Но почему Суханов не сопоставляет это с констатируемым им фактом о том, что в сельском хозяйстве производительность труда ниже, чем в промышленности, что значит с.-х. производительные силы развиваются медленнее? Он считает незаконным такое сопоставление (ср. стр. 124 и след.) Он считает развитие производительных сил в народном хозяйстве вполне совпадающим лишь с развитием промышленного капитализма (при котором земледельческий капитализм, по его мнению, разлагается). Однако ведь при росте промышленного капитализма производительные силы в сельском хозяйстве могут падать или развиваться медленнее, концентрация в сельском хозяйстве может не происходить, но это будет показывать не „рост и укрепление“ трудового земледельческого хозяйства, а относительный его упадок (относительно роста всего народного хозяйства).

Суханов не понял такой элементарной вещи, которую правильно излагает, напр., проф. Л. Любимов в „Азбуке политической экономии“¹⁾, где он пишет (стр. 166—167): „При анализе статистических данных относительно любой страны, про которую сторонники мелкого хозяйства говорят, что там побеждает последнее, непременно заметим, что на самом деле там празднует победу не мелкое, а, наоборот, крупное хозяйство, если только прогрессируют производительные силы сельского хозяйства этой страны, если оно развивается, а не чахнет“.

В следующей главе мы покажем капиталистические черты в развитии сел. хоз. вообще и в Соед. Штатах в частности. Мы увидим (продолжая анализ Н. Ленина), как неправ Суханов в утверждении, что единственный трудовой, или полутрудовой класс, который растет и крепнет в земледелии, — класс самостоятельных земледельцев. Мы увидим (на сопоставлении фактов и теорий Суханова и Кажанова), что его, Суханова (говоря словами Ленина), „все утверждения чудовищно неверны. Они прямо противоположны действительности“²⁾.

¹⁾ 2-е изд., Госиздат, Москва.

²⁾ Проследившая „разложение капитализма“ в с. хоз. России, Германии, Англии, Франции и Бельгии, Суханов повторяет в общем указанные ошибки.

8.

„Легко понять“, пишет Суханов¹⁾, что эти аргументы (т.-е. аргументы Н. Н. Суханова. С. Б.) направлены „совсем не против крупных размеров земледелия, которые ими ни в коей мере не опорочиваются, а только против данной его формы, против современного крупно-капиталистического хозяйства“ (стр. 102).

„Что, собственно, — спрашивает Суханов (стр. 109), — означает факт деградации земледельческого капитализма? Он означает то, что капитал, ищущий прибыли (т.-е. капитал, как социальная категория), уходит от сельского хозяйства и переключивается в другие отрасли. Но почему, по какой непосредственной причине капитал может уходить из земледелия? Только по одной непосредственной причине: потому, что помещение его в сельское хозяйство невыгодно“. Это не показывает невыгодность крупного земледелия вообще.

Уже здесь у Суханова есть противоречия и неточности. Мы нарочно подчеркнули то, что капитал — социальная категория, ибо в следующей цитируемой нами фразе Суханов забывает это определение. На самом деле, капитал, как социальная категория, не есть категория, присущая только производству. Капитал проникает и растет из торговли и кредита. Поэтому, если и верно утверждение Суханова, что помещение капитала в сельское хозяйство не выгодно, то это еще не доказывает того, почему капитал уходит из (или вернее: от) земледелия. Помещение капитала в сельскохозяйственное производство зависит от того, насколько он влился в сельское хозяйство (его торговлю и кредит), а не наоборот (ср. выше).

А то, что капитал притягивает к сельскому хозяйству, то, что он захватывает с.-х. торговлю и кредит и дифференцирует сельское население (при развитии производительных сил), — настолько очевидно, что Суханову прямо непростительно это замалчивать. Вот, напр., как растут и крепнут „самостоятельные“ земледельцы. Количество фермеров арендаторов к общему количеству фермеров в 1888 г. в Соед. Шт. равнялось 26%, в 1890 г. — 28,4%, в 1900 г. — 35,3%, в 1910 г. — 37% и в 1920 г. около 40%. Количество ферм, обремененных долгами с 1910 г. по 1920 г. увеличилось на 18,6%; в 1920 г. было задолжавших ферм 41%. За то же время стоимость технического оборудования ферм (без земли) возросла в 3½ раза, число же ферм только на 20%. Значит, происходило как усиление эксплуатации (дифференциации, расслоения), так и усиление накопления в сельском хозяйстве; земледельческий капитализм во всяком случае не разлагался²⁾.

Суханов не обращает внимания на эти факты; он позабывает об их существовании и ищет вместо этого особенностей сельского хозяйства, благодаря которым капитал не вливается в сельскохозяйственное производство. Этих особенностей Суханов насчитывает четыре.

¹⁾ Правда, по поводу другого случая. Но этот отвод подходит и сюда.

²⁾ Подробнее см. нашу статью — Федеративная фермерско-рабочая партия. в кн. 10 жур. „Сел. и Лес. Хоз.“, стр. 169—204.

1. Он указывает, что строение капитала в сельском хозяйстве выше, следовательно должны быть больше предварительные затраты. 2. По его мнению, „в силу органического характера земледельческого процесса в сельском хозяйстве крайне неблагоприятно соотношение между рабочим временем и временем производства“. 3. „Последующие затраты труда и капитала на одной и той же земле являются менее производительными“. 4. „Те средства производства с которыми оперирует сельский хозяин, очень несовершенны“ (стр. 110—113). Суханов в отличие, наприм., от Булгакова и Давида (см. критику их теорий у Ленина¹⁾ и Каутского²⁾ все эти доводы констатирует как относительные; в этом его Ахиллесова пята. Если бы он выставлял их как „извечные“ особенности сельского хозяйства, то на него целиком распространялась критика „ревизионистов“. Он защищается от этого. Он говорит, что эти особенности имеют отношение не ко всякому крупному хозяйству, а только к крупно-капиталистическому. Но что в них специфически капиталистично?

Посмотрим на первую особенность. Статистика показывает, что высота земледельческого капитала главным образом зависит от цен на землю, от абсолютной ренты. Суханов отвергает абсолютную ренту, он не видит фиктивности земельного капитала, поэтому для него не ясно, что эта особенность сельского хозяйства имеет сугубо историческую, а не органическую связь с капитализмом. А, между тем, частная собственность на землю, служащая причиной земельной ренты, может быть уничтожена капитализмом и это уничтожение—национализация может быть вполне буржуазной реформой (ср. теорию национализации Гебри Джорджа). „Марксист“ Суханов не заметил указания на это у Маркса и, конечно, не вспомнил замечания Ленина³⁾.

С точки зрения развитого капиталистического производства частно-земледельческие отношения едва ли чем оправдываются. И тут вполне возможным делается национализация земли и сдача ее в аренду за арендную плату в пользу государства⁴⁾. Поэтому может быть ликвидировано неприятное условие частного землевладения для капиталистического с. хозяйства—низкая норма прибыли. Капитализм не имеет никаких оснований останавливаться перед этим шагом. И если он его не делает, то это не значит, что он не может этого сделать, а доказывает: 1) относительную крепость частного землевладения в капиталистическом хозяйстве, т.-е. отсталость развития с.-х. производительных сил, и 2) проникновение капитала в деревню тем же путем, как ранее в ремесло,—именно путем торговой эксплуатации, кредита и насаждения „кустарного“ земледелия, работающего на капиталиста-скупщика. Существование подобного периода в промышленности не показывало абсолютного бессилия капитала для непосредственной организации про-

¹⁾ Собр. соч., том I и IX.

²⁾ Социализм и сельское хозяйство. (Ответ Давиду). 1907 г.

³⁾ См. особенно—Аграрный вопрос в России к концу XX в., гл. VI; Маркс—Теория прибавочной стоимости, II том, ч. 2.

⁴⁾ Ср. мнение фон-дер Гольца о-вечно-последственной аренде. Также К. Маркс—Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. I, стр. 208.

изводства. Точно так же по отношению к сельскому хозяйству оно указывает лишь на то, что и здесь капитализм приходит извне, а не из старого поместья, как в промышленность он не пришел путем усиления ремесла.

Суханов, как мы видели в первых главах, вообще не отчетливо выясняет условия развития производительных сил в сельском хозяйстве. Для него остается незамеченной основная, воспроизводственная так сказать причина замедленного развития с.-х. производительных сил, на которую мы указывали в 3 главе (см. кн. 7, стр. 391). Суханов, как и большинство аграрников, не обратил на эти условия никакого внимания. Он не учел той взаимозависимости между промышленностью и сельским хозяйством, которая существует на разных ступенях капиталистического развития, и ставит известные, в общем расширяющиеся, границы потребления и сбыта с.-х. продуктов.

В зависимости от этих границ находится и то обстоятельство, что аграрный капитал накапливается (как раньше промышленный) вне сельскохозяйственного производства, но в сельскохозяйственной торгово-кредитной системе через эксплуатацию сельских хозяев, что до сих пор для него еще не закончился процесс первоначального накопления.

С расширением этих границ (с расширением промышленности, его потребности в сырье, продовольствии и т. д.), очевидно, этот накопленный капитал должен переходить уже в сельскохозяйственное производство. Суханов не представляет себе этого внедрения капитализма. „Борьба капитала за сельскохозяйственную территорию,—пишет он,—безнадежна“ (стр. 115). Приведенные выше и другие известные факты о росте задолженности, аренды и проч. отчетливо иллюстрируют захват капиталом уже основного элемента сельскохозяйственного производства—земли. Национализация может лишь ускорить (хотя и в другой форме) этот процесс.

Вторая особенность, отмечаемая Сухановым, также является следствием, а не причиной низкого развития сел.-хоз. производительных сил. И там, где производительные силы развиваются, где аграрный капитал находит широкое поле применения, там распределение затрат живого и мертвого труда во времени выравнивается, сельское хозяйство комбинируется с промышленностью, и средства производства и живой труд планомерно используются в течение всего рабочего года. Поэтому дело тут отнюдь не в „органическом характере земледельческого процесса“, а в исторических условиях накопления, которое уже (в районах и странах развития сельского хозяйства) устраняет неблагоприятное соотношение между временем работы и простоя для средств производства и работы и вынужденного отдыха для рабочих сил, а в районах упадка или начала и более медленного развития поддерживает это неблагоприятное соотношение в целях эксплуатации и усиления капиталистического накопления.

Третью особенность Суханов повторяет здесь в том же виде, в каком он формулировал ее ранее, когда говорил о факте понижающейся производительности последующих затрат. Мы уже отмечали основные ошибки этого положения (см. кн. 7, стр. 394—395).

Четвертая особенность так же мало состоятельна. Несовершенство средств с.-х. производства не может служить препятствием капитализации земледелия, ибо оно существует лишь потому, что капитализация не везде достаточно сильна. Капитал совершенствует средства с.-х. производства и тем самым понижает влияние природных условий. Одновременно он может совсем устранить это влияние, расширяя страхование.

В той же главе „О законах развития сельскохозяйственных форм“ Суханов отвечает своим критикам. В некоторых частях его ответы несомненно верны, но одновременно он допускает ряд неправильностей. На стр. 123 он пишет, что ни один из его критиков не пытался фактически опровергнуть его схему. „Никто из них ни разу не ссылался на факты, которые ей противоречат или не вяжутся с ней“. А Ленин? Очень нехорошо забывать наиболее подробную, исчерпывающую критику.

Отвечая критикам далее, Суханов утверждает (стр. 127), что понятие производительных сил не приложимо к сельскому хозяйству, к отдельной отрасли народного хозяйства. При этом он старается быть П. Маслова его же добром; он ссылается на указание Маслова¹⁾, что „понятие производительных сил не приложимо к отдельному предприятию“. Ссылка не законная, Суханов должен понимать отличие между частным хозяйством (предприятием) и отраслью народного хозяйства,—отличие в том, что рост частного хозяйства обуславливается его доходностью, а рост народного хозяйства и его отдельных отраслей лишь увеличением производительности труда.

О путях аграрного капитализма лучше других писал в третьем отделе своей книги Н. Н. Кажанов. Здесь с достаточной отчетливостью изложено проникновение торгового, промышленного и финансового капитала в сельское хозяйство. Автор учитывает не только процессы накопления (сами по себе), но и их обратную сторону—эксплоатацию, и с полной очевидностью устанавливает все большую, по мере развития сельского хозяйства, зависимость мелкого товаропроизводителя от крупного сконцентрированного капитала и просачивание этого последнего в процесс с.-х. производства.

Но и у Кажанова есть неточности и слабые места. „Сельское хозяйство,—пишет он на 57 стр.—поскольку в основных моментах мы видим его как биологическую промышленность, как производство, оперирующее с биологическими процессами природы, достоянию в этом своем основном консервативном ядре оно всегда являлось непреступной цитаделью для проникновения сюда промышленного капитала“ (курсив ваш). И далее: „Твердо, неуклонно проникает капитал в сельское хозяйство, следует признать, путем постепенного

¹⁾ Теория развития народного хозяйства. П. 1910, стр. 14—17.

овладения отдельными вспомогательными производственными процессами последнего и дальнейшего отщепления таковых от основного ядра сельскохозяйственного производства“ (стр. 58).

Эти тезисы в общем правильно выявляют прошлое развитие сельского хозяйства, но они несколько не намекают тенденции будущего развития, которое уже сейчас намечается диалектически противоположным прошлому.

Отделение промышленности от сельского хозяйства, отщепление отдельных частей последнего при развитии аграрного капитализма заменяется комбинированием индустрии с земледелием, теснейшим производственным сближением того и другого. Кажанов замечает этот процесс. „Торговый капитал,—признает он,—принимая на себя в отдельных случаях в разной мере функции промышленного капитала, сражается с сельским хозяйством в стадии рыночной подготовки продуктов последнего, при посредстве сельскохозяйственной кооперации“ (стр. 67, курсив наш). Но он не развивает этого утверждения дальше, повторяя ошибку Суханова лишь применительно к более узкой, ограниченной базе, которую он называет ядром сельского хозяйства. Эта же ошибка заставляет его последовательно отказаться от защиты крупного сельского хозяйства, утверждая, „что сельское хозяйство в силу биологической природы основных его производственных процессов, оставаясь по форме мелким производством, с развитием капиталистических отношений все в большей и большей мере в чистом виде становится капиталистическим производством. Та же основа капиталистического развития, которая преобразует весь строй обрабатывающей промышленности, развитие производительных сил, дает направление к капиталистической реорганизации сельского хозяйства, в частности неизбежно приводит к технической концентрации сельского хозяйства в форме географической локализации“ (стр. 75, курсив наш). Тезис о географической локализации, выдвигаемый Кажановым, заслуживает серьезного внимания (см. дальше). Но напрасно Кажанов пытается заменить локализацией концентрацию хозяйства. Напрасно потому, что из сопоставления его же собственных положений отчетливо вытекает вывод, доказывающий, что, если капитал подчиняет себе сельское хозяйство, то он и реорганизует его и, конечно, реорганизует только по своему образу и подобию.

Б. Д. Бруцкус связывает вопрос о крупном (капиталистическом) и мелком хозяйстве с теорией крестьянского хозяйства¹⁾. Эта связь составляет основное уязвимое место в положениях Бруцкуса и приводит к ряду существенных нарушений научной истины.

¹⁾ Экономия сельского хозяйства.—Народно-хозяйственные основы, изд. „Кооперация“. Л. 1924 г. Допущ. Гос. Ученым Советом. Стр. 248.

„О каком-нибудь явственном наступании капиталистического с.-х. производства на мелкое,—утверждает Бруцкус,—в переживаемую нами эпоху не может быть и речи“ (стр. 206). „Крестьянское хозяйство (семейно-трудовое,—поэтому мелкое. С. Б.) является для этой цели (поднятия хозяйства на высший уровень интенсивности. С. Б.) более совершенной организацией, чем капиталистическое хозяйство“ (стр. 207). Это преимущество, по мнению Бруцкуса, превалирует над преимуществами крупного хозяйства, теми преимуществами, которые оно получило в наследство от крупного землевладельческого и которые выявляются крупным современным хозяйством для удержания своих позиций (ср. стр. 214—215). Тут возникает целый ряд недоуменных вопросов. Почему эти преимущества крупного хозяйства имеют такое историческое значение? Почему они выявляются только для удержания своих позиций? Разве они имеют столь относительное значение?

По Бруцкусу оказывается, что преимущества крупного хозяйства в действительности весьма относительны. „Функции крупного хозяйства,—заявляет он,—имевшие столь большое значение для создания народного хозяйства, теперь утратили свое прежнее значение“ (стр. 220). Почему?—спросит читатель. Потому, отвечает Бруцкус, что „погруженное в натуральное хозяйство, крестьянство тогда действительно обладало определенным бытовым уровнем потребностей, в нем не было приобретательского духа и, расплывленное, оно не обладало организацией для обслуживания далеких рынков“ (стр. 214, курсив наш). Все это, однако, доказывает совсем не то, что надо было Бруцкусу.

Дух предпринимательства, если уже говорить о нем, как утверждал В. Зомбарт, характерен не для трудового (крестьянского—в понимании Бруцкуса), а для капиталистического хозяйства. И если крестьянское хозяйство им заражается, то это доказывает только одно, именно его капитализацию. Что это так, видно и из оговорки Бруцкуса: „погруженное в натуральное хозяйство, крестьянство тогда действительно обладало определенным бытовым уровнем потребностей“. Следовательно, сейчас крестьянское хозяйство уже не действительно трудовое,—оно капиталистично. И дальше, в главе о дифференциации крестьянства Бруцкус признает зарождение капитализма в сельском хозяйстве.

Но в это признание Бруцкус вносит существенные оговорки и сводит его по существу на нет. „Процессу концентрации орудий производства в крестьянском хозяйстве,—заключает он,—противостоит опасный враг—это семейные дедежи“ (стр. 236). И отсюда в связи со всем этим общий вывод: „Динамическая эволюция сельского хозяйства не имеет ничего общего с таковой же в промышленности“ (стр. 229).

Это мнение у Бруцкуса совершенно не обосновано¹⁾. Оно находится в полном противоречии с его же собственным утверждением

¹⁾ В равной мере неверно, будто бы аграрной историей установлено, что образование крупного землевладения не стоит ни в какой связи с накоплением капитала (стр. 210, ср. также стр. 10). См. К. Маркс—Капитал, I, 21, О первоначальном накоплении.

о преимуществах крупного хозяйства, которые состоят, как он пишет, в следующем: „Крупное производство в сельском хозяйстве, как и в промышленности, благоприятно влияет на повышение производительности труда; оно лучше, экономнее использует капитал (средства производства. С. Б.), оно более чутко к техническому прогрессу; оно более чутко к рыночным конъюнктурам; наконец, имеются такие народно-хозяйственные функции, которые вообще, почти только в крупном масштабе и могут выполняться“ (стр. 215). Как же это так могут совмещаться такие в корне противоречащие друг другу положения о преимуществах и разложении крупного хозяйства? По Бруцкусу выходит все очень просто. О народно-хозяйственных функциях мы уже привели его замечание, что они „теперь утратили свое прежнее значение“. Технический прогресс в сельском хозяйстве, оказывается (см. стр. 74), имеет значительно менее глубокое влияние на сельское хозяйство, чем транспорт. Чуткость к рыночным конъюнктурам появляется у крестьянства, раз появляется у него „приобретательский дух“. Что же касается производительности труда, то она также не имеет (уверяет Бруцкус) особого значения для сельского хозяйства. Во всяком случае „имеется ряд обстоятельств понижающих значение этих (связанных с высоким уровнем производительности труда. С. Б.) преимуществ“ (стр. 215).

Мы несколько не удивляемся такой эластичности во взглядах Бруцкуса; иначе не могло быть. Иначе не могло быть потому, что Бруцкус исходит отнюдь не из народно-хозяйственной, а из частно-хозяйственной точки зрения „предпринимательского“ крестьянина. Для него существенно доказать, что высшая доходность в сельском хозяйстве достигается только в крестьянском земледелии; для него важно проследить и установить не условия развития с.-х. производительных сил, а укрепления гроссбуэра, интересы которого Бруцкус всегда защищал.

Но этого мало. Бруцкус всюду и везде стремится слить эти частнохозяйственные, среднебуржуазные интересы с народнохозяйственными. Процесс крестьянской дифференциации для него есть процесс „профессиональной дифференциации сельского населения“. И „чем успешнее идет развитие народного хозяйства, тем скорее продукты упадка отделяются от орудий производства и уходят в город. Капиталистически организованное производство города противостоит деревне, в которой руководителем производства остается та большая часть трудящегося населения, которая умеет сохранить и приумножить свои орудия производства“ (стр. 236, курсив наш). Прекрасная тиара, но она несколько не соответствует аграрной действительности!¹⁾

Также совершенно неверно следующее определение крестьянского хозяйства: „крестьянское хозяйство есть мелкое сельскохозяйственное производство, имеющее целью удовлетворить потребностям хозяйствующей

¹⁾ Бруцкус уверяет, что „одним из важнейших факторов, закрепившим положение труда в сельском хозяйстве, является кооперация“ (стр. 236). Выше мы привели совершенно противоположное и вполне справедливое мнение Каганова.

семьи и вообще извлечь наибольший доход из земли на основе наилучшего использования труда хозяина и его семьи (стр. 205). „Вообще“ тут лучше всего. Бруцкус как будто не замечает самого резкого противоречия этого „вообще“ с началом и концом формулы. Неужели он позабыл, что наибольший доход извлекается не „из земли на основе наилучшего использования труда хозяина и его семьи“, а из наемного рабочего на основе его эксплуатации?

Бруцкус очень хорошо помнит и знает это. Последняя глава его книги специально посвящена наемному труду в сельском хозяйстве. Но это делается лишь для того, чтобы доказать, что наемный труд для земледелия не имеет никакого значения. „Роль наемного труда в сельском хозяйстве,—по его словам,—в виду преобладания в нем (в сел. хоз. С. В.) крестьянского трудового хозяйства, не столь значительна, как в промышленности. Спрос на наемный труд со стороны крестьянства не велик. Главное значение имеет спрос на наемный труд со стороны капиталистического хозяйства, поскольку оно удержалось на тех землях, которые раньше обрабатывались в порядке барщинного хозяйства, и вновь развилось и окрепло на окраинах“ (стр. 237, курсив наш).

В этих трех фразах Бруцкус перепутал самое основное, что нужно выяснить, и тем самым заглушал свою реакционную точку зрения. Совершенно ясно, что в сельском хозяйстве наемный труд имеет меньшее значение, чем в промышленности; с. х. менее развито. Не об этом спор. Спор в том: увеличивается ли или уменьшается применение наемного труда в сельском хозяйстве? Растет ли или идет на убыль капиталистическая организация с. х. производства? По Бруцкусу выходит, что наемный труд в сельском хозяйстве встречается все реже, что аграрный капитализм разлагается. Но, ведь, это голосовое утверждение. А факты?

К фактам приближается в этом вопросе Н. Н. Кажанов. „По мере охвата капиталом,—говорит Кажанов,—в разных формах сельского хозяйства положение мелкого земледельца экономически совершенно сближается с положением пролетария-рабочего“ (стр. 82). Кажанов этим выводом хочет показать, что наемный труд в сельском хозяйстве не пользуется распространением; мелкий земледелец остается единственным сельскохозяйственным классом, но его труд в капиталистическом сельском хозяйстве становится очень схожим с трудом наемного рабочего-пролетария. Такой взгляд вернее, чем взгляд Бруцкуса, но лишь отчасти. Правда, массы эксплуатируемого крестьянства при капитализме имеют участие не лучшую, чем пролетариат. Но Кажановское мнение грешит упущениями. Прежде всего, нельзя утверждать, что положение крестьянина экономически совершенно сближается с положением рабочего. Крестьянин—арендатор, должник и т. д.—все же остается мелким собственником. А затем, ведь наемный труд в сельском хозяйстве все же существует?

Тут нам приходится возвратиться к Суханову. Суханов определенно утверждает: да, наемный труд в сельском хозяйстве пока еще есть, но он сокращается. „Люди, живущие продажей своей рабочей силы, действительно, уходят из деревни, от земли, от сельского хозяйства“ (стр. 117). Суханов пытается доказать отход наемных рабочих от сельского хозяйства фактически. Анализируя, напр., итоги аграрной статистики по Германии, он замечает: „Сельскохозяйственные наемные рабочие, как видим, немного возросли в числе между 1882 и 1895 годами¹⁾, но почти на целую четверть их число сократилось к моменту наивысшего развития довоенного капитализма“ (стр. 215). Какая опротивительность в этом выводе! Где наивысшее развитие капитализма? Ведь в промышленности. Ведь в сельском хозяйстве Германии того времени был период во всяком случае не развития, а упадка; земледельческие производительные силы не росли, продукция поддерживалась искусственно таможенной политикой. Сам Суханов ссылался на „таможные стены“, доказывая невыгодность интенсификации (ср. стр. 40, 47 и др.).

А каковы факты там, где с. х. производительные силы развивались? Почему Суханов не исследует положение наемного труда в сельском хозяйстве, напр., Соед. Штатов? Неужели потому, что там применение наемного труда в сельском хозяйстве возрастало?

Ленин подробно исследовал численность наемных сельскохозяйственных рабочих в Соед. Штатах по ценам 1900 и 1910 г.²⁾ За эти десять лет рост наемных рабочих составил 27%, тогда как число фермеров возросло всего на 5%. Правда, во время войны в общем число наемных рабочих в с. х. Соед.-Штатов (судя по ценам) сократилось. Но не надо забывать, что военный период, как это показал Н. Осинский³⁾, был периодом кризиса с. х. производства и наибольшего нападения финансового и торгового капитала на „некапиталистическое“ сельское хозяйство.

Как же можно сказать тут вполне безоговорочно (а это говорит Суханов в конце главы „Из итогов последнего переписи С.-А. Соед. Штатов“): „Сокращается класс с. х. капиталистов, сокращается и класс наемных сел.-хоз. рабочих, не только относительно, но в большинстве случаев и абсолютно“ (стр. 267)?

Факты доказывают совсем не то. Они говорят ясно и определенно о росте с. х. наемного труда при развитии с. х. производительных сил. Они говорят о развитии аграрного капитализма, ибо наемный труд—вернейший признак организации капиталистического производства, а капитализация торговли и кредита подготавливает капитализацию производственных процессов.

С. С. Базыкин.

(Продолжение следует).

¹⁾ Как это немного, можно убедиться у Ленина (Собр. соч., т. IX, стр. 15 и след.), который детально анализирует данные о положении сельского населения в Германии. Он устанавливает, что с 1882 по 1895 г. по численности наемный труд увеличился на 7,7%, все же сельское население уменьшилось на 0,2%.

²⁾ Собр. соч., том IX, стр. 213.

³⁾ Мировой кризис сельского хозяйства. М. 1923.

От редакции.

Вступая в третий год своего существования, «Вестник Коммунистической Академии» ставит перед собой те же самые цели, достижение которых он поставил себе с самого начала. Эти цели заключаются в том, чтобы объединить вокруг журнала и Академии все научно-исследовательские марксистские силы, и с помощью их создать печатный орган, который был бы центром разработки всех новых, преимущественно методологических проблем марксистской теории, разработки их в духе ортодоксального марксизма и ленинизма. В значительной степени эта задача была выполнена «Вестником». На его страницах печатались оригинальные научно-исследовательские статьи почти по всем основным областям марксистской теории: по экономике, философии, истории права, по теории исторического материализма, психологии и т. д.

В то же время «Вестник» всячески стремился наладить отдел библиографии, что ему отчасти удалось. Огромным пробелом в нашей работе было отсутствие статей по общим вопросам точных наук и приложение метода диалектического материализма к современным проблемам естествознания. С организацией при Академии секции точных наук «Вестник» надеется восполнить этот пробел в будущем издательском году.

Редакция «Вестника» надеется, что издание журнала будет поддержано в наступающем новом году как более широким кругом постоянных читателей, так и новыми научно-исследовательскими силами сотрудников, двигающих вперед теорию марксизма и ленинизма.

Письмо в редакцию.

Уважаемые товарищи!

Мои научные работы с давних пор сопровождаются примечаниями редакции, гласящими о том, что они печатаются в дискуссионном порядке. Признаться, я несколько не тягочусь такими примечаниями, так как, во-первых, убежден, что марксистская наука не представляет собой догмы церковного правоверия, а следовательно, и не претендует на абсолютные истины. Отсюда же вытекает и необходимость «дискуссии», ибо без последней вообще

никакая наука существовать не может. Вместе с тем подобные примечания служат для меня гарантией, что я после тридцатилетней научной работы еще не застыл и не заостенел, способен идти вперед и ставить новые проблемы.

Но последняя моя статья (в № 9 «Вестника Коммунистической Академии» за текущий год) снабжена примечанием редакции о том, что она, т. е. редакция, не согласна с моим якобы фрейдовским уклоном. Против этого примечания не могу не протестовать. Ибо, во-первых, Фрейд никогда не занимался тем вопросом, который трактуется в упомянутой статье. Во-вторых, статья без малейшего использования психоанализа посвящена проблеме о материальной стороне идеологической надстройки в связи с учением Павлова. И, в-третьих, если кто мне дал идею для моих построений в указанной статье, то никак не Фрейд, а тов. Бухарин, на которого и делается соответственная ссылка.

С коммунистическим приветом

М. Рейснер.

27 ноября 1924 года.

Редакционная коллегия:

Н. И. Бухарин, А. М. Деборин, Ш. М. Дволайцкий, Л. Н. Крицман, В. П. Милютин, М. Н. Покровский, Е. А. Преображенский, Ф. А. Ротштейн.

Приложение.

» К библиографии восстания 14 декабря 1825 г.

В настоящий указатель включены источники и сочинения, содержащие фактические сведения о ходе восстания 14-го декабря 1825 года. Нами обследованы главные исторические журналы («Русская Старина», «Русский Архив», «Исторический Вестник», «Древняя и Новая Россия», «Голос Минувшего» и др.) и значительное число различных сборников, книг и брошюр, изданных по 1917 год включительно.

Все библиографические указания лично нами проверены. Во всех случаях, когда просмотреть то или иное издание не представлялось возможным, мы предпочитали таковое издание в указатель не вводить. Это последнее обстоятельство, принимая во внимание неизбежность невольных ошибок и пропусков, не позволяет нам рассматривать нашу работу как исчерпывающую библиографию предмета. Указатель наш является лишь сводкой материалов для полной библиографии 14-го декабря.

Материалы для библиографии вопросов, связанных с выделенным нами в настоящей работе (напр. «Междуцарствие», «Восстание 14-го декабря и современное русское общество» и т. д.) мы полагаем опубликовать особо.

Одесса, 6 октября 1924 г.

У к а з а т е л ь.

1. Официальное описание дня 14-го декабря 1825 года. «Русский Инвалид» № 300. 19 декабря 1825 г. (также в «Спб. Ведомостях», и других современных периодических изданиях). См. «Русский Архив» 1881 г., кн. 2, стр. 337—340; сборник «Государственные преступления в России в XIX веке» под редакцией В. Вазилевского (В. Я. Богучарского), том I. Stuttgart, 1903 г., и Спб. 1906 г., стр. 1—2; Н. К. Шильдер—«Император Николай Первый», Издание А. С. Суворина, Спб. 1903 г., том I, стр. 635—638 (приложения); «Всемирный Вестник» 1905 г., стр. 54—58.

2. «Подробное описание происшествия, случившегося в С.-Петербурге 14-го декабря 1825 г.». Правительственное сообщение за подписью генерал-адъютанта Потапова, «Русский Инвалид», № 305, 29 декабря 1825 г. Отдельные издания: «Подробное описание происшествия, случившегося в С.-Петербурге 14-го декабря 1825 г.». Спб. 1825 г. Opis szeregolowy wypadku zdarzonego w Peterburgu dnia 14 (26) Grudnia 1825 roku. Варшава 1826 г.,

6 стр. Перепечатано в I томе вышеуказанного сборника В. Я. Богучарского; «Всемирный Вестник», 1905 г., № 1, стр. 61—66.

3. «Донесение следственной комиссии». Печатано по высочайшему повелению в военной типографии Главного Штаба Е. И. В. Спб. 1826 г. О 14 декабря, стр. 60—83. Одновременно с русским изданием были выпущены немецкий и французский переводы. В настоящее время имеется весьма значительное число различных русских и иностранных изданий донесения. См. новейшие издания: «Процесс декабристов». Изд. И. А. Малинина. М. 1905 г.; «Декабристы». Изд. В. М. Саблина. М. 1906 г. и др. «Донесение» вызвало ряд критических статей деятелей декабрьского движения. N. Touguenoff—«La Russie et les russes» Tome I. Mémoires d'un proscrit, Paris 1847, p. 211—407; А. Е. Розен. Записки декабриста. Спб. 1907. Глава 7. О причинах основания тайных обществ вообще и об акте обвинительном в особенности. Стр. 117—133. Разбор допесения следственной

комиссии М. С. Лунина. «Полярная Звезда» на 1859 год, кн. 5. Лондон, 1859 г., стр. 52—65. См. библиографию статьи Лунина в книге «Декабристы», М. С. Лунина. Сочинения и письма. Редакция и примечания С. Я. Штрайха. Изд. 1923 г., стр. 110. Сводка отзывов о донесении: Н. К. Шильдер, Император Николай Первый. Том I. СПб. 1903 г., стр. 431—437. Кроме того см.: «Правдивый» № 5, Лейпциг, 16 июня 1862 г., стр. 34. («Письмо из Петербурга»); «Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым», № 21. Лондон, 23 июня 1864 г. («Петербургские очерки»; гр. Д. Н. Блудов»). См. № 374.

4. Приложение к докладу следственной комиссии о тайных обществах, открытых в 1825 г. «Русск. Архив», 1875 г. Кн. 3, стр. 434—438.

5. Из материалов по истории 14 декабря 1825 г. Письмо Ф. Ф. Бартоломея к А. Ф. Львову. «Русск. Архив», 1905 г. Кн. I, стр. 694. Участие коннополицейского полка в подавлении восстания.

6. Письмо А. X. Бенкендорфа к кн. М. С. Воронцову от 16 января 1826 г. «Архив кн. Воронцова». Кн. 35. М. 1881 г., стр. 264—267.

7. Из писем К. Я. Булгакова к его брату. «Русск. Архив», 1903 г. Кн. 2, стр. 217—218.

8. Письмо К. Я. Булгакова к А. А. Закревскому от 23 декабря 1825 г. Сборник. Имп. Русского Историч. Общества. Том 78, стр. 392—393.

9. Письмо А. Ф. Воейкова к кн. Е. А. Волконской от 18 декабря 1825 г. Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее Н. И. Щукина. Часть 5. М. 1899 г., стр. 247—250. Перепечатано в «Русск. Архиве» 1899 г. Кн. 2, стр. 292—296.

10. Из писем А. Ф. Воейкова к В. М. Перевощикову. Письмо от 16 января 1826 г. «Русск. Архив», 1890 г. Кн. 3, стр. 91.

11. Письмо гр. М. С. Воронцова к А. А. Закревскому от 8 января 1826 г. Сборник. Имп. Русского Исторического Общества. Том 73, стр. 506.

12. Письма гр. С. Р. Воронцова к сыну его, гр. М. С. Воронцову. «Архив кн. Воронцова». Том 17. М. 1880 г., стр. 580.

13. Письма В. А. Жуковского к М. А. Мойер и Е. А. Прогасовой,

под ред. А. Е. Грузинского. «Уткинский сборник». Том I. М. 1904 г. О 14 декабря. Стр. 42, 96.

14. Письма В. А. Жуковского к А. Н. Тургеневу. Изд. «Русск. Архива» по подлинникам, хранящимся в Публичной Библиотеке. М. 1895 г. Письмо от 16 декабря 1825 г. Стр. 204—211.

15. Письма Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому. 1810—1826. Из Остафьевского Архива. С предисловием и примечаниями Н. П. Барсукова. «Старина и Новизна». Кн. 1. СПб. 1897 г. Стр. 171—172.

16. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. По поручению Отделения русского языка и словесности Имп. Академии Наук издали с примечаниями и указаниями Я. Грот и П. Пекарский. СПб. 1866 г. Стр. 411—412. Письмо от 19 декабря 1825 г. То же письмо: Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. Часть 2. М. 1866 г. Стр. 466—468.

17. Письма Н. М. Карамзина к А. Н. Тургеневу. «Русск. Старина», 1899 г. Том 98. Письмо от 18 декабря 1825 г. Стр. 233.

18. С. П. Мельгунов. Из переписки масонов о 14 декабря 1825 г. Письмо Алексея Кучакова. «Голос Минувшего». 1915 г. Кн. 12. Стр. 230.

19. Частная переписка И. Р. Мартоуса. 1817—1830. Редакция и примечания А. Лазаревского. Киев. 1898 г. Письмо И. П. Мартоуса к И. Р. Мартоусу от 15 января 1826 г. Стр. 21—22. Ранее переписка Мартоуса печаталась в «Киевской Старине» 1895—1898 г.

20. Письмо императора Николая I к гр. Витгенштейну от 15 декабря 1825 г. «Русск. Старина», 1870 г. Том 2. Стр. 531.

21. Император Николай Павлович и Карамзин в последние дни его жизни. Их переписка. «Русск. Архив», 1906 г. Кн. I. Стр. 122.

22. Переписка имп. Николая Павловича с в. кн. цесаревичем Константином Павловичем. Том I. 1825—1829 гг. Сборник Имп. Русского Ист. Общества. Том 131. СПб. 1910 г. О 14 декабря. Стр. 4—7.

23. Письмо Николая I к гр. М. А. Милорадовичу от 14 декабря 1825 г. Г. А. Милорадович. О роде дворян и графа Милорадовича. Киев. 1871 г. Стр. 86. Приложено к «Русскому Архиву» за 1871 г. См. также: Гр. Г. А. Милорадович. Анекдоты и черты из жизни гр. Милорадовича. СПб. 1886 г. Стр. 74—75, 122—123. Записки А. Н. Михайловского-Данилевского. 1890 г. Ноябрь. Стр. 507—508. Об этом письме см.: Записки А. П. Башуцкого. «Историческ. Вестник», 1908 г. Кн. I. Стр. 155—156.

24. Два письма имп. Николая Павловича к главнокомандующему первой армией, фельдмаршалу гр. Ф. В. Сакену в Могилев на Днепре. «Русск. Архив», 1884 г. Том 3. Стр. 241. Первое письмо посвящено восстанию 14-го декабря. См. также: «Русск. Старина», 1886 г. Том 50. Стр. 357.

25. Письмо А. Н. Оленина к дочери от 24 декабря 1825 г. «Русск. Архив», 1869 г. Стр. 731. Об этом письме см. отзыв А. Е. Розена. (Записки декабриста. СПб. 1907 г. Стр. 4).

26. Переписка Павла Ивановича Ростовцева с кн. Е. П. Оболенским. «Русск. Старина», 1889 г., том 63, сентябрь, стр. 617.

27. Письмо Е. Л. Симанской к Н. Е. Кашкину от 21 декабря 1825 г. Е. А. Сабанеева. Воспоминания о былом. Из семейной хроники 1770—1838. Предисловие Д. А. Корсакова. Редакция и примечания Б. Л. Модзалевского. СПб. 1914 г., стр. 149. Примечание редактора.

28. Письмо С. А. Хомякова к сыну А. С. Хомякову из своей деревни в Париже от 3 марта 1826 г. «Русск. Архив», 1893 г., кн. 2, стр. 112.

29. Письмо Ф. С. Хомякова к А. С. Хомякову от 24 декабря 1825 г. «Русск. Архив», 1884 г., кн. 3, стр. 221—222.

30. В. В. Т. (импозит). Из дневника Бергарди. Беседы с принцем Евгением Виртембергским. «Русск. Старина», 1893 г., том 79. О 14 декабря, стр. 47, 56.

31. Воцарение имп. Николая I-го. Из дневника Г. И. Вилламова. Сообщил Е. Шумигорский. «Русск. Старина», 1899 г., том 97, стр. 316—324.

32. П. С. Деменков. Четырнадцатое декабря 1825 г. на петербургских пло-

щадях: Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской. Записано очевидцем на третий день после происшествия. «Русск. Архив», 1877 г., кн. 3, стр. 258—267.

33. Из дневника П. Г. Дивова. 1825—1826. «Русск. Старина», 1897 г., том 89, стр. 457—465.

34. Из дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново. Сообщено генерал-адъютантом И. Н. Дурново; выписки произведены г-жею С. П. Дурново; переведено кн. А. С. Эрастовым под редакцией М. К. Соколовского. «Вестник Общества Ревнителей Истории», 1914 г., кн. 1, стр. 143, сл.

35. Выдержки из дневника английского путешественника Charles Earle. напечатанного в отрывках в лондонском Cornhill Magazine. «Вестник Всемирной Истории» 1901 г., кн. 1, стр. 260—263.

36. Конная гвардия 14-го декабря 1825 г. Выписка из дневника барона В. Р. Каульбарса за 1825 г. Zur Geschichte der Regierung Paul und Nicolaus I. Neue Materialien veröffentlicht und eingeleitet von Th. Schieman. Zweite Auflage, Berlin, 1906 г. S. 300—323. Перепечатано с отдельного русского издания. 1881 г. См. еще: Г. Василч. Междоусобице, ч. 2, М. 1908 г., стр. 81—96.

37. Дневник проф. акад. Александра Васильевича Никитенко. 1826 г. Сообщил С. А. Никитенко. «Русск. Старина», 1889 г., том 61, февраль, стр. 295. Отдельно: А. В. Никитенко. Записки и дневник. 1826—1877. Том 1. СПб. 1893 г., стр. 179. То же: Изд. 2-е, исправленное и дополненное по рукописи, под редакцией с примечаниями и алфавитным указателем М. К. Лемке. Изд. М. В. Пирожкова. СПб., 1904 г., том 1, стр. 132. Ростовцев в день 14 декабря.

38. Дневник И. М. Снегирева. 1825—1826. «Русск. Библиофил» 1912 г., кн. 4, стр. 54—55.

39. Журнал генерал-адъютанта гр. К. Ф. Толь о декабрьских событиях 1825 г. Издание и редакция гр. Е. Н. Толь. СПб. 1910 г. 35 стр. Впервые журнал издан в 1898 году в 60 экземплярах.

40. Очерки моей жизни. Воспоминания Г. Н. Александрова. «Русск. Архив», кн. 3, стр. 482—483.

41. Воспоминания Юрия Арнольда. Выпуск 1. М. 1892 г., стр. 90—96.
42. Записки А. Ф. Багговута. «Русск. Старина», 1883 г., том 40, стр. 114—115.
43. Убийство гр. Милорадовича. Рассказ его адъютанта А. П. Башуцкого. «Историч. Вестник», 1908 г., кн. 1, стр. 132—164. Рассказ А. П. Башуцкого передают в своих записках кн. Н. С. Голицын, А. Н. Михайловский-Данилевский и др. Об этом рассказе см.: О. фон-Фрейман. «Пажы за 185 лет». Фридрихсгамн. 1898 г., стр. 226; И. И. Панаев. Литературные воспоминания; «Современник» 1861 г., том 85, стр. 649—650 (отдельно: изд. В. Ковалевского. СПб., 1876 г., стр. 162—163; изд. Н. Г. Мартынова. СПб. 1888 г., стр. 131—133; собрание сочинений изд. В. М. Саблина, том 6-ой, М. 1912 г., стр. 142).
44. Автобиографические воспоминания В. А. Бельгарда. С предисловием И. И. Ореуса. «Русск. Старина» 1899 г., том 97, стр. 159. Отдельное издание. СПб. 1899 г., стр. 8.
45. А. Вибикова. Из семейной хроники. «Историч. Вестник» 1916 г. кн. 11, стр. 422. Издание флигель-адъютанта Вибикова.
46. Исторические рассказы и анекдоты, шутки, остроги, заметки, мелочи. (Записки Богуславского). Сообщила Л. М. Сердюкова. «Русск. Старина», 1879 г., том 26, стр. 108—109. Смерть Милорадовича.
47. Автобиографические записки А. Д. Боровкова. «Русск. Старина» 1898 г., том 96, стр. 333.
48. Записки А. Я. Булгакова. Современные происшествия и воспоминания мои. Остафьевский архив. «Старина и Новизна», кн. 22. Пгр. 1917 г., стр. 134—140. Отдельное издание. Пгр. 1917 г.
49. (В. П. Бурнашев). В 1825 году. Из воспоминаний петербургского старожилы. «Русский Мир» 1872 г. № 178, 12 июля, стр. 1—2.
50. А. Я. Бутковская. Рассказы бабушки. «Историч. Вестник», 1884 г., том 18, О 14 декабря, стр. 622.
51. Из записок генерал-майора А. И. Варжевского. Сообщил А. К. Варжевский. «Старина и Новизна» кн. 14. М. 1911 г., стр. 489—491.
52. Воспоминания кн. В. И. Васильчикова со слов его отца. С предисло-

вием кн. Б. А. Васильчикова «Старина и Новизна» кн. 16. СПб. 1913 г., стр. 15—17.

53. Артиллерийский огонь 14-го декабря 1825 г. Заметка участника-артиллериста Н. В. Вахтина. «Русск. Старина», 1880 г., том 28, стр. 134.

54. Записки барона Велло. Сообщил Э. О. Линин. «Русск. Старина» 1913 г., декабрь, стр. 543—557.

55. Ф. Н. Винницкий. Рассказы из былого времени. «Чтение в Имп. Обществе. Истории и Древностей при Московском Университете». 1874 г. кн. 1, отдел 5, стр. 89—95.

56. Записки протоиерея Иоанна Виноградова. 1880—1836. «Русск. Старина» 1878 г., август, стр. 575—576.

57. Воспоминания принца Евгения Виртембергского, Schiemann, op. cit, S. 110—147. Русские переводы: 14-го декабря 1825 года. Из воспоминаний герцога Евгения Виртембергского. «Литературная Библиотека» 1867, кн. 2, ноябрь, стр. 171—196; 14 декабря, извлеченное из воспоминаний принца Евгения Виртембергского Я. Туруновым. СПб. 1867 г.; воспоминания Евгения Виртембергского, «Русск. Архив», 1878 г., кн. 1, стр. 338.

58. Записки М. И. Глинки. 1804—1854. Сообщила Л. Ю. Шестакова. Редакция В. В. Никольского. «Русск. Старина», 1870 г., том 1, стр. 478—479. Отдельное издание: Записки М. И. Глинки и переписка его с родными и друзьями. Изд. А. С. Суворина. СПб. 1887 г., стр. 32—33.

59. П. М. Голенцев-Кутузов—Толстой. Четырнадцатое декабря. Из воспоминаний восьмидесятилетнего старца, служившего в военной службе более 30 лет. «Русск. Архив», 1882 г., кн. 3, стр. 229—232.

60. Рассказы кн. А. Н. Голицына. Из записок Ю. Н. Баргенева. «Русск. Архив», 1886 г., кн. 1, стр. 375—379.

61. Из рассказов старого лейб-гусара кн. А. Н. Г. (Голицына). «Русск. Архив», 1887 г., кн. 3, стр. 196. О 14 декабря со слов отца кн. Н. Я. Голицына.

62. Записки кн. Н. С. Голицына. 1825—1855. «Русская Стар.» 1880 г., том 29, О 14 декабря, стр. 603—612.

63. Воспоминания А. Я. Головачевой-Панаевой. «Историч. Вестник». 1889 г., т. 35. О 14 декабря, стр. 33. Отдельное издание: Воспоминания

А. Я. Головачевой-Панаевой. Русские писатели и артисты. 1824—1870. СПб. 1890 г., стр. 5—6.

64. Записки петербургского чиновника старого времени. П. И. Голубева. «Русск. Архив», 1896 г., кн. 1, стр. 552.

65. Кн. А. М. Горчаков. Рассказы о прошлом. «Русск. Старина», 1883 г., том 40, стр. 165—167. См. также: Н. А. Гастфрейд. Товарищи Пушкина по Имп. Царскоевскому Лицею. Материалы для словаря лицестов первого курса 1811—1817. Том 1. СПб. 1912 г., стр. 310.

66. Из записок Н. И. Греча. «Полярная Звезда» на 1862 г., кн. 7, выпуск 2, стр. 85—123; «Русский Вестник», 1868 г., том 75, июль, стр. 383, 389—400, 403, 415. Выдержки из записок одного не декабриста. «Тайное общество и 14 декабря 1825 г. в России». Дейциг 1875 г. Изд. Э. Л. Каспронича. стр. 31—78; Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Редакция П. С. Усова. Изд. А. С. Суворина. СПб. 1886 г. О 14 декабря, стр. 376—377, 392—386, 390—398, 424—428. Кроме того см.: С. Р. Мидлов. Обзор записок, дневников, воспоминаний и пр. Выпуск 2—3. Новгород 1912 г., № 1995.

67. Из рассказов Г. В. Грудева. «Русский Архив», 1898 г., кн. 3, стр. 436.

68. Барон А. П. Дельвиг. Мои воспоминания. Изд. Московского Публичного и Румянцевского Музеев, том 1. М. 1912 г., стр. 54—55.

69. В. М. Еропкин. День 14-го декабря в С.-Петербурге. «Русск. Старина», 1885 г., том 46, стр. 187—191, 665.

70. 14-е декабря 1825 г. Сообщил З. «Русск. Старина», 1885 г., том 47, стр. 521—523. По поводу заметки В. М. Еропкина (см. № 69).

71. Записки И. С. Жиркевича. 1789—1848. «Русская Старина», 1876 г., том 17, стр. 266.

72. Морской кадетский корпус 1822—1828 в воспоминаниях Л. А. Загоскина. «Русская Старина», 1886 г., том 52, стр. 715—716.

73. Записки Р. М. Зотова. «Историч. Вестник», 1896 г., том 65, стр. 44—46. См. также: «Иллюстрированная газета» 1872 г. № 45, стр. 313—314 и № 46 стр. 329. Подлинная рукопись полнее

текста, напечатанного в «Иллюстрированной Газете» и «Историческом Вестнике» (см. Н. К. Шильдер. Император Николай Первый. СПб. 1903 г., стр. 503, 513).

74. Рассказ диакона Прохора Иванова, сопровождавшего митрополита Серафима. Сообщил А. А. Алфеев. «Историч. Вестник» 1905 г., январь, стр. 167—170.

75. Кн. Н. К. Имеретинский. Из записок старого преображенца. «Русск. Стар.» 1893 г., том 77, стр. 323—333.

76. Записки профессора—ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана. «Русск. Старина», 1891 г., том 69, март, стр. 631—634. Отдельное издание: Записки ректора и профессора Академии Художеств Федора Ивановича Иордана. М. 1918 г.

77. Воспоминания М. Ф. Каменской. «Историч. Вестник», 1894 г., апрель, стр. 23.

78. Воспоминания П. А. Каратыгина. «Русск. Архив», 1875 г., кн. 1, стр. 737—738. Отдельное издание: Записки П. А. Каратыгина. 1805—1879 г. Изданы и редактированы сыном покойного П. П. Каратыгиным. СПб. 1880 г., стр. 139—148.

79. Из записок генерал-адъютанта гр. Е. Ф. Комаровского. «Русск. Архив», 1867 г., стр. 1304—1315 (отдельные главы); полностью: «Историч. Вестник» 1897 г., том 70, стр. 443—449. Отдельные издания: Записки гр. Е. Ф. Комаровского. Редакция П. Е. Щеголева. Вступительная заметка Е. А. Ладцкого. Изд. «Огни», СПб. 1914 г., стр. 237—245.

80. Записки графа Николая Егоровича Комаровского. Общество Ревнителей Русского Историч. Просвещения в память императора Александра III. М. 1912 г. О 14 декабря стр. 12—13. Лейб-гвардии Конный полк 14 декабря.

81. В. П. Безобразов. Граф Федор Петрович Литке. Часть I. 1797—1832 г.г. Приложенье к 57 тому «Записок Имп. Академии Наук» СПб. 1888 г. Автобиография гр. Ф. П. Литке, стр. 108—111. Гвардейский экипаж 14-го декабря. См. рецензию К. Вестушева-Рюмина. Журнал Министерства Народного Просвещения 1888 г., часть 259, отд. 2, стр. 201.

82. Записки композитора А. Ф. Львова. 1797—1837. «Русск. Архив» 1884 г., кн. 2, стр. 234—235.
83. Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е. Н. Львовой. «Русск. Старина», 1880 г., том 27, стр. 636—637.
84. Записка stato-секретаря Марченки о событиях, совершившихся при восторжении на престол имп. Николая I «Исторический Сборник Вольной Русской Типографии в Лондоне». Кн. 1, Лондон, 1859 г., стр. 61—79. Материалы для истории царствования императора Николая Павловича «Международная библиотека», том 22, Лейпциг 1880 г., стр. 72—84. То же. События, в глазах моих совершившиеся, при вступлении на престол императора Николая I. Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченки. 1782—1838 г. Сообщил В. А. Бильбасов. «Русск. Старина», 1896 г., том 86, май, стр. 307—315. См. также: В. А. Бильбасов, Исторические монографии, том 3. Спб. 1901 г., стр. 589—598.
85. Морской Кадетский корпус в 1823—1828 годах. Из воспоминаний генерал-майора П. В. Митурича. «Исторический Вестник» 1888 г., том 33. О 14 декабря, стр. 529.
86. Воспоминания в. кн. Михаила Павловича о событии 14-го декабря 1825 г. «Минувшие Годы» 1908 г., кн. 10, стр. 32—47.
87. Некоторые выписки из бумаг Михайловского-Данилевского «Исторический Сборник Вольной Русской Типографии в Лондоне», кн. 2. Лондон. 1861, стр. 102—103; там же: Смерть Милорадовича (со слов Башуцкого) стр. 147—151. То же: Некоторые выписки из бумаг М. Данилевского «Международная Библиотека», том 12. Лейпциг 1875 г., стр. 54—55. Вступление на престол имп. Николая I в дневных записках генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского. Сообщил Н. К. Шильдер. «Русск. Старина» 1890 г., ноябрь, стр. 499—501, 505—508.
88. Памятные заметки Е. Н. Моллер, рожд. Мавыевой. 1820—1872 г. «Русская Старина» 1890 г., том 66, стр. 331—332.
89. Воспоминания об адмирале гр. Н. С. Мордвинове и семье его. Записки

ки дочери его гр. Н. Н. Мордвиновой. Спб. 1873 г., стр. 81—82; перепечатаны в «Русск. Архиве» 1883 г., кн. 1, стр. 144. О 14 декабря, стр. 185—186.

90. Из записок М. С. Мухановой. «Русск. Архив» 1878 г., кн. 1, стр. 316—317. Отдельное издание. М. 1878 г. Корректив к запискам гр. Е. Ф. Комаровского.

91. Записки солдата Памфила Назарова. «Русск. Старина» 1878 г., август, стр. 543.

92. А. П. Неелов. Из дальних лет. «Русская Старина» 1916 г., том 165. О 14 декабря, стр. 257.

93. А. А. Титов. Никанор архиепископ Херсонский в своих автобиографических записках. «Русск. Архив» 1906 г., кн. 2. О 14 декабря, стр. 328. Диякон Прохор Иванов.

94. Из записок императора Николая I. Было 1907 г., кн. 10, стр. 77-88. См. также: Н. К. Шильдер. Император Николай Первый. Спб. 1903 г., стр. 281—288; П. Е. Щеголев. Николай I и декабристы. Пгр. 1919 г., стр. 44.

95. Кн. Д. Д. Оболенский. Наброски из прошлого. «Историч. Вестник» 1893 г., том 54. О 14 декабря, стр. 367.

96. Хроника недавней старины. Из архива кн. А. П. Оболенского—Нелединского—Мелецкого. Спб., 1876 г. О 14 декабря, стр. 264—265.

97. Л. Н. Павлящев. Из семейной хроники. «Историч. Вестн.» 1888 г., том 31, стр. 541—544. Отдельное издание: Л. Н. Павлящев. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М. 1890 г., стр. 100—101. Лев Сергеевич Пушкин в день 14-го декабря.

98. Воспоминания В. И. Панаева. «Вестник Европы», 1867 г., том 3—4. О 14 декабря, том 4, стр. 113—114.

99. Воспоминания Т. П. Пассек. «Русск. Стар.» 1873 г., март, стр. 293—294. В другой редакции: Из дальних лет. Воспоминания Т. П. Пассек, том I, Спб., 1878 г., стр. 195—196; то же: изд. А. Ф. Маркс, Спб., 1905 г., том I, стр. 178—179.

100. Воспоминания о декабристах П. И. Першина - Караксарского. «Историч. Вестн.» 1908 г., том 114, стр. 540—541. О 14 декабря со слов М. А. Бестужева,

101. Воспоминания О. А. Пржедлавского. «Русск. Старина» 1874 г., том 11, стр. 673—675. В извлечении: Н. А. Гастфрейнд. Побег и поимка Вильгельма Кюхельбекера. Спб. 1904 г., стр. 7—8.

102. Из воспоминаний И. А. Раевского. 1815—1830 г. «Историч. Вестник» 1905 г., том 101, стр. 401.

103. Записки гр. А. И. Рибоьера. С предисловием и примечаниями А. А. Васильчикова. «Русский Архив» 1877 г., кн. 2, стр. 15.

104. Я. И. Ростовцев. Отрывок из моей жизни 1825 и 1826 годов. Два документа из бумаг генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева. Сообщил Ф. П. Еленев. «Русск. Архив» 1873 г., кн. 1, стр. 474—475. Помещенное в этом сообщении письмо Я. И. Ростовцева к князю В. П. Оболенскому от 18-го ноября 1858 года в более полном виде напечатано в «Русск. Стар.» 1889 г., том 63, стр. 617 (см. в нашем указателе № 26).

105. Воспоминания кн. Сайн-Витгенштейн. «Историч. Журнал для Всех» 1908 г., кн. 2, стр. 516.

106. П. А. Витовтов. Воспоминания его дочери А. П. Салтыковой. «Русск. Архив» 1907 г., кн. 2, стр. 351. См. поправку М. К. Соколовского—там же, стр. 564.

107. Воспоминания Г. П. Самсонова. «Историч. Вестн.» 1901 г., том 86, О 14 декабря, стр. 924, 933. Отдельное издание. Спб. 1901 г.

108. Воспоминания В. И. Сафоновича. «Русск. Архив» 1903 г., кн. 1, стр. 335—337.

109. Записки Д. Н. Свербеева. 1799—1826 г., том 2. М. 1899 г. Приложение 3. Несколько слов о декабрьском мятеже 1825 г., стр. 418—436.

110. Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания К. С. Сербиновича 1802—1829. «Русская Старина» 1874 г., том 11, стр. 257—258.

111. Ф. Г. Солдцев. Моя жизнь и художественно-архологические труды. «Русск. Архив» 1876 г., том 15. О 14 декабря, стр. 320—322.

112. Кн. А. А. Суворов. Лейб-гвардии Кавалерийский полк 14 декабря 1825 г. «Русск. Стар.» 1881 г., том 30, январь, стр. 206—210. А. А. Суворов, участвовавший в подавлении восстания, осматривает сведения, сообщаемые кн. Н. С. Голицыным со слов

А. П. Башуцкого (см. № 62). Ответ кн. Н. С. Голицына. «Русск. Старина» 1881 г., том 30, февраль, стр. 449.

113. Н. О. Сухозанет. 14 декабря 1825 г. Отрывок из записок. «Русск. Старина» 1873 г., том 7, март, стр. 361—370.

114. Воспоминания Н. А. Титова. «Древняя и Новая Россия». 1878 г., том 3. О 14 декабря, стр. 277-278, 280—282.

115. Записки гр. Ф. П. Толстого. Воспоминания Т. П. Пассек. Изд. А. Ф. Маркса, том 2. Спб. 1908 г., стр. 373—375 (см. № 99).

116. Н. Г. Устрялов. Отрывки из воспоминаний о моей жизни. «Новое Время» 1872 г. № 31. То же: Древняя и Новая Россия 1877 г., том 1. Полностью: Н. Г. Устрялов. Воспоминания о моей жизни. «Древняя и Новая Россия» 1880 г., том 17, стр. 614—615.

117. Воспоминания А. М. Фадеева. «Русск. Архив» 1891 г., кн. 3, стр. 504. Отдельное издание. Одесса, 1897 г., часть 2, стр. 226. Суттоф в день 14 декабря.

118. 14 декабря 1825 г. Из записок генерал-лейтенанта В. И. Фелькнера. «Русск. Старина» 1870 г., том 2, стр. 135.

119. Записки сенатора К. И. Фишера. «Историч. Вестник» 1908 г., том 111. О 14 декабря, стр. 68.

120. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. «Историч. Вестник» 1898 г., том 71. О 14 декабря, стр. 53—54, 61.

121. Воспоминания И. Н. Шенита. «Русский Архив» 1880 г., кн. 3, стр. 299, 300.

122. Воспоминания И. А. Шестакова. Полвека ободной жизни. «Русск. Архив» 1873 г., кн. 1, стр. 193. Гвардейский экипаж 14 декабря. Контр-адмирал Качалов.

123. Воспоминания С. П. Шишова. 1790—1876. «Русск. Архив» 1878 г., кн. 2, стр. 144.

124. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, том 2. Берлин, 1870 г. О 14 декабря, стр. 274—275. То же: изд. Имп. Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М. 1868 г., стр. 110—111; изд. «Журнала Мини-

стерства Народного Просвещения». стр. 116—117.

125. Гр. С. Д. Шереметев. Граф Дмитрий Николаевич Шереметев. Спб. 1859, стр. 9—10.

126. Татьяна Васильевна Шлыкова. 1773—1863. Воспоминания гр. С. Д. Шереметева. «Русск. Архив» 1859 г., кн. 1, стр. 509.

127. Гр. С. Д. Шереметев. «Домашняя Старина». М. 1900. О 14 декабря. стр. 86—87.

128. Е. Ф. Юнге, урожд. графини Толстая. Воспоминания. 1843—1860 г. Изд. «Сфинкс», М. 1914 г., стр. 116.

129. Из воспоминаний Н. А. Энгельгардта. Морской кадетский корпус. 1822—1829 г. «Русск. Старина» 1884 г., том 41, стр. 376.

130. В. М. Капсаров. Схимонах Сергей (Семен Иванович Яновский и его записки). «Русск. Архив» 1912 г., кн. 1, стр. 567—570.

131. Старый Егерь. Двадцать пять лет лейб-гвардии в Егерском полку. 1824—1828 г. «Военный Сборник» 1877 г., кн. 1, стр. 196.

132. Из воспоминаний петербургского сторожика. Рассказ помощника квартального надзирателя, записанный Н. А. Благочестивским, под редакцией В. П. Батуринского. «Истор. Вестн.» 1904 г., январь, стр. 70—73. То же «Всемирный Вестник» 1907 г., № 1, стр. 96—115; Г. Василч. Междоусобица и восстание 1825 г. Ч. I. М. 1908 г., стр. 137—142.

133. Рассказ неизвестного очевидца событий в Петербурге 14 декабря 1825 года. Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина. Пятая часть. Изд. П. И. Щукина. М. 1899 г., стр. 243—244. То же: «Русск. Архив» 1899 г., кн. 2, стр. 290—291. Кроме того, см. С. Р. Минцлов. Обзор записок, дневников, воспоминаний и пр. Выпуск 2—3. Новгород, 1912 г., № 194: «Правдолюбивый». Лейпциг. 1 декабря 1862 г., № 10, стр. 80.

134. Рассказы П. Е. Анненковой, рожденной Geuble. «Русск. Старина» 1888 г., том 57, февраль, стр. 439. Отдельное издание: Записки жены декабриста П. Е. Анненковой. С портретами, иллюстрациями и приложениями. К-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Пгр. 1915 г. О 14 декабря, стр. 36—37.

135. (Кн. П. В. Долгоруков). Гавриил Степанович Батенков, некрологический очерк. «Листок», издаваемый кн. Петром Долгоруковым. Лондон. 22 декабря 1863 г., № 16, стр. 124. Об этом очерке см. «Листок» № 19. Лондон 28 апреля 1864 г., стр. 150.

136. (Н. И. Ореус). Гавриил Степанович Батенков. Историко-биографический очерк. «Русск. Старина» 1889 г., том 63, стр. 317—320.

137. Записки М. А. Бестужева. Schieppann, op. cit. S. 324—362. То же: Воспоминания братьев Бестужевых. Редакция П. Е. Щеголева. Изд. «Огни», Пгр. 1917 г. См. еще: «Полярная Звезда» на 1862 г., кн. 7, вып. 2, стр. 76—84. Г. Василч. Междоусобица и восстание 1825 г. Ч. II. М. 1908 г., стр. 97—136.

138. Записки Н. А. Бестужева. «Полярная Звезда» на 1862 г., кн. 7, вып. 1, стр. 1—7. «Историч. Вестник» 1904 г., том 96, апрель. То же: воспоминания братьев Бестужевых. Пгр. 1917 г., стр. 44—52.

139. Н. А. Бестужев. Воспоминания о Рылеве. «Полярная Звезда» на 1861 г., кн. 6, стр. 29—30. То же: Собрание сочинений К. Ф. Рылева. Его портреты и статьи: А. И. Герцена, Н. А. Бестужева, Г. Балицкого. М. 1906 г. Изд. «Библиотека декабристов», стр. 43—44; Воспоминания братьев Бестужевых. Пгр. 1917 г., стр. 32—41; Кондратий Федорович Рылев. Воспоминания Н. А. Бестужева. Изд. «Альциона». М. 1919 г., стр. 49—52. В издании П. И. Баргенева. «Деятельный век». том 1. М. 1872 г.) о 14 декабря опущено.

140. Н. Г. Мартынов. Судьба декабриста Петра Бестужева. «Исторический Вестник» 1880 г., том 1, стр. 222. П. А. Бестужев в день 14-го декабря.

141. В. Я. Богучарский. Семейство Бестужевых. Историко-литературный очерк. «Мир Божий». 1902 г., сентябрь, стр. 246—247, 252. См. также: В. Я. Богучарский. Из прошлого русского общества. Спб. 1904, стр. 31.

142. Записная книжка «Русск. Старина». Материалы и заметки. Декабристы: Бестужев, Брок, гр. Коновницын и Орджикши. «Русск. Старина» 1892 г., том 76, стр. 444, 445.

143. А. А. Титов. Александр Михайлович Булатов. «Русск. Старина»

1887 г., том 53, стр. 213—214. Рассказ А. М. Булатова, брата декабриста.

144. Д. Мережковский. Декабрист Булатов. «Невский Альманах». Изд. О-ва русских писателей для помощи жертвам войны. Том 1. П. 1915, стр. 52—53.

145. Воспоминания А. П. Беляева. «Русск. Старина» 1881 г., том 30, март, стр. 498—500. Отдельное издание: Изд. А. С. Суворина. Спб. 1882 г., стр. 166—175. Обзор содержания записок: «Русск. Вестник» 1882 г., июнь, том 159. О 14 декабря, стр. 910—912.

146. А. П. Беляев. К заметке барона А. Е. Розена. «Русск. Старина» 1881 г., том 30, стр. 454.

147. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста), с послесловием издателя кн. М. С. Волконского. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1902 г. О 14 декабря, стр. 440. Первое издание вышло в 1901 г. (Спб.). Обзор записок: М. Довнар-Запольского. «Журнал М-ва Народного Просвещения» 1902 г., апрель, стр. 467—482; В. К-в Декабрист Волконский. «Вестник Всемирной Истории» 1902 г., кн. 1, стр. 149—176; В. А. Тимирязев. Записки декабриста. «Ист. Вестник». 1902 г., книга 1. О записках Волконского см.: Сергей Волконский. О декабристах (по семейным воспоминаниям). Изд. «Начала». П. 1922 г., стр. 22, 114—115.

148. Записка статского советника Фениа Викентьевича Грабе-Горского. Из бумаг тайного советника М. М. Попова. «Деятельный Век» П. И. Баргенева, кн. 1. М. 1872 г. О 14 декабря, стр. 203—206. См. Записки Н. В. Басаргина. Изд. «Огни». П. 1917 г., стр. 217.

149. Письмо О. В. Горского. А. И. Дмитриев—Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. «Чтения в Импер. Обществе Истории и Древностей». 1895 г., кн. 4, стр. 107. Отдельно: М. 1895 г., 2-е издание. Спб., 1905 г., стр. 123.

150. Записки Д. И. Завалишина München. 1904, кн. 2, стр. 333—362. Русское издание, Спб. 1906 г.

151. Д. И. Завалишин. Заметка относительно степени доверия, какое можно иметь к «Воспоминаниям», «Запискам» и другим подобным материалам. «Древняя и Новая Россия»

1876 г., выпуск 10, стр. 212. Записки Греча. М. Кюхельбекер во время восстания.

152. Б. Л. Модзалевский. В. П. Зубков и его записки. «Пушкин и его современники», том 1, выпуск 4. Спб. 1906 г., стр. 90—156. О 14 декабря, стр. 117, 135, 147, 149, 151, 179, 181, 185, 186. Отдельное издание: Записки Василия Петровича Зубкова о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря 1825 г. О предисловием и примечаниями Б. Л. Модзалевского, с портретами и рисунками. Спб. 1906 г., стр. 28, 46, 58, 60, 62, 90, 92, 96, 97.

153. П. Е. Щеголев. П. Г. Каховский. «Былое» 1906 г., кн. 1 и 2. О 14 декабря, кн. 1, стр. 167; кн. 2, стр. 184—186. Отдельно: изд. «Альциона», М. 1919 г. Государственное Издательство. Пгр. 1921 г.

154. В. К. Кюхельбекер. 1797—1846. Биографическая заметка, собранная редакцией при содействии его семейства. «Русск. Старина» 1875 г., том 13. О 14 декабря, стр. 347—348.

155. Н. А. Котляревский. Вильгельм Карлович фон-Кюхельбекер. Соч. Пункина, под ред. С. А. Венгерова. Изд. Брокгауз-Ефрон, том 6. П. 1915 г., стр. 267—268.

156. Переписка в кн. Константина Павловича с Ф. П. Опочининым. 1816—1831 г. «Русск. Старина». 1873 г., том 7, стр. 468—470. В. К. Кюхельбекер в день 14-го декабря. Дело об аресте его.

157. Ю. В. Татищев. Из документов архива виленского генерал-губернаторства. Бегство и поимка В. К. Кюхельбекера. «Русск. Старина» 1909 г., том 140, стр. 84. Показание слуги Кюхельбекера Семена Титова.

158. А. Дунин. Новое о бегстве и поимке Кюхельбекера (по Московскому архиву). «Наша Старина». 1914 г., № 5, стр. 458—459.

159. Н. А. Гастфрейнд. Побег и поимка Вильгельма Кюхельбекера. «Всемирный Вестник» 1903 г., № 10, стр. 72—106. Отдельно: Побег и поимка Вильгельма Кюхельбекера. Печатается без пропусков «на правах рукописи» и не для продажи. Спб. 1904 г., 38 стр. О 14 декабря, стр. 3—7, 22, 25, 26.

160. Н. А. Гастрейнд. Кюхельбекер и Пушкин в день 14 декабря 1825 года. По письменным показаниям В. К. Кюхельбекера, данным следственной комиссии Верховного Уголовного Суда. Спб., 1901 г., 46 стр. То же: «Вестник Всемирной Истории» 1900 г., декабрь. Статья редакции журнала несколько сокращена.
161. Воспоминания кн. Е. П. Оболенского. «Будущность», Париж—Лейпциг, 1861 г., № 9—12. О 14 декабря; № 10—11, стр. 81. То же: «Русский Заграничный Сборник». Лейпциг, 1861 г., часть 4, тетрадь 5; *Mon exil en Sibirie. Souvenirs du prince Eugène Obolenski*. Leipzig, 1862, стр. 33—34; «Деятельный Вестник». П. И. Бартечева, кн. 1. М. 1872 г., стр. 325; «Всемирный Вестник» 1905 г., кн. 7, стр. 17—18; «Обществ. движ. в России, в первую половину XIX в.», том 1. Спб. 1905 г.; Полное собрание сочинений К. Ф. Рыльева, т. II. Изд. «Библиотеки Декабристов». М. 1907 г., стр. 35. Кроме того см. *Catalogue de la section des Russica etc Tome II*, р. 29. Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. Вып. IV. Воронеж 1908 г., стр. 70—71.
162. Воспоминания кн. Е. П. Оболенского. «Будущность». Париж, 1861 г., № 9—12. То же: «Русский Заграничный Сборник». Лейпциг, 1861 г., часть 4, тетрадь 5. *Mon exil en Sibirie. Souvenirs du prince Eugène Obolenski*. Leipzig, 1862, стр. 33—34; «Общественные движения в России в первую четверть XIX века», том I. Спб. 1905 г., стр. 249—250.
163. М. Головинский. Декабрист кн. Е. П. Оболенский и его незаданное письмо, и некоторые о нем сведения. «Историч. Вестник» 1890 г., т. 39. О 14 декабря, стр. 115—119.
164. В. А. Апушкин. Декабрист Е. П. Оболенский и его незаданное письмо к отцу. «Вестн. Всем. Истории» 1900 г., кн. 4, стр. 172.
165. А. Н. Сиротинин. Кн. А. И. Одоевский. Биографический очерк. «Историч. Вестник» 1883 г., том 12. О 14 декабря, стр. 403.
166. Н. Котляревский. Декабристы кн. А. Одоевский и А. Бестужев. Спб. 1907 г.
167. Очюнения кн. А. И. Одоевского с биографическим очерком и примечаниями, составленными М. Н. Мазаевым. Ежемесячное приложение к журналу «Север» за июль 1893 г., стр. VI—VII.
168. Записки И. И. Пущина «Записки Декабристов», выпуск 2. Лондон, 1863 г. То же: «Тайное Общество и 14-е декабря 1825 г. в России». Лейпциг, 1875 г., стр. 12—30; «Всемирный Вестник» 1903 г., кн. 6—7, стр. 234—240.
169. К. Я. Грот. Из лицейской старины. И. И. Пущин. «Историч. Вестник» 1905 г., том 101, стр. 428—429.
170. Декабрист в Сибири. Письмо И. И. Пущина к директору парксельского лицея Е. А. Энгельгардту. С предисловием Я. К. Грота. «Русск. Архив» 1879 г., кн. 3, стр. 473. То же: Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е Спб. 1899 г., стр. 181¹⁾. Труды Я. К. Грота, том 3. Спб. 1901 г. Отдел 2, стр. 181. Кюхельбекер во время восстания.
171. С. Я. Штрайх. И. И. Пущин. К 50-летию со дня смерти. «Одесские Новости», 3 апреля, 1909 г. № 7780.
172. Н. А. Гастрейнд. И. И. Пущин. Спб. 1913 г. Об этой книге см.: С. Я. Штрайх. Пасквиль на декабриста. «Голос Минувшего» 1913 г., кн. 6, стр. 310.
173. С. Я. Штрайх. Пущин и Пушкин. Соч. Пушкина, под ред. С. А. Венгерова. Изд. Брокгауз-Ефрон, том VI. Пгр. 1915 г., стр. 400.
174. Записки М. И. Пущина. «Русск. Архив». 1908 г., кн. 3. О 14 декабря, стр. 434—438.
175. Барон А. Е. Розен. Записки декабриста. 3 части в одной книге. С 8 видами и планом. Лейпциг 1870 г. То же: изд. т-ва «Общественная польза». Спб. 1907 г., 59—73. Приложено дело Розена и ряд его статей. В других изданиях. (М. 1899 г. и М. 1900), глава, посвященная восстанию 14-го декабря, опущена.

¹⁾ В первом издании 1881 г. (Сборник отделения русского языка и словесности Имп. Академии Наук, том 42 и отдельно): Письмо не напечатано.

176. А. Е. Розен. Иван Александрович Анненков. Некролог. «Русск. Старина» 1878 г., том 22, август, стр. 525. Перепечатано: А. Е. Розен. Записки декабриста. Спб. 1907 г., стр. 444.
177. Д. Кропотов. Несколько сведений о Рылееве. По поводу записок Греча. «Русск. Вестник» 1869 г., кн. 3, стр. 242.
178. Ф. Н. Глинка. Заметки о К. Ф. Рылееве. «Русск. Старина». 1871 г., том 3, стр. 244—246.
179. А. Н. Сиротинин. К. Ф. Рылеев. Биографический очерк. «Русск. Архив» 1890 г., кн. 2, стр. 176—178.
180. Сочинения К. Ф. Рыльева, изд. под редакцией М. Н. Мазаева. С биографическим очерком и примечаниями. Ежемесячное приложение к журналу «Север» за ноябрь 1893 г., Спб. 1893 г., стр. XV.
181. Н. А. Котляревский. К. Ф. Рылеев. «Полярная Звезда» 1906 г., № 7, стр. 477—478.
182. Н. А. Котляревский. Рылеев. Изд. «Светоч». Спб. 1908 г., стр. 162 и сл. См. также: Н. А. Котляревский. Литературная деятельность Рыльева. «Русское Богатство» 1905 г., кн. 7, стр. 60—64.
183. Показания К. Ф. Рыльева. Сборник «Из писем и показаний декабристов» под редакцией А. К. Бороздина. Спб. 1906 г., стр. 161—196.
184. В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рыльева. Киев, 1912 г., стр. 101. Оттиск из «Университетских Известий». 1911—1912 г.г.
185. П. Свистунов. Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событии 14 декабря и о декабристах. «Русск. Архив» 1870 г., стр. 1637. О 14 декабря, стр. 1642—1643, 1664—1667. Записки А. Е. Розена с П. Д. Якушкина.
186. По поводу записок И. Д. Якушкина и статьи о них П. Н. Свистунова. Ответ П. Н. Свистунова. «Русск. Архив» 1871 г., стр. 355.
187. В. Е. Якушкин. Заметки А. Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 г. «Былое» 1907 г., кн. 4, стр. 167—172. Критические заметки на полях книги Корфа.
188. Записки кн. С. П. Трубецкого. «Записки декабристов», выпуск 2. Лондон, 1863 г.; изд. Э. Л. Капрювич. Лейпциг, 1874 г.; изд. Г. Штейн-ница. Берлин, 1903 г.; изд. «Всемирного Вестника»—2-е. Спб. 1906 г.; издание его дочерей. Спб. 1906 г. О 14 декабря, стр. 36—40, 42, 46—47, 93—94. Последнее издание наиболее полно.
189. Кн. К. Э. Трубецкая. Сказания о роде князей Трубецких. М. 1891 г., стр. 276—279.
190. Показания кн. С. П. Трубецкого. М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906 г., стр. 304—333.
191. М. А. Фон-Визин. Обозрение проявлений политической жизни в России. Лейпциг, 1860 г. О 14 декабря, стр. 164—167. То же «Общественные движения в России в первую половину XIX века», том I. Спб. 1905 г., стр. 194. «Библиотека Декабристов», вып. IV. М. 1907 г., стр. 96—97; см. также: «Русская Старина» 1884 г., том 42, апрель—май.
192. Записки барона В. И. Штейнгеля. «Историч. Вестник» 1900 г., том 60, стр. 835—836. В другой редакции: «Общественные движения в России в первую половину XIX века», том I. Спб. 1905 г., стр. 436—438.
193. Записки И. Д. Якушкина. Часть III. «Русский Архив» 1870 г., стр. 1566—1633. О 14 декабря, стр. 1622, 1631—1632. Записки И. Д. Якушкина. О предисловии Е. Якушкина. Издание третье без перемен. М. 1905 г., часть III, стр. 181, 192. Записки И. Д. Якушкина. Полное, без выпусков, издание «Библиотеки Декабристов», вып. 7. М. 1908 г., стр. 153, 161—162.
194. С. В. Каминский. Декабрист П. Д. Якушкин. М. 1907 г., стр. 9—10.
195. М. Ф. Де-Пуле. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники. «Русский Вестник» 1875 г., том 118. О 14 декабря, кн. 8, стр. 577. Л.-гв. Гренадерский полк 14-го декабря. Сутгоф и Панов.
196. Кн. П. В. Долгоруков. Замечания на статью: «Неизвестные заговоры». «Свободное Слово». Том I. вып. 2. Берлин, 1862 г., стр. 112.
197. А. А. Лебедев. К закрытию масонских лож в России. «Русск. Старина» 1912 г., том 149, стр. 533.
198. В. Олин. Картина восьмилетия России, с 1825 по 1834 год. Спб. 1833 г., стр. 17—19.

199. И. В. Погоржанский. Четыре записки из жизни декабристов. «Историч. Вестник» 1916 г., том 143. О 14 декабря, стр. 157—168.
200. Г. Т. Подиков (Северцев). Быт петербургского купечества в 1820—1840 годах. «Историч. Вестн.» 1901 г., том 85. О 14 декабря, стр. 147—148.
201. О числе жертв 14 декабря 1825 г. Извлечение из записки чиновника 3-го отделения М. М. Попова «Конец и последствия бунта 14-го декабря 1825 г.». «Былое». 1907 г., кн. 3, стр. 192—199. См. «Морской Сборник» 1920 г. № 6—7, стр. 44.
202. Список 93-х лиц, обративших на себя внимание высшей полиции в 1827 году. Сообщил Н. К. Шильдер. «Русск. Стар.» 1855 г., том 48, стр. 397 (§ 16), 399—400 (§ 3 дополн.).
203. Декабристы. Бумаги о них, найденные М. К. Соколовским. Показания очевидцев. «Русск. Архив». 1905 г., кн. 2, стр. 310—323.
204. М. Соколовский. После грома побед. Русская гвардия в 1815—1834 гг. «Русск. Архив» 1906 г., кн. 3, стр. 555.
205. Отправление нижних чинов, участвовавших в происшествии 14 декабря, на Кавказ. Приказ по гвардейскому корпусу 17 февраля 1826 г. № 22. Сообщил М. Соколовский. «Русск. Архив» 1907 г., кн. 2, стр. 106.
206. С. С. Татищев. Водарение имп. Николая I. По неизвестным источникам парижского архива Министерства Иностранных Дел. «Русский Вестник», 1893 г., кн. 3—5. Донесения Ла-Феррона.
207. 14-го декабря в Патристическом Институте. «Русск. Старина». 1870 г., том 2, стр. 131.
208. Б. Ю. Полицейская характеристика офицеров 1-го П.майловского полка. «Русск. Стар.», 1906 г., том 128, стр. 707—709.
209. Кн. О. Бебутова. Декабристы. Большой исторический роман. СПб., 1906 г. О 14 декабря, стр. 174—201.
210. В. Я. Богучарский. День 14-го декабря 1825 г. в Петербурге. «Отечественная война и русское общество». Изд. т-ва Н. Д. Сытина, М., 1912 г., том 128, стр. 707—709.
211. Протоиерей Т. Буткевич. Религиозные убеждения декабристов. «Вера и Разум», 1899 г., № 22—23.

А. А. Бестужев в день 14-го декабря. № 23, стр. 719. Отдельное издание. Харьков, 1900 г., стр. 55.

212. Г. Василич. Междоусердие и восстание 1825 года. Исторический очерк. М., 1907 г., стр. 98—132. См. также: Г. Василич—Восшествие на престол Николая I («Разруха 1825 года»). Изд. т-во «Образование». М., 1909 г.

213. Н. А. Гастфрейнд. Декабристы во флоте. «Всемирный Вестник», 1903 г., № 6—7, стр. 300—303. Отдельно: СПб., 1903 г., стр. 1—3.

214. Декабристы, 86 портретов. Пояснительный биографический текст приват-доцента И. М. Головачева. М., 1906 г. О 14 декабря, фактические данные в статье об А. Бестужеве. А. Булатове, А. Беляеве, кн. Е. Оболенском, А. Якубовиче, кн. О. Трубецком.

215. М. В. Довнар-Запольский. Декабрьская революция 1825 г. «Голос Минувшего», 1917 г., кн. 7—8, стр. 16—46.

216. О. Кайданова. Декабристы. Ростов на Дону, 1906 г., 55 стр., О 14 декабря, стр. 42—44.

217. Барон М. Корф. Восшествие на престол императора Николая I. Издание 5-е. СПб., 1857 г. В предисловии автор сообщает библиографические сведения о книге; см. также: Н. А. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельск. лицей. том I, СПб. 1912 г., стр. 483. О книге Корфа, см.: «14 декабря и император Николай». Издано редакцией «Полярной Звезды» по поводу книги барона Корфа. Лондон, 1858 г. Библиографию помещенных в этом сборнике письма Герцена к Александру II и предисловия см. А. И. Герцен. Полное собрание сочинений под редакцией М. К. Лемке. Том 9, Пгр. 1919 г., стр. 564, 585. Статья «Разбор книги Корфа», подписанная инициалами Р. Ч., несомненно принадлежит Н. П. Огареву. Д. Тихомиров сообщает ряд других статей Н. П. Огарева, помещенных в «Колоколе» и «Полярной Звезде» за 1856—1858 гг. и подписанных теми же инициалами. См. Д. Тихомиров. Материалы для библиографического указателя произведений Николая Платоновича Огарева и литературы о нем. «Известия Отделения русск. языка и сло-

вности Импер. Академии Наук» 1907 г., том 12, кн. 4, стр. 366—368. См. еще письмо Огарева, напечатанное в вышеуказанном издании сочинений Герцена, том, IX, стр. 128; Вольная русская печать в Российской Публичной Библиотеке. П. 1920 г., стр. 79; «Европеец», № 10, Дрезден, 7 июня 1864 г., стр. 39; («Студенческие волнения в Москве в 1861 г.»); «Колокол», 1858 г. № 9, стр. 68; № 14, стр. 116; № 15, стр. 122.

218. Кирик Левин. Декабристы. История вооруженного восстания 14-го декабря 1825 г. М., 1906 г., стр. 35—38; 2-е, переработанное издание ВЦИК. М., 1918 г., стр. 28—31; 3-е переработанное издание «Пролетарий», Харьков 1923 г., стр. 43—47. Украинский перевод. Кирик Левин. Декабристы. История зорьданого восстания 14 грудня 1825 року. Державне Видавництво України 1924 г., стр. 25—27.

219. «История России в XIX веке». Изд. бр. Гранат) М., 1907 г. Глава 3. К. Н. Левин и М. Н. Покровский. Декабристы, стр. 119—129. См. следующие рецензии, содержащие ряд фактических указаний: М. Ольминского «Современный Мир» 1908 г., кн. I, стр. 137; Ю. Готье «Критическое Обозрение» 1908 г., кн. I, стр. 49; А. Кизенеттера «Русская Мысль» 1908 г., кн. I и V. Ответ М. Н. Покровского: сборник «О веяниях времени», СПб. 1908 г. Изложение статьи К. Н. Левина и М. Н. Покровского: И. И. Ясинский. «Правда о декабристах» «Исторический Журнал для всех», 1909 г., том III. О 14 декабря, стр. 112—118.

220. Д. С. Мережковский. Первенцы свободы: История восстания 14-го декабря 1825 г., «Нива», 1917 г., № 16—17. Отдельное издание: «Народная Власть». Пгр. 1917 г.

221. Н. П. Павлов-Сильванский. Возмущение декабристов на Сенатской площади. «Историко-Революционный Альманах», Изд. «Шиповник». Под общей редакцией В. Бурцева, СПб. 1907 г., стр. 371—375. То же: «Календарь русской революции». Редакция В. Л. Буравцева. Пгр. 1917 г., стр. 315—319. Статья переведена (в извлечении) на украинский язык. Н. П. Павлов-Сильванский Павло Иванович Пестель. Вступ і переклад Евг.

Григорука. Державне Видавництво — Київ 1921, стр. VIII—X. См. также: Н. П. Павлов-Сильванский. Пестель перед Верховным Уголовным судом. «Былое» 1906 г., кн. II, стр. 127—128. В отдельном издании (Ростов на Дону 1907 г.) опущено.

222. Г. В. Плеханов. 14 декабря 1825 г. Речь, произнесенная на русском собрании в Женеве 14 декабря 1900 г. «Заря» 1901 г., № 1. То же: изд. «Библиотека для всех». О. Н. Рутенберг. СПб. 1906 г.; Государственное Издательство. Пгр. 1921 г.; Г. В. Плеханов. Очерки по истории русской общественной мысли XIX в. Изд. «Прибой». Пгр. 1923 г., стр. 5.

223. М. А. Полиевктов. Родоначальники русской революции—декабристы. Изд. Н. П. Карбасникова. Пгр. 1917 г. О 14 декабря, стр. 23—25.

224. А. Пресняков. Декабристы. «Полярная Звезда» 1905 г., кн. I, стр. 55—56.

225. Н. П. Столянский. Декабристы в современной им русской литературе. «Вестник Всемирной Истории», 1901 г., кн. 8, стр. 85.

226. Тверская. Царствование Александра I и восстание декабристов. СПб. 1907 г., стр. 75—77.

227. В. Е. Якушкин. Декабристы, кто они были и чего хотели. СПб. 1906 г. Издание. «Народное Право», стр. 25—26. То же: М., 1917 г.

228. В. Я. Уланов. Тайные Общества и 14 декабря 1825 г. «Три века». Историч. сборник под редакцией В. В. Калаша. Изд. И. Д. Сытина. Том V. М., 1913 г., стр. 279—280.

229. 14 декабря. Заметка. «Исторический Журнал для всех», 1908 г., кн. 5, стр. 473. Причины неудачи восстания.

230. В. А. Абаза. История лейб-гвардии конной артиллерии. СПб. 1896 г., стр. 72.

231. А. Н. Андронников и В. П. Федоров. Прохождение службы по военному ведомству. «Столетие военного Министерства». Главный Штаб. Книга 1, Отдел 3. СПб. 1912 г. О 14 декабря, стр. 249, 264, 278, 295, 299, 303, 361, 397.

232. И. В. Анненков. История 1-го Конного полка 1731—1884 г. СПб. 1849 г. О 14 декабря: часть I, стр. 267—270, часть III, стр. 78. См. М. И. Семевский. Полковые историко-

- графы. «Русский Вестник». 1860 г. май, стр. 277.
223. А. Волькенштейн. История л.-гв. Салерного батальона. 1812—1852 г.г. Спб. 1852 г., стр. 14—18. Второе издание: «История л.-гв. Салерного батальона». 1812—1876. Спб. 1879 г., том I.
224. П. Воронов, и В. Бутовский. История л.-гв. Павловского полка. Спб. 1875 г., стр. 272—280. Второе издание: «История л.-гв. Павловского полка». 1790—1890, том I. Спб. 1890 г.
225. Гоувальт. История л.-гв. Павловского полка. Спб. 1852 г., стр. 175—179.
226. П. Дирин. История л.-гв. Семеновского полка. Спб. 1883 г. О 14 декабря, том II, стр. 134—136.
227. История л.-гв. Егерского полка за сто лет. 1796—1896. Составлена по архивным и другим источникам офицерами л.-гв. Егерского полка Спб. 1896 г. Глава 7. Б. В. Геруа. В Петербурге и походах с 1815 по 1828 г. О 14 декабря стр. 192—193.
228. Н. М. Затворницкий. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии Военного Министерства с 1802 по 1902 г. включительно. «Столетие Военного Министерства». Отдел 5. Спб. 1909 г., О 14 декабря, стр. 170, 516, 526, 884, 906.
229. Н. М. Затворницкий. Военные министры и главноуправляющие войскою частью в России с 1701 по 1910 год. «Столетие Военного Министерства», том III, отдел 6, Спб. 1911 г., стр. 214—215.
240. Н. Эпско-Боровский. История лейб-гвардии Измайловского полка. Спб. 1852 г.
241. Историческое обозрение л.-гв. Измайловского полка. 1730—1850. Спб. 1850 г., стр. 250—251.
242. История л.-гв. Казачьего его величества полка. Составлена офицерами полка. Спб. 1876 г., стр. 332.
243. В. В. Квадри и В. К. Шенк. История государственной свиты. Царствование императора Николая I. «Столетие Военного Министерства» 1802—1902. Императорская Главная Квартира. Спб. 1908 г., стр. 175—191, 199—208. Послужной список Николая I, стр. 76—79 (приложенна).

244. В. Мамышев. Жизнеописание русских военных деятелей. Том I, выпуск 2. Спб. 1886 г., стр. 17—20. Я. И. Ростовцев, том I, выпуск 4. Спб. 1887 г., стр. 159—194. М. А. Милорадович.
245. К. Мапзей. История л.-гв. Гусарского его величества полка. 1775—1857. Спб. 1859 г., часть I, стр. 192—193; часть 4, стр. 99—100.
246. М. Ковалевский. Л.-гв. Драгунский полк. Пятдесят лет существования л.-гв. Драгунского полка. Новгород 1870 г., стр. 38.
247. Граф. Г. А. Милорадович. Список лиц свиты их величеств с царствования имп. Петра I по 1886 г. Киев 1886 г., стр. 109.
248. В. кн. Николай Михайлович. Военная галерея 1812 года. Спб. 1912 г., стр. 22, 29, 64, 72, 137, 154, 239, 268, 271.
249. В. кн. Николай Михайлович. Генерал-адъютанты императора Александра I. Спб. 1913 г. О 14 декабря, стр. 38, 42, 141, 144, 161, 166, 167, 170, 176.
250. С. Панчулидзе. История кавалергардов. Том 4. Спб. 1912 г., стр. 25—31.
251. Сборник биографий кавалергардов 1801—1826. Составлен под редакцией С. Панчулидзева. Спб. 1906 г., стр. 98, 143, 219, 259, 320, 324, 333, 342, 343, 345, 366, 368, 372, 373, 383, 395, 391, 398, 399.
252. Сборник биографий кавалергардов. 1826—1908. Составлен под редакцией С. Панчулидзева. Спб. 1908 г., стр. 1—2, 5—6, 24, 27, 401.
253. Краткая история Кавалергардского его величества полка. Спб. 1832 г. О 14 декабря, стр. 34—35.
254. Петровская бригада. Полки л.-гв. Преображенский и Семеновский 1683—1853. «Русск. Старина» 1883 г., том 38, стр. 271.
255. П. Потоцкий. История гвардейской артиллерии. Спб. 1806 г., стр. 340—341.
256. В. Потто. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823—1873 г. Спб. 1873 г., стр. 44.
257. Ф. Ростовский. История Л.-гв. Финляндского полка. Отдел I, 1806—1831. Спб. 1881 г., стр. 282—290.

258. М. И. С [емевский]. Л.-гв. Павловский полк. 1790—1890 «Русск. Старина» 1890 г., том 66, стр. 489.
259. Барон К. Штагелберг. Полтора века южной гвардии. 1730—1880. Спб. 1881 г., стр. 59—65.
260. С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование. Изд. А. С. Суворина. Том I. Спб. 1903 г., стр. 7—8; 2-ое издание. Спб. 1911 г. Ом, также статью того же автора в Русском Биографическом Словаре, том I. Спб. 1896 г., стр. 287.
261. Д. А. Арбузов. Алексей Федорович Арбузов. К воспоминаниям генерал-лейтенанта М. А. Маркова о службе в л.-гв. Павловском полку. 1796—1861. «Русск. Старина» 1891 г., том 70, стр. 681—694.
262. П. Л. Юдин. Судьба князей Багратион-Имеретинских в России. «Русск. Архив» 1897 г., кн. 3, стр. 303.
263. М. Маркс. М. В. Буташевич-Петрашевский. «Русск. Старина» 1889 г., том 62, стр. 476.
264. Некролог генерала-от-кавалерии барона Велло, «Военный Сборник» 1867 г., кн. 10, стр. 151.
265. Н. К. Шильдер. Вильгельм I император германский в бытность его принцем прусским в 1821—1833 г. «Русск. Старина» 1888 г., том 58, стр. 192.
266. Н. Барсуков. Кн. Вяземский и Пушкин. «Старина и Новизна», кн. 8. М. 1904 г., стр. 48, примечание (о Н. А. Мухомове).
267. Ю. В. Толстой. Очерк жизни и службы Е. А. Головина. Сборник «Деятельный Век» П. И. Баргенева. М. 1872 г., кн. I. О 14 декабря, стр. 10—11.
268. А. П. Мальшинский. Головин и Татищев. «Историч. Вестник» 1898 г., том 65. О 14 декабря, стр. 656.
269. [Кн. П. В. Долгоруков] Петербургские очерки. Кн. В. А. Долгоруков. «Листок», издаваемый кн. Петром Долгоруковым». № 5. Брюссель 1863 г., стр. 35.
270. А. Д. Ивановский. Памяти высокопреосвященного Евгения, митрополита Киевского. «Журнал Министерства Народного Просвещения» 1867 г., часть 136, декабрь. О восстании 14-го декабря; стр. 728—729.
271. А. Д. Ивановский. Высокопреосвященный Евгений, митрополит Киевский и Галицкий. Сборник материалов для биографии митрополита Евгения, изданный в память столетнего юбилея его рождения. 18 декабря 1767—1867. Спб. 1871 г. О 14 декабря, стр. 92—93.
272. В. кн. Елена Павловна. Очерк ее жизнеописанию. «Русск. Старина» 1882 г., том 33, стр. 794.
273. В. кн. Николай Михайлович. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. том. 3. Спб. 1909 г. О 14 декабря, стр. 510.
274. К. Н. Бестужев-Рюмин. Николай Михайлович Карамзин. Очерк жизни и деятельности. Спб. 1895 г., стр. 16. (Отгис из Русского Биографического Словаря).
275. Граф Е. Е. Комаровский. «Русск. Архив» 1896 г., кн. 2. О 14 декабря, стр. 409.
276. Я. И. Костенецкий. Василий Григорьевич Костенецкий. 1780—1831. «Русск. Старина» 1875 г., кн. 12, стр. 707.
277. Г. П. Анненков. Карл Карлович Мердер, воспитатель императора Александра Николаевича. «Историч. Вестник» 1898 г., том 74. О 14 декабря, стр. 594.
278. М. И. Семевский. Граф Михаил Андреевич Милорадович. 1770—1825 г. Материалы для его биографии. «Военный Сборник» 1869 г., кн. 10, стр. 189—190.
279. Гр. Г. [Милорадович]. Граф Михаил Андреевич Милорадович. Полтава. 1887 г., стр. 23.
280. Анекдоты графа Милорадовича М. 1893 г. О 14 декабря, стр. 87—88, 91—92, 129—132, 139, 140, 143.
281. Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича. Собранные графом (Г. А.) (Милорадовичем). Изд. В. А. Березовского СПб. 1886 г., стр. 71—76, 119—123, 153. Рассказ А. П. Башуцкого, привожденный гр. Милорадовичем, перепечатан во «Всемирн. Вестнике», 1903 г., № 2, стр. 173—175. См. в нашем списке № 43.
282. Памятная книга графа Милорадовича. Спб. 1888 г. 14 декабря.
283. М. С. Лалаев. Очерк жизни и деятельности в бое почитаемого в кн. Михаила Павловича. К столетию

283. День его рождения. 1798—1898. Спб. 1898 г., стр. 17—19.

284. Н. Н. Божерянов. Памяти в. кн. Михаила Павловича. 1798—1898. «Русск. Старина» 1898 г., том 93, стр. 408—409. Отдельное издание: Н. Н. Божерянов. Первый государственный генерал-фельдцейхмейстер в. кн. Михаил Павлович. Спб. 1898 г., стр. 64—67.

285. Последняя дань благоговения к незабвенной памяти в бозе почившего государя в. кн. Михаила Павловича и воспоминания о пятидесятилетнем юбилее его императорского высочества как генерал-фельдцейхмейстера, бывшем 28 января 1848 года. Спб. 1849 г., стр. 7, 44—45.

286. [Кн. П. В. Долгоруков] Михаил Николаевич Муравьев, биографический очерк. «Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым». № 13. Лондон. 20 октября 1863 г., стр. 103.

287. Н. К. Шильдер. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. С 252 иллюстрациями. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1903 г., том I, стр. 281—322. Обзоры содержания первого тома: П. Е. Шеголев. Император Николай I (1796—1825) «Историч. Вестник» 1903 г., том 93, июль, стр. 94—130. См. также «Мир Божий» 1903 г., август. Отдел 2, стр. 99—105. С. Смирнов. Молодость Императора Николая I. «Новое Время» 1903 г. № 9758, 9772 и «Южные Записки» 1903 г. № 19.

288. К. Н. Ярош. Император Николай Павлович. Биографический очерк. Харьков. 1890 г. 0 14 декабря, стр. 8.

289. П. [К. М. Плавинский]. Император Николай I. Историческая его характеристика. «Русск. Старина» 1903 г., том 116, стр. 295.

290. Император Николай Первый. О портрете. Издание постоянной Комиссии по устройству народных чтений. Спб. 1893 г., стр. 4—5.

291. Н. Ф. [Дубровин]. Несколько слов в память императора Николая I. «Русск. Старина» 1896 г., том 86, стр. 449. 0 14 декабря, стр. 457—459.

292. Р. Зотов. Исторические очерки царствования императора Николая I. Спб., 1859 г. 0 14 декабря, стр. 8—11.

293. Н. Устрялов. Историческое обозрение царствования государя

императора Николая I. Спб. 1847 г. 0 14 декабря, стр. 18—19. То же: Н. Устрялов. Русская история. Изд. 5-ое. Часть 2-я. Новая История. Спб. 1855 г., стр. 412—413. Переводы. N. Ustrialow. Historische übersicht der Regierung Kaiser Nicolaus I. Aus dem russischen übersetzt von A. Andrejanoff. Mitau und Leipzig. 1855, стр. 8—10; Przeglad historyczny panowania najjasniejszego cesarza Mikolaja I. Przez M. Ustrzawa. Warszawa 1847, стр. 8—10.

294. Император Николай I и краткий обзор событий его царствования. Изд. Училищного совета при святейшем синоде. Спб. 1899 г. 0 14 декабря, стр. 17—18. Статья М. Хитрово.

295. М. С. Лалаев. Император Николай I, зиндатель русской школы. Спб. 1896 г., стр. 31—33.

296. С. Вародель. Император Николай I в донесении шведского посланника. «Русск. Старина» 1903 г., том 116. 0 14 декабря, стр. 207.

297. Граф В. А. Перовский. «Русск. Архив». 1878 г., кн. I, стр. 374.

298. П. Савьянов. Адмирал, сенатор Семен Афанасьевич Пустошкин. Спб. 1853 г., стр. 58.

299. П. [К. М. Плавинский]. Софья Петровна Свечина. «Русск. Старина» 1900 г., том 104, стр. 416.

300. А. И. Веригин. Кн. А. А. Суворов. «Русск. Старина» 1882 г., том 33, стр. 828—829.

301. Федор Сергеевич Чернышев. 1805—1869. «Русск. Старина» 1872 г., том 6, стран. 223.

302. Е. Ястребцев. Гр. Д. Н. Шереметев. Русский Биографический Словарь. Спб. 1911 г., стр. 165.

303. С. Предстоящий юбилей С. П. Шипова. «Московские Ведомости» 1875 г., 2 июля, № 167, стр. 3.

304. В. Бурцев. За сто лет (1800—1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России. London 1897 г., часть 2. 0 14 декабря, стр. 12.

305. Д. Гизетти. От декабристов до наших дней. Сто лет борьбы за свободу. П. 1917 г. Изд. С. Нонина («Библиотека-копейка»), стр. 10.

306. В. В. Глиньский. Борьба за конституцию. — «Историч. Вестник» 1906 г., том 103. 0 14 декабря, стр.

996—1008. Отдельное издание: Спб. 1906 г., стр. 242—265.

307. А. Корнилов. Русская история в XIX веке. Лекции, читанные на экономическом отделении петербургского политехнического института. Спб. 1910 г., стр. 209—211. См. также: Курс истории России XIX века. М. 1912 г., ч. II, стр. 5—7 (второе издание: М. 1918 г.).

308. П. Кропоткин. Идеалы и действительность в русской литературе. Спб. 1907 г., стр. 42.

309. Л. Кульчицкий (Мазовецкий). История русского революционного движения. О портретами русских революционных деятелей. Перевод с рукописи, переработанной автором для русского издания Л. Б.—ского. Спб. 1908 г., том 1, стр. 121—129. См. рецензии: Иванова-Разумника. «Кригическое Обозрение» 1907 г., кн. 5; В. Богоурского. Неудачный опыт истории русской революции. «Русская Мысль» 1911 г., кн. 10.

310. В. В. Луневич. Борьба за право и свободу в России. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1908 г., часть 1, стр. 27—29. То же: П. 1919 г.

311. А. В. Петричев. Триста лет. 1606—1906. Спб. 1906 г. 0 14 декабря, стр. 53.

312. М. Н. Покровский (при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева). Русская история с древнейших времен. Изд. т-ва «Мир», том 4, стр. 326—331. До 1923 г. вышло 5 изданий. Текст главы, посвященной восстанию 14-го декабря, заменен не был.

313. Записки по истории революционного движения в России (до 1913 года). Не подлежит оглашению. Составил отдельного корпуса жандармов подполк. Рожанов. Издание департамента полиции. Спб. 1913 г., стр. 33—34.

314. Марк Слоним. История русской революции. (От декабристов до наших дней). Изд. М. С. Козмана. Одесса. 1917 г., стр. 19—20.

315. Е. Сельский. По пути к свободе. Главнейшие моменты развития социалистической мысли в России. (С декабристов по наше время). М. 1907 г., стр. 12—13.

316. А. И. Стеблев. Очерк культурной истории России в XIX веке. М. 1910 г. 0 14 декабря, стр. 131—133.

317. С. Г. Сватиков. Общественные движения в России. Ростов-на-Дону 1905 г. 2 тома: 0 14 декабря, том 1, стр. 186—187.

318. Кошкин Цилиакус. Революционная Россия. Возникновение и развитие революционного движения в России. Перевод с немецкого К. Жихаревой. Изд. В. П. Яковенко. Спб. 1906 г. 0 14 декабря, стр. 11—12.

319. А. С. Швецов. Исторический обзор царствования государей из дома Романовых. «Россия в ее прошлом и настоящем». М. 1916 г., стр. 97.

320. Л. Шишко. Рассказы из русской истории. Ростов-на-Дону. 1906 г. Часть 2-я, стр. 98. Есть несколько других изданий.

321. В. Е. Якушкин. Государственная власть и проекты реформы в России. С приложением проекта конституции Никиты Муравьева. Спб. 1906 г., стр. 103.

322. В. А. Абаза. Взгляд на революционное движение в Европе с 1815 по 1848 г. «Русск. Архив» 1887 г., кн. 2, стр. 91.

323. В. В. Андреев. Представители власти в России после Петра I. Спб. 1870 г., стр. 81—84.

324. Вантши-Камениский. Словарь достопамятных людей русской земли. Спб. 1847 г., часть 2, стр. 6; часть 3, стр. 250—251.

325. И. Н. Божерянов. Невский проспект. Культурно-исторический очерк двухвековой жизни С.-Петербурга. Изд. А. И. Вильборга. Спб. 1902—1903 г., том 2, стр. 381—386.

326. Елан. Русские императоры, кавалеры ордена св. Георгия. «Наша Старина» 1915 г. № 5, стр. 469.

327. Галерея шликсельбургских узников под редакцией Н. Ф. Анненского, В. Я. Богоузарского, В. П. Семеновского и П. Ф. Якубовича. Часть 1. Спб. 1907 г., стр. 5—6, 11—12, 14.

328. Н. Гастфрейд. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицее. Материалы для словаря лицестов первого курса 1811—1817 г., том 1. Спб. 1912 г. 0 14 декабря, стр. VI, 49, 163, 310.

329. И. И. Игнатович. Крестьянские волнения в первый год царствования имп. Николая I. «Русское Богатство» 1912 г. № 6, стр. 99—100, 126.

330. П. П. Каратыгин. «Северная Пчела» Историко-литературный

очерк Русск. Архив 1882 г., кн. 2., стр. 260—262.

331. Д. Кобеко. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843 г. Спб. 1911 г., стр. 242—248. «Русск. Архив» 1882 г., кн. 2. О 14 декабря, стр. 260—262.

332. Н. С. Лесков. Кадетский монастырь. Из рассказов о трех праведниках. «Историч. Вестник» 1880 г. том 1. О 14 декабря, стр. 117—119. См. также собрания его сочинений. Об этом рассказе: А. И. Фаресов. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения; полемика и воспоминания о нем. Спб. 1904 г., стр. 169—170, 185, 361; И. А. Шлякин. К биографии Н. С. Лескова. «Русск. Старина» 1895 г., том 84, стр. 211.

333. Гр. Милорадович. Материалы для истории пажеского корпуса. 1711—1875. Киев. 1876 г., стр. 159.

334. Д. Л. Мордочев. Один из Лже-Константинов. Материалы для характеристики народных движений. — «Отечественные Записки». 1869 г., том V, октябрь, стр. 399. О 14 декабря. Стр. 401, 419—421. То же: «История Пропшлей» т. 2, стр. 506—507; «Полит. движения русского народа» т. 2. Спб. 1871 г., стр. 159—162.

335. В. кн. Николай Михайлович. Русские портреты XVIII и XIX вв., том 1, стр. 103, 183; том 2, стр. 40, 46, 69, 90; том 3, стр. 132, 202; том 4, стр. 35.

336. Д. К. Петров. Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россети. Спб. 1909 г., стр. 82. Испанское революционное движение и восстание 14 декабря, стр. 47—76.

337. Я. П. Полонский. Признания Сергея Чалыгина. Роман. Полное собрание сочинений, том V. Спб. 1886 г. О 14 декабря, стр. 275—289. См. также: «Литературная Библиотека» 1867 г., кн. 3—6, 8, 12; сочинения Я. П. Полонского, изд. М. Вольфа. Спб. 1869—1870 г., том IV; сборник «Снопы». Стихи и проза. Спб. 1871 г.; отдельное издание: Спб. 1888 г.

338. А. И. Савельев. Исторический очерк инженерного управления в России. Часть 3, Спб. 1894 г., стр. 106.

339. В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России. Том I, Спб. 1888 г., стр. 510. Крепостное право в азиатских декабристов.

340. Е. В. Тарле. Самодержавие Николая I и французское общественное мнение. «Былое», 1906 г., кн. 9, стр. 16—17.

341. Гр. С. Д. Толь. Массонское действие. Исторический очерк о заговоре декабристов. О иллюстрациях. Спб. 1914 г. О 14 декабря, стр. 98—123 в passim. См. рец. В. Семевского «Гол. Мин.» 1914 г., кн. 7, стр. 291.

342. О. фон-Фрейман. Пажи за 185 лет. Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г.г. Фридрихсгамм 1898 г. О 14 декабря, стр. 80, 155, 160, 194, 196, 199, 226, 230.

343. Собрание стихотворений декабристов. Изд. И. И. Фомина, М. 1906—1907 г. О 14 декабря, том I, стр. 40—41, 55—58, 198, 239—240; том II, стр. 9.

344. Е. С. Шумиторовский. Чистосердечное признание. Из сказаний о 14-м декабря 1825 г. «Историч. Вестник» 1917 г., том 147, стр. 1—6.

345. П. Е. Щеголев. Благоразумные советы из крепости. По неизвестным материалам. «Современник» 1913 г., кн. 2—3. Перепечатано в книге: П. Е. Щеголев. Декабристы. Пр. 1920 г., стр. 28.

346. Ancelot. Six mois en Russie. Bruxelles 1827; p. 135—139. Есть ряд других изданий, см.: Bibliothèque Impériale Publique de St.-Petersbourg. Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères. Tome I St.-Petersbourg 1873, p. 35. Отзывы об этой книге: кн. П. А. Вяземский. Сочинения том I, стр. 232, 245. Я. Н. Толстой. Six mois suffisent—ils pour connaître un pays, ou observations sur l'ouvrage de M. Ancelot, intitulé: Six mois en Russie. Paris 1827.

347. Souvenirs du baron de Barante 1782—1866. Publiés par son petit-fils Claude de Barante. Tome 3. Paris. 1893, p. 309.

348. Autobiographie des Generalen der Infanterie Gregor von Berg. Dresden 1871. О 14 декабря, стр. 357.

349. Marquis de Custine. La Russie en 1839. Ed. 2. 2 Bruxelles 1844, p. 32—33. Книга Кюстина на французском языке выдержала десять изданий и переведена на немецкий, английский и датский языки. См. Catalogue de la section des Russica t. I, p. 266. Русские издания: «Русская Старина» 1891 г., том 69 и 1892 г., том 73; «Николаевская эпоха». Воспоминания маркиза де-Кюстина. С приложением дневника А. О. Смирновой. М. 1910 г. Книжке Кюстина посвя-

щено огромное количество книг, брошюр и статей. См. напр.: [Labensky]. Un mot sur l'ouvrage de M. de Custine, intitulé: La Russie en 1839. Par un Russe. Ed. 2 Paris 1843; [Rudolph]. Noch etwas über Russland in Beziehung auf Custine und dessen Widerlegung. Leipzig 1844; о некоторых других отзывах см. Н. К. Шильдер. Немец и француз в залах своих о России в 1839 г. «Русск. Старина» 1886 г. том 51, стр. 21—22; Б. Л. Модзалевский. Яков Николаевич Толстой. «Русск. Старина» 1899 г. октябрь, стр. 194—195 (есть отдельное издание).

350. Victor Duret. Un portrait russe. L'oeuvre et „Le livre d'une femme“ de M-me Bagréeff—Spéranski. Leipzig—St.-Petersbourg 1867, p. 15—16.

351. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Berlin. V. I. 1891 S. 7—8, 18. Русский перевод: Заметки фон-Герлаха о пребывании в Петербурге с 18-го января по 8-е апреля 1826 г. Сообщил И. И. Ореус. «Русск. Старина» 1892 г., том 73, стр. 367, 377.

352. Fürst Alexander Nicolajewitsch, Galitzin und seine Zeit. Aus den Erlebnissen des Geheimraths Peter von Goetze. Leipzig 1882. S. 356—376. Обзор содержания книги: Е. П. Карнович. Кн. А. Н. Голицын и его время. «Историч. Вестник» 1882 г., май, стр. 264—266. Перепечатано в книге: Е. П. Карнович. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. Изд. А. С. Суворина, Спб. 1884 г. Стр. 441—520; «Русский Вестник» 1881 г., декабрь.

353. A. B. Granville. St.-Petersbourg. A journal of travels to and from that capital. Vol. II London 1828, p. 480—485. Другие издания этой книги см. Catalogue de la section des Russica. Tome I, p. 480.

354. Die Revolte am 14 Dezember 1825. Aufzeichnung des Eskadronscheffs der ersten, sog. Leibeskadron des Chevalier Garde—Regiments, Moritz Reinhold von Grünevaldt. Aus dem als Manuscript gedruckten Buch: Vier Söhne eines Hauses. Leipzig 1900. Shiemann, op. cit. S. 211.

355. I. Heilmann. Feldmarschall Fürst Wrede. Leipzig 1881. S. 458—459.

356. Die nachgelassene Correspondenz zwischen dem Herzog Eugen von Württemberg und dem Chef seines Stabes während der Kriegsjahre von 1813 und 1814 von Hofmann, sowie ein skizzirtes Lebensbild des Letzteren

von A. von Hofmann—Chappuis. Caastatt 1883. S. 24.

357. Wspomnienia jeneral. Klemensa Kolarczkowskiego, Ksiega 3 od roku 1820 do 1830. Krakow 1900. О 14 декабря, стр. 84—85.

358. Robert Lee: The last days of Alexander, and the first days of Nicholas, (Emperors of Russia): 2-d ed. London 1854. О 14 декабря, стр. 67—69, 82, 104.

359. Prince Joseph Lubomirski. Souvenirs d'un page du Tzar Nicolas Paris 1869. Великий князь Михаил Павлович 14 декабря, стр. 27—32.

360. Mémoires du maréchal Marmont duc de Raguse de 1792 à 1841. Tome 8, Paris 1857, p. 13—17.

361. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich. Tome 4, Paris 1881, p. 271—272, 307—312. Обзор четвертого тома: «Историч. Вестник» 1881 г. июнь; см. также В. К. Надлер. Меттерних и европейская реакция. Харьков, 1882 г., стр. 192; «Русский Вестн.» 1881 г., апрель.

362. Mémoires du comte de Moriolles sur l'émigration, la Pologne et la cour du grand duc Constantin 1789—1833. Précédés d'une introduction par F. Masson. 2-me ed. Paris 1902, p. 244. Русский перевод: Записки гр. Морюлля. «Историч. Вестник» 1909 г., том 117, стр. 835, 837. Краткий обзор: «Русск. Старина» 1902 г. август—сентябрь.

363. Georg Herbert Graf zu Münster. Politische Skizzen über die Lage Europas vom Wiener Congress bis zur Gegenwart 1815—1867 Leipzig 1867. S. 38—40.

364. Briefe des Königl. Preuss. Staatsministers K. F. v. Nagler an einem Staatsbeamten. Herausgegeben von E. Kelchner und K. Mendelssohn—Bartoldy. Theil I. Leipzig 1869. S. 29.

365. G. F. v. Natzmer. Unter den Hohenzollern. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Generals Oldwig v. Natzmer. Theil I. 1820—1832. Gotha 1887. S. 202.

366. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. T. VI 1819—1827. Paris 1903. О 14 декабря, стр. 263—295.

367. R. B. Paul. Journal of a tour to Moscow, in the summer of 1836. London 1846, p. 65—66.

368. Revelations of Russia or the Emperor Nicholas and his empire in 1844. By one who has seen and describes. Vols 1—2. London 1844. (Изд. 2-е—1845, 3-е—1846). Французский перевод:

Révélations sur la Russie, ou l'Empereur Nicolas et son empire en 1844. Par un Resident Anglais. Traduites par Nollet et annotées par C. Robert. Paris 1845. O 14 декабря том 3, стр. 50—55.

369. K. A. Varnhagen von Ense. Blätter aus der preussischen Geschichte Band 4. Leipzig 1869. O 14 декабря, стр. 5, 7—8, 13, 16—17, 28, 89. См. обзор А. И. Пышина. Времена реакции. «Вестник Европы» 1869 г. кн. II, стр. 247—277; кн. 12, стр. 740—777.

370. Despatches, correspondence and memoranda of field marshal Arthur duke of Wellington. K. G. Edited by his son, the duke of Wellington, K. G. Volume 3. London 1868, p. 153.

371. William Rae Wilson. Travels in Russia, etc. Vol. II London 1828, p. 135—136.

372. Mon Journal ou Mémoires d'Alexandre Mouravieff. Schjemann op. cit. S. 169. Русский перевод: Декабрист А. М. Муравьев. Записки. Перевод, предисловие и примечания С. Я. Штрайха. Изд. «Былое» Пгг. 1922 г. стр. 47, O 14 декабря, стр. 18.

373. N. Tourguenév. La Russie et les russes. Tome I-er. Mémoires d'un proscrit. Paris 1847, p. 211—407. Есть ряд других иностранных изданий, см. Catalogue de la section des Russica t. 2, p. 431. Русские переводы: Записки изгнанника. Спб. 1907 г.; Россия и русские. «Библиотека декабристов». М. 1907 г.; «Россия и русские». Под редакцией А. А. Кизеветтера. М. 1915 г., стр. 271. См. любопытный отзыв П. А. Бестужева. «Наблюдатель» 1883 г., март, стр. 102—121. Ср. Е. Ковалевский, граф Блаудов и его время. Царствование императора Александра I-го. Спб. 1866 г., стр. 168—180; «Правдивый» № 4, Лейпциг 31 мая 1862 г., стр. 28—29 (записка кн. П. Долгорукова); Е. П. Тарасов. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Самара, 1923 г., стр. 399—447; Н. Тургенев. ответы: 1) на IX главу книги Е. Ковалевского, 2) на статью «Русского Инвалида» о сей книге. Paris, 1867; письмо В. А. Жуковского к П. И. Тургеневу. Уткинский Сборник, кн. I. М. 1904 г., стр. 4—7.

374. La vérité sur la Russie par le Prince Pierre Dolgoroukow. Paris 1860, p. 223—224. Есть ряд других иностранных изданий, см. Catalogue de la section des Russica. t. I, p. 312. Об этой книге, см. «Будущность» № 1 Париж—Лейпциг, 1860 г., стр. 8—9;

1861 г. № 14, стр. 112. «Былое» 1907 кн. 3, стр. 154 (статья М. Лемке).

375. Iscander (Herzen). La conspiration russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'émancipation des paysans en Russie. Londres, 1858. Библиографию см.: А. И. Гершен. Поля. собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке. Том 9, Пгг. 1919 г., стр. 586—587. Указания М. К. Лемке следует дополнить: В. Бурцев. За это лет. London. 1897 г., часть I, стр. 1—13. Заговор 1825 года. Из статьи А. И. Гершена «La conspiration russe de 1825»; Собр. соч. К. Ф. Рылеева, «Вибл. Дек.», М. 1906 г.

376. Ivan Golovine. La Russie sous Nicolas I-er. Paris, 1845. O 14 декабря, стр. 25 26. Есть ряд других иностранных изданий, см. Catalogue de la section des Russica, t. I, p. 471.

377. A. Titakoff. Nicolas I, empereur de Russie. Sa vie, sa politique et sa mort. Genève, 1855, p. 29—35.

378. La vérité sur l'empereur Nicolas. Histoire intime de sa vie et de son règne. Par un Russe. Paris, 1854, p. 32—38.

379. E. A. C. Bade. Reminiscenzen und Charakterzüge aus dem Leben Nicolas I. Berlin, 1856. S. 18—23.

380. A. Balleydier. Histoire de l'Empereur Nicolas. Paris, 1857, p. 105—150.

381. Gr. de Beaumont-Vassy. Geschichte des Kaisers Nicolaus I. nach dem Französischen. Leipzig, 1855. S. 47—55. Есть ряд друг. изданий, см. Catalogue de la section des Russica, t. I, p. 85.

382. L. W. Chillany. Europäische Chronik von 1492 bis Ende April 1865. Band I. Leipzig, 1865. S. 606.

383. J.-M. Chopin. Russie. Paris, 1838, t. 2, p. 533—535. Есть итальянский перевод, см. Catalogue de la section des Russica, t. I, p. 226.

384. A. E. [gron]. Vie d'Alexandre I-er, Empereur de Russie, suivie de notices sur les grands-ducs Constantin, Nicolas et Michel. Paris, 1826. O 14 декабря, стр. 210—211, 227—230, 232—233.

385. A. Dumas. Mémoires d'un maître d'armes ou dix-huit mois à St.-Petersbourg. Bruxelles, 1840, t. 11, p. 54—71. Есть ряд других изданий, см. Catalogue de la section des Russica. Tome I, p. 324. См. А. Dumas. Impressions de voyage. Le Caucase. Paris, 1889 г., t. 1, p. 288—292; С. М. Долинский. Из прошлого Дербента. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. 1910—1912. Кн. I отд. 5, стр. 1—4.

386. M. I. von Crusenstolpe. Der Russische Hof von Peter I bis auf Nicolaus I. Band 5. Hamburg, 1856. S. 170—221. Шведское издание, см. Catalogue de la section des Russica, t. 1, p. 265.

387. J. Esneaux et Chennehot. Histoire philosophique et politique de Russie, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Tome 5. Paris, 1830, p. 505—506.

388. Marc Fournier. Les mystères de la Russie. Russie, Allemagne et France, révélation sur la politique russe, d'après les notes d'un vieux diplomate. Bruxelles, 1844, p. 39—43. Есть ряд других иностранных изданий, см. Catalogue de la section des Russica, t. 1, p. 407. См. № 191.

389. G. G. Gervinus. Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts seit den Wiener Verträgen. Band VI. Leipzig, 1862. S. 164—171. Русский перевод: Гервинус. Военное восстание в Петербурге в декабре 1825 г. «Правдолюбивый» № 7—9 Лейпциг, 1862 г.

390. A. Th. von Grimm. Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland. Band I. Leipzig, 1866. S. 225. Есть другие издания, см. Catalogue de la section des Russica, t. 1, p. 486. Обзоры: А. Т. Гримм. Имп. Александра Федоровна. «Отечественные Записки», 1866 г., т. 166, 167, 168; С. Яковлев. Императрица Александра Федоровна. «Современная Летопись» 1866 г., № 25, 27, 36, 39, 43. O 14 декабря, № 27, стр. 4; то же: «Московские Губернские Ведомости» № 34, 35. См. также: С. П. Яковлев. Императрица Александра Федоровна М. 1866 г. 391. Paul Grimm. Les mystères du palais des Czars (sous l'emp. Nicolas I). Ed. 2. Wurzburg. 1870, p. 152. Первое издание вышло в 1868 г.

392. Hugo Hafferberg. St.-Petersburg in seiner Vergangenheit und Gegenwart. St.-Petersburg 1866. S. 48.

393. G. Hesekei. Nicolaus Pawlowsch, Kaiser von Russland. Sechste Auflage. Berlin, 1855. S. 12—16. Всего вышло 7 изданий. Есть французский перевод.

394. A. de Lamartine. Histoire de la Russie. Tome 2. Paris, 1855, p. 242—259.

395. Frédéric Lacroix. Les mystères de la Russie. tableau politique et moral de l'empire russe. Paris, 1845, p. 93—97. Есть ряд других иностранных изданий, см. Catalogue de la section des Russica, t. 1, p. 689—690.

396. P. Lacroix. Histoire de la vie et du règne de Nicolas I-er. Paris, 1864. Tome 1, p. 375—489; tome 2, p. 1—20.

2-е издание—Paris, 1869 г. Русские переводы: «Военный Сборник» 1867 г., кн. 10—12, 1868 г., кн. 1, 3—11 (извлечения); Поль Лакруа История жизни и царствования Николая I, императора всероссийского, М. 1877—1878. O 14 декабря, том I, выпуск 2, стр. 101—178. Бумаги, касающиеся составления книги (официальная переписка, доклады и пр.), находятся в Публичной Библиотеке. См. Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1902 г. Спб. 1910 г., стр. 79—80. O книге Лакруа см. статью В. Андерсона. «Русск. Библиофил» 1912 г., № 4; В. Порошина. «Вестник Европы», 1866 г., том 2, стр. 90.

397. C. L. Lesur. Annuaire historique universel pour 1825. Paris, 1826. O 14 декабря, стр. 385—391.

398. Marès. Histoire abrégée de Russie depuis l'origine de la monarchie jusqu'à nos jours. Tours 1856. p. 180. Есть ряд других изданий, см. Catalogue de la section des Russica. Tome I, p. 776.

399. E. Michelsen. The life of Nicholas Emperor of all the Russias. London, 1854, французский перевод: Histoire de l'Empereur Nicolas I. Paris, 1854, p. 128—130.

400. Niellon-Gilbert. La Russie. ou coup d'oeil sur la situation actuelle de cet empire. Paris, 1828, p. 74—75, 82, 137—139.

401. J.-H. Shnitzer. Histoire intime de la Russie. Tome I. Ed. 2. Paris, 1848, p. 195—243. См. Catalogue de la section des Russica. t. 2, p. 276.

402. T. Willcocks. History of Russia, from the foundation of the empire, by Rurik, to the present time. London, 1832, p. 527—528.

403. S. Askenazy. Russia. The Cambridge Modern History. Vol. 10. Cambridge. 1907, p. 441.

404. S. Bogatina. Beiträge zur russischen Geschichte. 1816—1825. Dekabristenaufstand. Bern, 1907. S. 39—42.

405. E. Bongard. Les nihilistes russes ou la conspiration infernale. Roman contemporain. Première partie. Zurich, 1881, p. 11.

406. G. Créhange. Histoire de la Russie depuis la mort de Paul I-er jusqu'à l'avènement de Nicolas 2. Ed. 2. Paris, 1896, p. 97—100.

407. C. de Cardonne. L'empereur Alexandre II. Vingt six ans de règne (1855—1881). Paris, 1883, p. 10.

408. F. Un interrègne en Russie. (D'après des documents inconnus et inédits). Revue des Revues. I Mai 1897. O 14 декабря, стр. 243—244. Очерк составлен на основании следующих материалов. Дневник П. Г. Дявова. «Русск. Старина» 1897 г., том 89 и Н. К. Шильдер. Междоусобие в России (ibidem).

409. H. Galli. Français et russes. De Tilsit à Chalons. Tome 2. Paris. 1897, p. 964—966.

410. Arthur Kleinschmidt. Drei jahrhunderte russischer Geschichte. Berlin. 1899. S. 326—328.

411. E. Lavigne. Introduction a l'histoire du nihilisme russe. Paris. 1880, p. 95—98.

412. W. R. Morfill. A history of Russia from the birth of Peter the Great to the death of Alexander II. London, 1902, p. 358—359.

413. James Mavor. An economic history of Russia. London. 1914. Vol. 2, p. 64—65. Об этой книге: В. И. Семеновский.

Замечательный труд английского ученого по истории России. «Голос Минувшего» 1915 г., кн. 11, стр. 303.

414. A. Rambaud. Histoire de la Russie. Paris. 1873, p. 636—637.

415. Th. Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Band 2. S. 55. Обзор этого тома: В. И. фон-Штейн. Иностранцы о России. Первое пятилетие царствования имп. Николая Павловича. «Историч. Вестник» 1909 г., том 118, стр. 1114—1118.

416. Histoire de la Russie. Par un ancien officier d'artillerie russe. Paris. 1895. O 14 декабря, стр. 226—227.

417. V-te de Beaumont-Vassy. Le fils de la Polonoise. Roman inédit. Paris 1873, p. 3—43.

418. E. Turnerelli. What I know of the late emperor Nicholas and his family. London. 1855, p. 28—42, 126—128.

Е. В. Сиазин.

Опыт библиографического указателя литературы по истории революционного движения 70-х годов (народнического).—

Здесь, как и в предисловии к указателю литературы по истории партии Народной Воли, приходится оговориться, что и этот указатель отнюдь не может считаться исчерпывающим, а есть лишь опыт, попытка систематизации материала, разбросанного по разным журналам, брошюрам, книгам и газетам.

Некоторые стороны движения освещены очень слабо, так как относящиеся сюда материалы хранятся в архивах и еще не опубликованы.

Использованные при составлении указателя журналы обозначены следующими условными знаками:

Вылое	Бл.	Мир Божий	М. Б.
Голос Минувшего	Г. М.	Пролетарская Революция	П. Р.
Вестник Европы	В. Е.	Русская Мысль	Р. М.
Вестник Народной Воли	В. Н. В.	Русские Записки	Р. З.
Заветы	Зв.	Русское Богатство	Р. Б.
Каторга и Семька	К. и Сс.	Северные Записки	С. З.
Красный Архив	К. Арх.	Современная Жизнь	С. Ж.
Минувшие Годы	М. Г.	Современник	Совр.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 70-х г.г.

1871—1881 г.г.

I. Хождение в народ. Кружки Долгушина, Чайновского и др. Поселения в деревне. О-во «Земля и Воля». Южно-Российский Рабочий Союз (Заславского). Чигиринское дело.

Аксельрод, П. Б. Пережитое и переданное. Кн. I. Изд. 3-е. И. Гржебина. 1923 г. Стр. 5—315.

Анзимиров, В. А. Крамольники. (Хроника из радикальных кружков семидесятых годов). М., 1907 г.

Аптеман, О. Зачатки культурного народничества в 70-х годах. Истнарт. Историко-революц. сборник. Под ред. В. И. Невского. Т. I. Госиздат, Ленинград, 1924 г. Стр. 9—36.

Аптеман, О. В. Из истории революц. народничества. «Земля и Воля» 70-х годов. Русск. Историч. библиотека. № 19. Стр. 5—197.

Аптеман, О. В. Отрывок из воспоминаний землевладельца. С. Ж. 1906. 9-10, 11, 12. Стр. 1—45; 26—94; 14—56.

Аптеман, О. В. Флеровский, Берви и чайковцы. Бл. 1922, 19. Стр. 119—134.

Аптеман, О. В. Флеровский и кружок Долгушина. Бл. 1922, 18. Стр. 59—71.

Бакунин, М. А. Государственность и анархия. Избран. сочин. Т. I. Изд. «Голос Труда». П. и М., 1819 г.

Бакунин, М. А. Кнуто-германская империя и социальная революция. Избран. сочин. Т. II. Изд. «Голос Труда». П. и М., 1920 г.

Батурич, Н. Очерки из истории рабочего движения 70-х и 80-х годов. Изд. «Путь просвещения». Харьков. 1923 г. Стр. 15—24. (О П. А. Алексееве).

Blenslock, I. W. Histoire du mouvement révolutionnaire en Russie. Paris. 1920 г. Стр. 95—194.

Богданович, Т. А. Хождение в народ. Издат. «Новая Россия». П.

Богданов, С. Б. Помощник присяжного поверенного Е. С. Семяновский—

один из первых карийцев. Бл. 1906. II. Стр. 100—118.

Богучарский, В. Активное народничество семидесятых годов. Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1912 г. Стр. 1—311.

Бухбиндер, Н. А. Из истории революционной пропаганды среди евреев в России в 70-х гг. Истор.-револ. сборник. Под ред. В. И. Невского. Т. I. (Истнарт). Госиздат. Ленинград. 1924 г. Стр. 37—66.

В. В. Корни народничества 70-х годов. В. Е. 1913, 4. Стр. 146—172.

Васильев, Н. В. 70-е годы. МВ. 1906, 6, 7. Стр. 215—249 и 54—87.

Владыченко, П. Памяти учителя и погребенных друзей. (Е. О. Заславский, его кружок и Южно-Российский союз рабочих в Одессе). К. и Сс. 1923, 5. Стр. 26—42.

Вперед! Непериодическое обозрение. Т. I. 1873 г.; т. II. 1874 г. Цюрих; т. III. 1874 г. Лондон; т. V. 1877 г. Лондон.

Геккер, Н.—В. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов. С. З. 1913, 2. Стр. 169—176.

Герасимов, Василий. Питомец воспитательного дома. Изд. «Донская Речь». Ростов-на-Дону. 1906 г.

То же. Жизнь русского рабочего полвека тому назад. Изд. «Ыльос». П., 1919 г.

Гилларов, Ф. А. 15 лет крамолы. Т. I. Ч. I. М., 1883 г. Стр. 241—296.

Глинский, Б. Б. Революционный период русской истории. Изд. «Новое Время». П., 1913 г. Ч. I. Стр. 484—520 и ч. II, стр. 1—199.

Государствен. преступления в России в XIX веке. Сбор. под ред. В. Базилевского. Т. I. П., 1906 г. Стр. 345—346 (правит. сообщение о demonstra-

ции на Казанской площади). То же, Stuttgart, 1903 г. Стр. 626—627.

Дебагорий-Мокриевич, Вл. Воспоминания. П. Изд. Н. Глаголева. Стр. 3—310.

Дейч, Л. За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Грани», 1923 г.

Дейч, Л. За полвека. Ч. I. Изд. «Задруга». М., 1922 г. Ч. II. Изд. «Колос». М., 1923 г.

Дейч, Л. За рубежом. В. Е. 1912, 9. Стр. 167—191.

Дейч, Л. Как мы в народ ходили (отрывок из воспоминаний). В. Е. 1910, 10. Стр. 194—222.

Дейч, Л. На рубеже. В. Е. 1912, 7. Стр. 155—183.

Дей, Л. Наша эмиграция в 70-х годах. В. Е. 1913, 7. Стр. 172—193.

Дейч, Л. Один из первых наших марксистов. (Из периода хождения в народ). В. Е. 1914, 12. Стр. 84—110.

Дейч, Л. Один из последних семидесятников. Г. М. 1914, 6. Стр. 93—102.

Дейч, Л. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Госиздат. П., 1920 г.

Дейч, Л. Почему я стал революционером. Историко-революционная библиотека. Госиздат, П., 1921 г.

Дейч, Л. Хождение в народ (из воспоминаний). Истор.-револ. библиотека. П. Госиздат, 1920 г.

Дейч, Л. Южные бунтари. Г. М. 1920—21 г. Стр. 44—71.

Джабадари, И. С. Процесс 50-ти. (Всероссийский ц.-рев. организация). 1874—77 гг. Бл. 1907, 8. Стр. 1—26.

9. Стр. 169—192. 10. Стр. 168—197.

Документы к Чигиринскому делу. Бл. 1906, 12. Стр. 257—261.

Драго, Н. Записки старого народника. К. и Сс. 1923, 6. Стр. 10—16.

Ельницкий, А. Первые шаги рабочего движения в России. Издат. Э. Н. Поповой. П. Стр. 1—39.

Жа-др, В. (Никитина). Революционная Россия. Перев. с французского. СПб. 1907 г.

Житецкий, Игн. Литературные воспоминания о семидесятых годах. В. Е. 1908, 10. Стр. 598—619.

Ивановская, П. Идиллия (Страницка из воспоминаний семидесятника). Р. З. 1916, 8. Стр. 77—39.

Иванчин-Писарев, А. И. Из воспоминаний о хождении в народ. Зв.

1913, 2, 4, 6, 9, 11, 12. Стр. 85—116; 84—108; 99—126; 113—132; 87—104; 121—192.

То же. Изд. ред. журн. «Заветы». П. 1914 г.

Иохельсон, В. Далекое прошлое. Из воспоминаний старого народовольца. Бл. 1918, 13. Стр. 53—75.

Историческая библиотека. Под ред. С. М. Проппера. П., 1907 г. Стр. 663—1278.

Кафиеро-Кутузова, О. Из далекого прошлого. Бл. 1907, 1. Стр. 178—187.

[Ковалик, С.] Старик. Движение семидесятых годов по Большому процессу (193-х). Бл. 1906, 10, 11, 12. Стр. 1—30, 30—72, 56—81.

Ковалик, С.] Старик. Письмо в редакцию. Бл. 1907, 5. Стр. 311.

Колосов, Евгений, М. А. Бакунин и Н. К. Михайловский в старом народничестве. Г. М. 1913, 5. Стр. 61—59; Г. М. 1913, 6. Стр. 69—106.

Корнилов, А. Общественное движение при Александре II. М. Г. 1908, 9, 10. Стр. 273—289; 209—226.

То же. Изд. журн. «Русская Мысль». М., 1909 г. Стр. 201—230.

Кропоткин, П. А. Должны ли мы заняться рассмотрением будущего строя? Записка (1873 г.). Бл. 1921, 17. Стр. 3—38.

Кропоткин, П. Записки революционера. П., 1906 г.

То же. Книгоизд. «Голос Труда» П. и М., 1920 г.

Кропоткин, П. Пропаганда среди петерб. рабочих в начале 70-х годов. Бл. Лондон (1900), № 1. Стр. 31—36.

Kulczyński, L. Geschichte der Russischen Revolution. В. П. Gotha. 1911 г. Стр. 3—218.

[Лавров, П. А.] Миртов. Исторические письма. П., 1870 г.

[Лавров, П. А.] Исторические письма. Изд. журн. «Русское Богатство». П., 1905 г.

Лавров, П. Л. Народники-пропагандисты 1873—78 годов. Изд. И. М. Розенфельда. СПб. 1907 г.

Лукашевич, А. В. народ. (Из воспоминания семидесятника). Бл. 1907, 3. Стр. 1—44.

Лункивич, В. В. Борцы за право и свободу. Изд. Всер. Центр. Союза Потр. Обществ. М. 1919 г. Стр. 58—75.

Михайловский, Н. К. Сочинения. Т. I. Изд. журн. «Русское Богатство».

II, 1896 г. (Ст. Что такое прогресс? Борьба за индивидуальность и др.).
Михайловский, Н. К. Сочинения. Т. III. Изд. журн. «Русское Богатство». II, 1897 г. (Ст. Что такое счастье? и др.).
Морозов, Н. А. В начале жизни. Изд. В. М. Саблина. М., 1907 г.
Морозов, Н. Во имя братства. Г. М. 1913, 8—12.
Морозов, Николай. За свет и свободу. Г. М. 1915, 4, 5. Стр. 108—143; 85—121.
Морозов, Николай. Невозвратимое былое. С. З. 1916, 2, 12. Стр. 118—137 и 107—118.
Морозов, Николай. Повести моей жизни. Т. I—IV. М. 1918 г.
 Община. Социально-революционное обозрение. 1878, №№ 1, 2, 3—4, 5, 6—7, 8—9.
Николаев-Бергин, Н. М. Борьба за свободу за 60 лет. Невское издательство. П. 1922. Стр. 13—21.
Пажитнов, К. А. Развитие социалистических идей в России. Т. I, изд. «Былое». П. 1924. Стр. 209—230.
Пелис, Д. Пioneеры русской революции. Освободительная библиотека. Изд. В. Д. Корчагина. П. 1906. Стр. 1—54.
Пиксанов, Н. К. В народ! Русское революционное народничество сорок лет назад. Изд. «Свет и Свобода». П. 1917 г.
Плеханов, Г. Русский рабочий в революционном движении. Типограф. «Искры» 1902 г.
 То же. Плеханов, Г. В. Сочинения т. III. Ред. Д. Рязанова. М. и П. Госиздат. 1923 г. Стр. 121—205.
Покровский, М. Очерки русского революционного движения XIX—XX в.в. Курс лекций. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 69—91.
Попов, М. Из моего революционного прошлого. Бл. 1907, 5, 7. Стр. 269—297, 241—272.
Попов, М. Р. К истории рабочего движения в конце семидесятых годов. Г. М. 1920—21. Стр. 72—84.
Попов, М. Р. Революционная роль различных групп петербургских рабочих. К. и Сс. 1923, 6. Стр. 39—43.
Посников, А. Общинное землевладение. В. I. Ярославль. 1875. Вып. II. Одесса. 1878.
Процесс 17 народолюбцев в 1883 году. Бл. 1906, 10. Стр. 197—201.

(Организация в 1877 г. преступного тайного сообщества в среде крестьян Читиринского уезда, Киевской губ.).

Ракильников, Н. Новая книга по истории революционного движения 70-х годов. Зв. 1913, 10а. Стр. 15—35.

Революционные кружки в Саратове. Ред. Дедова, Максимова, Нечетного, Рудина. П. 1906.

Русанов, Н. С. Н. К. Михайловский и общественная жизнь России. Г. М. 1914. 2. Стр. 5—20.

Свод показаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях. Бл. 1907. Стр. 97—107. (Поселения в природе).

Сельский, Е. (Евг. Печоркин). По пути к свободе. Изд. П. Бр. А. и П. Гранат. М. 1918. Стр. 38—63.

Серебряков, Е. Очерки по истории «Земли и Воли» СПб. Изд. «Свободный Труд». 1906. Стр. 3—31.

Серебряков, Э. Революционеры во флоте. Бл. 1907, 2, 4. Стр. 168—186; 90—128.

То же. Ист.-рев. библиот. П. Госиздат. 1920 г. Стр. 3—24.

Синегуб, С. Воспоминания чайковца. Бл. 1906, 8, 9. Стр. 39—50 и 90—128.

Сквери, М. П. Первая рабочая организация в Одессе (1875). Всеукр. Гос. Изд. Одесса. 1921.

Сквери, М. Южно-Российск. Союз Рабочих. (К истории одесского союза 1875 г.). К. и Сс. 1923, 5. Стр. 17—25.

Соколов, Н. В. Отщепенцы. Изд. П. 1872.

Стеблин-Каменский, Р. А. Григорий Анфимович Попко. Бл. 1907, 5. Стр. 179—185.

Стеклов, Ю. Борцы за социализм. Ч. II. Госиздат. М. и Л. 1924. Стр. 121—128.

Степняк-Кравчинский, С. М. Собр. сочин. Ч. I—VI. П. 1907—8. Библиот. Светоча.

Tikhomirov, L. Conspirateurs et policiers. Paris. 1887. Стр. 5—216.

Тун, А. История революционного движения в России. Госиздат. П. 1920. Стр. 20—44 и 92—146.

То же. Под ред. Л. Шишко. П. 1917. Стр. 167—148.

Файнштейн, А. Марк Малиновский. Рабочий пропагандист начала 70-х годов. Изд. «Красная Новь». М. 1923 г.

Фигнер, В. Из воспоминания о Н. И. Драго. К. и Сс. 1923, 6. Стр. 6—9.

Фигнер, В. Студенческие годы. (1872—1873). Г. М. 1922, 2. Стр. 165—151. Г. М. 1923, 1, 2. Стр. 27—44 и 125—145.

Флеровский-Берви. Азбука социальных наук. В трех частях. Ч. I и II. СПб. 1871.

Флеровский-Берви, В. В. Воспоминания. Г. М. 1916, 1, 2. Стр. 206—221 и 82—108.

Флеровский, Н. Положение рабочего класса в России. СПб. Изд. Н. И. Полякова. 1869.

Фроленко, М. Воспоминания о движении 70-х и 80-х годов. Совр. 1913, 11. Стр. 78—103.

Фроленко, М. Из далекого прошлого. М. Г. 1903, 5—6, 7. Стр. 503—516 и 93—99.

Цеховский, В. Ф. Революционеры Юга. Историческая библиотека. В. 21. СПб. 1907.

Zilliacus, Konni. Das revolutionäre Russland. Frankfurt. M. 1905. Стр. 3—82.

Чайковский, Н. В. В. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов. Москва. 1912. Изд. Са-

башникова. Г. М. 1913, 6. Стр. 249—252.

Чудновский, С. Из дальних лет. (Отрывки из воспоминаний). Бл. 1907, 9, 10. Стр. 275—295; 218—240.

Чудновский, С. Л. Отрывки из воспоминаний 1872—1873 г.г. Наша страна. Историч. сборн. СПб. 1907. Стр. 331—376.

Чудновский, С. Страничка из воспоминаний. Бл. 1907, 6. Стр. 287—290.

Шехтер, А. Из далекого прошлого. (К характеристике Желябова, Заславского, Железняк и др. работников начала 70-х годов). К. и Сс. 1923, 5. Стр. 42—50.

Шэфле, Альберт. Сущность социализма. С прим. П. Лаврова. П. 1917 г.

Шишко, Л. К характеристике движения начала 70-х годов. Р. Б. 1906, 10. Стр. 51—85.

Шишко, Л. Э. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. Изд. А. и Н. Гранат. М. 1920. Стр. 82—91.

Шишко, Л. Сергей Михайлович Кравчинский. Кружок чайковцев. СПб. Изд. Вл. Распопова. 1906.

Южно-Российский рабочий союз. Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 665.

II. Исполнительный комитет Российск. Соц. Революц. партии (Южный). Террористические акты. Вооруженные сопротивления. Союзы: Северный союз русских рабочих (Халтурин—Обнорский), Южно-русский (Щедрин—Новальская). Побег.

А—в, Н. Побег П. А. Кропоткина, по материалам архива III отделения. Бл. 1921, 17. Стр. 64—74.

Батурич, Н. Очерки из истории рабочего движения 70-х, 80-х годов. Изд. «Путь Просвещения». Харьков, 1923 г. Стр. 25—44. (Сев. союз русск. раб. и Халтурин).

Bienstock I. W. Histoire du mouvement revolutionnaire en Russie. Paris. 1920. Стр. 195—218.

Богучарский, В. Активное народничество семидесятых годов. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1913 г. Стр. 311—374.

Бойня 31 марта. (Начало № 2). Революционная журналистика 70-х годов. Ред. В. Базилевского. Изд. «Донская Речь». Стр. 34—36 (убийство Сидорацкого). То же Paris, 1905 г. Стр. 57—61.

Бурцев, В. Л. Северно-русский рабочий союз. Бл. 1906, I. Стр. 170—188.

Бычков, А. Побег (1892). Бл. 1907, 8. Стр. 84—88.

Вера Засулич в воспоминаниях Анри Рошфора. ГМ. 1920, 21. Стр. 85—88.

Виташевский, Н. Первое вооруженное сопротивление—первый военный суд. Бл. 1906, 2. Стр. 220—245. То же. Русск. Истор. Библ. № 17.

Геккер, Н. Наша юность. Зв. 1913, 7. Стр. 21—54.

Глинский, Б. Б. Революционный период русской истории. Изд. «Новое Время». П. 1913 г. Стр. 199—339.

Головина-Юргенсон, Н. Мои воспоминания. К. и Сс. 1924, 1 (8). Стр. 101—104.

Гринберг-Кон, Х. Г. К процессу П. М. Ковальского. Бл. 1906, 10. Стр. 160—162.

Дебагорий-Мокриевич, Вл. Воспоминания. II. Изд. Н. Глаголева. Стр. 311—409.

Гейч, Л. Виктор Обморский. II. Р. 1921, 3. Стр. 44—61.

Драго, Н. Записки старого народника. К. и Сс. 1923, 6. Стр. 16—22. (О победе П. А. Кропоткина).

Ельницкий, А. Первые шаги рабочего движения в России. Издат. О. Н. Поповой. II. Стр. 39—64.

«Земля и Воля». Социально-революцион. обозрение №№ 1—5, 25. X. 78—8. II. 79. Революционная журналистика 70-х годов. Ред. В. Базилевского. Изд. «Донская Речь». Стр. 65—276. То же. Paris. Стр. 114—391 и 399—467.

Иванчин-Писарев, А. Побег кн. П. А. Кропоткина. Бл. 1907, 1. Стр. 37—42.

Из Одессы. (Начало № 2). Революц. журналистика 70-х годов. Ред. В. Базилевского. Изд. «Донская Речь». Стр. 33—34. (Вооруж. сопр. Ковальск.). То же. Paris. 1905 г. Стр. 54—57.

Илич-Свитыч, В. Мое знакомство с Н. М. Ковальским. Бл. 1906, 8. Стр. 142—157.

И охельсон, В. К. К событию 4 августа 1878 года. Бл. 1907, 4. Стр. 256—258.

К делу В. П. Засулиц. ГМ. 1917, 7—8. Стр. 169—170.

Ковальская, Е. Южный рабочий союз в 1880—81 гг. Бл. Лондон. 1904 г. № 6. Стр. 34—39.

Кравчинский, С. Смерть за смерть. (Убийство Мезенцева). Госиздат. II. 1920 г.

Kulczycki, L. Geschichte der Russischen Revolution. В. II. Gotha, 1911. Стр. 218—288.

Летучий листок. № 1. I. IV. 78. Революционная журналистика 70-х годов. Ред. В. Базилевского. Изд. «Донская Речь». Стр. 66—67. То же. Paris. 1905 г. Стр. 111—113. (Ст. Н. К. Михайловского).

Лешерн-Фон-Герцфельд, М. П. Из воспоминаний о победе П. А. Кропоткина. Бл. 1921, 17. Стр. 59—63.

Листок «Земли и Воли». Революционная хроника. № 1—6. 12/III. 79—14. VI. 79. Революционная журналистика 70-х годов. Ред. В. Базилевского.

левского. Изд. «Донская Речь». Стр. 277—312. То же. Paris. 1905 г. Стр. 392—398 и 468—514.

Лопатин, Герман. К истории осуждения д-ра О. Э. Веймара. Бл. 1907, 3. Стр. 122.

Лопатин, В. Освобождение Ф. В. Волховского. ГМ. 1914, 4. Стр. 217—221.

Молинари о Южном рабочем союзе. Бл. Лондон. 1904 г. № 6. Стр. 40—45.

Морозов, Николай. Любомирский. ГМ. 1917, 1. Стр. 185—198.

[**Морозов, Н. I.** Попытка освобождения Войнаральского. («Земля и Воля» № 4). Революц. журналистика 70-х годов. Ред. В. Базилевского. Изд. «Донская Речь». Стр. 202—206. То же. Paris. 1905 г. Стр. 337—344.

«Начало». Орган русских революционеров. №№ 1—4. Март—май 1878 г. Революционная журналистика 70-х годов. Ред. В. Базилевского. Изд. «Донская Речь». Стр. 1—65. То же. Paris. 1905 г. Стр. 1—110.

Николаев-Бергин, Н. М. Борьба за свободу за 60 лет. Невское издательство. II. 1922 г. Стр. 21—23.

Одесса во время суда над Ковальским. («Земля и Воля» №№ 2 и 5). Революц. журналистика 70-х годов. Ред. В. Базилевского. Изд. «Донская Речь». Стр. 121—125 и 244—246. То же. Paris. 1905 г. Стр. 201—206 и 415—418.

Пажитнов, К. А. Развитие социалистических идей в России. Т. I. Изд. «Былое». II. 1924 г. Стр. 241—245. [Сев. союз русск. рабочих].

Первые шаги рабочего движения в России. Издат. О. Н. Поповой. II. Стр. 39—64.

Плеханов, Г. В. Сочинения, т. III. II. ред. Д. В. Рязанова. М. и П. 1923 г. Стр. 421—428. [Стачка на Н. Бумагопрядильне в марте 1878 г.]

Покущение А. К. Соловьева на царевубийство. 2 апр. 1879 г. Бл. 1918, 1, 2. Стр. 133—150, 88—107.

Покущение на убийство Дрентельна. (Листок «Земли и Воли» № 2—3). Революционная журналистика 70-х годов. Ред. В. Базилевского. Изд. «Донская Речь». Стр. 284. То же. Paris. 1905 г. Стр. 499—500.

Прокламация «Южно-Русского Рабочего Союза» об убийстве Александра II. Сообщ. Р. Кантор. К. и Сс. 1923, 5. Стр. 53—56.

Попов, М. Из моего революционно-го прошлого. Бл. 1907, 5. Стр. 297—305.

Рабочая Заря. (Корректурный отиск). II. 1921, 3. Стр. 122—124.

Сватиков, С. Г. Общественное движение в России. Изд. «Донская Речь». РД. 1905 г. Стр. 79—96.

Свод показаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях. Бл. 1907, 8. Стр. 89—97. [К убийству Харьк. губернатора—Кропоткина].

Северный Рабочий Союз. Бл. Изд. Соц.-рев. 1903 г. № 5. Стр. 35—39.

Серебряков, Е. Очерки по истории «Земли и Воли». II. Изд. «Свободный Труд». 1906 г. Стр. 32—60.

Стеблин-Каменский, Р. А. Григорий Анфимович Попко. Бл. 1907, 5. Стр. 185—194.

Тун, А. История революционных движений в России. Госиздат. II. 1920 г. Стр. 146—171. То же Под ред. Л. Шинко. II. 1917 г. Стр. 149—168.

III. Черный передел.

Аксельрод, П. Б. Пережитое и передуманное. Кн. I. Изд. З. И. Гржебина. 1923 г. Стр. 315—439.

Аптеман, О. В. Из истории революционного народничества «Земля и Воля» 70-х годов. Русск Историч. Библиотека № 19. Стр. 198—239.

Аптеман, О. В. О—во «Земля и Воля» 70-х годов. II. Изд. «Колос», 1924 г. Стр. 378—452.

Буланова-Трубникова, О. Странички воспоминаний. Бл. 1924, 24. Стр. 67—78.

IV. Борьба правительства с революцией.

а) Законодательные, административные и др. мероприятия, проекты и предположения.

Богучарский, В. В 1878 году. ГМ. 1917, 7—8, 9—10. Стр. 124—168, 108—143.

Глинский, Б. Б. Революционный период русской истории. Ч. I. Изд. «Новое Время». II. 1913 г. Стр. 514—515. Объявление правительства в № 120 «Правит. Вестника», за 1873 г.]

Государственные преступления в России в XIX веке. Сборн. под ред.

Тютчев, Н. Разгром «Земли и Воли» в 1878 г. (Дело Мезенцева). Бл. 1918, 2. Стр. 157—179.

Феохари. Вооруженная демонстрация 1878 года в Одессе. [Суд над И. М. Ковальским]. К. и Сс. 1924 г., 1, (8). Стр. 109—113.

[**Флеровский**]. **Берви, В. В.** Воспоминания. ГМ. 1916, 5—6. Стр. 251—285.

Фроленко, М. Как я был тюремным падазирателем. Р. Б. 1906, 5. Стр. 49—74.

Цеховский, В. Ф. Революционеры Юга. Историческ. Библиотека. В. 21. II. 1907 г.

Zinnacus Konnl. Das revolutionäre Russland. Frankfurt a/M. 1905 г. Стр. 83—93.

Шехтер, А. Революционная Одесса 1877—1878 г.г. [К характеристике Льюна и Фомичева]. К. и Сс. 1923, 6. Стр. 44—52.

Шилов, А. А. Последняя страница из жизни «Северного Рабочего Союза» в Петербурге в 1880 г. К. I. 1922, 2—3.

Дебагорий-Мокриевич, Вл. Воспоминания. II. Изд. Н. Глаголева. Стр. 567—598.

Пажитнов, К. А. Развитие социалистических идей в России. Т. I. Изд. «Былое». II. 1924 г. Стр. 230—233.

Черный передел. Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 645.

Черный передел. Памятники агитационной литературы. Т. I. II. и М. Госиздат. 1923 г.

В. Базилевского, Т. I. II. 1906 г. Стр. 252—253 [Правит. сообщение об учащемся в Цюрихе русских женщинах]. То же. Stuttgart. 1903 г. Стр. 467—459.

Записка министра юстиции графа Палена, Успехи революционной пропаганды в России (1875 г.). Бл. 1907, 9. Стр. 268—276.

Революционная журналистика 70-х годов. Ред. В. Базилевского. Ростов

н/Дону. Стр. 35. («Начало» № 2). Стр. 129—130. (З. и В. № 2). Стр. 230. (З. и В. № 4). Стр. 248—252. (З. и В. № 5).

6) Процессы (следств. материалы, показания подсудимых, воспоминания о процессах и др.). Аресты, казни.

Свод показаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях. (Изд. 1-та полнции).

Примеч. к части «Свобода», касающейся сообщества украинофилов. А. Русова и Ф. Волкова. Бл. 1907, 6, 7, 8. Стр. 118—160, 141—168 и 89—123.

Дело Долгушина и др. 9/VII—74 г.

Аптекман, О. В. Флеровский и кружок Долгушина. Бл. 1922, 18. Стр. 71—72.

Вперед! Непериодическое обозрение. Т. III. 1874. Лондон. Стр. 181—240. (Что делается на родине?).

Глинский, Б. Б. Революционный период русской истории. Ч. II. П. 1913. Стр. 33—36.

Голос. 1874 г. № 189—198; 201, 204. **Государственные преступления в России.** Ред. Б. Базилевского. Т. I. Стр. 254—318.

То же. Штуттгарт. 1903. Стр. 460—578.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Ч. II. Стр. 83.

Дело Дьякова (Сирякова) и др. 17/IV—75 г.

Голос. 1875 г. №№ 197—199, 202.

Государственные преступления в России. Ред. Б. Базилевского. Т. I. Стр. 318—345.

То же. Штуттгарт. 1903. Стр. 578—626.

За сто лет. II. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Ч. II. Стр. 85.

Истор.-рев. альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». Стр. 198.

Дело Семьяновского и др. 19/X—76 г.

Богданов, С. Б. Помощник присяжного поверенного Е. С. Семьяновского — один из первых карицез.

Фалеев, Н. И. Россия под охраной. (Исторический очерк). Бл. 1907, 10. Стр. 1—11.

Обвинительный акт по делу Семьяновского. Бл. 1906. 11. Стр. 100—108 и 119—125.

Вперед! Непериодическое обозрение. Т. V. 1877. Лондон. Стр. 1—25. (Что делается на родине?).

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Ч. II. Стр. 88.

Дело о казанской демонстрации. 18/I—77.

Голос. 1877 г. №№ 21—28, 31, 34, 36—38, 45, 82.

Государственные преступления в России в XIX веке. Ред. Б. Базилевского. Т. II. Стр. 1—127.

То же. Штуттгарт. 1904. Стр. 1—156.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Ч. II. Стр. 89.

Ист.-рев. альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». Стр. 35.

Процесс 50-и. 21/II—77 г.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 386—388.

Вперед! Непериодическое обозрение. Т. V. 1877. Лондон. Стр. 29—53 и 159—170. (Что делается на родине?).

Голос. 1887. №№ 54—58, 61—65, 67—73, 75, 76, 78, 80, 83, 85, 88.

Государственные преступления в России. Ред. Б. Базилевского. Т. II. Стр. 128—334.

То же. Штуттгарт. 1904. Стр. 157—415.

Джабадари, И. С. Процесс пятидесяти. Бл. 1907, 10. Стр. 187—197.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. Ч. II. Стр. 89—90.

Ист.-рев. альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. 1907. Стр. 73.

Коваленский, М. М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. I. Изд. т-ва «Мир». М. 1923. Стр. 195—160.

Процесс 50-и. С предисловием В. Каллаша. Изд. В. М. Саблина, М. 1906.

Дело Заславского. 23/V—77.

Вперед! Непериодическое обозрение. Т. V. 1877. Лондон. Стр. 141—158. (Что делается на родине?).

Глинский, Б. Б. Революционный период русской истории. Ч. II. П. 1913. Стр. 95—97.

Государственные преступления в России. Ред. Б. Базилевского. Т. II. Стр. 334—344.

То же. Штуттгарт. 1904. Стр. 416—427.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Ч. II. Стр. 90.

Процесс 193-х. 18/X—77 г.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 545.

Государственные преступления в России в XIX веке. Под ред. Б. Базилевского. Т. III. Петерб.

То же. Париж. 1905.

Завещание осужденных по процессу 193-х. Календарь Народной Воли на 1883 (также на 1898). Стр. 1—3.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Ч. II. Стр. 91—92.

Коваленский, М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. I. Изд. т-ва «Мир». М. 1923. Стр. 163—223.

Община. 1878. №№ 1, 2, 3—4, 5, 6—7, 8—9. Стр. 7—22, 7—11, 20—22, 10—12, 1—2, 1—4.

Отрывки из записок по делу 193-х. ВНВ. 1884. № 2. Стр. 215—226.

Письмо И. Н. Мышлыгина из Якутской тюрьмы к брату. Сообщ. III. Л. К. Арх. 1924. 5. Стр. 164—171.

Письма участников процесса 193-х. Предисловие Р. М. Кантора. К. Арх. 1924. 5. Стр. 129—163.

Процесс 193-х. О предисловием В. Каллаша. Изд. В. М. Саблина. М. 1906.

Чудновский, С. Из дальних лет. (Отрывки из воспоминаний 1877—78). Процесс 193-х или «Дело о революционной пропаганде в Империи». М. Г. 1908, 5—6. Стр. 350—378.

Дело Засулич. 31/III—78.

Глаголь, Сергей. Процесс первой русской террористки. Г. М. 1918. 7—9.

Глинский, Б. Б. Революционный период русской истории. Ч. II. Изд. «Новое Время». П. 1913. Стр. 222—250.

Голос. 1878 г. №№ 91—95.

Кантор, Р. К. процессу В. И. Засулич. Бл. 1923, 21. Стр. 87—94.

К делу В. И. Засулич. Бл. 1906. 11. Стр. 278.

Община. 1878. №№ 3—4, 5. Стр. 22—24, 16—20.

Процесс Веры Засулич. (Суд и после суда). Книгоиздат. «Современник». П.

Революционная журналистика 70-х годов. Ред. Б. Базилевского. Ростов н/Дону. Стр. 34—36. («Начало» № 1).

Хроника социал. движения в России. Официальн. отчет. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 12—15.

Коваленский, М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. II. М. Изд. т-ва «Мир». 1923 г.

Дело Ковальского и др. в Одессе. 20/VII—78 г.

Виташевский, Н. Первое вооруженное сопротивление. Первый военный суд. Бл. 1906, 2. Стр. 220—245.

Голос. 1878 г. №№ 201, 202, 205. **Историко-революц. альманах.** Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 238.

Община. 1878. №№ 3—4, 8—9. Стр. 29, 4—5.

Революционная журналистика 70-х годов. Ред. Б. Базилевского. Изд. «Донская Речь». Стр. 33—34. («Начало» № 2). Стр. 121—125 (З. и В. № 4). Стр. 244—246 (З. и В. № 5).

Хроника социалистического движения в России. Офиц. отчет. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 25—27.

Дело Фомина-Медведева. 21/II—73 г.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 99.

Историко-революционный альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 73.

Дело Брандлера, Свириденко и др. 30/IV—79 г.

Голос. 1879. №№ 167, 169, 170, 173, 174, 176, 180, 181.

За сто лет. В. Бурцева. Ч. II. Стр. 99.

- Дело Осинского и др.** 7/V—79 г.
Голос. 1879 г. №№ 187, 188, 190, 191.
За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 99—100.
Историко-революц. альманах. Ред. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 158—159.
Хроника социалистического движения в России. Падак. Саблина. М. 1907. Стр. 72—80.
- Дело Соловьева.** 25/V—79 г.
Глинский, Б. Революционный период русской истории. Ч. II. П. 1913. Стр. 305—326.
Голос. 1879. №№ 145, 146, 148, 149.
За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 100.
Правит. Вестн. 1879. №№ 116—119.
Хроника социалистического движения в России. Офф. отчет. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 45—51.
- Дело Минакова и Говорукина.** 26/VI—79 г.
Голос. 1879 г. №№ 182, 184, 187, 189.
За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 100.
Хроника социалистического движения в России. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 88—89.
- Дело Ефремова, Яцевича и др.** 3/VII—79 г.
Голос. 1879. №№ 192—201.
Ефремов, В. С. Маленькое дело. Бл. 1907, 5. Стр. 81—100.
За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 100.
Историко-рев. альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 213—214.
Литература п. Народной Воли. Под ред. Базилевского. II. В. I. Стр. 154—155.
Хроника социалистического движения. Офф. отчет. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 32.
- Дело Малавского, Круковской и др.** 7/VII—79 г.
Голос. 1879 г. №№ 239, 243—246, 248, 249.
За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 100—101.

Историко - революционный альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 214—215.
Хроника социалистического движения в России. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 92—93.

Дело Горского, Бильчанского и др. 4/VII—79 г.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 100.
Хроника социалистического движения. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 85—87.

Дело Гобста, Предтеченского и др. 14/VII—79 г.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 100.
Историко - революционный альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. 1907. Стр. 224.
Хроника социалистического движения. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 87—88.

Проц. Лизогуба, Виттенберга и др. 25/VII—79 г.

Голос. 1879 г. №№ 215—219, 230—233, 235—237, 240, 242—244, 247, 250; 251, 255, 257, 259, 262, 264, 265, 267, 269, 271, 272, 274—76, 279, 280.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 100.

Историко - революционный альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 25—26.

Святой революционер. Изд. «Свобода и христианство». Кн. 21. II. 1906. Стр. 40—48.

Хроника социалистического движения в России. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 80—84.

Дело Мирского и др. 15/XI—79 г.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 101.

Историко - революционный альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 347.

Литература п. Народной Воли. Ред. Б. Базилевского. В. I. II. 1907. Стр. 93—96.

Правительственный Вестник. 1879. № 260.

Хроника социалистического движения. Офф. отчет. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 42—45.

Дело Малинки, Дробязгина, Майданского и др. 3/XII—79 г.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 101.

Хроника социалистического движения. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 84—85.

Проц. Лозинского в Киеве. 23/II—80 г.

Голос. 1880 г. № 70.
Историко - революционный альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 75.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 104.

Дело Геллиса, Властопуло и др. 26/III—80 г.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 104.

Историко - революционный альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 110.

Дело Веймара, Адр. Михайловича и др. 6/IV—80 г.

Голос. 1880 г. №№ 133—138, 140—143, 145, 147—149, 151, 152; 154—156.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 104.

Историко - революционный альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 158.

Лопатин, Г. К. истории осуждения д-ра О. Э. Веймара. Бл. 1907, 3. Стр. 122.

в) Провокаторы, предатели, шпионы.

Гогшофт, Н.

Осипович, Н. Документы о «невинном» человеке. К. и Сс. 1923. 5. Стр. 85—90.

Курицын, Ф.

Бочкарев, В. Очерки революционного движения и борьба с ним в яро-

Правит. Вестник. 1880. №№ 106—124.

Дело М. Попова и др. 14/VII—80 г.
Голос. 1880 г. №№ 206, 207, 210, 215.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 104.

Историко - революционный альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 240.

Попов, М. Из моего прошлого. М. Г. 1908. 2. Стр. 187—204.

Дело Сыцякко и др. в Харькове. 22/IX—80 г.

Данилов, В. А. Из воспоминаний. (Процесс Сыцякко. 1879—1880). Бл. 1907, 8. Стр. 229—240.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 105.

Историко - революционный альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 284.

Свод показаний, данных некоторыми из арестованных, по делам о государственных преступлениях. Бл. 1907, 8. Стр. 107—112.

Дело Ковальской, Щедрина и др. 26/V—81 г.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897 г. Стр. 108.

Историко - революционный альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник». II. Стр. 169—170.

Дело Манучарова, 19/XII—85 г.

За сто лет. Ред. В. Бурцева. Лондон. 1897. Стр. 124.

Историко - революционный альманах. Ред. Бурцева. Изд. «Шиповник» II. Стр. 347.

Манучаров, И. Мой процесс. Бл. 1906. 7. Стр. 48—54.

славском крае 1860—1917 г.г. К. и Сс. 1923. 5. Стр. 62—65.

Глава из одной книги, секретно изданной жандармами. Бл. Изд. соц. рев. 1903. № 3. Стр. 187—190; № 5. Стр. 61—74.

Дейч, Л. Южные бунтари. ГМ. 1920—21. Стр. 66.

Письмо Курицына и ответ на него редакции. Бл. 1906. 8. Стр. 273—286.

г) Тюрьма и ссылка.

Аптектман, О. В. Из воспоминаний Семлевольца. Петропавловская крепость. М. Г. 1908. 5—6. Стр. 297—327.

Аптектман, О. В. Флеровский и кружок Долгушина. Бл. 1922. 18. Стр. 71—77.

Белокопский, И. П. Отрывки из воспоминаний. Г. М. 1914. 3, 4, 7, 12. Стр. 135—154; 154—173; 138—162; 138—165.

Белый, Я. Воспоминания сельского 80-х годов. К. и Сс. 1923. 6. Стр. 93—116.

Богданов, С. Б. Помощник присяжного поверенного Е. С. Семяновский — один из первых карицев. Предсмертное письмо Е. С. Семяновского к отцу. Бл. 1906. 11. Стр. 108—118 и 126—127.

Виташевский, Н. В Иркутской тюрьме 25 лет тому назад. М. Г. 1908. 7. Стр. 103—118.

Виташевский, Н. В. Мценской «гошплице». Бл. 1907. 4. Стр. 173—190.

Виташевский, Н. На Каре. Г. М. 1914. 8. Стр. 110—147.

Виташевский, Н. Централка. (Из воспоминаний). Бл. 1906. 7. Стр. 107—135.

Вперед! Непериодическое обозрение. Т. V. 1877. Лондон. Стр. 59—71 и 136—140. (Что делается на родине?).

Данилов, В. А. Из пережитого. Бл. 1907. 10. Стр. 198—217.

Дебагорий-Мокриевич, Вл. Воспоминания. II. Изд. Н. Глаголева. Стр. 410—567.

Дейч, Л. Г. 16 лет в Сибири. 3-е изд. Изд. «Девятое Января». М. 1924.

Джабадари, И. С. В неволе. Воспоминания. Бл. 1906, 5, 6. Стр. 39—62; 157—177.

Долгушин, А. В. Заживо погребенные. Историко-революционная библиотека. П. Госиздат. 1920. Стр. 60—75.

Жебунев, Сергей. Отрывки из воспоминаний. Бл. 1907. 5. Стр. 253—268.

Заполарный, Ян. «Бунт» пересыльных политических в красноярской тюрьме. Бл. 1907. 10. Стр. 115—122.

Ивановская, П. Страницка из истории каторги. (Карицкая женская тюрьма). К. и Сс. 1923. 5. Стр. 170—179.

Иллич-Свечиц, В. В. В эпоху «диктатуры сердца». (Из времени пребывания «централистов» в Мценске 1880—81 г.). М. Г. 1908. 5—6. Стр. 434—449.

Кантор, Р. М. Побег из Иркутской тюрьмы в феврале 1880 г. К. и Сс. 1923. 5. Стр. 179—183.

Кеннан, Джордж. Сибирь. Перев. с немецк. Изд. М. В. Пирожкова. Т. I и II. 1906.

Колосов, Е. Е. Государева тюрьма. — Шлиссельбург. Издан. «Атеней». II. 1924.

Кон, Феликс. На Каре. К. и Сс. 1923. 3. Стр. 5—42.

Литература п. Народной Воли. Под ред. В. Базилевского. В. I. II. Стр. 37—38.

Манучаров, И. Из Шлиссельбурга на Сахалин. Бл. 1907. 8. Стр. 31—42.

Манучаров, И. Эпизод из жизни в Шлиссельбургской крепости. Бл. 1906. 8. Стр. 81—82.

Морозов, Николай. Из степ неволи. Шлиссельбургские мотивы. Изд. «Донская Рель». 1906.

Никифоров, Лев. Мои тюрьмы. Г. М. 1914. 5. Стр. 168—201.

Новорусский, М. Выход из Шлиссельбурга на волю. М. Г. 1908. 12. Стр. 1—28.

Пекарский, Э. К. Рабочий Петр Алексеев. (Из воспоминаний). Бл. 1922. 19. Стр. 87—118.

Попов, М. К. Биографии Ипполита Никитича Мышкина. Бл. 1906. 2. Стр. 252—271.

Попов, М. Р. Л. А. Волкенштейн. Г. М. 1918. 4—6. Стр. 71—79.

Попов, М. Р. Мечты о свободе. (Из шлиссельбург. воспоминаний). Г. М. 1917. 7—8. Стр. 257—286.

Прибылева, А. Мои воспоминания о Каре. Р. В. 1914. 3. Стр. 130—150.

Прибылев, А. Еще о карийской трагедии 1889 г. (По поводу статьи Ф. Кона «Кара»). К. и Сс. 1924. 1. Стр. 123—142.

Свечиц, В. С. Надгробное слово Александру II. Историко-революционная библиотека. П. Госиздат. 1920. Стр. 5—59.

Синегуб, С. Воспоминания чайковца. Бл. 1906. 9, 10. Стр. 113—125, 31—77.

Синегуб, С. Воспоминания чайковца. Р. М. 1907. 9, 10, 11. Стр. 85—107; 29—49; 1—15.

Стеблин-Наменский, Р. А. Григорий Анфимович Попко. Бл. 1907—5. Стр. 194—204.

Tikhomirov, L. Conspirateurs et policiers. Paris. 1887. стр. 109—199.

Чудновский, С. Из дальних лет. (Отрывки из воспоминаний 1874—77 г.). М. Г. 1908. 4. Стр. 219—251.

Чудновский, С. Из дальних лет. В. Е. 1912. 1, 3. Стр. 121—154; 162—187.

Чудновский, С. Из дальних лет. (Отрывки из воспоминаний 1878—79 г.). М. Г. 1908. 7. Стр. 156—197.

Энгельмейер, А. Казнь Млодецкого. Г. М. 1917. 7—8. Стр. 184—192.

Голос. 1879 г. № 139.

V. Народники. Материалы для биографии.

Дейч, Л. Русская революционная эмиграция 70-х год. Госиздат. П. 1920.

Алексеев, Петр Алексеевич.

Большая энциклопедия. Ред. Южакова. Т. XXI. Стр. 17.

Волховский, Ф. Ткань Петр Алексеевич Алексеев. Книгоиздат. «Народная Воля». II. 1906 г.

Каллаш, В. В. Речи и биографии. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 13—19 и 99—106.

К биографии Петра Алексеевича Алексеева. Бл. 1907. 10. Стр. 113—114.

Майнов, И. И. Петр Алексеевич Алексеев. Изд. «Красная Новь». М. 1924 г.

Пекарский, Э. К. Рабочий Петр Алексеев. (Из воспоминаний). Бл. 1922. 19. Стр. 80—118.

Армфельд, Н. А.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 34.

Брешковская, Е. И. Из воспоминаний. Г. М. 1918. 10—12. Стр. 192—207.

То же. Изд. журн. Г. М. М. 1919. Стр. 26—41.

То же. Из истории рев. движ. в России. Вып. II. Г. М. 1918. 10—12. Стр. 192—207.

Дейч, Л. 16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924. Стр. 325—326.

Кеннан, Джордж. Сибирь. Перев. с немецк. Изд. М. В. Пирожкова. Т. II. СПб. 1906. Стр. 76—88.

Прибылева, А. Мои воспоминания о Каре. Р. В. 1914. 3. Стр. 141—144.

Бардина, С. И.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 48—49.

Каллаш, В. В. Речи и биографии. Издан. Саблина. М. 1907. Стр. 8—12; 57—98.

Софья Илларионовна Бардина. Книгоиздательство «Друг Народа». II. 1906.

Степняк-Кравчинский, С. М. Собр. соч. Часть II. П. 1907. Библ. Светоч. Стр. 241—262.

Бохановский, И.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 74.

Дейч, Лев. Южные бунтари. Г. М. 1920—21. Стр. 63.

Степняк-Кравчинский, С. М. Собр. сочин. Ч. II. Библиотека «Светоч». СПб. 1907. Стр. 139—144.

Хроника социалистического движения в России. Изд. В. М. Саблина. М. 1907. Стр. 29—31.

Брантнер.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 76.

Дебагорий-Мокриевич, Вл. Воспоминания. Изд. Н. Глаголева. СПб. Стр. 298—408.

Дейч, Л. За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Грани». 1923 г. Стр. 252—254.

Брешковская, Е.

Аксельрод, П. Б. Пережитое и передуманное. Кн. I. Изд. З. И. Гржебина. 1923. Стр. 102—103.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 77.

Брешко-Брешковская, Е. К. Из воспоминаний. Г. М. 1918, 10—12. Стр. 169—235.

Кеннан, Джордж. Сибирь, Перев. с немецкого. СПб. Изд. М. В. Пирожкова. 1906. Т. II. Стр. 34—35.

Прибылева, А. Мои воспоминания о Каре. РБ. 1914. 3. Стр. 133—134.

Пругавин, А. «Бабушка» в ссылке. В. Е. 1912, 12. Стр. 308—313.

Синегуб, С. Воспоминания чайковца. Р. М. 1907. 10. Стр. 30—32.

The little grand mother of the russian revolution. Reminiscences and letters of Catherine Brshkovsky. Edited by Alice Stone Brackwelle. Boston. 1918.

Тютчев, И. Отрывки из воспоминаний. Р. Э. 1914. 1. Стр. 121—125.

Веймар, О. Э.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 94—95.

Дейч, Л. 16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924. Стр. 328.

Кеннан, Джордж. Сибирь. Перев. с немецкого. Изд. М. В. Пирожкова. Т. II. 1906. Стр. 89—92.

Виттенберг, С.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 110.

Дейч, Л. За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Грани». 1923. Стр. 288—232.

Литература п. Народной Воли. Ред. Назиловского. П. В. I. Стр. 8.

Войнаральский, П.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 119—120.

Дебагорий-Мокриевич, В. К. Воспоминания. II. Изд. Глаголева. Стр. 120—121.

Дейч, Л. 16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924 г. Стр. 174, 175 и 329.

[Ковалик, С.] Старик. Движение семидесятых годов по Большому процессу. (193-х). Бл. 1906, 11. Стр. 45—50.

Синегуб, С. С. Воспоминания чайковца. Бл. 1906, 10. Стр. 45—48.

Хроника социалистического движения в России. Изд. В. М. Саблина. М. 1907. Стр. 31—32.

Волховский, Ф.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 124—125.

Волховский, Ф. Отрывки одной человеческой жизни. Совр. 1911. 4. Стр. 254—267.

Ковалик, С. Старик. Движение немецк. Т. I. Изд. М. В. Пирожкова. СПб. 1906 Стр. 148—149.

[Ковалик, С.] Старик. Движение 70-х годов по большому процессу. Бл. 1906, 11. Стр. 37—39; 45—50.

Кудрин, Н. Е. Феликс Вадимович Волховский. Р. Б. 1914. 9. Стр. 364—365.

Перрис, Д. Пioneры русской революции. Освободительная библиотека. Изд. Карчагина. П. 1906. Стр. 55—69.

Синегуб, С. С. Воспоминания чайковца. Бл. 1906. 10. Стр. 54—55, 59, 64—66.

Чайковский, Н. В. Ф. В. Волховский. Г. М. 1914. 10. Стр. 232—235.

Чудновский, С. Л. Отрывки из воспоминаний 1872—1873 г.г. Наша Страна. Историч. сборник. СПб. 1907. Стр. 331—334.

Гобст. (Федоров).

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 187.

Дейч, Л. За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Грани». 1923 г. Стр. 228—232.

Лавиценко, И. Я.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 232.

Данилов, В. А.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 233—234.

Данилов, В. А. Из пережитого. Бл. 1907, 10. Стр. 198—217.

[Ковалик, С.] Старик. Движение 70-х годов по большому процессу. Бл. 1906, 11. Стр. 43—45.

Дебагорий-Мокриевич, Вл.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 258—259.

Дебагорий-Мокриевич, В. Воспоминания. II. Изд. Н. Глаголева.

Дейч, Лев. За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Грани» 1923 г. Стр. 92—93; 173—177.

[Ковалик, С.] Старик. Движение 70-х годов по большому процессу. Бл. 1906, 10. Стр. 23.

Чудновский, С. Л. 1873—1874 г.г. Народническое движение. Арест. Наша страна. Историч. сборн. СПб. 1907. Стр. 357.

Дейч, Л. Г.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 262—266.

Дейч, Л. За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Грани». 1923 г.

Дейч, Л. За полвека. Ч. I. Изд. «Задруга». М. 1922 г. Ч. II. Изд. «Колос». М. 1923 г.

Дейч, Л. Почему я стал революционером. Г. М. 1919. 5—12. Стр. 5—39.

Дейч, Л. 16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924 г.

Дейч, Л. Южные бунтари. Г. М. 1920—1921 г. Стр. 44—71.

Хроника социалистического движения в России. Изд. В. М. Саблина. М. 1907. Стр. 29—31.

Джабадари, И. С.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 268.

Дейч, Л.—16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924. Стр. 330.

Джабадари, И. С.—Процесс 50-ти (Всероссийск. соц.-рев. организация) 1874—77 г.г. Бл. 1907, 8, 9, 10. Стр. 1—26, 169—192 и 168—197.

Невролог И. С. Джабадари. Г. М. 1913 г., 6, стр. 290—291.

Дмоховский, Л. А.

Большая энциклопедия. Ред. Южакова. Т. XXI, стр. 278.

Долгушин, А. В.

Большая энциклопедия. Ред. Южакова. Т. XXI, стр. 284—285.

Дейч, Л.—16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924. Стр. 331.

Дробязгин, И.

Большая энциклопедия. Ред. Южакова. Т. XXI. Стр. 296.

Дебагорий-Мокриевич, Вл. Воспоминания. Изд. Н. Глаголева. СПб. Стр. 281—284.

Дейч, Лев.—Южные бунтари. ГМ. 1920—21 г. Стр. 63—64.

Дьяков, В. М.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 311—312.

Герасимов, В. Питомец воспитательного дома. Автобиография. Бл. 1906, 6. Стр. 96—99.

Жебуневы, бр.

Большая энциклопедия. Ред. Южакова. Т. XXI. Стр. 327.

[Ковалик, С.] Старик.—Движение 70-х годов по большому процессу. Бл. 1906, 11. Стр. 39.

Чудновский, С. Л.—1873—1874 г.г. Народническое движение. Арест. Наша страна. Истор. сборн. СПб. 1907. Стр. 358—359.

Засулич, В. И.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 359.

Воспоминания В. И. Засулич. Бл. 1919, 14. Стр. 89, 107.

Дейч, Л.—Вера Ивановна Засулич. ГМ. 1919, 5—12. Стр. 199—210.

Дейч, Лев.—За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Грани». 1923 г. Стр. 82—84.

Дейч, Л.—Южные бунтари. ГМ. 1920—21. Стр. 54—56.

Степняк-Кравчинский, С. М. Собр. соч. Ч. II. П. 1907 г. Библиотека Светоч. Стр. 81—89. То же. Подпольная Россия. Изд. Библи. для всех. П. 1905. Стр. 87—95.

Флоренко, М.—Из воспоминаний о Вере Ивановне Засулич. К. и Сс. 1924, 3 (10). Стр. 241—247.

Зданович, Г. Ф.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 362—363.

Дейч, Л.—16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924. Стр. 332.

Каллаш, В. В.—Речи и биография. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 20—23 и 107—118.

Иванчин-Писарев.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 404—405.

Бочкарев, В.—Очерки по истории революционного движения и борьба с ним в Ярославском крае. 1860—1917 г. К. и Сс. 1923, 5. Стр. 61—82.

Мякотин, В.—Памяти А. И. Иванчин-Писарева. Р. З. 1916, 7. Стр. 267—269.

Калепкина, М.

Дейч, Л.—Южные бунтари. Г. М. 1920—21. Стр. 56—58.

Каминская, Б.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 480—481.
Община. 1878. № 6—7, 8—9. Стр. 11—13, 7—9.

Клеменц, Д. А.

Белокопский, И. П.—Отрывки из воспоминаний. ГМ. 1914, 12. Стр. 141—147.

Дейч, Л.—Дмитрий Александрович Клеменц. (Со статьей В. И. Засулич). Историко-революционная библиотека. П. Госиздат. 1921.

Дейч, Лев.—Один из последних семидесятидневков. Г. М. 1914, 6. Стр. 86—109.

Мякотин, В.—Памяти Д. А. Клеменца. Р. Б. 1914, 2. Стр. 341—344.

Полов, И. И.—Д. А. Клеменц. (Некролог). Г. М. 1914, 2.

Степняк-Кравчинский, С. М. Собр. соч. Ч. II. П. 1907. Библ. Светоча. Стр. 45—54.

То же.—Подпольная Россия. Изд. Библ. для всех. П. 1905. Стр. 49—59.

Ковалевская, М. П.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 551.

Дейч, Л.—16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924. Стр. 185—187.

Осмоловский, Г. Ф.—Кавийская трагедия. (Из воспоминаний). Бл. 1906, 6. Стр. 79.

Ковалик, С. Ф.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 551—552.

Дебагорий-Мокиевич, В.—Воспоминания. П. Изд. Слаголева. Стр. 118—123.

Дейч, Л.—16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924. Стр. 174, 175, 336.

[Ковалик, С.] Старик.—Движение 70-х годов по большому процессу (193). Бл. 1906, 10, 11, 12.

Ковальский, И. М.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 553—555.

Виташевский, Н.—Первое вооруженное сопротивление. Первый военный суд. Бл. 1906, 2. Стр. 223—234 и. 238—241.

То же.—Русская Историческая Библиотека № 17.

Дейч, Л.—За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Граци». 1923. Стр. 182—193.

Иллич-Свитыч, В.—Мое знакомство с И. М. Ковалевским. Бл. 1906, 8. Стр. 142—157.

Чудновский, С. Л.—Из дальних лет. Бл. 1907, 10. Стр. 235—239.

Костурин, В.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 619.

Дейч, Л.—16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924. Стр. 337.

Дейч, Л.—Южные бунтари. Г. М. 1920—21 г. Стр. 64.

Фроленко, М. Побег Алеши Поповича. Бл. 1906, 5. Стр. 67—76.

Кравчинский, С.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 624—626.

Воспоминания о С. М. Кравчинском. Бл. Изд. Соц.-рев. 1903. № 4. Стр. 29—31.

Дейч, Лев.—Сергей Михайлович Кравчинский. Степняк. (Баловень судьбы). П. 1919 г.

Дейч, Л.—С. М. Кравчинский. С приложением статьи В. И. Засулич. Ист. револ. библиот. Госиздат. 1919 г.

Кропоткин, П.—С. М. Степняк-Кравчинский. Собр. соч. Ч. I. П. 1907. Библиотека «Светоча». Стр. XI—XXXI.

То же.—Подпольная Россия. Изд. Библиотеки для всех. П. 1905. Стр. 69—77.

Перрис, Д.—Пионеры русской революции. Освободительная библиотека. Изд. В. Д. Карчагина. П. 1906. Стр. 70—94.

Шишко, Л.—Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев. Изд. Вл. Распопова. П. 1906.

Крылова, М. К.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 645.

Брешко-Брешковская, Е. К.—Из воспоминаний. Г. М. 1918, 10—12. Стр. 219—230.

То же.—Из истории револ. борьбы в России. Вып. II. Г. М. 1918, 10—12. Стр. 219—230.

Куприянов, М. В.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 657.

Община. 1878, № 6—7. Стр. 13—15.

Кутитонская, М. И.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 667.

В-в.—Русские женщины на эшафоте. М. 1907. Стр. 96—98.

Дейч, Л.—16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924. Стр. 339.

Кеннан, Джордж.—Сибирь. Т. II. Изд. М. В. Пирожкова. СПб. 1906. Стр. 116—120.

Лешерн, Ф., Герцфельд, С. А.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 696—697.

Брешко-Брешковская, Е. К.—Из воспоминаний. Г. М. 1918, 10—12. Стр. 174—192.

То же.—Изд. журн. ГМ. М. 1919 г. Стр. 8—26.

То же.—Из истории револ. борьбы в России. Вып. II. ГМ. 1918, 10—12. Стр. 174—192.

В-в. Русские женщины на эшафоте. М. 1907. Стр. 9—10.

Дейч, Л.—16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924. Стр. 182—183.

Прибылева, А.—Мои воспоминания о Каре. Р. Б. 1914, 3. Стр. 144—146.

Лизогуб, Д. А.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 699—701.

Литература п. Народной Воли. Под ред. В. Базилевского. В. I. П. Стр. 226—233.

Степняк-Кравчинский, С. М. Собр. соч. Ч. II. 1907. Библиотека «Светоча». Стр. 72—78.

То же.—Подпольная Россия. Изд. Библиот. для всех. П. 1905. Стр. 77—83.

Лисянский, С. А.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 708.

Логовенко, И. А.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 713.

Лозинский, М. П.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 714.

Лукашевич, А. О.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 722—723.

Дейч, Л.—16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924. Стр. 340.

Любатович, О.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 735.

Степняк-Кравчинский, С. М. Собр. соч. Ч. II. П. 1907. Библ. «Светоча». Стр. 3—39.

Майданский, Л.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXXI. Стр. 743.

Дейч, Л.—За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Граци». 1923. Стр. 72, 121—122, 174—175.

Маликов.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 748—749.

[Ковалик, С.] Старик.—Движение 70-х годов по большому процессу (193). Бл. 1906, 11. Стр. 56—58.

Малинка, В.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 749.

Дебагорий-Мокриевич, Вл. Воспоминания. Изд. Н. Глаголева. СПб. Стр. 291—295.

Дейч, Л.—За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Грани». 1923. Стр. 131.

Дейч, Л.—Южные бунтари. Г. М. 1920—21. Стр. 64—65.

Манучаров, И. Л.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 760—761.

Манучаров, И.—Мой процесс. Бл. 1906, 7. Стр. 48—54.

Минаков, Е. И.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 13—14.

Мирский, Л. Ф.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 20.

Дейч, Л.—16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». (М. 1924. Стр. 131—132.

Муравский, М. Д.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 63.

Лемке, М. «Молодость отца Митрофана». Бл. 1907, 1. Стр. 188—233.

Мышкин, И. Н.

Александров, А.—Арест И. Н. Мышкина. Бл. 1906, 10. Стр. 259—260.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 72—74.

Брешковская, Е. К.—Ипполит Мышкин и архангельский кружок. Книгоиздат. «Народная Мысль». М. 1906.

Дебагорий-Мокриевич, Вл.—Воспоминания. II. Изд. Глаголева. Стр. 185—190.

Каллаш, В. В.—Речи и биографии. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 28—83 и 119—152.

К биографии И. Н. Мышкина. Бл. 1907, 7. Стр. 139—140.

[Ковалин, С.] Старик.—Движение 70-х годов по большому процессу (193). Бл. 1906, 11. Стр. 53—56.

Попов, М.—К биографии Ипполита Никитича Мышкина. Бл. 1906, 2. Стр. 252—271.

То же.—Ростов-на-Дону. 1906.

Чевнавский, М.—Ипполит Никитич Мышкин. (По воспоминаниям каторжанина 70—80 г.г.). К. и Со. 1924, 1 (8). Стр. 18—41.

Натансон, М. А.

Аксельрод, П. Б.—Пережитое и передуманное. Кн. I. Изд. З. И. Гржебна. 1923 г. Стр. 152—157.

Аптеман, О. В.—Две дорожки тени. Бл. 1921, 16. Стр. 7—14.

Аптеман, О. В.—Общество Земля и Воля, 70-х годов. Изд. «Колос». П. 1924. Стр. 202—210.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 100—102.

Дейч, Л.—За полвека. Ч. II. Изд. «Колос». 1923 г. Стр. 24—27.

Дейч, Л.—За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Грани». 1923. Стр. 100.

Натансон, Ольга.

Аптеман, О. В.—Общество Земля и Воля 70-х годов. Изд. «Колос». П. 1924 г. Стр. 210—215.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 102.

Обнорский, В. П.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 157.

Дейч, Л.—Виктор Обнорский. П. Р. 1921, 3. Стр. 44—61.

Кантор, Р.—К биографии Виктора Обнорского. К. Л. 1922, 5. Стр. 348—353.

Осинский, В.

Аптеман, О. В.—Общество Земля и Воля». Изд. «Колос». П. 1924. Стр. 234—237.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 201—203.

Дебагорий-Мокриевич, Вл.—Воспоминания. Изд. Н. Глаголева. СПб. Стр. 319—335 и 398—408.

Литература п. Народной Воли. Ред. Б. Базилевского. В. I. П. 1907. Стр. 67—76.

Письма Валерия Осинского. Бл. Лондон. 1904. № 6. Стр. 46—47.

Степняк-Кравчинский, С. М. Собр. соч. Ч. II. П. 1907. Библ. Светоч. Стр. 54—64.

То же.—Подпольная Россия. Изд. Библ. для всех. П. 1905. Стр. 59—69.

Петерсон, А. Н.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 259.

Поливанов

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 310—312.

[Майнов]. Саратовец.—Саратовский семидесятник. (Из воспоминаний). МГ. 1908, 1, 3, 4. Стр. 244—276; 171—268; 252—282.

Полко, Г. А.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 323—324.

Стеблин-Каменский, Р. А.—Григорий Анфимович Полко. Бл. 1907, 5. Стр. 179—204.

Попов, М. Р.

Аптеман, О. В.—Общество «Земля и Воля». Изд. «Колос». П. 1924. Стр. 237—242.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 325—327.

Попов, М. Р.—Мечты о свободе. (Из шлисельбургских воспоминаний). Г. М. 1917, 7—8. Стр. 267—286.

Сватиков, С.—Михаил Родионович Попов.—Галерея шлисельбургских узников. Ч. I. СПб. 1907. Стр. 152—176.

Фропенко, М.—Михаил Родионович Попов. Г. М. 1917, 7—8. Стр. 171—179.

Рогачев, Д. М.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 407—408.

Дейч, Л.—За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Грани». 1923 г. Стр. 194—203.

[Ковалин, С.] Старик.—Движение 70-х годов по большому процессу (193). Бл. 1906, 11. Стр. 50—53.

Свириденко, А. [Антонов].

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXI. Стр. 29.

Дебагорий-Мокриевич, В.—Воспоминания. Изд. Н. Глаголева. СПб. Стр. 398—408.

Семяновский, Е. С.

Богданов, С. Б.—Помощник присяжного поверенного Е. С. Семяновский—один из первых карьерцев. Бл. 1906, 11.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 493.

Синегуб, С. С.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 501—503.

Синегуб, С.—Воспоминания чайковца. Р. М. 1907, 9, 10, 11. Стр. 85—107; 29—49; 1—15.

Сиряков, А. И.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 504.

Соловьев, Н. А.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 521—522.

Покушение А. К. Соловьева на царевичество. 2 апреля 1879 г. Бл. 1908, 1, 2, 3. Стр. 133—150; 85—107; 184—203.

Хроника соц. движения. Оф. отч. Изд. Саблина. М. 1907. Стр. 45—51.

Союзов, И. О.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 524.

Суцянко, А. И.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 564.

Фесенко, И. Ф.

Дейч, Л.—За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Грани». 1923 г. Стр. 96—98.

Дейч, Л.—Один из первых наших марксистов. (Из периода хождения в народ). В. Е. 1911, 12. Стр. 84—110.

Чайковский, Н. В.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 642.

Чикоидзе, М. Н.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 647—648.
Джабадари, И. С.—Процесс 50-ти. (Всероссийская Социально-Революционная Организация 1874—77 г.г.). Вл. 1907. 9. 173—192.

Чубаров, С. Ф.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 648.
Дейч, Лев.—Южные бунтари. Гм. 1920—21. Стр. 62—63.

Чудновский, С.

Кеннан, Джордж.—Сибирь. Перев. с немецк. Т. I. Изд. М. В. Пирожкова. СПб. 1906. Стр. 146—147.

Чудновский, С.—Из дальних лет. (Отрывки из воспоминаний). Вл. 1907, 9, 10. Стр. 278—295; 218—240.

Чудновский, С.—Из дальних лет. В. В. 1912, 1, 3. Стр. 121—154; 162—187.

Алфавитный указатель использованных книг, брошюр, журнальных статей и газет.

А.

А—в, Н. Побег П. А. Кропоткина. По материалам архива III отделения. Вл. 1921, 17.

Аксельрод, П. Б.—Пережитое и передуманное. Изд. З. И. Гржебина. 1923. Кн. I.

Александров, А.—Арест П. Н. Мышкина. Вл. 1906, 10.

Анзимиров, В. А.—Крамольники. (Хроника из радикальных кружков семидесятых годов). М. 1907.

Аптектман, О.—Две дорогие тени. Вл. 1921, 16.

Аптектман, О.—Зачатки культурного народничества в 70-х годах. Ист. парт. Ист.-рев. сборн. Под ред. В. И. Невского. Т. I. Ленинград. 1924 г.

Аптектман, О.—Из воспоминаний землевольца. Петропавловская крепость. М. Г. 1908, 5—6.

Аптектман, О.—Из истории революц. народничества. «Земля и Воля» 70-х годов. Русская Историческая Библиотека. № 19.

Чудновский, С. Л.—Отрывки из воспоминаний 1872—1873 г.г. Наша страна. Исторический сборник. СПб. 1907. Стр. 331—376.

Шишко, Л. Э.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 653—654.
Памяти Леонида Эммануиловича Шишко. Изд. партии соц.-рев. 1910 г.
Синегуб, С.—Воспоминания чайковца. Р. М. 1907, 10. Стр. 37—39.

Щедрин, Н. П.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 656—657.
Попов, М.—Николай Павлович Щедрин. Вл. 1906, 12. Стр. 123—130.

Яцевич, Н. В.

Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII. Стр. 673.
Дейч, Л.—16 лет в Сибири. Изд. «Девятое Января». М. 1924 г. Стр. 129—130.

Б.

Аптектман, О.—О-во «Земля и Воля» 70-х годов. II. Изд. «Колос». 1924.

Аптектман, О.—Отрывок из воспоминаний землевольца. С. Ж. 1906, 9, 10, 11, 12.

Аптектман, О.—Флеровский-Берви и чайковцы. Вл. 1922, 19.

Аптектман, О.—Флеровский и кружок Долгушина. Вл. 1922, 18.

Бакунин, М. А.—Государственность и анархия. Избран. соч. Т. I. Изд. «Голос Труда». II. и М. 1919.

Бакунин, М. А.—Клито-германская империя и социальная революция. Избран. сочинения. Т. II. Изд. «Голос Труда». II. и М. 1920.

Батурин, Н.—Очерки из истории рабочего движения 70-х и 80-х годов. Изд. «Путь Просвещения». Харьков. 1923.

Белокозский, И. П.—Отрывки из воспоминаний. Г. М. 1914, 3, 4, 7, 12.

Белый, Я.—Воспоминания осмысленного 80-х годов. К. и Сс. 1923, 6.

Bieslock, I. W. Histoire du mouvement revolutionnaire en Russie. Paris. 1920.

Богданович, Т. А.—Хождение в народ. Изд. «Новая Россия». П.

Богданов, С. Б.—Помощник присяжного поверенного Е. С. Семяновский—один из первых карибцев. Вл. 1906, 11.

Богучарский, В.—Активное народничество семидесятых годов. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1912.

Богучарский, В.—В 1878 году. Г. М. 1917, 7—8.

Большая энциклопедия. Под ред. С. Южакова. Т. XXI и XXII.

Бочкарев, В.—Очерки революционного движения и борьба с ним в Ярославском крае. 1860—1917 г. К. и Сс. 1923, 5.

Брешко-Брешковская, Е. К.—Из воспоминаний. Г. М. 1918, 10—12.

Брешко-Брешковская, Е. И.—То же. Изд. журнала Г. М.; М. 1919.

Брешко-Брешковская, Е. И.—То же. Из истории рев. движ. в России. Вып. II. Г. М. 1918, 10—12.

Брешко-Брешковская, Е. И.—Импозит Мышкин и Архангельский кружок. Книгоизд. «Народная Мысль». М. 1906.

Буланова-Трубинова, О.—Странички воспоминаний. Вл. 1924, 24.

Бурцев, В. Л.—Северо-русский рабочий союз. Вл. 1906, 1.

Бухбиндер, Н. А.—Из истории революцион. пропаганды среди евреев в России в 70-х г.г. Ист. парт. Ист.-рев. сборн. Под ред. В. И. Невского. Т. I. Госиздат. Ленинград. 1924.

Бычков, А.—Побег. (1882). Вл. 1907, 8.

В.

В. В.—Корни народничества 70-х годов.

Васильев, Н.—В 70-е годы. М. Б. 1906, 6, 7.

В—в.—Русские женщины на эшафоте. М. 1907.

Вера Засулич в воспоминаниях Анри Рошфора. Г. М.

Вестник Народной Воли. 1884. № 2.

Виташевский, Н.—В Иркутской тюрьме 25 лет тому назад. М. Г. 1908, 7.

Виташевский, Н.—В Мценской «гостинице». Вл. 1907, 4.

Виташевский, Н.—На Каре. Г. М. 1914, 8.

Виташевский, Н.—Первое вооруженное сопротивление—первый военный суд. Вл. 1906, 2.

Виташевский, Н.—Централка. (Из воспоминаний). Вл. 1906, 7.

Влодыченко, П.—Памяти учителя и погибших друзей. (Е. О. Заславский, его кружок и южно-рос. союз рабочих в Одессе). К. и Сс. 1923, 5.

Волховский, Ф.—Тяча Петр Алексеевич Алексеев. Книгоизд. «Народная Воля». П. 1906.

Волховский, Ф.—Отрывки одной человеческой жизни. Оврем. 1911, 4.

Воспоминания В. И. Засулич. Вл. 1919, 14.

Воспоминания о С. М. Кравчинском. Вл. Изд. соц.-рев. 1903. № 4.

Вперед. Непериодическое обозрение. Т. I. 1873. Т. II. 1874. Цюрих. Т. III. 1874. Лондон. Т. V. 1877. Лондон.

Г.

Галлерей Шлиссельбургских узников. Ч. I. СПб. 1907.

Геккер, Н.—В. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов. С. З. 1913, 2.

Геккер, Н.—Наша юность. Эв. 1913, 7.

Герасимов, Василий.—Жизнь русского рабочего полвека тому назад. Изд. «Былое». П. 1919.

Герасимов, Василий.—Питомец воспитательного дома. Изд. «Донская Речь». Рост.-н.-Д. 1906.

Герасимов, Василий.—То же. Вл. 1906, 6.

Гиларов, Ф. А.—15 лет Крамоль. М. 1883.

Глава из одной книги, секретно изданной жандармами. Вл. Изд. соц.-рев. 1903. № 3.

Глаголь, Сергей.—Процесс первой русской террористки. Г. М. 1918, 7—9.

Глинский, Б. Б.—Революционный период русской истории. Изд. «Новое Время». П. 1913.

Головина-Юргансон, Н.—Мои воспоминания. К. и Сс. 1924, 1 (8).
Голос. (Газета политич. и литерат.). 1874—1880 г.г.

Государственные преступления в России в XIX веке. Сборн. под ред. Б. Бааилевского. П. 1906.

То же.—Stuttgart. 1903.
Гринберг-Кон, Х. Г.—К процессу И. М. Ковальского. Бл. 1906, 10.

Д.

Данилов, В. А.—Из воспоминаний. (Процесс Сыцянка, 1879—1880). Бл. 1907, 8.

Данилов, В. А.—Из пережитого. Бл. 1907, 10.

Дебагорий-Мокриевич, Вл.—Воспоминания. П. Изд. Н. Глаголева.

Дейч, Л.—Вера Ивановна Засулич. Г. М. 1919, 5—12.

Дейч, Л.—Виктор Обнорский. П. Р. 1921, 3.

Дейч, Л.—Дмитрий Александрович Клеменц. (Со статьей В. И. Засулич). Истор.-рев. библ. П. Госиздат. 1921.

Дейч, Л.—За полвека. Т. II. Берлин. Изд. «Грани». 1923.

Дейч, Л.—То же. Ч. I. Изд. «Задруга». М. 1922.

Дейч, Л.—То же. Ч. II. Изд. «Колос». М. 1923.

Дейч, Л.—За рубежом. В. Е. 1912, 9.

Дейч, Л.—Как мы в народ ходили. В. Е. 1910, 10.

Дейч, Л.—На рубеже. В. Е. 1912, 7.

Дейч, Л.—Наша эмиграция в 70-х годах. В. Е. 1913.

Дейч, Л.—Один из первых наших марксистов. В. Е. 1911, 12.

Дейч, Л.—Один из последних семидесятников. Г. М. 1914, 6.

Дейч, Л.—Почему я стал революционером. Истор.-рев. библиотека. Госиздат. П. 1921.

Дейч, Л.—То же. Г. М. 1919, 5—12.

Дейч, Л.—Русская революционная эмиграция 70-х годов. Госиздат. П. 1920.

Дейч, Л.—Сергей Михайлович Кравчинский-Степняк. (Баловень судьбы). П. 1919.

Дейч, Л.—С. М. Кравчинский. С приложением статьи В. И. Засулич. Истор.-рев. библиотека. Госиздат. 1919.

Дейч, Л.—Хождение в народ. (Из воспоминаний). Истор.-рев. библиотека. П. Госиздат. 1920.

Дейч, Л.—Южные бунтари. Г. М. 1920—1921.

Джаббары, И. С.—Процесс 50-ти. (Всероссийская социально-революц. организация) 1874—1877 г.г. Бл. 1907, 8, 9, 10.

Джаббары, И. С.—В неволе. Воспоминания. Бл. 1906, 5, 6.

Долгушин, А. В.—Заживо поребенные. Историко-революцион. Библиотека. П. Госиздат. 1920.

Документы к Чигиринскому делу. Бл. 1906, 12.

Драго, Н.—Записки старого народника. К. и Сс. 1923, 6.

Е.

Ельницкий, А.—Первые шаги рабочего движения в России. Изд. О. Н. Поповой. П.

Ефремов, В. С.—Маленькое дело. Бл. 1907, 5.

Ж.

Жандр, В. (Никитина). Революционная Россия. Перев. с франц. СПб. 1907.

Жебунов, Сергей.—Отрывки из воспоминаний. Бл. 1907, 5.

Житцевский, И.—Литературные воспоминания о семидесятых годах. В. Е. 1908, 10.

З.

Записка министра юстиции графа Пашена. Успехи революционной пропаганды в России. (1875). Бл. 1907, 9.

Заполярный, Ян.—«Бунт» пересыльных политических в Красноярской тюрьме. Бл. 1907, 10.

За сто лет. Под ред. В. Бурцева. Лондон. 1897.

И.

Ивановская, П.—Идиллия. (Отрывочка из воспоминаний семидесятницы). Р. З. 1916, 8.

Ивановская, П.—Отрывочка из истории каторги. (Карийская женская тюрьма). К. и Сс. 1923, 5.

Иванчин-Писарев, А. И.—Из воспоминаний о хождении в народ. За. 1913, 2, 4, 6, 9, 11, 12.

То же.—Изд. ред. журн. «Заветы». П. 1914.

Иванчин-Писарев, А. И.—Побег кн. П. А. Кропоткина. Бл. 1907, 1.

Иллич-Свитыч, В.—В эпоху «диктатуры сердца». (Из времени пребывания «централистов» в Мценске. 1880—81). М. Г. 1908, 5—6.

Иллич-Свитыч, В.—Мое знакомство с И. М. Ковальским. Бл. 1906, 8.

Иллич-Свитыч, В.—Надгробное слово Александру П. Истор.-револ. библиот. П. Госиздат. 1920.

Иохельсон, В.—Далекое прошлое. Из воспоминаний старого народо-вольца. Бл. 1918, 13.

Историко-революцион. альманах. Под ред. В. Бурцева. Изд. «Шиповник».

Историческая Библиотека. Под ред. С. М. Проплера. П. 1907.

К.

Календарь Народной Воли на 1883 г. (Также на 1898 г.).

Каллаш, В. В.—Речи и биографии. Изд. Саблина. М. 1907.

Кантор, Р.—К биографии Виктора Обнорского. К. Л. 1922, 5.

Кантор, Р.—К процессу В. И. Засулич. Бл. 1923, 21.

Кантор, Р.—Побег из Иркутской тюрьмы в феврале 1880 г. К. и Сс. 1923, 6.

Кафиро-Нутузова, О.—Из далекого прошлого. Бл. 1907, 1.

К биографии Петра Алексеевича Алексеева. Бл. 1907, 10.

К делу В. И. Засулич. Г. М. 1917, 7—8.

К делу В. И. Засулич. Бл. 1906, 11.

К биографии И. Н. Мышкина. Бл. 1907, 7.

Кеннан, Джордж.—Сибирь. Перев. с немецк. Изд. М. К. Лирожкова. Т. I и II. 1906.

Коваленский, М. М.—Русская революция в судебных процессах и тюрьмах. Изд. т-ва «Мир». М. 1923.

Ковалин, С. I. Старик.—Движение 70-х годов по большому процессу (193-х). Бл. 1906, 10, 11, 12.

Ковалин, С. I. Старик.—Письмо в редакцию. Бл. 1907, 5.

Ковальская, Е.—Южный рабочий союз в 1880—81 г.г. Бл. Лондон. 1904, № 6.

Колосов, Евг.—Государева тюрьма—Шлиссельбург. Издат. «Атеней». П. 1924.

Кон, Феликс.—На Каре. К. и Сс. 1923, 3.

Корнилов, А.—Общественное движение при Александре II. П. М. Г. 1908, 2—11.

Корнилов, А.—То же. Изд. журн. «Русская Мысль». М. 1908.

Кравчинский, С.—Смерть за смерть. Госиздат. П. 1920.

Кропоткин, П. А.—Должны ли мы заниматься рассмотрением будущего страны? Записка. (1873). Бл. 1921, 17.

Кропоткин, П. А.—Записки революционера. П. 1906.

Кропоткин, П. А.—То же. Книгоизд. «Голос Труда». П. и М. 1920.

Кропоткин, П. А.—Пропытада среди петерб. рабочих в начале 70-х годов. Бл. Лондон. 1900, № 1.

Кудрин, Н. Е. Феликс Владимирович Волковский. Р. Б. 1914, 9.

Kulczski, L.—Geschichte der Russischen Revolution. Gutha. 1911.

Л.

[Лавров, П.] Миртов. Исторические письма. П. 1870.

То же. Изд. журн. «Русское Богатство». П. 1905.

[Лавров, П.] Миртов.—Народники-пропагандисты 1873—78 годов. Изд. И. М. Розенфельда. СПб. 1907.

Ламке, М.—Молодость «отца Митрофана». Бл. 1907, 1.

Лешерн-фон-Герцфельд, М. П.—Из воспоминаний о победе П. А. Кропоткина. Бл. 1921, 17.

Литература партии Народной Воли. Под ред. В. Базилюевского. П.

Лопатин, Герман.—К истории осуждения д-ра О. Э. Веймара. Бл. 1907, 3.

Лопатин, В.—Освобождение Ф. В. Волковского. Г. М. 1914, 4.

Лукашевич, А.—В народ. (Из воспоминаний семидесятника). Бл. 1907, 3.

Луневич, В. В.—Борьба за право и свободу. Изд. Всер. Центр. Союз. Потреб. Обществ. М. 1919.

М.

Майнов, И. И. Петр Алексеевич Алексеев. Изд. «Красная Новь». М. 1924.

[Майнов, И.] Саратовец.—Саратовский семидесятник. (Из воспоминаний). М. Г. 1908, 1, 3, 4.

Манучаров, И.—Из Шлиссельбурга на Сахалин. Бл. 1907, 8.

Манучаров, И.—Мой процесс. Бл. 1906, 7.

Манучаров, И.—Эпизод из жизни в Шлиссельбургской крепости. Бл. 1906, 8.

Михайловский, Н. К.—Сочинения. Т. I и II. Изд. журн. «Русское Богатство». П. 1896.

Молинари.—О южном рабочем союзе. Бл. Лондон. 1904, № 6.

- Морозов, Н. А.**—В начале жизни. Изд. В. М. Саблина. М. 1907.
- Морозов, Н. А.**—Во имя братства. Г. М. 1913, 8—12.
- Морозов, Н. А.**—За свет и свободу. Г. М. 1915, 4, 5.
- Морозов, Н. А.**—Из стен неволи. Шлиссельбургские мотивы. Изд. «Донская Речь», 1906.
- Морозов, Н. А.**—Любомырский. Г. М. 1917, 1.
- Морозов, Н. А.**—Невозвратное бытие. С. З. 1916, 2, 12.
- Морозов, Н. А.**—Повести моей жизни. Т. I—IV. М. 1918.
- Мякотин, В.**—Памяти А. И. Иванчина-Писарева. Р. З. 1916, 7.
- Мякотин, В.**—Памяти Д. А. Клеменца. Р. В. 1914, 2.

Н.

- Некролог Н. С. Джабадари.** Г. М. 1913, 6.
- Николаев-Бергин, Н. М.**—Борьба за свободу за 60 лет. Невское издательство. П. 1922.
- Никифоров, Л.**—Мои тюрьмы. Г. М. 1914, 5.
- Новорусский, М.**—Выход из Шлиссельбурга на волю. М. Г. 1908, 12.

О.

- Община.** Социально-революционное обозрение. 1878. №№ 1, 2, 3—4, 5, 6—7, 8—9.
- Осипович, Н.**—Документы о «невинном» человеке. К. и Сс. 1923, 5.
- Осмоловский, Г. Ф.**—Карийская трагедия. (Из воспоминаний). Бл. 1906, 6.

П.

- Пажитнов, К. А.**—Развитие социалистических идей в России. Т. I. Изд. «Былое». П. 1924.
- Памяти Леонида Эммануиловича Шинко.** Изд. партии соц.-рев. 1910.
- Парский, Э. К.**—Рабочий Петр Алексеев. (Из воспоминаний). Бл. 1923, 19.
- Первые шаги рабочего движения в России.** Изд. О. Н. Поповой. П.
- Перрис, Д.**—Пионеры русской революции. Освобожденная библиотека. Изд. В. Д. Корчагина. П. 1906.
- Писанов, Н. К.**—В народ! Русское революционное народничество сорок лет назад. Изд. «Свет и Свобода». П. 1917.

- Письмо** Валерияна Осинского. Бл. Лондон. 1904. № 6.
- Письмо** Курицына и ответ на него редакции. Бл. 1906, 8.
- Плеханов, Г.**—Русский рабочий в революционном движении. Типогр. «Искры». 1902.
- Плеханов, Г.**—Сочинения. Т. III. Ред. Д. Рязанова. М. и П. Госиздат. 1923.
- Покровский, М.**—Очерки русского революционного движения XIX—XX веков. Курс лекций. Изд. «Красная Новь». М. 1924.
- Покушение** А. К. Соловьева на царевичество 2 апр. 1879 г. Бл. 1918, 1, 23.
- Попов, И. И.**—Д. А. Клеменц (Некролог). Г. М. 1914, 2.
- Попов, М. Р.**—Из моего прошлого. М. Г. 1908, 2.
- Попов, М. Р.**—Из моего революционного прошлого. Бл. 1907, 5, 7.
- Попов, М. Р.** К биографии Исполнителя Никитича Мышкина. Бл. 1906, 2.
- Попов, М. Р.**—К истории рабочего движения в конце семидесятых годов. Г. М. 1920—21.
- Попов, М. Р.**—Л. А. Волкенштейн. Г. М. 1918, 4—6.
- Попов, М. Р.**—Мечты о свободе. (Из шлиссельбургских воспоминаний). Г. М. 1917, 7—8.
- Попов, М. Р.**—Николай Павлович Щедрин. Бл. 1906, 12.
- Попов, М. Р.**—Революционная роль различных групп петербургских рабочих. К. и Сс. 1923, 6.
- Посников, А.**—Общинное земледелие. В. I. Ярославль. 1876. Вып. II. Одесса. 1878.
- Правительственный Вестник.** 1877—1879.
- Прибылева, А.**—Мои воспоминания о Каре. Р. В. 1914, 3.
- Прибылев, А.**—Еще о карийской трагедии 1889 г. По поводу статьи Ф. Кона—«Кара». К. и Сс. 1924, 1.
- Прокламация** «Южно-русского» рабочего Союза об убийстве Александра II. Сообщ. Р. Кантор. К. и Сс. 1923, 5.
- Процесс** Веры Засулич. (Суд и после суда). Книгоизд. «Современник». П.
- Процесс** 50-ти с предисл. В. Каллаша. Издание В. И. Саблина. М. 1906.
- Процесс** 17-ти народолюбцев в 1883 г. Бл. 1906, 10.

- Пругавин, А.**—«Бабушка» в ссылке. В. Е. 1912, 12.

Р.

- Рабочая Заря.** (Корректурный отпечаток). П. Р. 1921, 3.
- Ракитников, Н.**—Новая книга по истории революционного движения 70-х годов. Зв. 1913, 10-а.
- Революционная журналистика** 70-х годов. Ред. Б. Базилевского. Изд. «Донская Речь».
- То же.**—Paris. 1905.
- Революционные кружки** в Саратове. Ред. Дедова, Максимова, Нечетного, Рудина. П. 1906.
- Революционеры** Юга. Историч. Библиотека. Вып. 21-й. СПб. 1907.
- Русанов, Н. С.**—Н. К. Михайловский и общественная жизнь России. Г. М. 1914, 2.

С.

- Свод показаний,** данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях. (Изд. для продажи). Бл. 1907, 6, 7, 8.
- Северный Рабочий Союз.** Бл. Изд. соц.-рев. 1903. № 5.
- Сельский, Е. (Евр. Печоркин).**—По пути к свободе. Изд. П. Бр. А. и И. Гранат. М. 1918.
- Серебряков, Э.**—Очерки по истории «Земля и Воля». СПб. Изд. «Свободный Труд», 1906.
- Серебряков, Э.**—Революционеры во флоте. Бл. 1907, 2, 4.
- То же.**—Истор.-рев. библиотека. П. Госиздат. 1920.
- Синегуб, С.**—Воспоминания чайковца. Бл. 1906, 8, 9, 10.
- Синегуб, С.**—Воспоминания чайковца. Р. М. 1907, 9, 10, 11.
- Сквери, М. П.**—Первая рабочая организация в Одессе. (1875). Всеукр. Гое. Изд. Одесса. 1921.
- Сквери, М. П.**—Южно-Российский Союз Рабочих. (К истории одесского союза 1875 г.). К. и Сс. 1923, 5.
- Соколов, Н. В.**—Отщепенцы. Изд. П. 1872.
- Софья Илларионовна Бардина.** Книгоиздательство «Друг Народа». П. 1906.
- Стеблин-Каменский, Р. А.**—Григорий Анфимович Попко. Бл. 1907, 5.

- Степняк-Кравчицкий, С. М.**—Подпольная Россия. Изд. Библиотека для всех. П. 1905.

Святой революционер. Изд. «Свобода и христианство». Кн. 21. П. 1906.

Т.

- The little grandmother of the russian revolution. Reminiscences and letters of Catharine Breshkovsky.** Edited by Alice Stone Bracwell. Boston. 1918.
- Tikhomirov, L.**—Conspirateur et policiers. Paris. 1887.
- Тун, А.**—История революционного движения в России. Госиздат. П. 1920.
- То же.**—Под ред. Л. Шинко. П. 1917.
- Тютчев, Н.**—Отрывки из воспоминаний. Р. З. 1914, 1.
- Тютчев, Н.**—Разгром «Земли и Воли» в 1878 г. Бл. 1918, 2.

Ф.

- Файнштейн, А.**—Марк Малиновский. Рабочий-пропагандист начала 70-х годов. Изд. «Красная Новь». М. 1923.
- Фалеев, Н. И.**—Россия под охраной. (Историч. очерк). Бл. 1907, 10.
- Фехарн.**—Вооруженная демонстрация 1878 г. в Одессе. К. и Сс. 1924, 1 (8).
- Фигнер, В.**—Из воспоминаний о Н. И. Драго. К. и Сс. 1923, 6.
- Фигнер, В.**—Студенческие годы (1872—1873). Г. М. 1922, 2; 1923, 1, 2.
- Флеровский-Берви.**—Азбука социальных наук. В трех частях. Ч. I и II. СПб. 1871.
- Флеровский-Берви.**—Воспоминания. Г. М. 1916, 1, 2, 5—6.
- Флеровский-Берви.**—Положение рабочего класса в России. СПб. Изд. Н. И. Полякова. 1869.
- Фроленко, М.**—Воспоминания о движении 70-х и 80-х годов. Современ. 1913, 11.
- Фроленко, М.**—Из воспоминаний о Вере Ивановне Засулич. К. и Сс. 1924, 3 (10).
- Фроленко, М.**—Из далекого прошлого. М. Г. 1908, 5—6, 7.
- Фроленко, М.**—Как я был тюремным надзирателем. Р. В. 1906, 5.
- Фроленко, М.**—Михаил Родионович Попов. Г. М. 1917, 7—8.
- Фроленко, М.**—Побег Алеши Поповича. Бл. 1906, 5.

Х.

Хроника социалистического движения в России. Официальный отчет. Изд. Саблина. М. 1907.

Ц.

Цеховский, В. Ф.—Революционеры Юга. Историч. Библиотека. В. 21. Zilliacus Konol. — Das revolutionäre Russland. Frankfurt a/M. 1905.

Ч.

Чайковский, Н. В.—В. Богучарский. «Активное народничество семидесятых годов». М. 1912. Изд. Сабашниковых. Г. М. 1913, 6.

Чайковский, Н. В.—Ф. В. Волковский. Г. М. 1914, 10.

Чернавский, М.—Ипполит Никитич Мышкин. (По воспоминаниям каторжанина 70—80 г.г.). К. и Сс. 1924, 1 (8).

Черный Передел.—Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII.

Черный Передел.—Памятники агитационной литературы. Т. I. П. и М. Госиздат. 1923.

Чудновский, С.—Из дальних лет. (Отрывки из воспоминаний 1874—1877 г.г.). М. Г. 1908, 4.

Чудновский, С.—Из дальних лет. (Отрывки из воспоминаний). Бл. 1907, 9, 10.

Чудновский, С.—Из дальних лет. (Отрывки из воспоминаний 1878—1879 г.г.). М. Г. 1908, 7.

Чудновский, С.—Из дальних лет. В. Б. 1912, 1, 3.

Чудновский, С.—Отрывки из воспоминаний 1872—1873 г.г. Наша Страна. С.ПБ. 1907.

Чудновский, С.—Историч. Сборн. С.ПБ. 1907.

Чудновский, С.—Страничка из воспоминаний. Бл. 1907, 6.

Чудновский, С.—1873—1874 г.г. Народническое движение. Арест и «Наша Страна». Историч. Сборн. С.ПБ. 1907.

Ш.

Шехтер, А.—Из далекого прошлого. К. и Сс. 1923, 5.

Шилов, А. А.—Последняя страница из жизни «Северного Рабочего Союза» в Петербурге в 1880 г. К. Л. 1922, 2—3.

Шишко, Л.—К характеристике движения начала 70-х годов. Р. Б. 1906, 10.

Шишко, Л.—Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. Изд. А. и Н. Гранат. М. 1920.

Шишко, Л.—Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев. С.ПБ. Изд. Вл. Распопова. 1906.

Шэфле, Альберт.—Сущность социализма. С прим. П. Лаврова.

З.

Энгельмейер, А.—Казнь Молодецкова. Г. М. 1917, 7—8.

Ю.

Южно-Российский рабочий союз. Большая энциклопедия. Ред. С. Южакова. Т. XXII.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Коммунистической Академии.

ОТКРЫТА подписка на 1925 год

«Вестник Коммунистической Академии» 3-й год издания.

(Выходит раз в 2 месяца книгами размером в 25 печатных листов). Научно и следоват. лый журнал, входящий в редакцией т. т.: Бухарина Н. И., Милютин В. П., Покровского М. Н., Преображенского Е. А., Крицмана Л. Н., Ротштейна Ф. А., Деборина А. М., Дволайтского Ш. М.

Журнал ставит своей задачей разработку вопросов методологии и исследований отдельных проблем в области общественных и точных наук в свете марксизма. Являясь органом Коммунистической Академии, журнал отражает на своих страницах ее работу, как научно-исследовательского коллектива.

Помимо статей и исследований, в приложениях к журналу дают систематические, библиографические указания по различным вопросам.

Подписка принимается исключительно собственным аппаратом Издательства Академии. В связи с тем, что в прошлом 1924 году, когда издание находилось не в ведении изд. Академии, отмечались недочеты и жалобы, как на несвоевременное печатание, так и на неаккуратную доставку подписчикам Издательством Академии приняты все меры к своевременному печатанию издания и правильно у снабжению подписчиков.

условия подписки: На 12 месяцев (6 книг) 14 руб., на 6 месяцев (3 книги) 7 р 50 коп.

СПИСОК СОТРУДНИКОВ.

Адоратский, В., Аксельрод, А. (Ортодокс), Базаров В., Базыкин, С., Баммель, Г., Бешкин, Г., Богданов, А., Бронский, М., Бухарин, Н., Варяш, А., Вейц, В., Волгин, В., Горев, Б., Дволайтский, Ш., Деборин, А., Дитякин, В., Дрей, М., Дубровский, С., Ерманский, О., Иванов, И., Капелюш, Ф., Каплун, С., Кривцов, С., Крицман, А., Кузовков, Д., Лейкин, Э., Леонтьев, А., Лозовский, С., Луначарский, А., Меерсон, Г., Мещеряков, Н., Милютин, В., Моносов, С., Морозов, Е., Мотылев, В., Нахимсон, М. (Спектатор), Никольский, Ш., Орлов, И., Павлович, М., Пашуканис, Е., Перевезев, В., Покровский, М., Попов, П., Преображенский, Е., Пригожин, А., Разумовский, И., Рейснер, М., Ротштейн, Ф., Рудаш, А., Рязинов, Д., Скавин, Е., Стучка, П., Тальгеймер, А., Тимирязев, А., Троцкий, Л., Тюменев, А., Харзов, Г., Чернышов, В., Удальцов, А., Фриче, В., Швиттау, Г., Шмидт, О., Шпильберг, И.

Адрес Редакции: Знаменка, 11, тел. 1-94-66.

Подписку направлять по адресу: Москва, Знаменка, 10. Главная Контора Издательства Коммунистической Академии. Тел. 1-94-54.

В провинции подписка принимается областными редакторами издательства в городах: Ленинграде, Минске, Ростове-на-Дону, Свердловске, Ново-Николаевске, Ташкенте, Харькове, Оренбурге, Киеве, Иркутске, Самаре, Саратове—и агентами, снабженными соответствующими документами.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
**КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

Москва, Знаменка, 11.

Телеф. 1-94-66.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:
ПО СЕКЦИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.

Стучка, П. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 3-е пересмотренное и дополненное издание. Стр. X+140. Ц. 1 р.
Адоратский, В. О государстве. (К вопросу о методе исследования). Стр. 96. Ц. 50 к. (распродано).
Разумовский, И. Социология и право. Стр. 32. Ц. 15 к. (распродано).
Пшунанис, Е. Общая теория права и марксизм. Стр. 160. Ц. 50 к. (распродано).

Гуравич, Г. Право и нравственность. Стр. 48. Ц. 35 к. (распродано).
Стучка, П. Классовое государство и гражданское право. Стр. 78. Ц. 40 к.

ПО СЕКЦИИ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

Сапронов, Т. Очередные вопросы советского строительства. Стр. 60. Ц. 40 к. (распродано).
Гуравич, Г. История советской конституции. Стр. 216. Ц. 1 р. (распродано).
Михайлов, Г. Подготовка работников по советскому строительству. Стр. 46. Ц. 30 к. (распродано).
Гуравич, Г. Принцип федерализма и автономизма в советской системе. Ц. 50 к.
Ленин, В. О советском строительстве. Составил В. Максимовский. Стр. 423+VIII. Ц. 90 к.

ПО СЕКЦИИ ЭКОНОМИКИ.

Преображенский, Е. Экономические кризисы при НЭП'е. Стр. 51. Ц. 35 к. (распродано).
Иванов, М. Соединенные Штаты и Европа в мировом хозяйстве. Стр. 56. Ц. 35 к. (распродано).
Крицман, Л. Три отзыва о работах представителей современной мелко-буржуазной политической экономии. Ц. 40 к.

**ПО СЕКЦИИ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И РЕВО-
ЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.**

Меницкий, И. Революционное движение военных годов. Том I. Стр. 450. Ц. 3 р. Том II. Стр. 314+III. Ц. 2 р. 50 к. (распродано).
Библиография периодики. Вып. I—IV. Стр. 165. Ц. 1 р.
Легальная социал-демократическая литература в России за 1906—14 г. г. (библиография), под редакцией Г. Бешинна. Стр. 280. Ц. 2 р. 50 к.

ПО КАБИНЕТУ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ.

Лондонская конференция (16 июля—16 августа 1924 г.) со вступительной статьёй К. Радека. Стр. 102+VI. Ц. 90 к.

Наутский, Карл. Марксизм и теория государства в освещении Кунова, пер. с немецк. Ц. 50 к.
В. ЛЕНИН (Ульянов). Теория и практика диалектического материализма. Стр. 658+VIII. Ц. 3 р.
Лукин, И. Парижская коммуна. Изд. 2-е (XXVI), исправленное и дополненное. Стр. 505. Ц. 2 р. 50 к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ
Коммунистическая Академия, Москва, Знаменка, 11.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Коммунистической Академии.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1925 год

на еженедельный журнал **Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета**

„ВЛАСТЬ СОВЕТОВ“.

Редакционная Коллегия журнала утверждена Президиумом ВЦИК в следующем составе: И. М. Варейнис, проф. Г. С. Гуравич, Ф. Т. Иванов, Л. М. Каганович, А. С. Киселев, В. Н. Максимовский, И. А. Меницкий, Г. С. Михайлов.

Ответственный Редактор В. Н. Максимовский.

Программа журнала в общем и целом остается прежней, но значительно расширена применительно к задачам укрепления и оживления советской работы в центре и на местах.

Все декреты и важнейшие распоряжения будут своевременно в сжатом изложении помещаться в журнале.

Вся работа совещания при Президиуме ЦИК СССР по вопросам советского строительства будет освещаться в журнале.

Редакцией журнала „Власть Советов“ будет регулярно (каждые два месяца) выпускаться сборники

„Советское Строительство“

включающие в себя следующие отделы: I—Общие вопросы теории и практики советского строительства. II—Вопросы национально-федерального строительства. III—История советского строительства. IV—Библиография.

Каждый сборник будет объемом до 20 печатных листов (около 300 стр.). Сборники имеют своей задачей обслуживать как практических советских работников, так и преподавателей советского права и советского строительства.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

„Власть Советов“ на 1 год—12 руб., 1/2 года—6 руб., „Советское Строительство“ (6 книг) на 1 год—10 руб., 1/2 года—6 руб., „Власть Советов“ и „Советское Строительство“ вместе на 1 год—20 руб., 1/2 года—11 руб. Подписку направлять по адресу: Москва, Знаменка, 10, Главная Контора Издательства Коммунистической Академии. Телеф. 1-94-54.

В провинции подписка принимается областными представителями Издательства в городах: Ленинграде, Минске, Ростове-на-Дону, Свердловске, Ново-Николаевске, Ташкенте, Харькове, Оренбурге, Киеве, Иркутске, Самаре, Саратове, и агентами, снабженными соответствующими документами.

ТРЕБУЙТЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРОСПЕКТЫ.

Издательство КОМУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Открыта подписка на 1925 год на „НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ“ Ежемесячный журнал.

Под редакцией: т. т. Дубровского С. М., Кришана Л. П., Ларина Ю., Милютина В. П., Теодоровича П. А. и Яковлева Л. П. — Журнал ставит себе целью теоретическую разработку марксизма и ленинизма в аграрном вопросе и борьбу с идеологическими противниками на аграрном фронте.

Журнал особое внимание уделяет изучению развития современной деревни и сельского хозяйства СССР и в других странах, разработке вопросов современного с.-х. строительства и работе партии в деревне.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1. Сельско-хозяйственная политика.
2. Сельско-хозяйственная экономия.
3. Сельско-хозяйственная статистика.
4. История аграрных отношений и аграрной революции в России.
5. Вопросы мирового крестьянства и батрацкого движения.
6. Работа партии в деревне.
7. Обзоры мирового сельского хозяйства в СССР.
8. Уроника.
9. Критика и библиография.

СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА.

Липецкович Н. П., Базыкин С. С., Батурицкий Д. А., Болелький М. П., Биценко А. А., Бронский М. Р., Богданов П. С., Бушинский Б. П., Бухарин Н. И., Варга Е., Вильдо Ю. И., Виноградов А. П., Вишневский Н. М., Волков Е. З., Геринг, Гойхбарг А. Г., Гордеев Е. С., Горман В. Г., Гуров П. Я., Дволайцкий Ш. М., Домбаль Т., Дубровский С. М., Есца В. З., Кастель-Жан, Зиновьев Г. Е., Цанов И., Казини М. И., Каменев Л. Б., Каминский Г. П., Казиков А. С., Каринский В., Кедр А. Е., Козырев М. И., Коларов В., Кржижановский Г. М., Кришан Л. П., Круцкая Н. К., Кузовков Д. В., Кулик В. П., Кушнер Б., Ларин Ю., Лаце М. П., Лежнев-Финьковский П. Я., Лозовой А. П., Лосицкий А. Е., Лядченко П. И., Мартынов А. С., Мархлевский Ю. О., Мещеряков В. П., Мещеряков П. Д., Милютин В. П., Миронин Я. А., Миртов Н. А., Митрофанов А. Х., Молотов В. М., Осинский В. В., Павлов М. П., Першин П. М., Пешер Дж., Петровский Г. И., Покровский М. П., Попов И. И., Преображенский Е. А., Раковский Х. Е., Рау Г., Рено Жан, Рой М., Рудин П. П., Рыков А. И., Сарабянов В. И., Сивдерский А. И., Слепков А. М., Сивляга Н. Т., Смирнов А. П., Соколов В. П., Соколовский Л. С., Сталин П. В., Степанов-Скворцов И. П., Струмпин С. Г., Стучка П. П., Теодорович П. А., Троицкий Л. Д., Тюменев А. И., Ужанский С. А., Шеффер М. Е., Шестаков А. В., Шлахтер, Хадир-Лавев И., Храменко А. П., Цылко Ф. А., Яковлев Я. А., Ярославский Е.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на 1 год 12 руб. с/б, на 6 месяцев 6 руб. с/б, на 3 мес. 3 руб.

„Энциклопедия государства и права“.

Под общей редакцией члена Коммунистической Академии П. И. Стучка.
СЕКЦИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА КОМУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ПРИСТУПАЕТ К ИЗДАНИЮ Э ЦИКЛОПЕДИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.

Цель издания — дать энциклопедический словарь, в котором основные вопросы права и государства впервые подвергнуты революционно-марксистской разработке, при чем все статьи составляются и редактируются исключительно коммунистами. Это последнее обстоятельство подчеркивается потому, что вопросы права и государства только на основе марксистско-ленинского подхода могут получить правильную марксистскую оценку и верное марксистское освещение, свободное от всяких пережитков буржуазной идеологии. Ленинская теория и практика государства и учение о классовом праве должны найти широкую дорогу в пролетарские массы и помочь им бить буржуазию ее же излюбленным оружием — законом-остьем. Но только законодательство революционное. Цель энциклопедии — объединить практические и теоретические задачи, связать практику с теорией и теоретика с практикой. Работа рассчитана на широкие массы и не будет поэтому затронута подробностями. Издание выходит под общей редакцией председателя секции общей теории права и государства Коммунистической Академии П. И. Стучка.

В ИЗДАНИИ БУДУТ СЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛЫ:

1. Теория общества, государства и права — В. Адоратский, В. Макемновский, П. Стучка.
2. История финансового права — П. Рауовский.
3. Международное право — Е. Пашуканис.
4. Государственное право — В. Гурвич, Б. Адмонстративное право — Г. Михайлов, 6 Трудовое право, И. Вейтинский.
7. Уголовное право — А. Фурин.
8. Уголовный процесс — А. Иллариновский.
9. Гражданское право — П. Стучка.
10. Гражданский процесс — С. Прушинский.
11. Финансовое право — Д. Кузовков.
12. Торговая политика — Б. Штейн.

Все издание рассчитано не менее, чем на 50 печатных листов большого формата убористой печати и дв. столбца (свыше 800 страниц). Издание выйдет в начале 1925 года.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ЭНЦИКЛОПЕДИЮ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА с доставкой и пересылкой в обложке — 10 руб., в восьмидесятипятирублевом издании — 12 руб.

Энциклопедия печатается в ограниченном количестве экземпляров, и по выходе в свет цена ее будет значительно повышена.

„Международная Летопись“

Ежемесячный журнал. Под редакцией Ф. А. Ротштейна. Журнал посвящен вопросам международной политики, экономики и права и дает на своих страницах интереснейшую хронику и документацию международных отношений. **УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:** на 1 г. — 15 р., на 6 м — 8 р. В дополнение к плате включена пересылка и доставка. Подписную плату направлять по адресу Москва, Знаменка, 10, Главная контора-Издательство. В провинции подписка принимается областными представителями Издательства в городах: Ленинград, Минск, Ростов-на-Дону, Свердловск, Ново-Николаевск, Ташкенте, Харькове, Оренбурге, Киселе, Иркутске. Самре, Саратове — и агентами, снабженными соответствующими документами. Требуется специальные проспекты и каталоги бесплатно.